МОЛОДЕЖИ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МОЛОДЕЖИ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
О РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 ГОДОВ

Под общей редакцией академика
А. М. Панкратовой

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия"
1955

Составители сборника и авторы вступительных очерков к разделам кандидаты исторических наук
О. А. Блюмфельд, Н. С. Трусова

Рисунок на обложке и заставки художника
В. Щеглова

Нам надо позаботиться,— и кроме нас некому будет позаботиться,— о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...

В. И. ЛЕНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

О первой русской революции рассказал молодежи В. И. Ленин незадолго до начала второй русской революции. Это был замечательный доклад, прочитанный Лениным в Цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи. Перед взорами слушателей проходили воскрешенные Лениным волнующие картины нарастания революции: подписание петиции царю, расстрел рабочих на улицах столицы, мощная волна всенародного протеста, стачки, перерастающие в восстание, партия во главе народной революции...

Ленин считал революции в жизни всех народов вехами громадного исторического значения. Вслед за Марксом Ленин называл революции «локомотивами истории», потому что революции ускоряют ход истории и поднимают общественное развитие на высшую ступень. В то время как реформисты видели в революциях только уклонение от «нормального пути», Ленин называл революции «праздником угнетенных и эксплуатируемых» и требовал направлять «праздничную энергию масс» на то, чтобы двигать революцию вперед.

За время революций миллионы людей учатся в неделю больше, чем в год обычной, сонной жизни. Оценивая историческое значение событий 9 января, Ленин в докладе о революции 1905 года приводил примеры, свидетельствовавшие о том, с какой быстротой растет политическое сознание масс в периоды революций.

Еще за два дня до «кровавого воскресенья» Петр Струве, тогдашний вождь русских либералов, высокомерно заявлял, что «в России еще нет революционного народа». Оппортунисты из II Интернационала называли революционную партию в России «сектой», так как численно она была тогда очень невелика. Но в результате событий 9 (22) января положение резко изменилось: сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Самые отсталые слои рабочих начали понимать, что только революционной борьбой можно завоевать свободу и добиться своих прав.

Великий пролетарский писатель М. Горький, очевидец и участник событий 9 января, под свежим впечатлением царской расправы с народом писал жене, что в момент расстрела на улицах столицы многие рабочие, шедшие в колоннах, еще проявляли «героизм жертв». Горький писал, что рабочие становились под выстрелы, раскрывали груди и

кричали: «Пали! Все равно жить нельзя!» Но в тот же вечер те же рабочие требовали оружия, пытались строить баррикады и кричали: «Долой самодержавие!»

Горький взволнованно писал по поводу этой великой перемены: «Итак, началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренне и серьезно поздравляю. Убитые — да не смущают, — история перекрашивается в новые цвета только кровью».

На кровавое злодеяние царизма пролетариат всей страны ответил стачками солидарности с петербургскими пролетариями. Лозунг петербургского пролетариата «Смерть или свобода!» был подхвачен рабочим классом всей страны. С особенным героизмом боролся против царизма пролетарский авангард, увлекавший за собой на борьбу и миллионные народные массы.

Общее количество бастующих в 1905 году достигло 2 800 тысяч, то-есть в два раза больше общего количества фабричных рабочих России. На основании этих цифр Ленин делал вывод, что в революционную эпоху пролетариат может развить энергию борьбы во много раз большую, чем в обычное время.

Революционная борьба, в которую втягивались народные массы, способствовала их политическому воспитанию, расширяла кругозор, воспитывала волю. Впервые в истории буржуазно-демократических революций пролетариат России выступал как гегемон революции.

В. И. Ленин указывал, что в России рабочий класс страдал не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития. Поэтому рабочий класс был, безусловно, заинтересован в самом широком и самом быстром развитии капитализма; ему было выгодно устранение всех остатков старины. В известном смысле буржуазная революция была более выгодна пролетариату, чем буржуазии.

Обосновывая в ряде работ идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, Ленин раскрыл контрреволюционную роль русской либеральной буржуазии и подверг критике оппортунизм меньшевиков, которые отказывались от гегемонии пролетариата и хотели передать руководство буржуазии на том основании, что революция в России по своему экономическому содержанию была буржуазной. Ленин показал, что в эпоху империализма, когда буржуазия стала уже реакционным и даже контрреволюционным классом, она не может возглавлять действительно массовой борьбы народа с царизмом.

В революциях XVIII—XIX веков в странах Западной Европы буржуазия была еще прогрессивным классом. Капитализм тогда находился на подъеме и развивался по восходящей линии. В эпоху империализма буржуазно-демократическая революция в России могла развиваться только как народная революция. Она могла достигнуть успеха только под руководством рабочего класса. Поэтому по руководящей роли пролетариата и по средствам борьбы русская революция 1905 года была пролетарской революцией. Опираясь на опыт Парижской Коммуны, Ленин пришел к выводу, что пролетариат может завоевать демократическую республику только при помощи революционного восстания народа. Поэтому пролетариат в союзе со всем крестьянством должен добиваться свержения царизма и создания новой государственной власти — революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта диктатура нужна рабочим и крестьянам для того, чтобы сломить сопротивление контрреволюционных классов и довести демократическую революцию до конца. В дальнейшем пролетариат, уже в союзе с беднейшим крестьянством, может в меру силы сознательного и революционного пролетариата начать переход к социалистической революции.

Таким образом, в ходе первой русской революции великий вождь пролетариата В. И. Ленин разработал не только тактику пролетариата, но и заложил основы учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ленин обогатил марксизм новой теорией социалистиче-

ской революции, которая явилась могучим идейным оружием Коммунистической партии в борьбе за победу социализма.

Дальнейший ход буржуазно-демократической революции подтвердил правильность ленинской стратегии и тактики.

Российский пролетариат развернул могучее стачечное движение. Под влиянием стачек усилилось крестьянское движение и поколебалась даже такая прочная опора царизма, как армия и флот. В июне 1905 года произошло восстание на броненосце «Потемкин», которое Ленин оценивал как попытку образования ядра революционной армии. Осенью 1906 года революционным брожением были охвачены многие воинские части на Дальнем Востоке, так как после заключения Портсмутского мира с Японией солдаты требовали немедленной отправки на родину. В районах с преобладающим нерусским населением развернулась национально-освободительная борьба угнетенных народов, которая стала частью общероссийского революционного движения.

Чтобы выиграть время для разгрома революции, царь издал 17 октября свой печально-знаменитый манифест, которым обещал свободу слова, печати, союзов и собраний, а главное — созыв представительного собрания и расширение избирательного права, то-есть сделал конституционные уступки, о которых еще недавно и слушать не хотел. Но это был только маневр. Вместо осуществления обещанных демократических свобод правительство организовало погромы, аресты и убийства рабочих и революционеров.

Рабочие теперь еще больше убедились в том, что без вооруженной борьбы народ не получит свободы. Заранее предвидя необходимость вооруженного восстания, большевики давно уже уделяли большое внимание его подготовке. Они разоблачали буржуазно-оппортунистические иллюзии о возможности мирного пути постепенных реформ и призывали пролетариат к немедленной организации революционной армии, необходимой для народного восстания против царизма. Меньшевики, наоборот, считали восстание ненужным и срывали подготовку восстания. Революционное творчество масс породило новую форму организации революционного пролетариата — Советы, которые должны были стать органом восстания и зачатком революционно-демократической диктатуры народа. Период октябрь—декабрь был высшей точкой русской революции. Весь ход революции приводил к необходимости восстания. Первой выступила Москва.

Ожесточенные бои в декабре 1905 года происходили также и в ряде других городов, как в центре России, так и на окраинах: в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Кавказе, в Прибалтике, на Украине. Главной слабостью этих восстаний была их разрозненность. Когда Москва боролась на баррикадах, Петербург безмолвствовал. Сибирь взялась за оружие тогда, когда восстание в других районах страны было уже разгромлено.

После декабрьского восстания революция пошла на убыль, но еще два года — 1906 и 1907 — революционные рабочие и крестьяне продолжали вести борьбу, отступая с боями.

Первая русская революция имела исключительное значение для всего дальнейшего развития истории России. За три года революции (1905—1907) рабочий класс и крестьянство прошли такую богатую школу политического воспитания, какую вряд ли можно пройти за три десятка лет обычного мирного развития.

Революция показала в действии все классы и партии, раскрыла их стремления, роль и значение в стране. Революция показала особую роль пролетариата, который впервые в истории выступил в качестве вождя буржуазно-демократической революции, возглавив борьбу многомиллионного русского крестьянства. Революция показала, что трудовое крестьянство, несмотря на его колебания, является действительным союзником пролетариата в революции. Укрепление в дальнейшем этого союза было одной из главных предпосылок всех последующих побед пролетариата.

Революция 1905—1907 годов показала, что единственной революционной пролетарской партией, безгранично преданной делу пролетариата, всегда последовательно отстаивающей его интересы, является партия большевиков-коммунистов. Революция показала в то же время, как опасны предатели-меньшевики, без решительной борьбы с которыми не могла быть достигнута победа народа над его угнетателями.

Боевой опыт, приобретенный пролетариатом в революции 1905 года, помог ему победить в восстании 1917 года. Именно поэтому Ленин считал революцию 1905 года генеральной репетицией Октябрьской революции, отнявшей власть в стране у империалистической буржуазии и помещиков, навсегда освободившей народы России от нищеты и угнетения.

Революция 1905—1907 годов имела и огромное международное значение. Она воодушевила рабочих других стран на новую борьбу за демократию и социализм. Она показала, что какие бы временные поражения ни приносила борьба, пролетариат может добиться своих требований только в мужественной и самоотверженной борьбе со своими классовыми врагами.

После революции 1905 года духовно ожили угнетенные народы колоний и полуколоний. Великий пример русских рабочих и крестьян разбудил трудящихся Азии: в Китае началась демократическая революция во главе с Сунь Ят-сеном. Революции в Иране и Турции также происходили под большим влиянием русской революции.

Со времени первой русской революции прошло полвека, и в течение этого полустолетия богатейший опыт революционной борьбы пролетариата России за демократию и социализм был и остается поучительным примером для трудящихся всего мира, борющихся в настоящее время за мир, демократию и социализм.

* * *

Таково краткое содержание важнейших ленинских положений, относящихся к первой русской революции. В свете этих положений составлен и настоящий художественно-публицистический сборник. Он составлен несколько необычно. В него входят и исторические очерки по важнейшим этапам революции, и отрывки из художественных произведений, и воспоминания участников революции, активных деятелей Коммунистической партии в 1905—1907 годах. В совокупности все помещенные в сборнике материалы должны помочь молодым читателям понять причины, движущие силы и особенности развития первой русской революции и ее всемирно-историческое значение. Эта книга должна помочь молодежи лучше оценить подвиг нашей великой партии, которая под руководством В. И. Ленина привела народы нашей страны к полной победе над царизмом и капитализмом.

А. Панкратова

...В революционную эпоху,— я утверждаю это без всякого преувеличения, на основании самых точных данных русской истории,— пролетариат ***может*** *развить энергию борьбы* ***во сто раз*** *большую, чем в обычное спокойное время. Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!*

В. И. ЛЕНИН

I

ПЕРЕД БУРЕЙ

Революция 1905—1907 годов в России была первой народной революцией эпохи империализма. Она подняла к участию в историческом творчестве гигантские народные массы, пробудила их к политической жизни и борьбе, расширила их кругозор, закалила их волю. В этой революции, плечом к плечу с русским рабочим классом и крестьянством, рабочие и крестьяне всех национальностей нашей страны вели борьбу против своих общих врагов — царизма, помещиков и капиталистов.

Руководящей силой первой русской революции был рабочий класс. В революционных боях 1905—1907 годов он заложил основы своего союза с крестьянством и создал ту несокрушимую общественную силу, которая в 1917 году свергла власть помещиков и капиталистов, проложив народам нашей страны путь к социализму.

Первая русская революция стала «генеральной репетицией» Великой Октябрьской социалистической революции.

Первая русская революция открыла новую страницу во всемирной истории — эпоху глубочайших политических потрясений и революционных бурь, положив начало подъему рабочего движения в Европе и национально-освободительному движению угнетенных народов Азии.

Во главе революционного народа нашей страны выступил боевой авангард русского рабочего класса — подлинно марксистская партия, созданная великим Лениным, партия нового типа, ныне Коммунистическая партия Советского Союза.

* * *

Царская Россия в конце XIX века переживала период промышленного подъема: строились железные дороги, в том числе великий сибирский путь, связавший Европейскую Россию с Дальним Востоком, появлялись новые заводы, железные рудники, каменноугольные шахты. Ширились старые промышленные центры, вырастали новые.

К началу XX века в нашей стране отчетливо наметилось восемь промышленных районов: Московский, где преобладали текстильные фабрики; Петербургский — с большими металлообрабатывающими и машиностроительными заводами, с текстильными фабриками; Польский, где быстро росла текстильная и железоделательная промышленность, а в Домбровском районе добывался каменный уголь; Криворожско-Донецкий район на Украине с шахтами, рудниками, металлургическими и химическими предприятиями; Уральский горнометаллургический район; Бакинский нефтяной район; Юго-Западный район с основным производством сахарной свеклы; Закавказский район с добычей каменного угля и марганца в Тквибули и Чиатурах, с важными черноморскими портами в Батуме и Поти, с крупным железнодорожным узлом в Тифлисе.

В этих районах находилась главным образом крупная капиталистическая промышленность, здесь же было сосредоточено более половины всех рабочих страны.

Однако развитие капитализма в России тормозилось феодально-крепостническими пережитками в экономике и политическом строе, главными из которых были царское самодержавие и помещичье землевладение. Пережитки крепостничества налагали отпечаток на всю общественную жизнь страны и порождали самые бесчеловечные формы эксплуатации рабочих.

На текстильных фабриках рабочий день доходил до 17—18 часов в сутки. Работа шла большей частью на устарелых машинах, в грязных, сырых помещениях. Многие рабочие жили далеко от места работы и нередко оставались на ночь на фабрике; тогда им приходилось спать прямо на полу, в пыли, между машинами. Там же, где имелись общежития — казармы, рабочие жили в тесноте и грязи, по нескольку семей в одной каморке, под придирчивым надзором старост и городовых.

Изнурительная работа, недоедание, антисанитария вели к тому, что многие рабочие и работницы болели туберкулезом и другими тяжелыми болезнями, которые назывались «социальными», то-есть происходящими от

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ В ГАЗЕТУ «ИСКРА»

Из Богородска (Моск. губ.) нам пишет местный рабочий: [1]

Есть, конечно, в России рабочие центры, как-то: С.-Петербург, Москва, Варшава, Киев, Харьков, где рабочие живут культурной жизнью, где социализм находит себе пути, улицы и проулки к жилищам рабочих; там есть много сознательных рабочих, и они делают свое дело, которое становится все тверже и могучее. Там есть интеллигенция, которая способствует этому движению... Но есть еще в России такие рабочие центры, куда прямые пути для социализма затруднены, где культурная жизнь искусственно и усиленно задавливается. Там рабочие живут безо всяких культурных потребностей, и для их развлечения достаточна одна водка, продаваемая хозяином (теперь казенная монополька) да балалаечник или плясун из рабочих. Такие места напоминают стоячую воду в небольшом озере, где вода цветет, и цвет садится на дно, образуя вязкую грязь, которая втягивает в себя все, что на нее попадет.

К такой категории можно причислить и Глуховскую мануфактуру (около Богородска). Тут культурной жизни почти нет и трудно ей на первых порах упрочиться, если только удастся зародиться. Интеллигенция тут отсутствует (употребляю слово «интеллигенция» условно: чиновники и т. п. с цензом образования не есть еще интеллигенция, это только глаженая, клейменая публика — «благонадежный»), рабочие культурные очень редки, а чуть который начинает чувствовать гнет, то выбывает; поднадзорный сюда попасть не может, а потому никакой литературы тут нет, ни легальной, ни нелегальной. Если рабочий попадет сюда из большого города и вздумает вести пропаганду, то он скоро навлечет на себя внимание администрации, а она дела вершит скорее полевого суда: немедленно рассчитывает и удаляет из хозяйских помещений. Мы хотим здесь описать эти самые хозяйские помещения.

Наш фабрикант Захар Морозов содержит мужскую (холостую) артель — человек 800, да такую же женскую; сверх того казармы для семейных. Артель (мужская) занимает целую трехэтажную казарму. Хотя помещение и отапливается паром, и есть там и вентиляция, но это мало может улучшить положение рабочих. Размещены рабочие настолько тесно, что такой тесноты нельзя встретить ни в солдатской казарме, ни в больнице, ни в тюрьме. Кровать широкая в 2 арш. — по середине вдоль разделена высокой доской, что служит границей для каждого; на ней два тюфяка или два набитых мешка. В общем, в каждом отделении помещается больше ста человек. Расстояние между кроватями 1 арш., около головы стоит маленький стол, в нем два ящика, в которые владельцы кладут свою одежду, чай и сахар. Сундуки имеются не у всех. Табуреток, стульев или скамеек нет совершенно, и сидеть можно только на кровати. Если рабочие в сборе, то в каждом месте образуется 4 го-

[1] Корреспонденция написана И. В. Бабушкиным.

условий общественной жизни. Среди населения рабочих окраин, особенно среди детей, смертность была очень велика.

Рабочие-металлисты зарабатывали больше текстильщиков и жили несколько лучше. Но работа на заводах требовала и больше физической силы и более высокой квалификации.

На крупных предприятиях рабочий день фактически продолжался 14—15 часов [1]. Кроме того, очень часто назначались сверхурочные работы. К концу дневной смены мастер вывешивал объявление: «Сегодня полночь работать от 7 час. вечера до 10 с половиной час. вечера», или: «Сегодня ночь работать от 7 с половиной час. вечера до 2 с половиной час. ночи». Отказываться от сверхурочных не разрешалось, и вырабатывать приходилось тогда по 35—45 дней в месяц. Как говорили рабочие, в месяце получалось дней больше, «чем у самого господа бога».

Питерский рабочий-большевик Иван Васильевич Бабушкин вспоминал, как, изнемогая от сверхурочных на металлическом заводе Семянникова, он по дороге домой засыпал на ходу и натыкался на встречные предметы. «Откроешь глаза, и опять идешь, и опять засыпаешь, и видишь сон, как будто плывешь на лодке по Неве и ударяешься носом о берег».

Принудительные сверхурочные работы не оставляли человеку времени для отдыха и подрывали его здоровье.

Особенно тяжелы были условия труда на рудниках и шахтах. Никакой механизации подземных работ не существовало. Под землей работали вручную, без должного освещения, без вентиляции, без соблюдения правил безопасности. За свой нечеловеческий труд получали нищенскую плату, жили в лачугах, ели впроголодь, заливая нужду и горе вином. Шахтеры считались людьми несокрушимыми, но тяжелый труд быстро изнашивал их, превращая к 40—45 годам в стариков и инвалидов.

Широко применявшаяся капиталистами система штрафов урезала и без того скудный заработок рабочих.

Так было в Москве и Петербурге, в Поволжье и на Украине, в Домбровском бассейне и в Закавказье, на фабриках и заводах, на шахтах, рудниках, нефтеразработках.

О жизни рабочих в царской России ярко рассказывают приводимые в этом сборнике отрывки из произведений А. М. Горького, А. С. Серафимовича и других писателей.

[1] По закону 1897 года рабочий день должен был продолжаться в будни 11 с половиной часов, а накануне праздников — 10 часов.

ловы и разговаривать нет возможности, чтобы не слышали соседи.

Помещение в казармах считается бесплатным, но за него производится вычет в размере 2 коп. с заработанного рубля и 3 коп. — для семейных.

В безобразном состоянии находятся в казармах отхожие места, не отделенные от жилых помещений капитальной стеной. В нижнем этаже, рядом с отхожим местом, находится столовая. Так как чистку отхожих мест компания старается производить возможно реже, то можно представить себе, как отражается на столовой такое соседство.

В 1899 г. рабочие потребовали себе более свободного помещения в казармах. Компания согласилась и вывесила табель, в которой было показано нормальное кубическое содержание воздуха на одного человека (одна сажень). Но приведя это в порядок, компания вскоре удалила человек 60 «недовольных» из среды рабочих, и после того норма, указанная в табели, была опять нарушена.

Казармы для семейных состоят из небольших комнат, в которых помещается по 4—5 семейств, душ по 13—15. Казармы очень грязны, и компания заставляет рабочих оклеивать комнаты обоями за свой счет. В Александровской казарме, высотой с обычный трехэтажный дом, сделано пять этажей, из которых первый более чем наполовину под землей, а пятый представляет простой чердак. В июле этого года компания принялась за ремонт этих казарм, причем работа производилась так умело, что 13 июля ярус второго этажа рухнул, покрывая собою спящих внизу и увлекая верхних. Мне пришлось видеть, как одна женщина с грудным ребенком еле вылезла из-под балагана, в другом месте вылезал мужчина, держась за окровавленную голову. Дольше нельзя было смотреть: нужно было торопиться на фабрику.

Харчи в казармах ужасно скверные, и человеку, пожившему в большом городе или в семье на фабрике, противно даже итти на кухню; часто голодный продолжает голодать, но воздерживается итти обедать. А между тем харчи обходятся очень дорого. На всяком продукте Захар Морозов наживает 25—30%. Беря с нас по 2 коп. с рубля за помещение, Морозов наживает в год с одной мужской артели 2.300 руб., да на харчах в месяц с человека по 1 руб., всего в год 9.600 руб., итого с одной мужской артели он взимает круглым счетом около 12.000 руб. Когда в 1899 г. мужская артель вознегодовала на харчи, требуя их улучшения и чтобы припасы покупались не в хозяйской лавке, то хозяин кричал рабочим: «Я нарушу жилое помещение, уходите тогда на вольные квартиры».

Харчами заведуют двое старост; когда-то они были избраны на эту должность и продолжают на этом основании оставаться старостами, хотя рабочие ими очень недовольны. Когда недавно трое рабочих заявили неудовольствие против старост, то все трое были тотчас же уволены.

(«Искра» № 8, от 10 сентября 1901 года)

В таких же тяжелых условиях жили и крестьяне дореволюционной России. Освобожденные от крепостной зависимости крестьяне фактически оставались в кабале у помещиков, которым принадлежали огромные земельные владения.

Помещики Балашовы, например, держали в своих руках 300 тысяч десятин земли в Уфимской, Нижегородской, Московской и Киевской губерниях. Князю Абамелек-Лазареву принадлежало, главным образом на Урале, более 900 тысяч десятин. Владения помещиков Голицыных в Пермской, Вятской, Московской, Ярославской, Тульской, Тверской и Рязанской губерниях составляли миллионы десятин. Богатства графов Шереметевых были разбросаны по всей России. Им принадлежали известные подмосковные усадьбы-дворцы Останкино, Кусково, Астафьево, Михайловское. В имении «Серебряные пруды» Веневского уезда Тульской губернии у Шереметевых было молочное хозяйство, племенное коневодство и винокуренные заводы, в селе Баланда Аткарского уезда Саратовской губернии — конный завод и племенное овцеводство, в имении Карданах Сигнахского уезда Тифлисской губернии — сотни десятин виноградников. Самым крупным землевладельцем России был император Николай II: царской фамилии принадлежали миллионы десятин земли.

В то же самое время массы крестьян жестоко страдали от малоземелья.

По подсчетам Ленина, накануне революции 1905—1907 годов в Европейской России 10,5 миллиона разоренных и придавленных эксплуатацией крестьян имели в своем распоряжении 75 миллионов десятин земли, а 30 тысяч дворянских семей владели в то же самое время 70 миллионами десятин земли. В среднем на каждое поместье приходилось 2 227 десятин, тогда как от 24 до 30 миллионов крестьян владели мизерными, плохими по качеству клочками земли.

«Куренка выпустить некуда», — образно говорили крестьяне центральных губерний о своих ничтожных земельных наделах. «И комарю попастысь нигде», — горько иронизировали над своими участками земли крестьяне Киевщины, Полтавщины, Харьковщины.

Не имея возможности прокормиться со своей земли, крестьяне были вынуждены обрабатывать помещичью землю в качестве батраков или арендаторов. В центральных губерниях нашей страны широко практиковалась «отработочная» система земледелия. Это значило, что крестьянин обрабатывал помещичье (или кулацкое) поле на своей лошади и своим инвентарем частью за деньги, частью за половину урожая, за право пасти скот на лучшем пастбище, за зимнюю ссуду, наконец в погашение штрафа «за потраву». Отработки были пережитком крепостничества и держали крестьянина в постоянной кабале у помещика. Перед революцией 1905—1907 годов почти в половине губерний Европейской России отработочная система преобладала, и выходило, что крестьянин живет в деревне как бы для того, чтобы обеспечить помещику рабочие руки. При этом обработка земли устарелыми крестьянскими орудиями, на заморенных крестьянских лошадях неизбежно вела к общему падению урожайности в стране.

Таким образом, помещичье землевладение было главной причиной отсталости сельского хозяйства. А отсталость сельского хозяйства, удерживая в нищете огромные массы крестьянства, мешала развитию промышленности и тормозила общее развитие страны.

В деревне постоянно повторялись голодовки. Голод был не только стихийным бедствием, — он усиливал также кабальные отношения в деревне: занимая деньги или хлеб под будущий урожай, неимущий крестьянин вынужден был затем продавать свой труд помещику и кулаку по заведомо сниженной цене.

Возрастающие налоги, распродажа последнего имущества за недоимки вконец разоряли крестьянское хозяйство. Разорившиеся крестьяне вынуждены были искать заработков на стороне и шли в города, пополняя ряды промышленного пролетариата.

Рабочие и крестьяне царской России страдали не только от эксплуатации помещиков и капиталистов, их угнетало полное политическое бесправие и произвол самодержавия. Царские чиновники, жандармы, полицейские жестоко притесняли народные массы.

Двойному гнету подвергалось население национальных окраин нашей страны: его эксплуатировали и «свои» и русские помещики и капиталисты. Царское правительство разжигало вражду и национальную рознь между народами России, натравливало один народ на другой. Царизм проводил политику насильственной руссификации нерусских национальностей, подавлял их

национальную культуру, чтобы держать массы в темноте и покорности.

В то же время в России усиливалось влияние иностранного капитала, которому принадлежала большая часть предприятий металлургической, нефтяной, химической промышленности нашей страны. Извлекая максимальную прибыль, иностранные капиталисты увеличивали разорение и обнищание трудящихся царской России.

Сочетание всех видов гнета — помещичьего, капиталистического, национального— с полицейским деспотизмом самодержавия делало невыносимым положение широких народных масс и вызывало острые социальные противоречия. Коренные потребности всего общественного развития страны, насущные интересы народов России требовали свержения самодержавия и уничтожения помещичьего землевладения. Разрешить эти задачи могла только народная революция, руководимая пролетариатом. По своему объективному содержанию нараставшая в стране революция была буржуазно-демократической, но ее движущими силами были пролетариат и крестьянство.

Развитие капитализма вызывало рост рабочего класса; развивалось и классовое сознание пролетариата. Уже в конце XIX века рабочее движение стало важным фактором в политической жизни нашей страны. Стачки и массовые политические выступления закаляли рабочий класс России для революционной борьбы против самодержавия и капитализма.

В девяностых годах на заводах и фабриках Петербурга, Риги, Варшавы, Харькова, Иваново-Вознесенска, Шуи, Лодзи, на шахтах и рудниках Донбасса и Домбровского бассейна в стачках участвовало свыше 200 тысяч рабочих. Но эти стачки были лишь отдельными вспышками возмущения, возникавшими стихийно по тому или иному поводу. У рабочих не было еще сознания непримиримой противоположности их интересов всему самодержавному и капиталистическому строю. Нужна была политическая партия, которая могла бы возглавить рабочее движение, внести в него сознательность, указать ему его настоящую цель, воспитать в рабочем классе пролетарскую солидарность и веру в собственные силы.

Нужна была революционная партия пролетариата, вооруженная передовой теорией— марксизмом.

Социал-демократические кружки начала девяностых годов действовали разрозненно, без общего руководства, без программы. Но вот осенью 1893 года в Петербург приехал 23-летний Владимир Ильич Ленин.

Первые же выступления Ленина в подпольных кружках произвели на их участников сильное впечатление. Глубокое знание трудов Маркса и Энгельса, умение творчески применить марксизм к условиям России, несокрушимая вера в победу рабочего класса и организаторский талант — все это сразу сделало Ленина признанным руководителем петербургских марксистов.

Ленин предложил вместо пропаганды марксизма в кружках, среди отдельных передовых рабочих, начать политическую агитацию в широких рабочих массах. Все рабочие марксистские кружки в Петербурге слились в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — зародыш пролетарской партии в России.

Петербургский «Союз борьбы» откликался на стачки рабочих; он выпускал листовки, прокламации, в которых не только поддерживал рабочие требования, но разоблачал хозяев и администрацию, будил мысль рабочих, прививал им политическое сознание. Руководимый Лениным «Союз борьбы» связал борьбу рабочих за их экономические интересы с политической борьбой против царизма, соединяя социализм с рабочим движением.

В первых же своих работах В. И. Ленин показал историческую роль рабочего класса России в революционно-освободительной борьбе против царизма, помещиков и буржуазии и предсказал, что русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции.

В декабре 1895 года Ленин и его ближайшие товарищи были арестованы и после тюремного заключения высланы в Сибирь. Но пример петербургского «Союза борьбы» уже подхватили марксистские кружки в Москве, Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме, Харькове и других городах, где также появились «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса».

Ряд «Союзов борьбы» созвал в 1898 году съезд, который провозгласил создание российской социал-демократической рабочей партии. Но провозглашение партии еще не означало ее создания.

Историческая задача сплочения русских

социал-демократических организаций, преодоления ими шатаний и разброда в собственных рядах была выполнена через несколько лет В. И. Лениным с помощью организованной им общерусской марксистской газеты «Искра».

В годы сибирской ссылки Ленин разработал свой исторический план создания партии. Ленин видел, что в условиях империализма нужна рабочая партия нового типа — боевая, сплоченная, строго централизованная, способная не только возглавить борьбу рабочего класса за его частные интересы, но и сделать его гегемоном, руководителем революции. План Ленина состоял в том, чтобы с помощью общерусской политической газеты воспитать стойкие кадры профессиональных революционеров и сплотить их в партию с ясной программой, твердой тактикой, единой волей.

Такой газетой и явилась ленинская «Искра», начавшая выходить в Женеве в 1900 году.

В редакцию «Искры» вошло шесть человек, в том числе Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Секретарем редакции была Н. К. Крупская. Фактически главным редактором и руководителем «Искры» стал Ленин. Он выступал в газете со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы, откликался на важнейшие события международной жизни, неустанно боролся за чистоту марксизма против его явных и тайных врагов. Ленин так сумел поставить работу корреспондентов «Искры», что редакция своевременно получала полные и правильные сведения о всей общественной жизни России.

Вокруг «Искры» Ленин сплотил боевое ядро партии — бесстрашных и мужественных профессиональных революционеров, посвятивших всю свою жизнь борьбе за освобождение трудящихся. Это были такие выдающиеся деятели нашей партии, как И. В. Бабушкин, Н. Э. Бауман, А. И. Елизарова, Р. С. Землячка, М. И. Калинин, Г. М. Кржижановский, Е. Д. Стасова и другие революционеры. В условиях постоянных преследований царизма профессиональные революционеры, не боясь ни тюрем, ни ссылок, ни каторги, несли учение марксизма в пролетарские массы, готовили рабочий класс к грядущей революции.

Отрывки из воспоминаний старых революционеров-большевиков, публикуемые в этой книге, дают представление о деятельности нашей партии в годы подполья.

На страницах «Искры» и в своих работах В. И. Ленин разрабатывал идеологические и организационные основы марксистской партии, закладывал фундамент той революционной пролетарской партии России, которая была создана в 1903 году на II съезде РСДРП.

Создание пролетарской партии имело громадное значение для судьбы русского революционного рабочего движения.

* * *

В 1900—1903 годах крупнейшие страны мира охватил промышленный кризис. В России он принял особенно острую форму. Погасли десятки доменных печей, закрылись тысячи предприятий, многие фабрики и заводы перешли на сокращенную рабочую неделю. Газеты сообщали о падении курса ценных бумаг, о новых и новых банкротствах. Свыше 100 тысяч рабочих оказались без работы.

В Харькове, Екатеринославе, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Баку и других промышленных центрах скопились массы безработных. Орехово-Зуево под Москвой не могло вместить всех ищущих заработка. В Самаре и Астрахани «босяки», как их называла буржуазия, переполняли ночлежки. Среди безработных вспыхнули эпидемии. Нужда и голод стучались в двери рабочих поселков. Полиция тысячами высылала безработных на родину — в разоренные, голодные деревни.

Кризис и безработица еще более обострили классовые противоречия в стране. Уже в начале девятисотых годов пролетариат России перешел к открытой политической борьбе — демонстрациям, политическим стачкам, массовым собраниям. В России чувствовалась близость революции.

Новое столетие началось с того, что царское правительство, словно бросая вызов общественному мнению, приказало отдать в солдаты за неповиновение начальству около двухсот студентов Киевского университета. Ленин писал в «Искре», что все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов правительства. Волнение охватило все университетские города. На Казанской площади в Петербурге состоялась большая рабочая и студенческая демонстрация. Ее разогнали пьяные казаки, зверски избивавшие демонстрантов нагайками.

Два месяца спустя произошло событие, вошедшее в историю революционного дви-

жения под названием «Обуховская оборона». На казенном Обуховском заводе в Петербурге подпольный социал-демократический кружок организовал первомайскую стачку. Администрация бросила против стачечников вооруженную заводскую охрану и жандармов. Произошло побоище. В рабочих стреляли, они осыпали своих противников градом камней. Девушки и подростки во главе с 18-летней работницей Марфушей Яковлевой выламывали камни из мостовой и подносили их своим братьям, отцам и товарищам. Это был первый в России баррикадный бой рабочих с солдатами и полицией.

Обуховские события стали известны и в нашей стране и за границей. В Петербурге, в знак солидарности с обуховцами, забастовал ряд заводов. В статье, посвященной Обуховской обороне, Ленин писал: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!»

В марте 1902 года на Кавказе произошла Батумская демонстрация, которой руководил И. В. Сталин.

Вступив в революционное движение 15-летним юношей и познакомившись затем с работами Ленина, Сталин стал убежденным и непоколебимым ленинцем, профессиональным революционером. Направленный искровской организацией Тифлиса для подпольной работы в Батум, Сталин организовал здесь ряд стачек на нефтеперегонных заводах, наладил работу подпольной типографии, сам писал и печатал листовки.

Стачки в Батуме переросли в уличную демонстрацию, к которой примкнули рабочие порта, железной дороги и других предприятий. Демонстрантам пришлось столкнуться с полицией и войсками. Произошли массовые аресты. Был арестован и Сталин.

«...Пусть уличные демонстрации не дают нам прямых результатов, — писал Сталин в подпольной грузинской газете «Брдзола», — пусть сила демонстрантов сегодня ещё очень слаба для того, чтобы этой силой вынудить власть немедленно же пойти на уступки народным требованиям, — жертвы, приносимые нами сегодня в уличных демонстрациях, сторицей будут возмещены нам. Каждый павший в борьбе или вырванный из нашего лагеря борец подымает сотни новых борцов. Мы пока еще не раз будем биты на улице, еще не раз выйдет правительство победителем из уличных боев. Но это будет «пиррова победа». Еще несколько таких побед — и поражение абсолютизма неминуемо. Сегодняшней победой он готовит себе поражение. И мы, твердо убежденные в том, что этот день наступит, что этот день недалек, идем под удары нагаек для того, чтобы сеять семена политической агитации и социализма».

В Харькове, Баку, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Саратове в 1902 году произошли первомайские рабочие демонстрации. Первомайская демонстрация в Сормове, которой руководили рабочие Заломов, Быков и другие, вдохновила А. М. Горького на повесть «Мать», где впервые в истории мировой литературы был дан образ рабочего-коммуниста.

Осенью грянула стачка, охватившая ряд промышленных районов Юга. Особенно бурно она протекала в Ростове-на-Дону.

Сначала здесь забастовали рабочие мастерских Владикавказской железной дороги, затем в стачку втянулись десятки тысяч рабочих Ростова и его окрестностей. В предместье города — Темернике и в Плугатыревской балке шли открытые массовые собрания и митинги. Стачкой руководил Донской комитет РСДРП искровского направления. Правительство пустило в ход военную силу. Произошло несколько кровавых столкновений, а затем массовые аресты и высылка сотен рабочих в Сибирь.

Ленин писал по поводу Ростовской стачки, что в ней русские рабочие впервые противопоставили себя как класс всем остальным классам и царскому правительству.

Под влиянием рабочего движения весной 1902 года в нескольких уездах Полтавской и Харьковской губерний вспыхнули крестьянские волнения. В 1901 году в этих губерниях был недород хлеба и неурожай овощей, капусты, картофеля. Уже с осени крестьяне составляли общественные приговоры о неурожае и подавали их начальству, ожидая помощи, но приговоры лежали без движения. Недовольство голодных крестьян росло с каждым днем.

В апреле 1902 года прокурор Харьковской судебной палаты шифрованной телеграммой донес в Петербург, что в Полтавском и Константиноградском уездах ограблены десятки экономий, были случаи поджогов. Помещики в страхе бежали в город.

Теперь начальство быстро зашевелилось. Началась расправа. «Надо было бунт усмирять, а разбираться, кто прав, кто виноват, было некогда», — писал посланный на место происшествия царский чиновник. Около тысячи крестьян было отдано под

суд; оставшиеся на свободе под угрозой новой порки и штыков выносили «покаянные» общественные приговоры, где обещали впредь повиноваться начальству.

Однако только поверхностному наблюдателю могло казаться, что жизнь загнали в старое русло.

Общественное движение в стране росло. Стали проявлять недовольство правительством даже либеральные буржуа и помещики, сидевшие в земствах. Обе эти группы либералов боялись и «крайностей» царизма, и «крайностей» революции. С помощью рабочего и крестьянского движения они хотели добиться конституционных уступок от самодержавия, а с помощью самодержавия обуздать революцию.

В 1903 году стачечное движение еще более усилилось. Весной забастовали рабочие казенного орудийного завода в Златоусте, их «усмирили» вызванные губернатором войска, оставив десятки убитых и раненых. В Томске, Сормове, Смоленске, Туле, в крупных городах Кавказа прошли первомайские рабочие стачки и демонстрации.

В июле началась стачка в Одессе, послужившая началом широкого движения рабочих всего Юга России. Движение приняло резко революционный характер. В Баку, Тифлисе, Батуме произошли всеобщие стачки. Несколько дней спустя разгорелась всеобщая стачка в портовом и судостроительном городе Николаеве. Она сопровождалась массовыми рабочими демонстрациями и кровавыми столкновениями с полицией. В знак сочувствия рабочим Юга забастовали рабочие Киева, и здесь последовали демонстрации и столкновения с войсками. В Харькове, в связи с событиями на Юге, состоялась массовая рабочая сходка. Ее разогнали казаки. Два дня спустя последовала всеобщая стачка рабочих Елисаветграда, неделю спустя — всеобщая стачка рабочих Екатеринослава.

Всюду царские власти пускали в ход нагайки и оружие, рабочих массами сажали в тюрьмы или высылали в «места отдаленные». Однако ни запугать, ни раздавить рабочее движение было уже невозможно.

События в России привлекли внимание пролетариата Западной Европы. Осенью 1903 года, когда Николай II отправился в заграничное «путешествие», его приезд в Вену вызвал негодование австрийских рабочих, а протесты итальянских социалистов сорвали предполагавшееся посещение Николаем II Италии.

Революционное брожение в России росло. Рабочие писали в это время в «Искру»: «...Рабочий народ теперь уже легко может загореться — уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар... Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать».

Так в начале XX века в России назрела буржуазно-демократическая революция. Налицо была реальная сила, способная совершить революцию, — рабочий класс, руководимый революционной марксистской партией. Рабочий класс был кровно заинтересован в победе этой революции, потому что только революционным путем он мог добиться демократических свобод, укрепить свои организации, приобрести опыт и навыки руководства трудящимися, начать борьбу за завоевание политической власти и перейти затем к борьбе за социализм.

Естественным союзником пролетариата в революции могло стать многомиллионное крестьянство, так как добиться уничтожения помещичьего землевладения и демократических реформ оно могло только революционным путем.

Большевики шли навстречу классовым битвам, вооруженные марксистской программой, которая выражала как ближайшие задачи пролетариата в буржуазно-демократической революции, так и его коренные задачи, рассчитанные на победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата.

Всем ходом развития русский рабочий класс, руководимый большевиками, выдвигался в авангард международного рабочего движения. Центр мирового революционного движения перемещался в Россию.

Развязывание революции в России ускорила русско-японская война — одна из первых войн эпохи империализма.

Русско-японская война возникла в результате столкновения интересов великих держав, стремившихся захватить Корею, разделить Китай и установить свое господство в районе Тихого океана. Царизму была нужна «маленькая победоносная война», как заявлял министр внутренних дел Плеве, которая дала бы ему возможность обеспечить буржуазию новыми рынками и тем самым крепче привязать ее к царскому трону. Еще больше война нужна была царизму, чтобы отвлечь широкие народные массы от революционных выступлений, пресечь революцию.

Но царская Россия к войне не была готова. Войск на Дальнем Востоке было мало, и те оказались разбросанными на большом пространстве. Не законченная у Байкала железная дорога задерживала военные перевозки. Ни применяться к местности, ни маскироваться русских солдат не учили, им не выдали даже защитного обмундирования, и при обстреле они представляли для врага отчетливую цель. В русской армии не было ни горной артиллерии (очень важной в условиях Дальнего Востока), ни пулеметов, которые были у противника.

Война началась нападением Японии на русскую крепость Порт-Артур 27 января 1904 года. Япония тщательно готовилась к войне: она заключила военный союз с Англией (боявшейся усиления России на Дальнем Востоке) и заручилась сочувствием США; создала значительную армию и сильный флот, обученные европейскими инструкторами; вооружила войска по последнему слову техники и наводнила Россию шпионами.

Военные действия, в основном, протекали в Маньчжурии, районы которой не были заблаговременно изучены русским командованием, поэтому на каждом шагу русские войска встречались с неожиданностями, попадали в положение отрезанных или окруженных. Стойкость и мужество русских солдат не могли изменить общего хода войны.

Война не оправдала расчетов царского правительства: бездарные и продажные царские генералы проигрывали одно сражение за другим. В мае 1904 года русские войска оставили порт Дальний, в июне проиграли бой у железнодорожной станции Вафангоу, в августе — сражение под Ляояном. В декабре комендант Порт-Артура Стессель предательски сдал крепость неприятелю. В феврале 1905 года Куропаткин проиграл большое сражение под Мукденом. В мае шедшая на помощь своим войскам русская балтийская эскадра погибла в бою при острове Цусима.

Война была проиграна и на суше и на море. Военная мощь самодержавия оказалась призрачной. Военный крах его знаменовал начало глубокого политического кризиса.

Конец 1904 года проходил в обстановке нарастающей революции. В Петербурге, Москве, Харькове, Казани, Риге состоялись студенческие демонстрации против войны. Рабочие накапливали силы, готовились к открытым уличным демонстрациям и революционным битвам.

В Баку в декабре 1904 года под руководством Бакинского комитета РСДРП три недели длилась стачка на промыслах и заводах. Бастовали русские, армяне, грузины, татары, персы. Жизнь в Баку остановилась, газеты не выходили по нескольку дней, рабочие вступали в стычки с полицией и казаками. Стачка закончилась победой рабочих, предприниматели пошли на уступки.

Таков был канун грозного 1905 года. Над страной сверкали молнии приближающейся революционной грозы.

М. ГОРЬКИЙ

МАТЬ

Отрывок из повести

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы. В холодном сумраке они шли по немощеной улице к высоким каменным клеткам фабрики, она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грязную дорогу десятками жирных, квадратных глаз. Грязь чмокала под ногами. Раздавались хриплые восклицания сонных голосов, грубая ругань зло рвала воздух, а встречу людям плыли иные звуки — тяжелая возня машин, ворчание пара. Угрюмо и строго маячили высокие черные трубы, поднимаясь над слободкой, как толстые палки.

Вечером, когда садилось солнце и на стеклах домов устало блестели его красные лучи, — фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам, закопченные, с черными лицами, распространяя в воздухе липкий запах машинного масла, блестя голодными зубами. Теперь в их голосах звучало оживление и даже радость, — на сегодня кончилась каторга труда, дома ждал ужин и отдых.

День проглочен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День бесследно

вычеркнут из жизни, человек сделал еще шаг к своей могиле, но он видел близко перед собой наслаждение отдыха, радости дымного кабака и — был доволен.

По праздникам спали часов до десяти, потом люди солидные и женатые одевались в свое лучшее платье и шли слушать обедню, попутно ругая молодежь за ее равнодушие к церкви. Из церкви возвращались домой, ели пироги и снова ложились спать — до вечера.

Усталость, накопленная годами, лишала людей аппетита, и для того, чтобы есть, много пили, раздражая желудок острыми ожогами водки.

Вечером лениво гуляли по улицам, и тот, кто имел галоши, надевал их, если даже было сухо, а имея дождевой зонтик, носил его с собою, хотя бы светило солнце.

Встречаясь друг с другом, говорили о фабрике, о машинах, ругали мастеров, — говорили и думали только о том, что связано с работой. Одинокие искры неумелой, бессильной мысли едва мерцали в скучном однообразии дней. Возвращаясь домой, ссорились с женами и часто били их, не щадя кулаков. Молодежь сидела в трактирах или устраивала вечеринки друг у друга, играла на гармониках, пела похабные, некрасивые песни, танцовала, сквернословила и пила. Истомленные трудом люди пьянели быстро, и во всех грудях пробуждалось непонятное, болезненное раздражение. Оно требовало выхода. И, цепко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди, из-за пустяков, бросались друг на друга с озлоблением зверей. Возникали кровавые драки. Порою они кончались тяжкими увечьями, изредка — убийством.

В отношениях людей всего больше было чувства подстерегающей злобы, оно было такое же застарелое, как и неизлечимая усталость мускулов. Люди рождались с этой болезнью души, наследуя ее от отцов, и она черной тенью сопровождала их до могилы, побуждая в течение жизни к ряду поступков, отвратительных своей бесцельной жестокостью.

По праздникам молодежь являлась домой поздно ночью в разорванной одежде, в грязи и пыли, с разбитыми лицами, злорадно хвастаясь нанесенными товарищам ударами, или оскорбленная, в гневе или слезах обиды, пьяная и жалкая, несчастная и противная. Иногда парней приводили домой матери, отцы. Они отыскивали их где-нибудь под забором на улице или в кабаках бесчувственно пьяными, скверно ругали, били кулаками мягкие, разжиженные водкой тела детей, потом более или менее заботливо укладывали их спать, чтобы рано утром, когда в воздухе темным ручьем потечет сердитый рев гудка, разбудить их для работы.

Ругали и били детей тяжело, но пьянство и драки молодежи казались старикам вполне законным явлением, — когда отцы были молоды, они тоже пили и дрались, их тоже били матери и отцы. Жизнь всегда была такова, — она ровно и медленно текла куда-то мутным потоком годы и годы и вся была связана крепкими, давними привычками думать и делать одно и то же изо дня в день. И никто не имел желания попытаться изменить ее.

Изредка в слободку приходили откуда-то посторонние люди. Сначала они обращали на себя внимание просто тем, что были чужие, затем возбуждали к себе легкий, внешний интерес рассказами о местах, где они работали, потом новизна стиралась с них, к ним привыкали, и они становились незаметными. Из их рассказов было ясно: жизнь рабочего везде одинакова. А если это так — о чем же разговаривать?

Но иногда некоторые из них говорили что-то неслыханное в слободке. С ними не спорили, но слушали их странные речи недоверчиво. Эти речи у одних возбуждали слепое раздражение, у других смутную тревогу, третьих беспокоила легкая тень надежды на что-то неясное, и они начинали больше пить, чтобы изгнать ненужную, мешающую тревогу.

Заметив в чужом необычное, слобожане долго не могли забыть ему это и относились к человеку, не похожему на них, с безотчетным опасением. Они точно боялись, что человек бросит в жизнь что-нибудь такое, что нарушит ее уныло правильный ход, хотя тяжелый, но спокойный. Люди привыкли, чтобы жизнь давила их всегда с одинаковой силой и, не ожидая никаких изменений к лучшему, считали все изменения способными только увеличить гнет.

От людей, которые говорили новое, слобожане молча сторонились. Тогда эти люди исчезали, снова уходя куда-то, а оставаясь на фабрике, они жили в стороне, если не умели слиться в одно целое с однообразной массой слобожан...

Пожив такой жизнью лет пятьдесят — человек умирал.

М. МИТЕЛЬМАН, Б. ГЛЕБОВ,
А. УЛЬЯНСКИЙ

ЗАСТАВА

Глава из книги „История Путиловского завода“

К юго-западу от центра столицы, вдоль Петергофского шоссе, расположилась Нарвская застава — крупнейшее рабочее предместье царского Петербурга. К девяностым годам застава окончательно превратилась в типичную окраину большого капиталистического города. Над всей заставой возвышался и господствовал Путиловский завод. Он перешел на паровоз, на пушку, потребовал вчетверо больше людей, двинулся вширь. Вместе с ним росла и изменяла свой облик Нарвская рабочая окраина...

Рабочая окраина стала особым мирком, где были свои богачи и свои нищие, свои попы и трактирщики, своя полиция, свои интеллигенты-одиночки—врачи и учителя — и даже свой благотворитель — купец Ушаков, владелец садоводства и многих домов, построивший под конец жизни школу, больницу и церковь.

Появились домовладельцы, строители новых деревянных флигелей — народ мелкий в городе, но почтенный на окраине. Они покупали участки земли у Степана Богомолова, вырубали деревья, строили первый лицевой дом, подводили его под крышу и закладывали в банке; отступя шесть шагов от первого дома, строили второй, потом третий, четвертый, пока весь участок не оказывался застроенным до последней сажени. Дома были двухэтажные, деревянные, с множеством квартир по две-три комнаты, отделенных друг от друга тонкими стенками, с одним общим коридором и общей холодной уборной. Мусорных и помойных ям не полагалось. Все отбросы и помои выливали прямо во двор, в канавы, прорезавшие улицы. Мысли строителей были устремлены к одному: как можно больше квартир, комнат, дохода. Оклеенные дешевыми обоями, новые квартиры до сдачи в наем имели приятный, чистенький вид, но скоро теряли его и вместе с ним теряли способность воспринимать чистоту.

По обе стороны Петергофского шоссе возникли улицы, ряды домов, битком набитых людьми. Особенно отличалась теснотой Богомоловская улица, прозванная Миллионной...

Дважды в месяц, по субботам, ранним утром, вдоль шоссе появлялись палатки, разбитые ящики, камни, лотки, базарные столики. Товаров на столах еще не было, но вся застава уже знала, что сегодня на Путиловском получка. Торговцы лучше заводских узнавали, когда на каком заводе получка. Они бросались за Невскую заставу, если получка была на Обуховском или Семянниковском, перекочевывали на Обводный, в район текстильных фабрик, или на Выборгскую. Больше всего было торговцев за Нарвской заставой в дни путиловской получки...

Вся застава готовилась к получке. Лавочники подбивали итоги в заборных книгах. Домовладельцы подсчитывали долги квартиронанимателей, квартиронанимателя — долги угловых жильцов. Трактирщики выкатывали из подвалов бочонки и полубочонки пива, выносили четвертные с водкой, уставляли буфетные стойки тарелками с убогой закуской: мелко нарезанным хлебом, рубцом, редькой в масляной воде, грибами, квашеной капустой. Здесь были такие закуски, которые путиловец мог позволить себе только в день получки.

Средняя заработная плата путиловского рабочего в 1891 году, по данным заводоуправления, равнялась тридцати рублям в месяц. При подсчете средней цифры оплату сверхурочных часов прибавляли к оплате нормальных, число сдельщиков к числу повременщиков, и всю выплаченную сумму делили на общее число рабочих. На самом деле по отдельным мастерским средний заработок колебался от сорока восьми рублей в паровозных и артиллерийских цехах до восемнадцати рублей в дворовом цеху. Такие же резкие колебания были внутри каждого цеха между разными квалификациями: в кузнице при двух молотобойцах кузнец подчас зарабатывал до трех рублей в день, молотобоец же получал шестьдесят-семьдесят копеек. По официальным данным более трех четвертей путиловских рабочих зарабатывали много меньше одного рубля в день. К 1895 году средняя дневная плата по заводу увеличилась на двенадцать ко-

пеек, а к концу десятилетия на тридцать пять копеек, но прибавка в основном коснулась опять-таки паровозных и артиллерийских цехов и, кроме того, наполовину была съедена ростом цен на товары. Чернорабочий за все десять лет получил прибавку в двенадцать копеек.

Людей различали не по разрядам, а по копейкам цехового оклада. Заработок «партии» — рабочей бригады — распределялся мастером. Значительный куш он выделял старшому, который чаще всего сам не работал. Если оказывалось, что партия заработала слишком много, мастер при подсчете снижал расценки и подводил заработок к «норме» так, чтобы сдельщик получал не больше двойного цехового оклада. Поденный рабочий получал только цеховой оклад. Заработать больше он мог лишь сверхурочными. Тогда его рабочий день растягивался до четырнадцати-шестнадцати часов в сутки.

Две недели труда отмечались в расчетной книжке скупыми цифрами. Эти цифры сокращались после вычетов: на штрафы за прогулы и брак, на масло для цеховой лампады, на церковь, которую начальство строило с 1897 года, высчитывая один процент с заработка рабочего. Штраф, падавший на каждого рабочего, в среднем не был велик — в год набегало до трех рублей. Но произвольная система штрафования давала в руки мастера бич, хлеставший каждого. Некоторые рабочие, не желавшие подчиняться произволу, платились большими вычетами, до трех-пяти рублей в получку. Главную же графу в удержаниях до 40 процентов всей суммы заработной платы, составлял вычет в потребиловку за товары, взятые в кредит. Иногда этот вычет поглощал всю получку, и в графе «выдается на руки» вместо цифры стояла волнистая линия:

— Змея.

В других цехах, в зависимости от манеры конторщика, итоговую графу прочеркивали не волнистой линией, а углами, зигзагами. Тогда говорили:

— Топор.

Рабочий со «змеей» или «топором» не видел в получку денег и должен был жить снова в кредит. Наличные же деньги добывал посредством «перегоночки»: он брал в кредит продукты в потребиловке и «перегонял» их со скидкой мелким лавочникам, гнездившимся вокруг завода.

Получку выдавали с утра. По случаю субботы путиловцы на обед не уходили и работали вяло. День получки был днем больших раздумий для каждого. Жизнь больше размерялась получками, чем неделями и месяцами. Получку ждали с нетерпением, со злобой и ненавистью: «Будь ты проклята!» — восклицал мастеровой и швырял расчетную книжку со «змеей». Проклиная получку, плакала мать большой семьи, подсчитывая, сколько принесет муж и сколько дней еще впереди до следующей получки. Из грошового двухнедельного заработка, едва покрывавшего самые насущные нужды рабочего, требовалось выкроить и на случай болезни, и на родственников в деревне, и на взятку мастеру.

В день получки Н. А. Сметухин, мастер паровозомеханической, наведывался к станкам гораздо чаще, чем обычно. Он ходил с незакуренной папироской между станками, останавливался:

— Спички есть? Дай прикурить.

Рабочий молча протягивал спички. Сметухин закуривал, делал карандашом знак на коробке и опускал в карман.

— Ладно. Коробок после отдам.

Папироса его сразу же тухла. Он подходил к другому:

— Спички есть?..

Потом, уединившись в конторе, он вытряхивал из коробков деньги. По отметкам на коробках он знал, от кого сколько получено.

Подростки в старомеханической в день получки ловили взгляд старшого Степанова.

Степанов говорил:

— Принесешь в «Россию» в четыре часа. Я буду в бильярдной.

— Слушаю, господин старшой, — отвечал подросток.

Он зарабатывал гроши, но если хотел удержаться в мастерской и чему-нибудь научиться, то отсчитывал половину на взятку.

Мастер А. М. Лядов действовал открыто. Он подходил к рабочему, который, по его расчетам, неплохо заработал:

— Что же ты, Павлуша, забыл со мной поделиться?

— Чем делиться-то, Алексей Михайлович?

— Ты, корова, разве не понимаешь, подумай-ка...

Лядов отходил уверенной походкой: в следующую получку Павлуша не увидит хорошего заработка и сам принесет мастеру его «законную» часть...

К двум часам у заводских ворот собирались женщины. Они приходили по уговору с мужем, чтобы вместе пройти через базар-получку. Но много жен встречали мужей, не надеясь, что те сами благополучно донесут получку до дому. Иной муж был заботлив, любил семью, но от компании отстать не мог; он отдавал жене получку, оставляя себе рубль или два.

— Хоть с получки-то дай погулять...

Иной, завидев жену у главных ворот, поворачивал к морским воротам и выходил на шоссе через переулки.

Пьяницы помогали друг другу прятаться:

— Я видел, твоя женка только что в «Китай» заходила.

Он шел именно в «Китай», где жена будет не скоро. Много женщин с встревоженными, заплаканными лицами метались в этот день от кабака к кабаку. Они заглядывали в окна, в открытые двери. Иная припасала сороковку, чтобы заманить мужа домой, — если его не найти теперь, нечем платить за квартиру, завтра же придется съезжать, детям совсем нечего будет есть. От кабака к кабаку металось горе женское, нескрываемое, всем понятное.

В получку не хотелось итти домой. В этот день яснее, чем в другое время, была видна теснота и нищета своего жилья. Отдельная комната, и еще реже отдельная квартира, была доступна только высококвалифицированным рабочим. Обычно в комнате жило по нескольку семей, разгородившись занавесками. Многосемейным рабочим приходилось особенно трудно. Они снимали квартиру, впускали жильцов во все углы, а для себя оставляли комнатку похуже или одну кухню. Хозяйка варила обеды для всех жильцов, стирала им, поила чаем, будила на работу. Так иногда оправдывалась высокая квартирная плата, и даже получалась некоторая выгода. Угловых жильцов подбирали по двое на одну койку из работающих в разные смены: один работает, другой спит. За Нарвской на 655 домов приходилось 1 420 квартир, занятых угловыми жильцами. По скученности населения квартиры Нарвской заставы уступали только трущобам босяков около Сенной площади. Средняя жилая площадь углового жильца, по данным санитарной комиссии 1898 года, не превышала трех квадратных метров — немногим более площади могилы. Угловая жизнь, грубая, копеечная, грязная, увеличивала смертность так, что она в два с половиной раза превышала смертность в центральных районах города. Детская же смертность была выше в несколько раз.

Журналисты и врачи, благотворители и санитарные инспектора, особенно после холеры 1892 года, шли за Нарвскую обследовать жилищные условия рабочих. Они ходили из квартиры в квартиру, со двора во двор, мужественно переступая лужи и зловонные канавы. Затем писали длинные сухие статьи. Статьи печатались в толстых журналах, читались интеллигенцией, а застава попрежнему оставалась грязной, без мостовых, без водопровода, без выгребных ям. С каждым годом скученность увеличивалась, улицы и дома становились грязнее, жизнь — гаже.

Преобладающее число путиловцев жило тяжелой и смрадной жизнью артельного, углового жильца. В Шелковом переулке появился дом с битыми стеклами в окнах — «Смурыгин дворец», ночлежка. И там жили рабочие. Угол, нары были ночлегом, свободное время надо было проводить в другом месте: во дворе, на улице, в кабаке. В кабаке можно было потолковать с товарищем, дать выход потребности в человеческом общении. За штофом вина забывались тяготы жизни, штраф мастера, оборванная жена, голодные дети.

А. СЕРАФИМОВИЧ

НА ЗАВОДЕ

Из рассказа

...Я подумал, что открывается уже юзовский завод, но до Юзова еще верст пять. Это просто шахта. Их много разбросано здесь среди степи. Два-три десятка каменных низких, придавленных черепичною кровлею домов вытянулись в степи, как один, выстроены по шаблону, напоминая казарменный тип. Вокруг скучно, неприютно. Нет даже двориков. Те, кто живет здесь, выходя из дверей, прямо попадают в степь. Только мусор да груды золы указывают, что в этих казармах живут люди: никого

не видно. Все население работает, быть может, тут же, у нас под ногами в глубине земли.

И я глядел на эту высокую дымовую трубу, на это почернелое здание, на эти низкие, придавленные дома, без огорожи, без дворов, без признаков хозяйственности, брошенные посреди степи. После упорного, изнурительного труда в густом, тяжелом мраке, в узкой дыре галлереи, среди струящейся отовсюду холодной воды, среди атмосферы, пропитанной газами, ядовитыми, отравляющими дыхание, при малейшем удобном случае готовыми страшным взрывом похоронить копающихся в темноте людей, — выйти, наконец, на свет и очутиться в казарме среди голой, унылой степи, где нет домов, нет возможности перекинуться словом со свежим человеком, за исключением своего же брата-шахтера, такого же грязного, угрюмого, озлобленного. Но ведь человек не из железа: ему нужен отдых во что бы то ни стало, необходимо, так или иначе, хоть на один день отвлечься от подавляющей обстановки и нечеловеческого труда... И вот эти серые, пропитанные углем люди идут толпами в летний палящий зной, в осеннюю слякоть, утопая по колена в растворившемся черноземе, в зимнюю вьюгу и метель, идут степью в Юзово, прямо в кабаки, где напиваются до самозабвения: больше ведь некуда. Теперь, правда, введена казенная монополия и кабаки заменены казенными лавками, но это нисколько не изменяет дела: пьют в трактирах, в гостиницах, в тайных притонах, валяются в канавах, по ямам, по оврагам, на улицах, под заборами. Те шахтеры, которые работают на шахтах, заброшенных в степи, откуда далеко до кабака, пользуются водкой, которой торгует артельная стряпуха; само собою, за риск она облагает товар крупной надбавкой.

Да, действительно, он прав, мой собеседник по вагону: «своей-то уж ему жизни, видимо, не жалко».

Шахта скрылась. Вдали маячили трубы других таких же шахт. Начиная отсюда, на многие сотни верст люди роются в подземных галлереях.

Вот, наконец, и Юзово. Небольшие, под черепицей, домики стоят необыкновенно тесно на нескончаемых улицах. Дворики тесные, все жмутся насколько возможно плотнее друг к другу. Это потому, что земля-то, на которой стоит Юзовское поселение, принадлежит заводу, и он неукоснительно собирает с обывателей очень высокую контрибуцию за каждую пядь земли. Здесь все обложено: каждый вершок земли, каждое яйцо, проданное торговкой, каждая картофелина, привезенная мужиками, и эти деньги идут отнюдь не на благоустройство поселения, а в карман заводчиков. Удивительное дело: Юзовка — это целый город с тридцатью с лишком тысячным населением, с огромными рядами каменных лавок, с кипучей торговой деятельностью, и жители его умирают без медицинской помощи, дети вырастают, не зная грамоты и школы. Дело в том, что земство отказывается затрачивать здесь средства на организацию медицины и школьного дела, считая, что, по существу, Юзовка — город и что весь доход, какой дает население, поступает целиком заводчикам, так что медицину и школьное дело пришлось бы организовать на средства других плательщиков уезда, а это несправедливо. Завод же, который пользуется всеми доходами с поселения, тоже заявляет, что школы и больницы он устраивает только для собственных надобностей. И юзовцы остаются не при чем. Они не чают, когда же, наконец, совершится отчуждение находящихся под поселением земель и организовано будет городское самоуправление...

Я пошел назад и опять стал бродить между машинами, между вышками шахт, между генераторами и доменными печами; тот же жар, те же измученные, усталые черные лица рабочих. Вот гулкие удары тяжелого молота по холодной стали, — это гаршинский «глухарь»; он неясно виднеется в темной внутренности котла.

Несколько в стороне тянутся узкие и необыкновенно длинные, в несколько сот саженей, круглые приземистые печи для обжигания кокса. Кажется, что это сложены из кирпича для чего-то параллельно валы. От них струится горячий воздух. Внутри заложен каменный уголь, который накаляется без доступа воздуха, превращаясь таким образом в кокс. Вдоль этих печей тянутся узенькие рельсы.

Я подхожу к маленькому паровозику, поперек которого, упираясь в стенку коксовальной печи, лежит огромный металлический брус с железной головой; он очень похож на таран древних римлян, которым разбивали стены осаждаемых городов. На площадке паровоза сидит рабочий. Сквозь сажу, грязь и угольную пыль сквозит блед-

ность и желтизна его лица; щеки впалые, грудь вдавлена, а в угрюмых глазах знакомое выражение печали.

— Здравствуйте.

— Доброго здоровья.

— Давно служите здесь?

— Одиннадцатый год.

— Тяжелая служба?

— Чижелести в ней нет, ну, только что жарко: все нутро в тебе высушит. А зимой опять спереди от печи жгет, а сзади мороз с ветром леденит, на спине сосульки.

— Сколько часов работаете в день?

— От шести до шести.

— Отдых как?

— А вот после шести и отдыхаем.

— Нет, не то я хочу спросить: совсем перестаете работать когда, по воскресеньям или среди недели?

— Нет, и по воскресеньям работаем, потому печи горят.

— Ну, а по большим праздникам?

— Все одно, и по большим праздникам, хучь светлохристово воскресенье, хучь рождество.

— Да неужели же?! Неужели каждый день без перерыва круглый год?

— Без перерыва, — с спокойной и печальной улыбкой проговорил мой собеседник, — потому печи неугасаемо горят, все одно, днем али ночью, зимой али летом. Оставить их никак нельзя.

— Да у вас нет смены, что ль?

— Как нету, есть; двое нас: один ночью работает, другой днем.

Я, не спуская глаз, глядел на этот феномен: «человек без отдыха». Ведь это триста шестьдесят пять дней стоять на одной и той же площадке, поворачивать одни и те же рукоятки, ездить из конца в конец вдоль одних и тех же печей — и это не год и не два, а целых одиннадцать лет. Но ведь есть же у него какие-нибудь потребности, есть же семья, дети, знакомые, родственники, есть же желание пойти в гостиницу, в трактир, или выехать хоть на несколько часов из этого опостылевшего места куда-нибудь. Я сказал ему об этом.

— Двое нас: я да жена, а детей у нас нету. А только что насчет отдыха, так мы отдыхаем каждый день: как придешь со смены, ложись и отдыхай. Ежели в церковь захотел, иди, кто тебя держит: на работу-то в шесть часов являться, а утренняя-то в четыре начинается. Выпить тоже можно: иной раз придешь с работы да и надрызгаешься с устатку; всего бывает. Кокс — это такая штука, что его безустанно выжигать надо: пропасть его требуется для завода. Ну, как же от печей отойтить, никак и нельзя; не скажешь ей — подожди; и завод не ждет. Ишь, сколько его, коксу-то, одне домны жрут, страсть.

— А если вы заболеете?

— Ну, что ж, без этого нельзя; захворал, так пока поставят машиниста из какого-нибудь другого отделения. Долго только болеть нельзя: день, два проваляешься, ну, неделю там, другую, а там уж ступай, работай, ждать не станут, другого замест тебя возьмут... Потому, не остановить же печь.

— Сколько ж вы получаете?

— Слава богу, получаем хорошо: по рублю в день, а как праздников нету, оно и выходит тридцать рублей в месяц.

Меня поражает не только отсутствие отдыха у этого человека, но и отсутствие сознания необходимости этого отдыха и естественного на него права. Непрерывность этой грандиозной работы завода порабощает его мысль, сознание. Ему не приходит в голову, что ведь завод мог и должен был поставить у определенного количества печей не двух, а трех человек, и тогда у каждого бы был недельный отдых. И в то же время он находит совершенно естественным, что болеть ему не полагается, а если разрешается, так очень умеренно, потому что ведь «печи не ждут». Очевидно, для этого живого придатка заводских механизмов и приспособлений не должно было существовать известного перерыва деятельности, как его не существует для доменных и коксовальных печей, для генераторов и пр.

К нам подошли двое рабочих. Лицо моего собеседника сделалось сосредоточенным, и он оставил меня. Рабочие железными крючьями разом распахнули чугунные дверцы одной из камер коксовальной печи: оттуда пахнуло нестерпимым зноем. Я отошел в сторону. Паровозик подошел к самой печи; машинист с раскрасневшимся, пылавшим от жара лицом повернул какую-то рукоятку, и лежавший на паровозике железный брус весь вошел в печь и выгреб из камеры на противоположную сторону раскаленный кокс, который вывалился наружу в раскрытые с противоположной стороны дверцы. Я прошел туда. То и дело из раскрытых камер вываливался горящий кокс, вдоль печи на десятки саженей громоздились огромные огненные груды раскаленного кокса. Стоять возле не было физической возможности, волосы подымались, трещали,

скручивались, платье коробилось. Несколько человек рабочих в одних портах и рубахе подскакивали и, отворачиваясь, плескали из ведер воду на горящий кокс и сейчас же стремительно бросались прочь. Вода мгновенно с легким взрывом вырывалась оттуда белыми клубами пара. Небо, облака, верхушки труб доменных печей, дальние постройки — все это дрожало в струившемся над огненной грудой воздухе.

Даже на том расстоянии, на каком я был, нельзя было стоять, и я пошел дальше. Не успел я сделать и десяти шагов, как наткнулся на нескольких рабочих, которые, раскинув руки, неподвижно, точно трупы, лежали на голой земле. Тот тяжелый, мертвый сон, который овладевает людьми, когда они засыпают на солнцепеке, видимо, охватил их. Они спали, несмотря на ужасающую духоту и жар, с побледневшими лицами, с раскрытыми ртами. Это был маленький свободный от работы промежуток, и они валились, где попало, и засыпали тяжелым, расслабляющим сном.

Я вышел за заводскую ограду и стал подыматься на пригорок. Внизу, у ног снова открылся весь завод; это был целый город: чернея, подымались закоптелые здания, вышки, гиганты-домны, змеились перебегавшим отблеском огненные груды кокса, доносился все тот же лязг железа, и мгла, черная и дымная, окутывала все. Рабочих, оживлявших этот хаос, не было видно, — они терялись среди построек, среди машин и механизмов.

По пригорку, на который я поднимался, раскинулось несколько улиц рабочих домиков. Небольшие, кирпичные, они были довольно удобны и поместительны. Но по расспросам оказалось, что, во-первых, за эти домики администрация завода взимает слишком высокую плату, сравнительно с заработной платой, и, во-вторых, этих построек так мало, что в них попадает самая незначительная часть рабочих. Остальная же масса ютится в поселке у частных лиц по клетушкам, подвалам, мазанкам, где царит страшная теснота, грязь, зловоние, сырость, полутьма, и за все эти удобства рабочие отдают львиную долю своего заработка, «потому больше деться некуда, не на улице же с семьей жить».

Уезжая вечером на станцию, я в последний раз взглянул на завод с пригорка; долина, где он помещался, представляла демонический вид: грохот, железный лязг, смешанные хаотические звуки, огромное пламя, вспыхивавшее над домнами и озарявшее красным отблеском черные облака, окрестности, дома поселка и угрюмые, закоптелые заводские гиганты.

Людей не было видно и слышно.

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ДЕРЕВНЯ

Глава из книги „По следам минувшего“ старого большевика Федора Никитича Самойлова, участника революционного движения с 1903 года

Маленькая убогая деревушка из восемнадцати крытых соломой крестьянских изб приютилась на берегу речки Безымянки, в двадцати километрах от фабричного города Иваново-Вознесенска, в стороне от больших и малых дорог. Деревушка затерялась в окружающих ее больших лесах, принадлежавших помещикам и купцам. «Кругом в лесу, — жаловались мужики, — а дров нет».

Земли у крестьян было мало, да и та скудно родила. Истощенная, сотни раз паханная песчаная почва требовала хорошего удобрения, а его не водилось: нехватка кормов не позволяла держать лишнюю скотину. Покосы приходилось покупать у помещиков.

Крестьяне поголовно, за исключением нескольких мелких кустарей-сапожников, были бедняками и вести свое нищенское хозяйство без заработка на стороне не могли. Уходили на зиму в город, на фабрики. Почти каждая семья отпускала одного или нескольких работников в город на круглый год, спасая его заработком от окончательного разорения едва державшееся хозяйство. В деревню отходники приходили только по праздникам.

В семи километрах от деревни, в волостном селе, была школа. Но крестьяне, как правило, своих детей в школу не посылали — ходить было далеко, а дети не имели одежды и обуви; иные чуждались школы из-за своей косности и темноты: «Незачем нам учиться-то, деды и отцы наши прожили свой век неучеными не хуже нас».

Все в деревне были неграмотны, за исключением одного-двух самоучек, умевших читать святцы и псалтырь.

Мужики считали себя верующими, но в вопросы религии не вникали, обряды исполняли не очень аккуратно. Строго соблюдались только посты и постные дни. В среду и пятницу никто, кроме грудных детей, ничего «скоромного» не ел: питались исключительно хлебом и картошкой. Церковные службы крестьяне посещали редко. Молящиеся совершенно не понимали мудреного церковнославянского языка, на котором совершались церковные службы. На этом же языке, по памяти, передавались от поколения к поколению несколько молитв для «домашнего обихода». Содержание и смысл их мало кто понимал.

Так называемый «престольный праздник» всегда заканчивался всеобщим пьянством. Рано утром мужики, бабы и молодежь ехали в приходское село Лежнево, выстаивали в церкви обедню, заказывали молебны. К обеду возвращались домой. Собирались гости: ближние и дальние родственники и просто друзья-приятели. Начинался обед, поздравления с праздником. Из-за стола вставали пьяными. Затем начиналось «отгащивание». К вечеру деревня перепивалась — вечно тихая и безлюдная улица оглашалась пьяными криками. Всюду галдели, спорили, ругались, орали песни осипшими голосами.

«Праздник» часто кончался большими и малыми драками. Подравшиеся собирались в кучу, выпивали «мировую» водку и... снова ожесточенно дрались. Так проходило два-три дня.

В «престольный праздник» многие пропивали заработки и доходы целых месяцев. Наступали будни — с больной головой, с унылыми подсчетами пропитого и с изнурительной работой.

В засуху звали попа, ходили с иконами по полям и молились о дожде. Если случалось, что вскоре после молебна выпадал дождь, говорили: «Слава тебе, господи, услышаны наши молитвы! Сжалился господь над нами, грешными, — послал дождичек!» А когда, несмотря ни на какие молебны, дождя не было, жаловались: «Плохи наши дела, не услышал наши молитвы господь. Не посылает нам дождичка. Много, должно быть, грехов на нас, грешных...»

Деревня верила в лешего, домового, ведьм, колдунов, чертей. Суеверия подкреплялись разными «фактами» и «случаями» с «бывалыми людьми».

Крестьяне работали, как вьючные животные, с утра до ночи, насколько хватало сил, ели впроголодь, а досуг заполняли пьянкой.

Представления о политике у наших крестьян были самые отсталые, первобытные. В деревне твердо верили, что «без бога свет не стоит, без царя земля не правится». Верили в басню, что «царя-освободителя» Александра II убили «господа-баре» за то, что он освободил крестьян от барской кабалы.

Урядников, становых и других царских слуг беднота, конечно, ненавидела за бесчисленные притеснения и поборы, но в открытую борьбу с ними вступала только в самых крайних случаях, когда какому-нибудь бедняку становилось уже невмоготу терпеть.

Жили мужики в тяжелой нужде, в бесконечной заботе о хлебе, который доставался ценою непосильного труда, в заботе о том, чтобы прокормить скотину и себя, уплатить подати. Вокруг хлеба вращались все разговоры и помыслы, в особенности в годы плохих урожаев. Собирался ли деревенский сход, созванный старостой для обсуждения «мирских дел», сходилось ли несколько мужиков случайно — разговор заводился неизменно один и тот же: о хлебе, податях, о корме для скота.

ЯН РАЙНИС

ТЕРПЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА

Работал мужик, не жалеючи силы:
Земля ему пышную жатву взрастила.
Но только он стал убирать урожай,
Явился помещик: «Аренду давай!..»
Блюститель порядка пришел за уловом,
А там и сам пастор с отеческим словом.
Чиновник спешит, а за ним и судья,
И каждый твердит: «Где же доля моя?..»
Налоги, да взносы, да новые сборы —
Так весь урожай и расхватан был скоро.
Остаток — растащен воронами вмиг...
Вот тут за дубину и взялся мужик!..

П. БЛЯХИН

НА РАССВЕТЕ

Главы из повести старого большевика Павла Андреевича Бляхина, посвященной революционному движению в 1903—1904 годах в Астрахани и Баку

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ

Комитет решил печатание листовок пока приостановить, а готовые экземпляры разбросать в таком месте, чтобы они наверняка попали в руки рабочих.

Надо было показать астраханским рабочим, что где-то здесь, в городе, существует и действует революционная партия — грозный враг царского деспотизма и произвола. Первомайская листовка была адресована «Ко всем рабочим города Астрахани» и содержала информацию о текущих событиях. Заканчивалась она призывом к борьбе с самодержавием.

Часть этих листовок было поручено разбросать мне и шляпнице Тане. Но как это сделать, чтобы добиться наибольших результатов?

В летнем театре сада «Аркадия» шла опера «Евгений Онегин». Ее ставила известная в то время казанско-саратовская труппа, приехавшая на гастроли в Астрахань. Это был последний, прощальный спектакль, устроенный по общедоступным ценам. Он привлек массу демократической публики, сотни рабочих и служащих.

Купив два билета на галерку за десять копеек, я с нетерпением дожидался прихода краснощекой барышни в соломенной шляпке с маленькими розовыми цветочками на полях. Речь шла о веселой девушке Тане, с которой я познакомился в кружке Антона. Как революционерка она не внушала мне особенного доверия, казалась слишком молодой и легкомысленной для такого серьезного дела. Но Вера Сергеевна убедила меня в обратном, напомнив, кстати, что я и сам не старше. Пришлось согласиться.

Таня явилась к воротам сада точно к назначенному часу. Разодетая «в пух и прах», сегодня она была веселее и возбужденнее, чем обычно. Взяв меня под руку, как «кавалера», она болтала разный вздор, смеялась, заставляла угощать ее орехами и яблоками. На левой руке у нее висела большая изящная сумочка.

Для посторонних глаз мы, вероятно, казались самой невинной парочкой влюбленных. Таня держала себя достаточно «конспиративно». Я тоже повеселел, разговорился и даже пытался смешить свою очаровательную барышню.

После звонка мы вместе с потоком публики поднялись на самый верхний ярус, на галерку. Здесь было тесно и душно. Мы встали позади всех, у самой стены. За нашими спинами уже не было ничьих глаз.

Вскоре началась чудесная увертюра.

Взвился занавес. Галерка затихла.

«Евгений Онегин» была первая опера, которую я услышал в своей жизни. Она показалась мне чудом красоты и искусства. Великолепные голоса актеров и дивная музыка совершенно зачаровывали. Позабыв обо всем на свете, я жадно следил за развитием действия. А хор! Разве можно сравнить его с церковным хором села Селитренного! И только в самом конце первого действия, когда от резкого движения что-то зашуршало за пазухой, я вдруг вспомнил, зачем мы явились сюда, и с дрогнувшим сердцем оглянулся на Таню.

Обняв одной рукой деревянную колонну и вся вытянувшись вперед, она с напряженным интересом смотрела на сцену.

Я осторожно коснулся ее плеча. Девушка вздрогнула и схватилась за сумочку. Но, увидев меня, улыбнулась и молча кивнула головой в сторону сцены: продолжай, мол, смотреть, рано еще...

В антракте мы снова стали фланировать среди публики.

Улучив удобную минутку, Таня шопотом напомнила: «Когда раздастся выстрел Онегина...» Она уже не раз слушала эту оперу и хорошо знала, когда зрители бывают в наибольшем напряжении и не отрывают глаз от сцены.

Со второй картины и до самого начала дуэли я не мог подавить в себе чувства нарастающей тревоги и нервного напряжения. Порой мне казалось, что листовки на животе шевелятся, как живые, предостерегая от беспечности, напоминая о приближении решающей минуты.

Таня незаметно отошла от меня подальше, чтобы можно было сбросить листовки одновременно с разных концов галерки. Сигнал для обоих — выстрел Онегина.

Но когда начался поединок, я снова настолько увлекся сценой, что совершенно забыл о своей миссии.

Лес, Зима. Сидя на поваленном дереве, несчастный Ленский поет свою лебединую песню: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни...» Я невыразимо взволнован. Мне жаль до слез этого мечтательного и пылкого юношу с кристально-чистым сердцем.

«Что день грядущий мне готовит?» — с надрывом и мукой взывает поэт, заставляя тоскливо сжиматься сердца зрителей.

Приход Онегина и трагический дуэт друзей, случайно ставших врагами, привели меня в трепет. Как бессмысленно и ужасно, что они не помирились, не подали друг другу руки!

Напряжение растет. Враги поднимают оружие и... Я похолодел, вспомнив о цели прихода. Едва не опоздал приготовиться. Оглянулся назад — голая стена, никого... Хорошо!

Все зрители, устремив глаза на сцену и подавшись вперед, застыли в неподвижности. Я сунул руку под рубашку.

В руках Онегина и Ленского медленно поднимаются зловещие черные дула пистолетов. Вот они уже на уровне груди, выше, еще выше... И вдруг оглушительный выстрел сотрясает воздух — бах! ба-бах!

В то же мгновенье сразу с двух сторон, словно две стаи белых голубей, вспорхнули сотни листовок и, кружась в воздухе, полетели вниз. Они падали на головы сидящих в партере, в нижние ярусы театра, на сцену.

На секунду водворилась необычайная тишина. Актеры застыли на месте.

В первом ряду партера вскочил на ноги какой-то лысый генерал, багровый от ярости.

Вслед за ним взметнулся и пристав.

— Закрыть... закрыть двери! — гаркнул он, топая ногами.

Публика в панике рванулась к дверям. Женский крик, давка.

Не теряя времени, мы стремительно скатились по лестнице и вместе с толпой вылетели наружу.

В АДУ

Вскоре я познакомился с Ванечкой Фиолетовым [1]. Это был молодой русский рабочий, крепкий, как дубок, круглолицый, белокурый, с ясными живыми глазами и маленькими подбритыми усиками. Его ладони «украшали» старые, затверделые мозоли. И немудрено: свой трудовой путь он начал с одиннадцати лет, учеником в механической мастерской в Балаханах, затем стал слесарем. С малых лет страстью Ванечки была книга. Жадно стремясь к знаниям, он запоем читал всевозможную литературу, особенно историческую и научную.

В ряды нашей партии Фиолетов вступил в 1900 году и с тех пор неутомимо и самоотверженно работал в бакинской организации РСДРП. После II съезда примкнул к большевикам и стал горячим, непримиримым ленинцем. Теперь ему было не больше двадцати лет, но он успел уже побывать в бакинской тюрьме за участие в стачках 1903 года и вел себя, как бывалый революционер-подпольщик.

Я смотрел на Фиолетова с особым почтением, как ученик на учителя, умудренного опытом и знаниями. Ведь он был членом Бакинского комитета и правой рукой Алеши Джапаридзе — ответственного организатора Балаханского района.

В Балаханах Фиолетов пользовался большим уважением рабочих. Он многих знал в лицо и с каждым умел поговорить по душам, как друг и товарищ. Его все очень любили и называли не иначе, как Ванечка.

В один из субботних дней Фиолетов взял меня с собою в Балаханы, где должна была состояться дискуссия с меньшевиками.

Мы сели в пригородный поезд. Вагон был битком набит рабочими, ехавшими из Баку в ближайшие поселки. Грохот вагона, толкотня и галдеж пассажиров не очень располагали к разговорам о наших делах.

Но мне не терпелось узнать что-нибудь о Балаханах и о рабочих-нефтяниках. Ванечка отвечал скупо. Я узнал только, что Балаханы, Сабунчи, Сураханы и Романы представляют собой, в сущности, один гигантский нефтеносный район.

— Да вот приедем, и ты все увидишь своими глазами, — говорил Ванечка, глядя в окно, мимо которого мелькали телеграфные столбы и тянулась голая серая земля, покрытая черными пятнами. Невысокие холмы волнами спускались к морю.

— А как живут и работают нефтяники? — продолжал я допрашивать Ванечку. Но вместо ответа он хмуро посмотрел на меня и спросил:

— Ты в бога веришь?

[1] Фиолетов Иван Тимофеевич, рабочий-металлист, большевик, был одним из видных работников бакинского подполья. В 1918 году расстрелян английскими интервентами в Закаспии в числе 26 бакинских комиссаров.

Я спешил, даже обиделся:

— Что за вопрос? Какой социалист может верить в бога?

— А в чорта и его пекло? — продолжал Фиолетов, как бы не замечая моего недоумения.

— Черти, говорят, в аду водятся, а где этот ад, даже попы не знают.

— В двенадцати верстах от города — в Балаханах! — сухо отрезал Ванечка и забарабанил пальцами по стеклу.

...Поезд остановился на станции Сабунчи.

Мы вышли из вокзала. Я был потрясен невиданным зрелищем: черный лес нефтяных вышек, разбросанных на огромной территории, тянулся до самого горизонта, утопая в густых облаках дыма, копоти и зловонного пара. Яркое южное солнце казалось багровым, словно пятно запекшейся крови. Небо было закрыто темной тучей, нависшей над самой землей.

— Вот он — ад! — сказал Ванечка, широким жестом показывая на необозримое царство «черного золота». — Здесь родятся, живут и работают рабы нефтяных магнатов. Отсюда перекачиваются миллионы русских денег в карманы иностранцев: Нобелей, Ротшильдов, Шелла и других, будь они прокляты!

— А разве «наших» кровососов здесь нет? — удивился я.

— Как не быть! Здесь хозяйничают Лианозов, Гукасов, Манташев, Шибаев и десятки других крупных и мелких хищников. Все они в одной компании! Ну, пошли!

Мы тронулись в путь, в самые дебри нефтяного леса.

Запах мазута захватывал дыхание. От нестерпимой жары я задыхался, как в серной бане, обливался потом. Все вокруг нас: и земля, и вышки, и люди — было насквозь пропитано нефтью, дочерна закопчено, блестело, словно облитое жиром. Под ногами неприятно хлюпала черная земля. Перекрещиваясь между собою, во всех направлениях тянулись железные трубы, по которым, как кровь по жилам, непрерывно текла нефть. Вышки стояли по обеим сторонам шоссе, пересекавшего Балаханы на две части. Меж вышек то и дело встречались земляные «амбары» и «озера», до краев наполненные мазутом.

От бурения сотен скважин и тартания нефти в воздухе стоял оглушающий гул и грохот, слышалось жужжание стальных канатов, гудение барабанов и форсунок, свист пара.

Я еле поспевал за Ванечкой, который уверенно шагал меж вышек без путей и дорожек. Навстречу нам часто попадались изможденные, сгорбленные рабочие, еле передвигавшие ноги.

Мне было жутко и больно. Как могут люди жить в таком месте? Ни неба, ни солнца, ни единого зеленого деревца!

— Ну что, теперь поверил в чертей и пекло? — словно прочитав мои мысли, угрюмо спросил Фиолетов. — Вот он где — настоящий ад для рабочих! В сорок лет они уже старики, инвалиды, которых хозяева, как негодную ветошь, выбрасывают на улицу. Здесь нет ни столовых, ни прачечных, ни общественных бань. Даже простой питьевой воды не хватает. Пьют из загрязненных озер и колодцев. Вон полюбуйся, пожалуйста!

Мы проходили мимо небольшого мутнозеленого озера. У самого берега валялась дохлая собака, рядом куча мусора и зловонных отбросов. Невдалеке две женщины полоскали белье.

— Немудрено, что здесь свирепствуют дизентерия, тиф, а нередко и холера, — продолжал Ванечка. — Рабочие мрут, как мухи, и никто о них не заботится. Армия безработных с избытком возмещает убыль.

Я подумал о готовящейся стачке. Какую ярость масс можно поднять здесь против нефтяных королей!

Мы вышли на шоссе. Я попросил Ванечку провести меня к промыслам и казармам Нобеля, где надеялся разыскать Ибрагима и Никиту.

Дискуссия с шендриковцами должна была состояться вечером, после захода солнца, и у нас оставалось еще достаточно времени.

Вскоре мы остановились перед длинным, закопченным дочерна зданием с плоской крышей. Сзади к нему лепились какие-то странные коробки из досок и фанеры, похожие на собачьи конуры.

— Это нобелевская гробница с пристройками для семейных, — сказал Ванечка, указывая на черное здание. — Здесь она скромно называется «рабочей казармой».

Ванечка направился в конуры — к семейным, а я — в казарму для холостых.

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ЛЕНИН ЮНЫХ ЛЕТ

Из воспоминаний старого большевика, академика Глеба Максимилиановича Кржижановского, участника революционного движения с 1893 года

Здесь мне хочется перелистать страницы жизни, которые связаны с первыми встречами и первым общением с молодым Лениным.

Эти встречи, эти впечатления относятся как раз к началу 90-х годов, в которые, по словам Ленина, завершался полувековой путь исканий революционной России...

Уже в 1891 г. я был деятельным участником студенческого подполья тех времен, яростным читателем нелегальных студенческих библиотек, неистовым почитателем Маркса и робким пропагандистом среди небольшого круга петербургских рабочих. Наш тогдашний революционный центр был очень малочислен, он состоял по преимуществу из студентов Технологического института, считавших себя, при своей малой опытности, и зрелыми революционерами и уже весьма недурными конспираторами. Но уже первые встречи с юным Владимиром Ильичем Ульяновым показали нам совершенно явственно наш подлинный масштаб и в революционной и в духовной зрелости...

В лице 23-летнего Владимира Ильича мы имели перед собою учителя и законченного мастера, тогда как мы в своих духовных исканиях были лишь учениками и подмастерьями.

Впервые встретились мы с Лениным 62 года назад, на квартире З. П. Невзоровой.

Стоило юному Владимиру Ильичу появиться в 1893 г. среди нашей студенческой — передовой по тогдашнему времени — петербургской молодежи, как он немедленно занял **доминирующее** положение.

Первый дебют юного Ленина в нашем кружке совпал с его выступлением по поводу реферата одного из членов кружка, пытавшегося со своей точки зрения опровергнуть доказательства эпигонов народничества относительно невозможности для отсталой России найти незанятый рынок для поддержки своего капиталистического развития. Рукопись этого выступления Владимира Ильича долгое время считалась затерянной, но, к счастью, она была найдена и впервые опубликована в 1937 г. под заглавием «По поводу так называемого вопроса о рынках».

Когда в наши дни перечитываешь чудесные строки этого трактата, в памяти с особой яркостью встает вся картина тех далеких дней нашей юности, наших исканий... У большинства из нас был так ничтожен свой собственный жизненный опыт, вынесенный оттуда, из провинциальной глуши России скудных 80-х годов. Юный ум и юное сердце страстно желают большого и великого, а кругом такое бездорожье, и вся наша мудрость берется в основном и главном из книг. И вот такой же юноша, пришелец из той же глухой провинции, властно говорит нам:

«Вопрос о рынках» необходимо свести из сферы бесплодных спекуляций о «возможном» и «должном» на почву действительности, на почву изучения и **объяснения** того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе».

Читатель теперь сам может проследить по этой брошюре, как превосходно оперировал юный Владимир Ильич сложными схемами производства и обращения с учетом различных подразделений капитала, развитыми во 2-м томе «Капитала» Маркса, иллюстрируя суть классических выводов К. Маркса четким материалом нашей российской действительности. В тех сложных статистических таблицах, которые автор составлял для выявления действительных движущих моментов наших хозяйственных порядков, был использован богатейший материал для познания нашей сельской экономики — различные сборники земской статистики. И нам сразу стало особо понятно, почему Маркс и Энгельс сочли для себя необходимым изучение русского языка, между прочим, и в целях ознакомления с этими источниками познания экономики российского крестьянства.

Перечитывая эту брошюру в настоящее время, вы видите, как в ней уже явственно просвечивают контуры последующего гениального труда Ленина, вышедшего под заглавием «Развитие капитализма в России». И уже в грозах нашей первой революции 1905 года мы могли воочию убедиться, каким неоценимым вкладом являлся этот труд Владимира Ильича для выработки правильной тактики большевиков по отноше-

нию к крестьянству при нарастающей волне революции.

Немудрено, что это выступление Владимира Ильича в нашем кружке было настоящим откровением для всех нас.

Всем нам стало ясно, какая разница между гениальным прощупыванием подлинной действительности, между смелой и действенной добычей подлинно ведущих истин и тем или иным «повторением пройденного», простой популяризацией уже добытых истин. Мы уже начинали догадываться, что реферат Владимира Ильича — событие, далеко перерастающее тесные рамки нашего кружка, что самый кружок должен зажить как-то по-новому, подтянуться, чтобы быть достойным своего нового сотоварища.

Воистину на наших глазах завершалась фаза долгих и долгих исканий передовых поколений нашей Родины. Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело.

И вот уже по-другому звучит наш коллективный голос перед петербургским пролетариатом, нарастают наши революционные связи и за пределами тогдашнего Питера. Конечно, и наш доленинский эксперимент марксистской пропаганды среди столичных рабочих сам по себе уже учил нас многому. Вопреки тяжким условиям тогдашнего фабричного труда и жизни на убогих питерских окраинах передовики столичного пролетариата не могли не поражать нас своей исключительно напористой тягой к знанию, своей особой восприимчивостью к революционной науке Маркса, своей товарищеской самоотверженностью. Но переход быстрый и решительный от единиц к массам, от пропаганды к агитации, образование первых ячеек организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», этого «зачатка революционной партии» (Ленин) — все это могло бы пойти по-иному, не будь в нашей среде Ленина тех юных лет.

За рубежом нашей страны группа «Освобождение труда» с Г. В. Плехановым во главе наносила меткие удары по народническим взглядам. Но народничество не было разгромлено. Добил народничество, как врага марксизма, Ленин. На наших глазах юный Владимир Ильич с удивительной быстротой набрасывает тетрадь за тетрадью своим бисерным почерком, почти без помарок, гениальное произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Нынешней молодежи, воспитанной в исключительно благоприятной для духовного роста советской обстановке, не легко будет себе представить, с каким подъемом читались перечитывались нами в те годы нашего подполья эти вещие тетрадки замечательной работы Ленина. Вдумайтесь в поразительные финальные строки этого манифеста:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, котда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда **русский рабочий,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом **всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».**

Разве это изумительное по точности предвидение исторических событий не стоит рядом с великим прогнозом К. Маркса, не является ярким документом исторической «переклички» двух гениев пролетариата?

Не раз говаривал мне впоследствии Владимир Ильич, что он всю жизнь читает и перечитывает в подлинниках творения Маркса и Энгельса, всегда находя в них нечто новое. В таком общении Ленин находился в органически родственной ему стихии исполинов мысли и дела революционного пролетариата. И каждый из нас, прошедший мучительный путь собственных исканий, никогда не забудет, как много шло к нему от Ленина самого большого, самого драгоценного.

Мы знаем, что судьбы каждого движения в большой мере зависят от того, кто в начале этого движения стоит во главе. Но, как бы ни была велика роль отдельного выдающегося человека, решающее значение имеет движение масс. И Ленин всегда во всей своей деятельности опирался на движение масс, вбирал в себя опыт масс.

Юность Владимира Ильича — это юность нашей Коммунистической партии, крепнувшей и зревшей в могучем резонансе с ходом его великой жизни.

Ц. С. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Из воспоминаний старого большевика Цецилии Самойловны Зеликсон-Бобровской, участницы революционного движения с 1898 года

Владимир Ильич жил тогда на окраине Женевы с Надеждой Константиновной и матерью ее Елизаветой Васильевной Крупской, никогда не расставававшейся с дочерью, неизменно следовавшей за нею в ссылку и в эмиграцию. В предместье Сешерон «Ильичи», как называли мы Владимира Ильича и Надежду Константиновну, занимали небольшую дачку. Жили они наверху, куда вела деревянная лесенка. Внизу была большая кухня с плитой, на которой на случай прихода гостей постоянно кипел большой эмалированный чайник. В небольшой комнате рядом помещалась вечно озабоченная своим незатейливым хозяйством Елизавета Васильевна. С первых же слов можно было услышать ее добродушно-ворчливое: «Вот, уткнулись там наверху в свои книги и тетради, мучает себя на работе Владимир Ильич и Надю замучил — покушать не дозовешься их».

Здесь же на кухне в иные дни, когда приходило сразу несколько товарищей, Владимир Ильич и принимал гостей, потому что «апартаменты» наверху были слишком тесны.

В двух верхних комнатах меблировка состояла из простых столов, заваленных журналами, рукописями, газетными вырезками. По стенам грубо сколоченные полки с книгами. В каждой комнате койка, прикрытая пледом, и пара стульев.

В центре стола Владимира Ильича красовались русские счеты, при помощи которых он, наверно, подсчитывал свои «однолошадные», «четвертьлошадные» и т. п. крестьянские хозяйства.

На столе у Надежды Константиновны — ее «орудия производства»: пузырек с симпатическими чернилами, которыми она между строк какого-нибудь «поздравления с днем ангела» заносила свои шифровки, «ключи», по которым она шифровала. Днями и ночами просиживала здесь Надежда Константиновна, расшифровывая получаемую из России информацию о положении дел на местах и зашифровывая послания В. И. Ленина комитетам и отдельным работникам о положении, создавшемся в партийных центрах за границей...

Ярко встает в памяти один вечер, когда, заслушавшись Ильича, я допоздна застряла у них на даче, отстоявшей далеко от дома, где я жила. Прозевала трамвай, а пешком итти поздно, страшновато — места пустынные. Владимир Ильич вызвался проводить меня, чтобы, кстати, и самому подышать свежим воздухом.

Пользуясь счастливым случаем с глазу на глаз поговорить с Владимиром Ильичем, я стала задавать ему особо мучившие меня в то время вопросы морального свойства, связанные с моим бытием профессионала. Дело в том, что, исполняя обязанности агента «Искры», мне порою приходилось чувствовать себя по своей квалификации не совсем на месте. Местные партийные организации на прибывшего к ним из центра всегда смотрели снизу вверх, и это очень смущало. Вот мне и начинало казаться, что быть профессионалом имеют право особо одаренные товарищи, с широким политическим горизонтом, талантом агитатора, углубленными теоретическими знаниями. Что касается профессионалов из рабочих, то они должны, казалось мне, обладать каким-то особым пролетарским сверхчутьем, которое восполняло бы недостаток у них теоретических знаний.

Не обладая ни одним .из перечисленных мною качеств, я мучилась сознанием, что всуе пользуюсь высоким званием профессионала. Об этих своих мучениях я решилась тут же поведать Владимиру Ильичу, попросить у него совета. Очень внимательно выслушал меня Владимир Ильич, так внимательно, как он умел слушать вообще, а затем сам увлекся, заговорил о том, как ему мыслится постройка нашей партии и роль ее в надвигавшихся революционных событиях.

По отношению к затронутому мною вопросу о праве называться профессиональным революционером Владимир Ильич сказал, что это право остается за теми, кто прежде всего и больше всего беззаветно предан партии и рабочему классу. Этим правом должны пользоваться люди, у которых их собственная жизнь сливается с жизнью пар-

тии. Суживать круг организации революционеров до узкого круга вождей не следует, нужны, необходимы работники постоянные, неутомимые, непосредственно связанные с массой, которые помогали бы камень за камнем закладывать здание партии.

Слушала я, само собою разумеется, затаив дыхание, и совершенно не заметила, как дошли до дома, где я жила. Показалось совершенно невозможным, чтобы этот разговор сейчас оборвался. Я беспомощно остановилась, хотела предложить Ильичу зайти в квартиру, но там уже спали. Ильич подумал секунду, а потом решительно повернулся, и мы пошли обратно, продолжая прерванный разговор.

Когда мы таким образом вновь подошли к его даче, Владимир Ильич расхохотался, стал шутить по поводу того, что нескончаемым проводам все же надо положить конец. Но так как во всем он же «сам виноват», увлекся своими рассуждениями, то он меня еще раз проводит до дому, но на сей раз окончательно.

На прощанье Владимир Ильич сказал мне:

— Немножечко больше **веры** в свои силы! Необходимо немножечко больше веры!

Как часто в наиболее трудные, сложные моменты партийной работы приходилось мне звать на помощь это ильичевское «немножечко больше **веры** в свои силы»...

Характерно, что ни сам Владимир Ильич не возражал против грабежа его времени, ни мы, «грабители», не чувствовали при этом никаких угрызений совести. Так, например, мой приятель — рабочий-модельщик Макар, много лет работавший на Путиловском заводе в Петербурге, находясь вместе с нами во временной эмиграции в Женеве, чуть ли не ежедневно приходил ко мне и настаивал — пойдемте к Ильичу покалякать. На мои возражения, что неудобно так часто надоедать Ильичу, Макар неизменно доказывал мне:

— Ничего, что надоедаем, нам Ильич нужен, но и мы ему нужны: от нас русским духом пахнет.

Постоянное тяготение Макара к В. И. Ленину выражало его глубокое уважение к Ильичу. Припоминаю, как однажды врывается ко мне этот громадный детина с сияющим лицом и в совершенно ребячьем восторге восклицает:

— Глаза-то Ильича, глаза, как вчера горели у него!

Оказалось, я много потеряла от того, что вчера не пошла к Ильичу, который как-то **особенно** разделывал мартовцев. В. И. Ленин в это время уже готовил свою знаменитую книгу «Шаг вперед, два шага назад». Возможно, что Макару в тот вечер посчастливилось услышать из уст Ильича полные сарказма слова, бичующие меньшевиков.

Сам Владимир Ильич особенно внимательно выслушивал Макара, подолгу беседовал с ним. Никогда В. И. Ленин не переставал доказывать, что, уча рабочих, следует и учиться у них.

Новогоднюю ночь 1904 года Владимир Ильич провел с нами. Слушали оперу «Кармен» в довольно плохой типично швейцарской постановке, пили пиво в «Ландольте», гуляли по оживленным в эту ночь улицам Женевы. При неизбежных во время этих прогулок встречах демонстративно отворачивались от меньшевиков. В шутливых тонах отмечали, что и мартовцы отворачиваются от нас. Веселое, задорное настроение не покидало нас в эту новогоднюю ночь. Ведь, ко всему прочему, были мы тогда молоды, молод был и Владимир Ильич, любил он веселую шутку и громкий смех.

И. В. БАБУШКИН

ОТРЫВОК ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Иван Васильевич Бабушкин (1873 — 1906) — один из первых рабочих-большевиков, член подпольного рабочего кружка в Петербурге, которым руководил В. И. Ленин. Погиб в Сибири смертью героя от рук царских палачей

Увлекшись революционной деятельностью и все увеличивающимися знакомствами, мы положительно поглотились работой и не заметили, как наступил момент открытия воскресных школ. Ждали с нетерпением дня открытия, и, наконец, он наступил. Конечно, мы все до одного записались в школу, которая являлась в одно и то же время и силь-

ным культурным учреждением, и тем решетом, которое отделяло чистое зерно от примесей, и тем механизмом, который сталкивал одного субъекта с другим; здесь происходило хотя не очень большое, но довольно прочное сплетение сети знакомств. К этому же времени у нас подготовлялся к систематическим занятиям кружок, может, были и другие кружки, но я их не знал и не допытывался об них. Как только настала питерская осень, со всех сторон понаехала интеллигенция, и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Новый знакомый, назовем его Н. (В. А. Шелгунов. — *Ред.),* рабочий, поселившийся за Невской заставой, связанный с интеллигенцией, которая имела, видимо, широкий круг своих работников и потому желала и за Невской вести кружковые систематические занятия, организовал кружок. Местом для занятий послужила моя комната, как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составился из 6 человек и 7-го лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор (лектором был Владимир Ильич Ленин. — *Ред.)* излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собою, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни. И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую под разными предлогами, но на деле — за собиранием необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда при удобном случае и для разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской. Разумеется, главным препятствием ко всякого рода собиранию сведений служило отсутствие сколько-нибудь свободного времени, но все же дело подвигалось, хотя не так полно и энергично, как следовало бы.

Занятия в школе пошли своим чередом. Живое и смелое слово учительниц вызывало у нас особую страсть к школе, и нашим суждениям не было конца. Приемы, употребляемые учительницами, мы отлично понимали и просто диву давались их умению вызвать откровенность в каждом ученике: и горожанине, и фабричном, и деревенском. Каждое посещение все тесней и тесней сближало нас со школой и учительницами, мы чувствовали необыкновенную симпатию к ним, и между нами зародилась какая-то родственная, чисто идейная близость. Придя в школу и садясь за парту, с каким-то особенным чувством ожидали учительницу, прибытие которой вызывало трудно передаваемую радость. И это одинаково происходило в каждой группе. Все ученики, посещающие школу, не могли надивиться и нахвалиться всем виденным и слышанным в школе, и потому-то эта школа так высоко и смело несла свои знания. Мало того, часто один ученик тащил своего товарища хоть раз посмотреть и послушать занятия в школе и учительницу, и я сам ходил в другие группы с этой целью.

Учительницы пожелали влиять на нас еще и помимо школы. Для этого они наметили нескольких из нас и пригласили в воскресенье к себе на квартиру. Мы с радостью приняли это приглашение, и в воскресенье около часу или двух, не помню, человек пять или шесть очутились в городе. В квартире учительниц мы очутились тоже за партами, и перед каждым из нас лежала тетрадь с вписанной туда ролью из комедии «Недоросль». Нам говорили, что было бы, мол, недурно изучить роль и потом сыграть эту комедию в присутствии публики. Не знаю, как раньше, было это желание у других учеников или нет. Но я и Костя на другой же день пришли с убеждением, что изучение ролей этой комедии является тоже своего рода комедией, ибо вскоре вместо изучения ролей все переходили в столовую, где на столе стоял самовар, обставленный закусками, и за чаем уже шла беседа совершенно не о «Недоросле», а о жестокостях русского правительства. Появлялись фотографические снимки из

голодных местностей, умирающих переселенцев, общих панихид и т. п. Нас старались как будто «сагитировать», а мы с Костей давно уже были совершенно преданными этому делу людьми и потому решили предложить, чтобы нас учили не комедии «Недоросль», а всему, что знают сами, и чтобы закуски и чай не устраивались, так как они обременяли учительниц — людей и так очень небогатых. Однако наши посещения вскоре прекратились сами собой, об этом позаботились жандармы, но память об этих беседах во мне живет и будет жить. Нужно сказать, что, кроме школы, занятий на квартире учительниц, систематических занятий кружка у меня на квартире, мы еще занимались с вышеуказанным интеллигентом П. И., который продолжал посещать нас довольно правильно раз в неделю, когда мы собирались в другой квартире человек по восемь и девять. Он прочел нам ряд лекций из разных областей. Мы внимательно прочли часть произведений Лассаля, потом там же читали Кеннана. Эта книга произвела на меня сильное впечатление. Измучившись от работы и занятий, мы часто тут же в комнате и засыпали, предварительно спрятав книгу, хотя и это не всегда делали. Ложась часов в двенадцать спать, в 4 или ½ пятого фабричным приходилось уже вставать, так как в это время фабрика уже протягивала свои щупальцы и начинала сосать бесчисленное количество людей.

Это время у нас было самое интенсивное в смысле умственного развития, каждая минута была нам очень дорога, каждый свободный от работы час был заранее определен и назначен, и вся неделя так же строго распределялась. Когда припоминаешь теперь это время, просто удивительно становится, откуда только бралась энергия для столь интенсивной жизни.

ЗАМУЧЕН ТЯЖЕЛОЙ НЕВОЛЕЙ

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил.
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил.

Нет, злоба нас только душила,
Мы к битве с вратами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Над прахом твоим поклялись.

Служил ты не долго, но честно
На благо родимой земли,
И мы, твои братья по делу,
Тебя на кладбище снесли.

С тобою одна нам дорога.
Как ты, мы в острогах сгнием,
Как ты, за народное дело
Мы головы наши снесем.

Твой враг над тобой не глумился,
Кругом тебя были свои.
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои.

Как ты, мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новым
Грядущих и доблестных дней.

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах.

Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый —
И будет он нас посильней.

АНРИ БАРБЮС

СТАЛИН

Отрывок из книги Анри Барбюса (1873 — 1935) — французского писателя-коммуниста, выдающегося борца против фашизма

Ремесло подпольного агитатора, профессионального революционера, увлекшее Сталина, как и многих других, это тяжелое ремесло. Кто взялся за него, тот вне закона, за ним охотится весь аппарат государства, его травит полиция... Появляясь то там, то здесь, он сеет гнев и воспламеняет умы, а единственный рычаг, которым он должен поднять народы, — это его убеждение и его голос. Займешься этим ремеслом, и куда ни глянь — на горизонте четко вырисовывается тюрьма, Сибирь да виселица. Этим ремеслом может заниматься не всякий. Надо иметь железное здоровье и всесокрушающую энергию. Надо иметь почти беспредельную работоспособность. Надо быть чемпионом и рекордсменом недосыпания, надо уметь перебрасываться с одной работы на другую, уметь голодать и щелкать зубами от холода, надо уметь не попадаться, а попавшись — выпутываться. Пусть тебе выбьют все зубы, пусть тебя пытают раскаленным железом — надо стерпеть, но не выдать имя или адрес. Все свое сердце надо отдать общему делу. Отдать его чему-либо другому нет ни малейшей возможности: постоянно приходится перебрасываться из города в город, — ни минуты свободного времени, ни копейки денег.

Это еще не все. Надо быть пропитанным надеждой до самого мозга костей. Даже в самые мрачные минуты, даже при самых тяжелых поражениях надо неуклонно верить в победу. Но и этого мало. Прежде всего надо ясно понимать и знать, чего хочешь.

Е. Д. СТАСОВА

ПАМЯТНЫЕ ГОДЫ

Воспоминания старого большевика Елены Дмитриевны Стасовой, участницы революционного движения с 1896 года. Написаны для этого сборника

В начале 90-х годов прошлого столетия я учительствовала в женской Воскресно-вечерней школе Технического общества в Петербурге на Лиговке. В школе учились преимущественно работницы с текстильных и табачных фабрик. Таким образом, мое первое знакомство с рабочими произошло через школу.

Как известно, в 1896 году в Петербурге была забастовка протеста рабочих текстильных фабрик против взимания штрафов. Забастовщики были тесно связаны с Глазовской школой для рабочих. В этой школе работали многие товарищи, связанные с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Двое из них (Устругова и Сибилева) дали мне на хранение ряд листовок, выпущенных тогда «Союзом». В числе их была листовка, написанная В. И. Лениным, для рабочих фабрики Торнтона.

Кроме отдельных листовок и брошюр, я получала литературу из нашей подпольной типографии и наши большевистские издания из-за рубежа. Для их хранения понадобились многочисленные склады. Вот в этом деле большую помощь оказывала молодежь. Представитель студенческой молодежи входил в П. К. Он предоставлял в мое распоряжение студентов, которые давали мне квартиры для складов, переносили литературу. Студенты же предоставляли квартиры для ночевок нелегально приезжавшим в Петербург товарищам и для явок. Так, в столовой Технологического института в Петербурге была явка Розалии Самойловны Землячки, другая явка была в столовой Петербургского университета.

В начале 1904 года мне пришлось покинуть Петербург, так как один из арестованных товарищей сообщил мне через родных, что жандармерия знает о моей нелегальной работе.

После нескольких месяцев странствований я, наконец, осела в Москве для работы

в Северном бюро ЦК партии совместно с Н. Э. Бауманом, Ф. В. Ленгником, П. А. Красиковым. В этот период нам пришлось вести в московской организации большую борьбу с примиренцами. Борьба окончилась нашей победой, и Московский комитет стал на нашу сторону, то-есть стал большевистским.

Как известно, в Москве в это время орудовал Зубатов, наводнивший рабочие организации провокаторами. По их доносам были арестованы Бауман, его жена Капитолина Медведева, Ленгник, я и еще кое-кто из товарищей. Все мы очутились в Таганской тюрьме. Ленгник был арестован, имея паспорт на имя баварца Артура Циглера. Будучи немцем по происхождению и владея родным языком, Ленгник на допросе держал себя так, будто не понимает по-русски. Потребовался переводчик. Этим переводчиком стала я. «Циглера» перевели в камеру, которая помещалась над моей. Когда администрации нужно было сообщить ему что-либо, надзиратели вызывали меня. Так длилось месяца два, пока, наконец, Ленгник не был «раскрыт» и, приехав с допроса, заговорил по-русски.

Все мы были арестованы в июне 1904 года. В это время в России было введено новое уголовное уложение, согласно которому политические дела разбирались не в административном порядке, а в судебном. Жандармы обязаны были производить допросы в присутствии прокурора.

В прежние времена мы руководствовались брошюрой Бахарева «Как держать себя на допросах». Брошюра эта ясно говорила, что арестованный, какое бы он положение в партии ни занимал, не должен давать никаких показаний. Ведь обыкновенно арестовывали одновременно нескольких товарищей, и когда каждый сочинял свои показания, то в них всегда проскальзывала крупица правды. В результате из этих крупиц у жандармов составлялась близкая к истине картина. Если же все отказывались давать показания, жандармы не могли определить, кем является допрошенный: рядовым членом организации или руководящим ее работником.

С появлением нового уголовного уложения перед нами, социал-демократами, встал вопрос: как вести себя на суде?

Со мной был такой случай. Меня вызвали на допрос в Гнездниковский переулок, где помещался жандармский корпус. На допросе были жандарм и прокурор Виссарионов. Когда я отказалась от дачи показаний, Виссарионов с усмешкой сказал мне: «Когда господин Плеханов и господин Аксельрод решат, вы будете давать показания?» Я в том же тоне ответила: «Что́ господин Плеханов и господин Аксельрод решат, это их дело, а я давать показаний не буду».

В тюрьме мы решили просить В. И. Ленина написать брошюру о поведении революционеров на суде, примерно такую же, как брошюра Бахарева о поведении на жандармском допросе. В декабре я по поручению товарищей написала о нашей просьбе В. И. Ленину. В ответ на наше письмо Владимир Ильич ответил письмом, напечатанным впервые в V Ленинском сборнике под заголовком «Письмо Абсолюту» (в те годы у меня была партийная кличка «Абсолют»). В этом письме В. И. Ленин давал лишь некоторые советы, но считал, что выпускать брошюру несвоевременно, что надо посоветоваться с товарищами.

В Таганской тюрьме мы, «политики», как называли нас, политических заключенных, пользовались прогулкой два раза в день в одиночку по 10 минут. Те же товарищи, которые уже имели приговор, а их было 16 человек из разных концов России, пользовались правом гулять больше и все вместе, или, как мы говорили, имели «общую прогулку». Вскоре трое из них были отправлены в Одессу, на место, где было решено их дело в административном порядке, для нового рассмотрения дела в суде. Оставшиеся 13 человек сговорились на прогулке, что каждый из них 1 ноября подаст заявление с требованием либо освободить их до нового судебного разбирательства, либо назначить суд на январь. Они предупредили, что если они не получат до 10 ноября ответа, то начнут голодовку. Товарищи сообщили нам об этом своем решении, но просили остальных политических заключенных не примыкать к ним до шестого дня голодовки. Дело в том, что в тюрьме среди 80 политических заключенных было много молодых эсеров. Товарищи боялись, что сгоряча эта зеленая молодежь объявит голодовку, а на второй день не выдержит, начнет принимать пищу и тем сорвет все дело.

Мы согласились с товарищами и до шестого дня голодовки к ней не примыкали. В течение этих шести дней только часть голодающих была освобождена под залог. Тогда 15 ноября мы все подали заявления о том, что начинаем голодовку в поддержку требований голодающих. На одиннадцатый день всем участникам «общей прогулки»

было сообщено о дне нового суда, и голодовка прекратилась.

Естественно, что слухи о голодовке в Таганке 80 человек разнеслись по всей России. Родные заключенных всполошились, стали хлопотать о том, чтобы их родственников выпустили под залог. Выпустили на свободу и меня.

Я тотчас уехала в Петербург — это было в декабре 1904 года. В Петербурге Розалия Самойловна Землячка передала мне все дела как по ЦК партии, так и по Петербургскому комитету, так как сама она должна была уехать за границу.

В это время в Питере среди рабочих создавал свое общество поп Гапон. Петербургский комитет, естественно, не мог остаться в стороне от этого движения и вел работу среди рабочих, попавших под влияние Гапона.

Началась подготовка шествия к царю. Социал-демократы решили итти вместе с рабочими. ПК высказался за то, чтобы никто из рабочих не брал с собой оружие. Конечно, мы не ожидали кровавого исхода, но были уверены, что аресты будут и если у рабочих найдут оружие, вся вина падет на них. Нам, членам ПК, было строго запрещено итти к Зимнему дворцу.

Днем 9 января мне было поручено какое-то дело на Галерной улице, недалеко от Невского. Добравшись окольным путем до этой улицы, я решила затем пройти на Невский и посмотреть, что там делается. Шла я по Большой Морской (теперь ул. Герцена). Никакого скопления людей здесь не было, шли прохожие, каждый по своим делам. Вдруг из Кирпичного переулка появился взвод солдат и открыл стрельбу. Люди в панике бросились в сторону Гороховой (теперь ул. Дзержинского). По Гороховой навстречу толпе ехал на санях генерал. Все были до того возмущены стрельбой на Морской, что несколько человек остановили извозчика, стащили с саней генерала, сняли с него шинель, а она была на красной подкладке, вывернули ее наизнанку и напялили на генерала: «на, тебе, мол, ты стрелял в «красных», так вот теперь ты сам красный». Сани с генералом умчались.

После 9 января вызванные в Питер казаки и драгуны вели себя невероятно нахально и дерзко. Вот два характерных случая. Один произошел лично со мною. Я шла с Невского по Фонтанке по направлению к Чернышеву мосту. Кроме меня, на панели никого не было. Мне навстречу ехал взвод не то драгун, не то казаков. Некоторые из них крупами своих лошадей стали прижимать меня к стене дома, рассчитывая вызвать мой протест для того, чтобы избить нагайками. У меня хватило выдержки, и я благополучно ушла от распоясавшихся карателей.

А вот второй случай. Я ехала на конке по Невскому на Васильевский остров. Миновав Дворцовый мост, конка свернула на набережную по направлению к Академии художеств. Навстречу ей ехал взвод казаков. Кто-то из пассажиров империала [1] бросил по их адресу крепкое словечко. Тогда взвод остановил конку, стащил пассажиров с империала и избил их нагайками.

В августе 1905 года был назначен судебный процесс над нами в Москве. Однако он был отложен ввиду неявки на суд Ленгника и Платона Александрова. Мы убедили их не являться на суд. Оба они уже побывали за свою революционную деятельность в тюрьмах и в ссылке, и мы боялись, что к ним будет применен параграф закона, предусматривающий каторгу. А так как оба были больны туберкулезом, то такой приговор был особенно опасен.

После этого я по поручению члена ЦК партии Б. Кнунианца уехала в Женеву.

По приезде в Женеву я немедленно пошла к «Ильичам», как все называли квартиру, где жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна. Это была моя первая встреча с Владимиром Ильичем, мое первое личное знакомство с ним. До тех пор я знала Ильича только по переписке. В Женеве же я впервые услышала Владимира Ильича как оратора, и это его выступление до сих пор, спустя 50 лет, живо в моей памяти той необыкновенной силой логики, которая покоряла себе аудиторию.

Но поработать совместно с Владимиром Ильичем мне пришлось очень недолго, так как после манифеста 17 октября, когда открылась пусть небольшая возможность для легальной работы партии в России, Владимир Ильич сразу же уехал на родину. Приехав в Петербург, Владимир Ильич прямо с вокзала отправился на Преображенское кладбище, где были похоронены убитые 9 января. Ильич свято чтил память жертв «кровавого воскресенья».

Уезжая из Женевы, Владимир Ильич поручил мне ликвидировать типографию, склад, архив, библиотеку ЦК партии и

---

[1] Дешевые места для пассажиров на крыше конки.

отправить все в Швецию, в Народный дом в Стокгольме, которым ведал в то время социал-демократ Брантинг, всячески помогавший нам, русским социал-демократам.

Это задержало меня в Женеве до конца декабря. В декабре в Женеве появились беженцы из Москвы, то-есть та буржуазная и аристократическая публика, которая покинула Москву в страхе перед начавшимся там декабрьским восстанием. О том, что происходило в это время в России, я знала только по иностранным газетам.

В Петербург я вернулась 2 января 1906 года.

С. МСТИСЛАВСКИЙ

КОМИТЕТСКИЕ

Глава из книги „Грач, птица весенняя", посвященной жизни и революционной деятельности выдающегося большевика Николая Эрнестовича Баумана (1873 — 1905).

Комитетская явка, которую дал Козуба, оказалась опять-таки у врача, только у зубного. Такими «докторскими» явками подпольщики всегда пользовались особенно охотно: ходить «пациентом» можно, не возбуждая подозрений ни в швейцаре, ни в прислуге. Да и хозяина не подведешь: врач по самой профессии своей не отвечает за тех, кто заходит к нему на квартиру, даже в тех случаях, если, как сегодня, например, у зубного врача Вильгельма Фердинандовича Фохта, на Бронной, на четвертом этаже, соберутся сплошь социал-демократы, члены комитета, и будут вести заседание в гостиной, где обыкновенно ожидают пациенты. У доктора Фохта прием по записи. Кто и как докажет, что все на этот день в списке помеченные фамилии — фальшивые и фальшивы все пометки в приемном докторском дневнике за этот день; что никаких пломб он не клал и никаких зубов не лечил; что все это декорация, а на деле — очередное заседание Московского партийного комитета РСДРП?

Прием у доктора только по записи, и если бы даже в эти забронированные за комитетом часы позвонил какой-нибудь случайный пациент, доктор ответил бы ему, как ответил Бауману, пришедшему в указанный Козубою час на явку в зубоврачебный кабинет:

— Простите, сегодня я вас принять не смогу: запись на сегодня и на ближайшие дни заполнена. Не раньше среды на той неделе.

Доктор сказал Бауману так потому, что Бауман — в целях некоторого испытания явки — не сказал сразу же пароля. Тем более, что пароль был длинный и нелепый, — как-то стыдно было взрослому человеку и подпольщику говорить такую несуразицу.

Доктор открыл ему сам: на эти часы он отпускал прислугу и сам выходил на звонки — принимать пароль. Впрочем, до формальностей этих дело доходило редко, так как доктор был приятелем Григория Васильевича, секретаря комитета, и знал всех членов комитета в лицо.

На этот раз лицо было незнакомое. И посетитель не сказал пароля, а только подозрительно-весело блеснул глазами, когда Вильгельм Фердинандович буркнул испуганно и сердито:

— Не смогу.

— А может быть, все-таки...

— Никак. Простите, меня ждут пациенты... — Доктор распахнул выходную дверь.

Бауман снял пальто.

— Я от Марии Петровны.

Доктор снова прикрыл дверь. Он пробормотал, не глядя:

— Как здоровье Марии Петровны?

— Благодарю вас! — Бауман раскрутил шарф, повязывавший шею. — Читали ли вы книгу: «Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка...»

— «Умирающая на гробе своего мужа», — радостно подхватил доктор. — Что же вы не сразу?.. Я уж было думал... Вы что, новичок?

— Новичок, — кивнул Бауман. — Сюда?

Он откинул портьеру и вошел в приемную.

Пять человек сидели вокруг стола, покрытого плюшевой скатертью. У всех в руках журналы или газеты: так дожидаются очереди приема в любой докторской приемной.

Четыре лица закрылись при появлении нового пациента газетными и журнальными листами; четыре пары глаз опустились вы-

жидающе на печатные столбцы. Пятый не опустил глаз, потому что Густылев сразу опознал Баумана.

Бауман поклонился с порога. Глаза смеялись, как давеча, в прихожей. Конспирация. Все правильно. Но, честное слово, будь он шпиком, он определил бы без промаха, что именно здесь происходит.

— Виноват, господа... кто последний?

— Товарищи, — глухо сказал Густылев, и бумажные щиты отодвинулись, снова открыв удивленные и настороженные лица. — Это... товарищ, бывший делегатом от московской организации на втором партийном съезде...

— Сорокин, — поспешил докончить Бауман и поклонился еще раз, очень ласково. — Я направлен в Московский комитет на работу.

— Мандат? — почти шопотом сказал Григорий Васильевич; он недружелюбно оглядел приезжего.

Сорокин на съезде был в числе самых «твердых» искровцев. Ленинец. Но в дальнейшем о нем ничего не было слышно. Уже на съезде лиги, с которого началась открытая внутрипартийная война, Сорокина не значилось. Надо думать, отошел к благоразумным. Впрочем, сейчас все выяснится.

— Вы имеете, конечно, мандат, товарищ Сорокин?

Грач кивнул, достал ножичек, вспорол шов рукава, вынул узенький полотняный лоскуток.

— Мандат от Цека, — сказал секретарь и переглянулся с остальными.

Хотя Цека занимал, как известно, в разгоревшейся борьбе промежуточную позицию, но прислать он мог все же скорей антиленинца, потому что большинство Центрального Комитета определенно склонялось от Ленина к Плеханову и Мартову. Помогать Ленину отбивать российское подполье у «меньшинства» (а на это Ленин сейчас бросает все силы) Цека, во всяком случае, не станет, можно поручиться. И поскольку мандат настоящий, правильно и официально оформленный, оснований оспаривать его нет. Григорий Васильевич подвел итоги своим мыслям вслух:

— Что ж, товарищи? Будем считать товарища Сорокина кооптированным, согласно указанию Центрального Комитета?..

Все промолчали. Григорий Васильевич приложил край лоскутка, на котором был написан мандат, к тлеющему кончику папиросы; лоскуток закурился тонким дымком и, свернувшись, лег пеплом на пепельницу.

— ...и будем просить товарища проинформировать нас о положении за границей, в тамошних кругах. Насколько верно сообщение, что Ленин окончательно разбит? «Робеспьер пал», как писал недавно Плеханов. Насколько, так сказать, глубоко его падение? Вы виделись, надо полагать, с Георгием Валентиновичем перед выездом?

Вопрос был явно провокационный; по существу, он давал право Грачу ответить на хитрость хитростью. Но Бауман не переносил в политике пачкотни и подсиживания, на которое такие мастера эти вот господа меньшевики. Он рассмеялся поэтому откровенно и громко.

— Я виделся не с Георгием Валентиновичем, а с Владимиром Ильичем, уважаемые товарищи.

«Ленинец!»

Эффект был неожидан и резок. Григорий Васильевич нашелся не сразу. А в следующий момент в прихожей, рядом, прозвонил звонок, и почти тотчас вошел Козуба. С порога он оглянул собравшихся и сказал хмуро:

— Сознавайтесь, кто шпика привел? У подъезда вполне определенно — шпик.

Бауман кивнул.

— В барашковой шапке, лодочкой? Я тоже видел, когда подходил.

Козуба продолжал, обсасывая с усов ледяные сосульки:

— За мною стукнула дверь: по-моему, он вошел следом.

Густылев и Григорий Васильевич отозвались в два голоса:

— Не может быть! Общеизвестно: агентам строжайше воспрещается заходить в подъезды по следу, чтобы не обнаруживаться.

— Знаю, — согласился Козуба. — А все-таки он, кажется, вошел.

Звонок в прихожей прозвонил опять — тоненьким, очень неуверенным звонком. Бауман, улыбаясь, покачал головою:

— Придется нам, кажется, заявление подавать в департамент полиции с жалобой на нарушение шпиком департаментских инструкций!

ПРОЧЬ С ДОРОГИ

Революционная песня

Прочь с дороги, мир отживший,
Сверху донизу прогнивший, —
Молодая Русь идет
И, сплоченными рядами
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет.

Прочь с дороги все, что давит,
Что свободе сети ставит...
Зла, насилия жрецы,
Вам пора сойти со сцены,
Выступаем вам на смену
Мы, отважные борцы.

Мы, рожденные рабами,
Мы, вспоенные слезами,
Мы, вскормленные нуждой,
Из тюрьмы, из злой неволи
Рвемся все мы к лучшей доле,
Рвемся мы с неправдой в бой.

Дети родины опальной,
Шьем мы саван погребальный
Палачам родной страны.

В тюрьмах, в ссылке отдаленной
Гимн слагаем похоронный
Царству зла, насилья, тьмы.

Крепче стали наши руки,
Не страшны нам смерть и муки,
Не боимся мы цепей.
Мы не дрогнем, не отступим,
Мы ценой кровавой купим
Счастье родины своей.

К нам под знамя боевое,
К нам, все честное, живое,
К нам, бойцов отважных рать!
Грянем бурей-ураганом,
Будем мы на страх тиранам
За свободу воевать!

Прочь с дороги, злые силы,
Вас давно уж ждут могилы...
Молодая Русь идет
И, могучими рядами
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет!

А. СТЕПАНОВ

ПОРТ-АРТУР

Отрывок из романа

В доме Стесселя заседал военный совет. Человек двадцать офицеров, генералов и адмиралов собралось в просторном кабинете. На стене висела большая карта Артура с нанесенными на ней фортами и укреплениями. Фок красным карандашом старательно перечеркнул укрепление № 3 и аккуратно вывел дату его падения: 18 декабря 1904 года. Рядом на карте уже виднелись такие же крестики над вторым и третьим фортами.

— Прошу внимания, господа, — постучал Стессель карандашом. — Сейчас получено известие о падении укрепления № 3. Таким образом, все долговременные сооружения Восточного фронта перешли в руки противника. Наши войска отныне занимают плохо оборудованные полевые позиции второй линии. Я хочу слышать ваше мнение о возможности дальнейшего продолжения обороны.

Присутствующие начали высказываться. Артиллеристы, моряки и командиры полков седьмой дивизии единодушно говорили о необходимости продолжать оборону. Зато представители четвертой дивизии, которой командовал Фок, не менее дружно высказывались за бесцельность дальнейшего сопротивления.

— У нас совсем нет снарядов, — утверждал начальник штаба четвертой дивизии подполковник Дмитриевский.

— В наличии имеется свыше ста тысяч бомб и шрапнелей различных калибров, — возразил Белый.

— В полках больше половины солдат больны цынгой, питание плохое. Наступили холода, но нет теплой одежды, — на разные голоса твердили полковники Савицкий, Гайдурин и Некрашевич в тон Дмитриевскому.

— Японцу тоже приходитша не шладко, он больше нашего штрадает от холода. Шолдатики еще могут держатьша, только

надо увеличить дачу конины. У наш имеетша еще нешколько тышяч лошадей. Обяжательно и необходимо шражатьшя до конца, — с большим подъемом проговорил старик Надеин, который после смерти Кондратенко вступил в командование седьмой дивизией.

— Я недавно был в траншеях и видел там наших мучеников-солдатиков. Только жестокосердечные люди могут заставить их воевать. Они завшивели, изголодались, но еще полны героического духа. Необходимо сохранить их для России. Они вполне заслужили право на дальнейшую жизнь, — со слезой в голосе разливался Фок.

— О сдаче не может быть и речи! У меня есть еще около полусотни вариантов дальнейшей обороны Артура, — торжественно проговорил Смирнов, но это заявление вызвало лишь досадливую улыбку на лицах присутствующих.

— Миссия Порт-Артура в смысле защиты флота окончена, так как эскадра перестала существовать. Для Северной армии Артур теперь является лишь обузой. Дальнейшая защита может привести к взятию крепости штурмом и общей резне, — спокойным профессорским тоном проговорил Рейс.

— Вы забываете об эскадре Рожественского. Он ведь рассчитывает итти в Артур, а не во Владивосток, — возразил Вирен.

— Чтобы затонуть в наших лужах совместно с артурской эскадрой, — заметил иронически Стессель. — Для этого не стоило совершать далекого путешествия из Европы.

Но за продолжение обороны все же высказалось огромное большинство присутствующих на совете.

— Итак, будем считать, что совет высказался за оборону до конца, — подвел итоги Стессель. — На каких рубежах мы дальше будем обороняться?

— Я доложу, — поднял руку Смирнов. — Сначала за Китайской стенкой, где мы находимся сейчас. Тут у меня имеется пять вариантов...

— Пожалуйста, без них, — остановил его генерал-адъютант.

— Затем отойдем на Скалистый кряж, потом на Владимирскую и Митрофаниевскую горки и, наконец, займем городскую ограду. Конечно, тут могут быть различные варианты, но я уже о них не говорю.

— Я нахожу, что все эти линии не имеют серьезного оборонного значения. Задерживаться на них долго не удастся. Да, впрочем, это в настоящее время и неважно, — ответил Стессель.

Едва все разошлись, Фок сел за письменный стол Стесселя и быстро набросал приказ об оставлении батареи литера Б и Залитерной, обоих Орлиных Гнезд и всей второй линии обороны.

— Я отхожу прямо к центральной ограде, — сообщил он Стесселю.

— Что ты, что ты, Александр Викторович! Ведь только что совет высказался за продолжение обороны!

— Плевать мне на все советы! Если до двадцатого числа Артур не капитулирует, мы с тобой лишимся нескольких миллионов долларов. Это поважнее. Хоть остаток дней мы будем жить спокойной, обеспеченной жизнью. Ну, я пошел.

— Постой, нельзя же так сразу... — пытался остановить его Стессель.

— Прикажи Рейсу подготовить письмо с предложением о капитуляции. До полуночи двадцатого декабря старого стиля, первого января нового, оно должно быть в японском штабе, — и Фок, не прощаясь, вышел.

Штаб командующего японской осадной армией под Порт-Артуром генерала барона Ноги расположился в большой китайской деревне Шуйшиин, в одиннадцати километрах от передовых фортов осажденной крепости.

Сам генерал занимал просторную светлую фанзу, все стены которой были увешаны картами и схемами порт-артурских фортов и укреплений.

Темным декабрьским вечером Ноги вместе со своим начальником штаба генералом Идзити склонился над письменным столом, на котором лежали только что составленные сведения о потерях осадной армии во время последних штурмов.

— Больше штурмовать мы не можем, ваше превосходительство, мы останемся без армии, — доложил Идзити.

— Но наш божественный Тэнно требует немедленного взятия Артура, так как эскадра Рожественского уже находится около Мадагаскара, а к Маньчжурской армии Куропаткина ежемесячно прибывает по два свежих корпуса. Если Артур не будет взят до января, русские получат перевес как на суше, так и на море, и война будет нами проиграна, — неторопливо возразил Ноги.

— Но штурмовать сейчас нам просто нечем — нет ни людей, ни снарядов, ни патронов, — нервно проговорил Идзити.

Наступило тягостное молчание.

— Тогда нам остается только одно, Идзити-сан: харакири, — раздельно, строго произнес Ноги, в упор глядя на своего начальника штаба.

Разговор прервал сильный стук в дверь.

— Войдите, — недовольно разрешил Ноги. В комнату влетел радостно возбужденный генерал Танака.

— Счастлив доложить вашему превосходительству: генерал Стессель обещал сдать крепость не позднее первого января, — почтительно доложил он Ноги.

П. ДАЛЕЦКИЙ

ЛЯОЯН

Отрывок из романа „На сопках Маньчжурии"

Рота Логунова вышла из деревни и свернула к распадку. То, как рота перебиралась через поток и как пошла по распадку, Ширинскому не понравилось чрезвычайно; солдаты шли широко, вольно — казалось ему, как попало, — и не видно, чтобы ими кто-нибудь командовал.

Потом рота исчезла под мостом. Японцы торопливо, но спокойно рыли окопы. Значит, они не видели врага? Где же рота? «Напрасно я послал Логунова!» — подумал Ширинский, сразу вспомнив все его преступления.

— Чорт знает, чепуха какая-то получается, — сказал он.

Японцы, рывшие окопы, забеспокоились, повернулись налево, донеслись одиночные выстрелы, залпы. Ширинский не видел ничего и ничего не понимал.

— Вы посмотрите, господин полковник, что происходит, — сказал Жук, разглядевший атаку Логунова. — Они ползут.

Руки Ширинского, державшие бинокль, задрожали. Солдаты его полка ползли на брюхе. Ползли, как насекомые!

— Что с ними, капитан? — крикнул он задребезжавшим, сорвавшимся голосом.

Свистунов ждал этого вопроса, восклицания, но не ждал такой ярости. Одно дело парад, где можно приходить в ярость оттого, что ремень сидит косо. Другое дело — поле боя, где люди не маршируют и не играют в солдатики, а отдают свою жизнь и где все, каждое движение расценивается с точки зрения победы или поражения.

— Первая рота успешно штурмует сопку, — сказал он.

— Что, что? Что такое? Японцы перещелкают их сверху, как цыплят. Мои солдаты ползут! Вернуть! Вернуть немедленно! Под суд! Послать Шульгу... Вся рота погибнет!.. Под суд!

«Ползут до поры до времени, а потом поднимутся и не их перещелкают, а они японцев перещелкают», — хотел сказать Свистунов, но промолчал, увидев белые от ярости и страха глаза полкового командира.

Побежали два ординарца: первый к высотке, второй к Шульге.

Тот, кто бежал к высотке, скоро устал. Грязь пудами липла к сапогам. Через поток, который стал еще глубже, он долго не мог перебраться, а перебравшись, пошел шагом. На сопке кипел бой, и он не понимал, кому и как он передаст распоряжение.

Укрывшись за камнем, солдат ждал, чем кончится схватка, и когда она кончилась бегством японцев, заторопился к сопке передать приказ о немедленном отступлении роты.

С сопки несли раненых. Посыльный в одном из них узнал фельдфебеля роты Федосеева.

— Благословили и вас, — сказал он. — Где командир роты?

— Он наверху. Ну, братец ты мой, видали мы японцев, а эти хуже всех, — оживленно заговорил раненый.

— Хоть и хуже всех, а наша соль им не понравилась.

— Русская соль, братец, сердитая. Кто из них лег, кто побег.

— Страсть, сколько воды налило, — бормотал посыльный, думая перебраться через небольшой распадок, в котором воды было как будто не так уж и много, но когда он ступил, поток чуть не сбил его с ног.

...Логунов перевел бинокль с солдата, бежавшего со стороны Гудзядзы, на деревню. Где-то там стоял, а возможно, и до сих пор стоит Ширинский. Если он видел атаку роты, он мог воочию убедиться, что значит не лезть на сопку в лоб, да еще густыми цепями.

Тучи то сгущались над деревней и горой Маэтунь, то делались реже, светлее; ощущалась близость солнца, земля отдавала паром. Несмотря на духоту, сейчас хотелось солнца. Хотелось потому, что была одержана победа, и казалось, если солнце пробьется сквозь тучу, то победа будет как бы утверждена. В эти короткие минуты Логунов вспомнил Петербург, Таню, родителей, себя самого со своими прежними взглядами. Воспоминания проносились быстро, подтверждая то новое, что установилось в нем.

Наконец к нему добрался посыльный Ширинского, невысокий солдат, где-то в потоках потерявший свою бескозырку. Солдат все же поднял по привычке руку к голове и передал приказ командира полка немедленно отступить.

Он не мог ответить на вопрос Логунова, что случилось, почему отступить. Вишневский, сидевший рядом, высказал предположение, что, вероятно, изменилась обстановка, но что это еще вовсе не обозначает, что она изменилась к худшему, — вполне возможно, что готовится удар. Лицо Вишневского и вся дородная фигура его, еще недавно полная командирской важности, сейчас были по-солдатски просты.

— А ведь жалко уходить?!

— Батенька, насколько я постиг, война — это движение.

Скользя и отваливая сапогами огромные глыбы мокрой земли, солдаты, вдруг ощутившие усталость, медленно покидали сопку.

Шульга, получивший приказ атаковать сопку, двинулся к бушевавшему потоку. Вода была желта, стремительна и, мрачно крутясь, уносилась к железнодорожному мосту. Солдаты шли, как положено, в полной выкладке. Место для перехода было выбрано неудачно, и первые ряды, сбитые потоком, с трудом вернулись на мягкий илистый берег.

Шульга кричал и ругался.

— Фесенко, ищи броду, — послал он правофлангового первого взвода.

Фесенко начал добросовестно искать брод, через каждые десять шагов он ступал в воду, где все неслось и кружилось: кустики, стебли гаоляна, деревянная утварь, подхваченная потоком в деревне... Фесенко погружался по пояс, выкладка и винтовка тянули его книзу.

— Назад, дурак! Какой это брод! — кричал Шульга. — Бери правее!

В это время Логунов уже овладел сопкой.

Ширинский молчал. Свистунов стоял рядом и тоже молчал.

Жук придвинулся к самому краю крыши и передавал наблюдения.

— Григорий Елевтерьевич, все! Все до одного япошки из тех, кто остались в живых, сиганули... Здорово!

Ширинский никак не ожидал, что эта дикарская, животная атака может привести к победе. Если же она привела к победе, то атака войск, стремительно идущих на штурм со штыками наперевес, должна была бы дать еще больший успех. В этом он был убежден. Но он молчал и покашливал, потому что не знал, что предпринять. С минуты на минуту Логунов получит приказ об отступлении и оставит сопку...

А Шульга все еще бьется около потока...

— Вода все прибывает? — спросил Ширинский.

Свистунов промолчал.

«Если отправить второго посыльного с приказанием не отступать, все равно он опоздает», — думал Свистунов. Он стоял мокрый, белый от ярости, по самый нос нахлобучив фуражку.

Руки Ширинского, державшие бинокль, дрожали.

Первая рота оставляла высоту, а четверть часа назад Жук сообщил Штакельбергу по летучей почте о ее взятии.

Капитан Яманаки лежал в гаоляне, наблюдая за противником. Русские, с таким искусством и храбростью овладевшие сопкой, вдруг ни с того ни с сего, как дети, которым надоело играть, бросили позицию и скрылись в направлении железнодорожного полотна.

Яманаки отдал краткий приказ. Солдаты, усталые от боев и непогоды, вскочили и, напрягая все силы, побежали за своим командиром.

Капитан бежал впереди всех. Он скользил, падал; солдаты его скользили, падали; Юдзо упал несколько раз. Что значили все его соображения о безумии войны? Он воевал, как воевали все! Маэяма мог быть доволен.

Взобравшись на гребень сопки, попрыгав в свои окопы, японцы сейчас же открыли по русским огонь.

Русские шли кучно, они не ожидали обстрела; они несли раненых, кругом катились потоки, раненых переправлять через них было нелегко.

Японцы били с неистовым озлоблением,

русские не отстреливались. Они попытались рассыпаться по полю, но те, кто были около раненых, не могли рассыпаться и падали жертвами японского огня.

Свистунов подошел к Ширинскому. Почти прошептал:

— Вы отдали японцам высотку! Вы! Понимаете?..

И, волоча ноги, проваливаясь в рыхлую крышу, направился к лестнице.

Логунов спускался к потоку. Шульга топтался на противоположной стороне...

Японцы снова открыли артиллерийский огонь по деревне. Ойяма делал последнюю попытку ударить всеми силами на неподдающийся корпус. Он собирался бросить атакующие полки во фронтальную атаку и вместе с тем готовил обходное движение, чтобы в момент наивысшего напряжения русские оказались в клещах.

Когда Свистунов выезжал из деревни, земля гудела, дрожала от выстрелов сотен орудий, бивших на фронте протяжением в восемь верст; воздух выл и дрожал, впадина, в которой лежали Гудзядзы, покрылась столбами огня. Прямо из земли полыхало желтое пламя с зеленоватым, нестерпимо режущим глаза ободком, потом пропадало, вскидывался фонтан густого темнокоричневого дыма, и далеко во все стороны летели комки железа и земли. Японцы стреляли шимозами.

Дорога, по которой вчера шел батальон, вся была в этих страшных смерчеобразных столбах; между ними скакали санитарные и патронные повозки, одни счастливо, другие разлетались вдребезги или просто исчезали с конями и людьми.

Ширинский, Жук и несколько солдат охотничьей команды обогнали Свистунова.

— Капитан, приказываю отбить сопку! — крикнул Ширинский.

Свистунов выругался. Ветер донес его ответ до ушей Ширинского, но Ширинский только хлестнул плетью коня.

У ручья беспомощно барахтался Шульга...

М. ГОРЬКИЙ

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома, — чуткий демон, — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

В столице 9 января грянул первый гром революционного выступления пролетариата. Раскаты этого грома пронеслись по всей России, подняв с невиданной раньше быстротой свыше миллиона пролетариев на гигантскую борьбу.

В. И. ЛЕНИН

II

«КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ»

И буря грянула.

В Петербурге новый, 1905 год был встречен стачкой на Путиловском заводе. Стачка вспыхнула стихийно, как одно из обычных столкновений рабочих с капиталистами. Поводом к ней послужила жалоба рабочих деревообделочной мастерской завода на то, что мастер их обсчитывает. Начальник завода жалобы выслушать не пожелал. Тогда рабочие посадили мастера в тачку и с позором вывезли за ворота. Администрация уволила группу рабочих. Рабочие потребовали от администрации уволить мастера, а уволенных принять обратно. Директор ответил грубым отказом. 1 января 1905 года рабочие-путиловцы начали стачку в защиту уволенных товарищей.

Путиловский завод, один из крупнейших в то время в России заводов, выпускал рельсы, вагоны, паровозы, артиллерийские орудия, снаряды. Наживаясь на правительственных заказах, особенно во время войны, заводчики выжимали из рабочих все соки. Рабочий день на Путиловском заводе, с обязательными сверхурочными, составлял 16—18 часов в сутки, а по числу несчастных случаев завод обгонял все другие заводы и фабрики.

На Путиловском заводе уже много лет существовали подпольные революционные кружки. В 1895 году в пушечную мастерскую завода поступил молодой токарь Михаил Иванович Калинин. Он установил связи с революционным подпольем, стал членом петербургского «Союза борьбы», а затем руководителем социал-демократической центральной группы Нарвской заставы. В 1899 году М. И. Калинин был арестован

и вскоре выслан из Петербурга. Но и в пушечном, и в лафетно-снарядном, и в старомеханическом цехах у Калинина остались товарищи и преемники, рабочие социал-демократы. Подпольная работа на заводе продолжалась.

Однако широкие массы рабочих были еще далеки от политики. Сотни путиловцев состояли членами «Собрания русских фабрично-заводских рабочих».

Царское правительство боролось с нарастающей революцией не только арестами, ссылками, нагайками и штыками. Оно пыталось развратить сознание рабочих, отвлечь их от политической борьбы. С этой целью незадолго до революции в некоторых крупных промышленных центрах — Москве, Минске, Одессе и других — были созданы «зубатовские» [1] рабочие организации, которыми руководили тайные полицейские агенты. Зубатовские общества имели кассы взаимопомощи и библиотеки, устраивали для своих членов семейные вечера и лекции. Охранка держала эти общества под неослабным наблюдением, вела там монархическую пропаганду.

В Петербурге в 1904 году было открыто «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», во главе которого стал полицейский агент, поп Гапон. «Собрание» пустило щупальцы во все рабочие районы и втянуло в свои ряды отсталые слои трудящихся. За Нарвской заставой в члены «Собрания» были вовлечены и несознательные рабочие Путиловского завода.

Социал-демократы неустанно разоблачали зубатовщину и предостерегали рабочих от ловушки, которую им расставляла полиция. Однако В. И. Ленин предвидел, что легализация рабочего движения, даже в виде зубатовщины, в конце концов принесет пользу рабочим, потому что разбудит самые отсталые слои пролетариата, сделает их более восприимчивыми к революционной агитации, ускорит появление таких обществ, где не провокаторы ловят социалистов, а социалисты вербуют себе сторонников.

Большевики использовали легальную гапоновскую организацию для упрочения своих связей с массами. Петербургский комитет РСДРП имел в районных отделениях гапоновского «Собрания» своих агитаторов, проводивших там партийную работу, и был осведомлен обо всех событиях.

---

[1] «Зубатовские» — по фамилии начальника московского охранного отделения Зубатова, создавшего эти организации.

2 января в Нарвском отделе гапоновской организации состоялось многолюдное собрание, где, кроме путиловцев, присутствовали рабочие и других заводов. Выступали на этом собрании и большевики. Рабочие потребовали от «Собрания» поддержать забастовку. Ночная смена двух мартеновских и всех прокатных мастерских Путиловского завода сразу ушла с работы. 3 января с утра стал весь завод.

Большевики направили все усилия к тому, чтобы поддержать стачку и придать ей революционный характер.

4 января путиловцы предъявили администрации более широкие требования: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, отмена сверхурочных работ, улучшение условий труда и быта. Администрация отказалась принять требования.

В тот же день забастовали тысячи рабочих завода Франко-Русского общества. На следующий день к стачке примкнули рабочие Невского судостроительного завода, фабрики Штиглица, Екатерингофской бумагопрядильни и других. К вечеру 5 января в столице бастовали 26 тысяч рабочих. В течение нескольких дней конфликт путиловцев с администрацией вышел за рамки одного предприятия и стал в центре внимания всей столицы.

Рабочее движение явно вырывалось из рук гапоновцев. Ни помешать ему, ни остановить его они уже не могли. Теперь масса увлекала за собой руководителей «Собрания». На многолюдных сходках рабочие бурно обсуждали свои требования и, несмотря на присутствие гапоновских руководителей, включали в них политические пункты социал-демократической программы. Стачка из экономической превращалась в политическую.

Большевики в листовке «Ко всем рабочим Путиловского завода» призывали рабочих дружно бороться против капиталистов и царского правительства, требовать политической свободы и демократической республики. Под влиянием большевиков было созвано общее собрание путиловцев, и депутация рабочих вновь направилась в дирекцию завода. Встревоженная администрация, получившая для завода спешные военные заказы, согласилась теперь удовлетворить все требования рабочих, за исключением введения 8-часового дня.

Но уступки уже опоздали. К стачке примыкали район за районом. 7 января бастовали все крупные заводы и фабрики столи-

цы с общим количеством рабочих свыше 100 тысяч человек.

Стачка в Петербурге стала всеобщей.

В листовке, выпущенной 7 января, Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих твердо добиваться выполнения своих справедливых требований. Листовка заканчивалась лозунгом: «Долой самодержавие, долой войну, да здравствует РСДРП!»

Фабриканты попытались расколоть ряды бастующих: они предлагали рассматривать требования рабочих по отдельным предприятиям. Но рабочие держались сплоченно и соглашались вести переговоры только от лица всех стачечников с представителями всех бастующих предприятий.

Порядок в столице не нарушался. Стачечники сами устанавливали дежурства, чтобы охранять фабрики и заводы.

8 января число стачечников еще увеличилось: их стало 111 тысяч. Бастовали рабочие электростанций, водопровода, конки, типографий. Газеты, за исключением двух правительственных, не вышли. Промышленная и торговая жизнь в столице окончательно замерла. Зато в рабочих районах шли непрерывные собрания.

Гапон, стараясь овладеть разбушевавшейся стихией, выдвинул предложение итти к Зимнему дворцу и подать царю петицию о рабочих нуждах, — «искать у царя защиты, прав и закона».

Наивная вера в царя у многих рабочих была еще так велика, что они приняли это предложение. Массы рабочих еще не понимали, что царь является главой господствующего класса и потому защищает интересы помещиков и капиталистов.

Собрания шли с утра до поздней ночи. Помещения не могли вместить всех желающих, и толпы народа в глубоком, сдержанном молчании стояли на улицах. Все было организовано самими рабочими и происходило в полном порядке. Выработанная петиция излагала требования прав для народа, меры борьбы с бедностью народа, меры против угнетения рабочих капиталистами. Она начиналась словами:

Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей... Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...

Когда из раскрытого окна читался отдельный пункт петиции и заканчивался вопросом: «Правда ли, товарищи?» — тишина сменялась гулом голосов: «Правда, правда!»

Люди были взволнованы, возбуждены, слышались рыдания женщин. Многие клялись итти к Зимнему, хотя бы там предстояло умереть.

Социал-демократы старались разъяснить рабочим всю наивность их веры в «милосердие» царя, старались удержать их от шествия к Зимнему дворцу и бесплодных жертв, доказывали рабочим бессмысленность этого шествия. Их слушали неохотно. «Мы не бунтуем, — говорили некоторые рабочие. — Мы только расскажем царю, как нас притесняют, пусть он нас защитит». «Ну, а если царь не примет и не выслушает вас?» — спрашивали социал-демократы. «Тогда нет у нас царя, долой его!»

Но толпа верила в силу петиции. Масса угнетенных, забитых людей еще надеялась на мирное разрешение острых классовых противоречий. Эти люди еще не были способны на восстание, они могли только просить и умолять.

Между тем правительство готовилось к кровавой расправе. Во дворах больших зданий и на окраинах города собирались наряды конной стражи и жандармов. С вокзалов прибывали дополнительно вызванные войска. В городе вывешивались объявления, запрещавшие сходки и митинги.

В листовке, выпущенной 8 января, большевики убеждали рабочих, что царя надо не просить, а сбросить с престола, что только с оружием в руках добывается свобода. Под влиянием большевиков в петицию были включены политические требования.

«Весь день мы говорим на собраниях в триста и в тысячу человек, где каждый час меняется публика, — писал один из социал-демократов. — В три дня мы превратили гапоновские собрания в политические митинги. Завтра идем с петицией в одно время из всех районов сплошной толпой. Войска наготове, по улицам везут пушки. Три ночи не спали. Завтра — конец. Вряд ли уцелею. Наши агитаторы, в том числе и я, ведут толпу и будут говорить на улицах. Прощайте...»

Вечером 8 января, по предложению А. М. Горького, депутация передовых писателей и ученых пыталась добиться приема у министров, чтобы предотвратить кровопролитие. Министр внутренних дел депутацию не принял; помощник его заявил, что

правительство ни в чьих советах не нуждается. Через два дня члены депутации были арестованы, Горький заключен в Петропавловскую крепость.

Наступило роковое 9 января.

С утра тысячные толпы рабочих с женами и детьми двинулись из разных районов к центру города. Люди несли иконы, хоругви, царские портреты. Но путь им преградили воинские и полицейские части.

Царское правительство действовало по хладнокровно обдуманному плану. Оно намеренно допускало подготовку шествия, чтобы затем расправиться с народом. Оно надеялось таким образом запугать массы рабочих и крестьян, остановить рост революционного движения в стране.

Как бы ожидая врага, гражданские власти в Петербурге уступили место военным. Весь город был разделен на участки, и 30 тысяч войск ждали демонстрантов у мостов и застав, прикрывая улицы, ведущие к центру, стояли на Невском проспекте, у Исаакиевского и Казанского соборов, окружали Зимний дворец. В этих местах и произошли главные «военные действия». Рабочие шли безоружными, а войска встречали их винтовочными залпами. Офицеры не давали подойти даже тем, кто хотел вступить в переговоры, объясниться, — торопились стрелять. Стреляли и по толпе, стоявшей на тротуарах, и по детям, взобравшимся на деревья Александровского сада, стреляли в студентов, считая их «зачинщиками» и «подстрекателями». Кавалеристы врывались в колонны демонстрантов, били нагайками, рубили шашками, топтали конями.

У Нарвских ворот полиция и солдаты преградили путь многотысячной колонне путиловцев. Последовали залпы. Когда упали первые убитые, кто-то из рабочих скомандовал: «Ложись!» Толпа легла. Продолжали стоять только те, кто держал иконы и царские портреты, как доказательство мирных намерений демонстрантов. Второй залп скосил и их. «Православие расстреляли», — говорили потом в народе.

Более тысячи человек было убито в этот день в Петербурге, несколько тысяч ранено. Однако пули не остановили рабочих. Небольшими группами, по переулкам и по льду каналов, они пробирались в город, на Невский, на Садовую, к Александровскому саду. Здесь собрался самый цвет петербург-

---

1905 г. Января 10

ЛИСТОВКА ВАСИЛЕОСТРОВСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ О РАССТРЕЛЕ РАБОЧИХ 9 ЯНВАРЯ С ПРИЗЫВОМ К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощенную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? — Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

Они — убийцы! — смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. **Да здравствует революция**, да здравствует учредительное собрание народных представителей! — Российская социал-демократическая рабочая партия.

(Сб. «Начало первой русской революции». М., 1955)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К СОЛДАТАМ

Солдаты! Вчера из ваших ружей и пушек вы убили сотни своих братьев. Не против японцев вас послали, не Порт-Артур защищать, а убивать безоружных женщин и детей. Ваши офицеры заставили вас быть убийцами. Солдаты! Кого убивали вы? Тех, которые шли к царю требовать свободы и лучшей жизни, — свободы и лучшей жизни для себя и для вас, для ваших отцов и братьев, для ваших жен и матерей. Стыд и позор! Вы наши братья, вам нужна свобода, а вы стреляете в нас. Довольно! Опомнитесь, солдаты! Вы наши братья! Убивайте тех офицеров, которые вам велят стрелять в нас! Отказывайтесь стрелять в народ! Переходите на нашу сторону! Пойдемте вместе дружными рядами против наших врагов! Отдавайте нам ваши ружья!

Долой царя-убийцу!
Долой палачей-офицеров!
Долой самодержавие!
Да здравствует свобода!
Да здравствует социализм!

С. Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Январь 1905 года

(«1905 год в Петербурге». Л.—М., 1925)

ского пролетариата, сохранивший мужество и решимость бороться с самодержавием.

Социал-демократы, пытавшиеся удержать рабочих от безрассудного шествия, остались с обманутым народом. Они шли вместе с колоннами рабочих, вместе с ними гибли от пуль, многие были арестованы. Теперь рабочие искали социал-демократов, жадно их слушали, от них ждали указаний, что делать дальше.

В этот день Петербургский комитет РСДРП в листовке «Ко всем рабочим» призывал их с оружием в руках восстать против царя и правительства.

За день настроение масс резко изменилось. Веры в царя как не бывало! По его адресу раздавались проклятья. Самые отсталые начинали понимать, что только в революционной борьбе можно добиться своих прав. Озлобление против правительства достигло крайней степени. Делались попытки достать оружие. Рабочие отнимали шашки и револьверы у офицеров и полицейских, в одиночку встречавшихся на улицах. На Васильевском острове рабочие захватили оружейную мастерскую, разгромили полицейский участок, а в одной из типографий отпечатали тысячи прокламаций с призывом к вооруженному восстанию.

На Троицком мосту, у Нарвской заставы, у Александровского сада и в других местах города уже к вечеру появились баррикады. На углу 4-й линии и Среднего проспекта возникла баррикада из фонарных и телеграфных столбов. Над ней взвился красный флаг. Некоторое время рабочие защищались с револьверами в руках и осыпали войска градом кирпичей. Но пехота взяла баррикаду приступом. Студент и рабочий, остававшиеся у флага, были подняты на штыки. Стрельба залпами продолжалась на улицах до поздней ночи.

А в центре города дворники спешно счищали залитый кровью снег, вставляли выбитые стекла, поднимали поваленные фонари.

Вечером в большом зале Публичной библиотеки и в здании Вольно-экономического общества собрались многолюдные митинги демократической интеллигенции. Здесь были составлены воззвания к обществу и к офицерам, покрытые сотнями подписей. Переписывался и ходил по рукам обвинительный акт царизму, написанный А. М. Горьким, обращенный ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств.

День 9 января стал поворотным днем в истории России. Своей кровавой расправой царизм уничтожил последние политические иллюзии широких слоев трудящихся и толкнул их на открытую борьбу. Теперь на политическую сцену активными борцами выступили массы, еще недостаточно сознательные, недостаточно сплоченные, еще шагающие на ощупь, но полные революционной энергии.

Всеобщая стачка в Петербурге продолжалась. 10 января в ней участвовало уже 150 тысяч человек. Жизнь города была парализована. Учебные заведения закрылись. Газеты не выходили. Электричества и газа не было. Военные караулы охраняли дворцы, казенные здания, электростанции, водопровод. 10 января войска весь день оставались на улицах, между ними и рабочими происходили отдельные столкновения. Колпинские и сестрорецкие рабочие, пытавшиеся прорваться в город, были остановлены стрельбой. Ночью, тайком, правительство хоронило убитых, которые оставались на улицах.

11 января генерал-губернатором Петер-

1905 г. Января 14

ИЗ СУДЕБНОГО ДЕЛА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ ОБ ОТКАЗЕ МАТРОСА ВЛАДИМИРОВА УЧАСТВОВАТЬ В ПОДАВЛЕНИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Секретно

10 сего января в казармах морского полигона матрос Владимиров нанес своему ротному командиру штабс-капитану Нелидову складным ножом две раны — в левую сторону груди и в левую руку. Случай этот произошел при следующих, еще не вполне проверенных, обстоятельствах. Указанного числа вечером штаб-капитан Нелидов собрал свою роту и стал объяснять, как нижние чины должны охранять полигон в случае появления забастовавших рабочих, причем указал на то, что в городе было несколько случаев нападения толпы на офицеров. Тогда находившийся в строю матрос Владимиров произнес: «Вас, сволочей, всех так надо бить!» Нелидов тотчас же приказал арестовать Владимирова, но последний вышел из строя и нанес Нелидову две не опасные для жизни раны.

На докладной записке министра внутренних дел о поступке матроса Владимирова Николаю II последний написал: «Следует предать полевому суду для примера».

(Из архивных материалов)

бурга был назначен известный палач народа Трепов. Он получил право применять военную силу, предавать гражданских лиц военному суду, арестовывать и высылать. Тюрьмы переполнились. Рабочих массами высылали из города. Многочисленные патрули и конные разъезды вели себя вызывающе, хватали всякого, казавшегося им подозрительным, нагло обыскивали и избивали. Были случаи диких расправ. Полиция подстрекала хулиганов к поджогам и грабежам, чтобы посеять вражду между стачечниками и населением. Но во всех слоях трудового Петербурга росла ненависть к царизму.

Обеспокоенное взрывом стачечной борьбы, царское правительство, помимо кровавой расправы, пыталось подавить революцию и обманом. Губернаторы вывешивали обращения к рабочим, призывая их не бастовать и «не слушать агитаторов». Министр финансов пригласил к себе делегацию рабочих и обещал им экономические реформы. Синод, высший орган православной церкви, выступил с воззванием к «заблудшим чадам», грозя им «гневом божьим» за неподчинение властям. Николай II принял в Царском Селе «депутацию» из специально подобранных полицией отсталых рабочих и прочел им по бумажке несколько лицемерных слов. Побывавшие у царя «депутаты» должны были потом прятаться от гневного возмущения своих товарищей.

Правительство напряженно следило за ходом стачки. Рабочие неохотно возвращались на предприятия: их гнали голод и нужда. Путиловцы первыми начали январскую стачку и последними закончили ее. Первая волна стачечного движения в столице схлынула в двадцатых числах января.

День «кровавого воскресенья» оказался толчком к мощному подъему революционного движения по всей стране. Клич «Долой самодержавие!», раздавшийся на улицах Петербурга, был подхвачен, повторен сотнями, тысячами, миллионами голосов. Великое оружие пролетарской борьбы — стачка — было пущено в ход и на западе, и в центральных губерниях, и на юге России, и на Кавказе. Стачки перерастали в политические демонстрации, в кровавые столкновения с войсками и полицией.

За несколько дней рабочее движение в стране поднялось на высшую ступень. Рабочие были готовы к решительной борьбе. Перед авангардом рабочего класса — большевиками — встали задачи: широко оповестить страну о событиях в Петербурге, всемерно поддержать стачечное движение и энергично пропагандировать всенародное вооруженное восстание.

Этот документ был написан А. М. Горьким от имени делегации прогрессивной интеллигенции Петербурга, посетившей 8 января 1905 года премьер-министра царского правительства Витте.

«Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом довести до сведения всех русских граждан и общественного мнения европейских государств следующее:

зная, что 9 января рабочие г. Петербурга решили всей массой идти к Зимнему дворцу, для того, чтобы, вызвав к себе государя, вручить ему программу общегосударственных реформ,

зная, что рабочие не имеют намерений придать своей мирной манифестации характера революционного, что у них еще сохранилась вера в силу и власть царя и надежда, что он доверчиво примет и выслушает их,

мы, нижеподписавшиеся, 8 января вечером отправились к министру внутренних дел с целью потребовать от него, чтобы он — во избежание кровавых событий — сделал распоряжение не выводить на улицы войска в день 9 января и дал бы рабочим возможность свободно говорить с их царем.

Когда мы с этой целью [явились] к министру внутренних дел, нам сказали, что его нет дома, и направили нас к товарищу его г. Рыдзевскому, который сначала отказывался принять нас, а потом принял, выслушал наше заявление, сказал нам, что это его не касается, и, равнодушно пожав плечами, ушел.

Тогда мы пошли к председателю Комитета министров С. Ю. Витте, которому сделали то же самое заявление, т. е [что] необходимо довести до сведения государя и министра внутренних дел о мирном настроении рабочих и допустить их к государю для представления проекта реформ и необходимо, чтобы войска и полиция не оказывали препятствий рабочим в их желании говорить с государем, в противном же случае, по нашему искреннему убеждению, прольется кровь, что вызовет естественное желание мести за нее, т. е. широкое развитие террористических действий со стороны рабочего люда.

Г-н Витте заявил нам, что министры Святополк-Мирский и Коковцев имеют более точные сведения о положении дел, чем сведения наши, что, по его мнению, и сам государь должен быть осведомлен о положении и намерениях рабочих и что лично он, Витте, бессилен сделать что-либо в желаемом нам направлении.

Мы просили его устроить нам свидание с Святополк-Мирским; г. Витте согласился на это и при нас спрашивал по телефону г. С[вятополк]-Мирского, желает ли он принять нас как выразителей мнения группы литераторов и ученых по вопросу о возможных 9 января кровавых событиях и о мерах к устранению их.

Г-н Святополк-Мирский отказался принять нас.

9 января в разных местах г. Петербурга началось движение рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу, и нижеподписавшиеся частью сами видели, частью знают от других очевидцев такие факты.

А. КОЦ

9 ЯНВАРЯ

Коц Аркадий Яковлевич (1872—1943) — один из старейших революционных поэтов, автор русского текста партийного гимна „Интернационал“

Обнажите головы! В этот скорбный день
Над землею дрогнула долгой ночи тень.
Пала вера рабская в батюшку-царя,
И зажглась над родиной новая заря...

На устах с молитвою, с верою в груди,
С царскими портретами, с иконой впереди,
Не на бой с противником, не в раздумье злом —
Шел народ измученный бить царю челом.
«Гой ты, царь наш батюшка! Оглянись вокруг:
Нет житья, нет моченьки нам от царских слуг,
От купцов-разбойников, от заводчиков,
От дворян-помещиков и от кулаков...
Все сердца народные выжжены грозой,
Все глаза изъедены горькою слезой,
Мрем в цепях и с голоду... Некуда уйти...
Ты один заступник наш, ты нас защити!..»

Ой, горька ты, долюшка, доля мужика,
Да щедра на милости царская рука:
Царь народ свой выслушал с важностью такой,
Ничего не вымолвил — и махнул рукой.
Сорвались с цепей своих стаи царских слуг,
Затряслась от грохота вся земля вокруг,
И покрылась трупами площадь пред дворцом:
Пал народ, накормленный пулею-свинцом.
Ой, затея царская больно хороша!
Наигралась досыта царская душа
И ее опричники. Только с той поры
Чудо сотворилося от такой игры:
Где гроза свинцовая пролилась дождем,
Там, где кровь народная пролилась ручьем, —
Там из каждой капельки крови и свинца
Мать земля-кормилица родила бойца!

Когда рабочие Путиловского завода, с церковными хоругвями и портретами государя и государыни в руках, во главе со священником отцом Георгием Гапоном в облачении и с крестом в руке, подошли к Нарвской заставе, по ним, без всякого предупреждения со стороны офицеров, командовавших войсками, и полиции был дан троекратный залп боевыми патронами. Несколько десятков людей упало раненых и убитыми, остальная толпа частью бросилась бежать, частью же легла на землю, дабы спасти себя от пуль, но когда они поднялись, по ним снова был дан троекратный залп, и это повторилось дважды.

Когда рабочие Петербургской стороны подошли к Троицкому мосту, по ним, опять-таки без приглашения разойтись, был дан залп, которым человек шестьдесят [было] ранено и убито.

Один из нас лично видел четырнадцать человек раненых, из них пять женщин, и троих убитых, он же видел, как во время конной атаки на Невском, около Полицейского моста, солдат с коня выстрелил в упавшего на землю человека.

Расстреливали, а также били шашками рабочих и публику у Адмиралтейства, на Мойке. Мы не имеем пока точных цифр убитых и раненых и не это считаем важным в данном случае.

Мы находим себя вправе заявить всей России и общественному мнению Европы:

1) что министр внутренних дел Святополк-Мирский был предупрежден нами о мирных намерениях и спокойном настроении рабочих, и что они шли с полным доверием к своему царю;

2) что мы предлагали министру внутренних дел убрать войска с улиц;

3) что мы предлагали известить государя о происходящем и убедить его в необходимости допустить [рабочих] на Дворцовую площадь и выслушать требования их;

4) что рабочие действительно вели себя вполне миролюбиво и по отношению к войскам не держались вызывающе;

5) что командовавшие частями войск стреляли и избивали народ, не предупреждая его разойтись.

Подобное поведение по отношению к манифестантам-рабочим мы, по совести, не можем назвать иначе, как предумышленным избиением, и, исходя из этого, мы, нижеподписавшиеся, перед лицом всех русских граждан и перед лицом европейского общественного мнения обвиняем министра внутренних дел Святополк-Мирского в предумышленном, не вызванном положением дела и бессмысленном убийстве множества русских граждан.

А так как Николай II был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их, — мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них.

Вместе с тем мы заявляем, что далее подобный порядок не должен быть терпим, и приглашаем всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

(«Исторический архив» № 1, 1955 г.)

ИЗ ПИСЬМА СЛУЖАЩЕЙ СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ О РАССТРЕЛАХ РАБОЧИХ, СТУДЕНТОВ, О МАССОВЫХ АРЕСТАХ И РОСТЕ ВОЗМУЩЕНИЯ НАРОДА

12 января 1905 г.

12 января

Получила я Вашу открытку и спешу Вам сообщить, что я попрежнему в страховом отделе «К° Надежда» и, наверное, долго прослужу там, если господин генерал-губернатор г. Петербурга известный Трепов-Московский не очень будет свирепствовать. Да, можно вам позавидовать, что вы лишены возможности быть свидетелем таких картинок, какие нам пришлось наблюдать в столице Русского государства в 20 веке 9 января. Все ужасы не поддаются описанию. Вы, конечно, из газет знаете, что представляет из себя о. Гапон — вождь рабочих. Мне больно, обидно, что этим подлецам удалось устроить бойню. Гапон и все околодочные надзиратели говорили рабочим, что их требования законны, что они беспрепятственно дойдут на площадь перед Зимним дворцом, что их там встретит царь с распростертыми объятиями... И что же?

На Троицком мосту, за Нарвской заставой, и на В[асильевском] о[строве] их встретили залпами. Это, конечно, к лучшему, но ужасно, невыносимо тяжело вспоминать даже, как стреляли в безоружную толпу людей!.. Как топтали лошадьми и били шашками. Я лично наблюдала следующее. Как только попала на Невский около 12 ч. дня, а попасть туда было нелегко, т. к. на линиях стояли уланы и полицейские, которые не пускали в город, — увидала прежде всего массу войск. Это, конечно, не обещало ничего хорошего. Народу было масса. По улицам ходили толпы, и около часу дня стали собираться на Невском, у Полицейского моста и на Певческом мосту. Преимущественно были рабочие. Многие рабочие возмущались, что их встретили, как бунтарей, а не как мирных граждан, просящих у царя только беспристрастного и сердечного отношения к себе. Ждали к двум часам Гапона с путиловцами. Но около часу раздался залп на Троицком, пришли вести о том, что за Нарвской заставой тоже стреляют... Естественно, что публика приходила в большее и большее возбуждение. Я блуждала по улицам и решила пойти на Певческий мост, где собралась довольно большая толпа. Только мы стали на мост, как раздался рожок, и слышна была команда офицера. Через секунду на толпу несся эскадрон уланов. Передние ряды легли, и уланы невольно сдержали лошадей, но через несколько минут рабочие отскочили в стороны, и уланы, размахивая шашками, понеслись на толпу. Это была ужасная картина! Придя в себя, я отправилась на Невский и у Мойки увидала картину, вроде первой. Ехал по улице эскадрон уланов, офицер скомандовал «боевым карьером», и лошади помчались на толпу, стоящую на Полицейском мосту. После этого подняли человек шесть с мостовой.

Такие прогулки по чужим головам чередовались с залпами.

После залпа на Мойке на Казанскую площадь принесли убитого. Раздался крик «долой шапки, — он за всех пострадал». Раздалось пение «вечная память». Мертвеца взяли на руки и понесли с пением по Невскому. Толпа все росла и росла. Это была ужасная и вместе с тем трогательная картина. Кроме уланов ходили роты пехотинцев, а за ними ехала карета Красного креста с санитарами, чтобы подбирать раненых после залпов. На другой день я ходила осматривать те места, где были даны залпы. Лужи крови, следы от пуль в стенах и окнах — вот что можно было увидеть.

В понедельник Невский был лишен света, и некоторые магазины были разбиты. Вообще, сейчас Петербург представляет довольно необычную картину, с четырех часов магазины закрывают, заколачивают ставнями окна и двери, фонари не горят, слышен только стук топоров. Раненых и убитых, говорят, до двух тысяч. Есть и обезглавленные трупы. Одну нашу служащую убили, другую ранили очень опасно, мальчика нашего тоже убили. Я знаю, что убиты три горняка, один политехник, лесгафтичка[1] и т. д. Все учебные заведения дали дань. Негодование во всех слоях общества сильное. Военным опасно показываться на улице, так их ругают все. Полиция распускает нелепые слухи, вроде того, что взбунтовали рабочих студенты и курсистки; городовые избивают учащихся.

Солдатам говорили, что они идут бить не рабочих, а сектантов, которые всех хотят обратить в свою веру.

Первые два дня войска располагались на улицах бивуаками, раскладывали костры, складывали оружие. Кроме того, ходили часовые, разъезжали патрули. Сегодня уланов сменили казаки с нагайками.

Вот как нас воспитывают! Арестов масса.

(«Исторический архив» № 1, 1955 г.)

ВСЕРОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

Одно из распространенных стихотворений периода первой русской революции неизвестного автора. Тюменский комитет РСДРП издал его в 1905 году отдельной листовкой

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпиков,
Царь — изменник, провокатор,
Созидатель кандалов.

Всероссийский кровопийца,
Покровитель для дворян,
Для рабочих — царь-убийца,
Царь-убийца — для крестьян.

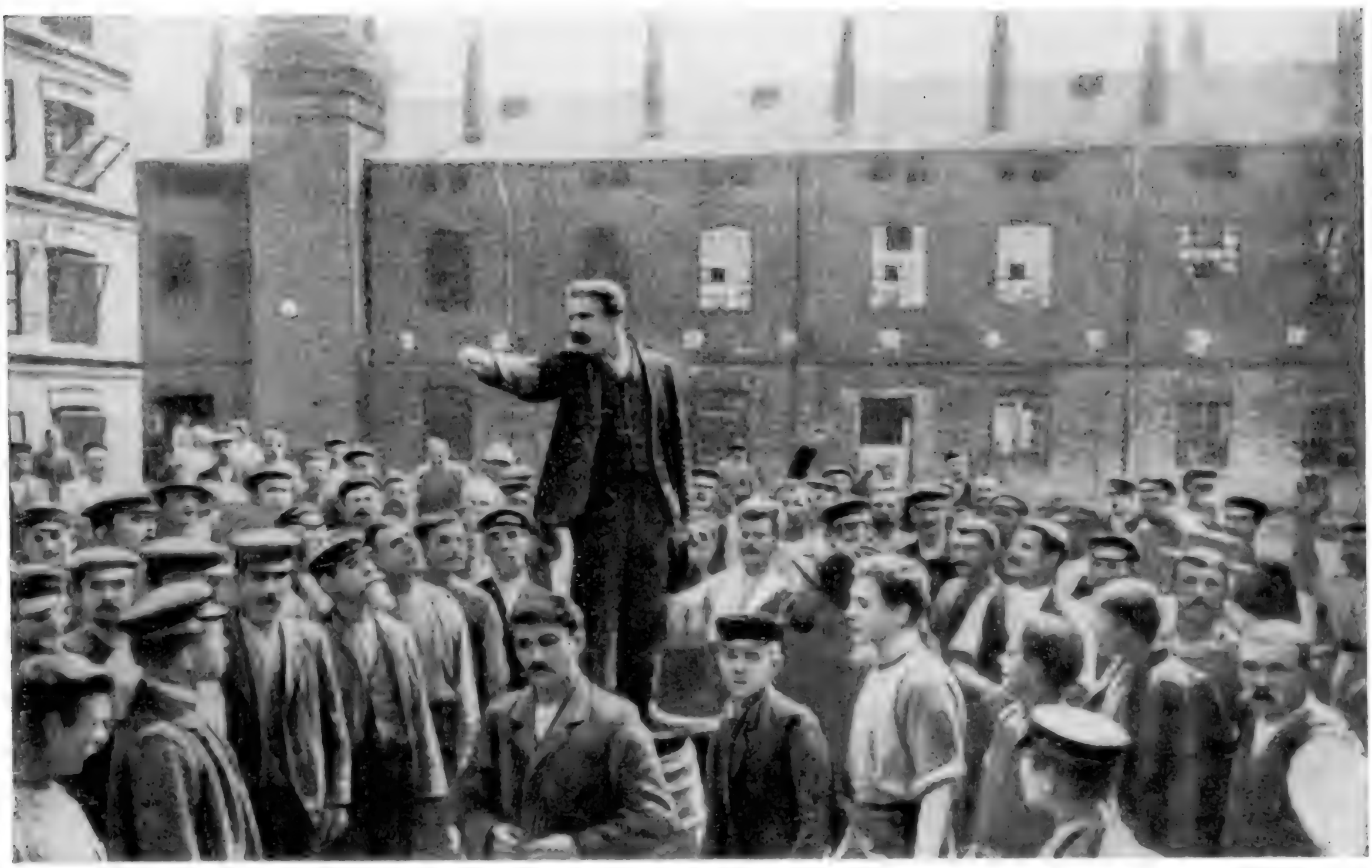
Побежденный на Востоке,
Побежденный на Руси, —
Будь же проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!

Люд, восставший за свободу,
Сокрушит твой подлый трон.
Долю лучшую народу
Завоюет в битве он.

---

[1] Имеется в виду слушательница курсов Лесгафта. — *Ред.*

Бастующие путиловские рабочие у ворот завода.



Агитатор на митинге призывает к забастовке. (Фото с рисунка, опубликованного в журнале «Искра».)

Расстрел 9 января на Дворцовой площади. (С картины художника Коссака.)

А. ТАЙМИ

СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

Из книги старого большевика Адольфа Петровича Тайми, участника революционного движения с 1902 года

3 января 1905 года Путиловский завод забастовал. Поводом было увольнение четырех рабочих деревообделочной мастерской, обвиненных в неподчинении администрации, подстрекательстве к забастовке и т. п.

Эти рабочие были активными участниками «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», организованного священником Гапоном с ведома и одобрения охранки. В то время «собрание» имело свои отделения по всему Петербургу, влияние его на рабочих было велико. На митингах гапоновцев обсуждались и революционные требования восьмичасового рабочего дня, свободы печати и т. п. Полиция не могла уже ничего сделать со своим собственным детищем.

Рабочие пушечной мастерской обратились в дирекцию с требованием вернуть на работу четырех товарищей. Им отказали, и когда это стало известно, завод забастовал.

На следующий день, 4 января, многотысячная толпа путиловцев собралась у заводских ворот. Здесь стало известно, что администрация не восстанавливает уволенных товарищей. Мы двинулись плотной массой от заводских ворот. Кто-то затянул песню. На всем пути от Петергофского шоссе до Финского залива гремели революционные песни. Местами вдоль шоссе выстроились полицейские отряды, кое-где свистели нагайки.

В последующие дни к забастовке путиловцев присоединились другие петербургские заводы и фабрики.

Кажется, еще никогда не было в столице таких грозных дней. Стачка стала всеобщей.

7 января мне было предложено отправиться на собрание, созываемое гапоновской организацией за Нарвской заставой. Помещение, принадлежавшее гапоновцам, было набито доотказа. Обсуждалась петиция к царю — прошение, с которым Гапон предложил всем рабочим итти к Зимнему дворцу. В толпе я увидел Михаила, поздоровался с ним. «Надо выступать, — сказал он. — Валяй первым...»

Когда мне дали слово, я заговорил о том, что без оружия итти к Зимнему дворцу нет смысла, что у правительства против нас — ружья, шашки, конные казаки...

Меня сейчас же согнали с трибуны.

— Крови захотел!.. Долой! — кричали из зала.

После меня выступил Михаил. Ему удалось продержаться несколько дольше. Не торопясь с выводами, он просто рассказал, как полиция избивала рабочих такого-то завода, как в таком-то городе правительство пулями ответило на справедливые требования народа. Его слушали внимательно, пока из президиума кто-то не крикнул:

— Этот тоже из большевиков! Гоните его!

Михаила и меня заодно попросту выставили из помещения...

Я в то время квартировал у тетки. Соседями моими были двое рабочих, убежденные гапоновцы. Здесь в наших спорах мне доставалось почти так же, как на собрании за Нарвской заставой. Даже тетка сердилась и шипела на меня. Выходило так, будто я подстрекаю на кровопролитие.

В воскресенье 9 января мои соседи-гапоновцы надели праздничные костюмы и отправились на сборный пункт. Вскоре и я последовал за ними. Собирались дружно, было много женщин, настроение у людей было, если можно так выразиться, тревожно-праздничное. И надежды, и опасения — все смешалось. Над толпой колыхались хоругви, портреты царя, увитые трехцветными ленточками.

В толпе говорили, что «сам Гапон» здесь, в помещении «собрания».

Я решил пробираться к центру города. У Нарвских ворот стояли солдаты. Я сказал, что живу неподалеку отсюда, и меня пропустили.

У Триумфальных ворот меня остановила полицейская застава. «Не велено пущать»,— твердил городовой, которого я пытался убедить, что живу рядом, за Триумфальными воротами. Подошла конка, и я, улучив минуту, когда городовой отвернулся, вскочил в вагон.

Конка довезла меня до Калинкина моста, что на Фонтанке. Здесь всех пассажиров высадили. Мне хотелось пробраться к Зимнему дворцу. Двинулся было по Офицерской улице (ныне улица Декабристов)—застава, пошел по Английской набережной — тоже

застава. Казалось, город захвачен неприятельскими войсками.

Перейдя у Франко-русского завода по льду через Неву, я вышел на Васильевский остров. Здесь, на 6-й линии, жила моя невеста. Она присоединилась ко мне, и мы направились к Зимнему дворцу.

Но далеко мы не ушли. На Малом проспекте скопилась огромная толпа. Это была одна из колонн гапоновской демонстрации, которую не пустили к Зимнему. Уже было известно, что в разных пунктах города полиция и солдаты стреляли по демонстрантам. Расходиться народ не хотел. Издали мы увидели, что какой-то человек в зимней меховой шапке взобрался на фонарь и, размахивая одной рукой, начал о чем-то говорить. Это продолжалось не больше минуты. Вдруг он как-то странно сполз с фонаря на плечи и руки стоявших внизу. Выстрел был только один — издалека, с противоположного конца Малого проспекта. Толпа заколыхалась, грозно зашумела. Тут выделились чьи-то сильные молодые голоса:

— Ребята, вали столбы!

— Баррикады строить!

— Кирпичи, кирпичи хватай!..

Кричал и я.

Неизвестно откуда появились топоры и пилы, вскоре поперек улицы легли первые телефонные столбы, вывески, какие-то скамейки.

Прибежало несколько человек с охотничьими ружьями: где-то поблизости народ разгромил оружейный магазин.

Но другие в это время принялись ломать двери винной лавки. Остановить это оказалось невозможным. Только уговоришь одну группу, начинает другая: в толпе были провокаторы.

Появились казаки. Казачий отряд на галопе подлетел к баррикаде, но перепутавшиеся телефонные провода заставили его повернуть назад.

Баррикада молчала. Первый пыл прошел, народ расходился.

Оставаться здесь было бессмысленно. Каждую минуту со стороны Трубочного завода, с тыла баррикады, могли появиться казаки. Мы ушли.

Когда мы входили в ворота дома, где жила моя невеста, дворник остановил меня:

— Куда идешь, студент?

Я ответил, что я не студент и иду к невесте. Он пропустил меня.

Минут через пятнадцать в квартиру постучали. Это пришел другой дворник, старший.

— Вы уходите отсюдова, а не то позову полицию, — сказал он. — Приказано бунтовщиков в квартиры не пускать...

Пришлось уходить. Невеста не хотела отпускать меня одного. Мы благополучно миновали заставу на углу Большого проспекта. Дворцовый мост был уже свободен для движения. Но Зимний был оцеплен. Мы пошли по набережной мимо Адмиралтейства, а там повернули назад и Александровским садом снова вышли к Дворцовой площади.

Уже вечерело. На площади было пусто. Только на мостовой темнели следы крови. Повсюду, на решетках и просто посреди площади, валялись какие-то тряпки, клочки одежды, шапки. Мы вошли под арку штаба, но здесь была застава. Пришлось вернуться и выйти площадью на Невский. Здесь тоже были следы крови, валялись обрывки мужской и женской одежды. Трупов мы не видели: их уже увезли...

Эту ночь я провел у товарища на Выборгской стороне. Он коротко рассказал мне, где был и что видел в этот роковой день. Он шел в рядах той колонны, которая была атакована войсками на Троицком мосту. Многие полегли там.

На другой день я вернулся домой. Здесь мне рассказали о расстреле демонстрации у Нарвских ворот. Было убито около ста человек.

Тетка и отец обошли все больницы, морги и полицейские участки, почти не сомневаясь, что среди сотен убитых должен быть и я.

На другой день путиловцы хоронили двух товарищей, павших жертвой кровавого злодеяния царя. Мы собрались у покойницкой заводской больницы. Вынесли два простых гроба. Толпа медленно двинулась за ними. Сначала запели «Вы жертвою пали...». Потом загремела «Марсельеза». Никто не посмел нам помешать. Мы видели казаков, притаившихся во дворе бывшего Красного кабачка, который находился на пустыре недалеко от кладбища. И на кладбище были казаки, но они держались в стороне. Обнажив головы, мы выслушали речь какого-то товарища, который коротко сказал о нашей печали, о нашей готовности отомстить за кровь павших.

На обратном пути мы снова затянули революционные песни, но теперь казаки вышли из своей засады. Они двинулись на нас с нагайками...

События 9 января как будто сорвали по-

вязку с глаз рабочих. Теперь было покончено с надеждами на «батюшку-царя».

В дни, последовавшие за «Кровавым воскресеньем», рабочие не могли не вспомнить о людях, которые заранее предупреждали о том, что царь пулями встретит мирную манифестацию. Этими людьми были большевики. Поэтому теперь, когда мы говорили, что рабочий класс должен организоваться и вооружиться для свержения царской власти, к нам прислушивались, нам сочувствовали даже те, кто раньше готов был забросать нас камнями.

В цехах Путиловского завода эти новые настроения проявлялись весьма сильно. Ко мне подходили рабочие, говорили:

— Слушай, ребята рассказывают, ты в каком-то обществе состоишь... Может, запишешь?..

Почва для революционной агитации была самая благоприятная. Забастовки и демонстрации проходили теперь под лозунгами политической борьбы.

После 9 января достаточно было крикнуть: «Выходи, забастовка!» — и все без исключения бросали работу.

Ф. Я. ЧЕРЕМХИН

ВОСПОМИНАНИЯ РАБОЧЕГО

Опубликованы в книге В. Д. Бонч-Бруевича «Нелегальная поездка в Россию»

Еще в 1903 году в Петербурге среди рабочих Петербургской и Выборгской стороны появился священник Гапон. После мне стало известно, что он служил на Выборгской же стороне при тюремной церкви. Гапон стал энергично организовывать фабрично-заводских рабочих Петербурга. Он принимал к себе лишь рабочих христианского происхождения и русских подданных.

Вскоре он открыл первое отделение организовываемого им общества на Выборгской стороне, а 15 февраля 1904 года был утвержден устав этого общества.

В то время рабочая масса была еще очень неразвита политически, нужда же была ужасная; вот почему большинство рабочих крайне заинтересовалось обещаниями экономического улучшения жизни рабочих, так щедро и постоянно твердимыми Гапоном. Пылко говорил об этом Гапон, и рабочие хлынули большой волной в его организацию. Все спешили записываться в члены. Среди рабочих появилась большая оживленность.

Гапон и его ближайшие помощники стали не только говорить речи, но и стремились увеселять рабочих, устраивали литературно-вокальные вечера, декламировали стихотворения лучших русских поэтов: Пушкина, Некрасова, Лермонтова и других. Читались также лекции, ходили по музеям, устраивались кружковые и общие собрания. На собраниях иногда выступали ораторы с такими пылкими речами, что у рабочих душа радовалась, и эти речи носили явно политическую окраску. Гапон считался ответственным за эти собрания, и он всегда приходил в волнение при этих речах и нередко останавливал таких ораторов и призывал их к порядку.

Потом мы узнали, что здесь шпионы работали вовсю и всех тех, кто выступал с такими речами, потом по ночам вылавливали и арестовывали.

Несмотря на все эти штуки со стороны властей, организация рабочих росла, как говорится, с быстротой молнии. Не прошло и года, как весь Петербург покрылся отделениями гапоновского общества. Всех отделений было, если не ошибаюсь, одиннадцать. Самое многолюдное из них было за Нарвской заставой, потом за Невской, на Васильевском острове и на Петербургской стороне.

Однажды священник Гапон пришел на общее собрание и сказал:

— Товарищи, поздравляю вас с новым названием нашего собрания; теперь мы уже не собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга, а союз русского народа, отделения которого будут не только здесь, но во многих больших городах, т. е. в Москве, Харькове, Киеве, Варшаве и т. д. Я уверен, — говорил он, — что в недалеком будущем все рабочие России будут организованы в этот союз и их экономическое положение значительно улучшится.

Так, с благословения Гапона, возник тот черносотенный союз, который присвоил себе громкое имя «Союза русского народа». Как всем известно, этот союз громил и убийц в будущем наделал много вреда русскому

народу. Теперь же, с самого начала, в его тенета совершенно неожиданно попали честные и хорошие рабочие, мало разбиравшиеся в политике и не придававшие никакого значения названиям, а думавшие только о своей нужде и тяжелой жизни.

Власти в это время тоже не спали. Рабочих сильно притесняли, на собраниях стала появляться полиция. Чуть кто скажет неосторожное слово, его тотчас же останавливал представитель полиции, который нередко прекращал собрание, заявляя представителю Гапона, что его привлекут к ответственности.

Сам Гапон не раз на кружковых собраниях жаловался на эти дела и называл преследования полиции насилием и произволом.

— Даже мы, несмотря на то, что священники, — говорил он, — часто терпим незаконное гонение и не только от светских властей, но даже и от своих, духовных, и терпим лишь потому, что вот он, — и Гапон указывал на золотой крест, висящий у него на груди, — терпел больше, чем мы. Нас принуждают, — продолжал он, — говорить то, что мы, как священники, не должны говорить, а, наоборот, должны хранить в тайне.

Подобные жалобы всегда приходилось слышать от него.

На рождестве 1904 года устроили для бедных детей рабочих разукрашенную гостинцами и подарками елку. Сам Гапон очень усердно занимался с детьми и всячески веселил их. Матери и отцы любовались им, и он среди рабочей массы пользовался огромной популярностью.

В самом начале января 1905 года настроение рабочих было особенно приподнятое: Гапон как будто в это время подготовлял почву, чтобы пойти лично к царю и рассказать ему свою и рабочих наболевшую скорбь. Была составлена петиция, и 8 января вечером на общем большом собрании в Геслеровском переулке эта петиция была прочитана полностью. Целиком на память ее не помню, но мы тогда учили ее наизусть, а теперь остались в памяти отдельные части и фразы. Помню, начиналась она так:

«Великий государь, мы, твои верные слуги, готовы во всякую минуту по твоему царскому слову принести себя в жертву за тебя и за родину. Мы пришли к тебе, как к помазаннику божьему, сказать свое слово, которое ты многие годы услыхать не мог. Тебя отгородили от народа каменной стеной предатели-министры. Разрушь стену между тобою и народом, чтобы мы могли тебе сказать свое горе, чтобы ты знал народ, а народ знал тебя. Мы умрем у твоего дворца и не отойдем от него, покуда не услышим твоего царского слова».

Кроме того, были написаны пожелания о свободе слова, свободе союзов, собраний, неприкосновенности личности, о свободе вероисповедания и т. д. Вся петиция занимала около страницы.

Настроение всех рабочих, примкнувших к организации Гапона, было какое-то ужасное. Когда читалась петиция, многие, в особенности женщины, плакали. Все единогласно решили 9 января к двум часам дня прийти к Зимнему дворцу, стать пред ним на колени, снять шапки и ждать, когда священник Гапон выйдет из дворца на балкон, где ожидали самого царя, и, как только Гапон махнет платком, грянуть громовое «ура». И затем сейчас же всем спеть гимн. С таким монархическим настроением накануне 9 января все рабочие и работницы разошлись по домам, с тем чтобы завтра, 9 января, утром в десять часов, всем явиться в отделения и около двенадцати часов дня двинуться на Дворцовую площадь. В то время организованных в обществе Гапона рабочих было около 200 тысяч человек.

Вот наступил этот небывалый, великий, или, скорее сказать, кровавый, день 9 января. Это было воскресенье. Все рабочие, как войско по команде, явились в свои отделения. Рабочих собралось в нашем отделении так много, что не только помещение было переполнено, но весь Геслеровский переулок был запружен рабочими.

Около двенадцати часов дня вся эта масса двинулась к Каменноостровскому проспекту. Когда вышли на Каменноостровский проспект, то на нем пришлось все уличное движение — конку, извозчиков, автомобили — остановить, ибо во всю улицу, на протяжении почти полуверсты, двигалось это, как море обильное, шествие рабочих. Все шли по направлению к Троицкому мосту.

Мы еще не успели дойти до Троицкой площади, как видим — впереди нас показались войска: пехота Павловского полка, а также кавалерия. Когда головные отряды очутились на площади, тогда ясно увидели, что поперек дороги, не доходя Троицкого моста, стоит цепь солдат — пехота, по правую и левую сторону которой стоят отряды кавалерии. Передние ряды шествия не дошли приблизительно саженей ста, как от пехоты отделился один офицер с черной бородой; он

быстро побежал к нам навстречу. Передние ряды шествия стали перебегать назад. Я, Черемхин, был приблизительно в пятнадцатом ряду и не успел очнуться, как очутился во втором ряду. С правой стороны головного ряда нашего шествия шел с петицией в руках выборный всеми рабочий, фамилии которого я не знаю.

Офицер подбежал к нам на расстояние шагов тридцати и закричал:

— Стой! Дальше итти нельзя! Я буду стрелять!

Выборный с петицией отделился от головного ряда, пошел и сейчас же чуть не побежал навстречу офицеру, показывая ему в руках петицию. Офицер объясняться с ним не стал, а повернулся и бегом, размахивая рукой, побежал обратно к войскам. Видно было, как он командовал «на изготовку».

Вдруг около ружей показался синеватый дымок, что-то щелкнуло, и сразу раздался залп. Шествие дрогнуло, но итти вперед не переставало. Все сплотились, точно сбились в плотную тесную колонну, как бы сомкнули ряды, и стали так тесно друг к другу, как только это было возможно, как будто для того, чтобы ничего нигде не болталось, и тем уменьшили объем и величину всего шествия. Многие схватились друг с другом руками. Раздался другой залп, и началась ружейная трескотня. Многие из первых рядов, как скошенные, упали.

Я все еще не допускал мысли, чтобы солдаты стреляли боевыми патронами и прямо в упор по народу, по рабочим, но когда около себя увидел лежащую на снегу женщину и из-под нее, как красный платок, расползалось пятно крови, тогда мне все стало ясным, и я впервые испугался того, что меня заставили итти в первых рядах нашего рабочего шествия.

В эту же минуту на толпу бросилась кавалерия, избивая шашками и нагайками безоружных и бросавшихся из стороны в сторону людей, которые не знали, куда им скрыться от погибели. Ворота домов, лавки, магазины, подъезды домов были закрыты: деваться было абсолютно некуда, народ был в ловушке. Получился сплошной ужас. Убитые и раненые валялись где попало. Раненые стонут, кричат о помощи, а другие проклинают царя. Народ сильно обозлился. С извозчиков стали сбрасывать седоков и класть на сани убитых и раненых. Какая-то курсистка в башлыке кричала:

— Громи магазины! Спиливай телефонные столбы! Строй баррикады!

Но ее никто не слушал. Конница в это время работала вовсю. Плети свистят, шашки поблескивают над головами. Тут же, на моих глазах, женщина, повидимому, курсистка, поднималась с земли, сшибленная лошадью, но, как только приподнялась, была насмерть зарублена шашкой.

Я приостановился. Смотрю: мчится отряд кавалерии под командованием молодого офицера и прямо на меня. Я обратился с просьбой к офицеру:

— Ваше благородие, дозвольте подобрать раненых.

Куда там! Он закричал:

— Подберут без тебя! За мной!..

И все разом бросились они на меня. Почувствовал я: вот моя смерть пришла. Я очутился среди четырех конных солдат. Они на меня закричали:

— Пошел прочь!

А куда пойдешь? Кругом они. Сами кричат и сами же на тебя прут со всех сторон и бьют шашками. К моему счастью, бьют плашмя, бьют по спине больше да по воротнику пальто, который был загнут. Я закрыл лицо руками и закричал не своим голосом:

— Простите!

— Прочь пошел! — орут они на меня. Но мне бежать было некуда, так как кругом меня стояли четыре лошади. Хотел наклониться к лошади и подлезть под брюхо, да мешала солдатская нога. Смотрю, впереди меня головы лошадей немного разошлись, образовав как бы щель, и я с радостью бросился в этот просвет и очутился чуть ли не по колено в снегу, и зарыдал, как маленький ребенок, убедившись, что был около смерти, но она меня миновала.

«Теперь буду жив», — подумалось мне, потому что около меня никого уже не было. Иду домой на Большую Монетную, дом № 15, а конница сзади и впереди так и снует. Некоторые рабочие, полные негодования, не боясь, бурчат на них как бы себе под нос:

— Вон опричники едут. Шли бы воевать с японцами, а не здесь с мирными жителями да с бабами сраженье устраивать..

Иду это я да и думаю: «Вот так царь! Это такие-то помазанники божии? А ведь я, будучи верующим, сколько раз за него молился и клал поклоны. Все думал: он, батюшка, весь переполнен милостью, а у него такая оказалась милость, что не знали, куда от нее скрыться».

После узнал, что из-за Нарвской заставы цли с иконами и хоругвями и царскими

портретами. Шел сам Гапон. Их также встретили ружейными залпами и всё расстреляли в щепки. Убитых и раненых было очень много, больше, чем где-либо в этот день.

По улицам везде стояли стон и ужас. Проклятия неслись отовсюду. Плач женщин и крик детей разрывали сердце.

Наконец я пришел домой. Жена плачет. Не думала, что я жив и вернусь. Она уже слышала, как многих привезли убитых и раненых. Все это на нее так подействовало, что она совсем заболела. Она стала чахнуть. У ней на этой почве развилась чахотка, и через полтора года она умерла, оставив двух детей.

У моего товарища, Н. Н. Лаврова, который со мной работал рядом на токарном станке на заводе Лангензиппена, жена и шестеро детей пришли в такое отчаяние, что все стояли на коленях перед зажженной лампадкой и молились со слезами, чтобы их отец, единственный кормилец, благополучно вернулся. Он вернулся на другой день, под утро, так как попал к Нарвской заставе и оттуда украдкой пробрался домой, чтобы не попасться в лапы полиции.

После этих ужасных расстрелов и избиений пошли массовые аресты и обыски. Отношения между рабочими и войском, а особенно между рабочими и полицией, стали крайне натянутыми. К правительству, и в особенности к царю, у рабочих сложилась полнейшая ненависть и затаенное глубокое желание во что бы то ни стало его свергнуть. Стали думать, что с голыми руками ходить не надо, а надо быть поумнее и запасаться оружием.

Все стали на заводах делать кинжалы, финские ножи, а некоторые высказывали пожелание обзавестись огнестрельным.

И эта мысль о необходимости вооружения рабочих неотступно стояла в головах у нас, только что проснувшихся к политической, более или менее сознательной жизни.

М. ГОРЬКИЙ

9-е ЯНВАРЯ

Отрывок из очерка

...Толпа напоминала темный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури, она текла вперед медленно; серые лица людей были подобны мутно-пенному гребню волны.

Глаза блестели возбужденно, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь сами себе. Слова кружились над толпой, как маленькие, серые птицы.

Говорили негромко, серьезно, как бы оправдываясь друг перед другом.

— Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...

— Без причины народ не тронется...

— Разве «он» это не поймет?..

Больше всего говорили о «нем», убеждали друг друга, что «он» — добрый, сердечный и — все поймет... Но в словах, которыми рисовали его образ, не было красок. Чувствовалось, что о «нем» давно — а может быть, и никогда — не думали серьезно, не представляли его себе живым, реальным лицом, не знали, что это такое, и даже плохо понимали — зачем «он» и что может сделать. Но сегодня «он» был нужен, все торопились понять «его» и, не зная того, который существовал в действительности, невольно создавали в воображении своем нечто огромное. Велики были надежды, они требовали великого для опоры своей.

Порою в толпе раздавался дерзкий человеческий голос:

— Товарищи! Не обманывайте сами себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми и раздраженными всплесками криков.

— Мы желаем открыто...

— Ты, брат, молчи!..

— К тому же, — отец Гапон...

— Он знает!..

Толпа нерешительно плескалась в канале улицы, разбиваясь на отдельные группы; гудела, споря и рассуждая, толкалась о стены домов и снова заливала середину улицы темной, жидкой массой — в ней чувствовалось смутное брожение сомнений, было ясно напряженное ожидание чего-то, что осветило бы путь к цели верою в успех и этой верой связало, сплавило все куски в одно крепкое, стройное тело. Неверие старались скрыть и не могли, замечалось смутное беспокойство и какая-то особенно острая чут-

кость ко звукам. Шли, осторожно прислушиваясь, заглядывали вперед, чего-то упрямо искали глазами. Голоса тех, кто веровал в свою внутреннюю силу, а не в силу вне себя, — эти голоса вызывали у толпы испуг и раздражение, слишком резкие для существа, убежденного в своем праве состязаться в открытом споре с тою силою, которую оно хотело видеть.

Но, переливаясь из улицы в улицу, масса людей быстро росла, и этот рост внешний постепенно вызывал ощущение внутреннего роста, будил сознание права народа-раба просить у власти внимания к своей нужде.

— Мы тоже люди, как-никак...

— «Он», чай, поймет, — мы просим...

— Должен понять!.. Не бунтуем...

— Опять же, — отец Гапон...

— Товарищи! Свободу не просят...

— Ах, господи!..

— Да погоди ты, брат!..

— Гоните его прочь, дьявола!..

— Отец Гапон лучше знает как...

— Когда людям необходима вера, — она приходит...

Высокий человек в черном пальто, с рыжей заплатой на плече, встал на тумбу и, сняв шапку с лысой головы, начал говорить громко, торжественно, с огнем в глазах и дрожью в голосе. Говорил о «нем», о царе.

Но в слове и тоне сначала чувствовалось что-то искусственно приподнятое, не слышно было того чувства, которое способно, заражая других, создавать почти чудеса. Казалось, человек насилует себя, пытаясь разбудить и вызвать в памяти образ давно безличный, безжизненный, стертый временем. Он был всегда, всю жизнь, далеко от человека, но сейчас он стал необходим ему — в него человек хотел вложить свои надежды.

И они постепенно оживляли мертвеца. Толпа слушала внимательно — человек отражал ее желания, она это чувствовала. И хотя сказочное представление силы явно не сливалось с «его» образом, но все знали, что такая сила есть, должна быть. Оратор воплотил ее в существо, всем известное по картинкам календарей, связал с образом, который знали по сказкам, — а в сказках этот образ был человечен. Слова оратора — громкие, понятные — понятно рисовали существо властное, доброе, справедливое, отечески внимательное к нужде народа.

Вера приходила, обнимала людей, возбуждала их, заглушая тихий шопот сомнений... Люди торопились поддаться давно жданному настроению, стискивали друг друга в огромный ком единодушных тел, и плотность, близость плеч и боков, согревала сердца теплотой уверенности, надежды на успех.

— Не надо нам красных флагов! — кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

— Мы к отцу идем!..

— Не даст в обиду!

— Красный цвет — цвет нашей крови, товарищи! — упрямо звучал над толпой одинокий, звонкий голос.

— Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа.

— Не надо!..

— Смутьяны, черти!..

— Отец Гапон — с крестом, а он — с флагом.

— Молодой еще, но тоже, чтобы командовать...

Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и оттуда раздраженно и тревожно кричали:

— Гони его, который с флагом!..

Теперь двигались быстро, без колебаний и с каждым шагом всё более глубоко заражали друг друга единством настроения, хмелем самообмана. Только что созданный, «он» настойчиво будил в памяти старые тени добрых героев — отзвуки сказок, слышанных в детстве, и, насыщаясь живою силою желания людей веровать, безудержно рос в их воображении...

Кто-то кричал:

— «Он» нас любит!..

И несомненно, что масса людей искренно верила в эту любовь существа, ею же только что созданного.

Когда толпа вылилась из улицы на берег реки и увидела перед собой длинную, ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост, — людей не остановила эта тонкая, серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга. Впереди, за рекой, люди видели темный дом — там ждал их «он», царь, хозяин этого дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать своим солдатам, чтобы они не допускали к нему народ, который его любит и желает говорить с ним о своей нужде.

Но все-таки на многих лицах явилась тень

недоумения, и люди впереди толпы немного замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону, и все старались показать друг другу, что о солдатах — они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам!..

— Н-да-а...

— А надо стоять!

— Солдаты — для порядка.

— Спокойно, ребята!.. Смирно!

— Ура, солдаты! — крикнул кто-то.

Офицер в желтом башлыке на плечах выдернул из ножен саблю и тоже что-то кричал встречу толпе, помахивая в воздухе изогнутой полоской стали. Солдаты встали неподвижно плечо к плечу друг с другом.

— Чего это они? — спросила полная женщина.

Ей не ответили. И всем, как-то вдруг, стало трудно итти.

— Назад! — донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулось — позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей; толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышло вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали:

— Мы — к государю нашему...

— Вполне спокойно!..

— Назад! Я прикажу стрелять!..

Когда голос офицера долетел до толпы, она ответила гулким эхом удивления. О том, что не допустят до «него» — некоторые из толпы говорили и раньше, но чтобы стали стрелять в народ, который идет к «нему» спокойно, с верою в его силу и доброту, — это нарушало цельность созданного образа. «Он» — сила выше всякой силы, и ему некого бояться, ему незачем отталкивать от себя свой народ штыками и пулями...

Худой, высокий человек с голодным лицом и черными глазами вдруг закричал:

— Стрелять? Не смеешь!..

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что? Говорил я — не пустят они...

— Кто? Солдаты?

— Не солдаты, а — там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... вот! Ага? Я же говорил!

— Это еще неизвестно...

— Узнают, зачем идем, — пустят!

Шум рос. Были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии. Здравый смысл разбился о нелепость преграды и молчал. Движения людей стали нервнее, суетливее; от реки веяло острым холодом. Неподвижно блестели острия штыков.

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все — мужчины, женщины, подростки — тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба? К чему? — солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде. — Просто они не пускают на мост, дескать — идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерзли. Масса продолжала тихо подвигаться вперед.

— Холостыми... — не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла вперед, на штыки, вытянутые встречу ей. За нею бросились еще люди и еще, охватывая ее, забегая вперед ее.

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный. Стоявшие у забора слышали, как дрогнули доски, — точно чьи-то невидимые зубы злобно кусали их. А одна пуля хлестнулась вдоль по дереву забора и, стряхнув с него мелкие щепки, бросила их в лица людей. Люди падали подвое, по-трое, приседали на землю, хватались за животы, бежали куда-то прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей пестрой тучей криков острой боли, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь.

Наклонив головы, люди группами бросились вперед подбирать мертвых и раненых. Раненые тоже кричали, грозили кулаками, все лица вдруг стали иными, и во всех гла-

зах сверкало что-то почти безумное. Паники — того состояния общего черного ужаса, который вдруг охватывает людей, сметает тела, как ветер сухие листья в кучу, и слепо тащит, гонит всех куда-то в диком вихре стремления спрятаться, — этого не было. Был ужас, жгучий, как промерзшее железо, он леденил сердце, стискивал тело и заставлял смотреть широко открытыми глазами на кровь, поглощавшую снег, на окровавленные лица, руки, одежды, на трупы, страшно спокойные в тревожной суете живых. Было едкое возмущение, тоскливо-бессильная злоба, много растерянности и много странно-неподвижных глаз, угрюмо нахмуренных бровей, крепко сжатых кулаков, судорожных жестов и резких слов. Но казалось, что больше всего в груди людей влилось холодного, мертвящего душу изумления. Ведь за несколько ничтожных минут перед этим они шли, ясно видя перед собой цель пути, перед ними величаво стоял сказочный образ, они любовались, влюблялись в него и питали души свои великими надеждами. Два залпа, кровь, трупы, стоны, и — все встали перед серой пустотой, бессильные, с разорванными сердцами.

Топтались на одном месте, точно опутанные чем-то, чего не могли разорвать; одни молча и озабоченно носили раненых, подбирали трупы, другие точно во сне смотрели на их работу, ошеломленно, в странном бездействии. Многие кричали солдатам слова упреков, ругательства и жалобы, размахивали руками, снимали шапки, зачем-то кланялись, грозили чьим-то страшным гневом...

Солдаты стояли неподвижно, опустив ружья к ноге, лица у них были тоже неподвижные, кожа на щеках туго натянулась, скулы остро высунулись. Казалось, что у всех солдат белые глаза и смерзлись губы...

В толпе кто-то кричал истерически громко:

— Ошибка! Ошибка вышла, братцы!.. Не за тех приняли! Не верьте!.. Иди, братцы, — надо объяснить!..

— Гапон — изменник! — вопил подросток-мальчик, влезая на фонарь.

— Что, товарищи, видите, как встречает вас?..

— Постой, — это ошибка! Не может этого быть, ты пойми!

— Дай дорогу раненому!..

Двое рабочих и женщина вели высокого худого человека; он был весь в снегу, из рукава его пальто стекала кровь. Лицо у него посинело, заострилось еще более, и темные губы, слабо двигаясь, прошептали:

— Я говорил, — не пустят!.. Они его скрывают, — что им — народ!

— Конница!

— Беги!..

Стена солдат вздрогнула и растворилась, как две половины деревянных ворот, танцуя и фыркая, между ними проехали лошади, раздался крик офицера, над головами конницы взвились, разрезав воздух, сабли, серебряными лентами сверкнули, замахнулись все в одну сторону. Толпа стояла и качалась, волнуясь, ожидая, не веря.

Стало тише.

— Ма-арш! — раздался неистовый крик.

Как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга, кидая раненых, прыгая через трупы. Тяжелый топот лошадей настигал, солдаты выли, их лошади скакали через раненых, упавших, мертвых, сверкали сабли, сверкали крики ужаса и боли, порою был слышен свист стали и удар ее о кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон...

— А-а-а!

Солдаты взмахивали саблями и опускали их на головы людей, и вслед за ударом тела их наклонялись набок. Лица у них были красные, безглазые. Ржали лошади, страшно оскаливая зубы, взмахивая головами...

Народ загнали в улицы... И тотчас же, как только топот лошадей исчез вдали, люди остановились задыхаясь, взглянули друг на друга выкатившимися глазами. На многих лицах явились виноватые улыбки, и кто-то засмеялся, крикнув:

— Ну, и бежал же я!..

— Тут — побежишь!.. — ответили ему.

И вдруг со всех сторон посыпались восклицания изумления, испуга, злобы...

— Что же это, братцы, а?

— Убийство идет, православные!

— За что?

— Вот так правительство!

— Рубят, а? Конями топчут...

Недоуменно мялись на месте, делясь друг с другом своим возмущением. Не понимали, что нужно делать, никто не уходил, каждый прижимался к другому, стараясь найти какой-то выход из пестрой путаницы чувств, смотрели с тревожным любопытством друг на друга и — все-таки, бо-

лее изумленные, чем испуганные, — чего-то ждали, прислушиваясь, оглядываясь. Все были слишком подавлены и разбиты изумлением, оно лежало сверху всех чувств, мешало слиться настроению более естественному в эти неожиданные, страшные, бессмысленно ненужные минуты, пропитанные кровью невинных...

Молодой голос энергично позвал:

— Эй! Идите подбирать раненых!

Все встрепенулись, быстро пошли к выходу на реку. А навстречу им в улицу вползали по снегу и входили, шатаясь на ногах, изувеченные люди, в крови и снегу. Их брали на руки, несли, останавливали извозчиков, сгоняя седоков, куда-то увозили. Все стали озабочены, угрюмы, молчаливы. Рассматривали раненых взвешивающими глазами, что-то молча измеряли, сравнивали, углубленно искали ответов на страшный вопрос, встававший перед ними неясной, бесформенной, черной тенью. Он уничтожал образ недавно выдуманного героя, царя, источника милости и блага. Но лишь немногие решались вслух сознаться, что этот образ уже разрушен. Сознаться в этом было трудно, — ведь это значило лишить себя единственной надежды...

Шел лысый человек в пальто с рыжей заплатой, его тусклый череп теперь был окрашен кровью, он опустил плечо и голову, ноги у него подламывались. Его вели широкоплечий парень без шапки, с курчавой головой и женщина в разорванной шубке с безжизненным, тупым лицом.

— Погоди, Михайло, — как же это? — бормотал раненый. — Стрелять в народ — не разрешается!.. Не должно это быть, Михайло.

— А — было! — крикнул парень.

— И стреляли... И рубили... — уныло заметила женщина.

— Значит, приказание дано на это, Михайло...

— И было! — злобно крикнул парень. — А ты думал — с тобой разговаривать станут? Вина стакан поднесут?

— Погоди, Михайло...

Раненый остановился, опираясь спиной о стену, и закричал:

— Православные!.. За что нас убивают? По какому закону?.. По чьему приказу?

Люди шли мимо него, опуская головы.

В другом месте на углу у забора собрались несколько десятков, и в середине их чей-то быстрый, задыхающийся голос говорил тревожно и злобно:

— Гапон вчера был у министра, он знал все, что будет, значит — он изменник нам,— он повел нас на смерть!

— Какая ему польза?

— А я — знаю?

Всюду разгоралось волнение, перед всеми вставали вопросы еще неясные, но уже каждый чувствовал их важность, глубину, суровое, настойчивое требование ответа. В огне волнения быстро истлевала вера в помощь извне, надежда на чудесного избавителя от нужды.

Посреди улицы шла женщина, полная, плохо одетая, с добрым лицом матери, с большими, грустными глазами. Она плакала и, поддерживая правой рукой окровавленную левую, говорила:

— Как буду работать? Чем кормить детей?.. Кому жаловаться?.. Православные, где же у народа защитники, если и царь против него?

Ее вопросы, громкие и ясные, разбудили людей, всколыхнули и встревожили их. К ней быстро подходили, бежали со всех сторон и, останавливаясь, слушали ее слова угрюмо и внимательно.

— Значит, народу — нет закона?

У некоторых вырывались вздохи. Другие негромко ругались.

Откуда-то пронесся резкий, злой крик:

— Получил помощь — сыну ногу разбили...

— Петруху — насмерть!..

Криков было много, они хлестали по ушам и, все чаще вызывая мстительное эхо, резкие отзвуки, будили чувство озлобления, сознание необходимости защищаться от убийц. На бледных лицах выступало некое решение.

— Товарищи! Мы все-таки идем в город... может, чего-нибудь добьемся... Идемте, понемногу!

— Перебьют...

— Давайте говорить солдатам, — может, они поймут, что нет закона убивать народ!

— А может, есть, — почему мы знаем?

Толпа медленно, но неуклонно изменялась, перерождаясь в народ. Молодежь расходилась небольшими группами, все они шли в одну сторону, снова к реке. И всё несли раненых, убитых, пахло теплой кровью, раздавались стоны, возгласы.

— Якову Зимину — прямо в лоб...

— Спасибо батюшке-царю!

— Да-а, — встретил!

Раздалось несколько крепких слов. Даже

за одно из них четверть часа тому назад толпа разорвала бы в клочья.

Маленькая девочка бежала и кричала всем:

— Не видали маму?

Люди молча оглядывались на нее и уступали ей дорогу.

Потом раздался голос женщины с раздробленной рукой:

— Здесь, здесь я...

Улица пустела. Молодежь уходила все быстрее. Пожилые люди угрюмо, не спеша, тоже шли куда-то по двое и по трое, исподлобья глядя вслед молодым. Говорили мало... Лишь порой кто-нибудь, не сдержав горечи, восклицал негромко:

— Значит, народ отбросили теперь?..

— Убийцы проклятые!..

Сожалели об убитых людях и, догадываясь, что убит также один тяжелый, рабский предрассудок, осторожно молчали о нем, не произнося более царапающего ухо имени его, чтобы не тревожить в сердце тоски и гнева...

А может быть, молчали о нем, боясь создать другой на место мертвого...

Н. К. КРУПСКАЯ

«ПЯТЫЙ» ГОД. В ЭМИГРАЦИИ

Из книги „Воспоминания о Ленине“

Уже в ноябре 1904 г., в брошюре «Земская кампания и план «Искры», и затем в декабре, в статьях в №№ 1—3 «Вперед», Ильич писал о том, что близится время настоящей, открытой борьбы масс за свободу. Он ясно чувствовал приближение революционного взрыва. Но одно дело чувствовать это приближение, а другое — узнать, что революция уже началась. И потому, когда пришла весть в Женеву о 9-м января, когда дошла весть о той конкретной форме, в которой началась революция, — точно изменилось все кругом, точно далеко куда-то в прошлое ушло все, что было до этого времени. Весть о событиях 9-го января долетела до Женевы на следующее утро. Мы с Владимиром Ильичем шли в библиотеку и по дороге встретили шедших к нам Луначарских. Запомнилась фигура жены Луначарского, Анны Александровны, которая не могла говорить от волнения и лишь беспомощно махала муфтой. Мы пошли туда, куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...».

Мы зажили той своеобразной жизнью, какой жила в то время вся женевская эмиграция: от одного выпуска местной газеты «Трибунки» [1] до другого.

Все мысли Ильича были прикованы к России...

С первых же дней революции Ильичу стала сразу ясна вся перспектива. Он понял, что теперь движение будет расти как лавина, что революционный народ не остановится на полпути, что рабочие ринутся в бой с самодержавием. Победят ли рабочие, или будут побеждены, — это видно будет в результате схватки. А чтобы победить, надо быть как можно лучше вооруженным.

У Ильича было всегда какое-то особое чутье, глубокое понимание того, что переживает в данную минуту рабочий класс.

Меньшевики, ориентируясь на либеральную буржуазию, которую надо было еще раскачивать, толковали о том, что надо «развязать» революцию, — Ильич знал, что рабочие уже решились бороться до конца. И он был с ними. Он знал, что остановиться на полдороге нельзя, что это внесло бы в рабочий класс такую деморализацию, такое понижение энергии в борьбе, принесло бы такой громадный ущерб делу, что на это нельзя было итти ни под каким видом. И история показала, что в революции пятого года рабочий класс потерпел поражение, но побежден не был, его готовность к борьбе не была сломлена. Этого не понимали те, кто нападал на Ленина за его «прямолинейность», кто после поражения не умел ничего сказать,

---

[1] Газета «Трибюн де Женев», выходившая в Женеве на французском языке.

кроме того, что «не нужно было браться за оружие». Оставаясь верным своему классу, нельзя было не браться за оружие, нельзя было авангарду оставлять свой борющийся класс.

И Ильич неустанно звал авангард рабочего класса — партию — к борьбе, к организации, к работе над вооружением масс. Он писал об этом во «Вперед», в письмах в Россию.

«Девятое января 1905 г. обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов», писал Владимир Ильич в начале февраля в своей статье «Должны ли мы организовать революцию» (там же, стр. 122), каждая строка которой дышит призывом перейти от слов к делу.

Ильич не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании, — он прочел не мало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают, и его разговоры об ударных группах во время партизанской войны, «о пятках и десятках» были не болтовней профана, а обдуманным всесторонне планом.

Служащий «Société de lecture» был свидетелем того, как раненько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столику у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение. Иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь и отыскать там объяснение незнакомого термина, а потом ходил все взад и вперед и, сев к столу, что-то быстро, сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги.

Большевики изыскивали все средства, чтобы переправлять в Россию оружие, но то, что делалось, была капля в море. В России образовался Боевой комитет (в Питере), но работал он медленно. Ильич писал в Питер: «В таком деле менее всего пригодны схемы да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и еще энергия. Я с ужасом, ей-богу, с ужасом, вижу, что о бомбах говорят **больше полгода** и ни одной не сделали! А говорят ученейшие люди... Идите к молодежи, господа! Вот одно единственное, всеспасающее средство. Иначе, ей-богу, вы опоздаете (я это по всему вижу) и окажетесь с «учеными» записками, планами, чертежами, схемами, великолепными рецептами, но без организации, без живого дела... Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все «функции, права и привилегии» ко всем чертям».

И большевики делали в смысле подготовки вооруженного восстания не мало, проявляя нередко колоссальный героизм, рискуя каждую минуту жизнью. Подготовка вооруженного восстания — таков был лозунг большевиков.

Другой лозунг, выдвинутый Ильичем, это — поддержка борьбы крестьян за землю. Эта поддержка дала бы рабочему классу возможность опираться в своей борьбе на крестьянство. Крестьянскому вопросу Владимир Ильич всегда уделял много внимания.

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа... За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют.

В. И. ЛЕНИН

III

ГРОЗНОЕ ЭХО

Грозное эхо петербургских событий раздалось по всей стране. На фабриках и заводах забушевало невиданное по размаху стачечное движение. Вслед за рабочим классом поднялось крестьянство. Крестьянское движение, в свою очередь, повлияло на солдат и матросов, привело к восстаниям в армии и флоте. Революционные настроения охватили учащуюся молодежь и демократическую интеллигенцию.

С самого начала первая русская революция стала общенародной. «Дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа», — писал Ленин. Главным средством такого превращения послужила массовая стачка.

Только в январе 1905 года бастовало свыше 2 тысяч предприятий, а количество стачечников в этом месяце составляло около полумиллиона человек, превысив количество бастовавших в России за все предыдущее десятилетие. На многих предприятиях стачки повторялись снова и снова. Из общего количества бастовавших в 1905 году фабрик и заводов 85,5 процента бастовало по нескольку раз. Всего в 1905 году участвовало в стачках почти 3 миллиона промышленных рабочих.

Размах стачечного движения свидетельствовал о великих запасах энергии рабочего класса, борьба которого определяла все развитие революции. Впереди шли лучшие сыны пролетариата, увлекая за собой колеблющихся, пробуждая спящих, подбадривая слабых.

На первое место среди стачечников сразу выдвинулись металлисты, — недаром застрельщиками массовой январской стачки

в Петербурге были металлисты-путиловцы. Второе место в стачечном движении заняли рабочие-текстильщики. Они составляли в то время основную массу русских фабрично-заводских рабочих, так как в царской России текстильная промышленность была наиболее развита.

В ходе первой русской революции переплетались экономические и политические стачки. Такое сочетание экономической и политической борьбы пробуждало самые широкие слои пролетариата. От требования повысить расценки рабочие переходили к требованию изменить политический строй, от стремления прогнать мастера-держиморду — к стремлению свергнуть самодержавие.

Еще 10 января министр внутренних дел телеграфировал во все губернии, требуя «принять решительные меры к предупреждению возможных беспорядков». Но пламя революции опережало распоряжения правительства.

Первой после Петербурга забастовала рабочая Москва: к вечеру 10 января бросили работу 10 тысяч человек, 14 января бастовало уже 30 тысяч.

С конца девяностых годов Москва почти не знала стачек. Несколько лет рабочий класс здесь не прибегал к этому средству борьбы. Но промышленный кризис и война тяжело отразились на положении московских трудящихся: к началу 1905 года в Москве и губернии оказалось 28 тысяч безработных и 25 тысяч человек, работающих неполную неделю. Со второй половины 1904 года общественная жизнь в Москве заметно оживилась. После 9 января движение поднялось еще выше, — на фабриках и заводах шла горячая агитация за всеобщую забастовку.

Накануне 9 января Московский комитет РСДРП выпустил листовку с призывом ко всеобщей стачке.

«Бросайте, товарищи, дружно работу, выходите на улицы! Поднимайте голову! Защищайте гибнущих на фронте, защищайте себя! Покажите, что революционная сила пролетариата жива и не разорвано красное знамя рабочего класса! Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует РСДРП!»

В следующей листовке, с негодованием сообщая о расстрелах 9 января в Петербурге, Московский комитет призывал рабочих добиваться своих прав не петициями, а с оружием в руках.

Иностранный корреспондент, слышавший в эти дни на московских улицах разговор группы рабочих, обсуждавших текущие события, писал: «Топоры? — говорил один. — Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья!»

Власти в Москве торопились принять все меры, чтобы сковать рабочее движение. Части московского гарнизона находились в боевой готовности. Градоначальник запретил сходки, митинги и демонстрации, угрожая применением вооруженной силы. Полицейские непрерывно доносили по телефону в охранку обо всем, что происходило в рабочих районах. На фабрики и заводы по первому требованию высылались вооруженные наряды.

И все же 10 января в Москве началась всеобщая забастовка солидарности и сочувствия петербургскому пролетариату. Бастовало около ста предприятий. В Симоновской слободе и Замоскворечье работы прекратились полностью. На Даниловской мануфактуре работали под охраной солдат. В центре города бастовали типографии, хотя хозяева соглашались увеличить заработную плату печатникам на 20 процентов. Обходя предприятия своего района, забастовщики снимали с работы тех, кто еще колебался. Администрация старалась привлечь штрейкбрехеров [1], но стачечники ставили пикеты и не допускали штрейкбрехеров к станкам.

Через несколько дней стачка из Москвы перебросилась в губернию. В Мытищах войска несколько раз стреляли в забастовщиков; забастовка все же разгорелась, и администрация вагоностроительного завода вынуждена была пойти на соглашение с бастующими.

Почти повсеместно забастовщики выдвигали те же требования, что и петербургские рабочие.

Уступки фабрикантов, с одной стороны, а с другой — массовые аресты привели к тому, что в конце января стачка в Москве окончилась. Но уже в начале февраля забастовал весь московский железнодорожный узел, к нему примкнули железнодорожники Самаро-Златоустовской, Юго-Восточной, Рязано-Уральской и других дорог. В желез-

---

[1] Штрейкбрехеры — все те, кто, нарушая рабочую солидарность, во время стачки приступает к работе, изменяет своим товарищам.

нодорожных мастерских Рязанской дороги рабочие наклеивали на отремонтированные паровозы революционные листовки и выпускали их «с паспортом».

Бурная 8-дневная стачка разразилась в старейшем хлопчатобумажном центре под Москвой — Орехово-Зуеве. Здесь со времени знаменитой Морозовской стачки 1885 года сохранялись боевые революционные традиции. В 1900—1901 годах революционным подпольем в Орехове руководил замечательный рабочий-большевик Иван Васильевич Бабушкин, отдавший жизнь в борьбе за освобождение рабочего класса.

Через старост и депутатов рабочие Морозовской мануфактуры предъявили администрации экономические требования, а когда она отказалась их удовлетворить, начали забастовку. Несмотря на стычки с казаками и полицией, рабочие собирали тысячные митинги на фабричном дворе, в школе, даже в бане. По-боевому вели себя женщины, которых так много было среди текстильщиков. Они вырывали у солдат винтовки, хватали казачьих лошадей под уздцы.

Рабочие Орехова установили связи с Московским комитетом РСДРП. По призыву агитаторов, забастовщики выдвинули политические требования, в том числе требование Учредительного собрания.

11 января по призыву социал-демократов началась забастовка протеста в Риге. На следующий день она превратилась во всеобщую политическую стачку под лозунгами: «Долой самодержавие! Долой войну!», «Да здравствует демократическая республика!» 13 января в Риге бастовало около 50 тысяч рабочих. Закрылись все учебные заведения, все театры. Полицейские, боясь нападений, забаррикадировали участки. По городу с пением «Марсельезы» и «Варшавянки» шла демонстрация. Войска перехватили демонстрантов у моста и открыли по ним огонь с двух сторон. Было много убитых, утонувших в Двине, раненых. Но это не снизило революционного настроения. Похороны убитых превращались в политические демонстрации.

21 января всеобщая забастовка в Риге прекратилась, но экономические стачки на отдельных предприятиях продолжались. В январе не было ни одного дня, когда бы все предприятия Риги работали бесперебойно, а в феврале десятки фабрик и заводов бастовали снова.

В Либаве солдаты и матросы отказались стрелять в демонстрантов, а полицейские отряды были разогнаны рабочими. Митинги и демонстрации шли по деревням и местечкам Прибалтики. Везде вывешивались красные флаги. Везде трудящиеся ловили шпиков и провокаторов и избивали их.

Революционный пожар охватил города Польши. Бастовали в Варшаве, Белостоке, Люблине, Лодзи, Брест-Литовске, в Домбровском каменноугольном бассейне. 11 января стачка в Варшаве началась с мастерских Варшаво-Венской железной дороги, на следующий день она стала всеобщей. Движение товарных поездов прекратилось. Бастующих машинистов и рабочих заменили солдаты железнодорожного батальона.

В течение недели в городе шли демонстрации и кровавые столкновения с полицией и войсками. Правительство объявило Варшаву на положении «усиленной охраны», что означало полный произвол властей в отношении к населению.

1905 г. (Не ранее 9 января)

ЛИСТОВКА СЕВЕРНОГО КОМИТЕТА (ЯРОСЛАВСКОГО) РСДРП

БРАТЬЯ-СОЛДАТЫ!

Слышали вы, что было на улицах Петербурга 9 января? Была страшная братоубийственная война!

Волосы встают на голове от ужаса, когда подумаешь о том, что там было! Слушайте! Солдаты стреляли в своих же братьев... За что? За то, что безоружные, мирной толпой, с женами и детьми они пошли к Зимнему дворцу сказать царю, что не могут больше терпеть обид и притеснений от фабрикантов, царских чиновников и полиции, что они — люди и хотят жить по-человечески. Они просили царя выйти и выслушать их желания. В ответ на это царь велел солдатам через своих офицеров стрелять в их братьев... Их солдаты послушались... Стыд и позор им! В кого они стреляли? В самих себя! Да, в самих себя, потому что рабочие просили столько же для себя, сколько и для вас, солдаты. Сегодня вы — солдаты, а кем вы были вчера? Кем будете завтра? Рабочими и крестьянами. Сегодня вы стреляете в нас, завтра будете в нашей толпе, и в вас тоже будут стрелять. Подумайте, братья! Есть же у вас сердце и разум! Подумайте и решите — не стрелять в рабочих и крестьян за их правое дело, а становиться в их ряды и вместе с ними завоевать себе человеческую жизнь.

Проклятие тем, кто будет убивать своих братьев-рабочих!

Да здравствуют солдаты, которые помогут рабочим завоевать свободу Родине!

Сев. ком. РСДРП. Ярославль

(Из архивных материалов)

В Петроковской губернии революционным центром стал город текстильщиков — Лодзь. В январе здесь бастовало до 100 тысяч человек. Газовый завод работал под наблюдением солдат. Трамвай, по распоряжению губернатора, остановился, «чтобы не мешать движению войск», — так был наводнен ими город! Каждый день стачки приносил фабрикантам огромные убытки; поэтому на совещании с губернатором они договорились пойти на уступки рабочим. Но забастовка все равно не прекращалась и переходила в стычки рабочих с войсками.

Это была еще первая проба сил лодзинских рабочих.

Всеобщая стачка в январе охватила Саратов. Поезда из города уходили под охраной солдат, но стачечники все же прервали железнодорожное сообщение на линии Саратов — Увек. Полиция произвела десятки арестов, захватила подпольную типографию, а стачка все разрасталась. Большая политическая демонстрация была разогнана войсками. В феврале рабочие двух заводов и всех паровых мельниц Саратова забастовали снова.

На Украине, начиная с 12 января и до середины марта, стачки перекатывались из города в город, из района в район. Бастовали рабочие Екатеринослава, Одессы, Харькова, Киева, Николаева, шахтеры и рабочие Донбасса. Некоторые требования забастовщиков были удовлетворены, работы возобновились, но в феврале—марте снова вспыхнули стачки. На всех предприятиях стояли войска, и воинские части все еще продолжали прибывать из Николаева, Симферополя и других городов. В марте только в двух уездах — Бахмутском и Славяносербском — было сосредоточено 18 рот пехоты, 5 сотен казаков и 4 эскадрона драгун. Но настроение рабочих становилось все решительнее, организованность их все возрастала.

Исключительно тяжелое положение трудящихся Закавказья и жестокий национально-колониальный гнет определили здесь размах революции, с самого начала превратившейся в народное восстание против царизма.

В Батуме с утра 25 января тревожные гудки известили о начавшейся стачке. Закрылись все фабрики и заводы, аптеки, учебные заведения. Полицмейстер силой застав-

---

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНОЕ БРАТСТВО! [1]

Граждане! Растёт движение революционного пролетариата, — и рушатся национальные перегородки! Пролетарии национальностей России объединяются в одну международную армию, отдельные ручейки пролетарского движения сливаются в один общий революционный поток. Всё выше и выше поднимаются волны этого потока, всё сильнее и сильнее ударяются они о царский трон, — и шатается одряхлевшее царское правительство. Ни тюрьма, ни каторга, ни виселица — ничто не останавливает пролетарского движения: оно всё растёт!

И вот, царское правительство для укрепления своего трона придумывает «новое» средство. Оно сеет вражду между национальностями России, оно натравливает их друг на друга, оно старается разбить общее движение пролетариата на мелкие движения и направить их **друг против друга,** оно устраивает погромы евреев, армян и т. д. И всё это для того, чтобы братоубийственной войной отделить друг от друга национальности России и, обессилив их, без труда победить каждую в отдельности!

Разделяй и властвуй — такова политика царского правительства. Так оно действует в городах России (вспомните погромы в Гомеле, Кишинёве и других городах), то же самое повторяет и на Кавказе. Подлое! Кровью и трупами граждан старается оно укрепить свой презренный трон! Стоны умирающих в Баку армян и татар; слёзы жён, матерей, детей; кровь, невинная кровь честных, но несознательных граждан; напуганные лица бегущих, спасающихся от смерти беззащитных людей; разрушенные дома, разграбленные магазины и страшный, несмолкающий свист пуль, — вот чем укрепляет свой трон царь — убийца честных граждан.

Да, граждане! Это они, агенты царского правительства, натравили несознательных из татар на мирных армян! Это они, лакеи царского правительства, раздали им оружие и патроны, одели в татарскую форму полицейских и казаков и пустили на армян! Два месяца они — слуги царя — готовили эту братоубийственную войну, — и вот, наконец, достигли своей варварской цели. Проклятие и смерть на голову царского правительства!

Теперь эти жалкие рабы жалкого царя стараются поднять и у нас, в Тифлисе, братоубийственную войну! Они требуют вашей крови, они хотят разделить вас и властвовать над вами! Но будьте бдительны! Вы, армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки правительства разделить вас единодушно отвечайте: Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!

Протяните друг другу руки и, объединившись, сплачивайтесь вокруг пролетариата, действительного могильщика царского правительства — этого единственного виновника бакинских убийств.

Пусть будет вашим возгласом:

Долой национальную рознь!
Долой царское правительство!
Да здравствует братство народов!
Да здравствует демократическая республика!

13 февраля 1905 г.

(И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 81—83)

[1] Листовка Тифлисского комитета РСДРП, написанная И. В. Сталиным.

лял торговцев открывать магазины. По улицам разъезжали казаки, на перекрестках стояли их сторожевые посты, а во дворах заводов шли митинги, звучали горячие политические речи. На телеграфных проводах в нескольких местах города повисли красные флаги. Забастовка продолжалась несколько дней, несмотря на расправы казаков с населением.

В Тифлисе рабочие двухнедельной массовой стачкой добились повышения заработной платы.

В Баку, несмотря на победу, одержанную над предпринимателями в декабре 1904 года, продолжалось упорное рабочее движение, неоднократно переходившее в схватки с казаками и полицией. Биржа в Баку прекратила все операции, фабриканты бежали из города. Главное требование рабочих — 9-часовой рабочий день — было удовлетворено, но забастовка продолжалась.

Чтобы отвлечь народные массы от революции и расколоть единство пролетариата, правительство в феврале спровоцировало в Баку татаро-армянскую резню. Подстрекаемые полицией хулиганы грабили армянское население, жгли его дома, убивали целые семьи на глазах у солдат, получивших приказ ни во что не вмешиваться. Правительство рассчитывало вызвать национальную резню и в Тифлисе. Однако тифлисские большевики сорвали вероломные планы правительства.

Русский пролетариат решительно боролся против великодержавно-шовинистической политики царизма и господствующих классов. Большевики воспитывали в массах пролетарский интернационализм, разъясняя, что национальный гнет может быть уничтожен только в результате совместной революционной борьбы трудящихся всех национальностей.

Кавказский союзный комитет РСДРП в начале февраля распустил в Тифлисе меньшевистский городской комитет и заменил его комитетом из большевиков. И. В. Сталин, член Кавказского союзного комитета, в листовке, разоблачавшей стремления царского правительства, писал:

«Они требуют вашей крови, они хотят разделить вас и властвовать над вами! Но будьте бдительны! Вы, армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки правительства разделить вас единодушно отвечайте: долой царское правительство! Да здравствует братство народов!»

На Урале первая стачечная волна охватила Чусовской, Алапаевский, Лысьвенский и другие старые металлургические заводы. В Лысьве в результате почти месячной забастовки был введен 8-часовой рабочий день.

В Сибири крупных промышленных центров в то время не было. Рабочие были разбросаны по шахтам, приискам и небольшим городам, что осложняло работу партии. Трудности усугублялись еще тем, что меньшевики, захватившие руководство в ряде местных организаций РСДРП, всячески мешали развитию революции. Однако волна стачек и демонстраций докатилась и до городов Сибири.

В Красноярске стачка началась 18 января, состоялась большая демонстрация протеста и митинг, разбрасывались революционные листовки. Жандармы не вмешивались, только подбирали листовки. Стачка продолжалась три дня, прекратили работу и железнодорожные мастерские. Военное ведомство требовало паровозов, но их не давали. Чтобы подавить стачку, губернатор пригласил к себе депутацию от рабочих и принял их экономические требования.

Томский комитет РСДРП, членом которого состоял в то время 19-летний Сергей Миронович Киров, также организовал демонстрацию протеста против расстрела 9 января. Киров был одним из активнейших организаторов демонстрации и шел в первых рядах, охраняя знаменосца, рабочего Кононова. Казаки и полиция открыли стрельбу. Кононов был убит, многие демонстранты ранены. Кирову удалось вырваться, только пальто его было рассечено шашкой. В ту же ночь Киров отправился разыскивать труп Кононова, чтобы спасти от полиции спрятанное Кононовым под пальто красное знамя. Знамя было спасено. Оно стало боевым знаменем Томского комитета РСДРП.

На похоронах Кононова распространялась листовка, в составлении которой принял участие С. М. Киров.

«Тюрьмы и виселицы не запугают рабочий класс, — говорилось в этой листовке, — штыки и пули не остановят революционного движения пролетариата. Жертв уже положено много, жертвы еще будут, без жертв не обойтись. Так не будем, товарищи, бесцельно проливать слезы по новой жертве царского произвола... И всем, кому дороги интересы пролетариата, скажем:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,

Слезой не скверните их прах.
Не нужно ни песен, ни слез мертвецам,
Воздайте им лучший почет —
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!»

Революционные листовки, прокламации массами распространялись по всей стране, по городам, деревням и местечкам, по рабочим общежитиям и солдатским казармам. Исключительную роль в деле организации трудящихся играли листовки большевиков. Смелые и выразительные, они разъясняли, убеждали, агитировали, помогали распространять влияние партии на все слои трудового народа.

Достигнув наиболее высокого подъема в январе, стачечное движение в феврале несколько ослабло по всей стране, а в марте голод и нужда заставили большинство рабочих вернуться на фабрики и заводы. Следующая волна стачек поднялась в мае — июле 1905 года.

Массовые стачки не только затормозили работу промышленности,—они парализовали торговлю. На складах увеличились залежи товаров, потому что стали железные дороги, торговые биржи приостановили всякие сделки, магазины закрывались, так как во многих городах бастовали и торговые служащие. Каждый месяц революции все яснее доказывал, что рабочий класс — это решающая сила, что его борьба определяет судьбы страны. Стачки заканчивались тем успешнее, чем сильнее и дружнее был напор рабочих на капиталистов. В январе 1905 года, когда натиск рабочих был особенно силен, 87 тысяч забастовщиков выиграли стачки, 81 тысяча их проиграли, 152 тысячи достигли соглашения с предпринимателями, то-есть обе стороны пошли на уступки. Спад первой стачечной волны привел к тому, что в феврале — марте стачечники терпели поражение. Зато новая волна стачек — в мае 1905 года — дала победу 55 процентам бастовавших в этот период.

Уступки, незначительные сами по себе, но вырванные у капиталистов силой, имели огромное значение, утверждая веру рабочих в правоту своего дела, вооружая их сознанием своей мощи.

В ходе революции быстро росло влияние социал-демократии на рабочий класс. И чем шире становилось революционное движение, тем неотступнее вставала перед русской социал-демократией задача — организовать его, тем больше требовалось от социал-демократов революционной инициативы.

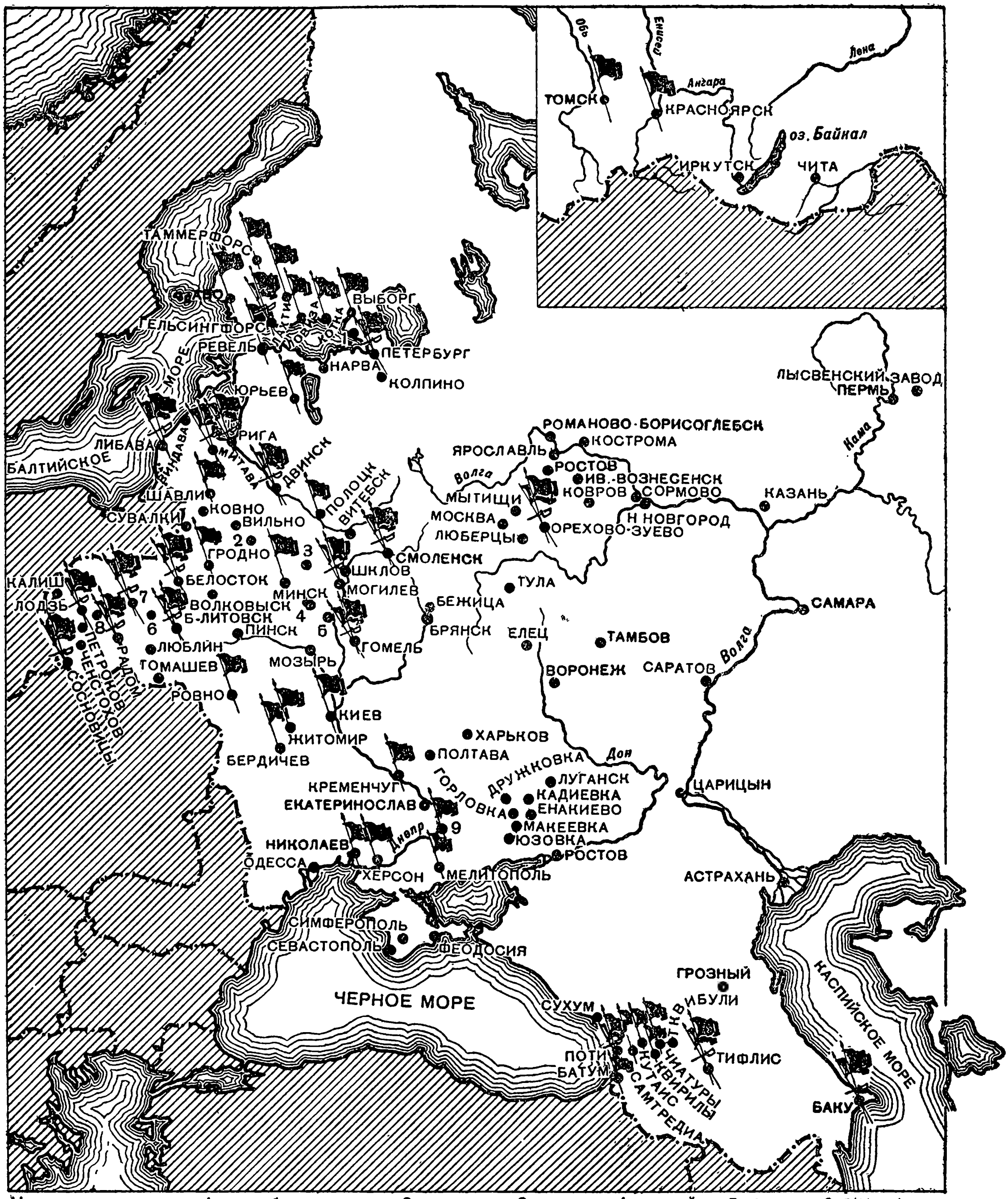
В. И. Ленина в это время не было в России. Вынужденный вследствие преследования царскими властями оставаться за границей, он внимательно следил за революционными событиями на родине. Ленин требовал от большевиков как можно шире привлекать к революционной работе молодежь. В начале февраля 1905 года Владимир Ильич писал С. И. Гусеву, секретарю Петербургского комитета большевиков:

«Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, **не боясь ее.** Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь... Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости. Во 1-х, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами и той же своей неопытностью навредят впятеро больше. Во 2-х, учить будут теперь **в нашем духе** события. События уже учат всех и каждого именно во впередовском [1] духе».

В апреле 1905 года в Лондоне состоялся III съезд РСДРП, определивший тактику большевиков в буржуазно-демократической революции. Все основные резолюции, принятые съездом, были написаны В. И. Лениным.

Съезд исходил в своих решениях из того основного положения, что революция 1905 года есть буржуазно-демократическая революция. Ее задачи: уничтожить все крепостнические пережитки, свергнуть самодержавие и установить демократическую республику. В полной победе революции заинтересован прежде всего пролетариат, так как он получает тогда возможность организоваться, политически подняться и перейти далее от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Безоговорочно поддержать пролетариат могло только крестьянство, которое без полной победы революции не получило бы помещичью землю. Либеральной буржуазии нужны были только реформы. Она боялась рабочих и крестьян, царизм ей был нужен

[1] «В п е р е д» — нелегальная газета большевиков, выходившая под редакцией В. И. Ленина в период борьбы за III съезд партии.



На карте показаны цифрами: 1-СЕСТРОРЕЦК, 2-СМОРГОНЬ, 3-БОРИСОВ, 4-БОБРУЙСК, 5-РОГАЧЕВ, 6-СЕДЛЕЦ, 7-ВАРШАВА, 8-ЖИРАРДОВ, 9-АЛЕКСАНДРОВСК.

Города, где происходили стачки.

Города, где происходили демонстрации рабочих.

Города, где происходили столкновения рабочих с царскими войсками.

Карта рабочего движения после 9 января 1905 года.

для защиты от трудящихся классов, поэтому либеральная буржуазия была заинтересована не в свержении самодержавия, а в ограничении его, она довольствовалась конституционной монархией.

Исходя из такого учета классовых сил, III съезд РСДРП подчеркнул роль пролетариата как вождя революции, ее гегемона, и наметил стратегический план партии на первом этапе революции: пролетариат в союзе со всем крестьянством, при изоляции буржуазии, должен вести борьбу за победу буржуазно-демократической революции.

Съезд признал, что главной задачей партии является переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию, и указал на необходимость практически готовиться к восстанию. Съезд призвал партийные организации поддержать крестьянское движение, создавать в деревне революционные крестьянские комитеты.

Решения III съезда были восприняты большинством партийных организаций как боевая программа партии в борьбе за победу буржуазно-демократической революции и легли в основу всей их практической деятельности.

Вскоре после III съезда партии Ленин выпустил свою историческую книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой подверг уничтожающей критике тактику меньшевиков и гениально обосновал большевистскую тактику. В этой работе Ленин дал русским марксистам ясную перспективу перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

В мае — июле по стране прокатилась вторая волна стачечного движения. Неудачи русской армии на Дальнем Востоке и разгром эскадры Рожественского при Цусиме накалили политическую атмосферу. В 177 городах и промышленных центрах России прошли первомайские стачки и демонстрации. Весенне-летние демонстрации отличались особенным упорством, сопровождались схватками с полицией и войсками. Были случаи, когда солдаты отказывались стрелять в народ.

На Урале майские стачки охватили подавляющее большинство городов и заводов. В Надеждинске, Алапаевске, Мотовилихе появились Советы рабочих депутатов и боевые дружины. На Надеждинском заводе рабочие еще с весны начали вооружаться: ковали ножи и шашки, изготовляли бомбы.

Наибольшей остроты достигли летние события в таких крупных текстильных центрах, как Иваново-Вознесенск и Лодзь.

В Иваново-Вознесенске с начала революции шло брожение среди рабочих, хотя попытка ответить забастовкой на расстрел 9 января сорвалась. Губернатор успел тогда выслать в Иваново отряд солдат и казаков, которые беспощадно избивали забастовщиков нагайками. Весной на фабриках Иванова, Шуи, Кохмы вспыхивали частичные забастовки. 12 мая в Иваново-Вознесенске началась исключительная по своим размерам, продолжительности и организованности всеобщая стачка под руководством большевиков.

Иваново-Вознесенская социал-демократическая организация возникла еще в девяностых годах и была тесно связана с рабочей массой. Местный комитет РСДРП почти целиком состоял из рабочих. В него входили Федор Афанасьевич Афанасьев, по кличке «Отец» (убитый черносотенцами в октябре 1905 года, на митинге), Евлампий Александрович Дунаев и другие. Летом 1905 года в Иваново прибыл, по направлению Московского комитета РСДРП, 20-летний студент Политехнического института Михаил Васильевич Фрунзе, по кличке «Арсений», ставший одним из руководителей революционной борьбы.

К ивановцам примкнули рабочие Шуи, Кохмы, Тейкова; стачка охватила до 70 тысяч рабочих, в том числе много женщин. Явочным порядком стачечники завоевали себе свободу собраний и слова, выбрали свой верховный орган — Совет уполномоченных (из 151 человека), ставший, в сущности, одним из первых в России Советов рабочих депутатов.

Местные власти вступили с Советом в переговоры по вопросам, касавшимся стачки, то-есть фактически признали Совет законным представителем бастующих рабочих. Видя невозможность прекратить стачку, губернатор разрешил рабочим собирать сходки за городом, на берегу реки Талки. И вот с 16 мая на Талке ежедневно стали собираться от 15 до 40 тысяч рабочих, перед которыми выступали члены Совета, партийные работники и приезжие из Москвы ораторы. Обсуждались вопросы стачки, велись беседы о положении рабочего класса в России и за границей, о политических партиях и профессиональных союзах. Собрания превратились в своеобразный народный университет. Здесь же рабочие пели революционные песни.

Порядок в городе был образцовый, лучше,

чем в обычное время. Но 2 июня появилось объявление вице-губернатора, запрещавшее собрания на Талке. На другой день, когда тысяч десять рабочих сошлись, как обычно, на берег реки, появились войска и казаки. По приказу полицмейстера они бросились на собравшихся. Послышались стоны и проклятья, люди побежали в разные стороны, но полицмейстер приказал стрелять по бегущим. Дав несколько залпов, казаки помчались догонять бегущих и избивали их нагайками. Жертв было много, особенно пострадали женщины и дети. Тогда озлобленная толпа стала валить телеграфные столбы, подожгла одну из фабрик и перерезала пожарные рукава. Подоспевших казаков встретили камнями и поленьями. Произошла новая кровавая схватка.

Стачка продолжалась. Фабриканты, бежавшие в Москву, попытались через своих уполномоченных в Иванове расколоть рабочих: предложили повысить расценки некоторым категориям. Рабочие не пошли на это и продолжали настаивать на выполнении своих требований, выставленных в начале стачки. 10 июня губернатор вынужден был снова разрешить собрания на Талке.

23 июня, чтобы воздействовать на власти и хозяев, заставить их принять требования рабочих, Совет, по предложению комитета РСДРП, решил устроить демонстрацию и требовать хлеба, работы и человеческих условий жизни. Демонстрация прошла внушительно, многолюдно, с красным флагом и революционными песнями.

Два с половиной месяца продолжалась эта исключительная по своей сплоченности стачка и закончилась так же организованно, как и началась.

В течение мая — июня 1905 года не прекращались стачки в Лодзи. В среднем ежедневно бастовало не менее 18 тысяч человек. Организации СДПиЛ («Социал-демократия Польши и Литвы») выпускали листовки, воззвания, информировали рабочих о ходе событий, призывали их к стойкости.

5 июня в окрестностях Лодзи происходили многолюдные сходки, закончившиеся демонстрацией и стычкой с войсками. Появились убитые. Похороны их решено было использовать для новой мощной демонстрации протеста. 7 июня эта демонстрация состоялась. Казаки оказались не в силах справиться с человеческой лавиной, народ оттеснял солдат и полицию. Над демонстрантами развевались красные флаги с лозунгами на языках всех национальностей, населявших западные губернии России. На кладбище состоялся траурный митинг.

На следующий день, 8 июня, решено было так же демонстративно похоронить двоих рабочих, умерших от ран. На этот раз демонстранты попали в засаду: войска окружили их, били нагайками, стреляли. Рабочие защищались, выворачивая камни из мостовой, но вынуждены были рассеяться.

В ответ на эту расправу СДПиЛ выпустила воззвание:

«К борьбе, товарищи! Кровь пролита не даром, она требует мщения и зовет на новую борьбу. Пусть враг убедится, что наша энергия не уничтожена, что сегодня мы сильнее, грознее, чем были вчера. Сколько бы нас ни пало, но будущее за нами, нет такой силы в мире, которая может остановить наше движение вперед.

На улицу, братья! Пусть в честь погибших остановится 10 (23) июня всякая жизнь! К всеобщей однодневной забастовке!»

Забастовка началась сейчас же и сразу переросла в восстание. В ночь на 10 июня город покрылся баррикадами, на сооружение которых шли столбы, ворота, бревна, доски, домашние вещи, ручные ткацкие станки. Над многими баррикадами взвились красные флаги. Рабочие дрались с необычайным воодушевлением. У них было только несколько сотен револьверов, поэтому оружие заменяли камни, кипяток, горячая смола. В некоторых местах города были брошены самодельные бомбы. Рядом со взрослыми на баррикадах дрались подростки.

Это было первое в России вооруженное выступление пролетариата.

Ленин писал, что пролетариат Лодзи показал в этом выступлении не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы.

1905 г. Июня 16

ИЗ ДОКЛАДА ТОВАРИЩА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НИКОЛАЮ II

В Либаве в ночь на 15-е все шесть экипажей местного военного порта, будучи недовольны дурной пищей, взбунтовались и, разобрав оружие и патроны, произвели разгром и пальбу залпами по всем направлениям, причем шальными пулями убиты 2 и ранены 6 матросов.

Для восстановления порядка на место вызваны сухопутные войска, не прибегавшие к оружию. Значительное число матросов дезертировало в город и его окрестности.

(Из архивных материалов)

Рабочие потеряли в дни восстания около 2 тысяч убитыми и ранеными. Город и уезд были объявлены на военном положении. Но сломить героический дух лодзинских рабочих царскому правительству и на этот раз не удалось.

В Варшаве 11 июня рабочие объявили всеобщую стачку солидарности с лодзинцами.

13 июня началась всеобщая стачка в Одессе, где также появились баррикады. В конце июня всеобщие стачки, руководимые большевиками, прокатились в Закавказье, захватив Тифлис, Баку, Батум. В июле произошла баррикадная схватка в Варшаве.

Борьба рабочего класса против самодержавия становилась все напряженнее. По количеству стачечников, по массовости движения, по упорству, которое проявили рабочие в стачечной борьбе, впереди других стояли губернии Петербургская, Московская, Лифляндская, Владимирская, Варшавская и Петроковская. В Петербургской и Варшавской губерниях каждый рабочий в 1905 году бастовал в среднем по четыре раза!

Рабочие стачки потрясли всю страну и вызвали революционное движение среди крестьян.

Еще ранней весной 1905 года начались стихийные крестьянские выступления в уездах Курской, Орловской, Воронежской и Черниговской губерний. Горящий стог подожженного сена или набат служили сигналом, по которому крестьяне вооружались топорами и кольями, ломали помещичьи амбары, забирали хлеб и инвентарь, рубили лес, громили винокуренные и сахарные заводы. В Орловской губернии захваченный у помещиков хлеб распределяли по числу едоков в каждой семье.

Стихийное крестьянское движение вспыхнуло и в Бессарабии. Запылали барские усадьбы, зашумели под топорами леса. Выразителем гнева бессарабских крестьян стал 18-летний Григорий Иванович Котовский. Котовский не был в то время связан с социал-демократами и плохо еще разбирался в политических вопросах, — он просто ненавидел угнетателей трудового народа. Котовский создал боевую дружину из смелых молодых парней и стал грозой для помещиков и полиции.

Во многих уездах Грузии — Озургетском (Гурия), Зугдидском, Сенакском, Горийском, Шоропанском, Душетском, Тифлисском и Телавском — с весны 1905 года начались вооруженные крестьянские восстания против помещиков.

В Шоропанском уезде под влиянием большевиков были созданы крестьянские «красные сотни». Помещики, сельские старшины и стражники бежали из деревень, охваченных пламенем революции. «Красносотенцы» забирали в дворянских домах оружие и вооружали им крестьян, приводя их к революционной присяге. Тем, кто отказывался от присяги и продолжал работать на помещиков, объявляли бойкот — народ порывал с ними всякие отношения. На станции Белогоры Шоропанского уезда вел партийную работу 19-летний большевик Серго Орджоникидзе.

Наиболее организованным и стойким было крестьянское движение в Гурии, проте-

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНИНА

У нас разбили и бьют экономии, постройки жгут, а хлеб и вещи разные берут. Человек тридцать из наших забрали, нас тоже записали, будут спрашивать. В Г. человек шестьдесят забрали, пригнали солдат на усмирение; некоторых порют, говорят: «Всех будем пороть!» Ведь теперь телесное наказание отменено, но почему же порют? Даже как порют? Разложат на скамью, привяжут да и жарят чуть ли не до смерти. Говорят, одного человека запороли в Дубовицком. Мы тоже боимся, как бы нас не пороли. Нет нам помочи ни откуда, пропали крестьяне, нет у нас оружия никакого, мы бы не поддались. Постарайтесь вы там. Что же вы там спите? У нас тут чуть ли не каждую экономию разбили, тут по окрестности нашей экономий тридцать разбили, а люди говорят, в Курской и Орловской губерниях 70 экономий разбили, да и будут каждую ночь теперь экономии бить. Нет, сжальтесь над нами, поспешите с оружием, а то нам приходит конец, пропал весь мир: крепко в нашем селе христопродавцев много. Говорите всем хорошим людям, чтобы они распространяли, что у нас делают с крестьянами. Посылайте на Дальний Восток, чтобы там знали, как с нами поступают. Они охраняют помещицкое да государственное имение, а с ихними отцами, братьями, женами как поступают? Как со скотиной! Хороший хозяин лучше скотину жалеет. Они, каких забрали, заперли их, где скот, и спрашивают. Как кто не сознается, так секут плетьми или земский прямо по зубам лупит кулаком. Одного спросили: «Ты был на бунте?» Он говорит: «Нет!» А земский ему прямо по салазкам; и зубов несколько выбил. Заарестованных водят с шашками наголо, есть не дают, если своего нет, то хоть с голоду помирай. Скорей посылайте нам помощь. Просите прочие державы, чтоб вступились за нас. Везите нам оружие, мы сами будем сражаться. Говорите студентам, чтоб они усмотрели за этим, а то конец нам будет.

(«Вперед» № 13, письмо от 25 февраля 1905 года)

кавшее под влиянием Кавказского союзного комитета РСДРП.

Для подавления очагов восстания правительство послало в Гурию 10-тысячный карательный отряд с артиллерией под командой царского палача генерала Алиханова-Аварского.

Бурный, но организованный характер приняло и крестьянское движение в Прибалтике. Крестьянские массы — безземельные батраки, арендаторы и владельцы ничтожных клочков земли — под руководством местных социал-демократических организаций перешли в решительное наступление против помещиков и царизма. В латышской деревне начался активный бойкот местных органов власти — волостных правлений. Это движение охватило весь край. Крестьяне выбирали свои «распорядительные комитеты», создавали вооруженные отряды народной милиции и громили за́мки немецких помещиков — гнезда вековых угнетателей прибалтийских крестьян.

Не надеясь на силы местной полиции, царское правительство рассылало по деревням и селам карательные отряды. Крестьян нещадно секли, отдавали под суд, ссылали в Сибирь. В бунтовавшие деревни ставили «на постой» войска, заставляя крестьян кормить своих истязателей. Но движение, приглушенное, казалось бы, в одном месте, вспыхивало в другом. Летом 1905 года, кроме Прибалтики и Закавказья, крестьянские волнения вспыхнули в Минской, Саратовской, Симбирской, Харьковской, Екатеринославской и других губерниях.

Однако в 1905 году революционная энергия крестьян еще только начинала пробуждаться.

Социал-демократы усилили свою работу в деревне. Многие местные комитеты выпускали специально для крестьян листовки, создавали в деревнях социал-демократические кружки, организовывали стачки сельскохозяйственных рабочих.

«Слов нет, — писал Ленин летом 1905 года, — много еще темноты и забитости в народе, масса еще труда должна пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонек свободы даже в полупотухших глазах. Посмотрите на крестьянское движение. Оно разрознено, бессознательно, мы знаем лишь крохи правды о его размерах и характере. Но мы знаем твердо, что сознательный рабочий и поднимающийся на борьбу крестьянин поймут друг друга с двух слов, что каждый луч света сплотит их теснее для борьбы за свободу, что они не уступят тогда в руки презренно-трусливой и корыстной буржуазии и помещиков **своей** революции, той демократической революции, которая может дать землю и волю, дать все мыслимые в буржуазном обществе облегчения жизни трудящимся для дальнейшей борьбы за социализм».

Революция, полыхавшая по стране, задела и опору царского трона — армию. Брожение среди солдат и матросов усиливалось под влиянием поражения царских войск в русско-японской войне.

Выдающимся событием явилось восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», мощном линейном корабле с командой около 800 человек.

Хотя в царском флоте был установлен жесткий режим, направленный на то, чтобы оградить матросов от политической пропаганды, революционные настроения проникли и в их среду. В 1903 году в Черноморском флоте возникла социал-демократическая организация. Она распространяла на судах листовки, создавала политические кружки, устраивала подпольные митинги и массовки. В период революции политически развитых матросов на флоте было еще немного, но вся масса была охвачена недовольством и способна на революционные выступления.

После III съезда РСДРП, призвавшего готовиться к вооруженному восстанию, в Черноморском флоте был разработан общий план восстания на кораблях эскадры, которая должна была вскоре выйти на ученье в открытое море.

Однако восстание на «Потемкине» вспыхнуло стихийно, преждевременно, и небольшой группе передовых матросов пришлось принимать решения при случайно сложившихся обстоятельствах.

12 июня, когда «Потемкин», сопровождаемый миноносцем № 267, вышел из Севастополя, направляясь на запад, обед для экипажа был приготовлен из тухлого мяса. Матросы заволновались. Революционная группа экипажа, не желая тратить силы команды на выступления по мелкому поводу, предложила матросам просто отказаться от обеда. Но такой отказ сам по себе был уже нарушением жесткой флотской дисциплины.

Командир, собрав матросов на палубе, вызвал караул и приказал тем, кто не отказывается от обеда, выйти из строя и стать

отдельно. Не зная, что последует за этим, матросы заколебались, из строя выступило большинство. Тогда старший офицер, отделив оставшихся на месте матросов, отдал распоряжение принести брезент, что означало приготовление к расстрелу (завернутые в брезент трупы опускаются с кораблей на дно моря). Приказание потрясло всю матросскую массу. Караул бросил винтовки. Раздались крики: «Забирай винтовки и патроны!», «Да здравствует свобода!» Матросы расхватали оружие. Старший офицер выстрелил и убил матроса Вакуленчука, одного из руководителей «матросской централки», но тут же был убит сам; были убиты командир и несколько особенно ненавистных офицеров. Над броненосцем поднялся красный флаг. Весь экипаж собрался на митинг, на котором было решено итти в Одессу, в помощь бастующим рабочим. Команда миноносца № 267 присоединилась к восставшим.

Управление большим военным кораблем дело настолько сложное, что никто из матросов не решился взяться за него. Поэтому командиром броненосца был назначен прапорщик Алексеев, который относился к матросам лучше, чем другие офицеры. К сожалению, Алексеев оказался впоследствии ничтожным трусом. Наряду с командиром действовала «судовая комиссия» — революционный комитет из матросов, под председательством минного машиниста Афанасия Матюшенко, человека смелого и энергичного, но не имевшего твердых политических взглядов.

15 июня «Потемкин» прибыл в Одессу.

Рабочие Одессы восторженно приветствовали ставший на рейде броненосец, доставили ему уголь, продукты, воду. В городе начали возводить баррикады.

Тем временем, по приказу царя, для преследования «Потемкина» была направлена чуть ли не вся черноморская эскадра — 12 боевых судов. Узнав о приближении эскадры, «Потемкин» двинулся ей навстречу, готовясь к бою. Но матросы кораблей, теснясь на палубах, встретили восставший броненосец криками «ура». Опасаясь восстания эскадры, командующий поспешно повел суда обратно. Только броненосец «Георгий Победоносец» примкнул к восставшим, но через двое суток колебавшийся экипаж его сдался властям.

Начались колебания и на самом «Потемкине». Ни спустить команду на берег, в помощь одесским рабочим, ни стрелять по Одессе из своих грозных орудий руководители восставших не решились. Алексеев отговорил матросов итти к кавказским берегам, хотя именно на Кавказе потемкинцы поддержали бы революцию и сами получили бы поддержку. Большевистская организация в Одессе в этот момент очень ослабла, так как большинство ее членов было арестовано. Одесские же меньшевики восстания не поддержали. Посланный Лениным из Женевы

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МИРУ

ГРАЖДАНЕ ВСЕХ СТРАН
И ВСЕХ НАРОДОВ!

Перед вашими глазами происходят грандиозные события великой освободительной борьбы — угнетенные и порабощенные народы России не вынесли векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного негодования и возмущения. Могучий крик многомиллионной груди — **«Долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода!»** — как гром, раскатился по всей необъятной России.

Но правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов льется целыми потоками по всей России.

Однако самодержавие забыло одно: что темная и забитая армия — это сильное орудие в его кровавых замыслах — есть тот же самый народ, есть силы тех же самых трудящихся, которые решили добиваться свободы. И вот мы, **команда** эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль на улицах и полях, снимут с нас свое проклятье, как их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его и наш общий девиз — смерть или свобода для всего народа! Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Маньчжурии. Мы требуем немедленного созыва всенародного **Учредительного собрания** на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы, вместе с нашим броненосцем, пасть в бою или добиться победы.

Мы глубоко уверены, что честные граждане всех стран и народов откликнутся горячим сочувствием нашей **великой борьбе за свободу.**

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное собрание!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца (267). (Печать броненосца.)

(Из архивных материалов)

специально для связи с «Потемкиным» большевик М. И. Васильев-Южин не успел приехать во-время.

Потемкинцы решили итти в Румынию, чтобы запастись продовольствием, углем и пресной водой. 19 июня восставший броненосец прибыл в Констанцу. Между тем правительства всех причерноморских стран были встревожены известиями о мятежном корабле. Под давлением царских дипломатов румынское правительство не дало восставшим ни угля, ни воды, а предложило им сдаться. Потемкинцы от сдачи отказались; выпустив воззвания «Ко всему цивилизованному миру» и «Ко всем европейским державам», в которых объяснялось, что матросы восстали в защиту своего измученного народа, потемкинцы ушли от румынских берегов в Феодосию.

Однако и здесь «Потемкина» ждала неудача. Рабочие готовы были поддержать восставших, но рабочее движение в Феодосии сразу было подавлено, а обманутый властями гарнизон обстрелял потемкинцев, пытавшихся высадиться, чтобы достать себе угля, воды и продуктов. Упавшие духом, потемкинцы снова направились в Румынию.

25 июня команда броненосца сдалась румынским властям, добившись обещания, что матросы «Потемкина» получат право свободно жить в Румынии. Команда миноносца № 267 от сдачи румынам отказалась и возвратилась в Севастополь, где сдалась «на милость» царского правительства.

Восстание на «Потемкине» потерпело поражение. Захватив в свои руки могучую боевую единицу, восставшие не сумели ее использовать. Но самый факт восстания на крупном боевом корабле знаменовал новый шаг вперед в развитии революции.

Оценивая подвиг потемкинцев, Ленин писал: «...броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования **ядра революционной армии».**

С. БОРИСОВ

МОЛОДОСТЬ БОЛЬШЕВИКА

Отрывок из книги „Фрунзе“

Шуя...

Маленький городок Владимирской губернии жил напряженной, тревожной жизнью. Мелкая буржуазия, чиновники и обыватели были напуганы отзвуками первых раскатов революционной грозы. Они боялись выступления рабочих. В Шуе было много фабрик, общее число рабочих превышало 10 тысяч человек.

Никто, конечно, не обратил внимания на неизвестного двадцатилетнего юношу, поселившегося в начале 1905 года в одном из домиков на 2-й Нагорной улице. Да никто, кроме небольшой группы большевиков, и не знал, что этот дом — явочная квартира, а приезжий — М. В. Фрунзе, присланный большевистской партией для революционной работы.

Среди рабочих появился новый агитатор. С его приездом оживилась партийная работа в Шуе: стали чаще собираться рабочие кружки, устраивались массовки, доклады. Душой всех этих мероприятий был «Трифоныч» [1].

[1] Такова была первая партийная кличка Фрунзе.

Оживление в рабочих кругах не могло пройти незамеченным. Шпики и переодетые полицейские шныряли среди рабочих. Они искали Трифоныча, но Трифоныч исчез бесследно: Фрунзе переменил свою кличку на «Арсений».

Начались обыски, аресты.

Какой-то провокатор сообщил исправнику Лаврову, что в доме рабочего Минаева, на 2-й Нагорной улице, живут революционно настроенные рабочие. Полиция установила за этим домом постоянную слежку.

Однажды вечером Арсений пришел взволнованный. Он с трудом избавился от следовавшего за ним по пятам шпика.

— Что с тобою? — спросила хозяйка.

— Не знаю, где мне сегодня ночевать, — ответил Арсений.

Минаевские жильцы уже спали. Около стола на полу примостились дети.

— Ложись вместе с моими ребятами, — предложила хозяйка.

Арсений, не задумываясь, полез под стол. Жизнь подпольщика приучает к неприхотливости. Все погрузилось в сон.

Ночью раздался стук в дверь.

— Кто там? — испуганно спросила хозяйка.

— Открывай, полиция!

В квартиру ввалились полицейские. Тускло горевшая керосиновая лампочка освещала бедную рабочую комнату. Блюстители порядка торопились: за ночь нужно было обойти много «подозрительных» квартир. Им показалось мало вероятным, чтобы приезжий из Петербурга студент искал себе пристанище в этом невзрачном приюте бедности. Разбудив всех спящих, они не удосужились заглянуть под стол.

Но через несколько дней полиция повторила свой налет и сразу же обратила внимание на Арсения.

— Что за человек? По каким делам приехал в Шую?

Арсений отвечал вяло, как будто вопросы не занимали его. Он заявил, что приехал в гости к родственнику.

— Паспорт?

Арсений показал свой нелегальный паспорт. Полицейский повертел в руках документ.

Паспорт «форменный», и печати, какие полагаются. Полиция опять ушла ни с чем.

Арсению было поручено организовать рабочую боевую дружину. Партийная организация прислала ему оружие — 12 винчестеров, 10 браунингов и несколько револьверов других систем. Фрунзе переменил конспиративную квартиру и принялся за работу.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

В ВАГОНЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА. ДЕМОНСТРАЦИЯ В РИГЕ

Отрывок из книги старого большевика, участника революционного движения с 1892 года В. Д. Бонч-Бруевича (1873 — 1955) „Нелегальная поездка в Россию“

Когда рассвело и зашевелился вагон, всюду только и были слышны разговоры о петербургских событиях. Равнодушных не было. Все возмущались.

— Пошли к царю, а их — пулеметами!..

— Они — к начальству, а их — штыками...

— Вот тебе и «батюшка»!..

— Тысячи убитых...

— Раненых нет числа...

— Они — с хоругвями и портретами, а их — нагайками и пулей...

— Они — «Спаси, господи, люди твоя», а их — «рота-а-а... пли!»

— Удивительно!..

— Вот это патриотично!..

— Вот это любовь к народу!..

— Да, революция уже началась...

— И будет продолжаться...

— На штыки всех не поднимешь!..

Меня крайне удивили эти откровенные, открытые разговоры. Только чиновники както ерзали на своих местах, кашляли, смотрели пристально в окно и молчали, как воды в рот набрали...

На всех больших станциях были усиленные патрули. Жандармы обходили вагоны и пристально ко всем присматривались. Сновали «штатские», всеми узнаваемые шпионы. Всюду чувствовалось возбуждение, нервозность, напряженность.

Так мы доехали до пересадки. Я сел в вагон, идущий на Ригу.

Ехать мне нужно было весь день и всю ночь. В этом поезде разговоров было еще больше. Новости, одна другой сенсационней, сообщались каждым вновь входящим. Замкнутость русских путешественников исчезла. Все как-то сблизились друг с другом и удивительно дружно нападали на каждого, кто только хоть одним словом пробовал защищать или оправдывать петербургское выступление властей.

* * *

На другой день утром, в девять часов, я был в Риге. Мне сразу бросилось в глаза, что весь вокзал буквально был запружен жандармами, офицерами в полной боевой форме и солдатскими патрулями.

Всех выходящих выпускали через две шеренги жандармов и штатских: очевидно, шпионов. Я сначала хотел сдать вещи на хранение, но тут же переменил план действия и, чтобы не выделяться из толпы, пошел прямо к выходу. Спустившись на площадь, я нанял извозчика-латыша, громко сказав одну из гостиниц средней руки, название которой я заранее узнал еще в вагоне. Околоточный надзиратель записал номера всех отъезжавших извозчиков с пассажи-

рами. Записал и мой. Когда отъехали мы порядочно от вокзала, я сказал извозчику, что передумал и поеду к родственникам. Назвал ту улицу, куда мои берлинские приятели-латыши рекомендовали мне заехать прямо с вокзала с вещами. Улица оказалась здесь неподалеку, и мы двинулись туда.

— Что это у вас так много везде полиции? — спросил я извозчика, проезжая значительную группу городовых.

— Вчера треляли... Много треляли... — сказал мне полушопотом латыш, оборачиваясь на облучке. — Убитых много... Раненых много... Все сердитый стал.

— Почему же так?

— Народ гулял... Ходил туда... Ходил сюда... Их военный трелял... Много в реку падал... Их опять трелял...

Ясно, что была демонстрация. Мы остановились в совершенно пустынной улице. Я расплатился с извозчиком и вошел в палисадник, в глубине которого стоял уютный одноэтажный домик.

Отыскав крыльцо, я позвонил. Вышла почтенная латышка, не понимавшая ни слова по-русски. Я назвал фамилию того, к кому приехал. Она приветливо замахала головой и поманила меня рукой. Я вошел, затворил дверь, а через минуту вышел ко мне интеллигентный человек лет тридцати пяти.

Я произнес пароль и получил от него отзыв. Мы познакомились. Он ласково пригласил меня к себе. Библиотека, книги, журналы сразу указывали мне, что я нахожу приют у человека, занятого наукой. Он оказался приват-доцентом местного политехникума.

Сегодня он был неожиданно свободен.

— У нас была демонстрация в ответ на питерские избиения 9 января. Много убитых, утонувших, раненых. В эти дни провозглашена забастовка. Высшие учебные заведения закрыты. Вчера были похороны убитого студента. Сегодня демонстрация протеста. События назревают и развертываются... Рабочие страшно озлоблены...

Я быстро ориентировался во всем, что мог узнать, и просил его тотчас же отправиться на явочную квартиру или к кому-либо из партийного комитета и сообщить о моем приезде из-за границы с явкой от латышей из Берна и Берлина.

Он ушел. Я остался один и стал перечитывать прокламации и листовки как местного происхождения, выпущенные различными организациями, так и те, которые были получены здесь из Петербурга. Стало сразу ясно, что движение огромное, что оно захватило самые глубокие, доселе нетронутые слои населения, что последствия его будут колоссальны.

* * *

Через час на квартиру приват-доцента пришли четыре товарища — возмущенных, нервных, подавленных. Узнав, что извещение о случившемся не послано за границу, я расспросил их систематически, подробно обо всем, и пока их, измученных и утомленных, кормил хозяин квартиры, я в соседней комнате, под свежим впечатлением, написал сообщение для нашей женевской газеты «Вперед».

Вот это сообщение:

«Рига. Как только до Риги донеслись вести о страшных кровопролитиях, происшедших на улицах Петербурга, социал-демократические революционные организации нашего города решили поддержать петербургский пролетариат. 11 января 1905 года состоялось общее собрание представителей рабочих всех районов и фабрик. На собрании было единодушно решено на другой же день объявить всеобщую стачку. Федеративный союз латышской социал-демократической партии и Бунда выпустил краткую прокламацию, призывавшую рабочих ко всеобщей стачке. Были выставлены общеполитические требования и обычного характера экономические.

12 января эта прокламация была успешно распространена. В этот же день вышла прокламация Рижского комитета РСДРП. С утра этого дня рабочие нескольких заводов, взявшие на себя инициативу прекращения работы, дружной толпой двинулись к другим заводам и фабрикам, приглашая товарищей присоединиться к ним. Ораторы тут же разъяснили всем значение событий, совершившихся в Петербурге и совершающихся в Риге.

По большей части рабочие охотно присоединялись к забастовщикам. Забастовщики усвоили такой вполне практический порядок: всех вновь присоединявшихся они пропускали вперед, сами составляя арьергард шествия. И так каждый завод.

Рабочая масса все росла и, двигаясь с Петербургской стороны к городу, наконец, вошла в город. К этому моменту в этой демонстрации было не менее десяти тысяч человек. Именно у этой части демонстрантов произошло первое столкновение с полицией и войсками. Войска стреляли. В происшедшей свалке был убит один рабочий и трое ранено. Здесь же был убит один городовой.

Демонстранты расхаживали по улицам города, пока на одной из улиц не были рассеяны казаками и войсками.

В это время совершенно то же самое происходило на Задвинской стороне. Здесь ряды демонстрантов достигли не менее пятнадцати тысяч человек. Все время рабочие несли красные знамена, распевали революционные песни. «Долой самодержавие!» и тому подобные лозунги все время оглашали воздух. У городовых отнимали шашки, револьверы.

В этот же день в политехникуме начались сходки, и всеобщее волнение охватило прогрессивную часть студенчества.

На другой день, 13 января, назначено было массовое собрание рабочих. Стали собираться за городом рано утром. Пришло не более трехсот рабочих. По всему было видно, что собрание не состоится, и поэтому решили итти в город. Шли через Московский форштадт. Тут больше всего живет русских и евреев. И здесь все бросали работу и присоединялись к демонстрантам. Толпа росла. Воодушевление было значительное. С знаменами, революционными песнями и кликами шли демонстранты, приближаясь к городу. Впереди толпы шел пристав Билев.

Демонстранты подошли к Понтонному мосту. Здесь они натолкнулись на цепь солдат.

Надо сказать, что среди войск в Риге ведется значительная работа. Солдатам постоянно доставляются прокламации, и потому военное начальство не особенно надеялось на стоящие здесь два полка. И действительно, солдаты нехотя разгоняли толпу, и по всему было видно, что они стрелять не станут.

На наше несчастье, в Риге существует единственное на всю Россию ужасно подлое учреждение — это унтер-офицерский батальон. В него попадают самые жестокие и отвратительные элементы со всех полков России. Этот батальон является школой, из которой выходят унтер-офицеры и фельдфебели, рассылаемые по всей России. Когда толпа подошла к первой цепи этих унтер-офицеров и потребовала свободного пропуска, цепь отошла в сторону и стала сбоку толпы. Толпа двинулась далее и остановилась перед второй цепью. Здесь произошло нечто ужасное: почти без всякого предупреждения раздались с двух сторон один за другим девять залпов.

После первого залпа пристав Билев, все время сопровождавший демонстрантов, усердно махал белым платком, требуя тем самым прекращения стрельбы, но залпы сыпались, и одним из первых был убит этот пристав. Толпа бросилась бежать. Залпы сыпались ей в спину, и под перекрестным огнем в несколько минут были убиты наповал семьдесят три человека (из них два студента, несколько женщин и подростков, остальные — рабочие) и двести ранено, среди них много женщин. Между прочим, ранено восемь унтер-офицеров пулями своих же соратников, так как они стояли почти друг против друга. Озверевшие унтер-офицеры бросились потом на толпу и с ожесточением стали избивать ее прикладами и штыками. Многих раненых пулями кололи штыками. Испуганная толпа стала спрыгивать с берега на лед Двины. Так как в этом месте в Двину впадают сточные канавы и лед здесь гораздо тоньше, то он не выдержал тяжести и проломился. Очень многие утонули. Многие утверждают, что число убитых значительно больше, но унтер-офицеры и полиция спустили многие трупы под лед.

Это кровопролитие страшно возбудило весь город. Рабочие горят местью.

14 января состоялись две большие сходки организованных рабочих. На одной было две тысячи человек, на другой — более двух тысяч. Решили продолжать стачку и демонстративно участвовать в похоронах убитых. В этот же день стали трамваи и к стачке присоединились последние заводы и мастерские. Газеты не выходят.

14 января в политехникуме состоялась большая сходка. В открытое окно залы на улицу было выставлено черное знамя с надписью: «Слава павшим борцам, месть и проклятие убийцам». Сходка была очень бурная. Политехникум закрыт на неопределенное время.

Весь день в городе царило страшное возбуждение. Полиция скрылась совершенно, к вечеру улицы опустели, и зловещая тишина нависла над Ригой. До 14 января рабочие не трогали полицию, иногда только защищались от нее. После расстрела демонстрантов во многих местах города были случаи избиения и убийства городовых, полицейских агентов и шпионов.

15 января состоялись похороны убитого русского студента Пичуркина, сибиряка. Он был убит пулей в голову навылет. Похороны его превратились в грандиозную, небывалую демонстрацию. Народ стекался со всех сторон, шли все: и студенты, и рабочие, и обыватели. Была масса венков, среди которых выделялись огромные красные ленты с

надписями, направленными против русского правительства. Впереди шел хор студентов. Все пели «вечную память»; войска и полиция отсутствовали совершенно, только в хвосте шествия, на весьма почтительном расстоянии, ехали казаки. Все, кто встречал эту грандиозную процессию, снимали шапки. Социал-демократы раздавали прокламации. Народ расхватывал их, и не было никакой возможности удовлетворить все требования. У кладбища демонстрантов собралось до двадцати тысяч человек. На кладбище говорились речи на латышском, русском и еврейском языках. Негодованию присутствовавших не было границ. Все, от малого до старого, проклинали русское правительство.

После похорон демонстранты двинулись обратно в город и здесь, как и на кладбище, все время пели революционные песни. Полиция и войска не только никого не трогали, но просто не решались близко подойти. Когда в одном месте донские казаки потребовали, чтобы демонстранты разошлись, один из русских товарищей стал на извозчика и произнес речь к казакам, упрекая их в том, что они всегда готовы пролить кровь рабочих. Казаки опешили, понурили головы, а некоторые смущенно говорили:

— Что же нам делать, братья? Разве нам это в охоту? Нас заставляют, нам приказывают...

Подошел офицер и сказал, обращаясь к толпе:

— Мы не приказываем вам, а просим разойтись.

Демонстранты объяснили, что они не могут этого сделать, и пошли.

Казаки посторонились, пропустили их, а офицер не отдал никакого приказания, как бы подтверждая действия казаков.

16 января царит сильное возбуждение. В городе и на вокзале выставлены патрули. Власти выписали два полка из Вильны. Сегодня к вечеру отдан приказ всем дворникам запереть с семи часов ворота, и я сижу под домашним арестом.

Завтра будут похороны остальных убитых. Вероятно, будет опять демонстрация. Прокламации выходят каждый день. Арестовано всего двенадцать человек. Их, закованных по рукам и ногам в кандалы, демонстративно возили сегодня по городу, вероятно, желая тем напугать забастовщиков; само собой разумеется, что это издевательство полиции еще более возбудило стачечников».

Я прочел мое сообщение. Товарищи признали его верным и тотчас же переписали на машинке. Копии я отдал комитетчикам, а подлинник немедленно послал по верному адресу за границу, чтобы по моему почерку и особому условному знаку в левом углу письма узнали, от кого оно, и, стало быть, не сомневались в передаче фактов; я очень хорошо знал, до какой степени осторожен в таких случаях Владимир Ильич.

ФЕЛИКС КОН

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

Глава из книги „9-е января". Феликс Кон (1864—1941)— участник революционного движения в Польше с 1882 года.

В Польше на призыв социалистических партий откликнулся пролетариат всех промышленных центров. Здесь был выдвинут лозунг демократической республики, и здесь польские рабочие объединились в борьбе со всем многочисленным пролетариатом необъятной России. День выступления совпал с годовщиной казни по делу «Пролетариата», первой социалистической организации в 1886 году, — партии, которая еще тогда отстаивала необходимость совместной с русскими революционерами борьбы. Имена четырех казненных по делу «Пролетариата» — Куницкого, Бардовского, Оссовского и Петрусинского — красовались на многих знаменах. И не случайно. В то время рядом с польскими рабочими повис на веревке русский революционер Петр Васильевич Бардовский. Этот скрепленный кровью союз русских и польских революционеров в 1905 году, в момент, когда выступила на борьбу пролетарская Русь, превратился в мощный и нерушимый союз польских пролетариев с русскими.

Пролетариат Варшавы забастовал весь, как один человек. Жизнь в городе замерла. К рабочим присоединилась университетская молодежь и вместе с ними демонстрировала на улицах города.

Местные власти отдавали себе ясный от-

чет в том, что польский рабочий сумеет отстоять себя и на удар сумеет ответить ударом. И здесь полиция не выждала событий.

Обер-полицмейстер города Варшавы барон Нолькен подал варшавскому ген.-губернатору Черткову рапорт, в котором указал, что полиция не в состоянии справиться с выступившими на улицу рабочими, и предлагал передать власть в городе военному ведомству. Чертков сразу согласился, и им был отдан приказ по войскам «действовать строго и решительно».

Во избежание всяких колебаний со стороны войск, в приказе было сказано, что «никто не будет привлечен к ответственности за результаты и последствия военных действий».

Коротко, ясно и вразумительно. И храброе царское воинство поняло, чего от него требуют. Офицеры «растолковывали» солдатам, что они могут и должны стрелять, не дожидаясь командования. И солдаты стреляли, стреляли вовсю, не щадя ни женщин, ни детей, ни старцев. Стреляли по собиравшимся рабочим, стреляли вдоль улиц, стреляли в окна.

Рабочих это не запугало. Они не остались в долгу. Бои происходили на всех улицах, и ретивому воинству не удалось «очистить» улицы от пролетарских масс. Наоборот, массы запрудили улицы, а к вечеру во всем городе были разбиты фонари, и город утопал во мраке... Только время от времени то здесь, то там светлым красным столбом поднималось вверх пламя. То горели подожженные рабочими царские монополькн.

Видя, что ему не справиться с рабочими, правительство прибегло к новому средству. Из тюрьмы были выпущены на свободу воры и грабители, в расчете на то, что они своими грабежами опорочат движение и отвлекут часть рабочих. Но и этот маневр не дал результатов. Рабочие организовали стражу и после первых попыток грабежа ставленники полиции вынуждены были прекратить это грязное дело. Не удались властям и попытки вызвать еврейский погром. Вооруженные рабочие залпами разогнали хулиганов.

Тем временем на окраинах появляются баррикады и происходят бои между вооруженными с ног до головы драгунами, казаками и пехотой и рабочими, защищающимися булыжниками, ножами и лишь изредка револьверами.

На следующий день бои продолжались. С самого утра, с оркестром музыки во главе, вступили в город новые военные подкрепления. Город был объявлен на положении усиленной охраны. Началась расправа. По официальным данным, в течение трех дней убито 93 человека, в действительности, на основании собранных специальной частной комиссией данных, — с е м ь с о т. Число раненых значительно больше, вдвое, втрое. То же происходило в Лодзи, в Домбровском каменноугольном районе, в Калише, Радоме, Ченстохове и во многих других городах Польши.

Д. ФУРМАНОВ

ТАЛКА

Из очерка о летней стачке 1905 года в Иваново-Вознесенске

В те исторические дни на Талке совершилось великое дело: каждая фабрика выбрала своих представителей, те представители образовали первый в России совет рабочих депутатов.

Совет выработал требования рабочих. Совет предъявил их фабрикантам. Все переговоры фабриканты отныне вели только с советом. Совет был в то время рабочим правительством.

Секретарем выставили большевика Грачева. Был в совете — Отец — Федор Афанасьев, был его лучший соратник Семен Балашов, Федор Самойлов, Николай Жиделев, что ходил то и дело на разговоры с фабрикантами, с управляющими, директорами, были Марта Сармантова, Евлампий Дунаев — было всего в совете сто десять человек [1].

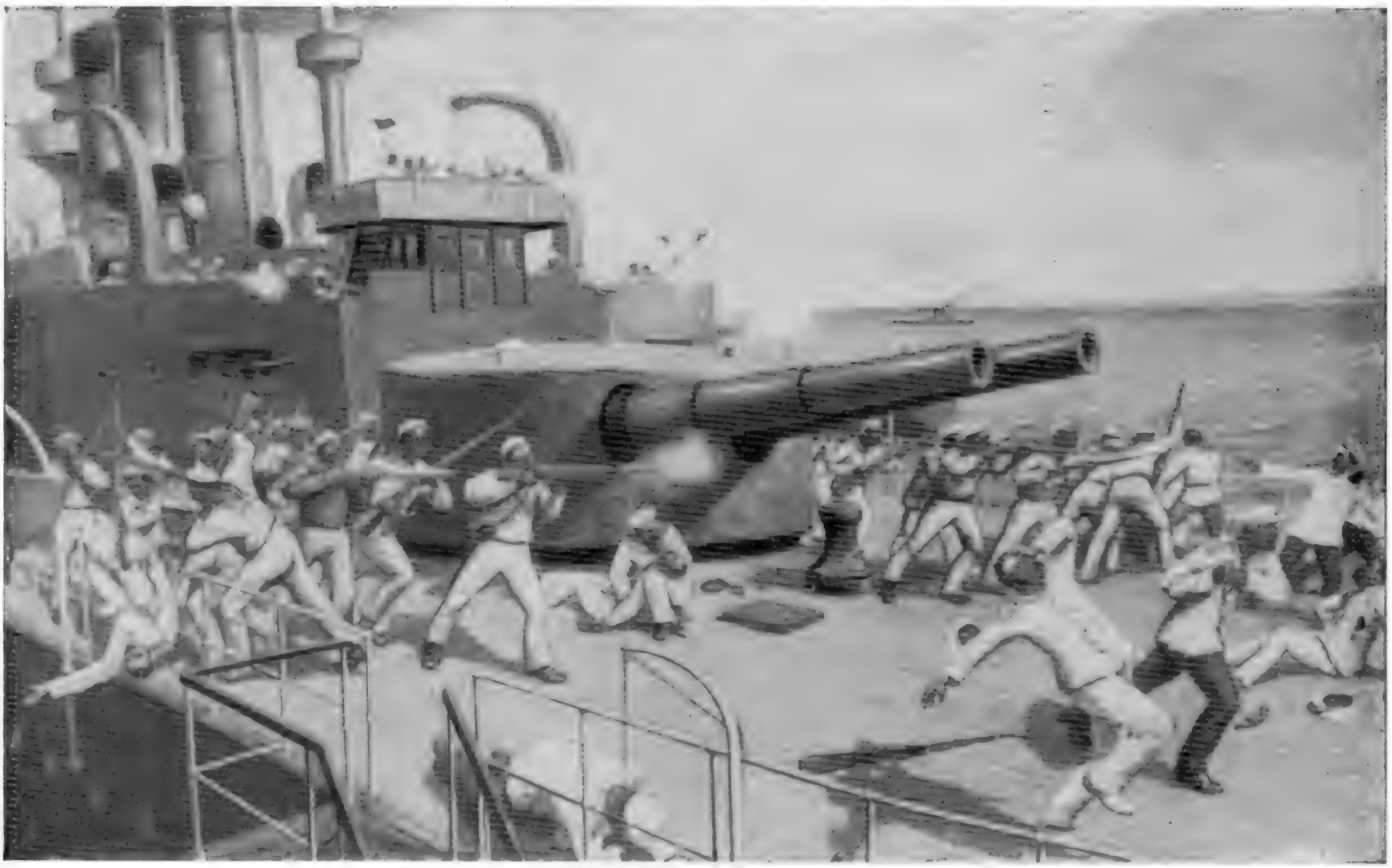
Рабочие наказали своему совету:

— Будь у нас головой в борьбе. Слушать станем только тебя. Действовать станем только по твоему приказу. Смотри зорко, чтобы не рассыпалась наша рать, чтобы действовали фабрики дружно, чтобы ни одна не вступала в разговор со врагом одиночкой.

Совет мужественной, надежной рукой повел на приступ стачечные полки.

[1] По уточненным данным их было 151.

Митинг иваново-вознесенских рабочих на берегу реки Талки.



Восстание на броненосце «Потемкин». (С картины художника Владимирова.)

Расстрел толпы на Николаевской лестнице в Одессе в дни восстания на броненосце «Потемкин»
(Кадр из фильма «Броненосец Потемкин».)

— Мы избрали своих делегатов, — утром говорили на площади. — Делегаты предъявили фабрикантам требования. Мы свое дело сделали. Ответ теперь не за нами...

И снова речи. Снова призывы к борьбе — корявые обжигающие слова:

— Лучше всего за нас скажет сама нужда — нам ни свидетелей не надо, ни адвокатов. Велика нужда, но мы же не разбойники — чего эти торгаши с перепугу закрыли свои лавки, чего дрожите, окаянные?

Кругом на лавках, по торговым рядам на схлопнутых дверях чернели пудовые замки.

— Мы голодны, но не грабители мы, не тронем, не бойтесь...

По площади прогудело гордое сочувствие. Торгаши суетились у запоров, открывали витрины и двери. Площадь улыбалась довольная.

— Сколько нам времени вести борьбу, того никто не знает, — снова говорил перед управой кто-то от партийного комитета. — Может, очень долго, товарищи. А ежели долго — значит и трудно. Надо видеть вперед. Надо знать, что нужда может ухватить клещами. От имени комитета предлагаю теперь же выбрать пятнадцать человек, пусть они собирают гроши наши в фонд забастовки, — надо али нет, товарищи?

— Как же не надо? Знамо, надо!—тысячи криков скрепили предложение. И пятнадцать избранников — с шапками, с кепками — пошли по рядам. Кидали рабочие просаленные семитки, бережно отыскивали монетки, глухо завязанные в узелочки платков. Проходили сборщики и по торговым рядам. Кидали в шапку торгаши, приговаривали:

— Целковый отдашь, только бы кончили, сатаны, заваруху дьяволову.

Когда воротились, вытряхнули шапки — насчитали полтыщи рублей. Эк, какой капиталище на полсотни тысяч забастовщиков! Забастовочный фонд был создан, он хоть крохами, но все эти трудные недели и месяцы кормил голодную массу. Деньги в подмогу приходили и из Москвы.

Пока собирали, пока ходили шапочники, выступала Марта Сармантова — она работала на Бакулинской вместе с Дунаевым.

На ящик, на бочку ли — взгромоздилась голиафского росту женщина: тонкая, как жердь, высоченная, как осина. Впала тощая высохшая грудь у Марты; как нос покойничий, заострились высокие плечи, и оттого она казалась еще выше. Как ветряная мельница машет в бурю тонкими лопастями, вдруг замахала Марта Сармантова длиннущими руками над толпой и голосом острым, как точеное лезвие, полоснула площадь:

— Товарищи! Дайте слово сказать!

Как увидели ее — ветряную мельницу, весело заржали ближние, — клекотом раскатили по рядам:

— Марта! Глянь-ка, Мартушка-то Сармантова!

— Она и есть — во баба!

— Я, ребяты, — сказала Марта громко, — я всю жизнь свою то и знала, что ютилась по углам. Этака бабища, да по углам — у-ух тесно!.. То-то и вольно мне тут, на ящике — маши, что хочешь, за угол, не бойсь, не завезешь. Первый раз без сгибу говорю...

Вся площадь сочувственной радостью подхрапывала словам Сармантовой. Она подхватила смешки, усмехнулась сама просторной улыбкой, говорила дальше:

— И вошла я здесь, товарищи, сказать вам про одно — про бабу-работницу, про горестное наше положенье, — как есть у всех мы на последнем счету. Что такое баба, коли нет правов и мужику, — ноль совершенный и пустой. Какую мы замечаем радость в жизни женской? Да совсем никакую, а жмут ее, бабу, со всех сторон, и труд свой она повсегда отдает дешевле, чем мужик, потому как баба почитается глупый человек. И притом — неумелый. То-то неумелый, а ты сперва обучи, тогда и спрашивай. Вся жизнь проходит, как онуча в навозе гниет. Утресь беги по свистку, весь день голова как чужая. А в дому, пришла — запрягайся до ночи в хомут, хлещи-полощи, детей тащи, а где их, силы-то, возьмешь. Эти, што ли, подмогут? Товарки! Бабы! Ткачихи! Ладно хлопать ушами — и нам надо дело делать, неча зевать, то-то...

Марта Сармантова переступила на землю, а толпа восторженно ревела ей вслед. С того дня особо запомнили и особо полюбили Марту Сармантову.

Выступали потом на площади всяк со своим горем: приходили каменщики, плотники — жаловались на подрядчиков-живоглотов, говорили про авансы, про удавную петлю, в которую захлестывал хозяин, говорили про каторжную работу и грошовый заработок; выступали сапожники, били в грудь себя смоленными кулаками, плакали над пьяным своим понедельником, поясняли горестную жизнь.

— Каждый понедельник вдрызг сапожник пьян. Хорошо, пьян. А почему он пьян — от радости? Да с того же все горя разнесчастного... с той же все жизни серой, словно

дратва сапожная... Не то запьешь, — в веревку полезешь...

Говорили кухарки, господские прислуги, оповещали, как измываются над ними капризные барыни, держат ночь и день на цепи...

Стояли и слушали. Стояли и думали:

«Что это, как жизнь рабочая устроилась— работы, кажись, никто не боится, а всяк рабочий в нужде потонул, как пень в болоте?»

Тогда выступали большевики и рассказывали, как, отчего это все выходит, как надо бороться с врагом...

Из Владимира приехал губернатор. Вкруг губернатора вился Шлегель, жандармский ротмистр, служилый пес, — докладывал своему господину:

— Не извольте верить, ваше превосходительство, будто волнения происходят из-за заработной платы, — один предлог, ваше превосходительство. Все основание дела состоит в злостной агитации неблагонамеренного и вредного элемента, — вообще сказать, социалистов, вашество. И смею предложить свое слово вашему превосходительству: всю силу нам полезно употребить именно в эту точку, следует изничтожить злокозненный элемент, причину всякого волнения, ваше превосходительство.

Губернатор раздумчиво мял усы, сочувственно хмыкал словам холопа, кивал доверчиво головой:

— Так, так... Это так... Это как есть так...

У губернатора готов был план помощи забастовщикам: в город стягивалась пехота, драгуны, на подмогу желтолампасым астраханцам откуда-то пригнали донских казаков: власти готовились обычным порядком.

Рабочие делегаты говорили с губернатором:

— Отчего молчат фабриканты? Ваше дело — на них подействовать!

Губернатор уверял, губернатор обещал. Губернатор пояснял через день:

— Поделать ничего нельзя: хозяева вольны отвечать и не отвечать, это ихнее право... Вот по гривенничку на рубль — они согласны...

Негодуя, отбросили подачку. Забастовку было решено продолжать.

Высылали фабриканты в разведку слуг своих — фабричных инспекторов. Старший губернский инспектор просил собраться обе стороны в мещанской управе и даже сам предложил совету рабочему выбрать на том заседании председателя — ишь ты, куда заметал. А потом — лисой... лисой... лисой...

— Вам, товарищи рабочие, самое удобное — это разобраться по фабрикам и вразбивку отстаивать свои требования.

— Мы же вам заявили на площади, — оборвали резко инспектора, — на то выбран совет, чтобы действовать дружно. Не бывать тому, чего хотите, забудьте, господин инспектор...

Закусил инспектор удила, промолчал. Обсуждались требования, выработанные советом, — несколько десятков пунктов. Разбирали, поясняли, принимали. Среди заседанья прибежал кто-то от фабрикантов.

— В типографии требуется отпечатать бумагу хозяину...

— Нельзя печатать!

— Но ему необходимо.

— Нам вот тоже тут необходимо: совет не разрешает печатать.

Масленой лисицей засластил было снова инспектор, хотел уговорить, убедить, но его и тут посадили:

— Обсуждайте пункты, господин инспектор, а насчет работы совет один справится; нельзя печатать!

Вспыхнул гневом инспектор, лязгнул в бессилье зубами и опять смолчал. Два его сопомощника тихо попыхивали глубоко припрятанным гневом.

Что б там ни было, пункты приняли. И политические приняли и фабрикантам всучили, а те похахалились:

— Учредительное собрание? Что же, можно, пожалуйста... Мы не возражаем, хоть завтра... А впрочем, с царем поговорите сначала, может, он и не захочет. Ха-ха-ха!.. Что же нас касается, по существу — гривенник на рубль и — более ни гроша!

А Бурылин, Гарелин ли Мефодка, треснул по дубовому столу кулачищем.

— В Уводи все деньги стоплю... По́ миру сам пойду, а не дам ни гроша подлецам: пущай дохнут лучше, работу не кидают. Против своего хозяйского слова — шагу не ступлю. Что сказано — свято!

Дикие речи сумасбродного толстосума доходили до рабочих, и в гневной ярости слушали они те слова.

— Забастовку продолжать! На работу не вступать! Врут, гады, — сдадут!

Обе стороны крепки были — каждая по-своему.

Совет собирался в мещанской управе, открытые митинги каждый день собирались на городской управской площади. Скоро объявили власти, что митинги по городу — одна помеха; собранья вынесли на Талку.

Скоро власти заявили, что протоколы советских заседаний надо им присылать на просмотр. Посмеялись, плюнули на полицейскую бумажонку — и заседания совета перекинули на Талку.

И стала Талка словно рабочий университет: от зари и до ночи обучались на Талке рабочие мужественной дружной борьбе. Талка — малая речка — стала желанным, любимым пристанищем ткачей...

Фабриканты молчали, на требования рабочих ответа не давали. Снова и снова говорили рабочие делегаты с фабричными инспекторами, эти уверяли, что сделают все — и не делали ничего; говорили с губернатором — этот руки разводил недоуменно, голову вжимая в жирные плечи, посмеивался:

— Не из кармана я выну эту надбавку. Не хотят фабриканты, что поделаешь, — на то они полное право имеют, да-с.

Ходили делегаты и по фабрикантам, говорили с директорами-управителями.

— Ничего-с, ничего-с не можем. Хозяева уехали в Москву, пишут, что за жизнь свою беспокоятся здесь. А указаний нет, никаких нет-с: гривенничек на рубль, как говорили-с...

И они хихикали злорадно и слюняво.

А голод крепчал, рабочие распродавали барахлишко, иные на время уходили по деревням, многосемейные выбивались последними усилиями, в толщу рабочую вкрадывалась тревога, цепко хватала она материнское сердце, — матери дальше не могли смотреть без слез на ребят, оставшихся без хлеба, истомившихся в голодухе.

Тревога росла, проникала к самому сердцу массы, и те, что дрогнули раз, на другой раз боль свою прорывали ропотом, в третий раз горе свое развевали угрозами и проклятьями.

Шпики, ищейки, переодетые жандармы шныряли и следили за поворотом, замечали, как лютой ржавчиной разъедает голод самую сердцевину, доносили о том ищейковым главарям, и те подсчитывали сроки, когда можно будет выступить в открытую...

Уж иссякли последние крохи стачечного фонда, выдавали последние билетики на хлеб в кооператив. Дальше надеяться было не на что, стачку надо было подводить к концу.

23 июня собрались, как раньше, перед управой. Евлампий Дунаев говорил:

— Больше мы не можем смотреть на страданья измученных матерей, на голодных детей. Мы требуем, чтобы наши условия были приняты. Мы требуем работы, мы требуем хлеба. Дальше продолжаться так не может. Или мы складываем с себя ответственность, — пусть изголодавшиеся рабочие массы действуют сами по себе. Ежели что случится, помните!—и Дунаев ткнул в управские окна. — Помните, что мы сняли с себя ответственность: она падает только на вас!

Бурно шел и бурно окончился этот голодный митинг. Гневом и местью дрожали речи. В накаленном воздухе чувствовалась близкая гроза. Тесно сомкнуто вкруг управской площади казачье и драгунское кольцо.

На фабричных воротах скоро развесили призывное:

«Ежели в июле рабочие не встанут на работу — фабрики закроются до сентября».

Говорилось там о десятипроцентной надбавке и о том, что день рабочий снижается от одиннадцати с половиной до... десяти часов!

А рядом другая рука писала негодующее:

«Товарищи, держитесь крепче, не поддавайтесь подлецам!»

«Потерпим, товарищи, победа за нами!»

Видел совет рабочих депутатов, что стачку пора вести к концу: всему своя мера, свой предел.

Рабочий совет все учел, видел вперед и понимал, что, не кончи стачку теперь же организованно, она может распылиться сама по себе: глубочайшая нужда достигла предельной грани.

Тогда последний раз собрались на Талке десятки тысяч измученных ткачей и выслушали от своего боевого совета прощальную речь:

— Средства наши иссякли. Помощи неоткуда ждать. Мы с лишком два месяца боролись, товарищи, — неплохо боролись! Не напрасно голодали. Пусть добились не всего, что хотели с бою взять, но мы окрепли и выросли в этой борьбе. Наша следующая схватка с капиталом будет уж не такая. В той схватке, надо думать, одержим мы уж не такую победу. А теперь — на работу, товарищи!

И 27 июля вновь загудели фабричные гудки, радостно задымили соскучившиеся трубы, вздрогнули каменные корпуса — рабочие пошли на работу.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ПАРХОМЕНКО

Отрывок из романа. В отрывке рассказывается о февральской забастовке 1905 года на заводе Гартмана в Луганске

Сам молодой, Александр учит молодых ребят, как останавливать моторы в цеху, — есть намеки, что некоторые старики не захотят остановить станки. В цеху шесть пролетов, и в каждом пролете мотор. Отдельных моторов у каждого станка тогда не было, а шли к станкам трансмиссии от мощного двигателя.

Завод отдыхает. Моторы выключены. Рабочие идут обедать. Пархоменко в дверях цеха останавливает группа рабочих. Здесь весь забастовочный комитет и еще представители цехов — всего человек восемнадцать.

— Пора начинать, — говорит Ворошилов, — ребята, кажись, готовы?

— Ждали много, больше ждать не можем, — говорит сутулый длинноусый рабочий с воспаленными глазами. — Готовей некуда.

Мимо них проходят рабочие на обед. Они уверенно и смело смотрят в лица большевиков, и по этим взглядам можно понять, что рабочие готовы к яростной борьбе. Александр Пархоменко стоит, прислонившись к двери, весь пылая. Он ждет слов Ворошилова, и ему хочется, чтобы забастовка началась с этого цеха. Он будет требовать этого права!

Но требовать не пришлось. Ворошилов говорит Пархоменко:

— Комитет решил начать с вашего цеха. У тебя как, готово?

Пархоменко отвечал внешне спокойно, но внутренне весь трепеща от волнения, что именно у него спрашивает Ворошилов, начнет ли цех забастовку, готов ли цех на лишения и на борьбу...

— Можно начинать. Встанем, как один!

* * *

Александр верил в своих цеховых «стариков», но для полного успеха дела все же велел молодым ребятам из забастовочного комитета находиться где-нибудь вблизи моторов. «В случае воркотни и колебания, стариков отодвинуть в сторону и моторы остановить самим», — так сказал Пархоменко.

Обед окончен.

Рабочие возвращаются к станкам нехотя. Проходит пятнадцать минут, двадцать. Появляется мастер — и тогда медленно гудят станки, ухают молоты, где-то свистнул паровозик.

Александр Пархоменко стоит возле бетонного столба, поставив ногу на чугунную болванку. В руках какая-то деталь. Внутри у него все трепещет, и он больше всего боится, хватит ли голоса, чтобы перекрыть шум моторов. Еще проходит десять минут, пятнадцать. Вдруг Иван вынул стальные часы, поглядел — и поднял руку. И тотчас же Александр громким, гремящим и каким-то небывало убежденным голосом прокричал:

— Броса-ай работу-у-у! Бросай! Забастовка!

Цех мгновенно замолчал. Рабочие отходят от станков. Только трое пожилых не сняли рук, а один даже сделал шаг к мотору. Но возле моторов стоят плечистые и решительные парни, и даже мальчишка Егор Подбельцев кажется плечистым и готовым на все. В цех вбегают заводской пристав Шамальский и инженер Таусон. Пристав хватает за волосы Егора. Раздается на весь цех голос Александра Пархоменко:

— Отпусти, а то гайка в голову полетит!

Рабочие придвигаются к приставу. Кто-то нажал плечом, Егорку оттерли. Он обижен. Александр подзывает его, и вдруг мальчишка исчезает. Через пять минут на электрической несется густой перекатывающийся гудок — это Егорка сообщил электрической, что забастовка началась!

Завод остановился.

Большими группами рабочие идут к тяжелому кирпичному зданию заводоуправления. Здесь, возле дверей, у палевых сосновых ящиков с их хорошим и легким запахом уже собрался забастовочный комитет. Лица озабоченные, хмурые. «Как-то удастся собрание?» — думают они. Из-за двойных рам, покрытых глянцем мороза, слышны голоса. Это кричат в телефон пристав Шамальский и круглощекий инженер Таусон. «Завод, — кричат они, — работающий на военное ведомство, остановился».

Братья Пархоменко идут медленно. Иван подбирает слова. По всему видно, что ему открывать и вести собрание, а это страшно.

Ведь идут все восемь тысяч. Идут уверенные, что сейчас будет найдено и высказано самое главное. «А вдруг пропустишь что-нибудь такое, вдруг растеряешься? — мучительно думают братья. — А вдруг не удержишь и не поведешь? Ведь шутка сказать — сколько тысяч рабочих!»

Молодой крановщик Климент Ворошилов подходит к ним. Идет рядом. Ворошилов понимает мысли братьев, их заботы. Дотрагиваясь до плеча Александра, он обращается к нему ласково, величая его партийной кличкой — «Лавруша»:

— Лавруша! Не волнуйся! Выйдет! Отрежем ломоть, Лавруша. Отнимем и весь каравай у буржуазии! Начнем забастовкой, а кончим полным захватом власти. Так, Лавруша?

— Так, Климент Ефремович, — говорит Александр и от волнения больше ничего не может выговорить.

Опираясь на плечо Александра, крановщик легко вспрыгивает на высокий ящик. Рядом с ним стоит председатель забастовочного комитета Барев, большая голова которого кажется еще больше от высокой баранковой шапки. Барев заметно волнуется. Обычно голос у него крепкий, широкий, а теперь он едва слышно называет фамилию крановщика Ворошилова.

Крановщик Ворошилов не совсем успел смыть мазут с лица и рук. Куртка его блестит на сухом и морозном солнце. Вытирая руки о борта ее, он уверенно осматривает собравшихся и вдруг протягивает руки вперед, как будто держа большой камень, чтобы положить его в основу стройки.

— Товарищи! — восклицает Ворошилов.

Несколько рабочих задержалось. Это складские. Они торопливо приближаются, но, услышав восклицание Ворошилова, бегут к нему, протягивая, как и он, руку и не замечая этого.

Ворошилов еще громче, еще убедительней повторяет:

— Товарищи!

Это были прекрасные годы. По-новому в молодых и горячих устах звенело слово «товарищ». Многозначительное, таинственное, оно указывало, советовало, учило. Оно соединяло упорство со смелостью, талант с прилежанием, песню с работой, труд с борьбой. Врагов оно заставляло испуганно вскрикивать и било тогда их, как разрывной пулей. Друзей оно понуждало творить и словом и делом. Среди рабочих ему ответило эхом другое слово — «стачка»; в гигантских толщах ковался народный гнев, нарастал страшный, девятый вал.

Пархоменко по молодости считал особенным и только ему принадлежащим то громадное чувство общности, которое охватило его тогда в балке, на массовке, у костра. А сейчас, возле этого дома цвета светложелтой охры, у сосновых ящиков, морозным солнечным днем Пархоменко понял, что такое же огромное чувство общности испытывают все люди, все рабочие, собравшиеся здесь. И ему приятно было это понять.

Рабочих это чувство охватывает по-разному. Иные, захлестнутые надеждой, как водопадом, стоят, сложив руки на груди и опустив голову. Иные, рисуя себе успех, смотрят в небо, где медленно идут кроткие, нежнолиловые, зимние облака. Иные беспокойно слушают речь, разбирая ее, наслаждаясь и немного пугаясь; на лицах у таких написано: «А не очень ли рано?» Большинство же переглядывается, как бы ручаясь за правильность и смелость высказанных оратором мыслей. Они уже подхвачены трепетным и горячим дыханием опасности и победы... Бесследно уходят капризные, роящиеся, суетливые опасения, внушенные меньшевиками и эсерами. Рябой старик с пепельным лицом, тот, что не хотел выключить мотор, оперся руками об ящик, смотрит в лицо Ворошилову и кричит:

— Верна-а!..

— Та-ак! Верна-а!.. — подхватывают передние.

Позади собравшихся стоят на санях возчики в длинных тулупах. Под их ногами слегка звенят длинные аметистовые, запорошенные снегом, полосы железа. Возчики, тощие рязанские мужики, безобидные и покорные, тоже захвачены речью. В особенности один, длиннобородый, в серых валенках. Он так машет шапкой, что из нее летят клочья шерсти. Он сипло кричит:

— Бастовать всем без передышки! Роняй хозяев, вали!

— Комиссию выбирать, — отвечает ему из передних рядов рябой старик. — Ворошилова-а!..

И Ворошилов начинает перечислять требования рабочих:

— Восьмичасовой рабочий день... открытие столовой, а то чорт знает что и где едим... прибавку к заработной плате... баню...

Он оглядывает рабочих, что тесно собрались вокруг него, и добавляет:

— Советы рабочих депутатов!

Дальше уже начинается такой крик, ма-

хание шапками, топот, шум, что ничего разобрать невозможно, кроме основного, что большевикам верят, что комиссией должен руководить Ворошилов.

Оратор, свободно опустив руки, стоит неподвижно. Он отдыхает. Видно, что ему очень легко и радостно, и Александр начинает понимать, какого большого напряжения воли и ума стоит та кажущаяся легкость, с которой оратор говорил и как бы клал руками воображаемые камни. Как трудно выбрать настоящие, короткие и емкие слова: не легче, чем поднять и опустить большие десятипудовые плиты.

Называют комиссию. Ворошилов назван первым.

Заканчивается собрание, Ворошилов говорит:

— Собираться нам за мостом. Дальше моста не итти без разрешения комиссии. Мы — за вас. Вы — за нас стойте.

Рябой старик вскидывает руку и кричит:

— Согласны стоять! Клянемся...

И все поднимают руки.

Ночью выбирают совет рабочих депутатов. Председателем его избран Ворошилов. Утром рабочие дошли только до «проходной». Они пропускают комиссию, приветствуя Ворошилова, и стоят долго, неподвижно. В конторе завода, на втором этаже, тесно и душно. Съехались все заводские тузы. Директор Крин, визгливый и тощий, говорит почти непрерывно, обращаясь только к Ворошилову. Ворошилов пожимает плечами и указывает на стол:

— Я тут ни при чем, чего вы меня уговариваете, господин директор? Это требования народа.

И точно, на столе перед директором лежит наказ рабочих своей комиссии. Наказ подписали все восемь тысяч.

Переговоры прерываются в двенадцать ночи. Но и ночью отдохнуть невозможно. К председателю идут со всеми нуждами — квартирными, денежными, даже семейными. Утром, в десять часов, опять начинаются переговоры.

На пятый день стачки Ворошилов говорит:

— Надо соглашаться на то, что выторговали. Дальше стачку продолжать опасно, силы еще молодые, как бы не сдали.

Стачка заканчивается победоносно. Удовлетворены все требования бастовавших, только вместо восьмичасового дня рабочие добились девятичасового. Завод переливается шутками, веселыми возгласами — всеми признаками новой, пробудившейся силы.

Братья Пархоменко идут с работы тоже веселые и довольные. Александр рассуждает обычной скороговоркой:

— Такую стачку и Ленин одобрил бы. Твердость материала, Иван, меряем. Время и партия выкуют из этого материала социализм.

Перед ними блестящая морозная улица. Она тянется прямо и далеко. Длинный обоз, груженный частями машин, медленно едет по ней. Навстречу обозу едет казак в высоких санях. Он снимает шапку и, не торопясь, крестится на церковь, из которой несется пение. Братья не видят обоза, казака с его рыжей парой коней, не слышат пения. Они смотрят как бы поверх всего этого, в далекую туманную даль и видят такое, что колючими и теплыми слезами радости омывает их глаза.

Внезапно они останавливаются и взволнованно смотрят друг на друга. Александр кладет тяжелую и сильную руку на плечо брата.

— А ты понимаешь, что мы наделали? Победу мы сделали, политическую, большую! Я так полагаю, что сразу ее и взглядом не охватишь.

И, помолчав немного, добавил:

— Охватим и закрепим, честное слово.

В июле произошла вторая забастовка рабочих завода Гартмана. И хотя забастовка эта в тот же день была разгромлена полицией и руководители забастовки частью были брошены в тюрьму, а частью скрылись, но это вторичное коллективное выступление рабочих большого завода имело громадные политические последствия не только для Луганска, но и для всего Донбасса. Разгром забастовки, зверства полиции и черносотенцев только способствовали тому, что большевистская организация быстро окрепла и выросла, впитав в себя все лучшие элементы пролетариата. К началу 1906 года луганская организация насчитывала уже больше двух тысяч членов! Весь 1906 год и первые три месяца 1907 года в Луганске и его уезде влияние рабочих организаций было очень сильно. В октябре 1906 года общая забастовка луганских рабочих сорвала суд Харьковской судебной палаты над Ворошиловым, — и он был оправдан. А еще раньше, перед Первым мая, группа молодых ребят-большевиков ночью водрузила огромное красное знамя на одной из самых высоких заводских труб. Знамя развевалось над всем городом больше недели, и власти боялись снять это величаво реявшее знамя — живое под-

тверждение сознавшего свою силу рабочего класса.

Луганская парторганизация через депутатские собрания заводов и через профсоюзы руководила всей жизнью города и в значительной части уезда. Под ее руководством, под влиянием подъема революционной борьбы луганского пролетариата прошло успешное крестьянское восстание и стачка в Макар-Яровской волости.

МИХ. СОКОЛОВ

ИСКРЫ

Отрывок из романа. В отрывке рассказывается о начале забастовки на одном из заводов Донбасса

...Десятого января 1905 года члены Югоринского комитета и активисты в последний раз проверяли, все ли сделано, чтобы начать стачку. И тут выяснилось, что эсеры пожелали выступить самостоятельно. Леон хотел послать за Овсянниковым, но неожиданно пришел телеграфист Кошкин.

— Мне Дорохова надо. Немедленно, — запыхавшись, проговорил телеграфист и ворвался в комнату.

Леон всмотрелся в него и узнал: это был тот самый «Толька красный», с которым он говорил на станции Донецкой много лет назад, когда уезжал из хутора. Кошкину некогда было присматриваться к Леону. Он знал о нем от Ткаченко и взволнованно отдал записку.

Леон прочитал ее, и лицо его налилось кровью. Читая вновь записку, он встал и сказал глухим голосом:

— Товарищи, в Петербурге царь расстрелял рабочих. Много убитых и раненых.

Все некоторое время стояли как пораженные, потом бросились к нему и впились глазами в слова депеши из соседнего города. В ней сообщалось о кровавых событиях в столице и велено было передать весть дальше...

Утром следующего дня Кошкин принес новую депешу. Неведомые телеграфисты сообщали подробности событий 9 января в Петербурге. Югоринский комитет напечатал новую листовку и разбросал по заводу.

И застопорилась работа в цехах. Рабочие то и дело куда-то отлучались из цехов, о чем-то шептались друг с другом, и по тревожным лицам их, по необычайной смелости в обращении с начальством можно было понять: на заводе что-то случилось или случится.

В двенадцать часов и пять минут, с условным опозданием, трижды прогудел гудок, и из цехов, из больших притихших зданий валом повалили рабочие, а спустя несколько минут у главных ворот внутри завода собралось более двух тысяч человек. Все были возбуждены, у многих в руках были листовки, и их тут же читали открыто, громко, будто так было заведено. А из цехов торопливо шли и бежали все новые и новые рабочие.

— Провода обрезали? — спросил Леон у Вихряя.

— Подчистую.

Немного подождав, Леон встал на ящик и звучным, взволнованным голосом сказал:

— Товарищи! Девятого января петербургские рабочие с иконами и хоругвями, во главе со священником Гапоном, пошли к Зимнему дворцу. Они хотели жаловаться царю на нищенскую свою жизнь и просить его заступиться за них и облегчить рабочую судьбу. Но царь загородился войсками и приказал солдатам стрелять в рабочих. Сотни людей пали жертвой этой невиданной бойни. Снимем шапки перед павшими братьями по классу...

— Откудова известно? — раздался чей-то голос и оборвался.

Рабочие даже не обернулись и обнажили головы.

— Весь народ протестует против этого злодеяния, — продолжал Леон. — Теперь, после расстрела у Зимнего дворца, каждый должен понять: нет у царя для нас ничего, кроме нагаек и пуль. Как должны ответить на это злодеяние мы, рабочие Югоринского завода? Сегодня мы бастуем в знак протеста против петербургского кровавого побоища! Сегодня мы должны сказать: настал конец нашему терпению! Самодержавие — это кровавый палач пролетариата и всего трудового люда России. И наш ответ ему на все его злодеяния должен быть один: смерть царизму! Да здравствует свобода! Встанем под знамена Российской социал-де-

мократической рабочей партии, и она поведет нас на решительный бой за свободу трудового народа. Да здравствует революция!

Трехтысячная масса рабочих зашумела, послышались грозные голоса: «Долой самодержавие!», «Смерть царизму!»

На ящик взобрался дед Струков. Сняв шапку, он заговорил старчески-сердитым голосом:

— Дорогие мои сотоварищи, рабочие-пролетарии! Что же оно такое творится? Что делается, я спрашиваю, ежели сам царь начинает палить в народ из оружия? А перед японцами тикает, как последний трус и неспособный начальник? — Голос у него дрогнул, глаза молодо засверкали. — Дорогие товарищи! Я век прожил и всего навидался, и хочу вам так сказать: довольно нам смотреть на царя, как на бога! Ворог он рабочим самый лютый, и надо искоренить все самодержавие навсегда. Отомстим за рабочую кровь!

— Отомсти-им! — гулом прокатилось по огромной толпе.

Деда Струкова сменил Иван Гордеич.

— Православные! — гулким голосом начал он. — Я тоже век прожил, а такого на святой Руси, чтобы по священникам, по иконам, по православному народу... — Он вдруг сорвал шапку и ударил ею о землю. — Это великий грех! И я так скажу: нет у нас больше царя!

К Леону протиснулся Овсянников.

— Леон, будем выступать сообща, — торопливо сказал он и, не дожидаясь ответа, прыгнул на ящик и начал говорить речь:

— Товарищи, кровь народа вопиет о мести, и мы, социалисты-революционеры, на выстрелы у Зимнего дворца ответим выстрелами. Наши пули найдут подлых палачей народа. Мы свергнем царизм любым способом. Объединяйтесь, товарищи! Все объединяйтесь! Смерть царю и его кровавым приспешникам!

Леон сделал знак Ткаченко. Тот распахнул ворота, и рабочие двинулись с завода, бурлящим потоком заполнили улицы и направились в город. Над головами заалело красное знамя.

Леон шел впереди. Неожиданно он услышал:

— Да мне вон к Дорохову. Пусти, тебе говорят!

Леон обернулся и, увидев Данилу Подгорного, позвал его:

— Становись рядом, Данила Григорьич, пора уже итти вместе.

Подгорный пошел рядом с ним.

Ткаченко раздал текст песен и запел «Марсельезу»:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

В середине колонны загремели слова «Варшавянки»:

В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут...

Из конторы всполошенно выбегали конторщики, инженеры, смотрели на невиданное шествие. Некоторые, видя, что рядом с Леоном идет инженер Рюмин, присоединялись к демонстрантам.

Вот передние ряды демонстрантов миновали базар, подошли к городской управе. Оттуда высыпали земцы, гласные, замахали белыми платками.

— Долой самодержавие! Да здравствует революция! — крикнул им Рюмин.

— Да здравствует конституция! — послышалось в ответ.

Впереди, взявшись за руки, цепочкой стояла полиция, преграждая путь.

Ткаченко громко сказал:

— Спокойно, продолжаем итти! Крайним — взяться за руки!

— Разойдись, господа-а! — приказал жандармский офицер, но людской поток смял полицейских.

А по улице лилась грозная «Варшавянка»:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед —
Рабочий народ!..

Возле дворов, с начищенными медными бляхами на груди стояли дворники; из ворот, из переулков торопливо выходили жители, одни испуганно таращили глаза на красные знамена, другие радостно улыбались и шли следом за рабочими, протискиваясь в самую гущу и не обращая внимания на полицию.

Полицейские забежали вперед, вновь попытались остановить шествие, но на них угрожающе закричали:

— Уйдите от греха, фараоны!

— Брось, ваше благородие!

Данила Подгорный, крупно шагая рядом с Леоном, думал: «Что ж оно такое творится? Полиция — и ничего сделать не может. Вот она, сила народная! Все расступается перед нею». И спросил у Леона:

— А казаки... того, не посекут нас?

Леон улыбнулся ему, посмотрел вокруг.

— Ничего, Данила Григорьич. Смелее шагай!

Подгорный оглянулся и не увидел конца людскому потоку. «Так! Революция, значит!» — мысленно сказал он и выше поднял голову.

На главной площади города демонстрантов встретили казаки. Шедшие по сторонам полицейские приободрились, бросились к знаменосцам, но их оттеснили рабочие.

Леон хмуро посмотрел на казаков. Умерив бег лошадей, они в нерешительности остановились, и Леон крикнул:

— Станичники! Царь расстрелял безоружных рабочих Петербурга за то, что они со священником пошли просить у него хлеба. Неужели и вы будете бить народ? Вы же люди из народа!

Ткаченко заслонил его собой.

— Граждане казаки! — сказал он. — В России началась народная революция. Не слушайтесь офицеров!

— Вот тебе «революция», — достал его плеткой вахмистр, пришпоривая коня.

Послышались крики, несколько человек бросились врассыпную, другие к казакам, уговаривая их уехать в казармы, но вахмистр уже стегал ближних плеткой приговаривая:

— Вот тебе «хлеба»! Вот тебе «не слушайте»!

— Да за что же вы, братцы-ы?

— А-а, и вы заодно-о? Бей их! — послышались угрожающие голоса.

Дед Струков подбежал к желтоусому казаку, потрясая руками, крикнул:

— Сынок, глянь на мою лысину. Кого бьешь? — Но казак ударил его по голове.

Леон и Данила Подгорный схватили лошадь казака за повод, в один голос крикнули:

— Зверь, что делаешь?

— Леон, смотри! — предупредил Вихряй, но произошло непонятное: вахмистр ударил шашкой, а другой казак подставил свою, и шашки со звоном скрестились.

Леона спас Пахом из Кундрючевки.

А над городом все гремела «Варшавянка»:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед —
Рабочий народ!..

Данила Подгорный отнял плетку у желтоусого казака и ударил сначала его, а потом коня, так что тот взвился на дыбы.

Огромный Ткаченко подбежал к вахмистру, схватил его за ногу. Миг — и вахмистр был на земле.

— Ах! — крикнул сзади чернявый казак, точно по дереву топором хватил, и тупой стороной шашки повалил Ткаченко на землю.

— Бей их, христопродавцев!

Крики, шум драки смешались с песней. В казаков полетели камни, доски, комья мерзлого снега. Но бой был неравный. Некоторые рабочие дрогнули и стали прыгать через заборы, скрываться во дворах.

А Данила Подгорный, заломив шапку, мелькал среди казаков и тяжелой ременной нагайкой доставал то одного, то другого станичника.

— Уезжайте отсюда! Уезжайте, вам говорят! — приговаривал он.

И среди казаков началось замешательство. В толпе раздались радостные возгласы:

— Браво-о! Ура, станичники!

Казак в старом картузе подскочил к Даниле Подгорному, предупредил:

— Гляди: есаул!

А в следующую секунду есаул ударил Данилу Подгорного по лицу плеткой и закричал:

— Взять!

...Югоринский завод остановился.

Притушены были домны, погасли мартены и вагранки, замерли гигантские паровые машины, затихли прокатные станы. Ни одного звука, ни одного свистка паровозов не было слышно в заводе, и бесчисленные трубы, как обгорелые вековые сосны, уныло смотрели в небо и не коптили его черным дымом.

Все умолкло и замерло, будто в глубоком трауре, и даже торговцы закрыли магазины и вполголоса говорили:

— Революция!

И только в заводе слышались бодрые шумы и лились горячие, как металл, слова социал-демократов.

Там непрерывно шел митинг. Полиция пробовала разогнать его, но рабочие не пустили ее в завод.

Митинг продолжался до вечера. Вечером к Леону прискакал Пахом и сообщил:

— Бунт. Казаки отказались усмирять рабочих. Ходят разговоры: мол, пора бросить эту службу и ехать по домам. У тебя нет этих самых листков про расстрел в Петербурге?

Леон улыбнулся и дрогнувшим голосом сказал:

— Молодцы! Спасибо, сердечное спасибо скажи станичникам. От всех рабочих передай. И еще скажи: рабочие, мол, просят казаков пока что не уезжать из Югоринска, чтоб не прислали другую сотню.

Леон дал Пахому несколько листовок. Казак спрятал их и уехал в казармы.

На следующий день дед Струков пошел к казакам, но был арестован. Тогда Пахом сказал начальству, что он родственник деду Струкову, упросил освободить деда и сам пришел с ним домой.

— Неважно дело оборачивается, — сказал он Леону. — Есаул грозит отправить всех на фронт за крамольницкие разговоры, так что казаки приуныли. Между прочим, что такое «крамольницкие разговоры»? Мы ведь про политику не говорим, мы просто не хотим бить народ.

Дед Струков важно ответил:

— А вот это и есть крамольнические разговоры: «не хотим бить народ».

— Та-ак, — покрутил Пахом усы.

Леон пояснил:

— Время такое, Пахом, что в крамольниках, гляди, скоро окажется весь народ. Мы поднялись на борьбу за волю, за лучшую жизнь, за то, чтобы жизнью управляли не загорулькины и не калины, а такие вот, как ты, бедные люди и сами распоряжались бы своей судьбой. Вот это власти и называют «крамолой», то-есть недозволенным и неугодным им действием.

— А если я, скажем, не вижу ничего в этом плохого, чтоб я атаманом был от народа?

— А власти считают плохим.

— Гм... — Пахом опять задумчиво покрутил усы. — Я от властей сроду ничего не имел хорошего, хоть я и казак. Богачам она нужна, такая власть. Нефадею, скажем, с сыном своим. Нет, Леон, я что-то начинаю другими глазами смотреть на все, и ты мне растолкуй лучше. Я в воскресенье приеду.

— Приезжай.

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

1905 — 1906

Отрывок из книги „Летопись моей музыкальной жизни“

Занятия в консерватории до рождественских праздников шли более или менее успешно. Перед началом рождественского перерыва, однако, стала замечаться некоторая возбужденность среди учеников, отзывавшихся на происходившие университетские волнения. Но наступило 9 января, и политическое брожение охватило весь Петербург. Отозвалась и консерватория, заволновались учащиеся. Начались сходки. Трусливый и бездарный Бернгард [1] стал сопротивляться. Вмешалась и дирекция Русского музыкального общества. Начались экстренные заседания художественного совета и дирекции. Я выбран был в число членов комитета для улаживания отношений с волновавшимися учениками. Предлагались всякие меры: изгнать зачинщиков, ввести в консерваторию полицию, закрыть консерваторию. Пришлось отстаивать права учеников. Споры, пререкания возникали все более и более. В глазах консервативной части профессоров и дирекции петербургского отделения я оказывался чуть ли не главою революционного движения среди учащихся. Бернгард вел себя бестактно. Я напечатал в газете «Русь» письмо, в котором укорял дирекцию в непонимании учеников и доказывал ненадобность существования дирекции петербургского отделения и желательность автономии. Бернгард на заседании совета занялся разбором и осуждением моего письма. Ему возражали, он сорвал заседание. Тогда значительная часть профессоров вместе со мною предложила ему письменно покинуть консерваторию. В результате всего оказалось: закрытие консерватории, удаление из нее более сотни учеников, уход Бернгарда и увольнение меня главной дирекцией, без ведома художественного совета, из числа профессоров консерватории. Получив такое увольнение, я напечатал об этом письмо в газете «Русь» и вместе с сим отказался от почетного членства петербургского отделения Музыкального общества. Тогда случилось нечто невообразимое. Из Петербурга, Москвы и изо всей России полетели ко мне адреса и письма от

---

[1] Бернгард — директор Петербургской консерватории в описываемое время. — *Ред.*

всевозможных учреждений и всяких лиц, принадлежащих и не принадлежащих музыке, с выражением сочувствия мне и негодования на дирекцию Русского музыкального общества. Ко мне являлись депутаты от обществ и корпораций и частные лица с теми же заявлениями. Во всех газетах появлялись статьи, разбиравшие мой случай; дирекцию топтали в грязь, и последней приходилось очень скверно. Некоторые из членов ее повышли, например, Персиани и Александр Сергеевич Танеев[1]. К довершению всего, учащиеся затеяли оперный спектакль в театре Комиссаржевской, долженствовавший состоять из моего «Кащея» и концертного отделения. «Кащея» разучили очень мило под управлением Глазунова. По окончании «Кащея» произошло нечто небывалое: меня вызвали и стали читать мне адреса от разных обществ и союзов и говорить зажигательные речи. Говорят, что кто-то крикнул сверху: «Долой самодержавие!» Шум, гам стояли неописуемые после каждого адреса и речи. Полиция распорядилась спустить железный занавес и тем прекратила дальнейшее. Концертное отделение не состоялось. (Спектакль этот состоялся 27 марта 1905 года.)

Такое раздутое преувеличение моих заслуг и якобы необычайного моего гражданского мужества можно объяснить лишь возбуждением всего русского общества, которому хотелось, в форме обращения ко мне, выразить во всеуслышание накопившееся негодование против правительственного режима. Чувствуя это, я не испытывал удовлетворяющего мое самолюбие волнения. Я ждал лишь, скоро ли окончится все это. Но это окончилось не скоро, а затянулось на целых два месяца. Мое положение было несносно и нелепо. Полиция распорядилась запретить исполнение моих сочинений в Петербурге. Некоторые провинциальные помпадуры сделали и у себя подобные распоряжения. В силу этого был запрещен и 3-й Русский симфонический концерт, на программе которого стояла увертюра к «Псковитянке». К лету сила этого дурацкого запрещения начала мало-помалу слабеть, и на летних программах загородных оркестров стали появляться мои сочинения, ввиду моды на меня, в значительном количестве. Только в провинции усердные помпадуры или помпадурни по-прежнему считали их революционными еще некоторое время.

[1] Возможно, что автор ошибся: он имел в виду Танеева Сергея Ивановича, известного композитора и музыканта, демонстративно покинувшего Московскую консерваторию в 1905 году.

В. ЮРЕЗАНСКИЙ

ЗАРЕВО НАД ПОЛЯМИ

Глава из повести, посвященной крестьянскому движению 1905 года в Черниговской и Полтавской губерниях

У Петьки с утра было сердце не на месте. В голове шли тысячи разных мыслей, волновали слышанные накануне разговоры о необыкновенных событиях, которые начались везде вокруг по дальним уездам и не сегодня-завтра широкими шагами подойдут к Ольшанам. Он никак не мог сосредоточиться на объяснениях учителя, плохо слушал и почти ничего не понимал. Да и было отчего: разнеслась по селу весть, что на хуторе Михайловском, на рафинадном заводе Терещенко мужики будут сахар делить, что поднялись на это, как один человек, десятки сел и деревень, что богатству заводчиков и помещиков решено положить конец и что пора все ихнее имущество, нажитое мужицкими мозолями, пустить во всеобщий раздел.

И хотя от Ольшан до завода Терещенко было далеко, больше тридцати километров, многие, не раздумывая, тут же ушли с мешками попытать счастья. Собрались, как на богомолье, налегке, на скорую руку, надеясь, в крайности, хоть разузнать подробно, в чем дело. Некоторые поступили еще круче: поспешно запрягли лошадей и уехали на подводах прямо в ночь, не дожидаясь утра, с полной уверенностью в удаче. На селе ждали какого-то манифеста против богачей и господ; разговоры были смутные, взволнованные, полные всяческих догадок и планов; кто-то даже шопотом передавал, что манифест этот есть, будто сказывали о том верные люди, но что паны подкупили священников, и те затаили его до поры до времени в церквах, под престолами, пока не выйдет

ему отмена от царя, о чем подают-де дворяне челобитные со всех концов...

На дворе уже начало теплеть, густым талым запахом дул влажный ветер, снег стал мягкий, мокрый, дали над лесами посинели: по календарю стояло 22-е число февраля, и погода повернула на весну.

Когда Петька после уроков прибежал домой, там он как раз в самом разгаре застал разговоры о дележе терещенковского сахара, Пришел шорник Семидуб, пришел Иванихин зять Кузьма, вернулись уже многие, — и все принесли сахар мешками, насколько у кого хватило сил. Больше всех попользовались те, кто приехал на подводах; никому отказа не было, бери, сколько успеешь, сколько душа твоя пожелает. Вернувшиеся в горячей усталости, словно рыбаки, тянувшие всю ночь невод со счастливым уловом, наперебой передавали, что к заводу со всех окрестных сел собралась огромная толпа, без числа, без счету, — пришли Чуйковка, Жаровка, Юрасовка, Ловры, Свесы, Каменка, Юриновка, Романовка, пришли целые десятки деревень и хуторов. Волнение рекой взошло, как половодье, и движется на Черниговщину прямо из Орловской губернии. Там, точно лед треснул, точно с грохотом полопались тяжелые, сдерживающие глыбы, — шумный напор крестьянской силы сломил на своем пути все и разлился необозримо.

— Теперь пойдем! Только держись!..

На пожаре, во время разгрома завода, люди говорили, что сейчас же двинутся дальше, что надо отнести и отвезти по домам захваченный сахар, — и уже были назначены места для сбора, чтобы не действовать в одиночку, вразброд, а всем народом, могучей лавиной, настоящим, правильным походом. Говорили, что надо взорвать к чортовой матери соседний Шостенский пороховой завод, чтобы нечем было у дворян стрелять в народ.

И Ольшаны пришли в волнение, заворошились, загудели, заторопились. В ночь на сборные пункты выехало множество подвод. Подводы шли порожняком, с пустыми мешками, с пологами, с дерюгами. Мужики всю ночь говорили, что пора сделать уравнение богатств по всему государству, что довольно уже терпеть на своей шее панов, которым сладко и легко живется, — пусть трудятся все...

У Петьки навсегда в памяти остались стремительные и волнующие события тех дней. Поездка кончилась несчастьем, смятением, неожиданной бедой. Как потом рассказывали, уже в ночь разгрома терещенковского завода многие мужики, проходя и проезжая трактом, слышали тревожный звон в придорожных телеграфных столбах, темные провода пели то испуганно, то змеино-вкрадчиво, то зловеще и угрожающе. Тогда люди только оглядывались на гудящие, бессонно ноющие столбы — и лишь после, спустя несколько дней, узнали, что это шли от терещенковского управляющего телеграмма за телеграммой в Чернигов, к властям. В ту ночь в Чернигове было поднято на ноги все начальство, и уже на свету к месту происшествия выехал губернатор Хвостов, выехал начальник жандармского управления полковник Рудов, выехали две сотни казаков и батальон пехоты...

Начались повальные обыски. В соседних селах и деревнях поднялся вой, по всей округе около хутора Михайловского со свистом и гиканьем пошло скакать дикое возмездие. Казаки загоняли взмыленных лошадей, на рысях и вскачь развозили от села к селу возы тальника — и всех, у кого находили сахар, пороли в сборнях. Губернатор созывал сельские и волостные сходы, заставлял мужиков кланяться ему в ноги, просить прощения, выдавать зачинщиков, составлять приговоры о возмещении Терещенке убытков. В Чуйковке, приказав всему сходу опуститься в сырой снег, он на глазах у униженного села арестовал старосту с сыном как главных заводил и смутьянов. Беспомощность и покорность толпы возбуждали его карательный пыл, удесятеряли рвение. Он придумывал самые позорные и обидные наказания. И лишь в Жаровке накололся на неожиданное сопротивление. Быстрыми шагами подходя к созванному сходу, губернатор крикнул, как уже кричал в других селах:

— На колени!

Но никто, ни один человек, не опустился.

— Как? Не повиноваться?!. — в изумлении остановилась осанистая, победоносно мстительная фигура.

— На колени, сукины дети!.. — крикнул он яростно.

Но прямо и твердо стояла угрюмая толпа, глядя ему в упор, исподлобья, злыми, ненавидящими глазами.

— Староста! Десятский! Сию же минуту поставить всех на колени!..

Староста, бледный как полотно, переступил вперед на полшага и раздельно сказал:

— Ваше превосходительство, никто не имеет права приказывать сельскому сходу стать на колени. У нас дети есть. Нам перед ними на веки вечные был бы непростимый стыд, если б мы сделали это.

— Что?!. — взвизгнул губернатор. — Это мне ты так отвечаешь? Мне?.. Взять его! — махнул он солдатам. — Тут же на месте разложить! Тридцать пять розог!..

Солдаты кинулись исполнять приказание. Кто-то уже схватил старосту за руки и начал их связывать.

И вдруг толпа дрогнула, завопила, заорала:

— Не сметь! Не сметь трогать!..

К губернатору бросились с кулаками. Еще мгновение — и его смял бы под ноги окруживший со всех сторон сход.

Но налетели казаки и нагайками разогнали, рассеяли в разные стороны возмущенных людей. Губернатор поспешил уехать. Для расправы остались казаки с начальником жандармского управления и перепороли поголовно все село. Потом где-то в дальней деревне мужики слышали, как догнавший полковник Рудов, смеясь, хвастался губернатору:

— Мы, ваше превосходительство, этой Жаровке такого жару задали, что лет на двадцать тепло ей будет!..

Нагайками и розгами мужицкий поход против богачей и помещиков временно был остановлен. Губернатор получил благодарность за распорядительность, за быстроту действий и был представлен к звезде и ленте, а начальник жандармского управления произведен в генералы. Но по всей губернии из конца в конец, как выкинутый красный флаг, пронеслись рассказы об этих событиях...

В. ШМЕРЛИНГ

КОТОВСКИЙ

Из повести. Григорий Иванович Котовский (1887 — 1925) — один из героев гражданской войны, начал свою революционную деятельность в годы первой русской революции

Шел 1905 год. Революционная волна докатилась и до Бессарабии. Медленно просыпались молдаване. Царские исправники и налоговые инспектора привыкли к их давней покорности. Они называли сеятелей и виноградарей «воловьими головами».

Летом 1904 года засуха томила поля, покрытые тщедушными колосьями. Крестьяне и рабочие тысячами умирали в далекой и неведомой Маньчжурии, а оставшихся в селах угнетали думы о предстоящем голодном годе. И когда в села приезжали сборщики налогов и требовали выкупные за пользование наделом земли, земские, государственные налоги, — крестьяне, доведенные до крайней нищеты, отказывались платить.

Крестьяне протестовали против кабальных договоров с управляющими имений, гнали из сел и скупщиков вина, которые, пользуясь безвыходным положением виноградарей, за бесценок скупали вино будущего урожая.

По всей губернии начались волнения... В Бессарабии, этой окраине царской России, где силы революции были распылены и слабы, где не было никакой промышленности, кроме паровых мельниц, крестьяне поднялись против власти исправников, жандармов, помещиков. Крестьяне принялись вырубать помещичьи и казенные леса, запылали барские усадьбы. На дорогах появились конная стража и карательные отряды. Драгуны охраняли владения бессарабских помещиков, усадьбы и мельницы. Но ни карательные отряды, ни еврейские погромы, которыми бессарабские черносотенцы пытались отвлечь внимание недовольных, не могли остановить стихийного движения молдавских крестьян...

Во всех деревнях — и у Прута и у Днестра — народ пел свои любимые протяжные песни — дойны про «хоцев», про «гайдуков» — народных героев, про смелых и сильных, бесстрашных жителей лесов. Пели про хоца Кодряну, который, схваченный и приведенный на суд, отвечал, что он, если встречал бедняка, то прятал кистень, опускал руку в карман и давал деньги на его нужды. Пели песни про хоца Воину: пойманный врагами, он ответил на допросе, что не отдаст им своих богатств, так как они все равно проиграют в карты и растратят их на прихоти и кутежи, а он спрятал деньги

в деревьях, чтобы их нашли бедняки и купили себе волов да коров.

Старинные песни вдохновляли молдаван на борьбу.

В одном из сел на севере Бессарабии печатались прокламации о захвате земли и о будущем вольном, свободном государстве. Крестьяне села Комрат выгнали помещика, связали пристава, судью и урядника, вооружились охотничьими ружьями, кремневками и вилами и провозгласили в своем селе республику.

Комрацы уже приготовились делить между собою землю помещика, но драгуны 24-го полка разбили баррикады, сооруженные крестьянами у мельницы, разбили Комратскую республику, просуществовавшую несколько дней. Сотни комрацев погибли под пулями драгун, были заключены в тюрьмы и отправлены на каторгу.

В эти же дни на Оргиевской дороге появился таинственный отряд молодого «хоца». Так же как и герои, о которых народ пел песни, стал нападать он на помещиков и богачей, мстить за крестьянскую долю, начал борьбу против стражников, драгун и жандармов. Это был Котовский...

Котовский собирал вокруг себя таких же смелых и молодых. Он выделялся среди них своей убежденностью и страстностью. Всю силу свою решил он отдать борьбе со своим неравным противником. Как и сотни молдавских юношей, Котовский был воспитан на песнях о хоцах, и они подсказали ему путь, на который он вступил бесповоротно. Все, что он видел вокруг себя, — и пожары помещичьих имений, и сотни крестьян, подвергавшихся порке, и открытый ропот и гнев молдаван, — толкало его на путь непримиримой борьбы.

«Активный мститель», как называл он себя тогда, жаждал немедленного действия. И он начал свою борьбу так же, как Кодряну, так же, как бесстрашный Воину.

Котовский не знал еще о революционном движении пролетариата, которое могло бы вывести его на правильный путь.

В молдавских селах, где неудержимо росла злоба к угнетателям и чиновникам, ко всем, кто не считал молдаван за людей, имя Котовского произносили с одинаковой любовью и старики и дети. Действия Котовского сразу нашли отзвук у бессарабских крестьян, которых после подавления восстания гнали по этапам, у всех, кто жаждал отмщения за свои страдания! Котовский учил крестьян не подчиняться помещикам. С каждым днем росла молва о Котовском, его борьба с помещиками окрыляла самые заветные думы молдавских крестьян. Рассказы о борьбе Котовского были похожи на песни-дойны.

Котовскому помогли первые удачные нападения на помещиков Оргиевского и Бельского уездов. Он сжег имение Споковского. В его отряде находилось несколько бывших батраков Споковского. Одно имя Котовского, сразу ставшее известным всей Бессарабии, наводило на помещиков необычайный страх. Котовский мог явиться ежечасно, уничтожить долговые записки крестьян, спалить усадьбу, освободить арестованных...

В особняках и дворцах с ужасом ждали Котовского, крепко запирали двери и ставни; Котовского ждали и в хатах, где ему всегда были открыты двери, где всегда готовы были укрыть его от погони.

О Котовском с ненавистью говорили в гостиных крупнейших помещиков Бессарабской губернии — у Пуришкевича, Крупенского, Катокади; им восхищались в деревушках, расположенных у почтового тракта на Бельцы, в молдавских селах — Дышково, Кетливо, Сератаны, Толонешты...

Исправники разыскивали Котовского. Кишиневский полицмейстер одно за другим слал донесения в Петербург. За голову Котовского назначили высокую награду. Агенты полиции, сыщики никак не могли напасть на его след. Котовский был неуловим. Он не боялся встреч с конными стражниками, не раз уходил от преследований полицейских. Он умело руководил своими дружинниками, которые полностью ему доверяли.

Лучшие знатоки сыскного дела не знали, что предпринять. Никогда еще не имели они дела с таким преступником. Бессарабские помещики усиливали охрану, заказывали слесарям прочные замки, ходатайствовали перед властями о принятии мер к поискам «опасного бандита»...

Иногда Котовский, которого разыскивали на почтовых трактах и в Оргеевском лесу, оказывался в Кишиневе. Загримированный и переодетый, прогуливался он по главной улице Кишинева. Никто не мог предположить, что в этой нарядной толпе, среди господ в котелках и цилиндрах, находится Котовский. Он поджидал на Александровской улице студента, через которого передавал деньги в Красный Крест, помогавший политическим заключенным.

Все деньги, отобранные у помещиков и купцов, все ценности Котовский раздавал в селах или передавал в Красный Крест. У себя он оставлял только то, что необходимо было для содержания его дружины...

. . . . . .

В первый же день заключения Котовский начал думать о побеге.

...Вокруг — высокая каменная ограда, железные ворота, через каждые несколько шагов — постовые надзиратели и стражники. Котовский прильнул к крохотному, круглому окну камеры, но увидел перед собой только серую стену и тонкую полоску неба...

У пленника возник необычайный по дерзости план: разоружить охрану, захватить тюрьму, вывести всех арестованных, инсценировать отправку эшелона в Одессу.

Котовский изучает план тюрьмы. Он ищет сообщников.

4 мая 1906 года Котовский решил совершить побег. Он и его товарищи набросились на двух надзирателей, обезоружили их и отобрали ключи от камеры.

Котовский отпирал камеры и, выпуская арестованных, кричал, что вышел манифест, который всем дарует свободу, и что надзиратели скрывают его от арестованных.

Арестанты выбежали из камер. Они ворвались в караульное помещение и расхватали винтовки. Перепуганные стражники убегали с постов. Но вот кто-то из арестантов заговорил, что манифест — просто выдумка Котовского. Группа уголовников решила воспользоваться временной свободой и убежать из тюрьмы в одиночку. Они бросились напролом к воротам, сбили их и выбежали на тюремную площадь. План Котовского сорвался. Теперь уже не удастся инсценировать отправку эшелона. Навстречу бежавшим из тюрьмы уже спешат воинские части...

...Снова тюремная камера и тоненькая полоска майского неба в решетчатом окне.

За Котовским установили специальное наблюдение. Дежурные надзиратели смотрели в «глазок». Они следили за каждым движением невиданного в кишиневской тюрьме заключенного.

Но через несколько дней все кишиневские газеты сообщали: «Третьего дня в местном тюремном замке, в камере, где содержатся участники нашумевшей в нашем городе шайки Котовского и другие серьезные арестанты, закованные в кандалы, и. о. начальника тюрьмы господин Бебелло обнаружил подкоп. Из ватер-клозета, примыкающего к этой камере, подрыта была стена и сделан подкоп под фундамент тюрьмы с тем, чтобы пробить выход на Сенную площадь. На месте подкопа найдены стамески, ломы, лопаты и др. инструменты».

Котовского посадили в самую высокую башню в центре тюрьмы. Башня называлась «Железной». Уже много лет никто не сидел в этом квадратном мешке. У дверей камеры поставили известного своей жестокостью надзирателя Иванова. Напротив небольшого круглого окна установили добавочный пост. Котовского, закованного в кандалы, спрятанного в железный мешок, охраняли самые строгие тюремщики. Вся Бессарабия следила за тем, что происходит за высокой оградой кишиневской тюрьмы.

Два месяца Котовский не напоминал о себе. Теперь он уже не страшен, решил помощник начальника тюрьмы Бебелло.

Как-то раз в тюрьму к Бебелло явилась нарядная дама. Она отрекомендовалась женой одного из влиятельнейших людей в Бессарабии. У нее большая просьба к помощнику начальника тюрьмы. Она сгорает от любопытства, хочет увидеть страшного разбойника, о котором пишут все кишиневские газеты. Вежливый Бебелло не мог отказать. Пусть увидит эта знатная дама, какой опасный преступник находится у него под стражей.

Котовского вывели из камеры на свидание с знатной «патронессой». Ему объяснили, что она благоволит к некоторым заключенным.

Во время свидания дама передала Котовскому одеяло и, с разрешения начальника, подарила ему коробку дорогих папирос.

В этот день Котовский был счастлив. Визит был подстроен его друзьями, оставшимися на свободе. «Знатная дама» принесла Котовскому все необходимое для побега, к которому он уже несколько месяцев готовился изо дня в день. За ним следили надзиратели, но с еще большим вниманием следил за ними Котовский. На клочках бумаги Котовский делал отметки, смотрел в волчок, запоминая каждое движение надзирателя. Он замечал, сколько времени проходит, пока надзиратель прохаживается по коридору, поворачивается и подходит к дверям, записывал, сколько минут и секунд проходит, пока из его камеры выносят парашу. Он высчитывал секунды. На этот раз он должен действовать наверняка. До мельчайших подробностей разрабатывая план побега, он

изучал охрану: ему нужно было обмануть тех, кто стоял у его камеры и во внутреннем дворе тюрьмы. Наконец все было подготовлено. Котовский ходил взад и вперед по камере, покуривая папиросы. Ароматный дымок просачивался и в коридор, где на посту стоял надзиратель Иванов. Котовский предложил надзирателю закурить папиросу, которую принесла ему знатная дама. Надзиратель не отказался. Несколько хороших затяжек усыпили надзирателя...

Котовский спешил. Инструментом, полученным с воли, он открыл тяжелую дверь камеры, снял с себя кандалы и бросился мимо спящего надзирателя на чердак. Там он к окну привязал веревку, сделанную им из разорванного на полосы одеяла. Веревка не доставала до земли. Котовский спрыгнул и свалился на надзирателя Топалова, который от неожиданности не мог вымолвить ни слова. Он упал на колени и молил Котовского о пощаде. Котовский направил на него маленький браунинг. Трясущимися руками Топалов вытащил затвор из винтовки и протянул его Котовскому. Через несколько минут он сам приставил к стене валявшуюся на дворе доску. Котовский по доске взобрался на высокую ограду тюрьмы. Сверху он бросил затвор надзирателю и спрыгнул вниз. Он на свободе!..

ЕВГ. ТАРАСОВ

СКАЗОЧКА

Были-стояли как-то хоромы,
Жили в хоромах баре-князья.
Были с нуждою век незнакомы,
Были с весельем сытым друзья.

Жили да были с барами рядом,
Жили-кормили бар мужики.
С барами встретясь, пятились задом;
В церкви молились, шли в кабаки.

Долго ли, нет ли, только устали,
Тяжкую ношу сбросить бы с плеч.
Выжечь из сердца думы-печали,
Пьяный, веселый пламень зажечь!

Ну, и пригубили чару веселья,
Вышли в кровавый, пьяный простор.
После не сладко было похмелье.
Было, что было. Быль не укор.

Шло пированье: рушились балки.
Был именинник — красный петух.
С криком метались черные галки,
Яро горели лица старух...

Много работы было тут ломам,
Ветер не сыщет угля в золе...
Незачем, видно, барским хоромам
С избами рядом быть на селе...

ИРИНА ГУРО

«ЧТО ЕСТЬ СОЛДАТ?»

Отрывок из повести „Путь сибирский дальний“, посвященной революционному движению в Сибири

...Время в эскадроне текло ровно и размеренно, без особых событий. Каждый час предназначался внутренним распорядком для определенного дела. Недели тянулись как месяцы, месяцы оборачивались годами.

И потому, что они были так однообразны и серы, в памяти крепко зарубились первые дни солдатчины. Егору и его товарищам казалось, что совсем недавно они новобранцами переступили порог казармы. Еще стоял в голове туман от выпитого на проводах и в ушах звон от бабьих воплей, от ухарской песни и визга гармоники. И вот все кончено, и прежнюю жизнь отрезало, как ножом краюху хлеба. Перед ним лежала солдатская доля, про которую сложено много длинных жалобных песен и одна короткая присказка: «Кто в солдатах не бывал, тот и горя не видал».

Даже фабричные ребята, привыкшие тереться среди народа, бойкие и острые на язык, и те в казарме присмирели, поникли: вот она, солдатчина! Бе-еда!

...Скоро Егор услыхал, что существуют специальные доносчики, поставленные на то, чтобы обо всем докладывать унтеру, что полковой поп на исповеди выспрашивает, кто что сказал противу властей. Известно было, что некоторые солдаты поплатились за неосторожность: людей судили военным судом и угнали на каторгу. И хотя вбивали в голову, что «начальства боится только плохой солдат», но боялись все. Нельзя было угадать, что взбредет начальству в голову, за что вдруг обрушится кара на солдата. За нечеткость в отдании чести били по уху, выбивали зубы и даже отдавали под суд. За каждую безделицу — затрещина!

Солдатская наука делилась как бы на две части. В одной она была понятной и точной: «Кавалерия атакует, шашки вон!», «Шагом, рысью, галопом, карьер!», «Осаживай с места!»

Но было в солдатской науке и малопонятное, темное. Оно касалось смысла всей солдатской жизни.

Было ясно, когда корнет Ельяшев бубнил под нос:

— Если ведешь лошадь в поводу, ослабь подпруги. На походе пьешь сам, пои лошадь. Омой ей ноги. Промой коню глаза.

Корнет говорил отрывисто, короткими фразами. Сам был похож на породистую лошадь: длинным лицом, крупными желтоватыми зубами, боковым пристальным взглядом блестящих карих глаз.

— В жару полезно лошадь подержать за уши, она сама встряхнет головой и откинет голову... Иногда лошадь устанет, даже есть не хочет. А ты смочи сено соленой водой, она и съест. Сначала покорми сеном, а потом овса дай.

Эти наставления нравились солдатам. Редкий из них плохо относился к скотине.

И когда учили метко стрелять: «целиться под нижний обрез черного яблока мишени», «не сваливать мушку», «не дергать спусковой крючок» — это тоже было понятно, и солдаты любили повторять:

— Без толку стрелять — чорта тешить...

Но зачем же их учили стрелять, колоть, рубить с коня? Для чего готовили так много здоровых, сильных молодых людей?

«Что есть солдат?» — вот первый вопрос солдатской «словесности». Имелся готовый ответ на него: «солдат есть защитник престола и отечества от врагов внешних и внутренних».

Тут-то и была заковыка. Кто есть враг внешний, долго разъяснял унтер. Говорил про турка, про «поганую его веру». И про китайцев: «эти в бога вовсе не веруют, поклоняются идолам. Работать не хотят, хлебушко не сеют, а жрут, что попадется, даже лягушек».

Из солдат большинство были местные, забайкальцы. Они-то знали, что унтер врет. По соседству, по ту сторону границы жили китайцы в своей стране, природой схожей с Забайкальем. Народ тамошний трудолюбив и честен. А огородники какие! Знали люди, что и на соседе-китайце круглый год рубаха от пота не просыхает, а ноги от сырости, потому что рис ихний воду любит, в болоте растет. Трудится бедняк-китаец много, а сам рису этого в глаза не видит, жрет его богатей.

Что же касаемо турка, это неведомо...

Так рассуждали солдаты — сибиряки, забайкальцы и приамурцы.

Но среди разных людей, сведенных вместе казармой, нашелся новобранец из города Одессы. И божился тот солдат, что и среди турок есть хорошие люди, он сам знает таких.

Еще смутнее и непонятнее было дело с «врагом внутренним». По словам дядьки выходило, что «студенты, фабричные, евреи, всякие бунтовщики», они, мол, возбуждают весь народ против батюшки-царя!

Но какой смысл им в этом, унтер не объяснял, а если задавали вопросы, кричал:

— Нам про энто рассуждать не положено! Наше дело — служба за веру, царя и отечество.

Слова эти он произносил быстро, как одно слово. Получалось: «Заверцатечество».

Денщик корнета Ельяшева Яшка Жглов передавал: господа офицеры за выпивкой толковали между собой, что, мол, в настоящее время воюют не так, как раньше. Нынче «выправки и воинского вида» противник не пугается. Нынче дальнобойная пушка стоит там, где тебе неведомо, а кругом люди падают. Тут надо ружья заряжать моментально, быстро подводить мины, фугасы, наводить понтоны, в землю зарываться. Много уменья солдату требуется.

Но учили по старинке: заучивали наизусть выдержки из уставов, а пуще всего налегали на имена и титулования «особ императорской фамилии» и начальствующих лиц, как будто каждый солдат только и делал, что встречался с наследником цесаревичем или генерал-инспектором кавалерии.

Попадались среди старослужащих такие, что уже бывали в «деле». Некоторые недавно участвовали в «усмирении» китайцев. Рассказы этих солдат получались невеселые и ничего геройского в них не было. Непонятно было, почему русского солдата заставляли врываться в китайские города, стрелять в безоружный народ.

Были и такие солдаты, которые уже выступали против «своих». И это особенно тревожило, потому что каждый в глубине души предчувствовал час, когда ему прикажут зарядить ружье боевым патроном и стрелять по «бунтовщикам». Не по каким-то там невиданным туркам, а по своему брату мужику или рабочему. Многие боялись этого, но вслух своих мыслей не высказывали. Только Недобежкин нет-нет, а подольет масла в огонь. Где-то прочел он, что воинские части специально располагают на постой в городах вблизи фабрик, чтобы можно было без промедления вывести солдат против рабочих.

— Так на это полиция есть! Это ее дело! — с тоской замечал кто-нибудь.

— Да, держи карман! Их разве хватит, полицейских-то?

— Неужто так много бунтовщиков?

— Не считал, — сухо отрезал Недобежкин.

После таких разговоров в казарме долго не засыпали, особенно остро ощущая холодок и неуют казенного места. Лежали с открытыми глазами, устремленными на слабый зеленоватый огонек лампады у ротного образа, обвешанного крестиками и иконками. Сизый махорочный дымок густел у солдатского изголовья...

Что есть солдат? Что ждет тебя, солдат?.. Ответа не было.

М. И. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ «ПОТЕМКИН». ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

Михаил Иванович Васильев-Южин (1876—1937) — старый большевик, активный участник революции 1905 года, один из руководителей Московского Совета рабочих депутатов в период подготовки декабрьского вооруженного восстания. Печатается в сокращенном виде глава из книги „В огне первой революции“

Легко себе представить, какую сенсацию произвела за границей, особенно в среде эмигрантов, весть о восстании на броненосце «Потемкин-Таврический». Известие о восстании пришло, разумеется, с некоторым опозданием, многое было передано неверно, перепутано, извращено, преувеличено, но мы поняли и почувствовали, что вспыхнуло действительно серьезное вооруженное восстание.

Хотелось верить, что оно увенчается успехом, что его поддержит вся угнетенная, рвущая вековые оковы Россия, поддержит в первую очередь героический пролетариат, уже проявивший в борьбе свою беспредельную самоотверженность, уже получивший великое крещение огнем и кровью. И снова неудержимо потянуло назад, в Россию! В нашем кружке вопрос о возвращении был главной темой разговоров, обсуждался ежедневно и на разные лады.

Я решил обратиться еще раз к самому Ильичу с просьбой отправить меня немедленно в Россию на какую угодно работу. И вдруг мне передают, что Владимир Ильич сам ищет меня по очень важному и срочному делу. Немедленно собираюсь итти к нему, но он предупредил меня и зашел сам или встретил меня на дороге, точно не помню. Разговор был недолгий.

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ Южин, должны возможно скорее, лучше всего завтра же, выехать в Одессу, — начал Ильич.

Я вспыхнул от радости.

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае, не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений.

Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлекался. В таком состоянии я раньше никогда не видел его. Особенно меня поразили и, каюсь, очень удивили тогда дальнейшие его планы, расчеты и ожидания.

— Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать революционно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением, — уверенно и твердо повторил он.

Впоследствии я убедился, что Владимир Ильич был во многом прав и верно оценивал положение. Но тогда, в Женеве, у меня такой уверенности не было. Года за три до того я жил в районе Одессы и несколько знал тамошние условия и обстановку. Настоящих рабочих-пролетариев в торговой Одессе было сравнительно немного, а херсонские крестьяне, особенно вблизи Одессы, представляли собой далеко не надежный в революционном отношении элемент. На легкое завоевание Черноморского флота я тоже не рассчитывал. Но я вполне разделял мнение Ильича, что нужно было действовать решительно, смело и быстро. Восстание «Потемкина» необходимо было использовать всемерно. Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессы, направиться с «Потемкиным» к Кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно захвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой. Наконец крестьяне Гурии (грузинская провинция) и других ближайших районов были настроены чрезвычайно революционно и шли за социал-демократами. Правда, там орудовали преимущественно меньшевики, но грузинские крестьяне, находившиеся собственно еще в крепостной зависимости у своих князей, по моему мнению, легко и охотно поддержали бы восстание. Мне казалось, что Батум как революционная база был наиболее надежным районом на всем Черноморском побережье.

Я, разумеется, повторил, что готов выехать немедленно, и уехал на следующий день. Перед отъездом Владимир Ильич еще раз говорил со мной и снова подчеркнул, что особенно необходимо заручиться активной поддержкой крестьян.

— Пусть они захватывают помещичьи, церковные и другие земли. Призывайте и помогайте им делать это.

Мы сердечно простились с Владимиром Ильичом; я обещал аккуратно и подробно извещать его о ходе событий. Обещал прислать за ним в Румынию не только миноносец, а даже крейсер или броненосец, если восстание окажется действительно победоносным.

На следующий же день после предложения Владимира Ильича я выехал курьерским поездом через Австрию в Россию. Для безопасности меня снабдили настоящим заграничным паспортом, выданным на имя какого-то генеральского сына (фамилию забыл). С этим паспортом я мог спокойно и открыто перебраться через границу. Для прописки же и проживания в России мы соорудили, кажется, с Ильиным, очень примитивную фальшивку на имя рыбинского мещанина Михаила Андреевича Конкина. Действительно, пограничные жандармы предупредительно козыряли мне, принимая меня, очевидно, за подлинного генеральского сына. Мои вещи подверглись самому поверхностному осмотру.

Я опять в России! С радостью и волнением сажусь в вагон поезда, направляющегося в Одессу. Осторожно спрашиваю спутников, что происходит в Одессе. Никто толком не знает. Говорят о каких-то расстрелах и пожарах, об обстреле «Потемкиным» города из орудий. Ладно, скоро узнаю все в точности на месте.

В Одессу я приехал, к сожалению, ночью. Искать нелегальные квартиры по данным мне адресам было и рискованно и просто невозможно. Волей-неволей мне пришлось остановиться в гостинице и дать для прописки свою фальшивку. В городе было введе-

но военное положение, однако моя фальшивка прошла совершенно благополучно; без всяких сомнений ее прописали, и я затем довольно долго пользовался ею как видом на жительство.

На следующий день я связался с нашей одесской организацией. Хорошо помню, что встречался и говорил с т. Емельяном Ярославским. Других одесситов сейчас припомнить не могу.

Выяснилось, что я опоздал. Броненосец «Потемкин» уже ушел из Одесского порта, а в Одессе вместо восстания вспыхнул пьяный погром.

Как мне передавали (за историческую точность не ручаюсь), дело происходило приблизительно так. В Черноморском флоте давно уже велась успешная пропаганда и агитация. Особенно много распропагандированных матросов находилось на броненосце «Екатерина Вторая», на который и возлагались главные надежды во время готовившегося восстания. Предстояли летние практические занятия эскадры. Она собралась в плавание и на маневры, погрузив значительное количество боевых снарядов. Перед плаванием вся эскадра собиралась обыкновенно у маленького островка Тендер. На этот раз первым отправился к острову броненосец «Кн. Потемкин-Таврический», остальная же эскадра задержалась в Севастополе.

Матросы «Потемкина» давно ненавидели своего командира Голикова и других офицеров за исключительно жестокое обращение и крайне бесцеремонное обворовывание команды. В первый же день плавания матросам приготовили обед из тухлого, кишащего червями мяса. Матросы стали выражать недовольство и заявили протест. Офицеры набросились на них с грубой бранью и угрозами, а командир Голиков убил выстрелом из револьвера популярного среди матросов протестанта Вакуленчука. Матросы под предводительством Матюшенко и других более сознательных товарищей схватились за винтовки и в течение нескольких минут перебили и выбросили за борт всех офицеров. Для управления восставшим судном был выбран комитет во главе с Матюшенко. Броненосец снялся с якоря и направился в Одессу.

Прибыв в Одессу, команда «Потемкина» обратилась к «господам одесситам» с воззванием, в котором изложила, что произошло на броненосце, и призывала одесское население поддержать их. Одновременно была послана делегация к местным властям с требованием не препятствовать похоронам убитого матроса и с предупреждением, что броненосец немедленно обстреляет город, если будут чиниться препятствия или задержат делегацию. И действительно, когда полиция, по приказу градоначальника, попыталась задержать делегатов, броненосец дал несколько выстрелов. Я сам видел брешь на одном из зданий в центре города. К сожалению, благодаря, повидимому, измене, прицел был взят неправильно и снаряды попали не в правительственные здания. Однако задержанных делегатов немедленно освободили.

Затем устроили демонстративные похороны убитого матроса Вакуленчука. С речами выступали матросы и представители местных революционных организаций. Были речи, были споры, слишком много речей и споров, но, очевидно, слишком мало было действий, решительных революционных действий. А между тем нужно было прежде всего действовать и именно тем способом, который указывал, который намечал В. И. Ленин. Он оказался прав даже относительно возможности перехода на сторону «Потемкина» остального Черноморского флота.

Адмирал Чухнин выслал против «Потемкина» целую эскадру. Узнав об этом, «Потемкин» смело вышел навстречу идущему на него флоту. В ответ на требование о сдаче он выкинул боевой флаг, приготовил орудия и продолжал двигаться вперед. Вдруг от эскадры отделяется броненосец «Георгий Победоносец» и, выкинув красный флаг, присоединяется к «Потемкину»! Еще два небольших судна следуют его примеру. С некоторых судов остальной эскадры слышатся крики «ура», несутся горячие приветствия. Адмирал сигнализирует флоту команду повернуть назад. Весьма вероятно, что и другие суда, а может быть, и вся эскадра присоединилась бы к восставшим броненосцам, если бы они бросились преследовать отступающую эскадру, поддержав своими решительными действиями колеблющихся. «Смелость, еще раз смелость, всегда смелость», — повторял когда-то великий мастер революции Дантон.

Но смелости, решительности и находчивости не было проявлено до конца. «Потемкин» и «Георгий Победоносец» дали спокойно отступить расстроенной, волновавшейся эскадре, а сами направились в злосчастный Одесский порт. Между тем

одесская полиция не дремала. Она мобилизовала и подпоила подонки одесских босяков, которых в этом торговом городе всегда было много. В районе порта начались грабежи и погромы, кончившиеся грандиозным пожаром порта.

Я приехал к концу пожара. Портовые постройки еще дымились. В порту «Потемкина» уже не было и стоял на якоре один «Георгий Победоносец». Оказывается, на этом броненосце матросы только арестовали, а не уничтожили командный состав. Среди матросов было много колеблющихся. Нерешительные действия, вернее бездействие восставших броненосцев и пожар в Одесском порту усилили эти колебания. Арестованные офицеры со своей стороны стали агитировать за сдачу, обещая исходатайствовать полное помилование добровольно сдавшимся. Матросы «Георгия Победоносца» решили сдаться. Тогда «Потемкин» снялся с якоря и вышел в открытое море.

— Куда же он направился и что намерен предпринять? — допытывался я у одесских товарищей.

Мне ответили, что броненосец, видимо, пошел к Кавказскому побережью, а каковы его планы, толком сказать никто не мог. У меня мелькнула надежда, что может быть «Потемкин» сам догадался попытать счастья у Батума, куда я предполагал, в случае неудачи в Одессе, направить его. Я узнал пароль, дававший возможность попасть на броненосец, и с первым же пароходом отправился на Кавказ. Но уже в Новороссийске выяснилось, что «Потемкин» повернул на запад, к берегам Румынии. Как известно, в Румынии команда неудачно восставшего броненосца, этой «пловучей республики», высадилась на берег, сдав судно румынским властям. Так кончилось это первое вооруженное восстание 1905 года.

Я написал В. И. Ленину о постигшей нас неудаче, а сам решил направиться в Москву, не без оснований полагая, что одним из главных центров революционного движения в ближайшее время должна стать Москва и вообще центральный промышленный район. Московский пролетариат принимал пока очень слабое участие в революционном движении, но что он в конце концов раскачается и двинет всей своей тяжелой массой, было несомненно для всякого революционера, знающего пролетариат.

Мои расчеты и надежды оказались правильными. В Москве началась октябрьская забастовка 1905 года; в Москве же организовалось крупнейшее вооруженное восстание 1905 года — приснопамятное декабрьское восстание.

И. ЛЫЧЕВ

«НЕМОЙ БОЙ» С ЭСКАДРОЙ

Глава из книги „Потемкинцы“ участника восстания Ивана Акимовича Лычева

Прибыв в Одессу, мы заняли выжидательную позицию, ошибочно считая, что нельзя приступать к захвату города до присоединения к нам эскадры. Мы ждали прихода ее в порт в твердой уверенности, что все корабли примкнут к нам, как только матросы увидят революционный «Потемкин».

Нашу уверенность подкрепил переход на нашу сторону дозорного судна «Веха», прибывшего в Одессу 15 июня.

Ничего не подозревая, «Веха» попросила у нас, как полагалось, разрешения встать в бухте на якорь. Только на «Потемкине», явившись по нашему вызову, капитан «Вехи» понял, что он попал на восставший броненосец. Перетрусивший капитан не знал, что делать и что говорить. Когда его спросили, желает ли он присоединиться к восставшим, он вместо прямого ответа начал уверять, что его команде живется хорошо и что он ее не обижает. Когда Матюшенко предложил капитану снять погоны и кортик и отправиться под арест, капитан взмолился: «Пустите, братцы, меня на свое судно, ведь не убегу я от вас. Там у меня женщина с ребенком...» — «Жена?» — поинтересовались матросы. «Нет, чужая...» Матросы засмеялись. «Это, братцы, жена вашего командира с ребенком». Разговор был окончен. Капитана отправили в арестантский кубрик. Матросы «Вехи» охотно присоединились к нам, арестовав с нашей помощью своих офицеров.

Присоединение «Вехи» к восставшему броненосцу подняло дух потемкинцев. Матросы ликовали — в нашей эскадре стало три корабля. «Веха» не была боевой единицей, но как вспомогательное судно могла быть использована под госпиталь или транспорт для перевозки людей и грузов. Комиссия решила организовать на «Вехе» плавучий госпиталь и отправить туда всех больных и раненых с «Потемкина».

В тот же вечер на «Потемкине» стало известно от представителей социал-демократического комитета, что гарнизон присоединится к нам, как только мы начнем активную борьбу. Это вселило в нас большую уверенность в победе.

Уже поздно вечером 15 июня мы решили послать городским властям ультиматум. Мы требовали: предоставить нам возможность беспрепятственно закупать все необходимое для броненосца, обеспечить полную неприкосновенность наших матросов на берегу, прекратить зверскую расправу с рабочими и жителями города, вывести войска из Одессы и передать арсенал рабочим.

Однако командующий войсками не принял нашу делегацию и велел передать, что он не желает разговаривать с бунтовщиками и предлагает нам сдаться. Наглое поведение царского генерала возмутило нас. Мы решили, что утром пушки «Потемкина» дадут ему достойный ответ.

К войскам Одессы мы обратились с воззванием, в котором просили всех казаков и солдат немедленно положить оружие и объединиться с матросами на борьбу за свободу, против царского самодержавия.

В ночь с 15 на 16 июня судовая комиссия решила отправить на берег всех офицеров, находившихся под арестом. Утром Матюшенко от имени команды предложил желающим присоединиться к нам, а остальным сойти на берег. Из двенадцати офицеров трое осталось на «Потемкине», остальные были отправлены в Одессу. Безусловно, мы сделали непростительную ошибку, отпустив своих врагов в Одессу, где они, зная слабые стороны восставших, рассказали о них командующему военным округом.

На рассвете 16 июня нам стало известно, что приближается эскадра в составе трех броненосцев: «Георгий Победоносец», «Двенадцать апостолов» и «Три святителя» под командой контр-адмирала Вишневецкого. Корабль мгновенно ожил. Развели пары, приготовились к бою.

Большинство команды по-прежнему твердо верило, что эскадра в нас стрелять не будет.

— Там свои, братья. Матросы откажутся стрелять, — говорили почти все.

Было решено не открывать огня первыми. И это решение, явившееся следствием нашей общей неправильной тактики, было ошибочно.

В боевом порядке эскадра появилась на горизонте и приближалась к нам тихим ходом.

Контр-адмирал Вишневецкий попытался «подавить» восстание по беспроволочному телеграфу. Мы получили от него радиограмму: «Черноморцы, мы удручены вашим поступком. Безумцы, чего вы хотите? Контр-адмирал Вишневецкий».

Ему ответили на первый раз вежливо:

«Просим пожаловать адмирала к нам. Гарантируем безопасность».

Эскадра подала нам сигнал прислать делегацию для переговоров. Мы быстро выделили делегацию в составе: Фельдмана, Матюшенко, Алексеева, Бржезовского, Кулика и Резниченко. Они отправились на миноносце «267», а «Потемкин» навел дула орудий на эскадру, чтобы в случае необходимости защитить делегацию от опасности. Увидя это, эскадра под командованием храброго контр-адмирала скрылась за горизонтом.

В тот же день мы хоронили нашего товарища Вакуленчука.

Тело было перевезено с броненосца на набережную Одессы. На грудь убитого мы положили листовку, в которой рассказывали, как погиб Вакуленчук, и призывали рабочих отомстить вместе с нами за смерть товарища-революционера.

На набережной было установлено несколько трибун. Одна из них украшена черной лентой с надписью: «Слава павшим товарищам!» Вокруг многотысячная толпа, внимающая гневным речам ораторов. Народ приветствует потемкинцев революционными возгласами.

Похороны Вакуленчука превратились в грандиозную революционную демонстрацию. Многотысячная процессия рабочих и трудящихся Одессы, несмотря на угрозу расстрела со стороны царских войск и полиции, торжественно хоронила борца за свободу.

Сплошной стеной шел народ за гробом Вакуленчука. Процессия проходила между рядами войск, расставленных правитель-

ством на случай возникновения беспорядков. Позади процессии шла полиция. На тротуарах и перекрестках улиц, в окнах и подъездах домов, на балконах — везде стояли люди, не имевшие возможности присоединиться к демонстрантам. Провожая процессию, они кричали: «Долой самодержавие!», «Долой царя-убийцу!», «Да здравствует свобода, равенство и братство!», «Да здравствует «Потемкин»!» Войска и полиция не посмели разогнать демонстрацию рабочих, и только по окончании митинга царские сатрапы не выдержали — вдогонку уходившим с кладбища затрещали залпы.

В пять часов вечера в этот день с «Потемкина» загремели пушки, — в первый и последний раз за все время восстания. Мы сделали только два боевых выстрела из шестидюймового орудия по дому командующего войсками и району городского театра, где скопились войска и полиция. Но ни один из выпущенных нами снарядов не попал в цель. Причиной этого, как выяснилось позднее, явилось предательство старшего сигнальщика Ведермейера, сознательно сообщившего неправильные прицельные данные.

Выпустив два снаряда, «Потемкин» замолк: часть команды запротестовала против дальнейшего обстрела, заявляя, что снаряды могут разгромить рабочие кварталы. Огромная мощь артиллерии «Потемкина» так и осталась неиспользованной.

Мы допустили еще одну ошибку — вновь проявили нерешительность. Причины были все те же: на «Потемкине» было немало отважных людей, но не было подлинного руководителя. К моменту восстания отсутствовал четкий, продуманный до конца план борьбы, и на корабле не оказалось никого, кто бы мог быстро такой план разработать. К тому же восстание вспыхнуло ранее намеченного срока, и тем самым был сведен на нет даже тот весьма приблизительный план восстания всего Черноморского флота, который был выработан еще весной.

Судовая комиссия оказалась недостаточно способной организовать и сплотить всю команду в крепкую революционную силу. Между тем у нас на судне имелось немало отсталых матросов, лишь стихийно примкнувших к восстанию и готовых впасть в уныние при первой же неудаче. Это были молодые деревенские парни, первый год служившие во флоте.

В наших рядах притаились предатели, по преимуществу боцманы и кондукторы, которых мы пощадили, вняв их униженным мольбам в момент захвата броненосца. Сейчас, когда мы пришли в Одессу, они лихорадочно развивали на корабле подрывную работу: сеяли неверие в успех восстания, распускали панические слухи, порочили членов судовой комиссии. Они доказывали колеблющимся, что надо воздержаться от всяких решительных действий, что только таким путем матросы добьются смягчения суровой кары, которая ожидает их после подавления восстания, а то, что оно будет подавлено, по утверждению гнусных предателей, не вызывало ни малейшего сомнения.

На следующий день, 17 июня, около двенадцати часов дня, когда мы обедали, на горизонте снова появились черные столбы дыма. Эскадра шла в полном составе под флагом командующего флотом вице-адмирала Кригера.

«Золотые черноморцы! Что вы делаете? Безумцы, покайтесь!» — телеграфировал он.

Ответили: «Требуем к себе адмирала...»

Эскадра продолжала приближаться к нам. Мы быстро снялись с якоря, горнисты заиграли боевую тревогу, команда живо переоделась по морским традициям в новую форму, готовясь к серьезному бою.

Подняв красный флаг и наведя орудия на приближающиеся корабли, «Потемкин» полным ходом понесся навстречу эскадре.

Я сам не видел этого знаменитого «немого боя» «Потемкина» со всей эскадрой. Задолго до встречи с ней я спустился глубоко в недра корабля, в командирскую рубку подводных минных аппаратов.

Легко понять, что переживал я тогда, в эти показавшиеся мне вечностью минуты, следя за циферблатом, передававшим распоряжения командира. Ведь это был решающий момент.

Наверху все было готово к бою. Динамомашины гиганта, доверенные мне товарищами, должны работать без отказа. Случись авария хотя бы одной из них, и грозный броненосец потеряет свою мощь, погаснет освещение, неподвижно застынут огромные боевые башни, паралич охватит орудия. Страшное напряжение охватило все мое существо.

Я ждал с секунды на секунду грохота залпов наверху и команды «пли!» на моем циферблате, чтобы пустить в ход восемь

минных аппаратов. Но, кроме гула работавших машин, я не услышал ничего.

Что же происходило наверху? Один из матросов броненосца «Ростислав», очевидец встречи «Потемкина» с эскадрой, рассказывал:

— В начале первого часа мы невооруженным глазом видели все предметы на «Потемкине». У нас пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее с верхней палубы. Подали снаряды к пушкам. Все это делалось командой нехотя, медленно. Сознательные матросы вели открытую агитацию. Несколько речей было произнесено на глазах у офицеров и шпионов, которых у нас на судне было множество. Большинство команды всей душой сочувствовало потемкинским товарищам.

На «Ростиславе» подняли сигнал: «Потемкину» стать на якорь». С «Потемкина» ответили: «Ростиславу» и «Трем святителям» застопорить машины», — эти два броненосца находились впереди других. На «Ростиславе» опять подняли сигнал: «Потемкину» стать на якорь». Оттуда ответили: «Ростиславу» и «Трем святителям» застопорить машины, иначе стрелять будем».

После такой «аргументации» «Ростислав» и «Три святителя» застопорили машины, а за ними застопорили машины и все суда эскадры.

«Потемкин», мощный, грозный, громадный, полным ходом идет против эскадры в составе пяти броненосцев, одного миннного крейсера и шести контрминоносцев. Это было величественное зрелище. Пушки «Потемкина» направлены на нас. На нем взвился сигнал. Разбираем: «Команда «Потемкина» требует к себе старшего флагмана».

Флагман не отвечает. Вот уже «Потемкин» идет между «Ростиславом» и «Тремя святителями». На «Ростиславе» все замерли, томительно ожидая чего-то страшного.

А «Потемкин» гордо, смело, величественно идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели. Он стал наводить свою большую двенадцатидюймовую пушку на мостик, где кучка офицеров, онемев от ужаса, стояла, не шелохнувшись. Увидев, что пушка наведена на них, они шарахнулись, как стадо скота.

На «Потемкине» ни души не видно, как будто это призрак, одни лишь башни ворочаются.

Вот «Потемкин» стал проходить мимо нас. На верхнюю палубу выбежал матросик, взял шланг, полил палубу, снял фуражку, помахал ею нам и скрылся. И опять ни души. Обогнув корму «Трех святителей», «Потемкин» пошел между броненосцами «Георгий Победоносец» и «Синоп». Там его встретили криком «ура». Пройдя их, он направился к Одессе. В это время мы заметили, что с «Георгием» творится что-то неладное: он вышел из строя и малым ходом пошел к «Потемкину». С «Ростислава» подняли сигнал: «Почему «Георгий» не по-боевому?» Оттуда ответили: «Команда «Георгия» желает свезти офицеров на берег и присоединиться к «Потемкину». С «Ростислава» опять сигнал: «Следуйте за эскадрой». С «Георгия» отвечают: «Не могу, не могу, не могу».

И на «Синопе» стало замечаться какое-то колебание: то он выйдет из строя, то опять вернется. Как потом выяснилось, на «Синопе» образовались группы желающих и нежелающих присоединиться к «Потемкину». Победила партия нежелающих.

Позднее стало известно также, что «Потемкин», сознавая свою силу и зная настроение команды на кораблях, поднял сигнал:

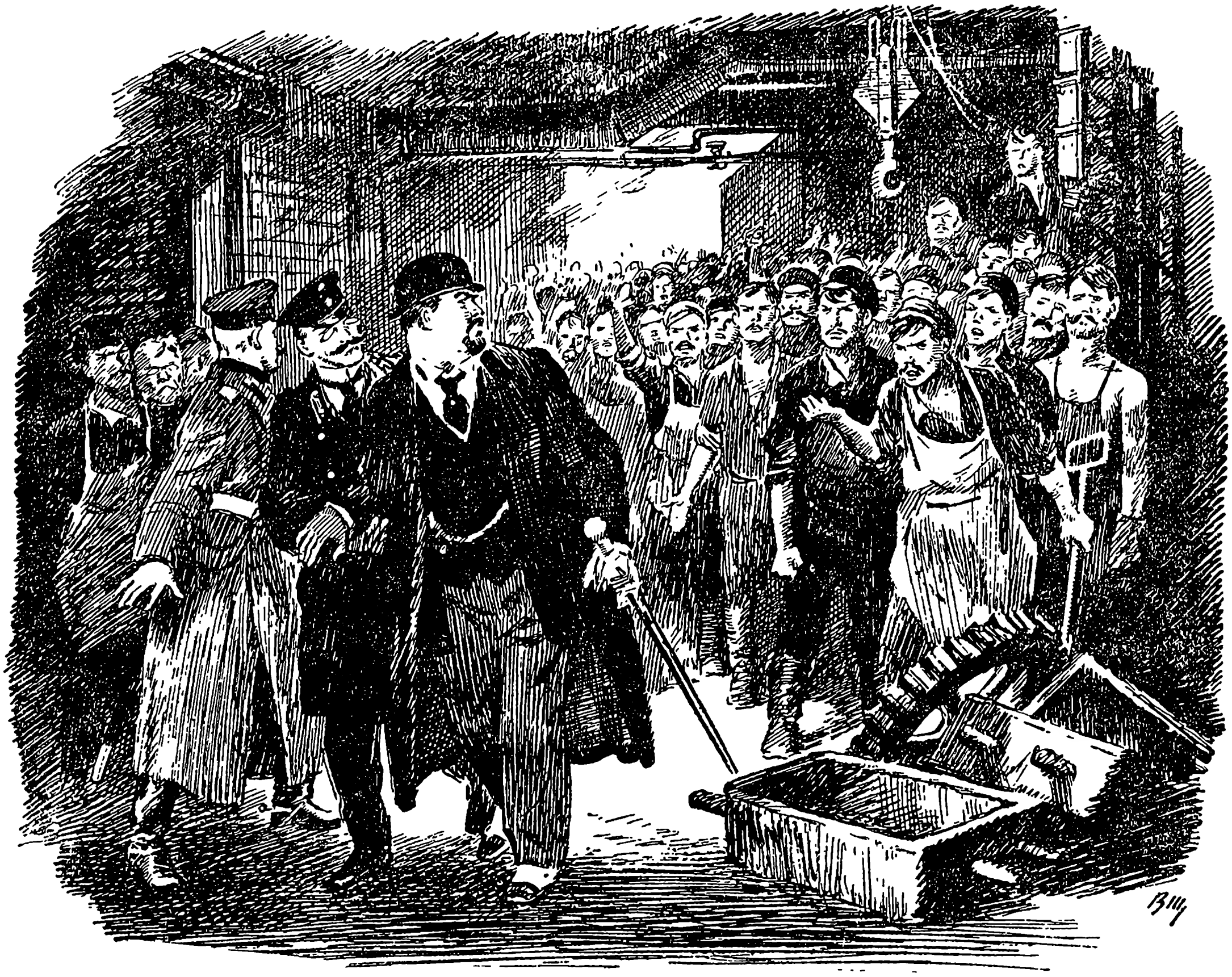
«Офицерам оставить броненосцы и съехать на берег!»

Но офицерам удалось обмануть команды судов, так как большинство матросов сигналов не знало.

Старший флагман отдал приказание полным ходом итти в Севастополь.

Всероссийская политическая стачка превосходно исполнила свое дело, подвинув вперед восстание, нанеся страшные раны царизму... А ряды революционного войска все растут, силы закаляются в отдельных схватках, красное знамя поднимается над новой Россией все выше и выше.

В. И. ЛЕНИН



IV

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

Осенью 1905 года поднялась третья грозная стачечная волна. Нарастая и ширясь, революционное движение с необыкновенной быстротой охватило все основные промышленные центры. По почину рабочих Москвы и Петербурга в октябре 1905 года началась всероссийская политическая стачка. С наибольшей силой она развернулась в Москве.

«Революционные события в Москве, это — первая молния грозы, осветившая новое поле сражения», — писал Ленин в самом начале октября.

Летом 1905 года Москва была центром буржуазно-либерального движения. Здесь проходили съезды земских и городских деятелей, был создан «Союз союзов» — организация, объединившая многие профессионально-политические союзы буржуазной интеллигенции.

Рабочий класс Москвы летом боевого настроения не проявлял. Попытка московских большевиков вызвать рабочих на общую первомайскую стачку успеха не имела. Однако революционные силы московского пролетариата неуклонно зрели и крепли. И как только в крепости самодержавного режима была пробита маленькая брешь, в нее, расширяя эту брешь и сметая на своем пути препятствия, хлынули новые революционные потоки.

Такой брешью осенью 1905 года оказалась университетская автономия.

В течение полугода, начиная с событий 9 января, в стране длилась забастовка высших учебных заведений. Правительство, вынужденное пойти на уступки, опубликовало в августе закон об академической автономии высших учебных заведений. Это означало,

что профессора университетов и институтов получили возможность выборным путем пополнять свой состав и выбирать ректоров и деканов, а студенты — право создавать свои организации и устраивать собрания в стенах учебных заведений.

Центральный Комитет РСДРП и московские большевики тотчас же решили использовать новые возможности.

Московский комитет РСДРП представлял из себя в то время небольшую, но сплоченную группу профессионалов-революционеров. Руководителем МК в 1905 году был представитель ЦК РСДРП Виргилий Леонович Шанцер, известный под кличкой «Марат». Секретарем МК в октябре — ноябре была Розалия Самойловна Землячка. Одним из видных членов МК стал Михаил Иванович Васильев-Южин, посланный Лениным из Женевы в Одессу и перебравшийся затем в Москву. Членом МК был организатор Железнодорожного района Николай Николаевич Мандельштам, известный под кличкой «Михаил Миронович». Его брат, Мартын Николаевич Лядов (Мандельштам), один из первых московских марксистов, стал позже, во время вооруженного восстания, членом исполнительной тройки МК. Главным организатором Московской окружной организации РСДРП являлся Андрей Васильевич Шестаков, по кличке «Никодим», бывший архангельский слесарь, один из руководителей декабрьского вооруженного восстания на Казанской железной дороге. В состав МК входили и другие товарищи.

МК РСДРП руководил десятком районных партийных комитетов, опиравшихся на заводские комитеты, которые существовали почти на всех крупных московских предприятиях. Большевики имели много сторонников и среди студенческой молодежи. Общее число большевиков в Москве осенью 1905 года составляло, по приблизительным подсчетам, около 2 тысяч человек. По тому времени это была внушительная цифра. У МК РСДРП были свои агитаторы, пропагандисты, лекторы, имелись подпольные типографии, была боевая организация, приступившая летом к созданию боевых дружин.

Главное, чего не хватало в то время большевикам, — это возможности открыто собирать массы трудящихся и широко использовать такое могучее оружие, как разящее слово.

Как только появился островок академической «свободы», МК РСДРП предложил студентам прекратить их забастовку, но не приступать к занятиям, а открыть аудитории высших учебных заведений для народных митингов, сделать их базами широкой агитации. В Московском университете, где выступали представители МК, это предложение было встречено с восторгом.

С начала сентября, с открытием учебного года, во всех высших учебных заведениях Москвы и других городов начались митинги, лекции, доклады, выступления ораторов разных партий, собрания профессиональных союзов, партийные конференции и совещания. В студенческие аудитории валом повалили рабочие, жадно воспринимая свободное слово и классовым чутьем отметая происки либералов. Вместо ослабления революции, на что рассчитывало царское правительство, издавая закон об академической автономии, получилось расширение и обострение революционной борьбы.

В сентябре в Москве забастовали печатники; их поддержали рабочие других предприятий. В городе сразу начались уличные митинги, манифестации, столкновения с казаками и полицией, в которых, кроме забастовщиков, приняли участие революционные студенты и демократическая интеллигенция. На Тверском бульваре появились баррикады из скамеек, слышались револьверные выстрелы.

24 сентября забастовали пекари, долгое время составлявшие самую отсталую часть рабочего класса. На следующий день на Тверской улице, недалеко от дома генерал-губернатора, пекари крупнейшей московской булочной Филиппова забаррикадировались в своем здании и с крыши осыпали казаков камнями, бутылками, стеклами. Отряду полиции и солдат пришлось брать этот дом штурмом. Схваченных забастовщиков избили так жестоко, что некоторые из них умерли. Тем не менее к вечеру толпы рабочих с красными флагами снова наполняли бульвары, громили оружейные магазины. На несколько дней стачка в Москве стала всеобщей.

Это был пролог всероссийской политической стачки.

Московские печатники добились от градоначальника разрешения собраться легально для выработки своих требований к хозяевам. Они избрали Совет депутатов типографских рабочих, к которому присоединились депутаты столяров, табачников, металлистов. Делегат печатников отправился в Петербург, где встретил полное сочувствие у рабочих печатного дела. Питерцы собрали в пользу бастовавших москвичей денежную сумму и

объявили трехдневную стачку солидарности. По призыву Петербургского комитета РСДРП вслед за печатниками забастовали крупные заводы, экспедиция государственных бумаг и другие предприятия столицы. Проспекты Петербурга — Невский, Забалканский, Литейный — заполнились массой возбужденных людей. Начались стычки рабочих с полицией и казаками.

4 октября московские печатники, добившись уступок от своих предпринимателей, прекратили стачку. Но это уже не имело значения. Через несколько дней началась стачка железнодорожников, переросшая в знаменитую всероссийскую политическую стачку.

Московские железнодорожные мастерские находились под значительным влиянием большевиков. Среди железнодорожников были организованы большевистские ячейки, которые вели подготовку к всеобщей политической стачке и восстанию.

Еще в апреле 1905 года железнодорожники организовали Всероссийский союз железнодорожников (он входил в «Союз союзов»). Члены союза поручили своему центральному бюро в наиболее подходящий политический момент объявить всеобщую стачку железнодорожников. Теперь этот момент наступил. Стачку начали 7 октября машинисты Казанской дороги во главе с мужественным революционером Алексеем Владимировичем Ухтомским. К стачке в тот же день присоединились Ярославская и Курская железные дороги и рабочие крупного машиностроительного завода Вейхельдта.

Ночью жандармы арестовали многих руководителей стачки. Однако это не остановило событий. 8 октября бастовал уже весь Московский железнодорожный узел, кроме Николаевской дороги и Савеловской ветки. К стачке примыкали фабрично-заводские рабочие. Помимо экономических требований (8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы и т. п.), забастовщики выдвинули и политические: созвать народных представителей, выбранных всем населением страны, и разработать основные законы в интересах трудящихся.

В Москву для переговоров со стачечниками явился из Петербурга министр путей сообщения. Но стачечники отказались разговаривать с ним впредь до освобождения их арестованных руководителей.

Во многих городах происходили массовые политические митинги. В столице, по призыву Петербургского комитета РСДРП, стачка превратилась во всеобщую.

ЛИСТОВКА МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА РСДРП

В БОРЬБЕ

Борьба разгорается! Всеобщая стачка, точно пожар, разливается по всей России. Новая волна народного возмущения подымается все выше и выше. Она растет в своем могучем движении. Она захватывает город за городом, все на своем пути. Быть может, эта волна и будет тем девятым валом, который захлестнет насквозь прогнившее здание царизма и снесет с лица земли позор и проклятие нашей родины — царское самодержавие.

В бой за свободу, товарищи! **Москва — это сердце России — должна стать и становится сердцем всенародного восстания.** Все должны примкнуть к общему потоку освободительного движения. В этот торжественный момент пусть вся масса рабочих двинется в бой. Прежде всего, бросайте работу. Все бросайте! Останавливайте фабрики, заводы, мастерские, трамваи, освещение... Все останавливайте! Идите вперед на борьбу за общие всему рабочему классу политические и экономические требования.

Во имя этих требований бросайте работу, устраивайте собрания. На каждой фабрике и заводе обсуждайте положение дел. Вырабатывайте специальные, частные требования и общие требования всего рабочего класса. **Выбирайте депутатов для руководства стачкой.** Депутаты обязаны постоянно давать отчет во всех своих действиях и для этого должны устраивать общие и частные рабочие собрания. Депутаты отвечают перед нами, но и мы отвечаем за депутатов. **Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий Совет депутатов всей Москвы. Такой общий Совет депутатов объединит весь московский пролетариат.** Он придаст ему ту сплоченность и организованность, которые ему нужны для борьбы со всеми его врагами, — как с самодержавием, так и с буржуазией. Освобождение рабочих должно быть делом самих же рабочих. Возьмите в собственные руки рабочее дело и только своим избранным представителям доверьте руководство борьбой.

Рабочий класс должен сорганизоваться в отдельную самостоятельную социал-демократическую рабочую партию. Только она одна выражает и защищает интересы рабочего класса. Теснее сплачивайтесь, пролетарии, под ее красным знаменем!

Итак, товарищи, готовьтесь! Настают последние минуты старого строя. Старый строй не сдастся без кровавого боя. Нужно знать это, нужно готовиться к этому. Нужно вооружаться. **Только всенародным вооруженным восстанием можно покончить со строем виселицы и штыка.**

Никаких переговоров с самодержавием! **Изменник тот, кто протягивает руку разлагающемуся порядку, кто входит в сношения с Николаем Кровавым и его холопами. Не просить нужно, а бороться и могучим последним натиском разрушить твердыню самодержавия.** Да здравствует всеобщая стачка! Да здравствует всенародное восстание!

(Журн. «Пролетарская революция» № 4 (39), 1925)

10 октября экстренная московская общегородская конференция РСДРП, в соответствии с волей рабочих, объявила с 11 октября всеобщую стачку под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует всенародное восстание!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует демократическая республика!»

Стачка в некоторых центрах перерастала в вооруженные выступления. Рабочие Екатеринослава в ответ на нападение казаков и полиции стали строить баррикады. Для борьбы с рабочими губернатор вызвал из Одессы артиллерийские части. Баррикады появились и в Харькове, где в первый же день стачки полиция открыла стрельбу по забастовщикам. Войска осадили здание Харьковского университета, где собралось свыше тысячи человек. Произошла кровавая схватка. Город был объявлен на военном положении, и только появление артиллерии положило конец всеобщей стачке в Харькове.

Столкновения с войсками и баррикадная борьба произошли также в Одессе, Риге, Ревеле (старое название города Таллин), Саратове, Ростове-на-Дону и других городах.

14 октября Трепов издал приказ войскам: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Не рассчитывая только на войска, становившиеся все менее надежными, полиция создала из наиболее реакционных слоев населения «Союз русского народа» — черную сотню. С одобрения высших церковных властей, попы в своих проповедях призывали громить революционеров.

На Кавказе — в Эривани, Нахичевани, Шуше, Баку — в сентябре — октябре повторилась национальная резня. Две недели в Баку не прекращались убийства, погромы и поджоги. Почти две трети заводов и промыслов в Балаханах были уничтожены, запасы керосина в Черном городе сожжены. Пользуясь всеобщим смятением, капиталисты одной национальности поджигали промыслы своих конкурентов другой национальности. Огонь не пощадил при этом казенных и удельных промыслов. Только тогда правительство, до тех пор поощрявшее погромщиков, стало принимать против них серьезные меры.

13 октября в Петербурге был избран Совет рабочих депутатов. Вслед за Петербургом Советы рабочих депутатов возникли в десятках городов и промышленных центров России. Их создало революционное творчество рабочих масс. Возникнув как руководящие органы стачечной борьбы, Советы рабочих депутатов превратились в зачаточные органы новой, революционной власти.

В то время как меньшевики считали Советы только органами местного самоуправления, Ленин и большевики видели в Советах органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и всячески содействовали развитию их инициативы. Ленин указывал, что Советы рабочих депутатов, несмотря на всю стихийность их возникновения, их неоформленность и расплывчатость, явились в 1905 году зародышами нового, народного, революционного правительства.

Осенью 1905 года под влиянием всероссийской политической стачки усилилось и приняло более острые формы крестьянское движение. Центрально-черноземный район, Поволжье, Украина, Закавказье, Прибалтика были охвачены крестьянскими восстаниями. Большевики призывали крестьян немедленно захватывать помещичьи земли, создавать революционные крестьянские комитеты, поддерживать пролетариат в его борьбе с царизмом. Большевики боролись за установление тесного союза рабочих и крестьян, рассматривая его как главное условие для свержения царизма, для завершения буржуазно-демократической революции в России. Особенное внимание большевики уделяли сплачиванию пролетарских и полупролетарских слоев в деревне, как наиболее революционных.

Под влиянием большевиков рабочие стали сознавать единство своих интересов с интересами восстающих крестьян. На собрании, посвященном крестьянскому движению, путиловские рабочие приняли решение: «Мы, рабочие Путиловского завода, шлем товарищеский привет восставшим крестьянам, а наших братьев, пролетариев деревни, мы зовем объединяться с нами под знаменем РСДРП, в рядах которой пролетариат города и деревни рука об руку пойдет в борьбу за социализм».

Идеи революции и союза крестьянства с рабочим классом несли в деревню рабочие, уволенные с заводов за участие в забастовках.

Если весной 1905 года крестьянское движение захватило седьмую часть уездов России, то к осени оно распространилось уже на третью часть всех уездов страны.

* * *

Под мощным напором революции самодержавие заколебалось: 17 октября Ни-

колай II подписал манифест, в котором обещал созвать законодательную Государственную думу с участием представителей всех слоев населения и утверждал «неприкосновенность личности» и «незыблемые основы гражданских свобод» [1].

«Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизма», — так оценил положение в стране В. И. Ленин.

Манифест 17 октября был маневром, уловкой правительства, рассчитанной на то, чтобы отступить, выиграть время и собрать силы для нового удара по революции.

Так сразу и расценили царский манифест большевики. 18 октября в Петербурге в громадном количестве экземпляров было распространено обращение Центрального Комитета РСДРП «К русскому народу». ЦК призывал народ не верить «царю пуль и нагаек, тюрем и виселиц», продолжать забастовку, вооружаться и становиться под красное знамя социал-демократии. В обращении говорилось о том, что царь — исконный враг народа, побежденный народной силой, не мог стать народу другом.

События сейчас же подтвердили большевистскую оценку манифеста. Уже вечером 17 октября, когда либералы ликовали и поздравляли друг друга с «конституцией», у Технологического института в Петербурге слышались залпы — это войска стреляли по группе студентов, укрывшихся в здании. На следующий день полиция стреляла по рабочим за Нарвской заставой, по манифестантам на Гороховой улице. Через два дня все высшие учебные заведения Петербурга были закрыты на неопределенное время и оцеплены войсками.

Трепов на деле доказывал, что значит в полицейском понимании «неприкосновенность личности»!

Еще не успела просохнуть типографская краска на экземплярах манифеста, как распоясалась черная сотня. В Иваново-Вознесенске, Киеве, Одессе, Орле, Твери, Курске и других городах начались черносотенные погромы. В Феодосии черносотенцы во время погрома сожгли здание городской управы. В Томске черносотенцы, под охраной войск, с ведома губернатора, сожгли здание главного управления Сибирских железных дорог, где происходил митинг рабочих. Всех, кто пытался выйти из горящего здания, войска расстреливали. В спасении людей активное участие принял рабочий отряд самообороны, организованный С. М. Кировым.

[1] Гражданские свободы — свобода слова, собраний, союзов и совести, то-есть право придерживаться любой религии.

ЛИСТОВКА МК РСДРП(б) В СВЯЗИ С УБИЙСТВОМ Н. БАУМАНА

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ,

18 октября у Технического училища убит Николай Эрнестович Бауман, наш товарищ социал-демократ, талантливый и смелый партийный работник, только на-днях освобожденный из Таганской тюрьмы, где он просидел около полутора года. Он шел впереди толпы друзей с красным знаменем в руках, на него бросился из-за угла какой-то зверь из черной сотни и убил его. Заслуги покойного перед нами были велики, но не будем говорить о них, мы все теперь стоим лицом к лицу со смертью, и каждому, кто мужественно погибнет на своем посту, — вечная память и слава. Не оскорбим же похвалой памяти героя, ибо герои — выше похвалы, но сохраним светлую память о нем в наших сердцах.

Но мы люди, мы гордо можем сказать про себя, что мы лучшие люди нашей страны, она кормится нашей силой, мы смываем ложь и грязь с нее нашей кровью, это мы завоевали ей свободу, мы люди, и нас нельзя убивать на улицах, как собак. Мщения, товарищи! За каждого из нас мы все должны единодушно встать для мщения нашему общему врагу, кровь каждого из нас должна быть смыта кровью тех, кто проливает нашу кровь, как воду. Мщение! Мы дети нужды и труда, мы братья по духу и плоти, — все — за одного, один — за всех. Черная сотня, товарищи, последняя опора правительства воров и убийц, черная сотня — это тупые, темные люди — звери, слепое оружие в руках наемных подстрекателей к убийствам. Эти подстрекатели — гнусные лакеи царя, сидящие в «Московских ведомостях» и «Дне», их имена — Грингмут, Берг, Петрович, Шмаков и епископ Никон, приказавший попам проповедывать в церквях, что социал-демократы — обманщики и грабители, что нужно убивать их. Товарищи, вот как борется с нами наш царь, на душе которого уже миллионы убийств, вот как действуют его наемники, убивающие нас за деньги, из-за угла. Мщение, товарищи! Пора смести с лица русской земли всю эту грязь и гадость, позорящие ее, пора нам взяться за оружие для решительного удара.

Готовьтесь к вооруженному восстанию, товарищи, не давайте черной сотне безнаказанно вырывать борцов из рядов наших. Будьте горды и смелы. Помните, вы дали России свободу, вы имеете право на возмездие за преступление над вами, вы должны мстить, дабы убийцы чувствовали силу вашу.

Московский комитет и Московская группа РСДРП. Октябрь 1905 г. Типография Московского комитета.

(Сб. «Николай Эрнестович Бауман». М., 1937)

Избиения, расстрелы, погромы прошли в десятках городов, убедительно показывая трудящимся, чего стоят обещанные царем «свободы», пока власть и вооруженная сила остаются в его руках.

В Москве 18 октября был убит черносотенцем большевик Н. Э. Бауман, за несколько дней до этого освобожденный из тюрьмы. Похороны Баумана партия превратила в демонстрацию, исключительную по массовости и организованности. Шествие двигалось через весь город и растянулось на несколько кварталов. Гроб попеременно несли на руках члены Московского комитета. Над гробом реяло большое бархатное знамя МК РСДРП, шли колонны рабочих с красными знаменами. По бокам люди, взявшись за руки, ограждали процессию от возможных провокаций. Шагали цепи дружинников, звучал траурный гимн «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Когда шествие поравнялось с Московской консерваторией, оттуда вышли два оркестра, присоединились к колонне и играли похоронные марши.

Это была великая демонстрация силы рабочего класса — класса-борца, руководителя революции.

Черная сотня в этот день попряталась. Полицейские как будто исчезли. Только вечером, когда группа знаменосцев, возвращаясь с кладбища, приблизилась к университету, ее неожиданно обстреляли казаки, занимавшие в эти дни манеж. Были убитые и много раненых.

Своей героической стачечной борьбой пролетариат на некоторое время завоевал для трудящихся свободу печати. Цензура была просто устранена явочным порядком. Революционные газеты стали выходить открыто большими тиражами. Появилось много сатирических журналов, которые зло высмеивали царизм. Широко распространялись социал-демократические листовки.

Пролетариат добился того, что 21 октября последовала амнистия по некоторым политическим делам. Революционеры, которых не успел освободить сам народ, вышли из тюрем, другие получили возможность вернуться из-за границы, из эмиграции.

Для местных провинциальных властей манифест 17 октября и политическая амнистия явились совершенно неожиданными. Косные, тупые царские бюрократы, привыкшие действовать грубым насилием, «тащить» и «не пущать», как писал когда-то Салтыков-Щедрин, не знали теперь, чем угодить начальству. Пользуясь этой дезорганизованностью властей, рабочие стали создавать свои профессиональные союзы.

Не только фабричные и заводские рабочие, но и фармацевты, парикмахеры, приказчики, официанты, полотеры, мелкие служащие, мясники — все неорганизованные и забитые слои трудящегося люда воспрянули и стали заявлять, что они не хотят больше жить так, как жили, начали организовываться, чтобы отстаивать свои интересы.

В этот период русское профессиональное движение получило настолько прочные основы, что их не смогла сломить последующая реакция. Организованное в конце октября в Москве Центральное бюро профессиональных союзов стало готовиться к всероссийской конференции союзов, которая состоялась в феврале 1906 года в Петербурге.

18 октября Московский стачечный комитет

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К РЕВОЛЮЦИОННОМУ НАРОДУ г. ПЕТЕРБУРГА

ГРАЖДАНЕ БОРЦЫ!

Свершилось то, что должно было свершиться!

Царь и его временщик Витте раскрыли свои карты! Они показали всему миру, о какой свободе говорил царский манифест 17-го октября! Они сделали первые шаги к проведению в жизнь обещанных «свобод»!

И что же оказалось?

Кронштадт залит кровью, сотни матросов и солдат, наших братьев, томящихся в казарменной неволе, преданы военному суду! Сегодня-завтра их всех расстреляют! Такова царская свобода!

Весь Привислинский край объявлен на военном положении!

Десять миллионов граждан всецело отданы в распоряжение казацких банд и военных башибузуков! Вся Польша покроется виселицами, наводнится кровью наших товарищей польских рабочих. Такой царский «правовой порядок»!

Переодетые полицейские сыщики и вся жандармская свора во главе подонков общества превратила страну в арену разбоев, грабежей и насилий! Не одни тысячи граждан пали жертвами их кровавых дел! Такова царская «неприкосновенность личности»!

Царская «свобода» есть свобода вешать, расстреливать, есть свобода для новой царской гвардии из хулиганов и других черносотенцев убивать и грабить мирных граждан!

Революционный пролетариат хорошо знает цену всем этим царским «реформам»! Революционный пролетариат, борющийся под знаменем социал-демократии, не раз заявлял, что только полное уничтожение

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Импе[illegible]й великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благо[illegible]нымъ, и [illegible] народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе на[illegible] и угроза [illegible] и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми с[illegible]разума и [illegible] Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повел[illegible]лежащи[illegible]тямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охран[illegible]дей мирны[illegible]ремящ[illegible]ъ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, [illegible] успѣшнѣйшаго выпо[illegible]я общихъ [illegible]намѣча[illegible] Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, при[illegible]бходимымъ объедин[illegible]дѣятельнос[illegible]шаго [illegible]ельства.

На обязанность Правительств[illegible]емъ Мы выполнен[illegible]преклон[illegible] Нашей во[illegible]

1. Даровать населенію незыбл[illegible]новы гражданской [illegible]ободы н[illegible]чалахъ [illegible]ительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, [illegible]ій и союзовъ.

2. Не останавливая предназнач[illegible]ыхъ выборовъ въ Государственную Думу, [illegible]лечь тепе[illegible] же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости [illegible]агося до созыва [illegible]ы срока, [illegible]ссы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, пр[illegible]асимъ, дальнѣ[illegible]е развит[illegible] общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному по[illegible]

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтоб[illegible]е могъ воспріят[illegible] безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборны[illegible]жность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поста[illegible]

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ [illegible] Родиною, помочь прекращенію сей не[illegible]ханной смуты и вмѣстѣ съ Нами [illegible]вленію [illegible]ы и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й [illegible] въ [illegible] отъ Р[illegible] Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его [illegible]каго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Къ сему листу [illegible] Треповъ руку приложилъ

Н. Г. Шебуевъ принимаетъ [illegible] отъ 12 до 1 часу дня Ковенскій, 14.

Продажа номеровъ производится въ дни выхода „Пулемета“ въ конторѣ типографіи Спб. Т-ва „Трудъ“. Фонтанка, 86.

[illegible] Адресоваться [illegible] „Пулемет“ [illegible] обращаться и книжнымъ магазинамъ, желающимъ взять на себя распространеніе „Пулемета“.

Типографія С. Петербургскаго Товарищества [illegible]

ЦАРСКИЙ МАНИФЕСТ С КРОВАВЫМ ОТПЕЧАТКОМ РУКИ ТРЕПОВА, НАПЕЧАТАННЫЙ В САТИРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ. „Пулемет“, 1905 г., №1

Похороны Н. Э. Баумана 20 октября 1905 года.

выпустил манифест, в котором рекомендовал прекратить стачку. 19 октября решение о прекращении стачки вынес Петербургский Совет рабочих депутатов.

21 октября всероссийская политическая стачка закончилась в Петербурге, 22 октября — во всех других городах.

22 октября московская общепартийная конференция большевиков, вместе с решением о временном прекращении всеобщей политической стачки, выдвинула задачу — немедленно и энергично готовиться к следующей всеобщей стачке, которая должна перерасти в решительную битву пролетариата с царизмом. Конференция призвала рабочий класс отстаивать взятую с бою свободу собраний и слова.

* *

Октябрьские события в стране не могли не отразиться на настроениях солдат и матросов.

Осенью 1905 года произошли выступления солдат в Харькове, Киеве, Минске, Ташкенте, Воронеже, Пскове, Варшаве и других городах. Революционным брожением были охвачены воинские части на Дальнем Востоке. В конце октября произошло восстание в Кронштадте.

Среди моряков Балтийского флота, как и среди моряков-черноморцев, уже несколько лет велась социал-демократическая пропаганда, существовали большевистские ячейки. Даже на царской яхте «Полярная звезда» были матросы-большевики. Матросская среда живее воспринимала революционные идеи, чем солдатская масса. Это объясняется тем, что во флот отбирали более грамотных, развитых людей. Сюда попадал значительный процент рабочих.

События в стране, особенно в Петербурге, волновали кронштадтцев. В матросских экипажах тайные сходки сменились открытыми митингами, обсуждались общие требования.

23 октября в Кронштадте произошел бурный массовый митинг солдат и матросов. Собравшиеся требовали, чтобы условия их жизни были изменены в соответствии с манифестом 17 октября. Весь день на центральной площади Кронштадта выступали ораторы, волновалась и гудела толпа. Командующий Балтийским флотом растерянно слал телеграммы высшему начальству.

26 октября был создан революционный штаб; он организовал оборону, расставил патрули, захватил радиостанцию и возвестил по радио — «Всем, всем, всем!» — о начавшемся восстании. В руководстве событиями принял участие недавно выпущенный из тюрьмы большевик, профессиональный революционер, Иосиф Федорович Дубровинский (Иннокентий).

Восставших должен был поддержать артиллерией мощный форт «Константин». Но артиллеристам этого форта не удалось открыть снарядный погреб, орудия «Константина» использованы не были. А в Кронштадте уже высаживались правительственные войска. Пришлось принимать сражение. Пока восставшие бились на улицах, провокаторы громили магазины и винные лавки, спаивая несознательных и превращая восстание в бунт. Революционный штаб не сумел дать провокаторам должного отпора.

Несмотря на героизм сражавшихся матросов, сопротивление их не могло быть дли-

---

современных властей, только передача **всей власти** в государстве в руки всего народа может создать у нас истинную свободу!

И теперь революционный пролетариат уверен, что эти новые кровавые акты временщика Витте дадут всем вам, граждане, лишнее доказательство того, что единственный защитник свободы, единственный ее завоеватель, есть вооруженный, победоносный, революционный народ, во главе которого идет пролетариат!

Царь верен себе и последователен! Он вешал и расстреливал до «свобод», он вешает и расстреливает и после «свобод».

Будем и мы последовательны!

Будем дальше вести нашу революционную борьбу, будем вооружаться, будем строиться в боевые колонны, создадим грозную и революционную армию!

На объявление царем военного положения в стране мы ответим приведением в военное положение наших рядов!

«К оружию», командуют царь и Витте хулиганам.

«К оружию», революционный народ, скомандуем мы, группируйтесь вокруг красного знамени пролетариата, вокруг знамени Российской социал-демократической рабочей партии! Готовьтесь на окончательный штурм уже наполовину разрушенной крепости монархии.

Свободу не дают, свободу берут с бою!

Вы видели, какова данная царем «свобода»!

Победите, и вы увидите, какова бывает завоеванная народом и им установленная свобода!

Готовьтесь к бою, товарищи, сражение близко!

Долой монархию!

Да здравствует революционная армия!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует социализм!

Петербургский комитет РСДРП.
Типография Петербургского комитета.

(Сб. «1905 год в Петербурге». Л.—М., 1925)

тельным. Дольше всех держались моряки минноучебного отряда: они прекратили борьбу только израсходовав все патроны. Восстание было подавлено. Царские власти тут же расстреляли около двадцати руководителей восстания, их трупы были спущены в море.

Сотни участников кронштадтских событий были преданы военно-полевому суду, что означало для них смертную казнь. Тогда в защиту кронштадтцев поднялся петербургский пролетариат, протестуя в то же время против введения военного положения в Польше. В Петербурге началась дружная всеобщая стачка, к которой примкнули и матросы-электротехники, посланные заменить бастовавших рабочих электростанций.

Под давлением стачки правительство отменило военно-полевой суд над кронштадтцами и передало дело о них обычному военному суду, а через несколько дней отменило военное положение в Польше. Это была явная победа рабочих.

Крупные революционные события произошли в Севастополе. Город был охвачен возбуждением, на улицах шли многолюдные митинги. 18 октября тысячи рабочих и солдат направились к городской тюрьме с требованием освободить политических заключенных. Когда представители рабочих и солдат начали переговоры с тюремным начальством, подоспевшие царские войска окружили демонстрантов и открыли по ним стрельбу. Взрыв возмущения охватил трудовое население. Собрался массовый митинг протеста, где был избран Совет народных депутатов. Похороны убитых превратились в мощную демонстрацию против самодержавия.

Революционная почва в Севастополе была подготовлена упорной работой социал-демократов, но на гребне событий оказался беспартийный лейтенант флота Петр Петрович Шмидт.

П. П. Шмидт завоевал себе авторитет среди солдат и матросов тем, что выступил со смелым призывом с оружием в руках защищать свободы, обещанные манифестом 17 октября.

Перепуганные власти приняли все меры, чтобы подавить движение. Лейтенант Шмидт был арестован, военным запретили посещать митинги, в город были введены свежие войска, в матросских казармах поставлены караулы.

Известия о событиях в Кронштадте придали новую силу революционному движению в Севастополе. Начались массовые митинги солдат и матросов, забастовали рабочие порта и городских предприятий. Матросы флотских экипажей выдвинули политические требования и добились освобождения П. П. Шмидта. Был создан Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов, куда П. П. Шмидта избрали «пожизненным депутатом».

12 ноября на Корабельной стороне Севастополя собрался массовый митинг. Для разгона его была прислана боевая рота Белостокского полка. Туда же прибыл контр-адмирал Писаревский, который приказал командиру роты дать провокационный выстрел по толпе и, вызвав сопротивление, разогнать митинг с помощью оружия. Слова Писаревского услыхал находившийся поблизости матросский патруль. Один из патрульных, социал-демократ Петров, воскликнул: «Лучше погибнуть одному человеку, чем многим!» — и выстрелами из винтовки убил командира роты и ранил Писаревского.

Дальше события развернулись с исключительной быстротой. Выстрелы Петрова стали сигналом к восстанию. Дежурных офицеров обезоружили и арестовали (позже, однако, их освободили и они повели контрреволюционную агитацию). Матросские делегаты вместе с социал-демократами разработали экономические и политические требования. Моряков поддержали рабочие порта и большинство воинских частей гарнизона. Было решено продолжать нести все службы и вызвать к себе представителей судов эскадры, чтобы договориться о совместных действиях. Делегаты обратились по телефону к командующему Черноморского флота Чухнину с просьбой закрыть в городе все винные лавки и убрать с улиц подчинявшиеся ему войска, заявив, что матросы сами ручаются за тишину и порядок.

Чухнин ждал подкреплений и, чтобы выиграть время, вел с восставшими переговоры, даже дал согласие на общее собрание представителей всех частей севастопольского гарнизона. В то же время он объезжал суда и приказывал вынимать из орудий ударники, чтобы сделать орудия непригодными к стрельбе.

Восстание продолжалось несколько дней. Все время в городе шли митинги и демонстрации. Наиболее активны были матросы береговых экипажей. Солдаты в массе своей держались выжидательно и неустойчиво. Когда были арестованы комендант крепости

и начальник пехотной дивизии (два царских генерала), артиллеристы, поддавшись на провокацию, потребовали их освобождения. Оба генерала участвовали затем в подавлении восстания.

Губили восстание и меньшевики, в то время преобладавшие в Севастопольской организации РСДРП. Они отстаивали тактику мирного протеста, без применения оружия. Для пестрой массы политически неразвитых солдат и матросов такая позиция казалась вполне возможной. «Мы — мирным путем, мы не бунтуем», — говорили многие из них. Эта наивность, ненужное добродушие только придавали силы врагу и обрекали на поражение самих восставших.

А царские власти между тем стягивали силы. В Севастополь прибыли новые воинские части. Главным усмирителем был назначен царский палач, генерал Меллер-Закомельский, ставший позже начальником карательной экспедиции в Сибири. Город Севастополь был объявлен на военном, а крепость — на осадном положении. Поддержать восставших мог только Черноморский флот. 13 ноября матросы крейсера «Очаков» начали восстание и подняли красный флаг. Они предложили П. П. Шмидту взять на себя руководство восстанием.

П. П. Шмидт за свои демократические убеждения был уже уволен со службы и собирался уехать из Севастополя. Однако, сочувствуя восставшим, он счел своим долгом стать во главе движения.

14 ноября Шмидт прибыл на крейсер «Очаков», не имея определенного плана действий. Он послал Николаю II телеграмму от имени Черноморского флота с требованием немедленного созыва Учредительного собрания и ждал, когда к восставшим присоединятся другие суда эскадры. За сутки к восставшим присоединились контрминоносец «Свирепый», минный крейсер «Гридень» и около десятка мелких судов. Команда броненосца «Св. Пантелеймон» (так был переименован после восстания «Князь Потемкин-Таврический») готова была присоединиться к восставшим, но орудия броненосца уже вышли из строя по приказу Чухнина. Силы восставших были невелики, и успех они могли бы иметь только при условии смелых и решительных действий. На судах и на берегу было много колеблющихся матросов и солдат, которые еще могли присоединиться к революции. Однако Шмидт сам не верил в успех восстания и потому медлил.

15 ноября Чухнин и Меллер-Закомельский начали обстрел восставших кораблей, флотских казарм и порта.

Безоружный «Св. Пантелеймон» сдался сразу. «Очаков» успел ответить шестью выстрелами, а затем загорелся от попавшего снаряда, и команда его вынуждена была спасаться. Каратели расстреливали спасавшихся прямо на воде, не давая им пристать к берегу. Шмидт последним бросился с корабля в воду, был подобран и арестован. Только миноносец «Свирепый» продолжал героически сражаться. Его экипаж правительственные войска захватили лишь на следующее утро.

Одновременно шел обстрел флотских казарм на суше. Береговые матросские экипажи держались до последнего патрона, затем и они сдались. Было арестовано свыше 2 тысяч человек.

Царское правительство жестоко расправилось с восставшими. Большинство из них пошло на каторгу; П. П. Шмидт и его помощники на «Очакове» — Сергей Частник,

---

СООБЩЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ» О РАБОЧЕМ МИТИНГЕ В г. КОВРОВЕ (ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБ.)

6 ноября на митинге в столовой при Ковровских железнодорожных мастерских, где присутствовало до 3 000 чел. исключительно рабочих железнодорожных мастерских и фабрики Треумова, собравшимися принята следующая резолюция:

мы, рабочие, выражаем полное презрение отжившему самодержавию, которое при помощи опричников и хулиганов проливает широкой рекой пролетарскую кровь. При последнем своем издыхании русское правительство протягивает еще раз кровавые руки, чтобы пролить кровь кронштадтских матросов, борцов за святую свободу, у которых пришел конец рабскому терпенью, пришел конец насмешкам и издевательствам над человеческим достоинством. Мы призываем всех пролетариев, всех, в ком не рабская душа, откликнуться на общий пролетарский призыв. Пусть могучая волна пролетарского движения скажет самодержавию: прочь кровавые руки! Пришел конец военному положению, конец смертной казни, конец полевым судам! Пришло время, когда народная рука поставила виселицу только для своих палачей.

Довольно крови и страданья! Довольно штыков и казацких нагаек! Пролетарии, сходитесь, вставайте под знамя свободы, под красное знамя РСДРП. К оружию, граждане!

Да здравствует Временное Революционное Правительство!

(«Новая жизнь» № 11 от 12 ноября 1905 года)

Никита Антоненко, Александр Гладков были расстреляны.

Севастопольское восстание вызвало много откликов сочувствия. В Харькове произошла общая политическая стачка, в гарнизонах разных городов — волнения среди солдат.

В середине ноября началась всеобщая забастовка почтово-телеграфных служащих; в борьбу с царизмом влился новый отряд трудящихся — тех работников, без которых, по выражению Ленина, «ни единого дня не может существовать современное культурное общество». Эта забастовка причинила правительству много хлопот и неприятностей, так как лишила его возможности быстро связываться с местными властями.

Поводом к забастовке явилось запрещение правительства организовать профессиональный союз работников почт и телеграфов. Не подчинившись правительственным распоряжениям, почтово-телеграфные работники созвали в Москве свой всероссийский съезд. Его руководители были арестованы. Тогда съезд обратился к населению с воззванием поддержать законные требования почтово-телеграфных работников. Забастовка почтово-телеграфных служащих продолжалась до начала декабря, когда она слилась с политической стачкой и вооруженным восстанием московских рабочих.

Волны революции вздымались все выше. Рабочий класс не давал врагу отдыха, то и дело останавливая промышленную жизнь, вливая в борьбу новые и новые силы. В Петербурге рабочие явочным порядком стали вводить 8-часовой рабочий день, на что капиталисты ответили локаутом — массовым увольнением рабочих с фабрик и заводов.

Характеризуя политическое положение в стране после всероссийской политической стачки, Ленин писал, что царизм, отступив немного, готовится теперь к еще более кровавому бою.

«Война объявлена, — писал Ленин, — война кипит, мы переживаем маленький перерыв между двумя битвами. Середины не может быть... Кто не за революцию — тот черносотенец. Это не мы только утверждаем. Это не нами придуманная формулировка. Это говорят всем и каждому залитые кровью камни мостовых в Москве и Одессе, в Кронштадте и на Кавказе, в Польше и в Томске».

Обе стороны спешили пополнить свои ряды, сплотить их и вооружиться для следующего сражения.

Революция вплотную подошла к неизбежному вооруженному восстанию.

А. ТАЙМИ

СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

Отрывок из книги

Как-то раз, в середине октября, в дни всеобщей политической стачки, я встретился с Михаилом, который был руководителем нашего партийного большевистского кружка. Он сказал мне, чтобы я пошел в Институт гражданских инженеров, помещавшийся в Измайловской роте. Там должно было состояться собрание рабочих разных петербургских районов и заводов.

Когда я подходил к зданию института, из его окон слышалось пенье «Марсельезы», а под окнами ходили полицейские.

Я поспешил в зал и шепнул нескольким стоявшим у дверей товарищам, что здание оцеплено полицейскими. «Чорт с ними», — ответили мне.

Этот эпизод очень характерен для октябрьских дней 1905 года. Всеобщая политическая стачка до основания потрясла все устои царской власти. Правительство было бессильно перед могущественным революционным выступлением. В эти дни рабочий класс явочным порядком завоевал свободу слова, собраний, демонстраций, печати.

Когда я вошел в зал, заседание уже началось, выступал, повидимому, первый оратор.

Речь шла о необходимости немедленно приступить к выборам депутатов от всех предприятий Петербурга. Таким образом будет создан Совет, который возглавит стачечное движение и будет руководящим органом рабочего класса в революционной борьбе. Депутаты должны были избираться по одному от 500 рабочих.

Придя на другой день в мостостроительную мастерскую, я созвал собрание. В мастерской в то время работало около восьмисот человек. Я рассказал, какое решение было принято собранием в Институте гражданских инженеров, и предложил приступить

к выборам депутата. Никто не подверг сомнению необходимость создания этого нового органа — Совета рабочих депутатов. Сама жизнь и практика революционной борьбы подсказывала массам именно такую форму организации.

Кого выбрать? Собрание разделилось на две неравные части. Одни кричали, что надо оставить депутатами двух рабочих нашего цеха, которые недавно были избраны в качестве «представителей народа», приглашенных в Зимний дворец, к царю. Этих людей поддерживали члены черносотенного Союза русского народа, имевшего некоторое влияние среди отсталых рабочих. Но большинство не желало согласиться с таким предложением. Бригадир котельщиков, фамилии которого я не помню, предложил выбрать депутатом меня.

— Молод, не годится! — послышались голоса.

Дело решил своим выступлением один товарищ из лафетно-снарядной мастерской. Став рядом со мной на разметочную плиту, он начал говорить, что в лафетно-снарядной хорошо знают Вастена, человека, преданного делу рабочего класса. Я не ожидал этого выступления, — повидимому, приход товарища в наш цех и агитация за мою кандидатуру были результатом неизвестного мне решения партийной организации. В мостостроительной мастерской меня еще мало знали, и без такой поддержки я не получил бы шестисот голосов и не был бы депутатом.

Когда вопрос о депутате был решен, я предложил избрать также заместителя. Прошел заместителем депутата молодой беспартийный слесарь Петр Серебряков.

Вечером в тот же день состоялось совещание всех депутатов Путиловского завода. Председателем нашей группы был избран депутат пушечной мастерской.

Первое собрание Петербургского Совета рабочих депутатов, на котором я присутствовал, состоялось на следующий день в помещении так называемых Рождественских курсов, на углу Смольной и 2-й Рождественской, недалеко от Николаевского (ныне Московский) вокзала. Любопытно, что при регистрации депутатов не соблюдались даже самые простые формальности. Когда я пришел, в вестибюле за столиком сидели два товарища, регистрировавшие прибывших. Назвав свою фамилию, я сказал, что избран депутатом от мостостроительной мастерской Путиловского завода, — этим дело и ограничилось. Никаких удостоверений или мандатов не спрашивали.

Явившись утром в свою мастерскую, я выключил все моторы, чтобы иметь возможность в тишине отчитаться перед своими избирателями о первых шагах деятельности Совета рабочих депутатов. Я рассказал об аресте товарищей, посланных от Совета на митинг у Казанского собора, и об их немедленном освобождении по требованию, предъявленному премьер-министру Витте. Этот эпизод имел большое значение, так как он показывал, что Совет рабочих депутатов — сила, перед которой вынуждены отступать представители царской власти.

Мой доклад уже близился к концу, когда в мастерской появился тот самый инженер с окладистой бородой, о котором даже Юзефович высказывался, как о черносотенце. Он спросил начальственным тоном:

— Почему стоят станки?

Я ответил, что станки распорядился остановить я, как рабочий депутат, потому что при шуме моторов нельзя вести собрание.

— Я приказываю сейчас же пустить станки, — заявил инженер.

Никто не шевельнулся.

Он ушел из цеха, а я закончил свое сообщение, и только после этого моторы были включены.

М. ВИНОГРАДОВ

МИУСОВКА

Воспоминания участника революционных событий 1905 года, работника Миусского трамвайного парка в Москве

В Москве с весны 1905 года шли непрерывные массовки в Сокольниках, в Богородском, в Петровском парке. По заводам, в мастерских шли собрания за собраниями. К осени 1905 года начались митинги в различных залах общественных зданий; использовались музеи, высшие учебные заведения.

Вооруженные выступления начались в Москве демонстрацией, о которой нас в Миусском парке предупредили в тот же

день утром. Наскоро отковав и отточив в мастерских кинжалы из кусков стали, мы присоединились к демонстрации, которая направлялась по Тверской к дому генерал-губернатора. Оружия не было, и при первом натиске полиции, начавшей шашками рубить демонстрантов, демонстрация рассеялась.

Все же впечатление от этого первого открытого выступления было так необычно, что полиция растерялась. Раненые демонстранты гордо расхаживали с белыми повязками по бульварам и Тверской.

Следующее вооруженное выступление произошло у университета. Отступая перед отрядом черносотенцев, участники митинга собрались во дворе университета и там забаррикадировались. Сначала во дворе царил полнейший хаос, но большевики скоро обеспечили организацию. Все участники митинга, по предложению большевиков, были разбиты на десятки. В каждый десяток могли входить лишь товарищи, знавшие друг друга. Одно это сразу внесло порядок и дисциплину. Отдан был приказ готовить холодное оружие для безоружных. Все огнестрельное оружие и патроны были зарегистрированы. Железные решетки разламывались, и из них делались копья и дротики, из полос железа изготовлялись сабли. Товарищи, вооруженные огнестрельным оружием, были распределены равномерно по баррикадам. Разобрана была мостовая во дворе, и огромное количество камней было доставлено в верхние этажи университетских зданий. Оттуда градом камней мы собирались встретить нападающих на баррикады. Учреждены были дежурства. Аудитории были превращены в спальни для сменных товарищей, расставлены часовые. Запаслись провизией. Университет превратился в вооруженный, хорошо дисциплинированный лагерь. Вокруг костров загремели революционные песни. Настроение было боевое, полное решимости.

Царские власти не решались атаковать университет. Они вступили с нами в переговоры, которые закончились их согласием пропустить наш отряд с оружием в руках из университета и дать нам возможность разойтись по домам.

Ранним утром, выстроившись, выступили мы из ворот, выходящих на Никитскую, и между двумя шпалерами войск прошли по всей Никитской до бульваров в суровом молчании, каждую минуту готовые к отпору в случае предательского нападения. У Никитских ворот разошлись в разные стороны.

К концу осени положение стало настолько грозным, что царское правительство решило предпринять лживый маневр. Этим маневром был царский манифест 17 октября.

Помню, к нам, в расчетное бюро трамвая, помещавшееся в Кузнечном переулке, где я служил, манифест пришел в 11 часов утра. Мы ринулись с группой товарищей на Театральную площадь, взобрались на возвышение бассейна, превратив его в импровизированную трибуну, и на всю площадь загремел призыв отстоять захваченные позиции, укрепить и расширить завоевания. Сравнительно небольшая кучка людей, собравшихся вначале вокруг бассейна, чрезвычайно быстро разрослась в огромную разношерстную толпу. Открылся митинг.

Боевой подъем был использован, и мы увлекли толпу к Таганской тюрьме освобождать политических заключенных. По дороге срывали трехцветные флаги. С пением «Марсельезы» и революционных песен мы добрались до Таганской тюрьмы. Офицеру у ворот тюрьмы мы предъявили требование, чтобы ворота были немедленно открыты. С красными знаменами в руках мы ринулись наверх по лестнице, в приемную, и там потребовали у тюремного начальника, чтобы политические заключенные были немедленно освобождены. Удалось освободить почти всех заключенных. Кое-кого из них мы снабдили оружием.

К ночи мы покинули тюрьму и по пустынным улицам вернулись в город, к университету, где шли поздние митинги. В тот же день был злодейски убит черносотенцами только что освобожденный из тюрьмы Н. Э. Бауман.

На следующее утро я вступил официально в партию социал-демократов — большевиков.

Похороны Баумана, устроенные через несколько дней, представляли совершенно небывалое по своей грандиозности зрелище.

Боевую дружину, которая возвращалась в университет с похорон Н. Э. Баумана, ожидал кровавый финал. Нас было 80 человек вооруженных. Когда мы подходили к университету с Никитской, против манежа, вдруг со всех сторон загремели выстрелы. 40 человек дружинников были убиты [1], некоторые были ранены.

Засада была хорошо организована: угол Никитской и манежа был освещен электричеством, тогда как на всех прилегающих улицах весь свет был потушен, и мы не могли видеть, кто и откуда в нас стреляет.

---

[1] В других источниках цифра убитых иная.

Мы проникли во двор университета, захватив всех своих убитых и раненых. Но и на двор еще сыпались пули, пока нам не удалось, наконец, войти в самое здание университета. Там мы тотчас же забаррикадировались в ожидании дальнейших нападений, но ночь прошла спокойно. Раненых перевязали, убитых уложили на столы, а утром их увезли родные.

Было ясно, что против винтовок нужна винтовка, что нужно овладеть тактикой уличного боя, что нужны хорошо обученные боевые дружины. Я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Были добыты средства — тысяча рублей. На них купили 40 винтовок «винчестер», коротких, чтобы можно было носить под пальто. Кроме того, были приобретены два маузера для руководителей — для меня и т. Щепетильникова. На патроны денег не хватило, и пришлось обратиться к ассоциации инженеров, которая вскладчину собрала для этой цели сто рублей.

Боевая дружина в 48 человек была быстро организована. Она была разбита на три группы, по 16 человек. Командовать дружиной приучался каждый дружинник. Во время упражнений командование велось по очереди всеми. Это делалось для того, чтобы в случае гибели руководителей дружина продолжала оставаться боеспособной. Для упражнения в строю мы отвели бывший цейхгауз во дворе и там целыми часами ежедневно вели строевые упражнения.

Когда мы вооружились винтовками, пришлось подумать о стрельбище. Мы нашли его в Сокольниках, в глухом месте рощи, где были сложены поленницы дров.

В вагоне трамвая, под вывеской «служебный», мы отправлялись к Сокольническому кругу. Вагон ставили на запасный путь, а сами направлялись к нашему стрельбищу, ступая, как волки, в след друг другу, чтобы на снегу оставался только один след. По окончании стрельбы, места, куда ложились пули, замазывались грязью и снегом. Дружина по старому следу, гуськом, возвращалась к вагону, который увозил нас обратно.

Когда миусская дружина была организована и обучена, партия начала широко использовать ее для охраны митингов.

Помнится один случай. Нас вызвали охранять митинг в здании Политехнического музея. На этот раз мы предпочли итти вместе, глухими переулками. Когда мы двумя шеренгами сворачивали с Лубянской площади к Китайскому проезду, то увидали, что перед входом в музей стояли казаки и отряд полиции. Около стен толпились товарищи, пытавшиеся пробраться в музей. Поодиночке то одному, то другому иногда удавалось перебежать через улицу в музей, но большей частью приходилось возвращаться обратно. Как только нас заметили, казаки выстроились. Полиция бросилась на нас. Мы спокойно подвигались вперед. Расстояние уменьшалось. Вот шашка первого городового замахнулась над головой дружинника. Я уже поднес к губам сирену, чтобы дать сигнал к бою, но в эту минуту казаки повернули лошадей и во весь опор понеслись прочь от нас, а полиция — за ними. Поле боя без выстрела осталось за нами.

НАГАЙКА

Революционная песня

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

На жалобы, на стоны
Голодных русских масс
Один ответ у трона —
Лупить нагайкой нас.

Царит нагайка всюду.
Ну, что же, все равно, —
Ей царя-Иуду
Спасти не суждено.

Нагайка не разбита,
Но злоба крепнет в нас,
И скоро паразита
Пробьет последний час.

Уже под красно знамя
Встает народ на бой.
Царь будет свергнут нами
Со всей его ордой!

А. ГОРЧИЛИН (ГРЕНАДЕР)

1905 ГОД НА КАЗАНКЕ

Из воспоминаний Андрея Ивановича Горчилина, активного участника революции 1905 года

...Приближался октябрь, а с ним и события невиданного размаха и значения — первая всероссийская всеобщая забастовка. В этой забастовке, в этой первой решительной схватке рабочего класса с самодержавием, казанцы под руководством большевиков выступили славной передовой мощной колонной. Уже во второй половине сентября 1905 года революционное настроение рабочих Казанских мастерских повысилось настолько, что объявление неизбежной политической забастовки ожидалось со дня на день. Наши собрания того времени были заняты выработкой будущих политических и экономических требований. Кроме общих требований для всех мастерских (8-часовой рабочий день, процентная прибавка к жалованью и т. п.), были внесены от каждой мастерской свои отдельные добавления, — это должно было сплотить всю рабочую массу на дружное проведение забастовки.

Выработанные требования не были обсуждены на районном комитете нашей организации: слишком быстро приближалась развязка — стачка, да и по конспиративным условиям трудно было это собрание провести. Состоялось собрание тесной группы большевиков-казанцев. На этом собрании присутствовали двое товарищей с Ярославской и Курской железных дорог — Тимофеев и Клюев, а также Михаил Миронович и Сережа. Большая часть времени на собрании ушла на организационную сторону проведения забастовки: боялись за котельный и кузнечный цехи, они могли не выйти на Канаву (Канава — место в мастерских, где по рельсам двигалась электрическая тележка, размещая паровозы для ремонта). Также выяснилось, что едва ли сможет остановиться без посторонней помощи Ярославская железная дорога. Провести забастовку решено было 7 октября в 12 часов дня.

С особым, непередаваемым настроением вернулся я поздно ночью к себе на койку... «Скорее спать!» Но сна нет... «Как соберется народ на Канаве? Как выйдет котельная? Не выйдет, — выгонять!.. Кого из надежных ребят направить в котельную? Только чтобы не стреляли в котельщиков! А что делать, когда котельщики бросятся на ребят с раскаленным железом? Кто даст звонок-сигнал к выходу на Канаву? Коротков сделает! Иванова, промывщика, можно послать ему в помощь... Но вот, вот главное и забыли: кто же первый говорить будет, когда соберется народ на Канаве? Кто первый призовет к всеобщей всероссийской забастовке, как решили на собрании? Может, Шибаев? Он говорил, что у них в депо машинисты к забастовке готовы... Может, Белоруссов? Но нет, ему вряд ли управиться со всеми котельщиками-«глухарями», во-время вывести их на Канаву. Может, Михаил Миронович сам придет? Но нет, никак об этом не условились. Что я скажу, когда все соберутся? Никогда я не говорил перед тысячами. Что будут делать мастера, и особенно Красовский, когда раздастся звонок в необычное время? Наконец жандарм Смерницкий — знает ли он, что завтра мы приготовили? Не готовит ли он сильный отряд жандармов, чтобы задушить забастовку в самом начале?» Так лихорадочно работала мысль... вопросы, ответы, сомнения сменялись одни другими, сон и явь сливались в одно!

7 октября рабочий день в мастерской начался обычным порядком: проходили мастера по цехам, поспешно навстречу им отрывались от своих конторок бригадиры, подходили и мастер и бригадир к той или иной группе рабочих, убеждались в ходе выполняемой работы, отрывисто делали замечания и называли срок ее окончания, бригадиры отвечали за рабочих согласием. Мы с Коротковым пришабривали дышловые подшипники. Часто то один, то другой выбегали на Канаву смотреть на стенных часах время. И сама работа — пришабривание, и стрелки часов, казалось, испытывали наше терпение. Подошел бригадир Шумилов, посмотрел смазку обоих подшипников и у Короткова и у меня.

— Готово, навесить! — сказал он, глядя на нас в упор.

Я положил шабер, вытер «концами» руки и на ходу ему ответил:

— Сейчас навесим!

На часах на Канаве наконец-то было 11... Возвратившись к месту работы, я громко сказал Короткову:

— Ваня, звонок во что бы то ни стало!

Коротков побежал в соседнее стойло (место, куда вдвигают по рельсам паровоз для ремонта). Через несколько секунд он с Ивановым быстро шел по Канаве к паровой. Вскоре сквозь шум станков и машин властно прозвучал звонок. Он звал рабочих на Канаву. Я бросился в кузницу. Меня обступили «бородачи», часть из них были наши ребята.

— Надо всем сейчас же итти в сборку на Канаву, — говорил я громко кузнецам, переходя от одной группы к другой.

Члены нашей организации кричали:

— Выходи-и-и... на Канаву-у-у!

Постепенно затихало могучее дыхание горнов, одна за другой выбывали наковальни из строя — улетел перезвон беспокойных молотков и кувалд, наконец перестал ухать и паровой молот. Пройдя всю кузницу, я вернулся к входной двери: кузнецы массой шли на двор в сборку. Здесь на одном конце Канавы, около электрической тележки, плотной небольшой толпой уже стояли литейщики. По Канаве около паровозов толпились группы рабочих; часть из них спрыгивала на Канаву и присоединялась к литейщикам. Звонок не унимался, подтягивал отстающих, добирался и до трусливых и несознательных рабочих. В наступившей тишине других цехов, казалось, еще громче доносился рокот: стук молотков «глухарей» — клепальщиков.

Я крикнул литейщикам:

— Товарищи, в котельную!

Большой группой ввалились литейщики в котельную. Одни кричали, другие громко свистели, продвигаясь внутрь мастерской...

Котельщики нас встретили, не выпуская из рук своего страшного инструмента — клещей, кувалд и тяжелых молотков. Как вкопанные на месте, с черными от копоти лицами, не понимая, они злобно стояли, ждали, колебались. Наши свистки и крики росли. Схватив лежавшие тут же болты, заклепки и гайки, мы кидали их по котлам, откуда еще раздавалась клепка.

— На Канаву-у-у, на Канаву-у-у! — орала молодежь, не переставая бросать болты и гайки. Падали разбитые стекла окон. Через несколько минут котельщики так же, как и кузнецы, общей массой вышли в сборку, на Канаву. Звонок резко оборвался, затих. Сразу воцарилась в мастерских особая тишина. В ней уплотнялась народом Канава. Коржов шептал мне на ухо: «Вагонная и конвенция тоже пришли, мастера и бригадиры в народе на Канаве, жандармов не видно». Из крайнего стойла, около электрической тележки, стоял несколько выдвинутый вперед паровоз. Я вскочил на площадку его впереди трубы. Тесно, в несколько тысяч человек, заставлена была людьми Канава. Все головы повернулись ко мне, тысячи глаз приковали меня, говорили мне, требовали, ободряли. Среди близстоящих товарищей я видел своих ребят...

Я громко начал:

— Товарищи! По нашей дороге еще в прошлый год на Дальний Восток катились тысячи вагонов с надписью: «Сорок человек — восемь лошадей». Это гнал народ на войну царь Николай последний защищать свои леса на реке Ялу от японцев. Теперь мы видим, как в тех же вагонах везут обратно сотни тысяч солдат, безруких, безногих, искалеченных на всю жизнь. Сотни тысяч наших товарищей, отцов и братьев убито на сопках Маньчжурии, в Порт-Артуре, утоплено в японских водах. За что убито и искалечено столько народу? За то, что дворяне, лесопромышленники с царем во главе могли получать особо высокие барыши от лесов Маньчжурии. За бездарную войну особые награды получают члены царской фамилии... От имени Российской социал-демократической рабочей партии большевиков призываю вас к всеобщей забастовке. Мы и весь рабочий класс не возобновим работы до полного удовлетворения всех наших требований. Уничтожения самодержавия, свободы слова, свободы печати, свободы собраний, свободы союзов и немедленного введения 8-часового рабочего дня — вот чего мы добьемся всеобщей забастовкой. Да здравствует всероссийская всеобщая забастовка! Долой самодержавие! Долой преступную войну!

Бурными криками одобрения и аплодисментами покрылись мои последние слова. После меня выступил Шибаев. Он говорил о зверской расправе губернаторов над крестьянством, о необходимости через представителей от мастерских связаться с всероссийским железнодорожным союзом и его стачечным комитетом.

Третьим говорил Белоруссов. Он зачитал экономические требования, общие для всех мастерских, а потом и цеховое — то, что должна утвердить и ввести администрация Казанской дороги. Он же предложил выбрать депутатов, которые свяжутся с железнодорожниками всего Московского узла.

Начались выборы депутатов в стачечный комитет железнодорожников. Выбранными от мастерских оказались опять я — Горчилин, Белоруссов, Котов, Шапуров и Шибаев

(четверо первых были членами нашей организации большевиков).

— Хорошо! — говорил мне очутившийся опять внезапно рядом Сережа. — Глядите в оба, ребята, как бы Смерницкий не побрил нашу организацию! Уж очень скоро вы стали «сами с усами».

Все как один проголосовали немедленно бросить работу. После голосования рабочие массой шли к выходу, на линию, к депо. Началось активное распространение забастовки. Наши ребята были впереди.

В депо и на линии стояло под парами несколько десятков паровозов, готовых к отходу с очередными поездами. Мы бросились к ним и, привязав гудки, начали выпускать пар. Один за другим сразу многие и все вместе долго, долго по линии, на вокзале и на вокзальной площади загудели многоголосно, протяжно, призывно десятки свистков паровозов. Эти неслыханные могучие звуки смели охрану жандармов с платформы вокзала, стащили служащих управления дороги со своих мест к окнам и дверям, собирали народ с площади к вокзалу. А звуки властно неслись дальше, заглушили все другое в окружающей жизни и звали, звали на борьбу за новое, за лучшее будущее...

С. И. МИЦКЕВИЧ

ПОХОРОНЫ Н. Э. БАУМАНА

Глава из книги старого большевика Сергея Ивановича Мицкевича (1869—1944) „Революционная Москва“

Хоронить Баумана решено было 20 октября. Весь день 19 октября прошел в подготовке этих похорон: шли непрерывные митинги в высших учебных заведениях и по фабрикам и заводам. Стачечный комитет постановил прекратить всеобщую забастовку с 19 октября, но МК не согласился с этим и объявил, что работы должны возобновиться только после похорон Баумана. Часть учреждений и предприятий начала работать, а большинство крупных фабрик и заводов продолжало бастовать, но в день похорон были приостановлены работы повсюду.

К администрации было предъявлено требование: во избежание кровопролития убрать полицию с улиц, по которым пойдет шествие, за порядок ручались организаторы похорон. Не знаю, кто вел эти переговоры: не то «Союз союзов», не то союз адвокатов, но с ответом явился полицейский пристав в Техническое училище, где стоял гроб Баумана, и объявил официально представителю МК Шанцеру о согласии генерал-губернатора убрать полицию с маршрута процессии, если она не пойдет по главным улицам.

Шанцер ответил, что никаких обещаний он давать не будет, что наши боевики справятся со всяким, кто помешает нам пройти.

Утром 20-го я пошел в Техническое училище. Там уже стояли колонны с красными знаменами, прибывшие с фабрик и заводов; при каждой колонне была боевая дружина, вооруженная револьверами. Колонны все прибывали. Пришла университетская студенческая дружина, это на случай нападения черносотенцев на шествие.

Гроб Баумана был покрыт алым бархатом, около него стояло большое бархатное знамя, на котором было вышито золотыми буквами «Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Вокруг гроба стояли члены МК с широкими красными шелковыми лентами через плечо. Стояли члены районных комитетов и нашей лекторской группы.

Шествие двинулось часов в 11 утра. Гроб несли на руках, впереди несли множество знамен, венков. Процессия прошла от Технического училища по Покровке, свернула по Земляному валу к Красным воротам, оттуда по Мясницкой (ныне Кировской) к Театральной площади, потом по Никитской (ныне улица Герцена) к Ваганьковскому кладбищу. Зрелище было грандиозное. По мере шествия в процессию вливались все новые колонны, и она далеко растянулась. Исчисляют число участников около ста пятидесяти — двухсот тысяч человек; тротуары были заполнены любопытствующей или сочувствующей толпой. Во многих местах окна и балконы были украшены красной материей.

По бокам процессии шли цепи людей, державших за руки друг друга и ограждавших процессию от остальной публики; за ними шли цепи дружинников. Гроб несли попеременно члены Московского комитета.

В процессии, кроме рабочих, принимали участие и интеллигентские профессионально-политические союзы, союз «равноправия женщин» и другие. Шла также группа солдат-вольноопределяющихся и группа офицеров. Все время раздавалось торжественное пение похоронного марша «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и боевой песни «Отречемся от старого мира». Это было поистине всенародное шествие, отдающее честь погибшему бойцу за дело пролетариата и всего народа. Когда проходили мимо консерватории, оттуда вышли два оркестра, которые попеременно играли похоронные марши, вплоть до кладбища. Порядок все время был полный. Черносотенцы не решились напасть, зная, что процессия охраняется вооруженными дружинами. Только в самом начале шествия я слышал где-то отдаленный ружейный или револьверный залп, но что это было там, я так и не узнал.

Таких похорон Москва не видала никогда. Они выявили огромную организованную силу пролетариата, чествующего своего павшего героя-вождя. Они же показали всему населению Москвы, что гегемоном революционного движения является пролетариат, борющийся под руководством Московского большевистского комитета. Авторитет МК после этих похорон необыкновенно поднялся. Во время шествия я шел одно время рядом с товарищем Мартыном Лядовым, и мы обменялись впечатлениями: думали ли мы, когда двенадцать лет тому назад с ним организовывали первые марксистские рабочие кружки, что мы так скоро доживем до такого грандиозного размаха?!

Когда шествие достигло кладбища, то стало уже темно, зажгли факелы; при свете факелов на могиле было произнесено несколько речей: говорили Шанцер, Васильев-Южин, Седой, все призывали к мщению и к подготовке вооруженного восстания. Страстную речь произнесла жена Баумана, призывавшая присутствующих дать клятву на могиле Баумана бороться с самодержавием и капитализмом до полной победы, и если нужно будет, то погибнуть в этой борьбе. Все, подняв руки, поклялись. Незабываемый, торжественный момент!

После похорон шествие в полном порядке повернуло обратно в город, но по дороге стало таять: поодиночке и группами стали расходиться по домам. Я, дойдя до Кудринской площади (ныне площадь Восстания), повернул по Садовой, по направлению к Красным воротам, и пошел домой. Знаменосцы решили отнести знамена в университет и пошли по Никитской. Я шел домой под сильным впечатлением столь грандиозной демонстрации.

Утром разбудил меня телефонный звонок. Не помню, кто-то тревожным голосом сообщил мне печальную весть, что группа знаменосцев, подойдя к университету, была обстреляна казаками, которые занимали в эти дни манеж. Было восемь человек убитых и много раненых. Темные элементы реакции все же решили дать какой-нибудь реванш за события 20 октября.

С. МСТИСЛАВСКИЙ

ГРАЧ, ПТИЦА ВЕСЕННЯЯ

Главы из книги

БУЛОЧНИКИ

По Тверской вниз опрометью, вроссыпь бежали люди. Издали, от Страстной площади, доносилась ружейная трескотня.

Козуба ухватил за плечо бежавшего навстречу рабочего.

— Что там?

Рабочий задохся от бега. Не сразу ответил.

— У Филиппова булочники бунтуют...

— Забастовка, знаю, — перебил Козуба.

Но парень махнул рукой.

— Бунт, говорю. Стреляют пекаря-то. В доме заперлись и лупят... Страсти! Войсков нагнано! Кровь по всей улице...

Козуба выпустил плечо. Парень пошел дальше успокоенным, но все еще вздрагивающим шагом.

Шедший с Козубой приземистый черноволосый рабочий спросил тревожно:

— Филипповцы?.. Никак, Иринин район?

Козуба кивнул хмуро.

— Я и то подумал. Давно не терпится девке... Сказано было: выжидать... А ну, ходу!

Они быстро пошли по улице вверх. Навстречу все еще бежали прохожие. Вдогонку им неслись крики, свистки, улюлюканье...

— Куда?.. Стреляют, слышишь!..

Глуша ревом сигнальной трубы, громом колес тяжелого обоза, промчалась в обгон Козубы и рядом с ним шагавшего рабочего пожарная часть. Вынырнул из переулка жандармский конный разъезд. Офицер, скривясь в седле, придерживал рукою в лопнувшей белой замшевой перчатке рассеченную щеку. Впереди грянул залп.

— Царские! — прошептал на бегу Козуба. — Ровно стреляют. Наши так еще не умеют. Наши — каждый по себе...

И словно в подтверждение, застучали одиночные перебойные выстрелы.

Поперек улицы, зыбясь штыками, перекинулась солдатская цепь. Она надвигалась бегущим вслед. Перед нею, блистая лаковыми сапогами, подгибая коленки, метался щеголеватый околоточный.

— Осаживай!.. Стрелять будут!..

Козуба и рабочий отжались к ближайшему дому, в темную впадину ворот. Впадина была уже доотказа набита людьми: отсюда виден был как на ладони весь огромный филипповский дом.

Вдоль стен поднимались вверх медленным наворотом штурмовые пожарные лестницы. С крыши, на медные, начищенные в ярь пожарные каски, летели кирпичи, палки и гремучие железные листы. Сквозь разбитые стекла верхнего этажа стреляли порывистым и редким огнем. Посреди мостовой — офицер, желтооколышный, шашка наголо, охрипший от командного крика, в смятом мундире, словно он только что вырвался из рукопашного боя, кричал рассыпавшимся по улице бесстройно солдатам:

— Пачки!.. Чаще огонь!.. Охотники, к лестницам! К штурму!

Горнист, надседаясь, заиграл сигнал к атаке. Под убыстрившимся — до урагана — огнем сыпалась, язвя оспинами фасад, отбитая штукатурка. По штурмовым ступеням, неуклюже и боязливо ступая тяжелыми сапогами, потянулись «охотники». У ворот, сбившись в кучу, солдаты молотили бессильно прикладами в запертые, сплошные, высокие железные створы.

Камни полетели чаще, и чаще застучали выстрелы. Чей-то голос, высокий и звонкий, донесся сверху — с крыши или с верхнего этажа. Слов было не разобрать, но гудевшая за спиной у Козубы, вместе с ним из воротной впадины вплотную к цепи придвинувшаяся толпа застыла, и сразу вверх, на голос, поднялись глаза.

Мелькнуло в воздухе тело. С лестницы, с крыши?.. Кто? Козуба не успел разобрать: тотчас сбилась над павшим тесная кучка, и от угла, от аптеки, заспешили санитары в белых халатах, с красными крестами на рукавах. Черный рабочий, навалившись на спину Козубы, жарко дышал ему в затылок, и по прерывистому этому дыханию Козуба чувствовал, что черный думает о том же и боится того же, чего и он, Козуба.

— Ура-а!.. — крикнул неистово чей-то голос под самым ухом.

Солдаты в цепи растерянно и поспешно взбросили ружья на изготовку. Крик подхватили. Он понесся вниз по Тверской, перебросился на крышу филипповского дома. Солдаты отхлынули от ворот, по панели поволокли горластого офицера с запрокинутой головой; с лестниц вниз во весь дух катились вдогон отходившей в беспорядке роте охотники-штурмовики.

— Ура-а-а!..

Но снова взвизгом прорезал воздух горн: от Страстной подходила свежая гренадерская колонна. По команде она перешла в бег, размыкаясь на ходу.

— Ура-а-а!..

Теперь кричали солдаты у лестниц, у ворот, опять загудевших под частыми ударами. Ефрейтор, юркий, остроусый, переметнулся, обрывая полы шинели о копья ворот, на ту сторону запертых створов. Прогрохотал сбитый замок. Визгнули ржавые петли, и, цепляя штыком за штык, толкаясь плечами, во двор хлынул солдатский поток.

— Полтавский бой! — хихикнул мещанин в чуйке, с Козубою рядом. Оглянулся вокруг и испуганно замолчал.

На минуту наступило затишье. Затем в доме, внутри, захлопали глухо выстрелы, ударил протяжным гулом тяжелый взрыв.

— Бомба? — прошептал черный.

Козуба чуть заметно кивнул. Он знал, что у рабочих-дружинников были бомбы.

Гул смолк, смолкла и стрельба. Из подъезда дома насупротив булочной вышел толстый полицейский полковник. Он глянул осторожно, скривив негнущуюся бычью свою шею, на крышу и шагнул уже уверенным шагом вперед. Снял фуражку и вытер запотевшую, несмотря на сентябрьский холодок, лысину.

ЧУТЬ БЫЛО...

Из подъезда выносили тела. Их складывали поленницами на дожидавшиеся военные подводы. Толпа, нажимая на цепь, смотрела, зажав дыхание.

Всхлипнула женщина:

— Господи, сколько!.. За всю жизнь стольких упокойников не видела.

Козуба сказал сквозь зубы:

— Дай срок, больше увидишь. За рабочим, брат, не пропадет. Рабочий, брат, счет помнит. Сполна уплатим!

— Женщина! Гляди!

На полицейских руках, платком накрытое, — ее, Ирины, платком, не обознаться! — легкое тело. Козуба не сдержался:

— Она!

Шопотом вырвалось. Только чуть слышно. Но тотчас на плечи легла тяжелая рука.

— Знакомая?

Обернулся. Высокий, грудастый, усатый, бачки жандармские, мешком висит, явственно не со своего плеча, пальто. Переодетый, разом видать.

И раньше, чем Козуба успел ответить и разъяснить, трелью залился свисток; толпа вкруг попятилась испуганно и злобно, черный, товарищ, отошел, беззаботно оправив на макушке картуз; около Козубы засуетились какие-то люди. Глянуло в лицо дуло.

— А ну-ка, пожалуйте!

Солдат в цепи посторонился. Кучкою подошли к подъезду.

— Стой, не закладывай эту...

Полицейские опустили на панель уже взброшенный было на руки труп: должен был лечь поверх той, убитой, вторым рядом. Толстый полковник выслушал торопливый доклад, ткнул Козубу пальцем в плечо:

— Опознал? Кто такая?

— Вы о чем? — хмуро спросил Козуба. — Не понимаю, извините, вашего разговору.

— Опять докладаю... — Усатый поднял руку к шапке и отдернул, спохватившись. — Сам слышал, как они крикнули: «Она!» Стало быть, знаемая. Имею свидетелей — вот...

Справа и слева вывернулись агентские, подлые рожи.

— «Знаемая»! — передразнил Козуба. — То все «онов» несли, а вдруг — женщина. Я и удивился. А ты уж рад стараться... Хватать-то с разумом надо, любезный. Понимать надо, кого берешь.

— А ты кто такой, чтобы тебя понимать? — насмешливо спросил полковник и протянул руку. — Паспорт при себе?

— Обязательно, — с высшим спокойствием произнес Козуба и расстегнул пальтецо. — Почетный гражданин города Сердобска, Николай Никифорович Кашкин.

Он протянул полицейскому паспортную книжку. Тот послюнил палец, полистал: участковые отметки были на месте, пестрели гербовые, погашенные марки прописки.

— Ладно. Паспорт пока при мне останется, — кивнул пристав. — Проверим. Пока можешь итти.

Он обернулся к полицейским:

— Клади.

Труп подняли с панели. В тот же миг острый, пронзительный крик заставил дрогнуть всю улицу. На телеге платком укрытый труп шевельнулся. К голове поднялась узкая бледная рука.

Ближайшие люди шарахнулись в стороны. Сам пристав попятился в подъезд.

Козуба рванулся вперед.

— Жива!

Рука откинула платок. Лицо открылось. Черные под спекшейся кровью волосы, круглое, полное, загорелое лицо.

Не Иринино. Булочница, наверно.

Женщина приподнялась. Со всех сторон к ней бросились люди. Козуба отступил, повернулся, уверенным шагом прошел сквозь цепь.

— Скажи на милость, чуть было живую не захоронили!

До первого переулка — и влево. Быстрым шагом, затем и вовсе бегом. На следующем, дальнем углу перед афишной доской ждал черный. Он укоризненно качнул головой:

— Эк тебя угораздило!

— Что я, бревно? — сердито отозвался Козуба. — Она меня, прямо сказать, по складам читать учила. Я у нее в кружке свет увидел. Легкое дело: думал ведь — наповал. А вышло — не она.

— Не она? — радостно выкликнул черный и даже схватил Козубу за грудь. — Не она, говоришь?

— Не она... Впрочем, ежели ее взяли, то же дело не легкое. За стрельбу на виселицу упекут, как пить дать.

— На! — осклабился черный. — Не посмеют. Теперь, брат, и до полного расчета, небось, недолго ждать. Уж ежели пекаря заместо булок бомбы печь стали... Пошли, однако. Что мы, в самом деле, как дураки, стоим!

Они шли некоторое время молча. Потом черный спросил:

— Как выкрутился?

Козуба поморщился:

— Чего говорить о таком? Скучно. Паспорт только пропал. Он, конечное дело, фальшивый, сделать новый недолго. А вот жена заругается: только что в комнату въехали — опять съезжать.

Н. СЕМАШКО

НИЖНИЙ В 1904—1906 ГОДАХ

Глава из книги „Клочки воспоминаний" Николая Александровича Семашко (1874 — 1945) — старого большевика, участника революционного движения с 1893 года

...Освоившись несколько в Нижнем, я довольно быстро примкнул к местной социал-демократической организации. Это была довольно крепко сколоченная группа работников, имевшая прочные связи с рабочими Нижнего, Канавина и Сормова. Видную роль в ней играл тогда М. Ф. Владимирский и М. В. Десницкий («Лопата», «Строев»). Нижегородская организация представляла собою типичный пример средней, крепкой губернской организации. Работники там были уже достаточно дифференцированы по функциям. Были организаторы (например, Соломон Григорьевич Левит). Была группа пропагандистов, агитаторов; была недурная типография. Типографским делом у нас заведовал Цветков, носивший странную нелегальную кличку «Свиногон» (кто-то увидел его пасущим свинью на бугре — отсюда пошло прозвище). Работа нашей организации развивалась так же, как всех других того времени. Об этих годах революционного движения в Нижнем Новгороде и Сормове написано немало воспоминаний — и нижегородцами и сормовичами. Мое участие (а был я и пропагандистом, и агитатором, и вел кружки) чрезвычайно затруднялось упорнейшей слежкой охранки за мной; против моего дома самым циничным образом стоял шпик, не сводя глаз с окон моей квартиры. Но опыт конспирации у меня был уже порядочный, и нижегородских шпиков я проводил без особого труда. Однако я чувствовал постоянно над своей головой Дамоклов меч и знал, что при первом провале организации я буду арестован. И действительно, помнится, в июле 1905 года провалилась наша типография: при обыске нашли рукопись прокламации к солдатам. Хотя я действительно не раз составлял прокламации, но эта как раз была написана не мною (ее писал Десницкий). Тем не менее я был арестован, и ко мне было предъявлено обвинение в составлении прокламации, призывающей войска к неповиновению. Обвинение это было довольно серьезно: можно было попасть и под военный суд. Я категорически потребовал экспертизы сличения почерков моего и прокламации. Нашелся в гимназии мерзавец, преподаватель рисования, который, как эксперт, заявил, что почерк прокламации мой. Я протестовал и потребовал другой, более широкой экспертизы. Друзья мои с воли поднажали. Эта вторая экспертиза единогласно признала, что не я автор прокламации, и через несколько дней я был освобожден.

В основном работа организации проходила нормально. Как раз тогда, в июле — августе — сентябре 1905 года, рабочие Нижнего и Сормова завоевали себе право собраний явочным, то-есть захватным, путем. Очень часто бывало в Сормове созывали мы громадные митинги под открытым небом. Говорили бывало с крыши ближайшего домика, по большевистскому обычаю ставили все точки над «и», а конная полиция кольцом стоит кругом и не нападает — не смеет.

Помню маевку 1905 года. Она также прошла за городом при участии громадного количества рабочих. Организовали мы ее особенно тщательно: начиная от города и вплоть до места маевки, в нескольких километрах от города, стояли наши патрули с паролем и указывали дорогу. На переправе через Оку для сормовичей были также поставлены патрули. Все было организовано тщательно: маевка уже благополучно близилась к концу. Еще гудел громкий голос неутомимого нашего агитатора Якова Михайловича Свердлова, как вдруг раздался топот бешено несущегося на нас отряда конных жандармов. Сопротивляться было бесполезно, и все мы бросились врассыпную под прикрытие леса и благополучно рассеялись...

Вспоминаю также картину погрома, бывшего в Нижнем в июле 1905 года. Как известно, правительство пыталось контрреволюционными погромами как-нибудь отбить нараставшую волну революции. Для кадров погромщиков в Нижнем была благодарная почва — это люмпен-пролетарии — босяки и грузчики приволжских и приокских пристаней. Несколько недель шла обработка этих кадров представителями черносотенного союза русского народа в кабаках и трактирах; распределялись роли, назначались командиры, и, наконец, погром разразился. Я в этот день не был в городе, но по рассказам

погром представлял собою кошмарное зрелище; целая толпа пьяных босяков ходила по улицам города, избивала и убивала всякого, кто не крестился на их хоругви, громила еврейские лавки и дома. Через день назначены были похороны жертв погрома. Весь город был в панике. Гробы молча были перенесены на кладбище, где собралась небольшая группа родственников и смельчаков-рабочих. Все опасались, что в связи с похоронами будет устроен второй погром. Я стоял в толпе на кладбище. И вдруг, словно какой-то бес подтолкнул меня: я вскочил на свежевырытую могилу и произнес горячую речь против погромов и вдохновителя их — правительства. Полиция обомлела от моей «наглости», и каким-то чудом это выступление прошло для меня безнаказанно.

Опять пошла наша революционная работа. Все выше поднималась революционная волна во всей России; все жарче были наши прения с нашими противниками за руководство рабочим классом. Тогда уж в Нижнем была одна из самых сильных во всей России организация эсеров; во главе ее стоял Евгений Колосов, постоянно наезжали лидеры эсеров — Фундаминский, Чернов и другие. Была и довольно крепкая организация меньшевиков. Она имела недурного агитатора (под кличкой «Бебель»), активную роль в ней играл Николай Редкозубов, только что вернувшийся из-за границы и миропомазанный «самим Плехановым». Борьба наша за влияние на рабочий класс была не из легких. Однако, как показало особенно явственно декабрьское восстание, большевики в то время были доподлинными руководителями пролетариата Нижнего, Канавина и Сормова.

«Октябрьские свободы» наша организация использовала недурно: мы развернули массовую агитацию и пропаганду и сколотили довольно крепкую дружину обороны против черносотенцев. Нижегородский народный дом в эти дни постоянно был переполнен. Три раза в неделю были у нас митинги с вольным выступлением ораторов, три раза в неделю — доклады и лекции. Они получили скоро характер каких-то народных законодательных собраний. К нам приходили шпики и охранники, которые каялись в своих преступлениях, просили простить их и обещали в будущем не итти против революции. Нам приходилось разбирать ряд политических дел; авторитет нашего решения был настолько велик, что к нам обращались даже по семейным разногласиям. Народный дом в эти дни представлял собою исключительное зрелище: мы сидели на трибуне и творили суд и расправу; громадное помещение народного дома было битком набито народом, внимательно слушавшим нас, а на хорах, выстроившись по-военному, дежурила наша охрана.

Идеи большевизма, таким образом, широко тогда разнеслись не только среди жителей Нижнего, Канавина, Сормова, но и по всей губернии: то там, то сям стали вспыхивать крестьянские восстания, и крестьяне стали выкуривать помещиков из их деревень.

Все эти события явились гигантским уроком в революционной борьбе пролетариата. Декабрьское восстание было действительно «генеральной репетицией» Октября. Крестьянские же восстания были значительно позже и не смогли поэтому поддержать гегемона революции — пролетариат. Эта разобщенность имела громадное влияние на исход революции, а при этом положении соотношение классовых сил было еще таково, что царизм при поддержке «либеральной» и городской мелкой буржуазии подавил рабочее движение.

Однако нужно подчеркнуть еще один немаловажный урок октябрьских — декабрьских дней в Нижнем: поставив акцент (ударение) на агитационно-пропагандистской работе, мы обратили недостаточно внимания на создание материальной силы для революции, в частности на вооружение рабочих. При тогдашнем нашем влиянии в городе (вице-губернатор барон Фридерикс тогда сидел забронировавшись во дворце, боясь, что мы его вот-вот арестуем) нам нужно было завладеть арсеналом, чтобы вооружить сормовичей и канавинцев, нужно было захватить банк и создать себе финансовую мощь, отняв ее у правительства, захватить почту, телеграф и т. д. Все это мы, несомненно, могли бы сделать, но не сделали, а тем временем реакция укрепилась и разгромила, с помощью предательской буржуазии, революцию.

О сормовском и нижегородском восстаниях немало было написано воспоминаний участниками их. Важно здесь отметить одно: сколько было споров до восстания, правы ли большевики, «подготовляя» его. Меньшевики из всех сил доказывали, что «подготовка» восстания — «игра в заговоры», «якобинство», а не марксизм, крестьянство же, как важнейшего союзника пролетариата, они отрицали. В этих спорах обыкновенно моби-

лизовали всю тяжелую артиллерию доводов от Плеханова, Мартова и Аксельрода. Нижегородский меньшевик Редкозубов, как сказано умудренный напутствием «самого» Плеханова, еще в декабре 1905 года громил большевиков за «антимарксистскую тактику», «якобинизм» и тому подобные, мнимые, конечно, грехи. Эсеры звали к «кровавому террору». Потрясая браунингом над головами восторженных девиц, лидер эсеров Колосов провозглашал: «Вот мой товарищ в борьбе!» И только большевики верили в силы рабочего класса, звали массы для вооруженной борьбы с царизмом и капитализмом. И что же оказалось в декабрьские дни? Энтузиазм восстания охватил широкие массы пролетариата. Рабочие меньшевики (в том числе виднейший в Сормове рабочий меньшевик Чугурин), вопреки всем теориям своих меньшевистских вождей, дрались в вооруженном восстании не хуже большевиков. Имя Чугурина, как это не раз указывалось в воспоминаниях, будет навсегда внесено в историю сормовского восстания как имя одного из главарей и героев его.

Логика борьбы с царизмом смыла все те хитросплетения, которые придумывали премудрые пескари из меньшевиков и эсеров, и всецело оправдала большевистскую тактику.

У меня в Нижнем была «штаб-квартира». Днем и ночью ко мне приходил народ — кто, чтобы принести оружие, кто, чтобы получить наряд итти в Сормово.

Мелькали мужские рубашки, женские кофточки, и все стремились в рабочий центр — в Сормово. Впопыхах прибегали осведомители с сормовских баррикад; слухи сменялись слухами. Говорили, что удалось втащить пушку на колокольню и оттуда громить карательные войска. Но за всеми этими слухами и рассказами все яснее вырисовывалось одно: революция слабо вооружена; материальная сила на стороне врагов; восстание обречено на неудачу.

Однако, несмотря на это, настроение было вовсе не подавленное, а приподнятое, боевое. Мы отлично видели, как восстание всколыхнуло массы, сплотило и воспитало их в борьбе.

Однако восстание было действительно подавлено. В ночь на 14 декабря ко мне ворвался целый отряд солдат под предводительством полицейского пристава. Предполагая, что я окажу вооруженное сопротивление, они грудой человек в 10 накинулись на меня, скрутили мне руки, отобрали мой револьвер и после краткого обыска (ибо оружие было легко обнаружить) отвезли меня в тюрьму.

Г. И. ПЕТРОВСКИЙ

НА ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНЕ

Воспоминания одного из старейших большевиков, секретаря Екатеринославского Совета рабочих депутатов в 1905 году Григория Ивановича Петровского. Написаны для этого сборника

После расстрела питерских рабочих 9 января 1905 года Екатеринославский комитет РСДРП начал вести более широкую и углубленную пропаганду по цехам и заводам. Большевики выпускали листовки, в которых объясняли текущий политический момент, призывали рабочих к организации и беспощадной борьбе против царского самодержавия. Наряду с этим все время шла напряженная дискуссия большевиков с меньшевиками по особенно острым вопросам: о вооруженном восстании, об участии во временном революционном правительстве, о диктатуре рабочего класса, о союзе с крестьянством. Режим на заводах в это время немного ослабел, и нашему брату, социал-демократу, стало легче вести групповую пропаганду и агитацию. Рабочие стали чувствовать себя смелее.

К 1 Мая были выпущены прокламации Екатеринославского комитета РСДРП, призывавшие к организации первомайской демонстрации. Полиция попрежнему беспощадно преследовала передовых рабочих и интеллигентов. Аресты продолжались. Накануне и в день 1 Мая были мобилизованы полиция, солдаты и казаки. По центральному проспекту Екатеринослава беспрерывно циркулировали пешая и конная полиция, группы казаков. Мы попытались организовать демонстрацию, но нам не разрешили даже останавливаться на проспекте. Кое-где рабо-

чие все же останавливались, оказывали сопротивление полиции. В первой из таких стычек наш товарищ Тах-Чагло выстрелил в полицмейстера. Демонстрации у нас все же не получилось. Многих рабочих избили, арестовали, Тах-Чагло присудили к смертной казни, которая была потом отменена.

Летом на заводах участились забастовки. В то время существовали заводские и цеховые праздники, которые отмечались молебнами. Рабочие предлагали попам отслужить панихиду по убиенным питерским рабочим. Попы не соглашались на это, но кое-где панихиды были отслужены, и после них рабочие пели революционную траурную песню «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

В конце июня было получено известие о восстании на броненосце «Потемкин-Таврический». Вечером на выгоне рабочего поселка Чечеловка собрались делегаты нескольких заводов для обсуждения вопроса, как поддержать потемкинцев. Было решено начать всеобщую забастовку. Под конец собрания налетели конная полиция и казаки. Многих рабочих избили плетьми, кое-кто из рабочих был арестован. Однако забастовки все же начались. Несколько дней в разных местах шли митинги. Их разгоняла полиция, но арестов произвести не могла, так как рабочие научились обороняться.

Чтобы задобрить рабочих, правительство решило по всем казенным заводам и мастерским произвести выборы цеховых старост. Это привело к тому, что рабочие избрали делегатов, из которых образовались завкомы. Завкомы стали организованно выставлять требования к администрации об улучшении условий труда и повышении заработной платы. На некоторых предприятиях завкомы заняли такое прочное положение, что администрация вынуждена была свои распоряжения согласовывать с ними.

Озлобление рабочих росло. Все чаще стихийно возникали стачки и демонстрации. Часто рабочие избивали ненавистных им мастеров, надевали на них мешки из-под угля, сажали в тачку и вывозили на свалку. Кое-где в мастеров стреляли, но мы, социал-демократы, выступали против индивидуального террора.

На заводах появились общественные суды, которые разбирали конфликты рабочих с цеховой администрацией и выносили свои решения. Социал-демократы пользовались такими судами для своей пропаганды.

К этому времени относится образование так называемой «политической биржи»: рабочие и ремесленники выходили вечерами на прогулку в скверы или по проспекту и здесь становились участниками дискуссий, которые вели между собой представители разных партий. Помешать этому полиция не могла, а в рабочие районы боялась и показываться. В рабочие массы все шире проникало сознание, что нужно бороться за Учредительное собрание, которое установило бы в России демократическую республику.

По примеру Екатеринослава, на заводах и рудниках Донбасса (Донбасс входил тогда в состав Екатеринославской губернии) рабочие также выбирали цеховых делегатов и образовали завкомы.

Наступил октябрь. Началась всероссийская политическая стачка. В рабочих районах Екатеринослава митинги и собрания происходили регулярно. Рабочие, жившие в центре города, со знаменами направлялись в заводские районы. Полиция старалась не подпустить их к заводам, стреляла. Появились первые жертвы. Тогда в некоторых местах города возникли баррикады. Против рабочих были двинуты конная и пешая полиция, казаки и солдаты. Революционеры были слабо вооружены, поэтому с их стороны было много жертв.

В Чечеловке рабочие соорудили несколько баррикад. Их строили из камня, кругом рыли канавы, улицы опутывали телеграфной проволокой. Сюда с ружьями наперевес двинулись солдаты и казаки. Рабочие храбро защищались. Когда каратели дошли до центральной части поселка, в них были брошены две бомбы. Казаки умчались, но солдаты начали ожесточенную стрельбу. Баррикады были взяты.

На другой день хоронили жертв расстрела. Десятки тысяч рабочих и жителей города собрались на похороны, превратившиеся в политическую демонстрацию. На могилах убитых ораторы призывали рабочих и всех трудящихся еще упорнее бороться против проклятого царского самодержавия.

В эти дни был образован Екатеринославский Совет рабочих депутатов, созданный по инициативе Екатеринославского комитета РСДРП (большевиков). Более 300 депутатов собралось в одном из зданий Брянского завода, они представляли все отрасли промышленности, транспорта и торговли города и губернии.

Испугавшись размаха революции, царское правительство издало манифест 17 октября о «незыблемых основах гражданской свободы». В назначенный день рабочие всех райо-

нов Екатеринослава организованно, со знаменами, собрались в городском саду, где с нескольких трибун выступали представители различных партий. Большевики предупреждали население о том, что манифест — обман и ловушка, что пока существует самодержавие с дворянством и бюрократией, не может быть никаких твердых основ гражданской жизни. Критикуя самодержавие, ораторы призывали народ еще активнее бороться за Учредительное собрание.

Екатеринославский Совет рабочих депутатов организовал профессиональные союзы, народные суды. Советы рабочих депутатов стали создаваться по всей Екатеринославщине и особенно в Донбассе. В некоторых районах появились «рабочие республики». Полиция пыталась противодействовать деятельности Советов, однако в большинстве случаев на этой стадии развития революции рабочие одерживали успех.

В Екатеринославский Совет рабочих депутатов начали приходить делегаты из окрестных сел, они заявляли, что хотят итти в ногу с рабочими. Екатеринославский комитет РСДРП создал агитационную бригаду и высылал агитаторов на село. Наладились регулярные связи с селами Верхне-Днепровского, Ново-Московского и других уездов. Крестьяне отказывались признавать местные власти — урядников, становых, земских начальников. Они не желали платить податей и налогов, отдавать сыновей в солдаты, не пускали в села карательные отряды. По селу Соленому каратели стреляли из пушек, жгли хаты, но крестьяне не сдавались. Солдаты, участвовавшие в карательной экспедиции, возвратились в казармы деморализованными, дисциплина среди них падала.

Царский манифест не изменил отрицательного отношения трудящихся к царю и царскому режиму. Тогда охранка стала устраивать монархические манифестации, мобилизуя для этого переодетых городовых, уголовных преступников и всякие подонки общества.

В Екатеринославе такая манифестация собралась у собора. Сначала отслужили молебен, затем с иконами, портретами царя и гимном «боже, царя храни» манифестанты пошли по проспекту. Сразу же начался еврейский погром. Черносотенцы громили лавки, магазины, базары, избивали и убивали революционеров, беззащитных женщин и детей, устраивали повальный грабеж. Все это совершалось под охраной полиции и казаков. Попытка погромщиков вовлечь в это уголовное дело жителей рабочих районов не имела успеха. Манифестация и погром помогли понять даже тем, кто стоял в стороне от политической борьбы, что царское правительство держится только на штыках, на невежестве, на шпионах. Каждому честному человеку становилось ясно, что надо помогать революции.

Екатеринославский комитет РСДРП все шире вовлекал трудящихся в революционное движение. Общезаводские и цеховые собрания проходили уже открыто. О них извещали при помощи красной лампочки, которая зажигалась около табельной доски, когда рабочие по окончании работы подходили снимать номера. Рабочие останавливались, и митинг, или собрание, открывался.

При Совете рабочих депутатов создали семинары для рабочих агитаторов по текущим вопросам; агитаторы выступали на заводских собраниях, а также выезжали в окрестные села, где призывали крестьян вместе с рабочими бороться против самодержавия и помещиков, за демократическую республику.

Общественная жизнь в Екатеринославе била ключом до декабря 1905 года, несмотря на то, что правительство объявило Екатеринославскую губернию на «положении усиленной охраны».

В декабре пришли известия об аресте Петербургского Совета рабочих депутатов. Это не испугало екатеринославских рабочих. Вслед за Московским Советом, объявившим всеобщую забастовку, Екатеринославский Совет, в знак солидарности, объявил стачку по всей губернии. Местами стачка переросла в восстание. Произошли бои революционеров с царскими войсками в Александровске (Запорожье), Авдеевке, Гришино, Юзовке, Горловке и некоторых других пунктах Донбасса. Было много жертв. Рабочие проявляли высокий героизм. Осужденные царским судом, перед расстрелом, перед виселицей они призывали продолжать борьбу.

В Екатеринославе усилились аресты и преследования. Совет рабочих депутатов проводил свои заседания под охраной рабочих. Затем, в целях большей конспирации, был образован боевой стачечный комитет, который повседневно руководил стачечным движением.

Из Москвы приехал член ЦК РСДРП Вадим. На собрании Совета рабочих депутатов он сделал доклад о вооруженном восстании московских рабочих. От имени ЦК до-

кладчик предложил забастовку в Екатеринославе прекратить и сохранить силы для следующих боев. Предложение это было принято.

Рабочим было очень тяжело отступать, но другого выхода не было. В Екатеринослав прибыли новые войска с кавалерией и артиллерией. В рабочих районах были поставлены артиллерийские орудия, производились сплошные обыски и аресты. Партийная организация ушла в глубокое подполье.

Однако в рабочих районах не было уныния. Рабочие понимали, что отступление революции временное, что нужно лучше организоваться, лучше вооружиться, добиться перехода армии на сторону народа и тогда начать решительную битву против царского самодержавия.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ПАРХОМЕНКО

Отрывок из романа

В октябре 1905 года рабочая Москва начала всеобщую забастовку. Через несколько дней забастовка эта охватила почти всю Россию; одних только промышленных рабочих участвовало в забастовке до миллиона. В Харькове, Екатеринославе, Одессе воздвигались баррикады. Царское правительство испугалось, и 17 октября появился манифест царя Николая, обещавший всяческие свободы. Царь, как и всегда, хотел обмануть народ. И русские рабочие продолжали забастовку, демонстрируя на улицах городов свой протест против «свобод» манифеста 17 октября.

Шла забастовка и в Луганске, крупном промышленном городе Екатеринославской губернии. Готовилась и демонстрация протеста. Демонстрацию эту поручено было вести молодому рабочему Александру Пархоменко. И демонстранты и Александр Пархоменко хорошо знали, что во всех промышленных городах против бастующих рабочих двинуты банды погромщиков, так называемые «черные сотни», и что собираются войска и полиция. Демонстранты знали это и готовы были к схватке.

Рабочие, распевая «Варшавянку» и выдвинув вперед знаменосцев, приближались к Успенскому скверу, где их ждали черносотенцы, обещавшие дворянству и купечеству Луганска окончательно разгромить демонстрацию или «лечь костьми».

Все утро и всю предыдущую ночь шел дождь. К полудню просветлело, а затем опять показались рыхлые, холодные, иссиня-темные тучи. Дул пронизывающий ветер, заглушавший голоса. Недавно выкрашенная розовая Успенская церковь заслоняла уходящее солнце. Белые голуби, готовясь к ночлегу, кружились возле ее куполов. Листья тополей, звенящие, тронутые первым морозом, не хотели, казалось, покидать сквер и неохотно летели в уличные колеи.

— И-иду-у-т! — послышался из сквера чей-то пронзительный и ненавидящий голос.

И тотчас же из сквера и из церкви, навстречу демонстрантам, кинулись черносотенцы, крича:

— Бе-ей!

— Торопись, торопись, молодцы! Сейчас казаки на подмогу придут! — кричал широкоплечий человек, весь лоснящийся, как бы свежепокрашенный, от глаз, прикрытых козырьком, до узких щегольских сапог.

Это был староста Успенской церкви и торговец москательными товарами Чамуков, личность в коммерческом мире весьма почтенная, хотя всем было известно, что он пьет запоем, бьет каждодневно жену и детей так, что старший сын его горбат от побоев. Но больше всего он был известен обывателям нелепым своим самодурством, в котором они находили какой-то широкий и многозначительный ум. Прошлой масленицей, например, он велел повесить свою дворовую собаку за то, что она залаяла на него, когда он шел от вечерни. Собаку повесили в саду на дереве, она висела несколько дней, и обыватели говорили об этом чуть ли не целый год. Не меньшим признаком ума считалось и то, что Чамуков, состоя членом правления городского банка, ухитрился безнаказанно украсть половину банковских капиталов, внес часть этих капиталов в черносотенный «Союз Михаила Архангела» и стал главою луганского отделения этого союза.

Сейчас Чамуков вел толпу черносотенцев, чтобы разогнать демонстрацию рабочих. Он приказал итти своим приказчикам, и при-

казчики, гонимые его самодурством, а того более призраком безработицы, пошли; шли также мелкие базарные торговцы, переодетые сыщики и жандармы и всевозможная шпана, которую набрали на «толкучке» и которой обещали хорошо заплатить. Среди этой толпы шла и «интеллигенция», которой Чамуков очень гордился. Это были, кроме его сына Николая, сын помещика и предводителя дворянства Славяно-Сербского уезда Геннадий Ильенко, студент Киевского технологического института Эрнст Штрауб и кадет старших классов Киевского кадетского корпуса Быков. С Быковым Геннадий и Эрнст познакомились в поезде. Мысли их о происходящих политических событиях совпадали. Быков, несмотря на свою юность, сформулировал их с выразительностью Цезаря: «Плетей!» Они сходились также и на том, что внеочередные каникулы, которые получились благодаря забастовке, — очень хорошая вещь, но что желательно было б отдыхать не по причине бессмысленных забастовок, а, скажем, после похмелья или вообще когда тебе самому захочется.

Толпа черносотенцев, — несмотря на то, что юноши из «интеллигенции» всячески подбадривали ее, показывая привезенные из Киева кинжалы с вытисненным на рукоятке двуглавым орлом, — толпа чувствовала себя тревожно. Рабочие внушали ей опасение. Поговаривали, что они обучены в подполье всяким военным штукам, что их казачьими шашками, а не то что двуглавым орлом, не испугаешь, да и к тому же предводительствует ими Пархоменко — известный силач и смельчага. Известно было также, что ранним утром эти же самые рабочие подходили к тюрьме освобождать политических и что отошли только тогда, когда конные полицейские начали строиться, и отошли только для того, чтобы направиться к заводу Гартмана, где к демонстрантам присоединился новый отряд, будто бы вооруженный бомбами.

Между двумя напряженно и медленно сближающимися толпами видна была лужа с тонкими, синеватыми и зазубренными льдинками по краям. Возле лужи, в колею, спустились голуби. Один, с рыжеватым хохолком, клевал особенно быстро, поглядывая на сходившихся и тяжело дышавших людей, как бы говоря: пусть солнце закатывается, а я успею-таки наклеваться! А в отпечатке большого копыта очень удобно пристроился воробей, хотя перед ним пищи не было, а блестели шлепок дегтя и сломанная втулка. Возле лужи поскрипывал полуоторванной дверцей уличный фонарь.

Рабочие переговаривались не о том, стоит или не стоит разгонять черносотенцев, — об этом и не могло быть разговоров, — а о том, как поскорее разогнать. Особенно выросло это желание, когда рабочие разглядели в толпе торговца Чамукова. Это и выгнуло демонстрацию подобно натянутой тетиве лука.

Александр Пархоменко, ведший демонстрацию по поручению луганских большевиков и находившийся в центре тетивы, оглядел ряды. Рабочие сами шли, как лучше и не придумать. По краям демонстрации пустили наиболее смелых и крепких рабочих, чтобы в случае обстрела или провокации из обывательских домов эти рабочие могли воздействовать на толпу. Теперь же стремительность и храбрость увлекли их вперед. Черносотенцы шли по-другому. Им не приходилось опасаться обывателей или полиции, а значит, они не прикрывали сторон, и самые сильные шли посредине улицы рядом с Чамуковым.

— Совсем хорошо, — сказал Пархоменко. — Передай по рядам, пускай товарищи хлынут вправо. Первый удар — сбоку! Прямо бить — это уже под конец надо! А сначала всегда бей сбоку, — добавил он, передавая, быть может, не свою мысль, а выработанную практикой в степных походах предками его, казачьей вольницей.

Пархоменко, заложив руки за спину, изредка весело оглядываясь и смеясь, пошел вперед. На плечах у него было накинуто легкое осеннее пальто с плюшевым воротником. Он слегка повел плечами, как бы проверяя, удобно ли его скинуть в случае чего. По тому, как быстро передали его приказание, он понял, что демонстрация не сорвется и правильно, что послали заводских мальчишек узнать, где собираются черносотенцы, поверили им и, завидя Успенский сквер, быстро перестроили первые ряды, удалив из них уставших.

Чамукову осталось и до Пархоменко и до поющих знаменосцев едва ли двадцать шагов. Пархоменко уже видел его лоснящееся лицо, широко раскрытый рот с большими зубами, синюю фуражку, сдвинутую на ухо. Чамуков высоко поднял длинное березовое полено. Голуби, а за ними и воробей поднялись в воздух. Чамуков, ступив на льдинки, перескочил через лужу.

Но тут сбоку в сквере раздался протяж-

ный испуганный вой. Приказчики остановились. Голоса, видимо, показались им знакомыми. Что-то грохнуло, зазвенело; как узнали впоследствии, упал киоск, опрокинутый теми, кого Пархоменко послал «бить сбоку». Хитрость удалась! Черносотенцы, решив, что их будут сейчас громить с боков и с тыла, дрогнули...

— Бомбы бросают! — крикнул кто-то.

Чамуков остановился. Черносотенцы побежали — и не направо, откуда доносились крики, а налево. Приказчиков уже не было. Какой-то лавочник, тощий и низенький, в длинной поддевке, перекрестился и полез на фонарь.

Чамуков бросил полено и тоже побежал. Штрауб попытался остановить его, выхватив кинжал. Чамуков ударил его кулаком по кисти руки. Кинжал выпал. «С оружием поймают, убьют!» — крикнул Чамуков, но Штрауб не расслышал его слов. Он наклонился, чтобы поднять кинжал: ему жалко было терять это оружие. Толпа смяла его. Он упал. По нему бежали, его топтали. Он пробовал встать и не мог. Под конец какой-то тяжелый кованый сапог ударил его по виску, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, он увидел над собой высокую фигуру. Лицо ее показалось ему знакомым, но кто это — он не мог вспомнить: очень сильно болела голова. Человек сказал:

— Ничего. Очнулся. Помяли. — И он укоризненно добавил, уже обращаясь к Штраубу: — Вот и помяли; связываетесь со всякой дрянью, а еще студент! Случайно, что ли, попал?

— Нет, не случайно, — сказал Штрауб вставая. — Вы — Пархоменко? Так вот: у вас одни убеждения, а у меня другие, противоположные.

— Ну, и идите вы с другими убеждениями в сторону! А то ребята вам еще раз бока намнут. А за мундир мне ваш — стыдно. Студентов мы привыкли по-другому понимать.

— Пархоменко-о! Саша-а!

— Иду-у...

Штрауб шел к дому Чамукова среди толпы рабочих, и чем теснее сжимала его эта толпа, тем больше он ненавидел ее. «Нет, не плетей, а винтовок, винтовок!» — шептал он про себя.

Тем временем рабочих охватывало все более и более радостное, почти счастливое волнение. Они пели, и хотя поющих не прибавилось, голоса их стали как будто гуще. Знамена казались непередаваемо пурпурными и легкими. Полиция заперлась в участках, заставив шкафами двери, а телегами ворота. К демонстрантам пришли жены и дети с гостинцами. До поздней ночи они смотрели на поющих и шагающих.

Пользуясь покровом ночи, все возле того же Успенского сквера, конные полицейские выскочили из тьмы и бросились с обнаженными шашками на демонстрантов, распевавших в сквере революционные песни. Демонстранты расступились, как приказал им Пархоменко. Полицейские, решив, что демонстранты бегут, ворвались в сквер.

— Сомкнись! — крикнул Пархоменко. — Тяни с коней!

Толпа молча хлынула к полицейским. Пархоменко стащил с коня самого высокого, который занес было над ним шашку.

— Не умеешь, не берись воевать, — сказал Пархоменко полицейскому, который жалобно вопил, что лишь нужда заставила его служить царю. Пархоменко расседлал коня, кинул седло через забор. Конь, легко стуча копытами, ускакал... Пархоменко следил за его бегом. Он любил коней. А кроме того, это был первый плененный им конь!

Ночь не спали. Организаторы шествия были довольны Пархоменко. Усталый, пыльный, жаркий, он пил воду из большого ковша и говорил:

— Теперь не полезут. Мертвец — эта черная сотня!

В конспиративной квартире на столе лежали только что полученные из Петербурга большевистские издания. Барев, рабочий, с крупной седой головою, рассортировывал брошюры. Перед ним лежал список — на какой завод или шахту какая требовалась литература. Литературы не хватало. Особенно брошюр, написанных Лениным! И Барев неторопливо и бережно брал брошюры в красных, серых и оранжевых обложках, подолгу размышляя над каждой, куда ее направить. Так опытный артиллерист выбирает наиболее поражаемые места у противника, чтобы туда направить огонь своих орудий.

— Читал? — показывая Пархоменко одну из брошюр Ленина, спросил Барев. — Хорошо написано, каждое слово наизусть изучать надо...

Тогда Пархоменко, счастливо улыбаясь всем своим юным и свежим лицом, осторожно достал из внутреннего кармана пиджака

небольшой сверток газетной бумаги. Внутри свертка лежала как раз та брошюра Ленина, на которую указывал Барев.

— А я — ее наизусть, — сказал торопливо Пархоменко. — Хочешь, буду говорить, а ты следи? Мне, да Ленина не знать! Барев, а ты его в лицо не видал?

— А зачем тебе лично Ленин?

— Думы! Ты рассчитываешь — молод, так и дум нету?

— Этого я не рассчитываю, Саша. А вот только ты напрасно рассчитываешь, что черная сотня теперь на нас не полезет! Полезет! Ты, Саша, демонстрацию вел умело и разогнал черную сотню замечательно, а все-таки я б на твоем месте так не заносился. Черная сотня, верно, — мертвец! Но, брат, в мертвеце-то трупный яд есть...

— Что же, завтра на заводы полезут? — спросил Пархоменко.

— Зачем же им на завод? Завод их опять отгонит. Нет, они за слабых возьмутся. Быть завтра еврейскому погрому, товарищи.

И точно, на рассвете прибежал заводской мальчишка и сказал, что в чайной «Союза русского народа» лавочники готовятся бить евреев, что охранники и полицейские переодеваются.

Пархоменко вскочил. Высокий, почти упираясь в потолок кухни, он глядел жадными серыми глазами на седого большеголового рабочего, который, держа список в левой руке, проверял, так ли разложил брошюры. Предстояло заседание. Седой рабочий Барев знал многое, и его слушались. А сейчас Пархоменко казалось, что Барев хотя и одобрил ведение демонстрации, но не одобрил бахвальства, которое он услышал от Пархоменко. Да ведь какое ж бахвальство? Великая штука — выгнать из сквера черносотенцев, ударить им сбоку! Вот сейчас предстоит дело. И Пархоменко увидал себя на баррикаде посреди улицы. Охранники, полицейские с винтовками наперевес идут к баррикаде. Присоединяются еще и жандармы. Пархоменко подпускает цепь, командует: «Огонь!» Цепь черносотенцев падает, и всюду кричат...

Он сказал:

— Прошу поручить мне и баррикады, и защиту слабых, и недопущение погрома...

— Баррикады будут, когда прикажет партия, — сказал рабочий Барев. Без укора, а разъясняя, он повторил: — Когда прикажет партия, а не когда нас будут провоцировать охранники! И на погром мы должны ответить не баррикадой, а отбросить их метлой — дать им знать, что не таков Луганск, не таков его рабочий и не таков город, чтобы принимать на себя позор погромов...

Пархоменко опять не вытерпел:

— А разрешаете ли применять оружие, если охранка идет против беззащитных с ножом?

— Это уж, как ты, Саша, сызмальства понял.

МИХ. СОКОЛОВ

ИСКРЫ

Отрывок из романа

Семнадцатого октября работа на заводе началась, как начиналась всегда. После первого гудка на проходных центральных воротах открыли ящики с бесчисленными гвоздиками для номеров. После второго гудка к заводу со всех сторон потянулись по первой пороше нескончаемые вереницы рабочих, и пустые ящики быстро стали наполняться отполированными в карманах, блестящими медными кружочками.

Леон не уходил домой и пробыл на заводе всю ночь. Члены комитета и активисты тоже всю ночь провели в цехах. Они разговаривали с рабочими, еще и еще раз напоминали, чтобы никто не ушел в решительную минуту, как бы случайно роняли слова о событиях в столицах, о том, что утром, когда придут рабочие дневной смены, будут сообщены интересные новости, а перед утренним гудком все разошлись по своим местам.

Леон был у первой мартеновской печи. Рядом с ним стояли два его напарника. Широкий конопатый парень со странным именем Леська сказал над ухом:

— Кажись, пора, Леон! — и взялся за лом.

Леон взглянул на карманные часы, покачал головой и посмотрел вглубь цеха. Там возле каждой печи стояли завальщики.

Розно в шесть часов утра гудок прогудел три раза. Через минуту рев его повторился, и тотчас во всех цехах из-под крыш, из-за машин, с кранов полетели белые листки и закружились, замелькали в воздухе, как стаи голубей.

— Дава-ай! — резко взмахнув рукой, крикнул Леон и, когда Бесхлебнов сбросил листовки с крана, побежал вниз, в газогенератор.

Леська и друг его стали яростно бить в летку печи. Торопясь, чтобы им не помешал мастер, они били неумело, мешали друг другу и немного замешкались. Наконец из летки вырвались первые искры, потом сноп искр и показался металл. Леська дернул за рукав напарника, отбежал с ним в сторону.

Металл искрящейся струйкой, потом ручьем и, наконец, потоком бежал по выложенному кирпичному желобку, полился в канаву, и в воздухе, стреляя во все стороны, взвился ослепительный фейерверк и озарил цех багряным заревом.

Через минуту полился металл из крайней, шестой печи, потом из четвертой, второй... И цех залил огонь.

Когда Леон, перекрыв газ, прибежал к канавам, глазам его открылось невиданное зрелище. Все шесть печей водопадами извергали на землю, в канаву, раскаленную добела лаву. Брызги ее огненным вихрем взлетали под высокую крышу, трескучим ливнем осыпали краны, били в стены феерическими каскадами.

Мастера, инженеры, начальник цеха бегали от печи к печи, что-то кричали, потрясали кулаками, но рабочие стояли в стороне и смотрели, как все лилась и падала жижа стали, и на розовых лицах их были радость, и гордость, и торжествующая суровость.

Леон взобрался на вагон-площадку с изложницами и заговорил бурно, порывисто:

— Товарищи! В России идет революция! Рабочий класс и весь трудовой люд поднялись на решительную борьбу с самодержавием. Петербургский пролетариат остановил все заводы и избрал свой Совет депутатов для защиты рабочих интересов. Железные дороги, фабрики и заводы объявили всеобщую политическую стачку. Всюду пролетариат выходит на улицу с красными знаменами. Самодержавие трещит по всем швам, но еще пытается обмануть нас ложными обещаниями и созывом бесправной Думы. Мы не верим этим обещаниям! Дума помещиков и капиталистов не улучшит положения народа. На улицы мы пойдем! В решительный бой за свои права, за права трудящегося человека, за свободу, за демократическую республику. Именем революции объявляю завод остановленным!

И по заводу, по цехам покатился ликующий клич:

— Ста-но-ви-и рабо-оты!

— Революция-а-а!

В литейном цехе мастер Клюва, дослушав горячую речь Ткаченко, укоризненно покачал головой:

— Ай-я-яй! — и заорал: — Не слушайте его, крамольника! Все по местам! Включить дутье вагранок!

— За ворота его, толстопузого! — крикнул Ермолаич.

Клюву схватили, набросили на него рогожный куль и выкатили из цеха на тачке.

— Счастливого пути, господин Клюва!

— Тебя куда, мастер, за ворота или в казенку? — провожали его веселые голоса.

— Ермолаич, мерзавец, рассчитаю! — грозился Клюва из рогожи, но его под хохот и свист вывалили из тачки на черно-серую горячую землю за цехом.

Литейщики деловито выпустили на землю чугун из всех трех вагранок и сошлись на средину цеха.

В доменном возле печи стояли Лавренев и Иван Гордеич. Искры осыпали их звездным вихрем, одежда на них была красная и дымилась от жара, но они заслоняли лица рукой и не уходили, наблюдая за леткой. Вот Иван Гордеич поднял руку, немного подержал ее в таком состоянии и резко опустил.

Каталь Герасим мелькнул в искрах и исчез за печью, а через минуту оглушающий шум прекратился, люди отбежали в сторону, и по канаве полилась и забурлила неторопливая чугунная жижа, озарив все розовым светом.

— Все? Можно итти домой? — крикнул над ухом Лавренева Иван Гордеич.

— Выпустить металл, продуть летку и перевести все три печи на холостой ход! — ответил Лавренев.

— Этого я не вправе делать, сынок, — возразил Иван Гордеич, но тут же позвал каталя Герасима и сказал: — Надо остановить второй и третий номера. Рискнем? Раз вся Россия поднялась, нам находиться в стороне от народа грешно.

Герасим кивнул головой.

В механическом цехе Ряшин стоял на станке и говорил речь:

— ...ибо в единении сила! А забастовка — это могучее средство в наших руках. Объявляя забастовку, мы тем самым заявляем правительству и капиталистам о своих насущных правах. Все демократические элементы общества поддержат нас в нашей борьбе за свободу...

Лавренев встал рядом с ним на станок, поднял руку и обратился к рабочим:

— Товарищи! Социал-демократическая партия призывает вас подняться на политическую забастовку для свержения царских властей и установления республики. А сейчас будем выбирать депутатов в наш, рабочий Совет. Долой царизм! Долой правительство Николая Кровавого!

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ

БАРРИКАДЫ В ХАРЬКОВЕ

Воспоминания литератора, участника революции 1905 года

Десятое октября.

Я — в Харькове... в том самом Харькове, где год тому назад обыватель окраин распевал однообразную и глупую песню «Разлука, ты, разлука», и где теперь «товарищ» поет или, вернее, бросает в лицо врагам, как вызов, «Отречемся от старого мира».

В городе нервное, приподнятое настроение. Все ждут чего-то необычного... События надвигаются.

Телеграммы — нарасхват. Разговоры — только о железнодорожной забастовке. У всех на устах одна и та же фраза: «железные дороги стали». Сегодня могучее движение властно и широко захватывает всех тех, кто угнетен, лишен политических прав.

2 часа дня. По Московской быстро и радостно катит свои волны человеческая река. Котелков, цилиндров и шляпок не видно. Идут тысячи рабочих прямо из мастерских, от станка. Закоптелые лица и руки... Только что пошабашили!

«Вставай, поднимайся...» — несется из конца в конец.

По середине улицы стоят брошенные вагоны конки. На крыше одного из них пляшут мальчишки и во все горло орут: «Забастовка!.. Забастовка! Ура!..»

Магазины быстро закрываются.

Принуждены забастовать черносотенные «Харьковские ведомости» и «Южный край» Юзефовича.

В редакции «Южного края», по установившемуся обычаю, выбиты стекла в окнах.

— Товарищи — с нами!.. Товарищи, присоединяйтесь! — слышались веселые, возбужденные крики...

— Куда?..

— К железнодорожным мастерским... На митинг!

До сих пор центром движения был паровозный завод. Туда стекались на митинги, оттуда шли на демонстрации; сегодня — праздник «на улице» железнодорожных рабочих.

Река растет, ширится и разливается по тротуарам.

Я иду в толпе.

— А мастерские-то железнодорожные, — обращается ко мне один из рабочих, — сами стали! Да еще раньше нас, паровозников. В апреле не хотели слышать о «политике». Наш оратор, социал-демократ, стал им говорить о 9 января, — кричат: «басни рассказывает»; стал говорить о свободе, об Учредительном собрании, — какое там, кричат: «долой, не надо, это посторонний, у нас свое дело, у нас экономическая забастовка...» Так и не дали говорить. Первого мая наши паровозники пришли их снимать, так они их в гайки приняли, ораторов позволили арестовать... А нынче-то! Сами громче нас кричат о политике. Вот время-то какое, товарищ!.. А почему? Думали, что политику агитаторы выдумали, а как правительство напечатало свой закон 6 августа о Государственной думе, — разом всем рабочим, самым темным, открыло глаза. И лучше прокламации! Да как же, посудите сами, товарищ, это ведь понять очень даже просто: почему рабочему нет места в Думе? Ему политика не нужна? А кто ж законы писать будет? Капиталист да помещик? Нет уж, извините. Рабочие этого не позволят. Не позволим, и баста! Долой Государственную думу! Правильно я говорю, товарищ?

Вот и железнодорожные мастерские: почитали манифест, глянули на железнодорожную забастовку и поняли, что правду поют у нас на Украине: «Як без политики жити», поняли и теперь впереди нас идут.

Пока товарищ меня агитирует, мы уже доходим до Николаевской площади.

Навстречу показываются драгуны и скачут по Московской мимо нас в противоположную сторону; им вдогонку несется оглушительный свист.

Полиция пытается что-то предпринять...

Власти растеряны. «Удар великой общей стачки их выбил из колеи».

Полицмейстер Бессонов (он случайно был ранен в ногу в 1902 году при покушении Фомы Кочуры на губернатора Оболенского) умоляет разойтись по домам.

— Ну, убейте меня, если хотите, но зачем же нарушать порядок? Ведь Харьков — это самый спокойный город, а вы хотите беспорядки устроить... И нам беспокойство и семьям вашим... Зачем?

Его не слушают, его не слышат, им не интересуются.

Мимо его коляски, конных стражников, мимо казаков толпа пересекает Николаевскую площадь и идет к университету...

Там сейчас сходка. В окнах видны тужурки, синие воротники.

— Товарищи! — возмущаются рабочие. — Мы уже бросили работы, а вы тут чего сидите?

— Мы сейчас, сейчас! Наши уже пошли. Мы знаем!

И река все прибывает и течет дальше по университетской горке, по Екатеринославской к вокзалу, к мастерским — и не видно, где конец и где начало этой реки.

Четыре часа продолжается непрерывно это движение к мастерским на митинг.

Вокзал пуст. Носильщиков не видно. Буфет пуст. «Где стол был яств», там теперь трибуна ораторов.

Линия сплошь залита народом. Идут, идут, идут, а вагоны — стоят, стоят, стоят...

Только один паровоз пыхтит и собирается куда-то отвозить несколько вагонов.

Вагоны полны ребятишек. Вокруг рабочие. Это забастовщики отправили школьников на ближайшие станции к родителям, чтобы те не беспокоились.

Навстречу от мастерских с красными знаменами идут тысячные толпы товарищей-рабочих.

— Заворачивайте! Здесь места не хватило. На Ващенкову леваду!

И с пением «Дубинушки», с радостным сознанием своей силы, с дружными возгласами все двигаются к леваде на митинг.

«Но настанет пора — и проснется народ, разогнет он могучую спину!» — звенит голос запевалы. Запевала поет так, как, наверное, не певал никогда: ведь он сам, да и тысячи людей, идущих с ним в ногу, всем своим существом сознают, что эта пора уже настала, «уже проснулся народ». И тысячи молодых и радостных голосов подхватывают дружный припев: «Гей! Дуби-и-нушка, у-ухнем...»

И женщины, забыв о хозяйстве, бегут от калиток и бросаются в волны людские...

Какой простор! Сколько жизни! Сколько уверенности в победе...

Пришли, а сзади еще идут без конца.

— Вот так левада! Да здесь хоть сто тысяч собирайся, — раздаются веселые возгласы.

— Товарищи! Здесь тысяч тридцать народу; надо разбиться на три митинга, а то у ораторов голосу не хватит.

Откуда-то появились столы. Около столов и скамей взвились красные знамена. Ораторы уже взобрались на трибуны.

Разом сейчас будут три митинга открыты. Но все три митинга будут объяты одной мыслью, одним настроением, одним предчувствием чего-то важного и необычайного.

Провокаторы пытаются вызвать смятение и сорвать митинг.

— Казаки! Казаки! — слышатся вопли в толпе. Выстрел один, другой...

Толпа колеблется... Часть пришедших в безумной панике бросается в сторону. На момент ничего нельзя разобрать; многие бегут, попадают в канаву.

— Стойте! Остановитесь! — кричат с трибуны.

— Хватайте тех негодяев, которые станут стрелять. Это провокаторы!

Спокойствие водворяется. Слышатся шутки и насмешки над теми, кто побежал от слова «казаки».

— Ничего, привыкнем, это репетиция...

— Пора начинать!

— Товарищи! Внимание!

Громадная площадь разом замирает. Многие пришли сюда в первый раз. Многие еще вчера не знали, что они тоже сегодня будут «бунтовать» и заниматься «политикой». Многие не знают, что такое эта политика. Они жили в своих домишках-развалюшках, выходивших на площадь, выползали по вечерам на крылечки и поглядывали

на огромную площадь, а на площади бродили грязные, оборванные ребятишки и домашние животные.

А теперь здесь «митинг» и пришли сюда «ораторы», и смирные обыватели покидают «крылечки», бегут к «трибуне», — и будничные заботы, нелепые басни и пересуды, точно болотный туман, уступают дорогу чистому небу.

Ораторы говорят о значении всеобщей политической забастовки, о прекращении движения на всех почти железных дорогах, говорят о «непотребном учреждении» — Государственной думе, об Учредительном собрании.

Один из ораторов заканчивает речь словами:

— Товарищи! Правительство хочет уверить и нас и весь мир, будто политические требования чужды интересам рабочих, навязываются агитаторами — людьми, посторонними рабочему классу. Правительство уверяет, что мы можем бороться только за пятак и устраиваем только экономические забастовки. Напрасно правительство говорит за нас. Ответим всей стране: мы сами за себя.

— Какая у нас сейчас забастовка: экономическая или политическая?

И, как удар громовой, несется дружный ответ десятков тысяч:

— Политическая!

— Да здравствует политическая всероссийская забастовка! — провозглашает оратор.

— Да здравствует!.. Ура! — подхватывает могучее эхо...

Другой оратор приводит слова рабочего Петра Алексеева, сказанные на суде двадцать пять лет тому назад.

— Товарищи, — говорит оратор, — вы часто слышали эти слова. Теперь они уже воплотились в жизнь. Если бы пришел к нам дорогой товарищ Петр Алексеев из далекой сибирской тайги, куда его упрятало правительство и где он был убит, если бы он пришел сюда, он бы увидел, как сильна рабочая армия наша. Он бы сказал: «Сбылись мои слова: мускулистая рука рабочих уже поднялась. Пусть трепещут тираны; пусть вздохнут с облегчением все лишенные света, все лишенные прав. Недаром мы шли на смерть!» Так сказал бы Петр Алексеев... Товарищи! Тени великих борцов с нами. Они — здесь; мы чувствуем их огонь в наших сердцах.

Темнеет Шесть часов вечера.

— В город! К Николаевской площади! Идем все вместе! Спокойствие и порядок! — раздается с трибуны.

Левада пустеет.

В полном порядке, торжественно и стройно двигаются бесконечные ряды.

Живой поток буквально залил все пространство между двумя рядами построек. Ни тротуаров, ни мостовой не видно.

— Долой Государственную думу!.. Да здравствует Учредительное собрание! — перекатывается из конца в конец; те же лозунги горят на громадных красных знаменах.

Впереди вокруг знамен идет боевая дружина.

Вот Панасовка... Там дальше тюремная площадь и уродливая тюрьма с круглыми башнями.

Подле участка на Панасовке стоят бледные, как смерть, городовые. Они с ужасом ждут нападения и разгрома. Они сами протягивают револьверы и шашки, они говорят, что тоже «забастовали»...

Их не трогают. Дальше! Мимо!

Что это? На толпу во весь карьер несутся драгуны... Вот они совсем близко. Они хотят рассеять «мятежное скопище» и не допускать к тюрьме... Задние их не видят, а крики «драгуны! драгуны!» уже не вызывают никакой паники.

— Товарищи, вперед! — распоряжается боевая дружина. Раздается залп!..

Один из рабочих, шедших к нам навстречу, рассказывал потом, что было дальше с драгунами.

«Ну, чаво побегли?! Заворачивай назад!..» — кричал, вероятно, вахмистр своим растерянным спутникам.

Драгуны нехотя вновь повернули к толпе.

«Чего побегли?! — с досадой ворчали они. — Аль не видишь? Чай, пули мимо самых ушей свистят».

Проехав тихой рысью несколько десятков шагов, они остановили лошадей и — вновь назад, подальше от греха.

В толпе демонстрантов настроение разом поднялось.

Когда впереди раздались крики и залпы, в центре толпы и в хвосте, растянувшейся на целый квартал, никто ясно не представлял себе, что там, впереди, творится.

На минуту подумали, что опять провокация, а когда выяснилось, что войска пытаются преградить путь, тысячи рабочих бросились к бесконечно длинному забору,

мимо которого шли, и разобрали его моментально, вооружившись жердями и дубинками.

* * *

11 октября уже с 9½ часов по Петинской улице к паровозному заводу за город поспешали рабочие, служащие, девушки.

Всем казалось, что на паровозном будет центр событий.

Впрочем, громадное скопление публики наблюдалось в разных местах.

В этот день почти все магазины, за исключением разве самых незначительных, были закрыты, конечное движение не возобновлялось, на почте не принимали денег и корреспонденции.

Газет и телеграмм не было: хотелось знать — и никто не знал, что творится теперь в других городах.

Собралось на поляну перед заводом тысяч пять. Тут были главным образом паровозники и местные жители.

Когда по-вчерашнему начали стрелять провокаторы, часть толпы пришла в смятение, а затем при появлении казаков, выстроившихся вдали против трибуны, уставленной знаменами, эта часть толпы совсем отделилась и остановилась на пригорке в качестве зрителей. Напрасно их убеждали, стыдили — отошедшие не двигались.

Часам к 11 прорвалась из города (полиция долго пыталась преградить доступ к паровозному) громадная толпа городских рабочих и учащихся. На поляне стало вдвое больше народу. Ораторы говорили о важности момента, о солидарности...

Около 12 часов прибыли из города несколько человек с важными вестями: «Возле университета — баррикады. Студенты зовут товарищей рабочих. Нужна помощь».

Наиболее пылкие уже готовы были призывать в город, но большинство настояло, чтобы послать туда разведчиков: если окажется, что в университете и около него мало народу, решено было лучше звать сюда, чем уходить отсюда.

Никто не обратил в то время внимания на то, что казаков уже не было: они куда-то исчезли.

Со станции Бавария из Григоровки, что в семи верстах от города, пришли работницы канатной фабрики; было много и деревенских.

Впереди пятитысячной толпы несли громадное красное знамя. У каждой девушки в руках была свежесорванная ветка. С высокоподнятыми ветками, этими деревенскими знаменами, с оживленными, радостными лицами они приближались к трибуне. Казалось, двигался лес.

У ораторов точно крылья выросли: ведь пришли незатронутые люди, для которых каждое новое слово являлось откровением. И они слушали с огромной жадностью. Мы говорили о деревне, о том, что творится на родине, о борьбе и о том, чего надо добиваться крестьянам и рабочим.

В это время новые вести из города взволновали всех.

Ждать больше нельзя было.

— Товарищи! Торопитесь! Могут устроить бойню около университета! В городе события. Скорее!

— В город! В город! — кричали даже те, которые несколько часов тому назад стояли зрителями в стороне. Настроение было великолепное.

Назначив на завтра в час дня общенародный митинг на Николаевской площади, решили итти к университету.

Ораторы предложили не петь, итти по тротуарам не всей массой, но тысячные толпы запрудили всю улицу. Они пели революционные песни, и ораторы пели вместе с ними.

Работницы из Григоровки слились с рабочими-паровозниками, типографщиками, гельферихцами... Они вступили в новую, еще неведомую им страну.

— Слушайте, дяденька, — обратилась одна из них к почтенному рабочему.

— Какой я тебе дяденька, — прервал ее тот, — я товарищ и ты товарищ, так и зови меня товарищем. Тут мы все — товарищи. Нас миллионы, но у нас одно сердце — тем мы и сильны. Ты знаешь, что такое товарищ? Это — великое слово, это — больше отца, больше матери, больше детей. Нет на свете лучше этого слова, верно я тебе говорю!.. За товарища нужно жизнь отдать. В одиночку ведь мы — соломинки, а вместе мы — великая армия. Товарищество — это «один за всех и все за одного». Поняли, товарищ, мои слова?

— Поняла! Это по-нашему, по-деревенски, говорят «дяденька». Мы ведь живем далече от вас. По-вашему еще не научились разговаривать.

— Ты работница?

— А как же: мы на канатной работаем.

— Ну так знай: у нас с тобой один разговор. У нас, у рабочих, во всех странах один язык. Мы все задыхаемся от нужды

да гнета. Мы все соединяемся в одну армию для борьбы. Мы все боремся за новый мир!

Девушка все расспрашивала своего нового товарища и все больше и больше проникалась сознанием, что здесь, в этой огромной толпе, и она не зритель, не деревенская девушка, пришедшая с подругами погулять, а товарищ, участвующий в великой борьбе «за лучший мир, за свободу»...

— Скорей идите! — торопили мы друг друга. — Что там происходит?..

Когда, наконец, мы вышли из-за угла, на всех нас разом хлынул целый поток совершенно новых, неожиданных впечатлений.

Все остановились... Навстречу несся целый вихрь мятежных звуков. Это защитники баррикад, увидев нас, ударили в набат на колокольне собора и в университетской церкви.

«Бой!.. Бой!.. Бой!..» — гремели колокола.

Казалось, кто-то огромный с пламенными взорами, с красным знаменем протягивал нам руку.

Впереди виднелась баррикада, протянувшаяся во всю ширину университетской улицы...

За ней открывалась другая...

На крышах университетских зданий, на баррикадах толпились студенты, рабочие... Они махали шапками, приветствовали нас. Красные знамена развевались высоко над баррикадами...

Даже сверху, с колокольни собора, свешивалось красное знамя...

Мятежный звон колоколов и кровавый цвет знамен, крики с баррикад и бурные приветствия — все это слилось в одну мелодию.

Осмотревшись, мы увидели на Павловской площади между баррикадами и нами толпу хулиганов с национальными трехцветными флагами. Они ждали момента, чтобы начать «патриотические» грабежи.

Нас они вовсе не думали встретить и растерялись...

Полтораста шагов отделяло этих «патриотов» от «крамольников». Громилы, разыгрывающие русский народ, преграждали нам дорогу.

Но только одно мгновение виднелась эта кучка. Те, которые шли впереди, устремились против врагов бегом; вся толпа не поспевала за передними и оторвалась от них.

Бежавшие сделали, казалось, не 150 шагов, а всего один прыжок — и хулиганов не было!

Через несколько минут мы были на баррикадах среди своих, среди товарищей, уставших ждать и уже переживших в городе ряд событий...

Нам рассказали, что происходило в городе перед нашим приходом.

В городе также с раннего утра началось возбуждение, и к 11—12 часам университет и Николаевская площадь стали центрами событий. Университет превратился в крепость и был опоясан баррикадами.

На Николаевской была рассеяна рабочими и студентами патриотическая манифестация и разбиты два оружейных магазина.

У всех на устах были события предыдущего дня: митинги на Ващенковой леваде, на вокзале, в городе на одном из дворов. Говорили о разгроме оружейного магазина Тарнопольского, о баррикаде перед этим магазином... О залпах войск и о жертвах.

Атмосфера, как передают участники, была насыщена электричеством. Чувствовалось всеми, что сегодняшний день спокойно не пройдет.

По улицам двигались солдаты, разъезжала кавалерия.

И вот, как искры на бочку пороха, летят тревожные вести в университет: полиция и войска хотят сюда войти «отпраздновать автономию» университета, хотят разогнать сходку силой.

Надо было с минуты на минуту ждать взрыва, и он произошел.

Без заранее обдуманного намерения, без предварительного сговора все разом пришли к единому решению, единому способу действий; всех охватило одно чувство, могучее и стихийное. Это был взрыв возмущения и пламенного энтузиазма.

— Им хочется крови?! Мы будем защищаться! Не расходиться! Баррикады!..

И заговорили камни. Разбирали мостовую и сносили камни в кучи. Валили телеграфные столбы, срывали с них проволоку.

Из дворов тащили бревна, железо, дрова, веревки.

В ограде собора сняли громадные железные ворота и, как перышко, снесли на мостовую.

Работа кипела...

М. Д. ГОРЧАЕВ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА РАБОЧИХ СЫЗРАНИ

Воспоминания Михаила Дмитриевича Горчаева, старого большевика, участника революционного движения с 1904 года. Написаны для этого сборника

Я начал свою революционную деятельность в 1903 году в г. Сызрани, где родился и работал на небольшом металлообрабатывающем заводе.

Город Сызрань был тогда невелик (всего 55 тысяч жителей), но это был железнодорожный узел и один из центров хлебной торговли на Волге. На паровых мельницах и асфальто-шиферных заводах, в железнодорожных депо (их было два), типографиях и хлебопекарнях работало около 12—15 тысяч человек.

Еще в 1900—1902 годах среди рабочих Сызрани стали распространяться марксистские идеи. Революционное движение быстро росло: в 1903 году кружков РСДРП было 4, а в 1904 году их стало 15, в том числе два военных, обслуживавших проходившие на Дальний Восток военные эшелоны. За несколько месяцев 1905 года было организовано еще 12 кружков РСДРП большевистского направления.

В период войны с Японией через Сызрань шли эшелоны с войсками, направлявшимися на Дальний Восток. Мы распространяли листовки среди солдат. Днем это трудно было делать, так как мешали жандармы, офицеры и шпики, которые так и ходили по пятам. Поэтому мы предпочитали распространять листовки среди солдат по ночам. Нам очень помогали в этом женщины и подростки: они торговали пирожками и, заворачивая их в листовки, предупреждали покупателей: «если грамотный — прочти!»

Когда не удавалось снабдить эшелоны листовками на станции Сызрань, члены РСДРП ухитрялись делать это по дороге между Сызранью и Батраками: останавливали поезд под предлогом неисправности путей или на станции Батраки, при смене бригад производили осмотр эшелона и составляли фиктивные акты о неисправности. В это время наши агитаторы передавали солдатам листовки и беседовали с ними о положении на Дальнем Востоке, о том, в чьих интересах ведется война с Японией.

Стачечное движение в Сызрани началось осенью 1904 года.

Первая стачка произошла на асфальто-шиферных заводах в Батраках. Рабочие жили здесь в невыносимых условиях, в темных и сырых землянках. Вместо денег рабочим выдавали заборные книжки, по которым им приходилось покупать лежалые и порченые продукты. Рабочие забастовали и выставили требования: отменить заборные книжки, выдавать заработную плату деньгами еженедельно и уменьшить рабочий день с 14 до 10 часов.

Может быть, хозяевам и удалось бы сломить забастовщиков, но их поддержали рабочие-железнодорожники. Они не пропустили направленных в Батраки казаков. Когда же местное начальство послало из уезда конных стражников, рабочие встретили их с боем, а сызранские железнодорожники заявили, что приостановят движение, если требования рабочих асфальто-шиферных заводов не будут удовлетворены. Угроза железнодорожников подействовала.

В 1905 году стачечное движение развернулось шире. В конце января забастовали металлисты, однако через три-четыре дня часть их вернулась на работы. Затем к стачке металлистов стали присоединяться мелкие предприятия — кожевники, столяры, пекари. Эта забастовка прошла несогласованно и потому безрезультатно. Учитывая это, партийная организация усилила свою работу на предприятиях. Кроме того, она выделила организационную «семерку» для вовлечения в стачку рабочих крупных предприятий города.

В это время на одном из металлообрабатывающих предприятий рабочий Искоркин попал под ремень, соскочивший с трансмиссии, его замотало и ударило головой о перекладину. (В цехе не было предохранительного заграждения.) Весть о смерти Искоркина сейчас же облетела город. Вызвали хозяина, но он не пожелал говорить с выборными, а отца убитого толкнул в грудь. Возмущенные рабочие бросили работу и объявили стачку. К ним присоединились мукомолы, пекари, кожевники, столяры, типографщики, железнодорожники и работники почты.

В похоронах Искоркина приняло участие 5—6 тысяч человек; похороны превратились во внушительную политическую демонстрацию. По пути к кладбищу было сделано несколько остановок для коротких митингов; провели митинг и на кладбище, где от имени металлистов выступить поручено было мне. Провозглашались лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика, восьмичасовой рабочий день!», «Долой войну!».

До окончания похорон полиция не решилась вмешаться. Но когда мы возвращались с кладбища с красными флагами, на нас напали оренбургские казаки и солдаты. Некоторым участникам демонстрации досталось плетьми, были и раненые. В ту же ночь были арестованы те, кто выступал на кладбище, и те, на кого указали агенты охранки. Всего было арестовано 10 человек, среди них был и я. Меня продержали в тюрьме две недели.

Стачки между тем не прекращались, но проходили они разрозненно и некоторые из них кончались безрезультатно.

Революционное движение захватило и село. Крестьяне села Отрадного Жигулевской волости первыми стали делить зерно из амбаров графа Орлова-Давыдова. За ними потянулись крестьяне Усинска, Шигон, Малячкина и других мест. Работа на селе для нас, малоопытных политических работников, представлялась трудной, к тому же на крестьян в ту пору большое влияние имели эсеры.

На подавление крестьянского движения правительство направило гвардейские полки — Семеновский и Преображенский, — которые жестоко расправлялись с «крамолой». Однако движение все шире охватывало Поволжье. Подавленное в одном месте, оно возникало с новой силой, едва уходили карательные отряды, и захватывало все новые деревни, даже целые районы. После Жигулевской волости пожар восстания перебросился в Троицкую, Рачейковскую и другие волости.

Партийная организация Сызрани с января 1905 года перестроила свою работу, значительно расширила сеть партийных коллективов на предприятиях и железной дороге, подобрала более активных и опытных руководителей, перешла от кружковщины и замкнутости к постоянной тесной связи с массами.

Первое мая 1905 года было проведено организованно и удачно не только в городе, но и в деревне — в Жигулях, Усолье, Усинске.

Накануне праздника наши товарищи обошли всех владельцев лодок, договариваясь с ними о сдаче лодок внаем для праздничного гулянья. Большая часть владельцев лодок согласилась на это. У тех же, кто не дал согласия, мы в ночь на 1 Мая пробуравили днища лодок и вывели их из строя. Поэтому полиция не смогла использовать лодки для разгона демонстрации на реке.

В городском саду на берегу Волги по воскресным вечерам играл военный духовой оркестр. Вечером 1 Мая на реке открылся митинг на лодках, и публика из сада хлынула на берег, чтобы услышать ораторов.

Взбешенные жандармы произвели аресты активистов и руководителей движения.

В октябре 1905 года, к моменту издания царского манифеста, Сызранский уезд был наводнен карательными отрядами. Жандармы, офицеры, шпики твердили солдатам запасных частей: «Вас отпустили бы домой, но задержка происходит из-за бунта рабочих, а их подстрекают студенты, иноверцы и просто пьяницы, которым ни бога, ни царя не нужно».

Когда манифест был обнародован, наша руководящая группа организовала большую демонстрацию. В ней приняли участие металлисты, мельничные рабочие, кожевники, портные, столяры, деревообделочники, типографы, рабочие-железнодорожники. Шествие двигалось с красными знаменами, останавливаясь для кратких митингов. Но тут жандармы, казаки и конная полиция врезались в ряды демонстрантов, разбили их на части и начали разгонять плетьми, прикладами и даже штыками.

Нас, передовую колонну в 72 человека, оттеснили на станцию Сызрано-Вяземской дороги, пытаясь загнать в помещение вокзала. Мы оказали сопротивление. Запасные солдаты пустили в ход приклады, началось избиение. Тогда рабочие подняли меня над толпой и я обратился к солдатам:

— Стойте! Прекратите избиение! Мы такие же рабочие и крестьяне, как и вы. Мы хотим, чтобы рабочие получили восьмичасовой рабочий день, чтобы земля была передана крестьянам, так как они ее обрабатывают, а не помещики!..

Солдаты опустили приклады, а молодой их командир так растерялся, что скомандовал «кругом марш!» и быстро увел свою команду.

Однако на место происшествия уже подоспели казаки и арестовали нас всех, загнав в одну комнату. Мы просидели ночь, а наутро всех освободили, кроме меня и двоих железнодорожников. Я был посажен в старую тюрьму, где просидел больше месяца, а затем меня сослали на 3 года в Енотаевский уезд Астраханской губернии.

Во время народной революции 1905—1907 годов сызранский рабочий класс прошел серьезную политическую школу. Хотя полиция вырвала из рабочей среды наиболее активных товарищей, революционное движение в Сызрани не прекратилось. С поражением революции оно ушло в подполье, чтобы окрепнуть, набраться сил и под руководством испытанной в классовых боях Коммунистической партии снова двинуться вперед, к социалистической революции 1917 года.

ЛАЦИС-СУДРАБС

НАША ДОРОГА

Отрывки из повести, посвященной революции 1905 года в латышской деревне

ОН ЗАПИСЫВАЕТСЯ В СОЦИАЛИСТЫ

Он приехал из города и думал быть здесь первым, а оказался в хвосте других.

Вот его товарищи по школе и даже его дядя успели уже отсидеть две недели под арестом, а он пока и с нагаечным ударом незнаком.

Он должен быть в первых рядах во что бы то ни стало.

А тут еще его огорошили вопросом:

— Ты социалист?

Он отвечает:

— Социалист.

— А карточка есть?

— Какая карточка?

— О том, что ты записался в социалисты.

— Нет.

— Так какой же ты социалист?

— Так, значит, надо записаться?

— Обязательно.

— А где это делается?

— У нашего волостного учителя.

— А я его не знаю.

— Как не знаешь? С бородой, во — такой!

— Не помню, меня ведь тут два года не было.

— А-а, ну так идем, познакомлю.

И он пошел записываться в социалисты. Его даже не спросили о том, понимает ли он, что такое социалист. Да кто же теперь об этом спрашивал? Это был канун 1905 года, время бурь и натиска. Всякий, кто вступал в число борцов, приветствовался, откуда бы он ни был происхождением.

А про него еще шла слава, как про горожанина.

Да, его записали в социалисты. Теперь он социалист, самый подлинный социалист. Теперь он повоюет! О-о!

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ

Местный крестьянин вдвойне ненавидел немца: немец здесь и помещик и представитель государственной власти. Если зажиточный крестьянин ненавидит его как помещика, то батраки ненавидят его и как помещика и как представителя государственной власти. Кто творит высший суд? Немецкий барон. Кто управляет церковными делами? Немецкий барон. Кто пользуется исключительным правом рыбной ловли, охоты, постройки промышленных и питьевых заведений? Немецкие бароны. Кто арестовывает, сажает в тюрьмы? Те же немецкие бароны. Кто опозорил честь жены и дочери? Немецкие бароны. Кто держал в крепостном праве отцов и дедов? Немецкие бароны.

Где корень всяких бедствий? В немецком бароне.

Так долой немецких баронов!

— Долой!

И хлынула веками накопившаяся злоба, разнесла узкую плотину царского закона и захлестнула все, что называлось правящим классом и властью.

Повсюду митинги, повсюду сходки. Деревня стала опережать город.

Но вот и город заставил царя издать октябрьский манифест.

Пошатнулись. Поддались натиску!

Так налегай, ребята! Налегай!

Долой волостного старшину! Он ставленник царской власти.

Долой писаря! Он правая рука старшины.

Да здравствуют всем народом избранные Революционные распорядительные комитеты!

Зал местного благотворительного общества битком набит народом. Оратор на сцене в пух и прах разносит старую власть. Это он еще прекрасно понимает. А вот относительно этих Распорядительных комитетов он ничего не понимает. Что это будут за комитеты?

Как они будут управлять? Но оратор уже перешел к выборам.

Выбирают двенадцать человек. Они теперь должны стать на место старого волостного правления и схода выборных.

Но тут же присутствует волостной старшина. Он ни за что не подчинится беззакониям. Ни за что!

— А, так ты! Ну-ка, ребята, возьмите его за шиворот. Да пусть сдает ключи и печати. Живей!

— Давайте мне его сюда! — кричит рыжий парень с револьвером в руках. — Я его свинцовыми бобами накормлю!

Но вот раздается мощный крик оратора:

— Товарищи, не пачкайте руки об эту гадину! Он должен сдать нам ключи от денежного хозяйства, печати, дела и все прочее.

— Правильно!

Староста идет бледный как полотно. Его влекут к волостному дому для сдачи дел. Толпа гудит, гогочет.

Каждый изливает свою желчь и метит старшине не в бровь, а в глаз.

Вот и приволокли. Но старшина точно окоченел, не двигается с места, не говорит и смертельно бледен.

— Сдаешь или нет?

Старшина молчит. Сучковатая дубина опускается на его спину. Но старшина все молчит. Он не может решиться сдать ключи. Он между двух огней. Если победит царская власть, так его упекут за сдачу. Победит народ, так его упекут за несдачу. Но первое еще впереди, а вот палка уже над головой.

Так лучше уж сдать. Сдать, но только вынужденной силой. Толпа окружила его тесным кольцом, грозные кулаки подносятся к самому лицу. А палка снова опускается и выводит старшину из оцепенения.

— Получайте, разбойники!

— Смотрите, ребята, все ли тут ключи? Не выпускайте его, не выпускайте!

Но старшина уже за дверью.

Председатель Временного революционного распорядительного комитета вступает в исполнение обязанностей.

Ур-ра!

Да здравствует свобода!

Да здравствует Распорядительный комитет!

«ПУСКАЙТЕ КРАСНОГО ПЕТУХА!»

Народный гнев перешагнул через власть. Самое главное совершилось. Теперь уже нет никаких преград.

— Ну и достанется баронам!

— Кто их защитит?

— Крестьяне? Батраки? Ремесленники?

— Нет таковых.

— Так кто же? Кто?

— Попы да пасторы да челядь.

— Ха-ха-ха!

Да и сами бароны чувствуют, что в этих-то защиты нет. Ведь был же прошлым воскресеньем случай, когда в церкви устроили митинг, а пастору вручили красное знамя. Заставили нести во главе шествия.

Нет, единственная надежда на солдат.

И они вызывают солдат.

Нет имения, которого бы не охраняли солдаты.

— Ах, так вы! — посвистывают хлопцы.

— Ребята, выкуривай!

— Пустить красного петуха!

— Петуха!

Народ, словно с гор сорвавшаяся каменная гряда, подкатывался к имениям. Вооруженные кто косой, кто топором, кто шомпольным ружьем, они своей массой наводили ужас на солдат, и те сдавались повсюду, где чувствовали себя отрезанными от внешнего мира.

Появились первые винтовки и первые боевые отряды. Теперь держись, барский люд!

Но мало еще оружия. Надо разоружать лесничих и управляющих имениями.

И вот в глухую полночь, подчас совершенно невооруженные, революционеры окружают дом лесничего или управляющего, производят обыск и забирают с собой все огнестрельное. Чем они теперь не войско!

Митинг студентов у Государственного университета в Петербурге в октябре 1905 года.

Разгон демонстрации в Варшаве. Октябрь 1905 года.

Митинг в Киеве 18 октября 1905 года.

— О-о! Держись, богачи!

— Поделить землю! Поделить имущество!

И весь округ лавиной катится к поместьям, мызам.

Первое дело — спалить помещичий дом. Это без всякой жалости: барское гнездо должно быть уничтожено. Кто-то вздумал пошарить по столам и комнатам.

— Не смей! Мы не грабители. Пускай горит дотла!

Но зачем же зря добро изводить? Не лучше ли продавать с торгов, а деньги в общественную кассу.

— Вот правильно. С аукциона!

И начинает стучать аукционный молоток. Коровы, лошади, мертвый инвентарь — все скупается крестьянами и развозится по волости. Взрослые заняты торгами, а детишки ковыряются в развалинах сгоревшего дома и вытаскивают медные струны от сгоревшего рояля. Струны стали совсем мягкие.. Сплести их — и хорошие нагайки получатся. И пойдет гулять эта нагайка по спине барона.

Ох, отомстят они, отомстят!

Все, что накопилось в душе и перешло от поколения к поколению, все это просится наружу. За погубленную дочь, за замученных в подневольном труде родителей, за беспросветную молодость — за все, за все теперь воздастся. Трепещите, богачи, пришел час мщенья!

И пошел гулять красный петух по всей окрестности!

То и дело вспыхивают пожарища одно за другим, и скоро не стало кругом ни одного уцелевшего баронского дома.

ДУБИНУШКА

Революционная песня

Много песен слыхал я в родной стороне,
В них про радость и горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне, —
Это песня рабочей артели.
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем да ух-нем!

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству.
И как только работать нам станет
невмочь, —
Мы к дубине, как к верному средству.
Эх, дубинушка, ухнем...

Я слыхал эту песнь — ее пела артель,
Поднимая бревно на стропила.
Вдруг бревно сорвалось — и умолкла
артель, —
Двух здоровых парней придавило...
Эх, дубинушка, ухнем...

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.
А наш русский мужик, коль работать
невмочь,
Он затянет родную дубину.
Эх, дубинушка, ухнем...

Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем, —
С мукой, с болью в груди одну песню
поем —
Про дубину мы в ней вспоминаем.
Эх, дубинушка, ухнем...

И на Волге-реке, утопая в песке,
Мы ломаем и ноги и спину,
Надрываем там грудь, и, чтоб легче тянуть,
Мы поем про родную дубину.
Эх, дубинушка, ухнем...

Говорят, что мужик наш работать ленив,
Ну, и хлещут в согнутую спину...
Как же нам позабыть про родимый мотив
И не петь про родную дубину!
Эх, дубинушка, ухнем...

Деревенский наш поп обирает приход
И мужицкие деньги сгребает.
А наш дьякон с дьячком в этом доме святом
Все тому же попу помогают.
Эх, дубинушка, ухнем...

Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину, —
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину!
Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подернем, подернем да ух-нем!

ИРИНА ГУРО

ПУТЬ СИБИРСКИЙ ДАЛЬНИЙ

Эпилог книги

Все на запад, на запад катились вагоны. Пассажирские — обшитые снаружи стальной броней до нижнего края окон в защиту от нападений хунхузов, отделанные с невиданной роскошью: сверкающие медные ручки и стенные приборы, белизна накрахмаленных простынь в купе, хрусталь в ресторане; товарные — с кривой надписью по грязнокрасноватым доскам: «Сорок человек, восемь лошадей».

Редкие пассажирские поезда проносились птицей, бесконечные товарные ползли сонными мухами. В пассажирских слышалось:

— Бубны! Пара червей! Банк! Чело-эк! Две бутылки Шустова, пять звездочек.

— А вы слышали анекдот? Один еврей говорит другому...

Хрипели недавно вошедшие в моду граммофоны. Продолговатые ящики с ручкой, как у шарманки, с огромной никелированной трубой. Охрипший низкий голос рокотал из трубы: «Черные очи, белая грудь...»

В товарных — лежали или, согнувшись, сидели на нарах в три яруса, дымили махоркой, чинили обмундирование, на станциях бегали за кипятком, за сухим пайком в вагон-каптерку. Вели нескончаемый солдатский разговор.

Иногда пели длинные заунывные песни, старательно, с начала до конца.

И в тех и в других поездах говорили о войне.

В пассажирских — о крестах, о повышении в чинах, о поставках интендантству. Штатские господа в отличных сюртуках и с холеными бородами подсчитывали в толстых записных книжках прибыли. В товарных вспоминали о сражениях, и рассказ звучал как горький, недоуменный вопрос.

— И открыл японец огонь большим количеством орудий. Ну, дыхнуть не дает! Просто скажу: места не было, где бы шимоза или шрапнель не рвалась. Тут ребят полегло немало. А мы, живые, стоим. Акурат, как зажглась первая звезда, наступила тишина. Да такая — слышно, как на тебе ремень скрипит. А потом сразу — пах-пах! — стал он нас чесать пулеметным и пачечным огнем! Потом видим — ползет. Густыми цепями, чистая саранча! Передние под нашим огнем кверху лапками валятся, задние прут. И слышно «банзай, банзай!» — комариное нытье над болотом. И от этого с души воротит. Тут выходит нам команда: подыматься в контратаку. И кинулись мы... Ей-богу, я думал, что от одного «ура» сопки ихние повалятся! И давай их гнать, и давай крошить! Да!..

А дальше приказ нам выпадает: отойти на прежние позиции. Потому, дескать, патронов и снарядов не имеется...

— И у нас так же было, — вспоминает кто-то со вздохом.

На остановках переговаривались:

— Видал? Опять четыре вагона с краденными товарами прицепили. А больному солдату места нет.

— В запломбированных вагонах-то все добро генеральское. Чего-чего только нет! Одних шелков на мильон!

Все дальше и дальше от Маньчжурской границы катятся вагоны, бежит за ними месяц, похожий на крышу китайской молельни с поднятыми кверху концами. Длинным японским поясом «оби» стелется путь.

Тусклый фонарь дрожит на гвозде под потолком.

— Слушайте, солдаты! Это вам пишут.

«Как скот на убой, втолкнули вас в тесные, душные вагоны, прицепили их к паровозу и повезли. Куда? Зачем? Военный министр, важные генералы ездят туда-сюда на мягких подушках. В ресторанах и буфетах пьянствуют офицеры. Ваши же товарищи сложили головы под пулями и ядрами...

Русское правительство первое начало войну, позарилось на лакомый кусок — Маньчжурию. А теперь, проиграв войну, с еще большей силой накинется на «внутреннего врага» и будет посылать вас убивать ваших братьев-рабочих! Товарищи-солдаты! Слушайтесь голоса совести. Долой двуглавого орла! Да здравствует демократическая республика — правление народа!»

— Кто это пишет солдатам?

— Читинский комитет РСДРП.

Чем дальше от границы, тем больше таких листков. Их забрасывают в вагоны рабочие, приносят со станции солдаты.

Шопот ползет по нарам, тонет в стуке колес:

— Почему задерживают войска?

— Почему тормозят отправку в Россию?

— Почему нас месяцами маринуют на запасных путях? Слыхали? Говорят, в особые колонии завезут, за колючую проволоку засадят!

А листки разъясняли:

«Война окончена. Бездарные и продажные генералы позорно проиграли ее. Почему же войска не отпускают в Россию? Потому что правительство боится вас, солдаты! Вы многое повидали на фронте, насмотрелись на все безобразия своих начальников. И теперь не захотите жить по-старому, в кабале у царя и помещиков!

Солдаты! С оружием в руках помогите рабочим и крестьянам в борьбе против самодержавия!»

Вагоны катятся на запад, а навстречу им летят вести: вся Россия поднялась, по всей России идут рабочие стачки! На Забайкалке началась всеобщая забастовка! Поднимаются в России крестьяне, жгут помещичьи имения!

На глухом разъезде молодой рабочий с масленкой в руках, проверявший буксы, рассказал:

— В Чите большую силу взял стачечный комитет. В нем — рабочие мастерских и еще бежавший из тюрьмы «политик».

Эшелон больше не останавливается на станциях. Паровоз берет воду ночью. Вагоны наглухо запираются. Солдат не выпускают.

— Что мы, скот подъяремный?! Люди мы, люди!

— Товарищи! Скоро нас поведут против забастовщиков. Мы должны решить, что будем делать, подчиняться начальству или присоединяться к нашим братьям!

Вот как ты говоришь, Егор Косых? И дружки твои Дрынин и Недобежкин тоже с тобой!

— Разве мы все не с народом? У нас, русских солдат, не поднимется рука на рабочего человека. Нет!

— Братцы! Мы рядом со смертью ходили, в глаза ей смотрели! Но хуже смерти наша жизнь. Лучше умереть за правое дело, чем терпеть эти муки!

— Ребята! Не о смерти надо думать, а о победе! Вся Россия кипит. Пора и нам, солдатам, взять судьбу в свои руки.

* * *

Разгружать эшелон на станции начальство опасалось. Поезд на полном ходу миновал станцию Чита, Чита—Дальний вокзал, мастерские. На платформах множество людей, машут платками, кричат:

— Братья-солдаты! Мы ждем вас!

Поезд загнали в глухой тупик. С обеих сторон пути казенные склады. Часовые в шубах с косматыми воротниками, поднятыми выше головы, истуканами стоят на деревянных тумбах.

Разом открылись двери теплушек. В голове поезда подали команду:

— Выходи на складской двор! Строиться!

Команду передают по вагонам, но солдаты не слушают ее. Толпа рабочих, оттеснив выставленные у путей патрули, хлынула к вагонам, и солдаты входили в черную массу людей, как вода входит в почву.

На плечах подняли Гонцова. Надтреснутым счастливым голосом он кричал:

— Товарищи солдаты! Братья, измученные войной на чужбине! Не верьте провокаторам! Они говорят вам, что забастовщики мешают вашему возвращению на родину. Это клевета. Мы хотим ускорить отправку войск на родину, чтобы вы совместно с рабочими России боролись против самодержавия. Россия поднимается против царя, за права и свободу простого народа. Становитесь под знамя Российской социал-демократической рабочей партии! Да здравствует единение рабочих и солдат!

Народ все прибывал, заполняя складской двор, выплескивался на площадь. Митинг продолжался на большом плацу.

Осеннее солнце неистовствует, лучи его почти обжигают. Благословенная осень 1905 года победно идет широкими забайкальскими землями.

На площади уже не только рабочие и солдаты, здесь горожане, женщины, дети.

Невысокий сероглазый солдат читает резолюцию. Ветер разносит слова:

— Мы, солдаты... собравшиеся на митинг вместе с рабочими, заявляем... будем бороться совместно, под знаменем Российской социал-демократической партии... Добиваться установления демократической республики...

Мальчишки, как галки, торчат на заборах. Они первые увидели: на дороге из города появилась казачья сотня. Яркожелтые лампасы горят на солнце.

— Казаки! — толпа дрогнула, сдвинулась, стала одним большим напружинившимся телом.

Казаки окружили толпу с трех сторон,

осадили коней, замерли в ожидании. С четвертой на рысях подходил полуэскадрон. Впереди на низком, сильном забайкальской породы жеребце — легкий, сухощавый старичок, офицер с кротким лицом Николая-угодника.

Поднявшись на стременах и подняв руку в серой шерстяной перчатке, он неожиданно зычным голосом крикнул в толпу:

— Братцы-солдатушки! Я к вам обращаюсь. Послушайте мое отцовское слово. Гоните от себя бунтовщиков!

Свист, крики из толпы: до-лой! До-лой!

Пожилой рабочий в черном пальто, с редкими седыми кудрями, выбивающимися из-под картуза, подошел вплотную к старичку, схватил за узду его коня и сказал не громко, а на всю площадь слышно — такая воцарилась тишина:

— Старый человек! Не становись жизни на дороге. Уходи отсюда, пока цел.

В ту же минуту старичок на коне ловким обезьяньим движением схватился за кобуру.

— Иван Иванович! Назад, Иван Иванович! — закричало сразу несколько голосов. Раздвигая толпу локтями, к Бочарову двигался Фоменко.

Старичок выстрелил в упор. Иван Иванович пошатнулся, но не упал. Множество рук его подхватило. Высокий человек в учительской фуражке сбросил с плеч широкую черную пелерину, и на ней, как на черном траурном знамени, понесли Ивана Ивановича к трибуне.

— Мерзавцы! Подлецы! Убийцы! — неслось из толпы.

Грозно повернулась она своим большим телом и двинулась на конников. Но кучка всадников уже уносилась вслед за стариком, поднимая пыль на дороге. Через минуту сама она показалась маленьким облачком дорожной пыли.

Теперь все взгляды обратились на казаков. Сотня отошла, развернулась...

Послышался хриплый голос подъесаула:

— Рысью! Взять в нагайки!

Казаки не трогались с места.

Люди на площади стояли против них в таком напряжении и в такой тишине, что слышно было, как шуршит песок под копытами перебирающих ногами лошадей.

И вдруг, будто лопнула струна, — такой сильный, короткий и резкий стон вырвался из могучей груди толпы:

— Братья! Вы с нами!

Вечером мятущееся пламя факелов осветило складской двор. Рабочие отбивали замки у складов оружия. Винтовки поплыли по рукам. Вооружались рабочие дружины.

В телеграфной сидел Зюкин. Густая борода неузнаваемо изменила его. И глаза были другие: не злые, а спокойные и полные решимости.

— Стучи, стучи, Митя! — проговорил Зюкин и поставил ногу на перекладину его стула:

«Всем станциям до Иркутска и Харбина. Читинский стачечный комитет взял власть в свои руки, чтобы вместе со всем пролетариатом дать решительный бой самодержавию».

Д. П. ВДОВИЧЕНКО

СОБЫТИЯ НА «ОЧАКОВЕ»

Воспоминания кондуктора крейсера „Очаков“ о севастопольском восстании в ноябре 1905 года

«8 ноября временно командовавший крейсером 1-го ранга «Очаков» капитан Глизьян рапортом донес главному командиру, что машинная и кочегарная команды оказали ему неповиновение, когда он потребовал, чтобы они разошлись по своим помещениям и не устраивали сборищ. При этом из толпы слышались крики: «Не боимся угроз, нам хуже не будет... уж сорок лет нас плохо кормят и всякие требования предъявляют!»

9 ноября, когда командир поздоровался с командой, то на его приветствие ответили всего несколько человек, остальные молчали. Собравшись на шканцах, они кричали: «Долой командира!» Спустя некоторое время на крейсер прибыл прокурор, которому команда предъявила претензию на грубое обращение командира и на неудовлетворительность пищи и потребовала, чтобы офицеры ежедневно два часа занимались с нею и объясняли ей течение государственной жизни в России.

10 ноября волнений не было. Люди соби-

рались в кучки и беседовали между собой, но когда приходил кто-либо из начальствующих лиц, кучки эти расходились. Вслед за тем на крейсере разнесся слух, что в экипажах бунт, что контр-адмирал Писаревский ранен и офицер Белостокского полка убит...»[1]

Взволнованное состояние команды увеличилось еще больше, когда на крейсер прибыли делегаты дивизии для установления с «Очаковым» непосредственной связи. Не прошло и нескольких минут, как команда уже была совершенно точно осведомлена о событиях, разыгравшихся на берегу.

Понимая, что ему на крейсере, в сущности, больше нечего делать, старший офицер Скаловский отправился за инструкциями к главному командиру и, возвратившись обратно около четырех часов дня в сопровождении флаг-капитана, отдал распоряжение играть «большой сбор».

Услыхав сбор, вся команда крейсера вместе с офицерами построилась на шканцах, после чего, среди полного молчания, Скаловский прочел приказ, по которому он утверждался исполняющим должность командира на крейсере 1-го ранга «Очаков».

— Ввиду данных мне полномочий, — закончил Скаловский, — приказываю артиллерийскому офицеру сегодня же собрать все огнестрельное оружие, а также ударники и свезти в арсенал порта.

Команда после обычного приказа «разойдись» молча начала расходиться по своим помещениям, а офицеры принялись собирать винтовки, стоявшие в пирамидах, и сносить их в одно место.

Исподлобья, с явным недоброжелательством, смотрели матросы на происходившее бесчестье. Кое-где перешептывались. Атмосфера сгустилась, чувствовалась близкая развязка, слышны были только стук и брякание сваливаемых на палубу винтовок... Но вот первая электрическая искра разом прервала грозное затишье.

— Братцы! — воскликнул комендор Антоненко. — Братцы! Что вы смотрите? Винтовки собирают! Ведь нас же из них бить будут!

Находившиеся поблизости 20 — 30 матросов не поняли призыва или чересчур испугались решительного перелома в отношениях команды к начальству, отступления после которого уже не могло быть, — так или иначе, они ничего не ответили. Антоненко бросился на бак, где собралась почти вся команда, и через несколько секунд толпа не менее ста человек тесным кольцом окружила артиллерийского офицера, причем в это время люди вели себя еще очень сдержанно.

— Ваше благородие, — спросил кто-то. — Куда вы забираете наши винтовки?

— Вы слышали, что говорил старший офицер...

— Просим вас, — возразили из толпы, — доложить новому командиру, что винтовки свои мы отдавать не согласны и свезти их с судна не дадим.

То же самое команда повторила и вызванному к ней командиру Скаловскому, который приказал составить ружья обратно в пирамиды, добавив, что ввиду явного неповиновения экипажа приказаниям начальства последнее вынуждено будет покинуть крейсер.

Около шести часов вечера сыграли сбор, и командир повторил перед собравшимся экипажем уже в официальном порядке о необходимости всему наличному составу офицеров съехать на берег, если команда не изменит принятого ранее решения и не возвратит винтовки.

— Возьмите и нас с собой, — раздалось из рядов команды, но Скаловский только отмахнулся и отбыл на «Ростислав» для доклада старшему флагману о событиях на крейсере. А спустя полчаса он возвратился обратно и отдал распоряжение офицерам быть готовыми к спуску на берег. Сроком отъезда было назначено девять часов вечера, и, действительно, в это время подали паровой катер, забравший с левого борта офицеров и кондукторов для отправки на «Ростислав».

Часть экипажа в это время под руководством кондуктора Частника была в качестве делегации на берегу, в казармах, где продолжались митинги. На крейсере же некоторые спали, а большинство, возбужденное всем происходящим, собравшись незначительными группами, вело беседу. Проходя машинным коридором в свою каюту, я встретил одну из таких групп человек в десять, которая, окружив меня, начала расспрашивать, почему отбирают у экипажа оружие. Зная, однако, что между ними были люди, готовые служить «и нашим и вашим», я воздержался от обсуждения этого вопроса и быстро прошел к себе. Вскоре ко мне явились квартирмейстеры Изотов и Белугин и машинисты Гладков, Докукин и

---

[1] Из обвинительного акта по делу П. П. Шмидта.

Чураев. Все они были надежные и убежденные люди самого передового направления, утверждавшие в один голос, что лучше погибнуть, чем сдать оружие. Со своей стороны я тоже думал, что комендор Антоненко был совершенно прав, предсказывая, что из отобранных у нас винтовок нас же будут расстреливать и гнать куда угодно.

После горячей, но дружеской беседы мы разошлись усталые и глубоко потрясенные. Так закончился этот богатый событиями, тревожный день.

...В четыре часа дня[1] на крейсер приехал адъютант главного командира, лейтенант Сухачевский, передал какие-то инструкции командиру и через час уехал обратно. В шесть часов вечера экипаж выстроился на шканцах вместе со своими офицерами и кондукторами, и Скаловский, согласно приказу главного командира, в последний раз обратился к команде со следующими словами: «Согласны ли вы сдать оружие? И если нет, офицерам и кондукторам будет дана инструкция съехать с крейсера, с которым поступят в соответствии с военными законами, как с мятежным кораблем».

В ответ на сделанное заявление часть экипажа промолчала, но большинство вновь повторило прежний решительный отказ, вслед за чем офицеры и кондуктора стали готовиться к отъезду. Как и накануне, паровой катер забрал весь командный состав, и мы вскоре очутились на флагманском судне «Ростислав». Здесь высшее начальство устроило нечто вроде военного совета, на котором было решено произвести еще одну последнюю попытку — уладить конфликт мирным путем, не теряя времени, этой же ночью.

Психологически расчет военного совета был правильным. В уставшей за день, непривычной к повышенному нервному напряжению толпе матросов, оставшихся на «Очакове», напуганных вдобавок грядущей неизвестностью, должна была произойти частичная реакция в сторону соглашательства и уступок. Оставался невыясненным только один вопрос: поддадутся ли такому же настроению люди, подобные Частнику и Антоненко, и если нет, то чье влияние возьмет верх? Начальство шло, что называется, ва-банк и понимало, что играет на последнюю ставку.

Итак, в 11 с половиной часов ночи флагкапитан 1-го ранга Сабсай и человек 20—30 вооруженных (на всякий случай) револьверами офицеров и часть кондукторов сошли в паровой катер и направились к мятежному крейсеру. Для меня это было неприятной неожиданностью, так как я знал, что вся команда спит, и не ожидал от всей этой авантюры сколько-нибудь благоприятных последствий. Пристали к трапу и взошли на борт крейсера.

Исполняющий должность командира Скаловский приказал кондукторам пройти по жилым палубам и собрать людей с предложением выйти наверх, во фронт. Я тоже пошел к своим, в кубрик машинной команды, где все уже, конечно, спали. С ворчанием поднимались люди со своих коек. Отовсюду слышалось: «Что им еще нужно? Когда, наконец, оставят нас в покое?»

Все же команда собралась наверх и выстроилась.

— Согласны ли вы отдать оружие и подчиниться начальству? — начал капитан Сабсай. — Подумайте, ребята, и помните, что я это спрашиваю в последний раз.

— Да кто вам не дает? — ответили в команде. — Забирайте хоть сейчас...

В этот момент появился командор Антоненко. Подойдя к тем командам, где, как ему казалось, было больше старых матросов, он громко воскликнул:

— Что вы делаете, друзья? Зачем отдаете винтовки? Помните, что после горе вам будет... Вы видели и слышали, что было с командой учебного судна «Прут».

Миролюбивое настроение вновь поколебалось.

— Не отдавать оружия! — кричали одни.

— Отдать, отдать! На чорта оно нам! — неслось с другой стороны.

...Команда оружия не возвратила.

---

[1] На другой день.

Первый раз во всемирной истории была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для ***всех*** *пролетарских революций.*

В. И. ЛЕНИН

V

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Логика борьбы неизбежно вела рабочий класс от стачек и демонстраций к баррикадам, к уличной борьбе с войсками. Мирная стачка как средство борьбы уже исчерпала себя, и революционное движение поднялось на высшую ступень — вооруженного восстания.

Выполняя решения III съезда РСДРП, большевики настойчиво готовили вооруженное восстание. Они своевременно выдвигали такие лозунги, такие призывы, которые помогали массам проявлять их революционную инициативу, сплачивали трудящихся. Среди рабочих большевики создавали боевые дружины, помогали им вооружаться, обучали владеть оружием, в армии и флоте большевики вели революционную пропаганду.

Еще в январе 1905 года при Петербургском комитете РСДРП была создана «боевая техническая группа». Она должна была закупать за границей огнестрельное оружие, ввозить его тайно в Россию, хранить и распределять между боевыми рабочими дружинами.

В сферу деятельности боевой группы, кроме Петербурга, втянулись Латвия, Урал, Кавказ.

Боевая группа организовала доставку из-за границы оружия, главным образом полуавтоматических пистолетов, карабинов и револьверов. Летом 1905 года прием заказанного за границей оружия по поручению партии вел профессиональный революционер Максим Максимович Литвинов. В Петербурге и Финляндии были устроены лаборатории, где специальная группа химиков приготовляла взрывчатые вещества и бомбы. После III съезда ЦК РСДРП создал в Киеве спе-

циальную инструкторскую школу — мастерскую для производства бомб, куда было направлено для обучения около 20 человек. Окончившие киевскую школу инструкторы разъехались затем по партийным заданиям в Петербург, Москву, на Кавказ, в города Украины.

Но в целом работа боевых организаций отставала от размаха революции, и Ленин требовал от большевиков больше энергии и связей со всеми по-боевому настроенными людьми.

«Центр тяжести в таком деле — инициатива массы мелких кружков», — писал Ленин в октябре 1905 года.

Зорко следя за ходом революции, Ленин указывал, что стихийный протест трудящихся против царизма нарастал так быстро, что обгонял сознательную и планомерную работу большевиков, прорываясь в отдельных, разрозненных выступлениях.

В начале ноября В. И. Ленин вернулся в Россию и возглавил работу партии по подготовке вооруженного восстания. Ленин жил полулегально, отдавая все свои силы партийной работе. При помощи большевистской печати он открыто говорил с рабочей массой, нацеливал ее на вооруженное восстание, разоблачал планы контрреволюции.

В октябре под натиском революции царское самодержавие отступило. В ноябре оно перешло в наступление. Отдельные города и губернии были объявлены на военном положении и на положении «усиленной охраны». Генерал-губернаторы получили предписание приступить к арестам руководителей революционного движения и разогнать Советы рабочих депутатов.

Либеральная буржуазия в это время уже переметнулась на сторону царизма. В начале революции либералы сочувствовали пролетариату, стремясь использовать его борьбу в своих целях. Летом 1905 года, когда революция нарастала, они еще «ковыляли» за революцией. Но манифест 17 октября совершенно удовлетворил либеральную буржуазию. Теперь последовательность и решительность революции уже пугали либералов. Либералы предпочитали, чтобы преобразования в государстве совершались путем реформ, чтобы пролетариат не вырастал в ту грозную силу, которая становится могильщиком капитализма.

Либеральная буржуазия объявила манифест 17 октября началом конституции в России и перешла на сторону царизма.

Тем не менее революция в стране продолжала нарастать и классовая борьба вела рабочих к вооруженному восстанию.

Петербургский Совет рабочих депутатов, где руководство захватили меньшевики, не стал органом восстания. Меньшевики не приняли мер к вооружению рабочих, не готовили их к восстанию. Революционная энергия петербургских рабочих безрассудно распылялась в стачках по отдельным поводам, в столкновениях с городской думой, в борьбе против локаута.

Знамя вооруженного восстания против царизма первыми подняли московские рабочие. Московский Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками, начал свою дея-

---

РЕЗОЛЮЦИЯ III СЪЕЗДА РСДРП О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении в России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России, —

III съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

(«КПСС в резолюциях», ч. I изд. 7-е, 1954)

тельность со смелого призыва к вооруженному восстанию.

Московский Совет был избран в ноябре всеобщим и прямым голосованием по норме 1 депутат на 500 рабочих. Он тесно связал свою работу с районными рабочими Советами, возникшими несколько раньше. Сберегая силы рабочих для предстоящего восстания, Московский Совет рекомендовал рабочим прибегать к забастовкам только в исключительных случаях и с его ведома. При Совете была организована касса для сбора денег на оружие и в забастовочный фонд.

Все листовки Московского Комитета большевиков, выпущенные в ноябре — декабре 1905 года, кончались призывом к вооруженному восстанию.

«Мы должны еще раз заявить, — говорилось в одной из таких листовок, — что пролетариат знает лишь один путь, который приведет народ к возрождению. Этот путь: 1) вооруженное восстание, 2) свержение всей царской администрации, начиная с царя и кончая последним городовым, 3) замена царского правительства временным революционным правительством, 4) созыв Учредительного собрания из представителей от всего населения без различия национальностей и пола, выбранных путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, 5) узаконение экономических и политических требований пролетариата. Всех, кто станет отрицать этот путь, мы будем считать предателем и врагом народа».

Московский комитет не только призывал рабочих к восстанию. Представители Московского комитета Л. Н. Кудрявцев, З. Н. Доссер и другие входили в военно-боевую группу, которая ведала агитацией среди солдат, организацией боевых дружин, их вооружением и обучением. Руководством для обучения служили специальные брошюры и краткая инструкция, написанная Лениным, под заглавием «Задачи отрядов революционной армии».

Однако партийных сил не хватало и создать сеть ячеек в полках московского гарнизона большевикам не удалось.

Декабрьские события в Москве начались с волнений солдат в нескольких полках и саперных батальонах. 2 декабря в Ростовском гренадерском полку произошло открытое восстание. На митинге был избран «Солдатский комитет», которому поручили выработать требования экономического и политического характера. Комитет объявил полк на военном положении, выставил пи-

9 сентября 1905 г.

ЦИРКУЛЯРНАЯ ДЕПЕША ЦАРСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В. Н. ЛАМЗДОРФА —

русским дипломатическим представителям в Германии, Австро-Венгрии, Швеции и Румынии относительно вывоза из-за границы оружия для русских революционеров [1].

В департаменте полиции получены сведения, что Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии организовал в широких размерах приобретение за границей оружия по удешевленным ценам, именно револьверов системы браунинг и ручных разрывных снарядов. Это оружие и снаряды предназначены к ввозу в Россию для подготовки вооруженного восстания. Вследствие сего прошу вас войти в сношение с правительством, при котором вы аккредитованы, для установления строжайшего надзора за водворением в империю оружия и разрывных снарядов.

(Из архивных материалов)

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ МОСКОВСКИМ РАБОЧИМ

БРАТЬЯ!

Кровь рабочих-стачечников обагрила улицы Москвы. Да падет эта мученическая кровь огненными каплями в души всех московских пролетариев, да зажжет она их великим гневом, священной ненавистью к проклятым палачам... Пусть ни одна рабочая рука не коснется станка и машины, пусть ни одна фабричная труба не задымит, пока не отомстим мы за пролитую кровь наших братьев! Безоружные, беззащитные, собирались они на дворах заводов, на улицах, на бульварах, и своры царских насильников набрасывались на них — били, топтали лошадьми, стреляли, издевались, терзали, мучили...

Сил нет терпеть дольше. Вставайте, товарищи! Бросайте работы, вооружайтесь, кто чем может! Бейте подлецов, которые вас бьют и ваших братьев, стреляйте в тех, кто в вас стреляет, истребляйте их всех беспощадно, без жалости и сострадания! Пусть капиталисты и правительство поймут, наконец, что мы не забитые бессловесные животные, с которыми они могут делать, что им угодно, пусть они увидят силу пролетарских масс, увидят и ужаснутся. Бастуйте, товарищи, остановим все фабрики, заводы, конторы, конки, железные дороги, остановим все работы, все производства, — пусть вся буржуазная жизнь замрет и смолкнет над трупами павших пролетариев.

Долой самодержавие!

Да здравствует стачка!

Да здравствует вооруженное восстание измученного народа!

Московский Комитет РСДРП

Декабрь 1905 г.

(Сб. «Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г.». М., 1940)

---

[1] Такие же указания были даны русским дипломатическим представителям в Англии, Голландии и Дании. — *Ред.*

кеты и пулеметы, запретил офицерам вход в казармы. Когда начальник дивизии попытался проникнуть в полк, часовой преградил ему дорогу штыком. Дело принимало грозный для правительства оборот. Однако солдатская масса в целом была настроена неуверенно и неустойчиво. 3 декабря волнения в полку еще продолжались, состоялись митинги с участием пропагандистов политических партий и делегатов от солдат других полков. Ростовцы выпустили воззвание к солдатам гарнизона с призывом к совместным действиям. Был даже избран Совет солдатских депутатов, куда вошли представители многих частей. Но Совет успел провести только одно собрание. Революционная энергия солдатских масс уже падала, политические лозунги они воспринимали туго. Командиру полка удалось поколебать пулеметчиков, и те убрали пулеметы под предлогом, что оружие портится от снега.

5 декабря командир Ростовского полка заявил, что согласен удовлетворить мелкие экономические требования солдат. На полковом митинге произошел раскол между революционной частью и неустойчивой солдатской массой. Часовые пропустили офицеров в казармы. Начались аресты. Восстание полка было сорвано.

В тот же день в Москве стало известно об аресте Петербургского Совета рабочих депутатов. Московский Совет принял решение быть готовым в любой момент ко всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию. Начались нападения дружинников на городовых. Ночью 4 декабря на Кудринской площади революционеры перерезали телефонные провода. Почтамт охранялся усиленным нарядом войск и полиции.

5 декабря состоялась общегородская партийная конференция большевиков, на которой присутствовал приехавший из Петербурга член ЦК РСДРП Саммер. Накануне по предложению Московского Совета на всех фабриках и заводах обсуждался вопрос о всеобщей забастовке и вооруженном восстании, и теперь все выступавшие на конференции говорили о боевом, решительном настроении рабочих, требовали переходить к действиям. Делегаты жаловались на недостаток оружия, но тем не менее все голосовали за восстание. Московский комитет большевиков принял решение — предложить Совету рабочих депутатов начать всеобщую забастовку, с тем чтобы в ходе борьбы перевести ее в восстание. К решению городской конференции присоединилась на следующий день московская окружная организация большевиков.

Вечером 6 декабря пленум Московского Совета рабочих депутатов постановил объявить всеобщую политическую забастовку с 12 часов дня 7 декабря. К решению Московского Совета присоединились конференция представителей 29 железных дорог и съезд почтово-телеграфных служащих. Об этом сообщили утром московские газеты.

«Наступило 7 декабря, — пишет в своих

УСТАВ БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ ПРИ ШУЙСКОЙ ГРУППЕ РСДРП (1905 год)

Боевая дружина организуется на следующих основах:

1. Боевая дружина формируется прежде всего для того, чтобы служить ядром для будущей революционной армии восставшего народа; до наступления же этого момента задачи боевой дружины заключаются в отражении черносотенных нападений как на сознательных рабочих, так и вообще на всех мирных граждан, в защите собраний и митингов от казаков и т. д.

2. Дружина составляется и пополняется из организованных рабочих местной организации РСДРП, рекомендуемых районными организаторами каждого из районов.

Примечание. Каждый, вступающий в дружину, должен тщательно поразмыслить над обязанностями, принимаемыми им на себя при вступлении в число членов Б. Д., он должен помнить, что во время всевозможных столкновений его место впереди всех, что ему всегда может угрожать смерть. Дружинник должен быть храбрым и самоотверженным.

3. Организация снабжает оружием каждого, вступающего в Б. Д. и не имеющего собственного оружия. Оружие, данное организацией, в частную собственность дружинника ни в коем случае не переходит, менять его без разрешения десятника нельзя и при выходе из Б. Д. должно быть возвращено через десятника в организацию.

4. Дружина делится на отряды, человек по десять в каждом. Каждый отряд выбирает из своей среды десятника простым большинством голосов.

5. Начальник Б. Д. назначается местной группой РСДРП. На его обязанности лежит: а) распределение оружия, б) руководство организованными открытыми выступлениями, в) распределение десятков на дежурства, г) утверждение дружинников и выборных десятников.

Примечание. Если начальник не утверждает десятника, то обязан дать мотивированное заявление, если все-таки десяток не удовлетворится этим заявлением, то может требовать, чтобы спор был разрешен самой группой.

воспоминаниях член Московского комитета большевиков М. И. Васильев-Южин. — С утра все партийные силы были брошены на заводы, фабрики и другие предприятия, где согласно решению Совета и комитета были устроены собрания и митинги. Оставались лишь члены исполнительной комиссии партийного комитета, которых ежечасно извещали из районов об отношении рабочих к объявленной забастовке. Призыв к забастовке и восстанию рабочие принимали везде восторженно, с горячим энтузиазмом. В рабочих районах устраивались уличные митинги и демонстрации. В 12 часов на многих заводах и фабриках торжественно и мощно прозвучали тревожные гудки, на большинстве вокзалов засвистали локомотивы. Это рабочая Москва громогласно бросала вызов ненавистному самодержавию царя и капитала. Забастовка началась».

В 2 часа дня вновь назначенный генерал-губернатор Дубасов, «усмирявший» перед тем крестьян Курской губернии, объявил Москву на «положении чрезвычайной охраны». Грозные объявления об этом были расклеены по городу. В то же время появился первый номер «Известий Московского Совета рабочих депутатов», отпечатанный захватным порядком в количестве 16 тысяч экземпляров в самой крупной московской типографии. На 1-й странице жирным шрифтом было набрано решение Московского Совета о стачке и переводе ее в вооруженное восстание.

Для общего руководства стачкой Московский комитет большевиков выделил из своей среды «тройку», а всем остальным членам комитета поручил вести работу в районах.

Московский Совет стал реальной властью: он запретил выпуск газет, кроме «Известий», установил часы торговли в продуктовых магазинах, запретил повышать цены на продукты.

Из 15 тысяч солдат московского гарнизона Дубасов считал надежной только третью часть. Поэтому с первого же дня стачки он просил правительство прислать ему войска из Петербурга, утверждая, что иначе Москва окажется в руках восставших. Однако главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не решался сколько-нибудь ослабить в военном отношении Петербург и его окрестности. Военный министр направил в Москву полк из Польши, но этот полк задержался в пути, так как далеко от Москвы революционеры спустили с рельсов состав с одним из эшелонов полка.

Вечером 8 декабря полиция и солдаты окружили по приказанию Дубасова здание театра «Аквариум», где происходил массовый митинг, и разогнали его. Всех выходивших из здания обыскивали, найденное оружие отбирали, людей били и оскорбляли. Все же большинство присутствовавших на митинге дружинников успело уйти от облавы, перебравшись через заборы соседних владений.

Ночью двое юношей с папиросами во рту

---

6. Б. Д. в полном составе выбирает помощника начальника Б. Д., который должен быть утвержден Центральной группой.

7. Десятник является прямым руководителем десятка. Он обязан знать точно всех людей своего десятка и по первому требованию собрать их в любом месте и в любое время, на его же обязанности лежит следить за целостью и исправностью оружия в его десятке. Десятник во всех делах, касающихся Б. Д., подчиняется начальнику ее, а за его отсутствием — помощнику. При всяком активном выступлении десятник обязан находиться при своем десятке.

8. При сохранении товарищеских отношений каждый дружинник в то же время должен подчиняться строгой дисциплине, в силу которой он, по первому требованию, обязан являться в назначенный час, в назначенное место; во время боевых действий и службы дружинник во всем подчиняется распоряжениям начальника, хотя бы они казались ему неправильными.

9. Каждый дружинник, чем-либо недовольный, может требовать, чтобы его заявление было доведено до сведения группы.

10. Группа обязана переменить начальника Б. Д., если этого потребуют $^2/_3$ общего числа дружинников.

11. Каждый член дружины может быть исключен из ее состава, если этого потребует большинство дружинников или Центральная группа.

12. Инициатива выступлений принадлежит Центральной группе, а выработка плана действий и техническое его проведение возлагается на совет, состоящий из начальника, его помощника и десятников.

13. Каждый дружинник должен подробно ознакомиться с содержанием устава.

14. Каждый дружинник обязуется хранить в строгой тайне все, что касается Б. Д., самый факт принадлежности к дружине должен для посторонних оставаться неизвестным.

15. Виновный в нарушении устава наказывается по постановлению товарищеского суда, состоящего из трех человек, выбраннных Б. Д., и председателя, которым является начальник Б. Д.

Примечание. Мера наказания, смотря по степени виновности, может простираться от простого выговора до смертной казни включительно, в случае такого проступка, как, напр., предательство, измена и т. д.

(Из архивных материалов)

и фитильными бомбами в руках подошли к зданию охранного отделения. Когда их окликнул часовой, они подожгли папиросами фитили и бросили бомбы в здание. У одного бомба выскользнула и упала к ногам; он, не растерявшись, подхватил ее и швырнул в окно охранки. Затем оба бросились бежать. В охранке произошел взрыв. Пока ошеломленные жандармы выбежали и подняли стрельбу, боевики уже скрылись.

Вечером 9 декабря войска окружили училище Фидлера, где собрались боевые дружины учащихся. На предложение сдаться дружинники ответили отказом. Войска подвезли орудия и подвергли здание бомбардировке.

В этот день в Москве появилась первая баррикада и начались баррикадные бои московских рабочих против царских войск. Главными очагами восстания стали Замоскворечье, Рогожско-Симоновский район и Пресня.

10 декабря баррикады появились в разных концах города, их было построено несколько сот. Железнодорожники, организатором которых был большевик Никодим (А. В. Шестаков), забаррикадировали переулки вокруг Каланчевской площади. Однако сама площадь находилась под обстрелом солдат с Николаевского вокзала. Дружинники несколько раз пытались перейти в наступление и на самый вокзал и на линию Николаевской дороги, но каждый раз попадали под огонь из винтовок и пулеметов.

В Миусском трамвайном парке дружинники сначала завладели электрической подстанцией, поставили часовых у распределительного щита, выключили телефоны. Трамвайные вагоны отвели от входа в парк на запасные пути, а вагоны конки покатили вручную вверх и вниз по Лесной улице, где свернули их с рельсов и перегородили дорогу. К воротам парка выдвинули трамвайный вагон, обложили его внутри стальными и железными щитами достаточной толщины, такие же листы поставили и укрепили вокруг него на земле и непосредственно у ворот. Получился «дот». К утру баррикады были готовы, план действий разработан, и отряды дружинников заняли позиции для круговой обороны. Миусскую площадь занял отряд Петра Щепетильникова [1].

Однако, отстреливаясь от казаков со своих вооруженных островков и производя отдельные вылазки на ближние улицы, миусовцы в наступление не переходили.

На Пресне, где центром восстания стала Трехгорная мануфактура, был создан боевой комитет из пяти человек. Его возглавил большевик Зиновий Яковлевич Литвин-Седой. Бывший солдат, а затем профессиональный революционер, он был в октябре освобожден из тюрьмы народом и сразу окунулся в гущу революционных событий.

Боевой комитет Пресни действовал очень энергично: он разослал своих делегатов для связи в Петербург, Иваново-Вознесенск и другие города; пробовал устроить взрыв железнодорожного моста на Николаевской дороге, чтобы помешать правительству перебросить в Москву войска (взрыв не удался); разработал план действий дружинников Пресни и план постройки баррикад; закрыл в своем районе все винные лавки, но заставил торговать булочные и продовольственные магазины. Твердое большевистское руководство и боевой дух рабочих позволили пресненцам в ходе восстания продержаться дольше, чем это было в других районах Москвы.

10 декабря на Пресне состоялась большая районная демонстрация. Рабочие шли с ре-

---

ПИСЬМО-ПРОКЛАМАЦИЯ РАБОЧИХ ТИПОГРАФИИ СЫТИНА,

найденное 5 декабря 1905 года около Александровских казарм в Москве и пересланное командиром полка в охранку

Товарищи солдаты! Шлем вам привет и желаем вам всякого благополучия в политических и экономических нуждах. Товарищи, сытинцы назначили восстание в среду 7 декабря, и просим вас вступить в наши ряды и итти с нами, так как уже началось восстание в Несвижском, Самогитском и саперном батальоне, и они прислали нам ответ на нашу просьбу, что согласны выступить с нами вместе и итти на демонстрацию, — так и вас просим тоже; и они, все те же товарищи солдатики, взяли по нескольку винтовок для себя и для рабочих, и всех насчитывается около трех тысяч. Товарищи, просим вас, передайте всем вашим товарищам солдатикам, чтобы и они не опадали духом и бодростью в стачке с рабочим классом. И пособить мы можем вам как денежным, так и вещебым воспомоществованием, — об этом вы не беспокойтесь никто. Еще раз просим вас, чтобы вы захватили с собой патрон и принесли на фабрику Сытина на Пятницкую, так как у нас имеются винтовки. И просим 6 декабря принести, если можно, то пожалуйста. Прощайте, товарищи. Остаются всегда готовые за свободу положить жизнь свою мы, товарищи сытинцы. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, товарищи!

(Журн. «Пролетарская революция» № 4 (39), 1925)

[1] При советской власти трамвайному парку в Миусах присвоено имя Петра Щепетильникова.

волюционными песнями и красными флагами, когда путь им преградил казачий отряд. Офицер, показывая на рабочих, скомандовал казакам: «Бей их!» Тогда две девушки-работницы со знаменем в руках бросились вперед: «Стреляйте! Живыми мы знамя не отдадим!» Казаки смущенно переглядывались. Литвин-Седой обратился к ним с речью. Рабочие кричали: «Да здравствуют казаки!» Несмотря на брань своего офицера, казаки повернулись и ускакали.

На Казанской железной дороге был составлен поезд из нескольких вагонов, и машинист Ухтомский увозил в нем московских дружинников на ночь подальше от города, на запасные пути. В Москве на баррикадах оставались часовые, а утром дружинники возвращались в город и начинали свою боевую работу.

С 9 по 17 декабря на улицах Москвы шла вооруженная борьба. Не надеясь на верность всех частей гарнизона, Дубасов стянул в центр города ударную группу войск и перебрасывал ее из района в район. Разрушив баррикады в одном месте, войска уходили в другое, но разрушенные баррикады возникали снова и за ними опять появлялись дружинники.

Революционные события в Москве развивались настолько бурно, что руководство восстанием отстало от стихийно нараставшего движения. Рабочие дружины были созданы главным образом в октябре, но только с конца октября начал действовать Коалиционный совет дружин, который должен был их объединять. Оружия у рабочих не хватало и вооружены дружинники были в основном револьверами. Большое значение для восставших могли бы иметь бомбы, и в Москве существовали подпольные лаборатории для их производства, но вскоре лаборатории выследила полиция. Бомб москвичи успели выпустить очень мало.

Солдаты московского гарнизона, участие которых в восстании могло бы стать решающим, сидели запертыми в казармах в те дни, когда рабочие дружины вышли на баррикады. Момент готовности солдат принять участие в восстании был упущен.

Опытных военных руководителей у восставших не оказалось, и самый план восстания в Москве не был достаточно разработан. После ареста Московского комитета большевиков вооруженное выступление в Москве превратилось в восстание отдельных районов, разобщенных между собой.

Несмотря на все недочеты в подготовке восстания, рабочие Москвы в течение девяти дней героически сражались с царскими войсками. В баррикадных боях участвовало до 8 тысяч дружинников, поддерживаемых сочувствием всей рабочей массы. Рабочие проявили много отваги и самопожертвования, до конца сохранив стойкость и боевой дух.

Дубасов выпускал объявления, в которых требовал, чтобы население помогало правительству и войскам против восставших. Выходить на улицу разрешалось только с 9 часов утра до 7 часов вечера. Вечером солдатские патрули обыскивали всех прохожих и поднимали стрельбу, как только что-либо казалось им подозрительным. Тюрьмы были переполнены арестованными, больницы — ранеными. Частная медицинская помощь пострадавшим была запрещена.

Начальство всеми силами старалось расположить к себе солдат. Их убеждали и запугивали, спаивали водкой и обманывали. Солдаты мерзли на улицах, терялись от неожиданностей уличной борьбы, и все их раздражение начальство направляло против революционеров.

12 декабря артиллерия стреляла по городу десятки раз. Баррикады в Замоскворечье были окончательно разобраны, сопротивление здесь прекратилось, и несколько десятков дружинников перебралось на Пресню.

15 декабря по Николаевской железной дороге, единственной отказавшейся бастовать, в Москву прибыл из Петербурга Семеновский полк, выпрошенный у царя Дубасовым. Ранним утром семеновцы проникли на Миусскую площадь, установили на ней артиллерию и начали громить трамвайный парк и другие здания. Дружинники парка, выбравшись из зоны огня, спрятали свое оружие и разошлись в разные стороны, решив сохранить силы до будущего восстания.

В то же утро станция Москва-Казанская была занята семеновцами, и поезду с дружинниками пришлось пробиваться на линию сквозь засаду. На паровозе были Ухтомский и его помощник машинист-большевик Акулинин. Семеновцы встретили поезд ружейным и пулеметным огнем. Тогда Ухтомский развил скорость до 90 верст в час, и хотя котел паровоза угрожал взорваться, дружинники пробились сквозь цепь карателей в Перово. Здесь, обсудив положение, они решили поодиночке вернуться в город, разойтись по домам и готовиться к новому подъему революции. Несколько дружинников во главе с Никодимом собрали все свое оружие,

отвезли его на паровозе по железнодорожной ветке и спрятали в надежном месте.

16 декабря карательный отряд Римана двинулся по железной дороге из Москвы на Голутвино. На станциях и полустанках каратели зверски расстреляли и закололи около 300 человек, казавшихся им почему-либо подозрительными. На станции Люберцы семеновцы случайно захватили машиниста Ухтомского. У Римана был список дружинников с их фотографиями, он узнал Ухтомского и приказал расстрелять его вместе с пятью другими дружинниками.

Ухтомский хладнокровно выслушал приказ о расстреле и стал под наведенными на него винтовками, глядя в лицо своим убийцам. Мужество революционера поразило Римана.

— Вы не боитесь смерти? — спросил он.

— Я знал, что если попадусь в ваши руки, вы расстреляете меня. Я готов к смерти, — твердо ответил Ухтомский.

Кроме семеновцев, в Москву прибыл из Польши Ладожский полк с артиллерией. Теперь силы Дубасова значительно увеличились. Рабочие же были утомлены боями и истощены. Положение восставших становилось безнадежным. Учитывая сложившуюся обстановку, Московский комитет большевиков и Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов вынесли решение: прекратить вооруженное сопротивление с 16 декабря, а забастовку — с понедельника 19 декабря. Дружинникам было объявлено о прекращении борьбы. Они стали расходиться и скрываться.

Только Пресня еще продолжала борьбу. Но положение ее стало критическим. Разгромив восстание в других районах города, правительственные войска сосредоточили свои силы против Пресни. Ждать помощи было неоткуда: из Сормова ответили, что помочь не могут; в Коломне большинство рабочих завода разошлось по деревням; из Иваново-Вознесенска приехал с небольшим отрядом М. В. Фрунзе, побывал на Пресне, а потом был отрезан со своим отрядом на Сухаревке и закончил бои у Спасских казарм.

Между тем кольцо вокруг Пресни сжималось, обстрелы становились все более разрушительными. 16 декабря войска разрушили большую баррикаду у Горбатого моста, заняли мост, подожгли снарядами фабрику Шмидта и начали обстрел рабочих казарм Трехгорной мануфактуры. Артиллерийский обстрел Пресни велся со всех четырех сторон. Рушились и пылали дома. Дым густым

ВОЗЗВАНИЕ ШТАБА ПРЕСНЕНСКИХ ДРУЖИН К РАБОЧИМ ПРЕСНИ

(Составлено 16 декабря 1905 г.)

Товарищи дружинники! Мы, рабочий класс порабощенной России, объявили войну царизму, капиталу, помещикам и их прихвостням — дворянам.

Война объявлена 17 октября, но последняя схватка, которая войдет в историю под названием «Декабрьское вооруженное восстание», началась 9 декабря. Ныне мы, по воле партии и революции, решаем в нашей цитадели, что делать? Продолжать или кончать смертельную схватку между трудом и капиталом?

Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта вами баррикадами и минирована фугасами.

Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где свободно и звонко рождаются под красными знаменами песни труда и свободы. Пресня — крепость.

Но удержим ли мы ее до тех пор, чтобы вновь восстал рабочий Москвы?

Петербургские рабочие, давшие лозунг 9 января начать, устали, разбиты, не поддержали начавшую Москву.

Мы были слабы расшевелить многомиллионное крестьянство. Московский гарнизон остался только нейтральным и сидит в казармах под замком. Мы одни на весь мир. Весь мир смотрит на нас. Одни — с проклятьем, другие — с глубоким сочувствием. Одиночки текут нам на помощь. Дружинник — стало великим словом, и всюду, где будет революция, там будет и оно, это слово, — плюс Пресня, которая есть нам великий памятник. Враг боится Пресни. Но он нас ненавидит, окружает, поджигает и хочет раздавить. Он готовит насилие женам и сестрам рабочих. Дети рабочих будут под копытами лошадей и под сапогами пьяных царских солдат. Мы начали. Мы кончаем.

В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит его позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом. Поколение за поколением во всех странах на опыте Пресни будут учиться упорству.

Я отдал приказ в воскресенье развести пары, и все фабрики заработают, а начальники дружин укажут, где прятать оружие. Но пока вы — солдаты революции, и нас окружают, приказываю стоять на своих постах.

Нам смерть не страшна, и если враг помешает нашему плану, нашей воле, то дорого обойдется ему наше отступление. Мы — непобедимы!

Да здравствует борьба и победа рабочих!

Командир пресненских боевых дружин

Обращение было напечатано на гектографе и расклеено на Пресне, на видных местах.

(Сб. «Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г.». М., 1940)

облаком стоял над районом, где оставались десятки тысяч жителей с детьми.

Дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным. По приказу штаба дружинники покинули баррикады. Пресню уже занимали семеновцы.

Несколько дней каратели под командой Мина творили на Пресне расправу — истязали, арестовывали, убивали десятки людей. Доказательств виновности не требовалось, достаточно было доносов вылезших из своих нор черносотенцев. Сам Мин определял «преступников» на глаз — всякий, кто не проявлял перед ним трусости и растерянности, считался участником восстания.

Год спустя над участниками вооруженного восстания на Пресне состоялся открытый суд. Подсудимых было 68 человек. За год следственные органы состряпали против них 26 томов обвинительных материалов. Подсудимые держались на суде смело и спокойно. 17-летний рабочий-текстильщик Вася Честнов, просидевший все это время в тюрьме, где его побоями вынуждали давать показания, в последнем слове выразил радость, что «имел счастье принять активное участие в борьбе за права угнетенного народа». Честнов принял на себя одного вину за укрытие оружия, спрятанного после восстания. Он сидел на суде в красной рубашке, как бы напоминая присутствовавшим о тех красных флагах, которые в декабре 1905 года реяли над восставшей Москвой.

Выслушав приговор — каторжные работы, ссылка на поселение и т. д., осужденные запели «Марсельезу». И тогда в публике в ответ раздалось «Вы жертвою пали». Конвой зашевелился, застучал прикладами. Судьи торопливо вышли из зала. Дух приговоренных рабочих не был сломлен.

Пятнадцать лет спустя Ленин писал о рабочих Пресни:

«После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещенье. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году».

Вооруженные восстания произошли также в Новороссийске, Ростове-на-Дону, Донбассе, Мотовилихе, Красноярске и других городах. Восстанием были охвачены Латвия, Польша, Грузия, Финляндия.

В Ростове-на-Дону в ноябре образовался Совет рабочих депутатов. Экономические забастовки, повторявшиеся в течение 1905 года, всероссийская политическая стачка, постоянные митинги — все это накаляло

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКР.
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ВЫХОДИТЕ НА РАБОТУ,
ТОВАРИЩИ!**

Скоро мы снова приступим к упорной борьбе. Новая схватка с проклятым врагом неизбежна, близок решительный день. Опыт боевых дней многому нас научил. Этот опыт послужит нам на пользу в ближайшем будущем.

Славные борцы за свободу и счастье рабочего класса, бессмертные защитники баррикад, доказали и нам и рабочим всей страны, что мы можем бороться не только с ружьями и нагайками, но и пушками и пулеметами. И теперь, как и в первые дни, гордо развевается красное знамя на наших баррикадах, — разрушали их ночью царские холопы, к утру они вырастали снова. Исчезали в одном районе, — быстро появлялись в другом.

Наши дружины наводили ужас не только на московских холопов царя. Выстрелы из наших винтовок и револьверов заставляли бледнеть и царскосельского палача и всю свору грабителей и насильников страны.

Еще позавчера, как и в первые дни, наши герои-борцы стояли за баррикадами, всегда готовые метким огнем встретить царских опричников. Ряды героев не поредели; на место погибших становились новые. Только призыв организации прекратить на время борьбу дал возможность войскам разобрать баррикады. Мы не побеждены. Каждый выстрел из пушки дает нам новых друзей.

Но держать без работы всех рабочих Москвы дольше невозможно. Голод вступил в свои права, и мы прекращаем стачку с понедельника.

Становитесь на работу, товарищи, до следующей, последней битвы.

Она неизбежна. Она близка!..

Подлое правительство из пушек расстреливало безоружных, оно не простит рабочему классу своего страха и позора. К борьбе беспощадной, упорной, последней борьбе будем готовиться! И снова, как в эти славные дни, пусть со свежими силами рабочие всей Москвы бросят работу! Ждите призыва! Запасайтесь оружием, товарищи! Еще один могучий удар — и рухнет окончательно проклятый строй, всей стране ненавистный.

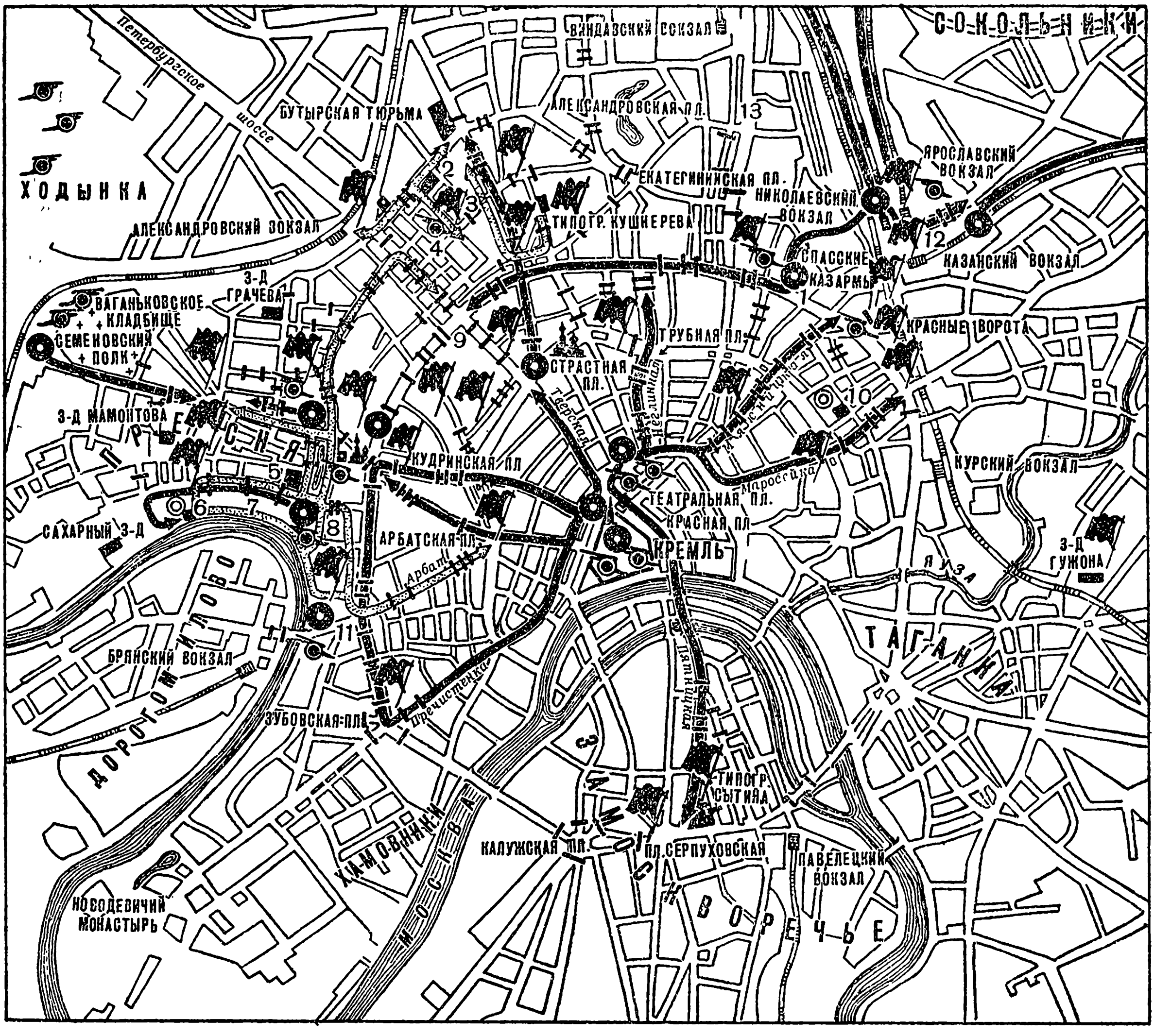
Вечная память погибшим героям-борцам, вечная слава живым!..

В понедельник, в 12 часов дня, все рабочие Москвы становитесь, как один человек, на работу.

Московский Комитет РСДРП

Декабрь 1905 г.

(Сб. «Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г.». М., 1940)



Предприятия, вокзалы и учебные заведения, участвовавшие в восстании и имевшие свои боевые дружины.

Путь движения боевых дружин.

Подпольные большевистские типографии.

Баррикады.

Баррикадные бои и столкновения боевых дружин с царскими войсками.

Бастовавшие железные дороги и вокзалы Московского узла.

Районные центры восстания.

Пункты сосредоточения царских войск.

Пути движения царских войск.

Пункты сосредоточения царской артиллерии.

Церкви, с которых производился пулеметный обстрел.

На карте показаны цифрами: 1) революционное волнение Ростовского полка в Спасских казармах; 2) Миусский трамвайный парк; 3) Промышленное училище; 4) Миусская площадь; 5) фабрика Шмидта; 6) Трехгорная фабрика; 7) Нижняя Пресня; 8) Горбатый мост; 9) Триумфальная площадь; 10) училище Фидлера; 11) Смоленская площадь; 12) Каланчевская площадь; 13) 1-я Мещанская улица.

Карта московского вооруженного восстания 1905 года.

атмосферу и укрепляло революционное настроение рабочих. Как и в других городах, в Ростове были созданы боевые дружины; специальный инструктор, присланный на Северный Кавказ Южным бюро РСДРП (большевиков), оборудовал лабораторию для производства бомб. Революционным центром стало рабочее предместье Ростова — Темерник. 7 декабря, получив известия о начавшейся политической стачке в Москве, забастовала Владикавказская железная дорога. Вечером Донской комитет РСДРП и Совет рабочих депутатов приняли решение объявить 8 декабря в Ростове общую стачку. На следующий день стачка охватила весь город. Местные власти, до тех пор державшиеся довольно пассивно, в ночь на 9 декабря арестовали ряд членов партийной организации, Совета рабочих депутатов и железнодорожного бюро, а еще через два дня объявили город на военном положении. На улицах появились казачьи разъезды и пушки. Объявление о введении военного положения градоначальнику пришлось печатать на мимеографе, так как все типографии в городе бастовали.

У рабочей боевой организации был разработан наступательный план: из центра восстания — Темерника предполагалось двинуться на другую окраину города — Нахичевань, соединиться с боевой дружиной, действовавшей там, и вовлечь в восстание все население района. Целью восстания был захват власти в Ростове и соединение с революционерами Северного Кавказа, так как в Новороссийске, Пятигорске, Тихорецкой население фактически уже не подчинялось царскому правительству.

Действовать нужно было быстро и решительно. Но для решительных действий необходим был энергичный и инициативный руководящий центр. Донской комитет РСДРП, состоявший из меньшевиков, не мог стать и не стал таким центром. Пока меньшевики размышляли, колебались, вели переговоры с царскими властями об освобождении арестованных, начался артиллерийский обстрел Темерника, где вскоре погиб один из самых смелых и самоотверженных борцов — начальник боевой дружины Анатолий Собина.

Обстрел Темерника продолжался несколько дней, однако дружинники отражали атаки правительственных войск. 20 декабря артиллерийский огонь усилился, обстрел продолжался весь день без перерыва. Рабочий городок был уже сильно разрушен. К вечеру стало очевидным тяжелое положение рабочих дружин: связи с другими городами не было, в помощь Ростову прибыла только небольшая рабочая дружина со станции Тихорецкой. Артиллерии и казачьим винтовкам дружинники могли противопоставить в основном лишь револьверы. Патроны кончились, с продовольствием приходилось очень туго. Вечером на совещании дружинников решено было организованно покинуть Темерник и попытаться перейти в наступление со стороны Нахичевани. В ночной темноте дружинники перешли замерзший Дон и расположились на другом конце города, в Нахичевани, намереваясь утром продолжать борьбу. Однако ночью в столовой завода «Аксай», где были сложены оружие рабочих и патроны, произошел сильный взрыв. Под обломками здания погибло оружие. Это неожиданное обстоятельство положило конец действиям ростовской дружины.

В Новороссийске власть перешла в руки Совета рабочих депутатов и две недели существовала «Новороссийская республика». Борьба за республику началась еще в октябре и шла главным образом под руководством местной социал-демократии. В ноябре в городе была организована народная милиция для защиты населения от «черной сотни» и отпора полиции. Затем революционные организации сформировали свои боевые дружины, слили их с народной милицией и подчинили единому центру. В декабре в Новороссийске было 500 дружинников, из которых более половины имели ружья.

Когда в Новороссийск пришло известие о начале политической стачки в Москве, забастовали железные дороги, пароходные команды, порт, цементные заводы, почта, телеграф, приказчики, служащие, учащиеся, даже извозчики. Совет рабочих депутатов, включавший представителей всех слоев трудящихся города, стал с 8 декабря его фактическим хозяином. Вся жизнь в городе подчинилась порядкам «Новороссийской республики».

Город был разбит на три района с тремя районными комитетами. Боевой центр конфисковал оружие стражников на цементных заводах, в окрестных имениях и селах. Ружейный магазин в городе и частные лица, по предписанию боевого центра, сдали имевшееся у них оружие. Рабочие дружины были вооружены и обучены. В то же время революционеры вели успешную агитацию в частях гарнизона, поэтому солдаты и казаки не выступили против рабочих. Когда 16 декабря губернатор объявил город и округ на

положении «чрезвычайной охраны», положение это осталось только на бумаге: губернатору и его подручным пришлось бежать из города, а Совет рабочих депутатов продолжал руководить всеми делами. Совет обложил буржуазию прогрессивно-подоходным налогом и полученные этим путем средства выдавал безработным. Царские судебные органы решением Совета были закрыты, началась разработка положения о народных выборных судах.

Совету подчинялись железные дороги с их телеграфом, казенный телеграф и почта, банки, заводы, пароходы, печать и вооруженная сила в лице дружинников. По распоряжению Совета производились обыски и аресты уголовных преступников и черносотенцев, конфисковалось оружие и продовольствие. Ни один завод не мог начать работу без разрешения Совета, ни одно воззвание не могло выйти без его согласия. Совет распространил свое влияние и за пределы города — появился еще Совет крестьянских депутатов Новороссийского округа.

20 декабря, зная о событиях в Москве, Совет рабочих депутатов Новороссийска разрешил некоторым предприятиям возобновить работу. 24 декабря Совет выпустил воззвание к населению города и округа, в котором извещал о приближении к городу карательных правительственных войск и призывал к оружию. Однако поражение восстания в Москве, Ростове-на-Дону и некоторых других городах ставило Новороссийск в тяжелое положение. К тому же правительственные войска и артиллерия появились в Новороссийске не с той стороны, откуда их ждали. Это спутало окончательно планы революционеров. 25 декабря восстание в Новороссийске было жестоко подавлено. Сотни его участников пошли под суд.

Советы рабочих депутатов руководили подготовкой и проведением вооруженного восстания во многих городах Украины. Так, Горловский Совет собрал среди рабочих около 1 000 рублей и закупил на эти деньги партию револьверов в Таганроге. Луганский Совет принимал от рабочих на покупку оружия добровольные взносы, а кроме того, провел принудительный сбор среди местных купцов и закупил оружие в Севастополе. Енакиевский Совет собирал на приобретение оружия по 50 копеек с каждого жителя поселка. В октябре — ноябре почти во всех крупных городах и фабрично-заводских поселках Украины были созданы рабочие боевые дружины и отряды народной милиции. В Екатеринославе, Луганске, Киеве и нескольких других городах были оборудованы лаборатории для производства бомб и ручных гранат.

Приняв решение о всеобщей политической стачке и переводе ее в вооруженное восстание, Московский Совет рабочих депутатов тотчас же отправил на Украину несколько групп рабочих, чтобы связаться с большевистскими организациями и местными Советами. В ночь на 8 декабря такая группа из трех человек прибыла в Екатеринослав, который стал центром восстания на Украине. На рассвете 8 декабря пленум Екатеринославского Совета рабочих депутатов вынес решение немедленно начать всеобщую политическую забастовку. При Совете был создан Боевой стачечный комитет города и губернии, связавшийся затем с промышленными пунктами Донбасса. Рабочие дружины Екатеринослава взяли под свое наблюдение вокзал, телеграф, заводы и фабрики. Началась постройка баррикад, особенно в рабочих районах города: Чечеловке, Амуре, Нижнеднепровске. Солдаты гарнизона сочувство-

---

10 декабря 1905 г.

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА НИЖЕГОРОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Секретно

Доношу департаменту полиции, что, по полученным мною сведениям, рабочие Сормовского завода в последние дни заняты изготовлением холодного оружия, а именно шашек, пик и кинжалов.

В канцелярию сормовского полицейского пристава 8-го сего декабря был доставлен образец пики, состоящий из квадратного железного прута в палец толщины, длиною в 2 аршина, конец пики отточен.

По вечерам рабочие собираются большими партиями и обучаются маршировке и ружейным приемам.

9 декабря у главной конторы завода состоялась сходка, на которой обсуждался вопрос о политической забастовке всего завода, о вооруженной демонстрации и было постановлено, чтобы расчет за работу производился исключительно золотом и чтобы рабочие ни в каком случае не принимали бумажных денег.

Об изложенном мною доложено господину управляющему губернией.

Полковник Левицкий

Помета: Это уже известно.

(Из архивных материалов)

вали рабочим, поэтому губернские власти потеряли реальную силу.

8 декабря забастовала и Екатерининская железная дорога. Прекратилось движение поездов по всей линии от Кривого Рога до Луганска. На станциях появились стачечные комитеты, боевые дружины, отряды самообороны. Они разоружали жандармов и полицию. На станции Дебальцево восставшие захватили вагон с динамитом и приступили к изготовлению бомб. Под руководством московского делегата Сергея Морозова на станции Гришино была создана одна из лучших в Донбассе боевых дружин. К восстанию присоединились рабочие заводов и рудников, расположенных вблизи станции железной дороги. В Алмазной, Алчевске, Горловке и Енакиеве во главе движения стали металлисты и горняки.

14 декабря луганские рабочие освободили из городской тюрьмы своего боевого руководителя Климента Ефремовича Ворошилова. Весной Ворошилов был избран председателем депутатского собрания луганского паровозостроительного завода, руководил июльской стачкой, был арестован и просидел полгода в тюрьме. Теперь К. Е. Ворошилов был выбран председателем Луганского Совета рабочих депутатов. Его помощником, начальником боевых дружин стал 20-летний Александр Пархоменко.

Первые бои в Донбассе произошли 13 декабря на станциях Ясиноватая и Авдеевка. И там и тут рабочие одержали победу. Тогда царские войска решили не распылять свои силы, а собрать ударную группу и нанести рабочим сокрушительный удар. Местом для этого была избрана Горловка. 16 декабря в здание Горловского машиностроительного завода, где рабочие делегаты вели переговоры с директором завода, ворвались войска. Они рассчитывали захватить депутатов рабочего Совета. Рабочие оказали сопротивление; солдаты открыли огонь, в результате чего были убитые и раненые.

Большевики Горловки обратились с призывом о помощи к рабочим Донбасса. В Горловку направились эшелоны с дружинниками из Енакиева, Алчевска, Дебальцева, Луганска, Ясиноватой, Харцызска, Краматорска, Гришина и Авдеевки. Только меньшевики, захватившие в свои руки Советы в Юзовке и Мариуполе, высказались против вооруженного восстания.

В Горловке собралось около 4 тысяч дружинников. В ночь на 17 декабря состоялось совещание командиров дружин, а на рассвете восставшие начали наступление на казармы, где расположились три роты пехоты и эскадрон драгун. Несколько часов длился бой. Вначале солдаты в беспорядке отступили в степь, но здесь перестроились, получили подкрепление и сами атаковали восставших. Горловский бой кончился поражением рабочих. Около 300 человек было убито, несколько сотен обезоружено, но основная масса дружинников рассеялась по Донбассу, укрывая в тайниках вынесенное из боя оружие. Царский суд приговорил впоследствии свыше 80 участников восстания к ссылке и каторжным работам, а 8 руководителей — к смертной казни. Среди последних погиб председатель Енакиевского Совета рабочих депутатов Г. Ф. Ткаченко-Петренко.

В Сибири после всероссийской политической стачки революционное движение в ряде городов стало перерастать в вооруженное восстание.

Война с Японией особенно тяжелым бременем легла на население Сибири. Города Сибири и Забайкалья переполнились тыловыми учреждениями, жителей заставляли принимать солдат «на постой»; сибирская железная дорога, занятая военными перевозками, не успевала доставлять грузы мирного назначения, поэтому в городах не хватало продовольствия, а в деревнях — предметов первой необходимости. К тому же восточную часть Забайкалья в 1905 году постиг неурожай; уже осенью крестьянское и казачье население начало голодать.

Главными центрами революционного движения в Сибири стали города с большим скоплением железнодорожных рабочих, такие, как Красноярск и Чита. В железнодорожных мастерских этих городов работало несколько тысяч рабочих, здесь особенно го-

---

11 декабря 1905 г.

ТЕЛЕГРАММА ВЛАДИМИРСКОГО ГУБЕРНАТОРА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. Н. ДУРНОВО

Ввиду захвата власти рабочими в Александрове и буйного настроения рабочих Кольчугинского завода Юрьевского уезда, невозможности восстановить власть местными силами, отказа штаба посылке войск из Москвы или казаков из Орехова убедительно прошу вашего воздействия на штаб о посылке в Александров генерал-майора с достаточным количеством войска. Вступил в должность, вернувшись на лошадях из разрешенной поездки в разграбленное Орловское имение.

(Из архивных материалов)

рячо и охотно воспринимались призывы большевиков. В Томске и Омске, где количество рабочих было незначительно, среди социал-демократов преобладали меньшевики.

Начиная с января 1905 года, забастовки в Сибири повторялись все чаще и чаще. Ведущими были железнодорожные рабочие, за ними шли печатники, служащие железной дороги и телеграфисты, горняки, инженеры, приказчики.

Летом и осенью бастовали мастерские и депо станций Чита, Иркутск, Красноярск, Тайга, Омск, Петропавловск, Челябинск, Оловянная, Иннокентьевская, Еланская, Зима, Хилок, Борзя.

Октябрьская всероссийская стачка началась почти одновременно во всех крупных центрах Сибири, руководили ею местные социал-демократы через стачечные комитеты. В Красноярске и Иркутске стачечные комитеты в октябре фактически взяли власть в свои руки. Распропагандированные солдаты сочувствовали революционерам. Царские чиновники растерялись, попытались организовать черносотенные погромы, но это только вызвало появление рабочих боевых дружин.

6 декабря в Красноярске был образован объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов. Через два-три дня он захватил губернскую типографию, где стала печататься газета местного социал-демократического комитета «Красноярский рабочий». Объединенный Совет объявил свободу слова, печати и собраний, создал комиссию для подготовки выборов в городскую думу и установил контроль за движением поездов. Порядок в городе охранялся рабочими дружинами и солдатами железнодорожного батальона. Запасных солдат нескольких возрастов Совет отпустил по домам.

Правительство начало стягивать в Красноярск войска. 26 декабря они заняли город, кроме железнодорожного района, где власть оставалась в руках Совета. В ночь на 28-е правительство объявило Красноярск на военном положении. Несколько сотен рабочих и солдаты железнодорожного батальона решили укрепиться в железнодорожных мастерских и защищаться до тех пор, пока подойдет помощь. Красноярский комитет РСДРП выпустил прокламации к рабочим, а также к солдатам и матросам, следовавшим тогда по всей Сибирской железной дороге, с призывом поддержать восставших. Эти обращения были получены в Иркутске с большим опозданием, а в Чите и Харбине местные рабочие в это время готовились к отпору карательной экспедиции генерала Ренненкампфа и помощи Красноярску оказать не могли.

29 декабря правительственные войска оцепили железнодорожные мастерские и предложили восставшим сдаться. Рабочие и солдаты-революционеры отвергли это предложение. Мастерские подверглись штурму. Несколько суток правительственные войска вели обстрел мастерских. Восставшим не хватало воды, пищи, света, в помещении с выбитыми стеклами было очень холодно. И все же восставшие держались, продолжая отстреливаться. 2 января им снова было предложено сдаться. Восставшим стало уже ясно, что помощи им никто оказать не может, что дело проиграно. 3 января в 12 часов дня вышедшие из полуразрушенных мастерских рабочие и солдаты были окружены тройным конвоем и отправлены в тюрьму.

Красноярский Совет существовал 75 дней — дольше всех Советов рабочих депутатов, поднятых волнами революции 1905 года.

В Чите под руководством местного большевистского комитета также был создан объединенный Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов, который с конца ноября стал фактическим хозяином города. Полиция была разоружена и созданы боевые рабочие дружины. На предприятиях установили 8-часовой рабочий день, в городе устраивались митинги, организовывались профсоюзы. Из тюрем Читы и Акатуя были освобождены политические заключенные. 5 декабря в Чите началось вооруженное восстание, возглавленное большевиком А. А. Костюшко-Валюжаничем [1]. С 7 декабря начала выходить газета «Забайкальский рабочий» — орган Читинского комитета РСДРП. Напуганное размахом революционного движения в Чите и Забайкалье, царское правительство организовало два карательных отряда — Ренненкампфа и Меллер-Закомельского, которые в середине января 1906 года стали сжимать Читу в кольцо. 23 января в Читу ворвался карательный отряд Ренненкампфа и положил конец существованию «Читинской республики». Ряд партийных работников (в том числе А. А. Костюшко) и рабочих были расстреляны, несколько десятков человек осуждено на каторгу, большая часть рабочих железнодорожных мастерских уволена. Но некоторые партийные работники

---

[1] А. А. Костюшко-Валюжанич работал в Чите под фамилией Григоровича.

перешли на нелегальное положение и продолжали выпускать газету «Забайкальский рабочий».

В Иркутске произошло восстание местного гарнизона. Недовольные задержкой демобилизации, охваченные общим революционным подъемом солдаты на митинге 28 ноября решили объявить «забастовку». Офицеры были смещены. Во главе восставшего гарнизона стал военно-стачечный комитет. Движение приняло яркий политический характер. Восставшие требовали улучшений солдатского быта, отмены смертной казни, созыва Учредительного собрания, передачи земли народу. Однако стачечный комитет, в котором главную роль играли эсеры, проявил нерешительность и дал возможность начальнику гарнизона генералу Ласточкину сорвать восстание. Вскоре на линии Сибирской железной дороги появился карательный отряд Меллер-Закомельского.

В Иркутский комитет РСДРП осенью 1905 года входил непоколебимый большевик Иван Васильевич Бабушкин, воспитанный Лениным в кружке петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Бабушкин был занят подготовкой вооруженного восстания. Партийная организация направила его в Читу, где он сразу сделался одним из активнейших работников. В первых числах января 1906 года стало известно, что Иркутский комитет РСДРП арестован. Разгром иркутского восстания создавал угрозу Чите. Бабушкину было поручено организовать отпор карателям в Иркутске или Черемховском районе. С пятью другими товарищами Бабушкин вез из Читы в отдельном вагоне транспорт оружия. Между станциями Слюдянка и Мысовая их настигла карательная экспедиция, и все шестеро были немедленно расстреляны на краю открытой могилы. Они умерли, гордо отказавшись назвать свои имена палачам.

В. И. Ленин назвал Ивана Васильевича Бабушкина народным героем.

«Без таких людей, — писал Ленин, — русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

На Урале в конце 1905 года прошла волна забастовок, митингов, демонстраций. Большевики открыто призывали рабочих к вооруженному восстанию. В центре Урала — Екатеринбурге — комитет РСДРП возглавлял в это время 20-летний профессиональный революционер Яков Михайлович Свердлов. Он организовал в Екатеринбурге социал-демократический рабочий университет, где готовились десятки пропагандистов. Рабочие Урала хорошо знали Свердлова — он постоянно выступал перед ними на собраниях под именем «Андрей». А царские власти обещали за поимку Андрея 5 тысяч рублей.

В первой половине декабря революционное движение на Урале переросло в вооруженное восстание. В ответ на призыв Московского Совета рабочие Мотовилихи, руководимые большевиками, 9 декабря присоединились к всеобщей политической стачке; через три дня они прервали сообщение по Пермской железной дороге и построили баррикады. 13 декабря в Мотовилиху пытались ворваться казаки. Завязался упорный

ОТ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ГОРОДА НОВОРОССИЙСКА

Граждане! Рабочий класс всей России вступил в окончательную борьбу с самодержавием. Многократно обманутый царем, его правительством и его манифестами, он потерял окончательную веру в возможность просьбами или ходатайствами добиться человеческих прав и улучшения своего положения. Он убедился, что освобождение рабочего класса может быть только делом самого рабочего класса и что только борьбой он завоюет себе право.

В этой борьбе рабочий класс взялся прежде всего за мирное средство политической забастовки. По одному мановению его руки остановилась жизнь всей страны. Правительственные органы потеряли всякую связь между собою, правительственная власть дезорганизована.

Как во всей России, так и в Новороссийске, рабочий класс сплотился и выдвинул из своей среды Совет рабочих депутатов для руководства окончательной борьбой, в которой не может быть уже отступления.

Рабочий класс в этой борьбе выставил своим девизом «свобода или смерть». Он не отступит до тех пор, пока не добьется того единственного средства, которое может обеспечить всему народу полный переход власти из рук самодержавия в руки народа, пока не будет созвано Всенародное учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с целью установления демократической республики.

Под этим девизом — «свобода или смерть» — мы поведем нашу последнюю борьбу и не остановимся ни перед какими средствами вплоть до вооруженного восстания... Готовьтесь, граждане, к последнему бою! Долой остатки самодержавия! Да здравствует Всенародное учредительное собрание!

Совет рабочих депутатов

Декабрь 1905 г.

(Журн. «Пролетарская революция» № 11 (23), 1923)

шестичасовой бой. Только получив подкрепление, казаки на рассвете следующего дня сломили сопротивление рабочих.

В Уфе произошла вооруженная стычка казаков с железнодорожниками. В Челябинске шел бой за станцию железной дороги, причем к рабочим примкнули солдаты. На заводах Кусинском, Златоустовском, Александровском, Луневском рабочие устанавливали свои порядки.

К сожалению, все эти выступления были слишком раздробленными, разобщенными, поэтому рабочие не могли долго сопротивляться правительственным войскам.

29 декабря Екатеринбург, Пермь с Мотовилихой, горнозаводские местности Пермской губернии и Пермская железная дорога были объявлены на положении «чрезвычайной охраны». Вооруженное восстание было подавлено.

Декабрьские вооруженные восстания не превратились в одновременное, единое всероссийское выступление пролетариата. Поэтому царское правительство смогло подавить восстание не только в Москве, но и в других городах. Восстания рабочих не были достаточно организованными, решительными и наступательными. Вооруженные восстания 1905 года носили оборонительный характер, и царские власти получали возможность выиграть время, захватить инициативу в свои руки. Оборонительная тактика восставших обрекала их на поражение. Главное правило восстания, как неоднократно указывал Ленин, — это отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление.

Поражению восстания способствовала и дезорганизаторская деятельность меньшевиков и эсеров.

Оценивая события декабря, В. И. Ленин писал: «Нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы».

С. И. МИЦКЕВИЧ

КАНУН ВОССТАНИЯ. ВОЛНЕНИЯ В ВОЙСКАХ

Глава из книги „Революционная Москва“

К концу ноября положение в Москве, как и во всей России, стало особенно напряженным. С одной стороны, революционная волна поднималась все выше: по всей стране шли митинги рабочие, крестьянские, солдатские; крестьянское движение в виде разгромов помещичьих имений, захватов земель распространялось на новые и новые районы; особенно остро и организованно оно шло на Кавказе и в Прибалтийском крае; солдатские и матросские бунты захватили ряд городов: Кронштадт, Севастополь, Киев, Тифлис, Ташкент, Воронеж, Бобруйск, Екатеринодар и др.

С другой стороны, по всему стало видно, что правительство начинало переходить все определеннее в контрнаступление: арест бюро крестьянского и почтово-телеграфного союзов в Москве, арест председателя Петербургского Совета рабочих депутатов Хрусталева-Носаря 26 ноября, грозные циркуляры, рассылаемые министром внутренних дел Дурново, которые были перехвачены революционерами, — все это были явные признаки начавшегося контрреволюционного наступления.

В Москве конец ноября и начало декабря ознаменовались значительным брожением в полках московского гарнизона. Движение началось 26 ноября в третьем саперном батальоне и в Троице-Сергиевском полку в Сокольнических казармах. Были митинги в казармах, на них выработаны требования, предъявленные затем начальству. 27 ноября московский градоначальник сообщает генерал-губернатору об этих митингах и заканчивает сообщение такой характеристикой положения в гарнизоне: «Вообще настроение среди нижних чинов московского гарнизона становится тревожным, и весьма вероятно, что требования, предъявленные третьим резервным батальоном, могут найти поддержку и в других воинских частях, тем более, что нижние чины, не сочувствующие возникшему в частях брожению, терроризованы сплоченным меньшинством».

К этому движению присоединился Ростовский гренадерский полк, расположенный в Спасских казармах на Садовой. Солдаты арестовывают офицеров, выбирают своих начальников и ставят своих дежурных у ворот своих казарм.

2 декабря московский градоначальник дает такую телеграмму министру внутренних дел: «Обязываюсь доложить вам, что Ростовский полк в полном восстании, в Несвижском и саперном батальонах сильное брожение, остальные войсковые части готовы на случай военного бунта, так что столичный порядок поддерживаю двумя тысячами измученных полицейских чинов и жандармским дивизионом. Столичные невзгоды осложняются пятьюстами бастующими почтальонами, пытающимися разбивать почтовые ящики и творить насилие над пожарными, развозящими почту».

2 или 3 декабря состоялось в Москве первое (и последнее) заседание Совета солдатских депутатов, о котором был напечатан отчет в № 3 (от 4 декабря) газеты «Вперед», органа Московского комитета. Приведу выдержки из этого отчета: «Вчера состоялось заседание Совета солдатских депутатов. На заседание явились представители Екатеринославского, Ростовского, Несвижского, Троице-Сергиевского полков, первого, третьего и пятого саперных батальонов, казачьего полка и московского военно-аптечного магазина. Были также представители военных организаций обеих фракций РСДРП, от партии С. Р. и начальники боевых дружин. Из речей депутатов-солдат было выяснено, что настроение во всех полках приподнятое, что все сочувствуют революционному движению, могут присоединиться к народному восстанию и, во всяком случае, стрелять в своих братьев не будут. Особенно повышенное настроение у солдат Екатеринославского полка, где сегодня должен состояться митинг, у солдат Несвижского полка и у саперов».

Депутат Ростовского полка сделал доклад о положении дел в своем полку, в котором он сообщил о двух митингах, состоявшихся в полку; на этих митингах присутствовали депутаты от Екатеринославского, Самогитского, Астраханского и некоторых других полков, почтово-телеграфные служащие, депутаты от революционных партий и Совета рабочих депутатов. Речь каждого оратора принималась восторженно и покрывалась шумными и долгими аплодисментами. На митингах пришли к решению все время быть в боевой готовности на случай уличного выступления и войти как можно скорее в соглашение с другими полками.

К сожалению, движение в Ростовском полку было скоро подавлено, и уже 4 декабря градоначальник телеграфировал, что в Ростовском полку порядок восстановлен.

Начальство во время волнения в полках приняло меры, которые очень способствовали ослаблению движения; это был роспуск всех мобилизованных запасных, которые были настроены вообще более революционно и вместе с тем стремились домой. Это сильно повлияло на «успокоение» солдатской массы. Московский комитет делал попытки овладеть движением в войсках, объединить его и соединить с выступлением пролетариата, но связи наши и влияние в полках были все же еще недостаточно сильны, да и настроение солдат не было достаточно стойко революционным. В результате волнения прошли разрозненно и не вылились в мощное революционное выступление.

В эти дни вся Москва была сильно возбуждена волнениями в полках; в редакциях наших газет — «Борьбы» и «Вперед» — толпилась масса народу, каждый час приносились новые информации об этом движении, о его успехах и неудачах. Помню, с каким энтузиазмом было встречено известие, что все пулеметы, бывшие тогда в Москве (это были первые пулеметы, появившиеся тогда в русской армии; помещались они в Спасских казармах), были захвачены восставшими ростовцами. Но увы! — вскоре же пришло известие, что ростовцы сдались на милость начальства.

В эти же дни, начала декабря, произошли еще крайне важные события: Петербургский Совет рабочих депутатов после ареста своего председателя вынес резкий протест против этого акта и выпустил «манифест» о финансовом бойкоте правительства.

В этом манифесте население России призывалось:

«Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалования уплаты золотом.

Брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом. Не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которое царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со своим народом».

Под манифестом, кроме подписи Совета рабочих депутатов, стояла подпись Главного комитета Всероссийского крестьянского союза, Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии и других революционных организаций.

2 декабря манифест был полностью напечатан в восьми петербургских газетах.

Этот манифест всполошил правительство. Витте в своих «Воспоминаниях» пишет, что это «воззвание имело решительный успех; так, в самое короткое время было взято из сберегательных касс более, чем сто пятьдесят миллионов рублей золотом. Такая паника после несчастной войны, стоившей около двух миллиардов пятисот миллионов рублей, конечно, поставила наши финансы и денежное обращение в самое трудное, скажу, отчаянное положение».

И правительство ответило на манифест конфискацией и закрытием восьми петербургских газет, напечатавших манифест, и арестом 3 декабря Петербургского Совета рабочих депутатов в количестве около двухсот человек.

4 декабря обо всех этих событиях стало известно в Москве. Ясно было для всех, что на это наступление правительства необходимо реагировать. Мы много писали и говорили о вооруженном восстании, — теперь стало очевидным, что этот грозный момент наступает. Если не ответить теперь же на наступление правительства, то оно по очереди разгромит революционные организации по всей стране; надо теперь же попытаться поднять всю страну на восстание и привлечь на свою сторону войска, на что, ввиду брожения среди войск, была надежда.

Таково было общее мнение в большевистских кругах; такова же была директива и нашего Центрального Комитета. 3 или 4 декабря приехал в Москву от ЦК товарищ Саммер с предложением начать в Москве всеобщую забастовку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание, а ЦК примет все меры, чтобы забастовка и восстание нашли поддержку по всей России.

Саммера я хорошо знал: он бывал при своих приездах в Москву на заседаниях лекторской группы, несколько раз ночевал у меня. Я с ним близко сошелся. Он был особо доверенным лицом Ильича и всегда горячо отстаивал его директивы; несомненно, что и в этот приезд он выражал точку зрения Ленина.

Экстренно собрался Московский комитет и принял соответствующие решения, которые были затем поставлены на обсуждение Московского Совета рабочих депутатов, собравшегося 4 декабря. Об этом заседании Совета появился отчет в нашей газете «Вперед» от 6 декабря. Приведу выдержки из него:

«Прочитан и обсужден манифест революционных организаций. Постановлено единогласно присоединить к данному манифесту подпись Московского Совета рабочих депутатов, издать манифест в достаточном количестве для распространения среди населения [1]. Обсужден факт ареста Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов, и в связи с этим рассмотрен вопрос о необходимости, ввиду надвигающейся реакции, перехода к активным действиям — ко всеобщей забастовке и вооруженному восстанию. Большинство депутатов высказалось в том смысле, что дальше ждать нечего. Довольно копить силы. Необходимо с завтрашнего же дня объявить всеобщую забастовку в Москве. Ряд депутатов указывал, что эта стачка уже не репетиция, а генеральный бой с самодержавием. Эта стачка должна перейти во всенародное вооруженное восстание. Надо взвесить всю важность нашего решения и потому, прежде чем объявлять забастовку, надо разъяснить всем нашим избирателям важность данной забастовки и той ответственности перед рабочим классом России, которую берет на себя МСРД, **бросая первый лозунг всеобщего восстания.**

После продолжительного обсуждения было постановлено: завтра (в понедельник) утром поставить этот вопрос на обсуждение рабочих всех фабрик и заводов Москвы и на следующем собрании МСРД принять, в зависимости от решения пролетариата города Москвы, то или иное решение относительно призыва от **имени МСРД** ко всеобщей забастовке».

День 5 декабря прошел в митингах, которые состоялись на большинстве московских фабрик и заводов. На этих митингах обсуждался вопрос о всеобщей забастовке и переводе ее в вооруженное восстание. Настроение везде было решительное и боевое.

В тот же день заседала конференция представителей двадцати девяти железных дорог. Там тоже был поставлен вопрос о всеобщей забастовке. Представителями от большевиков на этой конференции были Саммер и Лядов. Настроение по отношению к забастовке сначала было колеблющееся, но наши представители твердо заявили, что если конференция не выскажется определенно за стачку, то большевики все равно призовут железнодорожных рабочих к стачке и тогда поневоле служащим придется к ним примкнуть. После этого заявления настроение

---

[1] Манифест был напечатан в нескольких московских газетах.

конференции стало все более склоняться к объявлению забастовки на всех железных дорогах, и к вечеру была вынесена соответствующая резолюция.

Вечером в реальном училище Фидлера собралась многочисленная партийная конференция большевиков. Я был на этой конференции.

Собралось человек до восьмисот. Проходили по билетам, которые были двух видов — красные и белые. Красные билеты получили члены МК, районных комитетов и делегаты заводских комитетов, только они имели право голоса, то-есть могли говорить и решать. Сделано это было для того, чтобы говорили только люди, непосредственно связанные с рабочей массой.

Председательствовал Шанцер. Настроение у собравшихся было серьезное, торжественное. Все чувствовали важность и ответственность момента.

Председатель открыл собрание краткой речью, в которой указал, что конференция собралась для решения вопроса о второй всеобщей забастовке и о переводе ее в вооруженное восстание. Вопрос чрезвычайно серьезный. Надо всесторонне обдумать его, взвесить все обстоятельства «за» и «против» и только тогда принять решение. Он предложил высказаться прежде всего представителям с мест, каково настроение рабочих, как они по этому вопросу высказывались на последних митингах. После него выступил с докладом от ЦК товарищ Саммер, после чего начались короткие, но решительные высказывания делегатов с мест. Один за другим говорили они, что на местах у рабочих настроение вполне определенное — надо дать отпор обнаглевшему царскому правительству, надо начать восстание против него, рабочие готовятся к бою, достают оружие, куют пики и кинжалы, надеются на присоединение войск. Все речи были в одном духе; я не помню ни одной речи представителей с мест, в которой выразилось бы иное настроение.

После ряда речей представителей заводских комитетов выступил наш военный организатор товарищ Васильев (Андрей). Его речь не отличалась определенностью; уверенности в том, что войска активно выступят, у него не было; во всяком случае, он выразил надежду, что многие части останутся пассивными и откажутся стрелять в народ. После него высказался боевой организатор товарищ Кудрявцев (Евгений). Он указал на слабость наших дружин, на плохое их вооружение, преимущественно револьверами, которые мало действительны против дальнобойных винтовок и пушек. Тогда выступил один член комитета и сказал, что мы не подготовлены к восстанию, что войска едва ли выступят за нас, что дружины наши слабы, а с голыми руками нельзя поднимать восстание, надо лучше подготовиться и тогда только выступать. Ему кто-то возразил (Васильев-Южин), что если мы теперь не выступим, то все равно правительство поодиночке разобьет революционные организации, а если мы начнем восстание, то нас смогут поддержать другие города, крестьянство и в некоторых местах войска; настроение масс дошло до точки кипения, и если мы теперь не выступим, то потеряем авторитет в массах. Этот оратор был дружно и горячо поддержан всей конференцией.

Приступили к голосованию. За забастовку и за перевод ее в вооруженное восстание была поднята вся масса красных билетиков, против — ни одного. Результат голосования был встречен с горячим энтузиазмом. После голосования было объявлено, что заседавшая в это же время в Москве конференция двадцати девяти железных дорог решила присоединиться к забастовке, если она будет объявлена Советом рабочих депутатов.

После этого была сказана еще одна горячая речь, и собрание закончилось поздно ночью пением рабочей «Марсельезы».

Одновременно происходила и меньшевистская конференция; она не решалась вынести определенное решение о забастовке, не узнав решения нашей конференции, и послала двух делегатов, чтобы узнать о нашем постановлении. Делегаты ожидали в передней конца конференции. Узнав о нашей революции, конференция меньшевиков под давлением рабочих тоже к ней присоединилась на словах, а на деле во все время восстания меньшевики колебались и вносили неуверенность и разложение в рабочие ряды.

Следующий день, 6 декабря, был праздник (Николин день), фабрики и заводы не работали. В этот день собрался Московский Совет рабочих депутатов и после коротких прений единодушно, с большим подъемом принял такое решение:

«Московский Совет рабочих депутатов, комитет и группа Российской социал-демократической рабочей партии и комитет социалистов-революционеров постановили: объявить в Москве со среды 7 декабря, с 12 часов дня, всеобщую политическую стачку и

стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Был принят текст прокламации «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам». Прокламация заканчивалась такими лозунгами:

«Смело в бой, товарищи рабочие, солдаты и граждане!

Долой преступное царское правительство!

Да здравствует всеобщая забастовка и вооруженное восстание!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!»

Под прокламацией были подписи тех же организаций и партий, от имени которых состоялось и вышеприведенное постановление о стачке.

В первом номере «Известий Московского Совета рабочих депутатов», вышедшем 7 декабря, было объявлено: «В 12 часов сегодняшнего дня, по постановлению Московского Совета рабочих депутатов, все рабочие города Москвы должны прекратить работу. Лишь на водопроводе работы не прекращаются. Ни одна из редакций газет не имеет права выпустить газету. В дни революции пролетариат создает свои революционные газеты.

В определенные часы дня с разрешения Московского Совета рабочих депутатов будет производиться торговля в отдельных булочных, мясных и колониальных лавках, при условии продажи по обычным ценам... Все попытки разгромов и воровства должны быть подавляемы в самом начале».

Всероссийская конференция железных дорог дала приказ в ночь на 7 декабря остановить движение по всем железным дорогам.

К решению Московского Совета присоединился и почтово-телеграфный съезд и постановил продолжать забастовку наравне со всем пролетариатом.

Так начал московский пролетариат вторую политическую стачку, которая и перешла действительно в вооруженное восстание.

Правительство знало о подготовке в Москве вооруженного восстания и стало готовить отпор ему. Прежде всего оно сменило московского генерал-губернатора Дурново, которым оно было недовольно, считая, что он слишком пассивен и дает потачку революционерам. Он был заменен адмиралом Дубасовым, уже прославившимся жестоким подавлением крестьянских волнений в Курской губернии. Он прибыл в Москву и вступил в должность как раз 5 декабря.

6 декабря был царский день (именины царя). Полиция решила использовать этот день для мобилизации «черной сотни», которая должна была устрашить революционеров своим выступлением. Было назначено торжественное молебствие митрополита на Красной площади, а после него манифестация. Но план этот потерпел крушение. «Дни свободы» основательно разложили и разредили «черную сотню». На молебен собралось гораздо меньше народу, чем ожидалось. Нашим дружинникам было дано задание вмешаться в толпу и разлагать ее. Во время молебствия раздались крики: «Дружинники идут!»; возникло замешательство, многие ушли с молебна. Манифестация после молебна вышла немноголюдной, а главное, не чувствовалось в ней боевого настроения и той звериной злобы, которая была характерна при выступлениях «черной сотни» в октябре. Манифестация с трехцветными флагами направилась по Тверской, к дому генерал-губернатора. Дубасов вышел к манифестантам, призывая их к борьбе с революционерами. Жидкое «ура» было ответом на его речь. Наши парни после речи крикнули: «Айда в Аквариум на митинг!» — и туда направилась значительная группа, остальные разбрелись. Получилось не устрашение революционеров, а конфуз.

Д. М. КОТЛЯРЕНКО

ДРУЖИННИКИ

Воспоминания активного участника революционных событий 1905 года

...Манифест 17 октября создал на время растерянность властей и неуверенность, что допустимо и что недопустимо.

Революционная работа значительно облегчилась, а железнодорожный союз вышел из подполья, устраивая открытые собрания как дорожных комитетов, на которые допускались обычно все желающие члены союза, так

и собрания представителей комитетов всех дорог, сходящихся в Москве.

Это был период телеграфных требований к правительству по всевозможным вопросам. На международных собраниях принимались требования об отмене расстрела железнодорожников в Грозном и другие.

Требования эти направлялись телеграфом правительству и одновременно передавались всем, всем, всем. Так же действовали и другие дороги, передавая, конечно, постановления и требования не только железнодорожников, но и других революционных и профессиональных организаций. Таким образом получалась телеграфная агитация, достигавшая одновременно в течение нескольких часов самых отдаленных городов, пунктов, местечек.

Я помню заседание 6 декабря междудорожного комитета железнодорожного союза. На этих заседаниях обычно присутствовали и представители всех революционных партий. На этом заседании, между прочим, стоял доклад представителя питерских железнодорожников. Он докладывал о настроении питерского пролетариата вообще и железнодорожников питерского узла в частности; указывал, что забастовка в Питере вполне созрела, что необходимо немедленно ее начать, что питерцы больше не могут ждать и удерживать рабочих, что питерский пролетариат выйдет на улицу один, если Москва не поддержит.

Мы знали хорошее, боевое настроение москвичей, и хотя многим казалось, что начинать забастовку еще рано, но вопрос был поставлен слишком определенно и остро, оставить питерцев одних никто не хотел и не мог, да к тому же и представители партий также доложили о готовности московского пролетариата к забастовке.

Забастовка была назначена на другой день, причем тут же было принято решение о том, что эта забастовка должна перейти в вооруженное восстание.

На другой день, 7 декабря, забастовка началась.

Для объявления и начала забастовки на Московско-Казанской железной дороге был назначен митинг в управлении дороги, прошедший отлично; забастовка началась как на нашей, так и на других дорогах, забастовали все фабрики и заводы Москвы, стал трамвай и т. д. Только водопровод, определенное количество пекарен для снабжения рабочих и служащих и ряд городских предприятий, работа которых совершенно необходима, действовали.

В этот же день было объявлено в Москве военное положение.

Ночевать пришлось в чужой квартире, на Пресне.

Утром мне надо было попасть на митинг и собрание, назначенные в мастерских Казанской дороги. Выйдя на улицу, я был поражен происшедшей переменой.

Начиная от Кудринской площади, по Садовой многие телеграфные столбы спилены и валяются поперек и вдоль улицы, а телеграфная проволока, перебросившаяся с одного тротуара на другой, делает мостовую непроезжей и непроходимой. Итти можно только по тротуару вдоль заборов и строений.

Слышны выстрелы, то одиночные, то залпом.

На Тверской много народу, но никто не решается итти, все прячутся, где могут. Оказывается, что вдоль Тверской от Страстного монастыря или от генерал-губернаторского дома стреляет артиллерия.

Но нет времени, ждут на митинге, и бегом пересек Тверскую.

Дальше та же картина. Столбы спилены, проволока мешает движению войск, в особенности кавалерии; кругом слышны выстрелы, а на Самотеке — постройка баррикад. Работают все возрасты, начиная с мальчишек, весело, с интересом и подъемом.

В мастерских я доложил, что видел на пути, указал, что вооруженное восстание началось, что настало время взять оружие в руки и начать непосредственную революционную войну.

Настроение собравшихся нервное, все хотят что-то делать. Выступает т. Белоруссов, любимец рабочих, призывает всех, имеющих оружие, присоединиться к борьбе на баррикадах.

Чувствуя, что не время митинговать, мы заканчиваем призывом организовать из собравшихся боевую дружину и предлагаем всем, желающим принять в ней участие, остаться, а остальным разойтись.

Остается десятка полтора товарищей. Оказывается, что все они имеют только револьверы, но самых разнообразных систем и калибров. Кроме них, много безоружных, требующих оружия, и несколько женщин, предлагающих услуги по уходу за ранеными.

Но время не ждет. Мы решаем открыть

действия, сделав своей базой мастерские; отсюда решили производить вылазки и вести партизанскую войну.

Мы оставили свободной калитку со стороны Красносельской улицы, а с противоположной стороны калитку закрыли, забаррикадировали; установили караул со стороны Вокзальной и несколько постов по пути.

Оставшихся женщин отправили на вокзал, предложив организовать в железнодорожном приемном покое перевязочный пункт.

Вскоре начались боевые действия и появились первые раненые.

Было решено группе товарищей сделать вылазку на Красносельскую улицу, и мы отправились, расположившись на Красносельской за каким-то забором. Ждать пришлось недолго. Вскоре по улице показалась группа казаков. Все изготовились встретить опричников, но вдруг совершенно неожиданно один из нашей группы, зарядив парабеллум, выскочил на мостовую и обстрелял на совсем близком расстоянии всадников.

Это обстоятельство было так неожиданно для казаков, что часть из них повернула обратно, а часть проскакала дальше, осыпаемая выстрелами из нашей засады, причем один или два казака были ранены.

Тут мы допустили ошибку, не переменив места нашей засады, и совершенно неожиданно для себя были обстреляны, видимо, спешившимися казаками, и хотя это нападение было нами отбито, но оно стоило нам ранения одного из дружинников.

Пришлось раненого отправить на перевязочный пункт, а остальным переменить место.

Так прошло время до вечера, и когда стало темнеть, мы собрались на совещание, на котором было установлено, что наша крепость, открытая со всех сторон для нападения ночью, не очень удобна, в особенности принимая во внимание малочисленность отряда, который целиком пришлось занять в карауле, не дав людям отдыха.

Не желая распускать маленький отряд, решили на ночь выехать из Москвы.

В отряде находился машинист товарищ Ухтомский, а на вокзале дежурил от нашего Революционного стачечного комитета машинист товарищ Татаринский.

Они взялись добыть паровоз, что оказалось легко осуществимым, так как в депо стояли на всякий случай под парами два или три дежурных паровоза.

Был составлен небольшой поезд, кажется, из трех вагонов, в который поместился наш отряд, к вечеру несколько возросший, так как к нему присоединилось несколько вооруженных рабочих, узнавших об организации нашей дружины.

Проехав, кажется, до Перова, решили здесь заночевать и выставили караул, но вскоре о нашем приезде узнали рабочие Перовских мастерских. Был устроен митинг, в результате которого на станции Перово организовалась своя дружина.

Но спать нам в эту ночь пришлось немного.

Дело в том, что нам сообщили о скором приходе в Перово какого-то воинского поезда, причем не совсем было ясно, какой это поезд — санитарный или с демобилизованными, возвращающимися с фронта солдатами.

Приход поезда объяснялся тем, что при объявлении забастовки было решено пропускать поезда с Дальнего Востока санитарные и с демобилизованными солдатами.

Было решено на всякий случай принять ряд предосторожностей: иметь паровоз готовым к отходу, отвести поезд от станции, быть начеку, а нескольким безоружным товарищам было предложено выяснить пассажиров поезда, их настроение, имеется ли оружие и т. д.

Вскоре все интересующее нас стало известным. Выяснилось, что поезд с демобилизованными, без оружия, имеется, конечно, несколько вооруженных офицеров, настроение демобилизованных неопределенное, но не черносотенное.

Когда все это выяснилось, решили устроить на станции большой митинг, привлечь всех солдат, разъяснить им причины и цели забастовки, чтобы не допустить в Москву неподготовленный отряд солдат, который мог быть использован для контрреволюционных целей.

Одновременно предложено всем товарищам вести индивидуальную обработку солдат и обязательно осторожно выведать, нет ли в поезде оружия.

Митинг начался удачно, солдатская масса вперемежку с рабочими сгрудилась вокруг ораторов, настроение стало определяться как благоприятное для нас, но солдатам хотелось поскорее в Москву, а к концу митинга от наших разведчиков мы узнали, что в поезде имеется вагон с оружием и патронами. Было решено во что бы то ни стало забрать оружие, с одной стороны, для вооружения всех желающих принять участие в дружине, а с другой стороны, для того, чтобы на всякий случай разоружить солдат, у которых настроение хотя и улучшилось после митин-

га, но быть уверенными, что таково настроение всей солдатской массы, мы не могли.

Надо сказать, что после митинга изъявили желание вступить к нам в дружину два матроса и, кажется, один солдат.

Мы обратились с просьбой к солдатам отдать нам оружие, но они предложили обратиться к офицерам, которых мы решили разоружить при первом удобном случае и получить ключи от вагона с оружием.

Для того чтобы не возбуждать страстей, было предложено отвлечь солдат митингованием; тем временем группа вооруженных дружинников направилась к офицерскому вагону, который оказался запертым. Мы постучали, но в вагоне было темно и ответа не последовало; мы стали настойчивее и потребовали открыть двери, а тем временем, услыхав стуки и разговоры, подошли солдаты. Мы их стали просить помочь нам получить оружие, причем пришлось сделать намек, что в противном случае мы выведем поезд со станции и, отцепив паровоз, оставим в поле. Мы нашли поддержку у некоторых солдат, и офицерам пришлось открыть вагон. Мы предложили офицерам разоружиться, что они почти беспрекословно исполнили, а по поводу вагона с оружием начальник эшелона, полковник или подполковник, хотел было уверить нас, что никакого оружия нет, но, разоблаченный солдатами, смолк, заявив, что он готов сдать оружие, но что ему необходимо знать, кому сдается оружие, и получить документ. Его успокоили и обещали выдать расписку. Ключ был получен, и мы оказались с трофеями. В вагоне нашлось около сотни берданок старого образца и несколько ящиков патронов. Начальнику эшелона была выдана мною расписка в том, что по постановлению стачечного комитета оружие из поезда номер такой-то забрано для вооружения восставшего народа.

Все это было погружено в поезд нашего отряда, который немедленно был весь вооружен винтовками, что подняло дух дружинников, так как вести бой с солдатами при наличии только револьверов не так-то легко.

В Люберцах имелась также небольшая боевая дружина, часть которой к нам примкнула, в результате чего наш отряд значительно вырос.

Рано утром мы произвели нечто вроде смотра нашему отряду, проверили уменье владеть оружием, проделали некоторые ружейные приемы, проделали примерную стрельбу залпами.

Оказалось, что в отряде имеется часть бывших солдат, но зато были и такие, которые, видимо, в первый раз держат в руках винтовку.

После такого короткого смотра наш поезд двинулся обратно в Москву. Когда на остановке в Перово стало известно о перевооружении нашего отряда и о наличии у нас свободных винтовок и патронов, часть перовских дружинников также примкнула к нам, получив винтовки и патроны.

Я не помню точно количественного состава новой дружины, но думаю, что в ней было не менее ста человек.

Дорогой мы решили остановиться в Москве там же, откуда накануне начал действовать наш маленький отряд, хотя многие думали, что это место уже занято войсками и что нам придется вступить в бой. Но неприятель обнаружен не был, и мы в приподнятом настроении стали высаживаться; в то время как большая часть отряда уже выскочила из вагонов, раздался неожиданно ружейный залп, причем никто не понял, откуда он. Раненых и убитых при этом, помнится, не было.

Первым движением было — найти прикрытие за вагонами и разобраться в положении.

Вскоре, кажется из рассказов ребятишек, выяснилось, что обстрел был произведен отрядом городовых из двухэтажного домика, расположенного на полосе отчуждения, около Мозжухинской калитки.

Решено было повести атаку против фараонов, начав обстрел их залпами; после недолговременной перестрелки стала ясной наша победа, так как неприятель перестал отвечать, а по обследовании на месте выяснилось, что он предпочел спастись бегством.

Наша перестрелка, как я узнал позднее, привлекла внимание отряда войск, прибывшего, кажется, из Твери и расположившегося на Николаевском вокзале.

Оказалось, что предполагавшийся подрыв полотна Николаевской дороги не удался, что эта дорога не забастовала и движение по ней не приостановлено, благодаря чему правительству удалось перебросить в Москву часть Тверского гарнизона, так как Московский был ненадежен и почти весь Гренадерский корпус и даже 1-й Донской казачий полк заперты в казармах. После удачной нашей первой операции и отбития нападения городовых было предложено мне с отрядом отправиться в город для установления связи с Московским комитетом РСДРП (большевиков).

Вопрос этот был решен еще во время на-

шего обратного пути в Москву в поезде; решение диктовалось тем, что наш стихийно возникший отряд хотя и имел в своем составе видных работников московской большевистской организации (в поезде находился товарищ Никодим и еще кто-то — фамилии и имени не помню), но не имел никаких директив и не знал, что делается в центре, кто берет верх и каков план дальнейших действий.

Передав командование отрядом товарищу Ухтомскому, я отправился в город, зайдя предварительно на наш перевязочный пункт в надежде узнать какие-либо новости, но и здесь ничего не знали.

На вокзале оказалась масса пассажиров, застрявших и страшно нуждавшихся в пище; их надо было отправить дальше.

Я вышел на Каланчевскую площадь со стороны соединительной Николаевской ветки. На улицах пустынно, лишь из-под ворот выглядывают любопытные да изредка прошмыгнет, пригибаясь и оглядываясь, прохожий.

Временами раздается откуда-то выстрел, иногда слышатся частые выстрелы, — видимо, идет перестрелка. Надо сказать, что случайные прохожие и любопытные часто делались жертвой таких выстрелов и перестрелок, не зная, по какому направлению идет обстрел.

Мне пришлось обойти большую часть города в поисках кого-либо из стачечного комитета, но найти не удалось, явки были изменены, некоторые «провалены» и т. д. Я побывал у Красных ворот, где только что закончилась перестрелка между какой-то дружиной и войсками.

Был в переулках на Самотеке и 4-й Мещанской, прошмыгнул мимо своей квартиры сзади Спасских казарм, где, как мне передавали, сидела «засада», побывал в районе Бронной улицы, где имелось много баррикад, сооруженных и охранявшихся студенческими дружинами. Здесь я впервые узнал директивы боевой организации Московского комитета социал-демократов (большевиков), найдя их расклеенными и наколотыми на баррикадах.

В этих прокламациях указывались способы ведения уличного боя; в них предлагалось вести партизанскую борьбу, отказываясь от операций большими группами; предполагалось при встрече с более сильными противниками обстреливать его и, не вступая в открытый бой, скрываться и т. п.

...Войска были заперты по казармам, настроение у них было колеблющееся, и их не удалось использовать ни революции, ни правительству.

На улицах я не видел ни войск, ни полиции, и лишь в некоторых местах были частичные скопления войск; так, например, Тверская от Страстного до генерал-губернаторского дома была занята войсками, кажется главным образом артиллерией; кое-где, быстро улепетывая, появлялись конные разъезды; больших боевых дружин я также не встречал, хотя мне говорили, что в районе Бронной и на Пресне имеются крупные боевые организации.

На вокзал я возвращался уже вечером, было темно, я устал, где-то около Сухаревки мне попался извозчик, которых вообще не было видно. Я взял извозчика, и когда мы по Садовой подъезжали к Домниковской улице, я заметил группу солдат у костра. Ожидая обыска, я сунул револьвер куда-то в сиденье, в сено; нас остановили, расспросили, куда и зачем еду, обыскали только меня, ни извозчика, ни саней не обыскивали. После моего объяснения, что я — застрявший на вокзале пассажир, не имеющий возможности выбраться из Москвы, меня отпустили.

Где-то на Домниковской я бросил извозчика и под обстрелом кого-то перебежал площадь и попал на вокзал.

Здесь я узнал, что дружина уже уехала на линию, и мне рассказали о событиях дня.

Оказывается, что вскоре после моего ухода наш отряд подвергся артиллерийскому обстрелу с подъезда Николаевского вокзала. Видимо, находившийся здесь отряд войск услыхал нашу утреннюю перестрелку с городовыми, а может быть, получив от них сведения о местоположении дружины, начал артиллерийский обстрел путей и мастерских, причем на каланче Николаевского вокзала был расположен наблюдательный пункт, с которого были видны пути Казанской дороги.

К нашей дружине, как я уже говорил, присоединились два матроса из разоруженного нами поезда. Эти матросы взяли на себя обстрел наблюдателя с каланчи. Они, расположившись где-то около Общества потребителей служащих Казанской дороги (напротив Николаевского вокзала), удачно по очереди снимали наблюдателей.

Вскоре от артиллерийского снаряда загорелась лавка Общества потребителей.

Дружина попыталась погасить пожар, но безуспешно. Так как было ясно, что товар или погибнет в огне, или будет растащен

Баррикады на Садово-Кудринской улице в Москве. (С картины художника Савицкого.)

А. В. Ухтомский произносит речь с паровоза. (Литографический плакат.)

Разгром помещичьей усадьбы. (С картины художника Горелова.)

окружающими жителями, то дружина решила сделать продовольственные запасы из горящей лавки.

Заночевав где-то на вокзале, я надеялся утром присоединиться к отряду. Это было 9 или 10 декабря.

Прождав часа два, я начал беспокоиться и решил двинуться на поиски на линию.

В ожидании дружины собралось несколько рабочих, среди которых оказался один машинист (кажется, с Ярославской дороги), с которым мы и решили отправиться на поиски. Нам удалось найти горячий паровоз, на котором мы и уехали.

По пути мы узнали, что дружина под влиянием каких-то слухов о движении войск из Москвы направилась дальше по линии, и я нашел ее уже в Раменском, где часть дружинников была занята порчей телеграфа для перерыва связи.

Здесь я узнал, что дружина получила сообщение о движении на нее войск с двух сторон — от Москвы и Коломны, но я уверил товарищей, что от Москвы никто пока не грозит. По заслушании моего доклада о положении дел в Москве, было решено возвратиться туда немедленно, причем я взялся ехать на паровозе впереди в качестве разведчика.

Боевой наш поезд не появлялся, а тем временем стало уже совсем темно. Попытка связаться с дружиной по телеграфу мне не удалась, и после некоторого раздумья я решил все же ехать в Москву.

Ожидая всяких случайностей, я оставил здесь некоторые документы, а также имевшиеся у меня небольшие деньги Московского стачечного комитета, передав все это помощнику начальника станции Перово (фамилии не помню), который впоследствии был заколот карательным отрядом семеновцев. Тут же был начальник станции Фролов и еще несколько человек.

Приехав в Москву, из осторожности остановились далеко от места, где обычно располагалась дружина, но предосторожность оказалась излишней, так как путь был занят нашими.

Вечером дружина не прибыла, и я решил, что она, не желая возвращаться в Москву ночью, приедет утром, но и утром я долго напрасно прождал.

Не зная, в чем дело, я решил пройти пока в город, рассчитывая скоро вернуться.

Побывав на вокзале и на перевязочном пункте, я вышел на улицу. Картина улицы была такая же, как и вчера.

Я не могу сейчас припомнить, где я был в этот день и как долго отсутствовал, но помню, что, возвращаясь на вокзал, встретил кого-то из товарищей и узнал, что вокзал уже занимается войсками.

Это было 11 или 12 декабря.

Вскоре, на другой, кажется, день, я узнал о том, как самоликвидировалась наша боевая дружина.

Оказывается, товарищи не решились ехать в Москву ночью и выехали утром следующего дня. Когда поезд подходил к Покровской общине, он был обстрелян из пулеметов, расположенных на железнодорожных платформах, и только благодаря, видимо, высоко взятому прицелу пострадавших в поезде было немного.

В вагонах все полегли на пол, и пули свистали над дружинниками, изрешетив вагоны.

На паровозе находился товарищ Ухтомский, и только благодаря его находчивости отряд был спасен. Говорят, что он, лишь слегка замедлив, дал обратный ход и вывел поезд из-под огня.

Г. ДЕЕВ-ХОМЯКОВСКИЙ

ПЕКАРЯ НА БАРРИКАДАХ

Воспоминания активного участника революционных событий 1905 года

Бои начались повсеместно. Нас, молодежь, десятники посылали то в одно, то в другое место...

Наши походы в разведку сходили все время более или менее благополучно. Вспоминаю последнее поручение — спешно доставить письмо на Пресню т. Седому. Это было уже тогда, когда началась решительная схватка, когда Миусы и Каретный ряд обстреливались из орудий.

Кормилицын, я и Тимоша Миронов взялись за это трудное дело. Трудным оно было потому, что Александровский вокзал уже был занят царскими войсками. Шла непрерывная стрельба от вокзала по направлению к Садовой-Триумфальной. На Миусскую

площадь сыпались снаряды. Горели деревянные дома. И мы, три подростка, прижимаясь к стенам домов, шли один за другим, решив пробраться на Пресню через Грузины.

На улицах почти никого не было видно, только слышались ответные выстрелы по направлению к вокзалу со стороны дружины Миусского трамвайного парка, да шла усиленная перестрелка на Садовой-Каретной.

Спрятав донесение в сапоге, мы двинулись. Мы очень осторожно подходили к Тверской, пробираясь около стен домов. Эта осторожность была нужна еще потому, что около самой Тверской-Ямской, помимо жандармов, стреляли также провокаторы и полицейские, забравшиеся на колокольню церкви Василия Кесарийского.

Когда мы подошли к самой улице и пытались высунуться из-за угла, стрельба от Александровского вокзала участилась.

Мы быстро достигли уже середины улицы и ползли на животе. Еще несколько минут, и мы у цели. Еще секунда, и мы у тротуара. Но тут произошло то, о чем я без содрогания не могу вспомнить и теперь. Раздались залпы из ружей. Что-то обожгло мне подбородок. Егор выругался крепко и схватился за ногу. Мы не ползли уже, а бежали. Но когда мы присели у домов противоположной стороны и оглянулись, Тимоши с нами не было. Он лежал на мостовой лицом вниз. У меня текла кровь по левой руке, и я ощущал, что ранен в руку и подбородок. Рот был полон крови.

Полагая, что Тимоша просто лег и боится бежать, мы стали ему кричать. На наш крик он не отвечал. Забыв свои раны и не обращая внимания на стрельбу, мы бросились к Тимоше. Он действительно не шевелился. С трудом подняв, мы перенесли его в подъезд. Быстро распахнув пиджак, мы увидели, что из его груди сочилась кровь.

Мучительная боль в ноге у Егорушки заставила его присесть. Он снял сапог: оказалось, что пуля пробила насквозь ногу, к счастью, не задев кость. К нашей радости, заметивший нас откуда-то Красный крест пришел нам на помощь. Врач и сестра принялись быстро перевязывать наши раны, которые оказались не опасными. Раздели Миронова, которому дали что-то выпить. Он открыл свои голубые глаза, улыбнулся. «Сообщите на родину, ма...» — кровь хлынула горлом, заглушив последний звук. Тимоши не стало. Красный крест отправил его в морг при Ново-Екатерининской больнице.

С невероятным трудом добрались мы до Пресни. Она уже обстреливалась со стороны Ваганьковского кладбища. Зная пароль, мы прошли в штаб Пресни. Он находился в маленьком деревянном доме. Передали необходимое. Тов. Седого не было, он был на баррикадах.

Возвращаясь, мы встретили т. Седого недалеко от Зоологического сада, во главе дружины. Узнав нас и получив от нас сведения о положении дел на Миусах и Садовой-Каретной, он почти на ходу ответил Виноградову и Щепетильникову.

Уже вечерело. Мы с большими трудностями возвратились в Сущево с директивами от т. Седого...

Наступил трагический день. Дружина уже получила указание о том, что в ночь нужно скрыть оружие и расходиться.

Палач Мин обстреливал Пресню с трех сторон, но баррикады стояли.

Подросткам было поручено вечером взорвать так называемый «фугас», когда семеновцы будут подходить от Кудринской площади к Пресне. Фугас был заложен около самой большой баррикады.

После долгого оружейного обстрела, вечером, семеновцы двинулись на приступ, рассчитывая, что они тут застанут всех дружинников. Со стороны баррикады ответа не было. В районе Горбатого моста, несмотря на то, что горела фабрика Шмидта, еще слышалась перестрелка. Стреляли и от Проточного переулка в ответ на огонь артиллерии к Дорогомиловскому мосту.

Семеновцы с ружьями наперевес шли к нашей славной баррикаде. Вот они уже близко. Подросток-дружинник, ученик прохоровской школы, которому было поручено зажечь фитиль, сделал это слишком рано. Еще семеновцы были в двухстах шагах, как раздался оглушительный треск от фугаса и от одновременно брошенных нами бомб-македонок. Сами мы бросились в ворота соседних домов, ожидая нападения, но, к нашему удивлению, семеновцы отступили в беспорядке.

Этот взрыв остановил палачей. Они, отойдя к Пресненской части, открыли беспорядочный огонь, но наступления в этот вечер так и не возобновили.

Рано утром озверевшие «победители» входили в опустевшую Пресню...

З. ЛИТВИН-СЕДОЙ

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1905 ГОДА НА ПРЕСНЕ

Зиновий Яковлевич Литвин-Седой (1876—1947)—участник революционного движения с 1893 года, большевик, один из руководителей декабрьского вооруженного восстания в Москве, начальник штаба боевых дружин Пресни

Дело все больше приближалось к развязке. В воздухе пахло порохом. Конференция большевиков, собравшаяся в помещении училища Фидлера 5 декабря, в присутствии представителя ЦК т. Саммера, постановила: начать 7 декабря стачку и перевести ее в восстание.

Большевики двинулись в рабочие кварталы готовить оружие, поднимать людей. Все мы понимали, какую серьезную ответственность мы на себя берем. Люди как бы переродились. Настроение рабочих было боевым. Дружинники узнавали друг друга по выражению лица, по суровому решительному взгляду. Полиция тоже готовилась. Городовые на постах стояли по два человека. Околоточные не решались ходить в одиночку, брали в провожатые городовых.

На митингах речь только и шла о восстании, о ниспровержении царизма, о бомбах, об оружии, о том, как строить баррикады...

Приближался день восстания. Людей, готовых отдать жизнь за дело революции, за социализм, было сколько угодно. Но не было плана восстания, плана строительства баррикад, оружия, если не считать 350—400 револьверов на всю Пресню. Не было штабквартиры, опытных руководителей.

Мне вспоминается одно из собраний, посвященных разработке плана восстания. Нас собралось человек 25, в том числе товарищи из Миусского трамвайного парка, из Брестских железнодорожных мастерских, с Прохоровки, сахарного завода, фабрики красок Мамонтова, фабрики Шмидта, завода Грачева и др. На этом собрании присутствовали представители МК. Было решено организовать демонстрацию на Пресне 7 или 8 декабря и сообщить об этом соседним районам. Здесь было решено создать боевой штаб Пресни.

Вскоре состоялось первое заседание штаба. Я был избран начальником штаба. Местом нахождения штаба была определена малая кухня фабрики Прохорова. Эта кухня, сохранившаяся до сих пор, была центром, откуда исходили все важнейшие оперативные директивы по ходу восстания, где решались все важнейшие вопросы. Отсюда были посланы в начале восстания делегаты в Петроград (не доехали), Иваново-Вознесенск, Коломну, Сормово, Орехово-Зуево и ряд других мест. Отсюда была установлена связь с Кавказской, Железнодорожной и другими дружинами, с товарищами из Замоскворечья, с Казанской железной дорогой. Штабом был организован отряд, участники которого с так называемыми «молочными бидонами» были посланы в Тверь для взрыва моста у Волги, но выполнить эту операцию не удалось.

Был выработан подробный план действий на Пресне. Этот план предусматривал возведение в ряде точек баррикад, распределение дружин для их защиты и организацию небольших вылазок. Главной задачей было строительство боевых дружин, их вооружение и военная выучка. Главной опорой в нашей работе были рабочие фабрики Мамонтова, фабрики Шмидта, Прохоровки, Брестских железнодорожных мастерских, Миусского трамвайного депо, типографии Кушнерева, ученики ремесленной школы Прохорова и школы Серебрянникова. За дружинами штабом были закреплены определенные участки района. Руководителям дружин даны были указания о том, как строить баррикады...

В ходе восстания мною и представителем МК предпринимались попытки связаться с боевой организацией МК, но этого не удалось. Совершенно недостаточной была и связь с другими районами. Я, в частности, всячески стремился проникнуть в Симоновский район, где, по некоторым сведениям, большевикам сочувствовали саперы и рабочие порохового склада. Но это сделать не удалось. Налаживалась некоторая связь с Замоскворечьем, и когда восстание в Замоскворечье было подавлено, оттуда на Пресню пришло человек 25 дружинников (в том числе сытинцы).

Пресня покрылась баррикадами. Мы ввели у себя строгий боевой режим. Руководящая

тройка штаба собиралась ежедневно. В нее входили представитель МК РСДРП(б), я и один эсер-боевик. Иногда штаб собирался в более широком составе, и тогда присутствовали меньшевик Захар и эсер Дмитриев. Меньшевистский представитель только мешал делу и готов был в любой момент поддержать предложение о прекращении восстания. Это был жалкий трус, с которым творилось что-то невероятное при каждом пушечном выстреле. Не менее отвратителен был эсер Дмитриев, в прошлом видный зубатовец. Вообще же об эсеровских и меньшевистских рабочих на Прохоровке нужно сказать, что в огне восстания многие из них фактически порывали с вожаками-капитулянтами и находились под несомненным влиянием большевиков. В огне восстания обманутые меньшевиками и эсерами рабочие все более отрезвлялись. И за это в особенности нас, большевиков, так ненавидели эсеро-меньшевистские вожаки.

В декабре Москва, и прежде всего Пресня, забурлила...

Пресня наводила ужас на буржуазию и вызывала сочувствие трудящихся всей страны. После артиллерийского обстрела Пресни рабочие стали говорить о ней с восхищением. Мы прилагали все усилия, чтобы увеличить запасы нашего оружия. На фабрике Мамонтова у хозяина были бельгийские охотничьи ружья, мы их захватили и использовали против кавалерии и казаков. Они стреляли крупной дробью довольно кучно, и дружинники попадали из них в цель приблизительно на расстоянии 200—250 шагов. Пробираясь через лесные склады, мы обстреливали также артиллерийские части. Мы пускали в ход и трехлинейные винтовки, но их было у нас мало. Однажды, 14 или 15 декабря, дружинники незаметно подобрались к артиллерии, расположенной у Ваганьковского кладбища, и обстреляли солдат. Солдаты разбежались, мы захватили пушку, оттащили ее метров на 300, но оказалось, что среди нас нет ни одного человека, умеющего стрелять из пушки, и пушку пришлось бросить. Трижды в процессе восстания мы овладевали пушками, но во всех случаях не могли пустить их в дело, не было подготовленных людей...

Мы заставили булочников печь хлеб для всей Пресни, а торговцев — продолжать торговать. По решению штаба, на Пресне были закрыты винные лавки, пивные и трактиры.

Специальная группа распределяла оружие и патроны. Рабочие Пресненской механической мастерской чинили оружие, отливали пули, собирали патроны и помогали химикам при установке фугасов.

Существовала также группа, наблюдавшая за состоянием баррикад. В эту группу входило много дружинников Прохоровки.

Наконец имелся Медицинский совет под руководством врача, фамилии которого не помню. Впоследствии он был убит полицейским приставом Ермолаевым, опознавшим его в поезде.

Был у нас и суд. Он судил предателей, провокаторов, а приговоры приводили в исполнение члены штаба...

У нас, членов штаба, не было ни минуты покоя. Ежедневно к нам приходили люди из других районов. Помню, однажды явились с винчестерами человек 15 из Железнодорожной дружины, но все эти пополнения были явно недостаточны. Мы все более и более испытывали недостаток в оружии. У нас было всего около 200 винтовок и ружей, около 500—600 револьверов, штук 150 сабель и около полусотни бомб.

В ходе восстания наш арсенал пополнялся, но это пополнение было совершенно недостаточным. Помню, мы разоружили большой отряд, шедший по Москве-реке. В свой большой театральный бинокль я увидел однажды на Москве-реке более 60 саней. Мы решили, что это мука, но и она нам могла пригодиться. Дружинники расположились на берегу реки за баржами, вмерзшими в лед, и стали ждать. Когда обоз приблизился, мы пошли в атаку. Оказалось, что в санях была действительно мука, но ее охраняли вооруженные солдаты. Мы их разоружили, и эта операция принесла нам 20 винтовок и около 500 штук патронов.

Мы производили ночные вылазки, чтобы узнать, что делается в Москве. Целый ряд ночных вылазок был предпринят мной и другими членами штаба. Эта разведка, ознакомление с положением в других районах приводили нас к выводу, что дни восстания сочтены.

Я побывал в Замоскворечье, у Гужона и у казанцев. Вспоминаю ночное путешествие на Казанку. Идем тихо, таясь. Мороз хватает за лицо, щиплет. Приходим в штаб Казанской железной дороги. Ищем руководителей. Оказывается, что для того, чтобы не попасть ночью в ловушку, люди в 10—11 часов вечера оставляли баррикады и на поезде уезжали в Люберцы, а утром возвращались. Мы отогрелись и направились к Гужону.

Всюду, где мы побывали, мы установили, что настоящей борьбы уже нет. Люди уже явно устали, и все больше слышалось разговоров о прекращении борьбы.

Начиная с 12—13 декабря к нам на Пресню стали перекочевывать остатки дружин — Кавказской, Студенческой, Железнодорожной и др. Я имел ряд бесед с их руководителями. Выяснилось, что они возлагают все надежды на Пресню и явно переоценивают наши силы. О Пресне говорили все: и друзья и враги. Контрреволюция имела также преувеличенное представление о боевых силах революции на Пресне...

Между тем кольцо, которым нас окружали царские опричники, смыкалось все теснее. Все чаще стали на нас нападать казачьи разъезды, драгуны. Связь с другими районами Москвы почти полностью прекратилась...

Мы приходили к решению о прекращении борьбы. Нужно было организованно, с минимальным уроном сил прекращать стачку и вооруженную борьбу. Нужно было это сделать самим, сделать организованно. 16 декабря состоялось расширенное совещание нашего боевого штаба. После долгого обсуждения было составлено воззвание к рабочим Пресни...

17 декабря, в 4 часа утра, началась кровавая оргия. Орудия с Ваганьковского кладбища били по Пресне. Орудия, расположенные за фабрикой Мамонтова, били по району сахарного завода. Орудия, расположенные у Дорогомиловского моста и Новинского бульвара, били по Трехгорке, фабрике Шмидта, по району Горбатого моста. Орудийная стрельба сотрясала стены, сносила дом за домом. Поднялись страшной силы пожары. Горела фабрика Шмидта, бани, лесные склады. Над Пресней нависли огромные тучи дыма. То здесь, то там можно было видеть людей, обливающихся кровью, стонущих, взывающих о помощи.

Палачи методически расстреливали дом за домом. Однако вступить в пределы Пресни они еще не решались.

Гордо развевались еще на баррикадах красные знамена.

17 декабря, по приказу штаба, дружинники стали расходиться. Борьба начала затихать. Наступил конец одного из героических эпизодов борьбы рабочего класса России.

Ф. И. ДРАБКИНА

МОЯ РАБОТА В БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ЦК РСДРП

Воспоминания старого большевика Феодосии Ильиничны Драбкиной, участницы революционного движения с 1902 года. Написаны для этого сборника

Я приехала в Петербург вскоре после «кровавого воскресенья». Никогда не было так людно на явках Петербургского комитета, как в эти первые месяцы после событий 9 января. Из всех районов приходили работники с требованием оружия для рабочих, из разных мест, особенно с Кавказа, поступали предложения приобрести «партию оружия», которая на поверку оказывалась двумя-тремя револьверами, к тому же не всегда пригодными к употреблению. Было ясно, что необходимо создать специальный орган, который вплотную занялся бы делом боевой технической подготовки вооруженного восстания.

Для этой цели при ПК была создана боевая группа, работавшая под непосредственным руководством секретаря ПК С. И. Гусева (Иван Сергеевич). Возглавлял боевую группу Николай Евгеньевич Буренин (Герман Федорович). Кроме него, в нее вошли Софья Марковна Познер (Татьяна Николаевна) и я (Наташа). Эта тройка составила основное руководящее ядро боевой группы с января до конца 1905 года.

Николая Евгеньевича Буренина в революцию толкнуло само царское правительство. Он учился в Академии художеств, когда к студентам Петербургского университета были применены «Временные правила», на основании которых «бунтовавшие» студенты были отданы в солдаты. Это вызвало возмущение среди студенчества, ответившего 4 марта 1901 года бурной демонстрацией протеста. Полиция и казаки жестоко расправились не только с демонстрантами, но и с публикой, наблюдавшей демонстрацию.

Н. Е. Буренин был среди публики. Увидев происходящее, он подошел к полицейскому чину и заявил, что желает выступить свидетелем бесчинства казаков и полиции. В ответ на это его отправили в полицейский участок, а оттуда в тюрьму. Там Буренин впервые познакомился с социал-демократами и проникся их идеями. Когда он вышел на волю, его богатые родственники отказались иметь с ним дело. Даже бабушка его уверяла, что сама «ясно видела», как он держал в кармане револьвер, чтобы застрелить ее.

Но передовая интеллигенция отнеслась к нему иначе. Д. В. Стасов даже предлагал Буренину отпечатать на гектографе для нелегального распространения его рассказ обо всем, что он видел. Дочь Д. В. Стасова — Елена Дмитриевна, учтя настроение Буренина, вовлекла его в партию. Он бросил Академию художеств, чтобы отдать все силы партийной работе. Как и многие революционеры того времени, Буренин отказался от личной жизни, чтобы заботы о семье не отвлекали силы от революционной работы, да и тяжело было подвергать семью вечным ожиданиям обыска и ареста, волнениям за близкого человека, мыкающегося по тюрьмам и ссылкам.

Н. Е. Буренин обладал редким даром сплачивать людей и был очень хорошим организатором. Он прекрасно поставил транспортировку искровской литературы из-за границы через Финляндию, для чего широко использовал имение своей матери, находившееся на границе Финляндии с Россией; он же ведал отправкой нелегалов за границу. Когда встал вопрос об организации доставки оружия из-за границы, в распоряжении партии был уже отлично налаженный для этого аппарат.

Другой член боевой организации — С. М. Познер — была опытным пропагандистом. Это ее качество было особенно ценно потому, что среди молодежи необходимо было вести большую политико-воспитательную работу, чтобы, получив оружие, она не увлеклась эсеровщиной.

Что касается меня, то я пришла в революцию под влиянием книжки Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», посвященной героическим деятелям «Народной Воли». Недавно от одной старой большевички я услышала, что и на нее оказала влияние эта книга. (Это говорит о том, какое большое воспитательное значение имеет хорошая книга и как права наша партия, предъявляя высокие требования к литературе.)

Прочитав «Подпольную Россию», еще будучи гимназисткой, я решила пойти по пути Софьи Перовской и Геси Гельфман. Позже, познакомившись с марксизмом, я стала социал-демократкой, но во мне продолжала жить жажда подвига, и я была счастлива, когда меня направили на работу в боевую организацию.

Буренину часто приходилось отлучаться в Финляндию для приемки транспортов оружия и по другим партийным делам, и тогда его заместительницей оставалась Познер. Мне приходилось в основном работать по переноске и перевозке оружия и в пределах Петербурга и из Финляндии. Когда дело было связано с особенно большим риском, я брала с собой для конспирации трехлетнюю дочурку. Н. К. Крупская так и прозвала ее «конспиративный аппарат».

Прибегали мы и к другим способам маскировки. Так, однажды мне пришлось выполнить в Гельсингфорсе особенно опасное задание. Вся полиция была на ногах. Буренин устроил меня на конспиративной квартире, раздобыл двух элегантных молодых людей — шведов, доцентов университета, которые явились за мной с роскошным букетом цветов и отвезли меня на вокзал. До отхода поезда мы болтали по-французски, а Буренин незаметно издали наблюдал за нами. Вдруг он видит, что в вагон вслед за мною входит жандармский полковник! Но это оказалось случайным совпадением, и я благополучно доехала.

Работники подполья вообще должны были соблюдать строгую конспирацию, но к членам боевой организации предъявлялись в этом отношении особенно строгие требования. Мы не имели права посещать массовые собрания, принимать участие в демонстрациях, встречаться с товарищами, ведущими нелегальную работу. Я, например, могла видаться с моим мужем только на явках, так как мы входили в разные подпольные организации и, следовательно, могли привести с собою «чужого» шпика.

К моменту создания боевой организации к С. И. Гусеву обратились два химика — работники лаборатории военно-морского ведомства — Пескова (Альфа) и Скосаревский (Омега) с предложением своих услуг. Гусев направил Омегу в Женеву к В. И. Ленину, который связал его с македонскими партизанами. Те обучили Скоса-

ревского изготовлению бомб, снабдили чертежами, и по возвращении его в Россию боевая организация приступила к изготовлению бомб — «македонок».

После III съезда партии боевая организация перешла в ведение ЦК партии, под непосредственное руководство Л. Б. Красина (Никитича).

Леонид Борисович Красин был выдающийся инженер и хороший организатор, человек смелый и энергичный.

Для Красина характерен, например, такой случай. В 1907 году он был арестован в Финляндии и заключен в выборгскую тюрьму. Боевики решили освободить его. План сводился к следующему: Красин перепиливает решетку переданными ему пилками, боевики взрывают ограду тюрьмы; во время взрыва Красин, накрывшись матрацем, ложится у противоположной к ограде стены и затем выскакивает в окно.

Стража заметила подозрительную возню около тюрьмы, и побег не состоялся. Впоследствии Красин полушутя говорил, что, не провались это предприятие, он вряд ли остался бы в живых. Мне думается, что он с самого начала отдавал себе отчет в рискованности этого проекта, но был захвачен его смелостью.

Или такой случай: в Териоках был арестован работник ЦК с очень важными партийными документами. Документы эти забрал к себе на квартиру производивший обыск финский полицейский. Красин дал боевикам задание похитить документы, что они блестяще выполнили без всяких жертв.

В этой операции, как и в попытке освобождения Красина из тюрьмы, принимал участие, в числе других, молодой рабочий Саша Охтенский (А. С. Сергеев). Работая на гильзовом заводе в Петербурге, Саша организовал у себя на квартире подпольную мастерскую по изготовлению патронов. Мастерская существовала несколько месяцев, но потом полиция ее проследила. Ночью, когда все спали, на квартиру Саши нагрянул большой отряд полиции. Саша и двое дружинников оказали вооруженное сопротивление. Было убито четверо полицейских и ранены шпион и дворник. Расстреляв все патроны, дружинники воспользовались паникой среди полицейских и бежали. Саша надел на босу ногу сапоги, накинул поверх нижнего белья пальто (в момент прихода полиции он спал и не успел одеться) и отправился к товарищу. Итти пришлось по морозу через весь Петербург, так что сапоги примерзли к подошвам. Товарищи дали ему денег, теплую одежду и отправили в Сестрорецк, к начальнику боевой дружины на Сестрорецком заводе Н. А. Емельянову — к тому самому Емельянову, который в 1917 году скрывал у себя на ст. Разлив от ищеек Временного правительства В. И. Ленина. Переждав у Емельянова опасные дни, Саша уехал в Финляндию и там-то и принял участие в похищении партийных документов и подготовке побега Красина.

Особо хочется мне упомянуть Александра Михайловича Игнатьева, вступившего в нашу организацию позже, в конце 1905 года. Человек огромной смелости, талантливый изобретатель [1], Игнатьев производил на первый взгляд впечатление робкого, нерешительного человека. Между тем под его руководством был проведен ряд необычайно смелых предприятий, в частности похищение пушки со двора Гвардейского экипажа в Петербурге. Пушка эта, для конспирации называвшаяся «бабушкой», предназначалась для обстрела во время восстания Зимнего дворца. К сожалению, она для этого не понадобилась.

После III съезда партии и принятой им резолюции о вооруженном восстании в боевую организацию были привлечены сочувствующие профессора-химики и опытные инженеры. Перед ними поставили задачу — изобрести такой тип бомбы, которую можно было бы изготовлять в больших количествах, на любом заводе, в любой мастерской, которая обладала бы большой разрушительной силой и была бы безопасна при переноске и хранении. Большая и серьезная работа дала хорошие результаты. Когда одна из наших бомб, взятых при аресте, попала к видному эксперту главного артиллерийского управления, он, ознакомившись с ее конструкцией, сказал: «Сколько дало бы правительство за изобретение такого простого и безусловно верно действующего прибора!»

В. И. Ленин уделял подготовке вооруженного восстания огромное внимание. Он считал в высшей степени важным наладить массовое изготовление бомб, видя в них эффективное оружие, годное для уличной борьбы. Он внимательнейшим образом следил за тем, что делалось в этой области, и всемерно помогал в этой работе. В то же время

[1] Игнатьев является изобретателем прибора для ведения прицельной стрельбы по аэропланам и самозатачивающихся инструментов.

Владимир Ильич отдал много сил и забот организации закупок огнестрельного оружия за границей. Он лично вникал во все детали закупки и транспортировки оружия, связывался с деятелями социалистических партий различных стран, чтобы заручиться их помощью в этом деле, оказывал самую разнообразную помощь приезжавшим из России за оружием товарищам. За границей партия проделала гигантскую работу по приобретению огнестрельного оружия и боеприпасов к ним. Но практические результаты лишь в ничтожной степени отвечали количеству затраченной энергии, так как с неимоверным трудом закупленное и отправленное оружие часто по тем или иным причинам не доходило по назначению. Так было, например, с целым пароходом, нагруженным ружьями и пулеметами для Кавказа. Пароход затонул во время шторма в Черном море. Не дошло по назначению и оружие с парохода «Джон Графтон», который затонул в шхерах Балтийского моря.

Деятельность боевой организации не ограничивалась пределами Петербурга. Она была связана с Уралом, Украиной, Прибалтикой и др. Особенно тесная связь была с Москвой. Мне лично довелось тогда быть в Москве по партийному поручению дважды — оба раза во время декабрьского вооруженного восстания.

Первый раз я приехала из Петербурга в Москву утром 8(21) или 9(22) декабря [1].

Москва была охвачена всеобщей политической забастовкой. Огромная привокзальная Каланчевская (ныне Комсомольская) площадь была пустынна. Только у Николаевского вокзала — вокзала единственной железной дороги, не примкнувшей к всероссийской политической стачке, стояло несколько извозчичьих саней. Кучера на этих санях были одеты не в полагавшиеся извозчикам суконные поддевки, простеганные на вате, а в армяки, овчинные тулупы, во что попало: извозчики бастовали, и на промысел выехали сами хозяева.

Я отправилась на явку в каком-то переулке в районе Арбата.

Жизнь в городе замерла. Бастовали не только промышленные предприятия — бастовали учебные заведения, лавки, рестораны и столовые, коммунальные предприятия, даже кое-где и домашняя прислуга. Не ходил трамвай, не работала электростанция. Подъезды и ворота домов были наглухо закрыты, окна буржуазных квартир затянуты шторами. Лишь изредка попадались пешеходы — по внешнему виду, трудовой народ.

Вскоре после того, как я добралась до явки, туда пришел товарищ, как я потом узнала, «Дядя Миша» (Михаил Александрович Михайлов), и куда-то повел меня. Привел он меня на квартиру А. М. Горького и М. Ф. Андреевой.

Горький и Андреева жили тогда на углу Моховой и Воздвиженки, в доме, где сейчас помещается приемная Председателя Верховного Совета, в квартире № 20 (вход с Воздвиженки).

Большой кабинет А. М. Горького и столовая были полным-полны народу. Все держали себя в высшей степени непринужденно, как у себя дома. Одни приходили, другие уходили, некоторые уходили и возвращались. Кто хотел, запросто отправлялся в столовую, где со стола не убирался горячий самовар и была накрыта еда. Люди приходили со всех концов Москвы, прошагав пешком по морозу много километров, и М. Ф. Андреева делала все, чтобы товарищи могли отдохнуть и отогреться.

Это было в те дни, когда руководящие работники московской организации были частью арестованы, частью оторваны друг от друга: на то, чтобы пройти пешком из одного конца города в другой, порой под выстрелами, уходило чуть ли не полдня. В результате связь центра с районами, а районов между собой была нарушена, и квартира Горького стала фактически местом, куда стекалась информация со всех концов города и где руководители восстания могли встретиться друг с другом. Здесь мне предстояло дожидаться прихода товарища, который должен был отвести меня на явку Московского комитета партии.

Я была в Москве впервые, поэтому не помню, куда мы шли. Запомнилось только, что мы поднимались вверх по Тверской и что со стороны Страстной (пл. Пушкина) шла вдоль всей улицы стрельба из пушек.

В этом районе было довольно людно.

На явке МК меня принял член МК товарищ Лядов.

Я передала ему поручение ЦК партии — послать на созывавшуюся через несколько дней партийную конференцию (Таммерфорсскую) делегацию от Москвы. Тов. Лядов поручил мне передать ЦК, что Москва

---

[1] Точной даты не помню, но хорошо помню, что это было на другой день после митинга в «Аквариуме», который датируется по одним источникам 7, по другим — 8 декабря.

послать делегатов не может, так как уже началось вооруженное восстание.

Я вернулась на квартиру Горького. Здесь я встретила знакомого по совместной работе в боевой организации, который предложил устроить меня на ночевку у своего приятеля, заведующего электростанцией в Садовниках, так как уехать в тот же день было невозможно.

Перед нашим уходом М. Ф. Андреева отозвала меня в сторону и просила от имени военнотехнического бюро передать ЦК, что нужна помощь оружием, что денег для его закупки «сколько угодно», и дала мне для этой цели 500 рублей.

Москвичи действительно были богаты деньгами. Много денег на приобретение оружия собирали Горький и Андреева. Крупные средства для этой цели давал Николай Павлович Шмидт.

23-летний студент Московского университета Шмидт был владельцем мебельной фабрики (на Пресне), которая досталась ему по наследству.

Он создал из рабочих своей фабрики боевую дружину и вооружил ее за свой счет. Шмидтовская дружина была одной из лучших дружин в Москве. Полиция называла фабрику Шмидта «чортовым гнездом» и точила зубы и на ее рабочих и на владельца фабрики. Во время вооруженного восстания фабрику сожгли дотла, а с захваченными рабочими зверски расправились. Самого Н. П. Шмидта арестовали и подвергли пыткам, а затем его нашли в камере зарезанным. Перед смертью Шмидт все же сумел передать на волю свое завещание, по которому все его состояние отдавалось большевистской партии.

В память о Н. П. Шмидте одна из улиц на Красной Пресне названа его именем.

Как я уже говорила выше, М. Ф. Андреева принимала деятельное участие в работе московского военнотехнического бюро, которое пользовалось ее квартирой для своих встреч. Встречи происходили обычно в маленькой комнате позади кабинета А. М. Горького, выходившей только в этот кабинет. Так как Горький очень любил птиц и держал их у себя всюду, где жил, то в этой комнате была устроена во все окно клетка со всевозможными породами синиц, почему она и называлась «птицевой».

Вернувшись в Питер, я передала ЦК просьбу москвичей, и мне предложили отвезти в Москву бомбы. Тут же Никитич дал мне денег, чтобы я оделась получше. Жили мы, нелегалы, на гроши. Чтобы иметь больше времени для революционной работы, мы стремились как можно меньше тратить его на заработок. Одевались мы поэтому весьма и весьма скромно. Но при выполнении данного поручения надо было быть одетой понаряднее, чтобы не возбудить подозрений полиции.

Бомбы, которые я повезла, были македонского образца. Они состояли из чугунной оболочки, запальника из гремучего студня и бикфордова шнура. Уложив оболочки в изящный саквояж, я пристроила на себе запальники и бикфордов шнур и, одевшись этакой модной барынькой, поехала в Москву.

На этот раз Николаевский вокзал в Москве был уже занят войсками. Вдоль всего вестибюля стояли шпалерами солдаты, держа на изготовку ружья с примкнутыми штыками. Пришлось проходить как бы через коридор из штыков. Каланчевская площадь и прилегающие к ней улицы казались еще пустыннее. Почти непрерывно шла стрельба.

С вокзала я проехала прямо к своему новому знакомому на электростанцию, оставила там свой груз и пошла на квартиру Горького договориться, чтоб его забрали.

На квартире у Горького попрежнему было многолюдно, попрежнему не прекращался людской поток. На этот раз вести приходили все более и более печальные.

Выполнив поручение, я вернулась в Петербург. В Клину произошла задержка — дружинники разобрали путь. Но повреждение было небольшое, и часа через полтора два мы поехали дальше.

В соседнем со мною купе ехали инженер-путеец и офицер, — как оказалось, оба они отвозили в Москву семеновцев на подавление восстания.

Московское вооруженное восстание было подавлено. Царское правительство торжествовало победу. Но, по существу, какая же это была победа? В течение десяти дней почти безоружная горстка дружинников, не имевших никакого боевого опыта, противостояла обученным войскам, вооруженным пушками и пулеметами. Не было случая, чтобы в открытом бою с дружинниками царские войска одержали победу. Восстание началось по призыву Московского комитета и по его же призыву кончилось. Десять дней царские войска старались разрушить баррикады, и ничего у них не получалось: стоило им отъехать от разрушенной баррикады, —

она восстанавливалась. Но когда Московский комитет предложил организованно прекратить вооруженную борьбу — Москва за два-три часа очистилась от баррикад!

Живая сила революции — московский пролетариат — сохранилась.

Из рабочих боевых дружин, закаленных в боях с царскими войсками, образовался в 1917 году костяк рабочей Красной гвардии, водрузившей знамя пролетарской революции в одной шестой части света, а из отрядов Красной гвардии выросла могучая, славная Советская Армия — оплот мира во всем мире.

Л. РАДИН

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ...

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Все, чем их держатся троны, —
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда.

В. Ф. СОЛОВЬЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА В МОСКВЕ

Воспоминания старого большевика, участника революционного движения с 1905 года, Василия Федоровича Соловьева. Написаны для этого сборника

Я стал рабочим с ранней юности, когда приехал из деревни в Москву и поступил работать печатником. Металлисты и печатники составляли тогда в рабочем движении наиболее активный слой.

В сентябре 1903 года печатники выступили с экономическими требованиями. В Москве их забастовка стала всеобщей, в Питере — частичной. Стачка закончилась победой рабочих. Хорошо помню, что зарплату нам повысили от 5 до 10%, а рабочий день снизили на один час — с 11 до 10 часов. Правда, по неопытности некоторые из нас тогда пострадали. Мы неудачно пытались уйти от полицейской облавы и «засыпались»: около 200 человек было водворено в Бутырскую тюрьму. Я, как малолетний (16 лет), отделался двухнедельным арестом, а взрослые — двухмесячным.

В 1905 году печатники также не были в рядах отстающих. Дружной забастовкой в сентябре они снова добились повышения зарплаты и сокращения рабочего дня на один час. Стачка шла организованно. Сразу был избран руководящий центр — Совет депутатов типографских рабочих. Он пользовался у рабочих большим авторитетом, к нему обращались и хозяева типографий при переговорах с рабочими. В октябре из этого Совета сформировался профессио-

нальный союз рабочих печатного дела, а позже на основе нашего профсоюза возник Московский Совет рабочих депутатов.

Петербургские печатники отнеслись сочувственно к московской забастовке, оказали нам моральную и материальную поддержку. Забастовка печатников Москвы послужила примером для других профессий.

Владелец одной из крупнейших в Москве типографий Сытин, видя организованность рабочих, вел себя либерально. Он даже хотел устроить для них банкет. Но рабочие, с одобрения союза, предложили ему выдать наличными сумму, предназначенную для банкета. Эти деньги они хотели использовать для закупки оружия и создать дружину самообороны против черносотенцев. Сытин согласился, и рабочие принесли прямо в президиум общегородского собрания печатников целый мешок серебра — 900 рублей. Рабочие превращали отряды самообороны в боевые дружины.

Революционные события нарастали ускоренным темпом. Состав большевистских организаций увеличивался. В начале октября в типографии Левенсона, где я тогда работал, было только четыре большевика, а к концу октября — уже десять и несколько десятков сочувствующих. Я был принят в партию 12 октября 1905 года большевистской группой типографии, состоявшей из товарищей Афанасьева, Качелкина и Лугачева. На второй же день меня пригласили на нелегальный митинг в инженерное училище, где выступал большевик И. И. Степанов-Скворцов.

Московские рабочие быстро раскусили всю фальшь царского манифеста 17 октября, знали, чем он вызван и что провозглашенные в нем свободы ненадолго. И все же мы впервые узнали, что такое свобода печати. Нелегальные листовки в тот период потеряли значение, так как в большом количестве появились партийные газеты и брошюры, изданные открыто, без царской цензуры. Собрания происходили без полицейского надзора. Аресты и обыски заметно сократились.

Характерно, как разные группы населения восприняли царский манифест. Либеральная буржуазия (сюда я включаю и нашего хозяина Левенсона) благодарила господа бога. А. А. Левенсон, «поставщик двора его величества», доставил в типографию «чудотворные» иконы, голосистого протодьякона и отслужил благодарственный молебен. Несознательная часть рабочих присутствовала на молебне. Парторг нашей ячейки Саша Афанасьев [1], взобравшись после молебна на винтовую лестницу посреди корпуса, призывал рабочих не верить царскому манифесту. Он говорил, что все свободы царь у нас отнимет, что хозяин нас во всякое время предаст, и советовал рабочим вступать в партию и профсоюз, готовиться к генеральному выступлению против царизма.

Ноябрь был характерен собиранием сил революции через профсоюзы и партийные организации. Профсоюз рабочих печатного дела на своем общем собрании 20 ноября постановил развернуть борьбу за свободу печати (потому что царизм уже начал ее урезать) и образовал фонд помощи борцам за свободу печати. 19 ноября петербургский отдел союза вынес решение все печатать без царской цензуры, и 21-го все газеты вышли с надписью: «Печатается без цензуры». Московские печатники еще раньше на своем общем собрании постановили требовать от хозяев выпускать печатные издания без цензуры, а тем хозяевам, которые не подчинились этому решению, угрожали бойкотом и даже забастовкой. 130 типографий выполняли это требование. Более того, московские печатники ввели свою цензуру: отказались печатать издания явно реакционного и черносотенного характера. У нас, в типографии Левенсона, рабочие отказались печатать рукопись «Православные христиане» и рассыпали набор уже у машины.

Московские печатники были не в последних рядах и при подготовке декабрьского вооруженного восстания. При Союзе печатников сформировалась дружина в составе около 40 человек под руководством К. П. Молдавского. Были дружины и при типографиях, правда менее подготовленные.

Московский пролетариат жил в это время напряженной жизнью и прислушивался к событиям в Петербурге. Чувствовалось, что развязка близка. Арест председателя Петербургского Совета, а потом и всех его депутатов накалил еще более атмосферу, и москвичи ждали ответного удара со стороны питерских рабочих по царизму. Для нас Питер был старшим братом, центром революции. Но ответный удар питерцев оказался слабоват, забастовка была недружной и скоро пошла на убыль.

---

[1] Александр Афанасьев, наборщик нашей типографии, умер в 1928 году. *(Прим. автора.)*

Московский комитет большевиков созвал 5 декабря партийную конференцию, на которой и было решено объявить всеобщую забастовку и превратить ее в вооруженное восстание.

Как молодой член партии, я присутствовал на конференции с правом совещательного голоса. Настроение делегатов было приподнятое. Я не помню, чтобы кто-нибудь из представителей с мест выступал против восстания. Члены Московского комитета предупреждали о серьезности принимаемого решения, но большинство было за вооруженное восстание. Такое же решение принял на следующий день Московский Совет рабочих депутатов.

7 декабря 1905 года в 12 часов промышленная жизнь Москвы остановилась. С полным единодушием забастовали печатники, в том числе и левенсоновцы. Мужали в революционном смысле все рабочие. Если в сентябрьскую забастовку добрую половину рабочих еще приходилось уговаривать, то теперь ничего подобного не было.

7 декабря партийная ячейка поручила мне изготовить плакат-транспарант с лозунгом «Долой самодержавие!», что я и сделал. Впервые рабочие нашей типографии после митинга вышли на улицу с красным плакатом. Мы направились в Леонтьевский переулок, к типографии Мамонтова, но здесь встретили казаков. Они нас избили и отобрали плакат.

Непосредственно в восстании коллектив нашей типографии организованно не участвовал, но отдельные товарищи были зачислены в боевые дружины и защищали баррикады. Оружие выдавалось умеющим с ним обращаться. Я в эту категорию не попал и огнестрельного оружия не получил. Часть товарищей приняла участие в постройке баррикад, мне же было поручено разносить защитникам баррикад пищу.

Волнующим для меня событием явился общегородской митинг в театре «Аквариум» вечером 8 декабря. Полиция окружила театр, при выходе всех обыскивала, кое-кого побила. Я вместе с другими дружинниками перебрался через забор и спрятался в Коммисаровском училище. Училище тоже окружили войска, но внутрь войти не решились. К утру засаду сняли, и мы благополучно разошлись по домам.

9 декабря войска обстреляли нашу баррикаду у Триумфальной площади. Вечером того же дня царская артиллерия обстреляла училище Фидлера. Рабочие начали усиленно строить баррикады, и уже 10 декабря, с утра, ряд районов Москвы стал непроходимым для правительственных войск.

Войска обстреливали баррикады, поджигали и разбирали их. Стрельба из пушек, пулеметов, винтовок и револьверов стала почти повсеместной. Дружинники всячески препятствовали продвижению войск; пользуясь сочувствием населения, они были неуловимы и действовали почти без потерь. Чаще несли потери обыватели по неосторожности или из-за любопытства. Но и войскам большого урона дружинники не наносили, так как придерживались оборонительной тактики.

15 декабря прибыли петербургские войска, и сопротивление стало невозможным. 16 декабря было решено дружинников распустить. Семеновский полк начал громить Пресню.

Во время восстания на московских печатниках лежала очень ответственная обязанность — выпуск «Известий Московского Совета рабочих депутатов». Задача была блестяще выполнена: вышло шесть номеров «Известий», последний — 12 декабря. Для этой цели была сформирована бригада специалистов-печатников, действовавшая под охраной дружинников. Она направлялась в намеченную типографию, где выключала телефоны, а лишних людей задерживала до тех пор, пока газета не будет выпущена. Материал от уполномоченных с мест поступал не всегда в достаточном количестве, поэтому, например, № 4 «Известий» вышел с белой полосой. Распространялись «Известия» главным образом по линии баррикад.

После выпуска шестого номера газеты печатать ее стало невозможно. 18 декабря с большими трудностями был выпущен последний листок, в котором Московский Совет и представители политических партий призвали рабочих прекратить забастовку с 19 декабря. «Декабрьская неделя восстания московского пролетариата кончилась. Да здравствует всенародное восстание и победа над строем гнета и произвола!» — гласило последнее воззвание Московского Совета.

Правительственные войска в это время заканчивали разгром баррикад на Пресне и приступили к жестоким расправам с рабочими.

Хозяева типографий стали увольнять рабочих делегатов и рядовых активистов,

принимавших участие в революционном движении. Но замешательство, вызванное разгромом восстания, среди печатников продолжалось недолго: следуя указаниям большевиков, они установили рабочий контроль за печатью, превратив борьбу за свободу печати в классовую борьбу.

Низовая партийная организация нашей типографии не пострадала, кружковую работу мы не прекращали, но общие собрания стали созывать реже, учитывая полицейские преследования.

Пятьдесят лет спустя, вспоминая события 1905 года, чувствуешь прямую связь прошлого с последующими революционными событиями в нашей стране. Великая Октябрьская революция 1917 года явилась законной наследницей революции 1905 года.

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

НА ПРЕСНЕ

Отрывок из очерка

I

«Бумм!..»

Он донесся издалека, этот глухо-тупой удар, от которого слабо дрогнули стекла, донесся из центральных улиц.

«Началось!..»

И что бы ни делал, куда бы ни ходил, с кем бы ни разговаривал, ко всему примешивалось: «Но ведь началось...» Вырвется детский смех из комнат, стукнет дверь, громко кто-нибудь кашлянет, и в памяти угрюмо встает звук смолкшего орудийного удара... «Началось!..» И сердце сжалось, сцепив грудь тоскливым предчувствием огромного несчастья или огромного счастья, и уже не отпускало до конца.

— Матушки-и мои!.. — просунув голову в дверь, приседая и хлопая себя по бедрам, говорила кухарка, рязанская баба. — Народу-ти наваляли-и... конца-краю нету!.. Вся Тверская черна, один на одном лежат, как тараканы... Со Штрашного монастыря сотого как я шел, народу больше попадалось навстречу, и слышался беспорядочный, торопливый говор. Останавливались, моментально образовывалась кучка, и говорили, говорили нервно, торопливо, как будто эти люди, никогда не видавшие друг друга, были знакомы много лет.

Какая-то пожилая дама, должно быть немка, придерживая трясущиеся руки на груди, говорила, придыхая, и перья прыгали у нее на шляпе:

— Я кофорю, пойдем, я боюсь... а она кофорит: не бойся... Смотрим: баххх!.. а у него колафы нет, а из шеи крофь... а из шеи крофь, как фонтан...

И она с перекошенным лицом теребит ближайшего слушателя за пуговицу пальто... Угрюмо слушают, не умея еще разобраться, не решаясь довериться рассказчице, но орудийные удары подтверждают истинность рассказа.

Вот и баррикады. Торопливо снимают ворота, выворачивают решетки, валят столбы. На протянутых через улицу веревках трепещут красные флаги. Оставлены узкие проходы по тротуарам. Все пролезают, покорно сгибаясь, под протянутые проволоки.

Орудийные выстрелы все ясней, и при каждом ударе тяжко вздрагивает земля. Теперь уже не идут, а бегут оттуда с растерянными, бледными, как будто помятыми лицами.

— Куда идешь?.. — со злобой, прибавляя непечатную брань, кричит мне в самое лицо какой-то маленький старичишка. — Чорту в зубы?.. Из пулеметов бьют...

— А-а... пусть... пусть натешатся... — с такой же злобой кричит молодой парень, грозя по тому направлению кулаками, —

дют из пушек.

Я вышел. Орудийные выстрелы доносились с томительными перерывами. Народ обычно шел по панели вверх и вниз по улице. Хрустел снег.

На морозном небе вырисовывалась вдали каланча. Хотелось побольше полной грудью забрать этого славного, бодрого, покусывавшего за уши, за щеки воздуха, не думая ни о чем, но глухие удары, доносившиеся оттуда, и каланча в морозном небе говорили: «Началось...»

Все было обычно, только, когда проходили мимо кучки, слышалось:

— А она вдарилась возле, так и обсыпала...

Да лавки хмуро глядели наглухо заколоченными ставнями и щитами. Но, по мере

пусть натешатся... пусть... — и он торопливо обгоняет меня.

Как роковая полоса, пустынно тянется через перекресток Тверская. Никого нет, но на углах кучки любопытных, — дети, женщины, мужики, торговцы. Вытягивают шеи, выглядывают за угол и опять назад.

Я замедляю шаг. Впереди у самого угла раздается оглушительный взрыв. С дымом и огнем веерообразно взлетают вверх куски чего-то черного. Навстречу, что есть силы, бегут люди. Впереди молча несется, стиснув зубы, сжав кулаки, огромный рыжебородый мужчина, и алая полоска со лба по носу, по щеке теряется в густой рыжей бороде. Девочка, лет двенадцати, кричит нечеловеческим голосом:

— Ай, родные мои... ай, родные!

И долго, теряясь где-то в конце улицы, доносится:

— Родные... ро-одные мои!

Бежит старушка, с огромными навыкате белками:

— Свят, свят, свят, господь саваоф, исполнь небо и земля!..

Из кучки любопытных шрапнель вырвала шестнадцать человек. Часть раненых разбежалась, часть растаскивают по дворам, а на снегу неподвижно чернеют четверо. Пятый стоит в изумленной позе, потом постепенно валится и, не сгибаясь, падает лицом в снег и так же лежит неподвижно, как и остальные. Возле — воронкообразная яма. Кругом кровяные пятна и какие-то черные обрывки не то одежды, не то человеческого тела.

Никого нет. Хочется заглянуть за угол. И страшно и мучительно тянет, как тянет заглянуть в черную бездну.

С замиранием сердца делаю шаг.

— Погодите...

Я оборачиваюсь. Парень, кричавший: «пусть натешатся», отделяется от соседней калитки.

— Обождите трошки — зараз вторая вдарит.

В ту же секунду раздается такой же оглушительный взрыв у противоположного угла. Дым и огонь расходящимися струями несутся кверху, с соседних домов густо сыплется штукатурка, и со звоном летят изо всех окон стекла.

— Теперича можно.

Чувствуя, как холодеет затылок, я заглядываю. Тверская мертвенно-пустынно тянется в обе стороны. Только где-то далеко, в морозной дали, маленькие, игрушечные люди маячат около маленьких, игрушечных пушек.

— Отходите.

Я отошел дома за два.

— В кого же они стреляют?

— А так, глупость одна.

Я гляжу на кобуру от револьвера, которая топорщится из-под расстегнутого пальто.

— Вы дружинник?

— Да.

— Как же так... мало?

— Мало, а видишь, сколько пушек навезли.

— В мирных бьют?

— Потому публика необразованная, зря суется... Умей выйти, умей схорониться, а она лезет. За сегодняшний день эва набили их, а в нашем отряде не ранен еще никто.

Я пошел назад. Орудийные удары, то вздваиваясь, то порознь, стояли в воздухе.

Наплывали сумерки. На площади красновато бросалось из стороны в сторону пламя костров: жгли ворота домовладельцев, которые их запирали. На стенах смутно белели объявления генерал-губернатора о штрафе в три тысячи рублей, если ворота не будут заперты.

Уже царила ночь, темная, глухая. Ни одного фонаря, ни одного огня. Орудийные выстрелы смолкли. Зато то там, то здесь раздавались одиночные или целыми букетами ружейные выстрелы. Где стреляют, кто стреляет — нельзя было сказать. И среди глухой темноты эти щелкающие короткие звуки впивались болезненно и угрожающе. Винтовочные пули без прицела летят на несколько верст и поражают совершенно случайных людей.

Скрипел снег. На улицах ни души.

II

С утра обыкновенно бывало тихо, но к часу разыгрывалась орудийная стрельба. Улицы — как вымерли. Зато у каждых ворот, у каждой калитки, на каждом перекрестке кучки народу. Передают случаи расправы войск и полиции, подвигов дружинников и горячо обсуждают шансы победы той или другой стороны в развертывающейся кровавой драме.

— И у нас баррикады строят, — и испуганно и радостно говорит прислуга.

— Где?

— У заставы.

С представлением революции, восстания

вяжется что-то необычайное, поражающее. Но когда я проходил к заставе, все было необыкновенно просто. С пением, со смехом, с шутками валили столбы, тащили ворота, доски, бревна, сани со снегом, и баррикада вырастала в несколько минут, вся опутанная телеграфной и телефонной проволокой. У ворот и по тротуару толпился народ.

— Ну, братцы, и бабы пошли на баррикады... Дело Дубасова — дрянь... Хо-хо-хо...

Все весело подхватывают и смеются.

Баррикады одна за одной вырастают вниз по улице, по направлению к Пресненскому мосту. Вдруг публика исчезла. Улица пустынно, мертво и грозно белела снегом. Бревна, доски, столбы, перевернутые сани, неподвижные и беспорядочно наваленные поперек улицы, придают этим домам, окнам, наглухо закрытым лавкам, зияющим воротам вид молчаливого и напряженного ожидания.

Я тоже захожу за угол в переулок.

— Что такое?

— Казаки.

И это короткое слово разом освещает пустынную улицу и наваленные бревна ровным, немигающим серым светом, в котором чуется: «Для кого-то в последний раз?..» Любопытные жались к воротам. Молодой парень, подняв руку, крикнул:

— Пе-ервый номер!..

Несколько человек, с револьверами в руках, сгруппировались у ближайшей к углу калитки.

— А вы отойдите... отойдите, пожалуйста... а то подойдут — вы побежите, паники наделаете, — говорил парень, обращаясь к публике.

— Это — дружинник, — передавали, отходя, шопотом друг другу, и в этом шопоте и во взглядах, которыми его провожали, таилось уважение, смешанное со страхом, и надежда на что-то большое, что сделают эти люди.

Я выглянул. Серым развернутым строем поперек всей улицы шли вдали спешенные казаки. Когда взошли на мост, их серый ряд разом блеснул огнем, и раздалось: рррр... рррр... рррр... точно рвали громадный кусок сухого накрахмаленного ситца. По баррикадам, по водосточным трубам, по вывескам и окнам, а особенно по калиткам дворов, щелкая, посыпались орехи... Рррр... рррр... рррр-ы!.. Я вбежал в калитку переулка. Тут толпилось человек двадцать прохожих и любопытных. Металась какая-то женщина.

— Ой, батюшки, да куда же я...

А ситец продолжали рвать. В промежутках нежно защелкали браунинги. На противоположном перекрестке дружинник спокойно опустился на колено, прицелился из винтовки, блеснул огонь, — и вдруг среди стрелявших раздались крики и радостный смех:

— Браво... браво... браво!..

Ситец перестали рвать. Публика опять высыпала на улицу. Я тоже вышел. Везде стояли кучки. Подобрав четырех раненых, свернувшись повзводно, серели вдали, уходя, казаки.

Снова закипела работа. Баррикады росли одна за другой. Внизу улицы, возле моста, выросла последняя. Красный флаг победно волновался над нею. А вдали угрюмо и молча глядела на нее пресненская каланча.

М. МИТЕЛЬМАН, Б. ГЛЕБОВ,
А. УЛЬЯНСКИЙ

БОЕВЫЕ ДНИ

Глава из книги „История Путиловского завода“

С ноября боевая дружина при районном комитете большевиков начала регулярные занятия. До тех пор систематической боевой учебы не велось: не было инструкторов, не хватало оружия. Дружинники несли патрульную службу: сопровождали ораторов, охраняли митинги, вместе с дружиной Совета боролись против черной сотни.

В конце октября в квартире отметчика новомеханической мастерской Александра Гавриловича Буша, в деревне Волынкиной, впервые собралась вся дружина. Пришел студент Леонид, новый организатор дружины, присланный Петербургским комитетом. Порывистый, беспокойный, он говорил с горячностью о вооруженном восстании:

— День, когда придется захватывать правительственные учреждения, банки, вокзалы, строить баррикады, — этот день недалек. Он может наступить внезапно, к нему надо быть готовым.

Леонид говорил, что охранять митинги —

дело хотя и важное, но не единственное. Каждому дружиннику необходимо изучить свой район, знать хорошо город. Он должен научиться метко стрелять и вести уличный бой. Пусть в мелких стычках с черносотенцами, с полицией, с казаками дружинники приобретают боевой опыт.

— Восстание пора разжигать!

Слова Леонида воодушевили рабочих. Со следующего же дня началась вербовка новых членов дружины. В ноябре дружина насчитывала около семидесяти человек. Предполагалось в момент восстания развернуть ее до нескольких сотен, и тогда рядовые дружинники должны были принять на себя командование новыми десятками.

Леониду помогали несколько студентов и рабочий Домбровский, назначенный сотником. На курсах Лесгафта незнакомый интеллигент в очках читал путиловским дружинникам лекцию о видах оружия и демонстрировал ружье системы «франкот» с откидным затвором.

Несколько позже в деревне Волынкиной, в школе, бородатый студент, по кличке «Никодим», объяснял дружинникам, как строить баррикады. Он чертил на доске схемы баррикад и разъяснял, как лучше воздвигнуть баррикаду на прямой улице, на кривой, на перекрестке. Лекции сопровождались практическими занятиями по топографии.

На Петергофском шоссе — главной магистрали заставы — решили построить четыре баррикады. Первую — неподалеку от Нарвских ворот, у Балтийской улицы; вторую — между Школьным и Огородным переулками, против Беликовых домов, которые имели дворы, проходные на все четыре стороны; третью — у Богомоловской, боевой стороной к заводу; четвертую — на Ушаковской, неподалеку от полицейского участка, чтобы предотвратить возможность наступления со стороны Екатерингофа.

Боевые дружины создавались во всех районах. На собрании дружинников всего города, устроенном Петербургским комитетом большевиков, с докладом выступил Эссен — один из организаторов боевой работы в Петербурге. Он говорил о необходимости согласования действий дружин в уличном бою и призывал к более систематической работе. В Нарвском районе занятия все еще проводились от случая к случаю. Иногда дружинники — человек пять-шесть — отправлялись на стрельбу в Полежаев или Поташов лес. Маскируясь под охотников, брали с собой двустволки или дробовики. Стреляли боевыми только из револьверов; для единственного винчестера, подаренного инженером Шоломовичем, патронов не было. Мишени чертили углем или мелом на дереве. Учились поражать цель со всех положений — лежа, стоя, на бегу. Леонид, волнуясь, следил за каждым выстрелом и сердился, если не попадали в цель, а это случалось нередко. К концу ноября большинство дружинников получили револьверы — главным образом браунинги. Но оружия все-таки не хватало. Многие, как и прежде, были вооружены только кинжалами или пиками в пять четвертей длины.

Большевистские дружины повели жестокую борьбу с черной сотней, привлекая к совместным действиям эсеровскую дружину и дружину самообороны меньшевиков. Ввели ночные дежурства. Каждую ночь в течение недели патрули дружинников попарно обходили заставу от Нарвских ворот до Шелкова переулка. Черносотенцев преследовали, поймав — избивали.

Черносотенцы на заводе затихли. Свои прокламации они распространяли теперь тайно, в то время как революционная литература открыто передавалась из рук в руки. Даже боевые занятия дружины проводились теперь открыто. Десяток Севастьянова по ночам в лафетно-снарядной устраивал учебную стрельбу. Подражая большевикам, рабочие-меньшевики из соседней паровозомеханической, Кошкин, братья Кузьмины, также проводили в своем цехе боевые учения. Иногда они приходили на занятия большевистской дружины. Меньшевиков спрашивали, зачем они, собственно говоря, продолжают обучаться, если их фракция ограничивает задачу дружин только борьбой с черной сотней, — ведь черную сотню в районе усмирили. Рядовые меньшевики-рабочие ответить ничего не могли, но оружие отдавать не хотели.

Лучшие свои силы Петербургский комитет большевиков направлял в районы. В октябре за Нарвской появился «товарищ Никанор». Его знали хорошо — это был Михаил Иванович Калинин, недавно приехавший из ссылки. За пять лет скитаний по России он вырос в крупного партийного работника, хорошо разбирающегося в теории и тактике революционной борьбы. Калинин поступил на завод токарем в старомеханическую мастерскую. Его избрали в районный комитет, и он сразу стал

в центре всей нарвской организации. Калинин обладал замечательным качеством — умением сплачивать вокруг себя людей. Теперь это качество проявилось с особенной яркостью и в кружке, который он начал вести, и вне кружка, на каждом шагу. Он покорял слушателей глубиной и ясностью своих простых слов. Говоря об аграрной программе с партийным литератором, он поднимался до теоретических высот, а в беседах с только что приехавшим в город рабочим поражал его знанием мельчайших подробностей крестьянского хозяйства.

Беседы с Калининым давали многое, вызывали желание больше знать, учиться, лучше работать. Калинин умел остановить внимание на самом главном, существенном. В начале стачки, объявленной Советом с 2 ноября в ответ на готовившуюся расправу с кронштадтскими матросами, дружинники отправились останавливать движение конки. Они задержали конку, высадили публику, отцепили лошадей и опрокинули вагон вместе с городовым, не желавшим вылезать. У Нарвских ворот дружинники перевернули другой вагон, подбросив под колеса петарды, разорвавшиеся с оглушительным треском. На заседании районного комитета многие большевики восторгались действиями дружинников, предлагали начать опрокидывать конки по всему городу. Калинин терпеливо поглядывал сквозь очки на восторженных ораторов. Когда ему было предоставлено слово, он сказал:

— Полицейских в вагонах кувыркать, конечно, хорошо. Но здесь слишком восторгаются этим. Ну, опрокинули конку, перепугали кондукторов, а дальше что? А по-моему, конки — конками, но главное внимание надо направить на занятия боевых дружин, на стычки с черной сотней и полицией, на то, чтобы добывать оружие. Надо расширять стачку, делать ее всеобщей. Надо сделать так, чтобы кондуктора сами остановили движение во всем городе.

Время было боевое, веселое. Митинги и собрания повсюду созывались совершенно открыто, на глазах у полиции; рабочие собирались в мастерских, и администрация не осмеливалась препятствовать им. Артисты, устраивая концерты в пользу рабочих, пели на мотив «Марсельезы» песню «Во Францию два гренадера из русского плена брели», а иногда вместе с публикой и рабочую «Марсельезу». Книжные лавки и магазины торговали бойко, как никогда. Нелегальные прежде брошюры и книги выходили открыто, боевые заголовки книг, родившихся в революцию, запестрели на витринах и прилавках. Газеты брали нарасхват, распространялись ноты революционных песен, по рукам ходили сатирические журналы и открытки, которые вызывали взрывы восторженного смеха.

Самодержавие не могло успокоить волнующееся народное море никакими средствами. По всей стране премели промы начинавшегося восстания. Пылали помещичьи усадьбы. Города превращались в республики с единственной властью — властью Совета рабочих депутатов. Вспыхнуло восстание матросов и солдат в Кронштадте. Наконец пришла весть о восстании более грозном, более мощном и величественном, чем все предшествовавшие: Черноморский флот отказался повиноваться властям и поднял красные знамена. Отдельные войсковые части переходили на сторону народа.

14 ноября во всех мастерских Путиловского завода происходили митинги. Рабочие верили, что близится момент решительного боя. Начиная с октябрьской стачки, со дня на день ждали они его. Они надеялись, что теперь, наконец, начнется настоящее дело:

— У нас один выбор: смерть или свобода!

Старый лозунг, в январские дни выражавший отчаяние рабочих масс, теперь становился боевым кличем восстания. Речи большевистских ораторов встречали с воодушевлением. По цехам были пущены две резолюции, которые принимались повсюду. Одна гласила: «Мы, рабочие Путиловского завода, приветствуем революционно восставших товарищей — севастопольских солдат и матросов. Мы видим в этом важный этап по пути к освобождению России от кровавого самодержавия. Войску принадлежит средство направить русскую революцию по *наименее кровопролитному* пути. Путь этот — единение революционной армии с революционным народом, во главе которого борется пролетариат под знаменем РСДРП. Да здравствуют: Вооруженное восстание! РСДРП! Демократическая республика!»

Другая резолюция была посвящена крестьянскому движению. Путиловцы писали:

«Вслед за революционным пролетариатом поднимается и крестьянство. Сотни тысяч крестьян уже вступили в борьбу за землю и волю. Пролетариат — враг всякого угнетения и союзник всех, кто борется за свободу. Он должен протянуть руку вос-

ставшему крестьянству, чтобы помочь ему добиться *всей* земли и *полной* воли. Мы, рабочие Путиловского завода, шлем товарищеский привет восставшим крестьянам, а наших братьев, пролетариев деревни, мы зовем объединиться с нами под знаменем РСДРП, в рядах которой пролетариат города и деревни рука об руку пойдет в борьбу за социализм».

На митингах открыто говорили о временном революционном правительстве, которое будет выражать волю всего народа. Призывали к вооружению, к сознательности, организованности и революционной дисциплине. В кузнице, когда собрание уже кончалось, попросил слова один молотобоец. Он предложил закрыть все трактиры и казенки, потому что в такое время не должно быть никакой распущенности. Предложение было единодушно принято. В других мастерских также выносили постановления: не пить три месяца казенного вина и вообще хмельных напитков. У казенок появились пикеты добровольцев.

По мастерским снова начались сборы на оружие. На этот раз путиловцы собрали две с половиной тысячи рублей.

Через день после известия о черноморском восстании районный Совет ночью приказал десятским собрать дружину у Нарвских ворот. Десятские побежали к заставе. Им не нужно было подробно разъяснять, что делать. Каждый хорошо помнил не только адреса дружинников своего десятка, но знал, как к кому пробраться во двор, минуя дворника, кто в какой комнате спит, чтобы постучать в окно, у кого на двери колокольчик, у кого его нет. Через час дружина была в сборе. Каждый с замиранием сердца думал:

«Неужели началось?»

Петербургский Совет поручил дружине остановить работу почтамта, где засели штрейкбрехеры, срывавшие стачку почтовиков. Дружинники были как будто даже разочарованы.

— А мы думали что-нибудь поважнее, — говорили они.

Двинулись небольшими группами, на виду друг у друга. У почтамта стоял отряд полицейских. Дружинники проникли в здание со двора. Задержали у ворот почтовые фургоны. Упорствующим кучерам грозили булкой, завернутой в газету:

— А бомбы не хочешь?

Под утро расставили пикеты, которые никого не пускали в здание почтамта. На обратном пути разоружили трех городовых. Поручение было выполнено.

Петербургские рабочие считали Совет своим штабом. Совет работал открыто. Правительству приходилось терпеть его, считаться с ним. Объявления о заседаниях Совета открыто печатались во всех газетах, десятки корреспондентов приходили на его заседания, на фабриках и заводах депутатам за дни, пропущенные по делам Совета, полностью выплачивался заработок. Газеты по приказу Совета выходили без цензуры. Стачки, назначаемые Советом, захватывали десятки тысяч людей. По первому призыву Совета к восстанию поднялась бы вся масса петербургских рабочих. Рабочие ждали сигнала и верили, что их штаб даст этот сигнал. Но меньшевистские вожаки, захватившие руководство в Совете, не хотели восстания.

Меньшевики считали ненужным ломать рамки существующего строя, вполне удовлетворяясь пределами легальной работы, допускаемой царизмом. Иуда Троцкий, никогда не веривший в силы рабочего класса, всегда предававший дело революции и отличавшийся от прочих меньшевиков лишь трескучей революционной фразеологией, откровенно признавался: «Мы никогда не готовили восстания». Меньшевики делали все, чтобы сорвать восстание. Этим они развязывали руки самодержавному правительству и реакционной буржуазии, которые перешли в наступление на рабочий класс.

3 декабря в здании Вольно-экономического общества полиция арестовала двести пятьдесят депутатов Совета, собравшихся на заседание. В их числе было десять путиловцев. Член исполнительного комитета Полетаев попал в тюрьму.

Вечером весть об аресте Совета облетела заставу. Большевики сразу же повели агитацию за то, чтобы собраться назавтра же, в воскресенье, в мастерских для выбора новых депутатов. Новых депутатов выбирали наспех.

Рабочие новомеханической мастерской избрали своим депутатом Михаила Ивановича Калинина. Собравшиеся выражали уверенность, что новый Совет будет действовать решительнее, чем старый.

Но политическая обстановка теперь была уже иной, чем раньше. Новый состав Совета не имел возможности открыто собираться. Его исполнительный комитет работал нелегально. Вторым исполнительным комитетом руководили также меньшевики.

7 декабря в Москве, по постановлению большевистского Московского Совета, началась забастовка, которая через два дня переросла в восстание. Москва опоясалась баррикадами. На многих фабриках и заводах Петербурга происходили забастовки солидарности. На Путиловском заводе в руководстве стачкой принимал участие М. И. Калинин. Три дня подряд приходили путиловцы в свои мастерские и, не приступая к работам, на митингах выражали готовность пойти в бой. Но исполнительный комитет Петербургского Совета молчал.

— Не Совет нас призывал к восстанию, а мы призывали его! — заявил впоследствии на суде один из свидетелей по делу Петербургского Совета рабочих депутатов.

Московские рабочие ждали поддержки революционного Петербурга. В то же время московский генерал-губернатор умолял царское правительство о присылке войск: местный гарнизон готов был поднять красные знамена. Две столицы, два пролетарских центра связывала между собой Николаевская железная дорога. По телеграфным проводам вдоль ее прямых путей могла долететь до восставшей Москвы желанная весть о восставшем Петербурге. Но по этим бесконечным рельсам могли мчаться и набитые карателями поезда, чтобы кровью лучших сынов рабочего класса залить московские улицы. Дорога работала. Как ствол ружья, дорога была приставлена к охваченному пламенем сердцу России. Надо было прервать сообщение между Москвой и Петербургом, чтобы не дать царскому правительству перебросить войска в Москву.

Три дня в разных концах Петербурга воля и помыслы рабочих были направлены к одному: разрушить мосты между кровавым Треповым и кровавым Дубасовым. Три дня в нескольких местах Николаевской дороги солдатские патрули видели кравшихся по насыпи людей, которые прятали под одеждой тяжелую ношу, и три дня подряд трещали выстрелы вслед убегавшим дружинникам. На штыки и пули наткнулись обуховцы у Волховского моста, колпинцы — у моста через Ижору.

В боевом центре Нарвского района было решено — взорвать дорогу. Калинин договорился с местными эсерами: большевики всё осуществляют своими силами, а эсеры дают динамит. Место взрыва — мост возле города, следующий за Американским; время — ночь с 11 на 12 декабря.

Дружина разделилась на три группы. Одна расположилась в большевистском клубе, другая — на Богомоловской у Севастьянова, третья — на Петергофском, в доме № 38, на квартире Михаила Ивановича Калинина.

Калинин занимал небольшую комнатку в семье своего товарища Ивана Дмитриевича Иванова. В комнате рядом устроились дружинники. Револьверы, на случай обыска, сложили в самовар. Калинин должен был повести группу на взрыв моста.

Часы шли за часами. Ожидавшие то и дело прислушивались, нет ли гонца от эсеров. Гонца не было. Всю ночь читали Некрасова и Лермонтова. Наконец начало светать. Стало ясно, что эсеры не выполнили своего обещания...

Боевой дружиной эсеров в Нарвском районе руководил начальник инструментальной мастерской Путиловского завода инженер Рутенберг. Дружина его считалась у эсеров одной из лучших в городе. На заседание дружины, посвященное московскому восстанию, он привел руководителя эсеровской боевой организации Бориса Савинкова, который пожелал ознакомиться с настроениями рабочих-террористов. Савинков не верил в революционный подъем масс и считал, что только ряд взрывов, убийств, поджогов, совершенных отдельными смельчаками, может помочь восстанию. Он предложил рабочим высказаться, на что готов каждый из них. Большинство заявило, что смогут участвовать лишь в самообороне, человек десять согласилось итти на штурм города. Индивидуальный террор успеха не имел — за него из тридцати присутствующих высказалось всего двое. Многие просили освободить их от участия в дружине. Эсеровские дружинники не знали, что делать, во что верить.

Эсеровские руководители махнули рукой на свою путиловскую дружину. За несколько часов до взрыва они передумали: бомбы и динамит были даны ими представителям железнодорожного союза, а не путиловцам. Взрыв сорвался. Железнодорожники не смогли организовать его, посланные союзом люди едва не были арестованы.

Так и не дождались петербургские рабочие взрыва железнодорожного моста — взрыва, который мог послужить сигналом к началу боевых действий в Петербурге.

Поезд с Семеновским полком пришел в Москву.

Наутро 13 декабря, едва прогудел гудок,

в широко распахнутые ворота Путиловского завода вступили войска. По бесконечному заводскому двору шагал батальон пехоты; покачивая пиками, ехал отряд казаков, тяжело громыхали по камням пушки. Солдаты окружили мастерские. У часовни, где в октябре гордо развевалось красное знамя, установили полевую трехдюймовую пушку, в свое время сделанную здесь же, на Путиловском заводе, руками путиловских рабочих.

На заводе начались повальные обыски. Рабочих партиями выгоняли во двор; обыскав, загоняли обратно. В мастерских взламывали рабочие ящики. Рабочие из окон выбрасывали оружие в снег, в глухие проходы между мастерскими, клали в полости станков, известные только специалисту, сдавали крановщикам, которые поднимали опасный груз к самой крыше, в дальние концы мастерской. Подростки, которых обыскивали не так строго, проносили револьверы на улицу.

Когда рабочих выпустили из мастерских, группа молодых парней бросилась на полигон, чтобы против царских пушек выставить свою. Они выкатили оружие, достали снаряды. Но, посоветовавшись, пришли к выводу, что стрельбой можно перебить и своих.

Попытки строить на шоссе баррикады немедленно подавлялись. Застава оказалась наполненной войсками. В город не пускали. Воинским властям было хорошо известно стратегическое положение района, и они поспешили перерезать Петергофское шоссе и несколько переулков, изолировать заставу, зажать ее в железные тиски.

Обыски по заставе были повальными. Арестовывали десятками и сотнями. 21 декабря Путиловский завод был закрыт на неопределенное время. На заводах и в рабочих заставах прочно обосновались войска.

З. ОРДЖОНИКИДЗЕ

БАРКАС С ОРУЖИЕМ

Глава из книги „Путь большевика", рассказывающей о жизни старого большевика Григория Константиновича Орджоникидзе (1886 — 1937)

Темной ночью в домике сторожа, одиноко стоявшем меж деревьев Приморского бульвара, собрались гудаутские большевики. Серго [1] прочел письмо, полученное им от Левана Готошия из Сухума. Готошия писал, что партия грузинских федералистов получила из Швейцарии транспорт оружия. Пароход «Сириус» причалил возле Поти. Большевикам удалось отбить у федералистов все имевшееся на пароходе оружие. Партийный комитет распределил винтовки и патроны по кавказским городам Черноморского побережья. Часть оружия была захвачена пограничной стражей при выгрузке его на берег неподалеку от Сухума. Другую часть оружия удалось перенести на берег в Алахадзи (около Гагр).

Вот как об этом событии повествует полицейский документ:

«В начале декабря 1905 года, поздно ночью, в дом князя Александра Инал-Ипа, проживающего в местечке Гагры, Черноморской губернии, явилось человек двенадцать неизвестных вооруженных людей, говоривших на грузинском и мингрельском языках, которые вызвали князя во двор и объяснили, что ввиду плохой погоды на море им необходимо у него в имении выгрузить из кочермы привезенное ими оружие. У берега действительно стояла кочерма. Несмотря на протесты Инал-Ипа, пришедшие, поставив около него караул из нескольких вооруженных, перевезли с кочермы на арбах сорок пять ящиков скорострельных магазинных ружей системы «веттерлин» с патронами к ним и зарыли в большой, вырытой до этого, яме в ста саженях от кирпичного завода Инал-Ипа. Ввиду господствующего в то время революционного террора и угроз вооруженных злоумышленников, занявших дом и арестовавших князя Инал-Ипа, последний молчал о случившемся».

Итак, оружие находилось в княжеском имении, под Гаграми. На собрании гудаутской организации было решено ехать в Алахадзи.

Серго с товарищами приехал в имение к Инал-Ипа и заявил ему, что они являются хозяевами спрятанного оружия. Серго хотел переправить оружие в крупные города Абхазии. Море в те дни было очень бур-

---

[1] Партийная кличка Г. К. Орджоникидзе.

ным, и Серго в ожидании хорошей погоды пришлось прожить в Гаграх целую неделю.

За это время он роздал часть ружей местным крестьянам и вместе со своими помощниками — бывшими солдатами — обучал народ стрельбе. Они уходили в горы и там стреляли в цель. Таким образом, было вооружено и обучено несколько сотен революционно настроенных крестьян. Так как в Сочи уже началось широкое народное движение, то Серго готовил для сочинцев кадры обученных борцов.

Наконец погода установилась и можно было выходить в море. Но встретилось новое затруднение: не было фелюги. Через одного мингрельца, проживавшего в Гаграх, Серго обратился к служащему при агентстве Русского общества пароходства и торговли Садыку Ковал-оглы с предложением перевезти оружие из Гагр в Гудауты и Сухум за 250 рублей. Садык Ковал-оглы от этого предложения отказался (впоследствии он выдал большевиков охранке, заявив, что революционеры действительно имели под Гаграми склад оружия и обращались к нему с просьбой переправить это оружие во многие города Черноморья).

С большим трудом удалось достать фелюгу в Сухуме и оттуда провести ее в Гагры.

Оружие было выкопано из земли и вывезено из имения князя Инал-Ипа. В трех пунктах — в Адлере, Сочи и Сухуме — была выгружена значительная часть оружия.

Из Сухума фелюга повернула на север и пыталась пристать возле Гудаут. Но так как на море разыгрался сильный шторм, Серго отдал приказ итти дальше на север, в глубокую и тихую Пицундскую бухту, и причалить к берегу около селения Бомборы.

Оставив фелюгу в Бомборах, Серго поспешил в Гудауты. Погода была отвратительная. Море бушевало. Шел снег и дождь.

Уставший, мокрый, голодный пришел Серго к сапожнику Ладо Горгошидзе и сообщил ему, что фелюга прибыла и необходимо срочно ее разгрузить.

— Сколько людей нужно? — спросил Ладо.

— Пятнадцать или двадцать человек. И подводы.

Ладо нанял на базаре две подводы, собрал людей. Серго предложил разбиться на несколько групп и разными дорогами итти к Бомборам.

Не отдохнув, не успев даже поесть, он вновь отправился в путь. Дошли до Бомбор, но фелюги здесь не оказалось.

Море попрежнему бушевало. Серго нервничал, боясь, как бы не случилось какое-нибудь несчастье. Но неподалеку от селенья, в маленькой бухте, они увидали качающуюся на волнах фелюгу. Оказывается, хозяин ее, старый турок-контрабандист, решив, что место причала слишком открытое, перевел фелюгу в другую, более отдаленную от жилых мест бухту.

Вскоре на берегу собралось тридцать или сорок человек. Серго и его товарищи благополучно добрались до фелюги и на собственных плечах вытащили ее на берег.

Они выгрузили четыре ящика ружей и около двух тысяч патронов. Ящики тут же разбили. Каждый взял столько, сколько мог унести. Один за другим люди уходили по направлению к ближнему лесу.

На берегу оставался всего один ящик ружей и немного патронов, когда Серго заметил вдалеке движущиеся черные точки. Это были казаки.

Оказывается, час назад в Бомборы прибежал старшина селения Стефанков и заявил уряднику, что видел, как к морю приехало двое дрог без клади. Эти дроги ехали вдоль берега по камням, и так как в обычное время здесь никто и никогда не ездил, то Стефанков заподозрил, что дроги прибыли за контрабандой. Урядник приказал седлать коней и незаметно окружил побережье.

Серго, Ладо Горгошидзе и еще трое товарищей поспешно сели на подводы.

Ладо шепнул Серго:

— Если нас поймают и спросят, что мы тут делали, то давай скажем так: у Квачантирадзе разбойники украли корову, а мы отправились их догонять...

Ехали по каменистой, трудной дороге. Падал мокрый снег.

Неожиданно из-за кустов раздался грозный окрик:

— Стой!

Это были казаки из 2-го Лабинского конного полка. Один из них поднял бурку, которая была постелена на подводе, и под ней обнаружил три ружья. Два ружья были системы «веттерлин» со штыками, а третье принадлежало одному из участников выгрузки — народному милиционеру.

— Что вы здесь делали? — спросил урядник.

— Мы искали корову...

— А ружья у вас откуда?

Дружинник ответил:

— Я народный милиционер. Одно ружье мое. Оно нам было необходимо, потому что мы ловили разбойников. Эти разбойники украли у чувячника Квачантирадзе корову...

— Но у вас три ружья.

Здесь милиционер допустил непоправимую ошибку:

— Две винтовки мы нашли на берегу...

Казаки принялись рассматривать ружья.

Это были нарезные винтовки, заряжающиеся с казны; магазин помещался под стволом, в цевье ложа; штыки четырехгранные, круглозаточенные.

— Такие винтовки я видел в Сухуме. Их отняли на берегу у революционеров, — сказал один из казаков.

Урядник вытащил из кармана записную книжку и обратился к дружиннику:

— Как звать?

Милиционер назвал свою фамилию.

Урядник сказал:

— Ну ничего, далеко от нас не уйдете. Я знаю тебя, — он указал на Серго. — Ты фельдшер местной больницы...

После этого урядник скомандовал своим казакам:

— Марш! Марш!

Они галопом помчались к берегу моря.

— Ну, товарищи, надо бежать, — сказал Серго. — И как можно быстрее!..

Они разместились на подводах; извозчики что есть силы стали нахлестывать лошадей.

Казаки были уже на берегу. Когда они приблизились к месту выгрузки оружия, то увидели небольшую группу людей, разбежавшихся в разные стороны при их появлении. На том месте, где они стояли, казаки нашли разбитые ящики с гнездами для винтовок, несколько ружей, штыки, патроны. Далеко в море виднелся парус турецкой фелюги.

Урядник приказал казакам разделиться на два отряда: один погнался за подводами, другой за пешими людьми, скрывшимися в зарослях кустарника.

— Стой! Стой! — кричали помчавшиеся за подводами казаки, нахлестывая своих лошадей.

Подводы были уже далеко. Они подъезжали к Бомборам, где на околице селенья стояли казачьи казармы. Казаки решили открыть стрельбу и этим привлечь внимание находящихся в казармах. Они принялись стрелять из винтовок, кричать, свистеть.

Извозчики гнали лошадей вскачь. Но было уже поздно: из казарм выскочили казаки и черносотенцы отряда князя Маргания; они оцепили дорогу. Один из извозчиков решил бежать. Он спрыгнул с подводы и скрылся в кустах. Его поймали и избили. Ладо Горгошидзе получил удар прикладом по носу за то, что пытался выбросить из кармана пачку патронов. Казаки перешибли ему нос.

Серго крикнул:

— Вы не имеете права нас арестовывать! Если вы нас не отпустите — народ вас перебьет!..

Князь Маргания бросился на Серго с винтовкой, он хотел застрелить его. Серго отнял у князя оружие. На помощь Маргания подоспели его товарищи, и один из них ударил Серго прикладом по голове. Серго упал. Казаки избили его нагайками.

После этого казаки скрутили арестованным руки и заперли в казармы.

ВЫ ЖЕРТВОЮ ПАЛИ

Автор песни неизвестен, предполагается, что она сложена коллективно. Впервые песня стала известна в 70 — 80-х годах XIX века

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых,
Свой суд беззаконный над вами
Судьи-палачи изрекали порой,
И шли вы, гремя кандалами.

Идешь ты усталый, и цепи гремят,
Закованы руки и ноги...
Спокойно, но грустно свой взор устремил
Вперед по пустынной дороге.

Нагрелися цепи от знойных лучей
И в тело впилися змеями,
И каплет на землю горячая кровь
Из ран, растравленных цепями.

Но ты молчаливо оковы несешь,
За дело любви ты страдаешь,
За то, что не мог равнодушно глядеть,
Как брат в рудниках погибает.

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая.
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая.

Падет произвол, и восстанет народ,
Великий, могучий, свободный,
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

ВАС. ГРОССМАН

СТЕПАН КОЛЬЧУГИН

Глава из книги

Степка ночевал в комнате Кузьмы.

— Теперь тебе придется на несколько дней в Горловке остаться, — сказал Кузьма, — поезда в вашу сторону не ходят.

— Ну и что же, останусь, — сказал Степка и спросил: — И Звонков скоро приедет?

— Должен скоро, — сказал Кузьма и вдруг улыбнулся: — Видишь, как повернулось: раньше я у тебя был квартирантом, а теперь ты у меня квартируешь.

Кузьма постелил на полу полушубок и велел Степке ложиться спать. Спать было холодно: комната выходила в сени, а дверь то и дело открывалась — до утра к Кузьме приходили люди.

Сквозь сон Степка слышал их голоса. Утром, когда Степка проснулся, Кузьмы уже не было. Степка хотел сходить к Алешке, но его окликнула какая-то старуха.

— Иди чай пить, — сказала она.

Степка снова вошел в дом.

Когда мальчик допивал второй стакан, в сенях послышался шум и мужские голоса.

— Пришел, — сказала старуха и вздохнула.

Вместе с Кузьмой пришли еще какие-то двое: один — в железнодорожной фуражке, другой — маленький, очень широкоплечий. Они сели за стол.

— Пошли к директору? — спросил маленький и усмехнулся.

— Пошли, — сердито сказал Кузьма. — А какой в этом толк, если дело через директора пошло... Ты чай пил? — вдруг спросил Кузьма у Степки.

— Пил.

— Ругается твоя мать, верно?

— Ну и пусть.

— Такой уж ты храбрый, — сказал Кузьма. — Я ее сам боялся. Как посмотрит, страшно...

Потом он сказал маленькому человеку:

— Вот послать. А, Мостовой?

— Чего ж, можно, раз он матери не боится.

— Пойдешь в драгунскую казарму? — спросил Кузьма.

— Пойду, — сказал Степка.

— Ну, вот слушай, тебе Мостовой все расскажет.

— Чего же рассказывать? Ты вот так сделай. Возьми ведро и иди щепки собирать. Подойди к казарме, попроси дяденек, чтобы тебя пустили, — они дровами топят; а вот это добро и подкинешь там — во дворе, в сарае, в конюшне, где сможешь. Понял? — И он вынул из кармана пачку бумаг.

— Пойду, — сказал Степка.

— А чего рот открыл? Сомневаешься?

— Где же я ведро возьму?

— Ведро тебе дадим, это будь уверен.

— Ведро ведром, — сказал железнодорожник, — а как с паровозами быть? Машинисты ждут в депо.

Он, видно, обиделся, что Кузьма так долго разговаривает со Степкой.

Вскоре, громыхая ведром, Степка шел по улице в сторону казарм. Вот так же, гремя ведром, он шел за Марфой по улицам рабочего поселка.

Возле каждого дома стояли люди. Они громко разговаривали, перекликались через улицу.

Степка пошел мимо отвалов породы; они тянулись черной длинной стеной, замыкая поселок.

Он подошел к последнему домику. Резкий, холодный ветер дул из степи. Прямо перед ним на пустыре стояли длинные приземистые казармы. Кругом было пусто и тихо. Степка пошел по дороге, то и дело оглядываясь назад, в сторону поселка. Лицо

его горело от ветра, слезы щекотали уголки глаз, дрожь проходила по телу.

Степка подошел к казармам. У ворот, возле будки с окошечком, стоял солдат в длинной шинели с винтовкой и шашкой. Голова его была обмотана башлыком, и он походил на торговку, у которой Степка покупал хлеб. И так же, как у торговки, на носу у него блестела веселая прозрачная капля. А сабля в черных ножнах с медными нашлепками была такая же, как у деда на динамитном складе.

По дороге Степка все представлял себе, как драгуны, завидя его, закричат: «Бей его! Коли! Стреляй!»

Но часовой спокойно смотрел на мальчика, не замахивался и не орал. Он переступил с ноги на ногу и спросил сиплым, простуженным голосом:

— Тебе чего, мальчик?

— Дяденька, — сказал Степка, — можно у вас щепок набрать?

— Пройди к сараю, кругом обойдешь, — сказал часовой.

Степка прошел мимо конюшни; оттуда сладко пахло теплом. Заглянул в полуоткрытые ворота — все стойла были пусты. Потом, поднявшись на цыпочки, он посмотрел в окно казармы. Десятки кроватей, покрытых одеялами, стояли ровными рядами. Должно быть, казарму жарко натопили — на стеклах не было ледяных узоров. В казарме тоже было пусто; только возле печки сидел на корточках солдат и, растопырив пальцы, протягивал руки к огню. На стене против окна висел большой царский портрет в черной раме. Степка разглядывал румяные щеки, синие глаза, русую бородку и пунцовые губы царя. Вдруг мальчику показалось, что царь смотрит прямо на него; вот-вот он откроет рот и гаркнет: «Эй, хватайте его!»

Степка быстро пригнул голову и побежал к дровяному сараю. Он набрал ведро колючих легких щепок, потом, вдруг задохнувшись от волнения, вытащил из-за пазухи пачку бумаг и сунул на низенькую полку, где лежали топоры. Остальные бумаги он раскидал возле конюшни и, согнувшись, чтобы царь не увидел его из окна, побежал вдоль казармы. Он побежал мимо второй конюшни. Оттуда раздавалось ржание лошадей и сердитый мужской голос:

— Прымысь, тоби кажуть, прымысь!

Он бежал в сторону города, боясь оглянуться. Ветер свистел в ушах, а Степке казалось, что это улюлюкают драгуны. Чем быстрей он бежал, тем больший страх охватывал его. Казалось, вот-вот чья-то рука схватит его за воротник. Задыхаясь, с вытаращенными глазами, он подбежал к первому домику и оглянулся. Все было пусто и тихо. Тогда, полный веселья и гордости, гремя ведром и приплясывая от холода, он пошел в горрд.

Не успел Степка подойти к дому Кузьмы, как со стороны завода послышались крики, свист, раздалось несколько выстрелов.

— Драгуны! — закричал шедший впереди человек и, взмахнув руками, бросился к калитке.

Во всю ширь улицы мчались, размахивая саблями, конники. Степка юркнул во двор. Вслед за ним вбежали двое рабочих и, запыхавшись, остановились у забора.

— Чего там, в конторе? — спросил один.

— Кузнецова взять хотели, директор войска вызвал, — сказал второй.

— Отбил народ... Кто чем... пиками... гайками... леворверами. Не знаю, живой ли остался, рубанули его сильно...

В это время показались первые всадники. Офицер в круглой шапочке скакал на рыжей лошади. Громадные вороные кони тяжело и шумно ступали, разбрасывая комья снега, пар вырывался у них из ноздрей.

Степка, припав к забору, смотрел на мчавшихся драгун. Быстрые движения лошадей и всадников слились в один громадный поток. И вдруг все исчезло. Улица стала пустой и неподвижной.

— Видел? — спросил стоявший рядом со Степкой рабочий.

— Видел, — ответил второй и, покачав головой, сплюнул.

Степка вошел в дом. Старуха, возившаяся у плиты, сказала шопотом:

— Ушел он на станцию, — и кивнула на дверь.

Степка заметил, что старуха никогда не называла Кузьму по имени.

Степка разделся и подошел к плите. Ему сразу вспомнилась прошлогодняя торговля семечками — пальцы рук и ног совсем задеревенели.

— Ты ему как — брат или племянник? — сказала старуха. — Народ за ним прибежал, кричат, торопят, а он — нет, свернул цыгарку, а потом стал на кухне. «Ивановна, говорит, мальчишка придет, ты его обедом накорми».

После обеда, когда уже начало темнеть, пришел Алешка и позвал Степку на станцию встречать дружинников. Во дворе их ждал

соседский мальчик; на ногах его были коньки.

— Настоящие, — сказал Алешка, гордясь своим новым приятелем.

До самой станции этот мальчик шел сзади и спотыкался — дорога была разбита подковами драгунских лошадей. Степка и Алешка то и дело завистливо оглядывались на него. На станции было много народу, и мальчики потеряли друг друга.

Люди стояли на путях и смотрели в степь. Степка тоже поглядел туда. Блестели рельсы, освещенные станционными фонарями, дальше высились темные ряды вагонов, за ними поднималось здание водокачки, а потом все сливалось в синем полумраке необъятной, покрытой снегом земли.

— Идет, идет! — крикнул кто-то.

— Где?

— Верно, идет!

Волнение охватило стоявших. Все зашумели.

— С путей, с путей сходите! — закричал железнодорожник, пробегая по перрону.

Где-то очень далеко показались неясные желтые пятна паровозных фонарей. Вдруг сделалось так тихо, что можно было слышать нарастающий шум приближавшегося поезда.

Вставай, поднимайся, рабочий народ!.. —

затянул человек, стоявший рядом со Степкой, и запнулся. Но тотчас второй поддержал:

Вставай на борьбу, люд голодный!..

И песню сразу подхватили многие десятки голосов.

Никогда Степка не слыхал такого дружного пения. Пели рабочие, шахтеры, железнодорожники, пели старики и женщины. Казалось, пел весь огромный рабочий народ — здесь, на платформе, и там, в широкой темной степи.

А желтые глаза блестели уже совсем близко. Было видно, как светящийся дым, клубясь, рвался из трубы. Через несколько секунд, обдав стоявших своим теплом и запахом, паровоз прошел по рельсам.

Степка успел заметить красный флаг, бившийся над широкой грудью паровоза; лысый механик кричал что-то и размахивал картузом.

И мальчик сам сорвал картуз и заорал пронзительным голосом. А вокруг него люди размахивали шапками, кричали и пели.

Из вагонов начали выскакивать дружинники — усатые, бородатые, бритые, в картузах и ушанках, в полушубках и пальто, молодые и старые. В руках они держали солдатские винтовки, охотничьи ружья, железные пики...

Вдруг Степка заметил Афанасия Кузьмича. Он стоял вытянувшись, прямой, как столб, держа в обеих руках свою шапку. Седые волосы его блестели, освещенные светом большого фонаря, а из глаз по темным щекам лились слезы.

— Дедушка, Афанасий Кузьмич, зачем вы?.. — спросил Степка.

Старик продолжал плакать и бормотать:

— Все... все как один... Поднялись всем народом.

И не успели приехавшие дружинники выйти из вагонов, несколько голосов закричало:

— Идет, идет!.. Второй подходит!..

В этот вечер в Горловку прибыло восемь боевых дружин.

Ночью Степка не страдал от холода. В маленькой комнате Кузьмы ночевали двадцать человек. Степка спал, наслаждаясь теплом, зажатый между горячими телами лежавших на полу людей, положив голову на чье-то широкое, твердое плечо.

Сам Кузьма не ночевал дома, он всю ночь провел на станции.

Проснувшись утром, дружинники занялись своими делами.

— Эх, мало я взял табачку, — сказал один, щупая свой кисет.

Второй, наворачивая на ногу портянку, говорил соседу:

— Сказала мне баба — возьми валенки. Нет, не взял, а теперь вижу: надо бы взять, мерзнут ноги — и все.

— Какой же ты дружинник в валенках? Это один смех.

— А сам в валенках.

— Ладно уж. Хлеб у тебя, что ли?

— Слышь, мальчик, — сказал парень, жалевший о табаке, — тут кипяточком нельзя разжиться?

— Что ты, — сказал черноволосый человек, спавший ночью рядом со Степкой. — На такую ораву где ты кипятку напасешь? Это на станцию итти, там для нас баки греют.

Белоголовый парень с толстыми губами и опухшими узкими глазами сказал петушиным голосом:

— У меня простуда, мне дохтур не велел из дому выходить.

Все рассмеялись.

— А ты расскажи, что тебе доктор еще сказал? — сразу спросили два голоса.

Но белоголовый парень не успел ответить. Дверь распахнулась, и в комнату вошли Кузьма и высокий человек в новом желтом полушубке.

— Товарищи, — сказал человек в полушубке, — штаб вынес решение наступать на казармы, чтобы выбить из Горловки войско.

На мгновенье в комнате сделалось тихо.

— Ну что ж, затем и приехали, — сказал черноволосый, и все зашумели, начали одеваться.

— А Звонков здесь? — спросил Степка у Кузьмы.

— Нету. Гришенские приехали, а юзовским казаки путь разобрали.

Кузьма взял Степку за плечо и сказал:

— Где отвалы — знаешь? Проводишь?

Кузьма пожал руку человеку в желтом полушубке и сказал:

— Что ж, шагайте!

Он улыбнулся Степке и добавил:

— Мальчишку обратно прогоните!

Лицо Кузьмы было совсем серое, худое, щеки покрыты черной щетиной. Веселый парень спросил:

— Это он и есть Каченка?

— Он, — кивнул полушубок.

— Скажи ты, — сказал веселый.

Они шли вниз по улице. Степка шагал рядом с начальником отряда. Дети и женщины глядели на них, и Степка лишь об одном жалел: не было у него ружья или пики — ведь люди могли думать, что это не дружинник шагает, а просто так, привязался любопытный мальчишка.

Начальник отряда огляделся и сказал:

— Вот в этот двор свернем.

— Да нет, дальше нужно, — сказал Степка.

Но дружинники не послушали его, а пошли вслед за начальником.

Они прошли через двор и вышли на пустырь. Прямо перед ними высились отвалы породы.

Степка видел, как большой отряд входил на шахтный двор; люди быстро бежали к надшахтному зданию, держа в руках ружья. Дружинники молча начали карабкаться по склону глеевой горы; куски породы, скрежеща, катились вниз.

— Порода вроде нашей, — негромко сказал молодой парень.

Чем выше они взбирались, тем сильней дул ветер. Степке вспомнилось, как он лез с Алешкой на глеевую гору Заводской шахты. Там на вершине стоял Кузьма и пьяным веселым голосом кричал песни.

Горловские отвалы были гораздо ниже юзовских, и дружина вскоре добралась к гребню. Рассыпавшись цепью, люди залегли между камней.

Степка лег на холодные камни и оглянулся.

Темное, суровое утро стояло над землей. Облака затянули небо. Плоская степь, покрытая грязным, серым снегом, сливалась вдали с небом, таким же серым и тяжелым, как земля. Во многих местах были видны черные плешины, обнажившиеся из-под снега. Там суетились люди с винтовками, из конюшен выводили лошадей.

— Смотри, не стрелять без приказа, — сказал человек в полушубке.

Так в молчании прошло несколько минут. Только порывистый ветер свистел в ушах. Ветер пробивался в штаны, под рубашку, обжигая тело. Степка начал дрожать, а сердце билось, как колокол: бам, бам. И от этих колокольных ударов стало шуметь в висках.

Желая спрятаться от ветра, Степка начал разрывать яму в камнях. Но разрыть смерзшийся сланец было очень трудно. Вдруг мальчик увидел небольшой кусок серебристо-серой породы с красивым, ярким отпечатком листа. Сперва он решил не трогать его, но потом, оглянувшись и убедившись в том, что никто не смотрит в его сторону, мальчик спрятал камень в карман. Камень так холодил ляжку, точно Степка сунул в карман кусок льда.

— Смотри, без приказа не стрелять, — снова сказал человек в полушубке.

— Чего же ждать, ноги отнимаются, — сердито сказал дружинник и добавил: — Вот дурак, не взял валенок.

— Гляди, гляди, чего делают, — радостно сказал белоголовый, указывая рукой на солдат, тащивших из сарая толстые поленья дров.

Чернявый отрывисто спросил:

— Может, флаг вывесим?

— Не надо пока, — сказал старший и вдруг, заметив Степку, крикнул:

— Мальчик, спускайся вниз!

В это время со стороны покосившихся заборов и маленьких домиков, стоявших под отвалами породы, послышалось негромкое хлопанье ружейных выстрелов.

— Ну, ребята, — закричал человек в полушубке, — пали!

Над самым ухом Степки что-то оглушительно треснуло, потом снова и снова. Сладкий дымок, сразу напомнивший шахту и запальщика, пополз по камням, на мгновение закрыл казарму. Сердце дрогнуло и остановилось, снова бешено забилось. Острое желание скатиться вниз охватило мальчика.

— Хладнокровней, хладнокровней целься, потом стреляй, — раздался голос командира.

Дружинники, вытягивая шеи, всматривались в казармы. Приложив ружья к плечу, прицеливаясь, стреляли, щелкали затворами и снова стреляли. Делали они это деловито, молча, точно исполняли свою работу.

Жалевший о валенках, щупавший кисет, чернявый — все были здесь. И чувство страха прошло так же внезапно, как и появилось.

Один только белоголовый охмелел. Шапка держалась у него на ухе; выстрелив, он ругался и грозил в сторону казармы кулаком.

Сверху хорошо было видно, как драгуны садились на коней, пехотинцы в серых шинелях, лежа за кучами дров, стреляли из винтовок. Звуков выстрелов с их стороны не было слышно, и Степке казалось, что дело у них идет плохо.

Чернявый, лежавший ближе всех к Степке, вынул из-за пазухи красный платок на маленькой палочке и отрывисто крикнул:

— Поставь его повыше там!

Степка на четвереньках полез к самой высокой точке отвала. Платок, раздуваемый ветром, хлопал его по лицу. Долго провозился Степка, пока ему удалось укрепить тонкую палочку между камней, — она все выскальзывала и ложилась набок.

Потом он встал и оглянулся. Дружины плотным полукольцом охватили казармы. Выстрелы раздавались с эстакад и надшахтного здания, с отвалов и со стороны Садовой улицы. Вдруг послышались далекие крики, и Степка увидел, что к казармам отовсюду бегут дружинники с ружьями, пиками и револьверами.

Драгуны, не спеша, длинной, красиво вьющейся лентой уходили в степь; пехота, рассыпавшись, отступала вслед за ними. Солдаты то и дело останавливались и стреляли с колена по наступающим дружинам.

— А-а-а! — перекатывалось со стороны надшахтного здания и эстакад.

— А-а-а-а! — совсем слабо доносилось из-за серых полуповаленных заборов.

— Ррр-р-ра-а! — заорали отвалы, и Степка увидел, как дружинники, перевалив через гребень, покатились вниз.

И чувство силы, то радостное и гордое чувство, испытанное им, когда он дрался с Пашкой, когда, работая в мастерской, он свернул колено жестяной трубы и когда смотрел на суровое, спокойное лицо запальщика Звонкова, охватило его с новой, неведомой глубиной.

— У-ю-й-й, — прожужжала над его головой муха.

— У-ю-й-й, — пропела так близко от него, что он невольно отмахнулся руками.

Камень возле ноги мальчика щелкнул, и легкий дымок пыли, подхваченный ветром, растаял в воздухе.

Нога вдруг начала гореть, точно ее ошпарило кипятком. Не понимая, что происходит, Степка присел и стал оглядываться. Что-то живое поползло в ботинок, штанина прилипла к икре, пальцы рук сделались мокрыми и клейкими. Потом он увидел, как дружинники разбивали прикладами стекла в казармах, а тяжелое, серое небо пошатнулось и грянуло вниз...

ВАРШАВЯНКА

Слова Г. М. Кржижановского

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли, братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?
В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песнью победной
Станут священны мильонам людей.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.
Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час.

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

РАБОЧАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

„Марсельеза“ — гимн французской революции. В конце XIX века „Марсельеза“ проникла в Россию и, переработанная, стала одной из любимых революционных песен русских рабочих

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем,
И пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем.

Припев:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Богачи-кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!

Припев.

Тебе отдых — одна лишь могила,
Весь свой век недоимку готовь!
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты —
Подавай же ему сыновей!
Ему нужны пиры и палаты —
Подавай ему крови своей!

Припев.

Не довольно ли вечного горя —
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых
И на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!

Припев.

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братской любви, —
Хоть купили мы страшной ценою,
Кровью нашею счастье земли.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда!

Припев:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

В. КАТАЕВ

БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ

Главы из книги

БОМБА

...В этот памятный день Гаврик пришел раньше обыкновенного, и мальчики тотчас отправились в город.

У Гаврика было серое, необычайно собранное, неподвижное лицо с пестрыми от холода, крепко сжатыми губами. Он быстро и валко шел, глубоко засунув руки в карманы своих широких бобриковых штанов, — маленький, сгорбившийся, решительный. Только в его прозрачных, как у дедушки, стоячих глазах мелькало иногда недоброе оживление. Петя еле поспевал за своим другом. Мальчики почти бежали по улице, безлюдной, как во сне.

Напряженное ожидание чего-то висело в сером воздухе. Шаги звонко раздавались по плиткам тротуара. Под каблуком иногда ломалось оконное стекло льда, затянувшего пустую лужу.

Вдруг где-то далеко, в центре, раздался легкий грохот. Можно было подумать, что везли на ломовике пирамиду пустых ящиков и внезапно они развязались и рухнули на мостовую.

Гаврик остановился, прислушиваясь к слабому шуму эха.

— Что это? — шопотом спросил Петя. — Ящики?

— Бомба, — сухо и уверенно сказал Гаврик. — Когось трахнули.

Через два квартала навстречу мальчикам из-за угла выбежала женщина с корзиной, из которой сыпались древесный уголь и айва.

— Ой, господи Иисусе Христе, ой, мать пресвятая богородица, — бессмысленно повторяла женщина, стараясь дрожащей рукой натянуть сбившийся с головы платок. — Ох, господи, что же это делается? На кусочки разорвало...

— Где?

— На Полицейской... Вот так я иду, а вот так он едет... И как рванет... На мелкие кусочки... Господи помилуй... Лошадей поубивало, экипаж на мелкие кусочки...

— Кого?

— Пристава... С Александровского участка... Вот так — я, а вот так — он... А тот боевик — напротив, и у него в руках, представьте себе, обыкновенный пакетик, даже завернутый в газету...

— Поймали?

— Боевика-то? Куда там! Как бросились все в разные стороны — его и след простыл... боевика-то... Говорят, какой-то переодетый матрос...

Женщина побежала дальше. Несмотря на всю свою суровую сдержанность, Гаврик схватил Петю за плечо и притопнул ногами.

— Это того самого, который деда бил кулаком по морде, — быстро, горячо зашептал он. — А пускай не дает волю своим рукам. Верно?

— Верно, — сказал Петя холодея.

В этот день мальчики два раза заходили на Малую Арнаутскую улицу, во двор с фонтаном и цаплей.

В первый раз, забрав «товар», как выразился Гаврик, они отправились на Александровский проспект, оцепленный войсками. Их без особого труда пропустили.

Пройдя несколько домов, Гаврик втащил Петю в какие-то ворота.

Мальчики прошли через большой безлюдный двор, мимо казачьей коновязи, по пустым обоймам и винтовочным гильзам, вбитым солдатскими подошвами в тугую, промерзшую землю.

Мальчики спустились в подвал и долго шли в сырой темноте мимо дровяных сараев, пока не вышли на другой двор. Из этого двора узкой щелью между двумя высокими и мрачными кирпичными стенами можно было пробраться еще в один двор.

Как видно, Гаврик хорошо знал здесь все ходы и выходы.

Щель была такая узкая, что Петя, пробираясь за Гавриком, то и дело царапал ранец о стены. Наконец они выбрались на этот третий двор, узкий, высокий и темный, как цистерна.

Судя по тому, как долго пришлось сюда пробираться и сколько сделали поворотов и зигзагов, дом этого двора выходил на какую-то другую улицу.

Весь двор был усеян битым стеклом и штукатуркой. Окна дома, окружавшего двор, были плотно закрыты ставнями. Казалось, что дом необитаем.

Гулкая тишина стояла вокруг.

Но за этой тишиной, по ту сторону дома, на незнакомой улице, не столько слышался, сколько угадывался тревожный шум какого-то движения.

Кроме того, сверху, будто с неба, изредка хлопали громкие выстрелы, наполняя двор колодезным шумом. Петя прижался ранцем к стене и, дрожа, зажмурился. Гаврик же, торопясь, вложил в рот два пальца и свистнул.

Где-то наверху стукнул ставень и раздался голос:

— Сейчас!

Через минуту, показавшуюся Пете часом, из двери черного хода выскочил красный, потный человек без пальто, в пиджаке, испачканном мелом.

Петя увидел и ахнул. Это был Терентий.

— Давай, давай, давай! — бормотал Терентий, обтирая рукавом мокрое лицо.

Не обращая внимания на самого Петю, он бросился к его ранцу.

— Давай скорее! Спасибо, в самый раз! А то у нас ни черта не осталось.

Он нетерпеливо расстегнул ремешки, сопя, переложил мешочки из ранца в карманы и бросился назад, успев крикнуть:

— Пущай Иосиф Карлович сей же час присылает еще. Тащите, что есть. А то не продержимся.

— Ладно, — сказал Гаврик, — принесем.

Тут под крышу ударила пуля, и на мальчиков посыпался розовый порошок кирпича.

Они поспешили той же дорогой назад, на Малую Арнаутскую, и взяли новую партию «товара». Ранец на этот раз был так тяжел, что Петя его еле тащил.

Теперь мальчик, конечно, прекрасно понимал уже, какие это ушки. В другое время он бросил бы все и убежал домой. Но в этот день он, охваченный до самого дна души азартом опасности, гораздо более могущественным, чем азарт игры, ни за что не согласился бы оставить товарища одного. К тому же он не мог отказаться от славы Гаврика. Одна мысль, что он будет лишен права рассказывать потом о своих похождениях, сразу заставила его пренебречь всеми опасностями.

Гаврик и Петя отправились обратно. Но как изменился за это время город! Теперь он кипел.

Улицы то наполнялись бегущим в разные стороны народом, то вдруг пустели мгновенно, подметенные железной метелкой залпа.

Мальчики подходили уже к заставе, как вдруг Гаврик схватил Петю за руку и быстро втащил в ближайшую подворотню.

— Стой!

— Что?

Не выпуская Петиной руки, Гаврик осторожно выглянул из ворот и тотчас отвалился назад, прижавшись спиной к стене под черной доской с фамилиями жильцов.

— Слышь, Петька... Дальше не пройдем... Там ходит тот самый чорт, который мне ухи крутил... Смотри...

Петя на цыпочках подошел к воротам и выглянул. Возле заставы, мимо вывернутых чугунных решеток сквера и винтовок, составленных в козлы, по мостовой прогуливался господин в драповом пальто и каракулевой шляпе пирожком. Он повернулся, и Петя увидел бритое грубое лицо с мясистым носом. Что-то было в этом незнакомом лице очень знакомое. Где-то Петя его уже видел. Но где? Что-то мешало мальчику вспомнить. Может быть, мешала синева над верхней губой? И вдруг он вспомнил. Конечно, это был тот самый усатый с парохода «Тургенев», но только бритый, без усов. Он тогда врезался в память на всю жизнь. Петя узнал бы его из тысячи даже бритым.

— Усатый, — прошептал Петя, становясь рядом с Гавриком, ранцем к стенке. — Который ловил матроса. Только теперь без усов. Помнишь, я тебе говорил, а ты еще смеялся.

— Ишь, побрился, чтоб не узнали... Шкура... Он меня знает, как облупленного, — сказал Гаврик с досадой. — Ни за что не пройдем.

— А может, пройдем?

— Смеешься?

Гаврик выглянул из ворот.

— Ходит...

Гаврик сжал кулачок и стал со злостью грызть костяшки пальцев.

— А они тама сидят и дожидаются... У, дракон!

В наступившей на минуту полной и глубокой тишине восстания слышались отдаленные выстрелы. Их шум перекатывался где-то по крышам города.

— Слышь, Петька, — сказал вдруг Гаврик, — понимаешь, они тама сидят и даром дожидаются... без товара... Их тама всех перестреляют, очень просто... А я не могу итти, потому что этот чорт непременно за мной прилипнет!

Злые слезы закипели на глазах Гаврика. Он сильно потянул носом, высморкался в землю и сердито посмотрел Пете в глаза.

— Чуешь, что я тебе говорю?

— Чую, — одними губами проговорил Петя, бледнея от этого сердитого, дружеского, настойчивого и вместе с тем умоляющего взгляда товарища.

— Сможешь пойтить один? Не сдрейфишь?

От волнения Петя не мог выговорить ни слова. Он крупно глотнул, кивнул головой. Воровато озираясь по сторонам и выглядывая из ворот, Гаврик стал набивать Петины карманы своими мешочками.

— Слышь, все отдашь, весь товар. И что в ранце, отдашь, и что в карманах. А если поймаешься, молчи и отвечай, что нашел на улице и ничего не знаешь. Понял?

— Понял.

— Как только отдашь, так беги сюда обратно, я тебя буду тута дожидаться, в воротах. Понял?

— Понял.

С неудобно раздутыми карманами Петя, почти ничего не сознавая от страха и волнения, подошел к заставе.

— Куда лезешь, не видишь, что ли? — закричал усатый, бросаясь к мальчику.

— Дяденька, — захныкал Петя привычным тоненьким голосом Гаврика, — пожалуйста, пропустите, мы живем тут недалеко, на Александровском проспекте, в большом сером доме, мама очень беспокоится, наверное, думает, что меня убили.

И совершенно натуральные слезы брызнули из его глаз, катясь по замурзанным пухлым щечкам. Усатый с отвращением посмотрел на маленькую фигурку приготовишки и взял Петю за ранец.

Он подвел мальчика к обочине мостовой и слегка поддал коленом.

— Жарь!

Не чувствуя под собою ног, Петя побежал к известному дому.

ШТАБ БОЕВИКОВ

Мальчик шмыгнул в ворота, стал пробираться через двор.

Проходя здесь час тому назад с Гавриком, Петя не испытывал особого беспокойства. Тогда он чувствовал себя под надежной защитой друга, ловкого и опытного. Избавленный от необходимости думать самому, он был всего лишь послушным спутником, лишенным собственной воли. За него думал и действовал другой, более сильный.

Теперь мальчик был совершенно один. Он мог рассчитывать только на самого себя и ни на кого больше.

И тотчас же, в отсутствие Гаврика, мир стал вокруг Пети грозным, громадным, полным скрытых опасностей.

Опасность пряталась в каменных арках внутренней галереи, среди зловещих ящиков и старой, поломанной мебели. Она неподвижно стояла посредине двора за шелковицей, ободранной зубами лошадей. Она выглядывала из черной дыры мусорного ящика.

Все вещи вокруг мальчика приобрели преувеличенные размеры. Громадные казачьи лошади теснились, напирая на Петю золотисто-атласными танцующими крупами. Чудовищные хвосты со свистом били по ранцу.

Чубатые казаки в синих шароварах с красными лампасами прыгали на одной ноге, вдев другую в стремя.

— Справа-а по три-и-и! — кричал осипший голос хорунжего.

Вырванная из ножен шашка зеркальной дугой повисла в воздухе над приплюснутыми набекрень фуражками донцов.

Петя спустился в подвал.

Он долго шел ощупью в душном, но холодном мраке, дыша пыльным воздухом сараев. Ужас охватывал мальчика всякий раз, когда его ресницы задевала паутина, казавшаяся крылом летучей мыши.

Наконец он выбрался на второй двор. Здесь было пусто.

Только сейчас, среди этой небывалой пустоты, в полной мере ощутил Петя свое страшное одиночество. Он готов был броситься назад, но тысячи верст и тысячи страхов отделяли его от улицы, от Гаврика.

В щели между вторым и третьим двором стояла такая немыслимая тишина, что хотелось изо всех сил кричать, не щадя горла. Кричать отчаянно, страстно, исступленно, лишь бы только не слышать этой тишины.

Такая тишина бывает лишь в промежутке между двумя выстрелами.

Теперь надо было сунуть в рот пальцы и свистнуть. Но вдруг Петя сообразил, что не умеет свистеть в два пальца. Плевать сквозь зубы давно научился, а свистеть — нет. Не сообразил. Забыл.

Мальчик неловко вложил в рот пальцы и дунул, но свиста не вышло. В отчаянии он дунул еще раз, изо всех сил. Ничего. Только слюни и шипение.

Тогда Петя собрал все свои душевные силы и, зажмурившись, крикнул:

— Э-э!

Голос прозвучал совсем слабо. Но гулкое эхо тотчас наполнило пустую цистерну двора.

Однако никто не откликнулся. Тишина стала еще страшней.

Вверху что-то оглушительно щелкнуло, и вниз полетело колено сбитой водосточной трубы, увлекая за собой куски кирпича, костыли, известку.

— Э-э! Э-э! Э-э! — закричал мальчик изо всей мочи.

Наверху приоткрылся ставень, и выглянуло незнакомое лицо.

— Чего кричишь? Принес? Беги сюда наверх! Живенько! — И лицо скрылось.

Петя в нерешительности оглянулся. Но он был совершенно один, и не с кем было посоветоваться. Вверху опять щелкнуло, и вниз полетел большой кусок штукатурки, разбившийся вдребезги у самых Петиных ног.

Съежившись, мальчик бросился в дверь черного хода. Путаясь в полах слишком длинной, сшитой «на рост» шинели, он стал взбираться по гремучей железной лестнице наверх.

— Давай, давай, давай! — кричал сверху сердитый голос

Тяжелый ранец больно колотил по спине. Раздутые карманы стесняли шаг. Сразу стало жарко. Фуражка внутри стала горячая и мокрая. Пот лился на брови, на глаза. Лицо пылало.

А раздраженный, умоляющий голос продолжал кричать сверху:

— Давай! Давай же, ну тебя к чорту!

Едва Петя, тяжело дыша и даже высунув от напряжения язык, добрался до площадки четвертого этажа, как его сразу схватил за плечи человек в хорошем, но грязном пальто с барашковым воротником, без шапки, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу.

Его франтоватые усики и бородка совершенно не соответствовали воспаленному простому, курносому лицу, осыпанному известкой.

Отчаянные, веселые и вместе с тем как бы испуганные глаза жарко блестели под побелевшими от извести колосистыми бровями. У него был вид человека, занятого какой-то очень трудной и, главное, очень спешной работой, от которой его оторвали.

Он ужасно торопился назад. Он схватил Петю сильными руками за плечи.

Мальчику показалось, что сейчас его будут трясти, как папа в минуту ярости. Петя даже присел от страха. Но человек ласково заглянул в глаза.

— Принес? — торопливым шопотом спросил он и, не дожидаясь ответа, втащил мальчика в пустую кухню какой-то квартиры, в глубине которой — Петя сразу это почувствовал — делалось что-то громадное и страшное, что обычно в квартире делаться не может.

Человек бегло осмотрел Петю и сразу же, не говоря ни слова, полез в его оттопыренные карманы. Он торопливо стал вытаскивать из них грузные мешочки. Петя стоял перед ним, расставив руки.

Что-то было в этом незнакомом человеке с усиками и бородкой очень знакомое. Несомненно, где-то Петя его уже видел. Но где и когда?

Мальчик изо всех сил напрягал память, но никак не мог вспомнить. Что-то ему мешало, сбивало с толку. Может быть, усики и бородка?

Между тем человек проворно вытащил из карманов мальчика все четыре мешочка.

— Все? — спросил он.

— Нет, еще есть в ранце.

— Молодец мальчик! — закричал человек. — Ай, спасибо! А еще гимназист!

Он в знак восторга крепко взялся за козырек Петиной фуражки и глубоко насунул ее мальчику по самые уши.

И тут Петя увидел возле самого носа закопченную, тухло пахнущую порохом коренастую руку с маленьким голубым якорем.

— Матрос! — воскликнул Петя.

Но в этот же миг в глубине квартиры что-то рухнуло. Рванулся воздух. С полки упала кастрюля. Матрос мягким кошачьим движением бросился в коридор, успев крикнуть:

— Сиди тут!

Через минуту где-то совсем рядом раздалось подряд шесть отрывистых выстрелов. Петя поскорей сбросил ранец и стал его расстегивать дрожащими пальцами.

В это время из коридора в кухню, шатаясь, вошел Терентий. Он был без пиджака, в одной сорочке, с оторванным рукавом. Этим рукавом была перевязана его голова. Из-под перевязки по виску текла кровь. В правой руке он держал револьвер.

Увидев Петю, он хотел что-то сказать, но махнул рукой и сперва напился воды, опрокинув лицо под кран.

— Принес? — спросил он, задыхаясь, между двумя глотками воды, шумно бившей

Вооруженный отряд самообороны на Кавказе.

Нелегальное собрание матросов и рабочих Кронштадта. Лето 1906 года.

В. И. Ленин, И. В. Сталин и А. М. Горький на V съезде РСДРП. (С картины художника Серебряного.)

в его неправдоподобно белое лицо. — Где Гаврюшка? Живой?

— Живой.

Но, как видно, расспрашивать не было времени. Не вытирая с лица воду, Терентий тотчас стал доставать из ранца мешочки.

— Все равно не удержимся, — бормотал он, еле держась на ногах. — Будем по крышам уходить... Они тама орудие ставят... А ты, мальчик, тикай, а то тебя здесь подстрелят... Тикай скорей. Спасибо, будь здоров.

Терентий присел на табурет, но тотчас встал и, обтирая револьвер о колено, побежал по коридору туда, откуда слышались беспрерывное хлопанье выстрелов и звон разбивающихся стекол.

Петя схватил легкий ранец и бросился к двери. Но любопытство все-таки заставило его на минуту задержаться и посмотреть в глубину коридора. В раскрытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную сломанной мебелью.

Посредине стены, оклеенной обоями с коричневыми букетами, Петя заметил зияющую дыру с обнажившейся решеткой дранки.

Несколько человек, припав к подоконникам высаженных окон, часто стреляли вниз из револьверов.

Петя увидел перевязанную голову Терентия и барашковый воротник матроса. Мелькали еще какая-то черная косматая бурка и студенческая фуражка.

И все это плыло и тонуло в синеватых волокнах дыма.

Матрос стоял на одном колене у подоконника, на котором лежала стальная тумбочка, и поминутно высовывал наружу дергающуюся от выстрела руку. Он кричал бешеным голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

И среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек — с желтым, равнодушным, восковым лицом и черной дыркой над закрытым глазом — был совершенно спокоен.

Он неудобно лежал поперек комнаты, лицом вверх, на полу, среди пустых обойм и пильз.

Разбитое пенсне, зацепившееся черным шнурком за его твердое и белое ухо, лежало рядом с головой на паркете, запудренном известкой. И тут же, на паркете, аккуратно стояла очень старая техническая фуражка с треснувшим козырьком.

Петя посмотрел на этого человека и вдруг понял, что это труп.

Мальчик бросился назад. Он не помнил, как выбрался и добежал до подворотни, где его ждал Гаврик.

— Ну как, отнес?

— Отнес...

Петя, захлебываясь, рассказал все, что видел в страшной квартире.

— Они все равно не удержатся. Будут уходить по крышам... — шептал Петя, тяжело дыша: — там против них пушку ставят...

Гаврик побледнел и перекрестился. Первый раз в жизни Петя видел своего друга таким испуганным.

Совсем недалеко, почти рядом, ударил орудийный выстрел. Железное эхо шарахнуло по крышам.

— Пропало! — закричал Гаврик в отчаянии. — Тикай!

Мальчики выскочили на улицу и побежали по городу, в третий раз изменившемуся за это утро.

Теперь в нем безраздельно хозяйничали казаки. Всюду слышалось льющееся цоканье копыт.

Чубатые сотни донцов, спрятанные во дворах, стремительно выскакивали из ворот, лупя направо и налево нагайками.

От них некуда было спрятаться: все парадные и ворота были наглухо заперты и охранялись нарядами войск и полиции. Каждый переулок представлял собою ловушку.

Остатки рассеянных демонстраций бежали врассыпную, куда глаза глядят, без всякой надежды на спасение. Казаки настигали их и рубили поодиночке.

На Малой Арнаутской мимо мальчиков посередине мостовой пробежал кривоногий человек, без пальто и шапки. Он держал подмышкой палку с красным флагом. Это был хозяин тира. Он бежал, прихрамывая и виляя, бросаясь то туда, то сюда.

Может быть, в другое время это могло бы вызвать в мальчиках удивление, но сейчас это вызывало только ужас.

Через каждые десять шагов Иосиф Карлович поворачивал назад страшно бледное, истерзанное лицо с безумными глазами. За ним дробной рысью мчались два донца.

Звонко выворачивались подковы, высекая из гранитной мостовой искры, бледные при дневном свете.

Через минуту Иосиф Карлович оказался уже между лошадьми. Он пропустил их, увернулся и, бросившись в сторону, схватился за ручку парадного.

Дверь была заперта. Он рвал ее с отчаянием, он бил в нее изо всех сил ногами, ломился плечом. Дверь не поддавалась. Казаки повернули лошадей и въехали на тротуар.

Иосиф Карлович сгорбился, наклонил голову и обеими руками прижал к груди флаг. Блеснула шашка. Спина покачнулась. Пиджак лопнул наискось. Хозяин тира дернулся и повернулся.

На один миг мелькнуло его искаженное болью лицо с косо подрубленными бачками.

— Негодяи! Сатрапы! Палачи! — страстно закричал он на всю улицу. — Долой самодержавие!

Но в тот же миг — резко и одновременно — блеснули две шашки. Он упал, продолжая прижимать знамя к раскрытой волосатой груди с синей татуировкой.

Один из донцов наклонился над ним и что-то сделал.

Через минуту оба казака мчались дальше, волоча за собой на веревке тело человека, оставлявшее на мертвенно серой мостовой длинный, красный, удивительно яркий след.

Из переулка хлынула толпа и разъединила мальчиков.

Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падает духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе.

В. И. ЛЕНИН

VI

ОТСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Декабрьское вооруженное восстание было высшей точкой развития революции. После поражения восстания революционная волна, поднявшаяся до предела, отхлынула и царское правительство перешло в наступление на революцию.

К началу 1906 года десятки губерний и областей России были объявлены на военном положении, на положении «чрезвычайной» и «усиленной» охраны. На подавление революции было брошено 1 000 эскадронов кавалерии, 800 батальонов пехоты, 25 артиллерийских батарей.

В Прибалтику, Польшу, Закавказье и Сибирь двинулись специальные карательные отряды. В ряде городов при полном содействии полиции бесчинствовали черносотенцы.

Карательные отряды Алиханова-Аварского заливали кровью Грузию. Они сожгли города Озургеты, Самтреди и многие села. Крестьяне массами бежали в горы. Карателя рыскали повсюду, сгоняли на сходы оставшихся, ставили людей на колени и, под угрозой смерти, требовали выдать вожаков движения, сдать все оружие, уплатить налоги. В прокламации, написанной И. В. Сталиным, Тифлисский комитет РСДРП гневно клеймил царизм за расправу с населением.

«Ни одно варварское правительство древнейших времён не поступало так с завоёванным у неприятеля городом, — говорилось в прокламации. — Потоками льётся кровь. Отовсюду слышны проклятья, плач и стон убиваемых. Тюрьмы переполнились. Сотня-

ми и тысячами увольняются с работы люди и обрекаются в жертву голода».

В Прибалтике в разгроме революции принимали участие местные помещики — немецкие бароны. Рабочих, крестьян и батраков расстреливали, вешали, запарывали до смерти. Повешенных оставляли на виселицах по нескольку дней, не разрешая населению убирать трупы. На запрос лифляндского губернатора, не превышает ли он своих полномочий, великий князь Николай Николаевич ответил кратко: «Валяй вовсю и знай, что за строгость излишнюю тебя не осудят свыше, а скорее за недостаток ее».

Удивительно ли, что в борьбе с народом царские палачи и холопы чувствовали себя безнаказанными!

Со средины декабря 1905 года по 1 июня 1906 года только в части Прибалтийского края, населенной латышами, карательные отряды, по неполным данным, расстреляли, повесили и замучили без суда и следствия 1 170 крестьян. Количество избитых нагайками и розгами в несколько раз превысило число убитых. Более 300 крестьянских усадеб было сожжено со всем имуществом.

И все же сломить сопротивление латышского народа карателям удалось не скоро. В течение 1906 года в городах Прибалтики действовали рабочие боевые дружины. Из деревень революционеры ушли в леса и составили дружины «лесных братьев». В местечке Руиен отрядом народной милиции руководил рижский рабочий, социал-демократ Кришьян Боч. Его отряд проявил такую энергию и находчивость в борьбе с карателями, что когда Боча схватили, многие сановники специально приезжали в тюрьму, чтобы взглянуть на этого «крестьянского генерала».

В Сибири «водворили законный порядок», как уже упоминалось, карательные экспедиции Меллер-Закомельского и Ренненкампфа.

1 января 1906 года Меллер двинулся со своим отрядом из Москвы сначала на Самару, чтобы «прочесать» Самаро-Златоустовскую железную дорогу, а затем далее на восток — до Иркутска. Каратели никому не давали пощады. Они били и расстреливали рабочих, железнодорожников, революционно настроенных солдат, возвращавшихся с Дальнего Востока. В Пензе какой-то солдат не отдал чести офицеру карательного отряда, — офицер тут же пристрелил его. Около Уфы каратели ворвались в поезд, наполненный пассажирами и возвращавшимися на родину солдатами, и с криком: «Мы вам покажем, как бунтовать!» — принялись избивать безоружных людей.

На станции Еланской несколько сот рабочих с женами и детьми собрались в депо на сходку. Каратели, прибыв на станцию, сейчас же бросились в депо и открыли огонь. По приблизительным подсчетам, было убито 50, тяжело ранено 70, арестовано около 150 человек.

На станции Слюдянка каратели до полусмерти избили телеграфистов, в том числе 18-летнюю девушку.

От Челябинска до Иркутска шли повальные обыски и аресты. Все районы, прилегающие к железной дороге по линии Курган — Маньчжурия, были объявлены на военном положении.

9 января из Харбина на запад направились два поезда с карательными отрядами Ренненкампфа. Ренненкампф объявил по линии, что за «бунт против верховной власти и государственную измену» (то-есть за участие в революции) будет каждого карать смертной казнью.

На пограничной станции Маньчжурия каратели расстреляли солдата железнодорожного батальона С. Карякина и видного партийного работника А. Попова (Коновалова). Народный учитель по профессии, Попов был разъездным агитатором Читинского комитета РСДРП. Уже привязанный к столбу, перед расстрелом, он крикнул палачам: «Стреляйте, но знайте, что дни царского произвола сочтены, победа будет на нашей стороне, на стороне рабочего класса!»

На станции Мысовой каратели схватили одного из соратников Ленина, стойкого большевика В. К. Курнатовского. Он был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии 20-летней каторгой [1].

После разгрома Читинского восстания Меллер и Ренненкампф начали расправу с участниками революционного движения в Забайкалье. К началу февраля на Забайкальской железной дороге было арестовано более 1 500 человек. 11 февраля в Верхнеудинске повесили 5 участников железнодорожной забастовки. 1 марта военно-полевой суд в Чите осудил на смерть 9 железнодорожников, 14 марта — 13 участников почтово-телеграфной забастовки. Но, несмотря на

[1] В мае 1906 года В. К. Курнатовскому удалось бежать из Нерчинской каторжной тюрьмы. Он скрылся за границу и в 1912 году умер в Париже.

карательные экспедиции, большевики Сибири и Забайкалья продолжали свою самоотверженную работу. Нелегальная газета «Забайкальский рабочий» писала о том, что кровавое подавление декабрьского восстания рабочего класса является лишь временной победой царизма, что возврата к прошлому быть не может. Когда расстрелянных в Чите похоронили, то через несколько дней на их могилах появился красный флаг, а еще позже там были выложены из камня слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Страну потрясали сообщения о смертных приговорах по делу о восстании на «Потемкине», по делу о Севастопольском восстании, по делу о волнениях в Бобруйске. По неполным данным, в январе 1906 года было казнено около 400 человек.

Массовым террором царизм стремился истребить революционный авангард рабочего класса и запугать народ. В наступление на рабочий класс широким фронтом перешли и капиталисты. Они грозили безработицей, голодом, закрытием фабрик и заводов. «Неблагонадежные» рабочие выбрасывались на улицу, на них составлялись «черные списки».

Сильно пострадали от локаута рабочие Путиловского завода, этого застрельщика революции. В январе 1906 года администрация с помощью черносотенцев приступила к «очищению» завода от революционных элементов. Все, замеченные в революционной деятельности, заносились в «черный список», а на их личных карточках делалась пометка: «Приему не подлежит».

В Москве больше всего пострадали текстильщики Трехгорной мануфактуры, являвшейся цитаделью вооруженного восстания: здесь было уволено 800 рабочих. В Одессе были закрыты главные железнодорожные мастерские и уволено 1 500 рабочих; в Екатеринославе также были закрыты железнодорожные мастерские и уволены все рабочие. Тысячи рабочих вынуждены были уйти с Харьковско-Севастопольской и Владикавказской железных дорог. Закавказская железная дорога была объявлена на военном положении, почти 800 ее служащих арестованы.

Однако все это не могло запугать пролетариат. Первым поднявшийся на борьбу, рабочий класс отступал последним, отступал с боями, уверенный в новом подъеме революции. Массовые стачки продолжались, борьба принимала самые разнообразные формы, в движение втягивались новые слои рабочих, самые глубокие слои пролетариата.

В крупных городах страны забастовками была отмечена годовщина «кровавого воскресенья» — 9 января 1906 года. Две недели спустя забастовало 35 тысяч текстильщиков Шуйского района. 6 марта бастовало 2 тысячи рабочих Лодзи. 24 марта началась стачка портовых рабочих Одессы. 15 апреля на Богородско-Глуховскую мануфактуру для подавления стачки был вызван батальон пехоты. 16 апреля в Архангельске произошли уличная демонстрация и столкновения с войсками и полицией. В тот же день закончился стычкой с полицией многочисленный митинг рабочих Тулы, уволенных с заводов.

Широко отметил пролетариат день 1 мая 1906 года. Хотя в Муроме, Казани, Симбирске, Вологде и других городах полиция вместе с черносотенцами нападала на рабочих, все же заводы и фабрики не работали, были организованы митинги, где выступали социал-демократы.

11 мая в Одесском порту началась упорная стачка, продолжавшаяся 42 дня. 30 мая начались волнения на рудниках Александро-Грушевска. 24 июня состоялся многотысячный митинг горнорабочих в Юзовке. На следующий день в Москве забастовали 7 тысяч рабочих Трехгорной мануфактуры, выставив экономические требования.

Стачки 1906 года показали, что передовые слои рабочего класса стремятся снова вступить в борьбу, приостановить начавшееся отступление. Стачки стали упорнее, обе стороны реже шли на соглашения, но большинство стачек 1906 года рабочие выиграли. В течение 1906 года значительно выросли профессиональные рабочие союзы: к началу 1907 года их насчитывалось 652. Они объединяли 245 тысяч человек. Несмотря на жестокие преследования царского правительства, организованность рабочего класса неуклонно возрастала.

В 1906 году стало гораздо больше стачечников в непромышленных губерниях: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Черноморской, Симбирской, Курской, Оренбургской. Волна движения дошла сюда с некоторым опозданием, но достигла большой высоты.

В стачках 1906 года по всей стране участвовало свыше одного миллиона рабочих. В 1907 году — 740 тысяч. Уровень стачечного движения 1906—1907 годов в России

оказался выше, чем за 10 лет до революции, и выше уровня стачечного движения в странах Западной Европы за тот же период.

В 1906 году приняло особенно широкий размах крестьянское движение. Понимая, что с весны нужно ждать вспышки волнений в деревне, правительство в апреле 1906 года опубликовало закон, направленный против аграрных волнений и стачек сельскохозяйственных рабочих. Тем не менее уже в апреле аграрное движение стало расти, а в июне забушевало по всей стране.

Формы крестьянского движения в 1906 году оставались в общем те же, что и раньше: захват помещичьего хлеба, самовольная запашка помещичьих полей, косьба лугов, рубка помещичьего и казенного леса, разгром барских усадеб.

В мае 1906 года крестьяне Зарайского уезда Рязанской губернии забрали хлеб в имении помещика Похвистнева. Крестьяне села Дубровичей Рязанского уезда, толпой человек в триста, с красным флагом, прошли на заливные луга различных владельцев на берегу Оки, разломали изгороди, разогнали сторожей и пустили на луга крестьянский скот.

Летом того же года помещики Подольского уезда Московской губернии телеграфировали губернатору: «Кругом нас устраиваются митинги, на которых, по слухам, решено разгромить наши имения. Настроение крестьян вызывающее. Просим защиты».

Из Мосальского уезда Калужской губернии сообщали, что крестьяне села Милятина разобрали изгородь между своими землями и владениями княгини Юсуповой. Когда прибыл пристав с урядниками и десятскими, крестьяне оказали им сопротивление.

Помещики Рузского уезда Московской губернии телеграфировали о том, что в их имении Санники крестьяне бьют стекла, рубят лес, грозят поджогом.

Но «красного петуха» (поджог) крестьяне в 1906 году пускали реже, чем это было в начале революции. Теперь крестьяне позаимствовали у рабочих их оружие — стачку. В июле 1906 года, например, крестьяне многих деревень Кульпинской волости Волоколамского уезда составили приговор о том, что не желают выходить на поля князя Мещерского ни на какие работы, а если их станут за это судить, то они обязуются стоять друг за друга круговой порукой.

На сходе села Подхоженского Веневского уезда Тульской губернии крестьяне вынесли приговор о притеснениях со стороны помещика С. Р. Шереметева и постановили: на работу к нему не ходить ни за какую плату, а тем из сельского общества, кто живет в экономии, сейчас же с работы уйти под угрозой штрафа в пользу общества.

Так же было во многих районах Украины, где крестьянские волнения почти не прекращались. Бастовали все дружно — рабочие на сахарных, винокуренных и других заводах, батраки в имениях, беднота — во всех селах округи. Пришлых рабочих и батраков не допускали к работе, советуя им отправляться к себе домой и там разделываться со своими помещиками.

Во многих местах крестьяне специальными приговорами сельских сходов устанавливали цены на труд, решали, кому итти в батраки в соседние имения, чтобы заработать кусок хлеба. Некоторые помещики соглашались выполнить крестьянские требования, но большинство вызывало стражников, прокурора, полицию, войска.

В ряде районов крестьяне косили помещичьи луга и делили между собой сено, а платить за него соглашались только при условии, что плату определит Государственная дума. Очень многие отказывались платить аренду за казенные и частновладельческие земли, пока Государственная дума не решит вопроса о земле. Отказывались также платить подати.

Были случаи, когда стражников исключали из сельских обществ, приговаривая на сходах к ссылке, как «народных изменников». И стражники, боясь крестьянского гнева, бросали службу, несмотря на угрозы начальства.

В тех областях страны, где частных землевладельцев было мало, крестьянское движение направлялось против казны и «кабинета его величества». Так было, например, на Алтае (Барнаульский, Бийский и Змеиногорский уезды), где громадные земельные массивы принадлежали крупнейшему помещику России — царю. Они назывались «кабинетскими» землями. На Алтае, в районах, богатых лесом, лесные наделы для крестьян отводились за десятки верст от селений, в таких местах, откуда вывезти лес было трудно. Лучший и удобный для вывозки лес — по берегам рек, вблизи трактов — принадлежал царской фамилии. Для крестьян были установлены многочисленные лесоохранные правила, ограничивавшие пользование лесом. Лесная администрация занималась спекуляциями и взяточниче-

ством. Поэтому алтайские крестьяне боролись главным образом за лес.

Управляющий «кабинетскими» землями доносил весной 1906 года начальнику Алтайского округа, что крестьяне, начитавшись «бийских листовок» (листовки Бийского комитета РСДРП), рассудили ни копейки арендных денег более не платить и лесом пользоваться бесплатно, кому где вздумается.

Эта ссылка на влияние социал-демократии в деревне характерна для 1906 года. Если в начале революции социал-демократическая агитация в деревне встречалась недоверчиво, иногда даже враждебно, то скоро крестьяне начали понимать, что лозунги социал-демократии отвечают их интересам.

По призыву социал-демократов крестьяне в 1906 году отказывались платить подати и поставлять правительству рекрутов. Так было, например, во Владимирской губернии, где десятки селений, составив соответствующие приговоры, не допускали старост к описи своего имущества. Так было в нескольких волостях Московской губернии, где крестьяне прекратили всякие платежи, не делали раскладки. Очень живо рассказал об этих фактах один из крестьян в письме к брату-солдату:

«...Вот мы и написали такой приговор: не платить оброка и не давать рекрутов... Да, брат, царю-то вы, солдаты, служите, когда посылают вас стрелять в нас да деревни разорять и жечь, и отечеству вы тоже послужили, — и это верно, когда вас вели на убой. Только с японцами-то куда трудней, должно быть, было воевать, чем с мужиком да с фабричным. Оттуда вот и без рук и без ног уходили, а кто и без головы остался. Там, говорят, ваши командиры за камни прятались, как Павлуха рассказывал... А дома-то как коршуны на народ-то наскакивают, какой-нибудь мальчишка-офицер кричит: «Выдавайте всех смутьянов, а то, — говорит, — всех перестреляю! Кто, — говорит, — старшину смел ссадить? Кто, — говорит, — приговоры такие писал?» А мы все молчим, уж что будет. Так вот он всем казакам велел в круг войти, да те как начали нас лупить нагайками, всех избили и уехали.

Так вот они-то, защитники-то веры и отечества, и мы воочию убедились, зачем вас набирает начальство в солдаты, и, несмотря ни на что, решили не давать ни рекрутов, ни платить оброков. Я слышал, что и почти везде постановили. И я тебе, брат, советую, в мужиков не только не стрелять, а иногда и заступиться за своего брата, которого, сам знаешь, всякий, кому не лень, обижает. Нет, уж лучше помереть от руки палача-начальника, нежели запачкать руки в родной крови!» [1]

Письмо это было перепечатано в виде листовки РСДРП и распространено в 10 тысячах экземпляров.

Ярким событием крестьянского движения явилась деятельность крестьянского комитета в селе Николаевский городок Саратовского уезда.

Осенью 1905 года в Николаевском городке, где социал-демократы вели работу еще с 1903 года, состоялось собрание крестьян окрестных селений (село было волостное) и учеников местного земледельческого училища. Собрание вынесло решение — присоединиться к революционному движению рабочих и избрало революционный Крестьянский Комитет. Комитет составил план действий «на случай всероссийского восстания».

В Николаевском городке и других селах шли митинги и демонстрации. Все дела решал Комитет; он потребовал — насилий и грабежей не чинить, а для захвата хлеба в помещичьих экономиях составлять приговоры. Комитет забрал в волостном правлении недоимочные и рекрутские книги, ключи и кассу, конфисковал оружие у пристава и лишнее оружие у частных лиц. В «казенке» (винной лавке) Комитет сменил продавца и конфисковал кассу. Торговля водкой, по постановлению схода, продолжалась, но под надзором вооруженной стражи. На почте также были взяты деньги, оружие и телефонный аппарат. Деньги были взяты и в земледельческом училище, кроме некоторой суммы, которую оставили заведующему на текущие расходы. Все отобранные деньги были вручены уполномоченным, отправленным в Саратов за оружием. Из учеников земледельческого училища Комитет организовал милицию для охраны порядка.

Затем началась конфискация хлеба в помещичьих экономиях. Предварительно Комитет решал, сколько хлеба оставлять на месте для нужд рабочих и прокорма скота, а также как распределять отобранный хлеб. Помещиков заранее предупреждали о том, что хлеб у них отберут. Кроме хлеба, отбирали только оружие, в чем выдавали расписки. Хлеб свозили в общественные магази-

[1] Это письмо впервые было опубликовано в подпольной большевистской газете «Казарма» 1906—1907 годов.

ны, где и распределяли по установленной норме.

Также организованно произошел захват частновладельческих земель. Ферме земледельческого училища Комитет оставил 200 десятин для учебных целей.

Правительство направило в Николаевский городок большой отряд войск с пулеметами и орудиями. Комитет сначала приготовился к борьбе — забаррикадировался в училище, мобилизовал свои боевые дружины и обратился в Саратовскую организацию РСДРП за инструкциями. Меньшевистский Саратовский комитет РСДРП был против вооруженной борьбы. Тогда Крестьянский Комитет распустил свои дружины. Большинство руководителей восстания от преследований скрылось.

Однако случаев такого организованного движения в деревне было еще немного. Значительная масса крестьян находилась под влиянием эсеров. Поэтому, несмотря на свой значительный размах, крестьянское движение 1906 года носило попрежнему стихийный характер. Сказывалось отсутствие прочного союза пролетариата с крестьянством, недостаточность пролетарского руководства крестьянским движением.

Стихийность крестьянского движения отражалась и на поведении солдат и матросов, принимавших участие в революции.

1906 год был отмечен целым рядом волнений и восстаний в частях армии и флота. Еще в начале января, когда в Сибири и Забайкалье свирепствовали карательные экспедиции, во Владивостоке взволновались матросы. 10 января они собрались вооруженными на массовый митинг, а затем двинулись демонстрацией к дому коменданта крепости. По дороге демонстранты были неожиданно обстреляны из пулеметов и рассеялись, потеряв много убитых и раненых.

На следующий день восстали артиллеристы Иннокентьевской батареи. Их поддержали сибирские флотские экипажи и солдаты 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Однако отсутствие должной организации, неслаженность в действиях снова обрекли восстание на поражение. Военные власти арестовали около 2 тысяч человек, организовали судебный процесс и казнили десятки участников событий.

В последующие месяцы в войсках произошло много отдельных мелких выступлений. В марте взбунтовались две роты Мингрельского полка в Тифлисе; в мае — Елецкий пехотный полк в Полтаве и пехотные части в Курске. Около двух недель солдаты Курского гарнизона волновались, собирались на митинги, выносили политические резолюции. Но движение было подавлено. В июне взбунтовался один из батальонов крепостной артиллерии в Севастополе, солдаты Волховского полка в Рязани и снова заволновались войска во Владивостоке. В середине июня взбунтовалась горная батарея во Владикавказе, а в Тамбове с 19 по 28 июня шло восстание кавалерийского полка. В июле последовали солдатские забастовки в крепостных гарнизонах по западной границе России.

Наиболее значительными были восстания летом 1906 года среди моряков Балтийского флота — в Свеаборге и Кронштадте.

Свеаборг представлял собой крепость, расположенную на островах у входа в гавань города Гельсингфорса. Подготовку вооруженного восстания в Гельсингфорсе вела Центральная группа военной организации РСДРП. Но в Свеаборге было много эсеров, которые не захотели заниматься тщательной подготовкой выступления, рассчитывая только на боевой порыв. Они распускали слухи, что когда свеаборжцы восстанут, их сейчас же поддержат кронштадтцы и моряки эскадры. Это была безответственная болтовня, но она привела к тому, что восстание началось раньше намеченного срока, без достаточной подготовки и согласования плана действий с моряками Кронштадта и судов Балтийского флота.

Поводом к восстанию послужил отказ минной роты выйти 15 июля на занятия. Минеры были обезоружены и арестованы. Тогда взволновались артиллеристы, и возбуждение стало быстро охватывать части крепостного гарнизона.

Петербургский комитет РСДРП, получив сведения о положении в Свеаборге и возможности вооруженного восстания, принял постановление о срочной посылке в Свеаборг делегатов. Текст постановления был написан В. И. Лениным 16 июля 1906 года. Он гласил:

«Исполнительная комиссия С.-Петербургского комитета РСДРП, ввиду полученных из г. Свеаборга экстренных сообщений о крайнем обострении положения в этом городе и о возможности немедленного взрыва, постановляет:

1) послать немедленно в Свеаборг делегацию...

2) поручить этой делегации принять все

меры для тщательного выяснения положения дел на месте;

3) поручить ей повлиять на местных членов партии, революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления, если только это возможно без крайних жертв со стороны населения в смысле ареста правительством уже намеченных лиц;

4) поручить той же делегации, в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организоваться самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь весь народ, лозунгами».

Как видно из этого документа, Ленин в тот момент был за отсрочку восстания, но пока делегаты из Петербурга успели прибыть в Гельсингфорс, восстание в Свеаборге уже началось.

К вечеру 17 июля восстало большинство гарнизона крепости — до 5 тысяч человек. Во главе восстания стояли офицеры А. Емельянов и Е. Коханский, представители военной организации РСДРП; центром восстания стал остров Михайловский, один из главных крепостных фортов. Попытка поднять восстание на Комендантском острове, где находилась цитадель и сосредоточивалось управление крепостью, и на полуострове Скатудене, связывавшем крепость с сушей (что имело бы большое значение в ходе восстания), не удалась. Флот, на который особенно рассчитывали восставшие, не поддержал их, за исключением одного только крейсера «Память Азова». Да и здесь под влиянием провокатора команда крейсера сразу раскололась: восставшие оказались в меньшинстве и к вечеру 20 июля восстание на крейсере «Память Азова» было уже подавлено.

На помощь свеаборжцам прибыл только небольшой отряд финской Красной гвардии, да рабочие Гельсингфорса объявили забастовку солидарности с восставшими.

19 июля правительственные войска и суда флота начали артиллерийский обстрел Свеаборга. Восставшие вынуждены были сдаться. Бежать удалось немногим. Арестованных было свыше тысячи человек; 28 руководителей восстания, в том числе Емельянов и Коханский, были расстреляны.

В ночь на 20 июля, когда восстание в Свеаборге уже трагически закончилось, выступили моряки Кронштадта. Теперь восставших матросов не поддержал входивший в состав гарнизона пехотный полк, а правительство успело захватить посланных из Петербурга представителей военной организации РСДРП, лишив восставших надежного руководства. Суда Балтийского флота не только не поддержали кронштадтцев, но крейсеры «Цесаревич» и «Богатырь» открыли огонь по восставшему форту «Константин».

20 июля, по указанию В. И. Ленина, большевики призвали петербургских рабочих к забастовке в поддержку Кронштадтского восстания. На следующий день забастовка началась. Но было уже поздно. Правительственные орудия громили Свеаборг и Кронштадт, а в Петербурге, в ночь на 21 июля, было арестовано 26 членов военной организации РСДРП. На некоторое время эта организация была, таким образом, обескровлена.

Снова последовали судебные процессы и смертные приговоры.

Родители осужденных свеаборжцев Емельянова и Коханского уговаривали своих сыновей обратиться к царю с просьбой, чтобы им заменили смертную казнь каторгой. Но оба приговоренных отказались от такого унижения. Утром 29 июля, когда осужденных повели на место казни, они завещали товарищам отомстить за кровь, которую проливает самодержавие, отомстить за весь родной народ.

Мужественно держались перед казнью и руководители Кронштадтского восстания, о чем говорят публикуемые ниже воспоминания очевидца и предсмертные письма моряков.

По делу о Кронштадтском восстании, кроме девятнадцати матросов, были казнены две девушки — Галя Венедиктова и Настя Мамаева. Галя перевозила из Петербурга в Кронштадт бомбы. Ее соучастник, матрос, арестованный раньше, под пыткой выдал Галю. При обыске у нее нашли бомбу и адреса, а по одному из адресов арестовали Настю. Девушек казнили вместе. Перед расстрелом они запели революционные песни. Солдаты, которые должны были расстреливать, так взволновались, что по первой команде— пли! — выстрелов не последовало. По второй команде солдаты дали залп вниз, в землю. И только по третьей команде, когда офицер выхватил револьвер, солдаты выстрелили, целя девушкам в сердце, чтобы уж смерть наступила сразу.

Из участников восстания на крейсере «Память Азова» осудили на смерть 18 человек. Все осужденные отказались давать на суде показания, заявив, что не признают народных палачей своими судьями. Их казнили сейчас же после суда во дворе губернаторского дома в Ревеле. Между деревьями натянули канат, к которому привязали казнимых матросов. Приговоренные, среди которых был социал-демократ с партийной кличкой «Оскар», держались спокойно и твердо.

— Нам не страшно умереть за великое народное дело, за дорогую родину! — сказал один из приговоренных.

Раздался залп. Трупы казненных, привязав к ним груз, бросили в море.

В подпольной газете «Казарма» один из товарищей рассказал биографию Оскара. Это был крестьянин Херсонской губернии Андрей Каптюх, едва достигший 20 лет. Поступив юнгой на парусное судно в Одессе, он принимал большое участие в подготовке восстания на Черноморском флоте, затем работал в военной социал-демократической организации Кронштадта и в боевой организации Петербурга. Здесь, на вокзале, получая ящик с оружием, Оскар был ранен жандармом в плечо, но все-таки унес ящик, хотя и вынужден был бросить его недалеко за вокзалом. Через полчаса, отдышавшись, несмотря на опасность и рану, Оскар вернулся за грузом и доставил его в назначенное место.

Из Петербурга партия направила Оскара на юг, а в мае 1906 года в Ревель, где по поручению комитета РСДРП он стал во главе флотской организации. Видя неудачу восстания на крейсере «Память Азова», Оскар бросился с корабля вплавь. Боясь, что он утонет, несколько матросов, рискуя собою, поплыли за ним, вернули на крейсер, а затем перевезли на берег. Но на берегу Оскар был схвачен.

Имя Оскара, мужественного революционера Андрея Каптюха, было широко известно рабочим Ревеля.

Последним отголоском событий 1905 — 1906 годов в армии и флоте было восстание солдат и матросов Владивостока в октябре 1907 года. 16 октября минеры в бухте Диомид потребовали освобождения своих незадолго до этого арестованных товарищей. В тот же день восстали солдаты 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, к ним присоединилась часть городских рабочих. 17 октября взбунтовались команды миноносцев «Скорый», «Бодрый» и «Тревожный». Однако и здесь, как это было в Свеаборге и многих других местах, восстание погубили эсеры. Вопреки требованиям большевиков они начали восстание раньше, чем к нему успели достаточно подготовиться. Часть гарнизона не поддержала восставших, поэтому у них не хватило оружия. Власти же действовали быстро и жестоко. Восстание было подавлено.

Чтобы расколоть и ослабить революционное движение, обмануть крестьян и оторвать их от рабочих, царское правительство решило созвать Государственную думу. Оно рассчитывало воспользоваться наивной верой крестьян в то, что они могут мирным путем, через думу получить землю.

Еще в августе 1905 года царское правительство опубликовало положение о так называемой «совещательной» думе (по фамилии автора проекта — министра Булыгина ее называли «Булыгинской»). Большинство населения лишалось права выборов в эту думу. Большевики объявили Булыгинской думе бойкот, рабочие поддержали большевиков, и Булыгинская дума была сметена революцией. Созвать ее царизму не пришлось.

В декабре 1905 года под напором революции правительство опубликовало закон о созыве «законодательной» Государственной думы. И теперь избирательные права предоставлялись главным образом помещикам и капиталистам, права же рабочих и крестьян были очень ограничены. От помещиков один выборщик приходился на 2 тысячи избирателей, от крестьян — один на 30 тысяч, от рабочих — один выборщик на 90 тысяч избирателей.

Выполняя решение Таммерфорсской конференции РСДРП, происходившей в декабре 1905 года, большевики бойкотировали выборы и в эту думу. Большевики считали, что созыв думы только уловка и правительство разгонит ее, как только дума окажется для него непригодной.

Политические партии либеральной русской буржуазии — кадеты и октябристы — пошли на сделку с царизмом и крепостниками-помещиками, помогая им подавлять революцию. Они давно отказались от всех своих революционных увлечений и провозгласили манифест 17 октября и созыв Государственной думы началом новой эры в России.

Поведение русской либеральной буржуазии в 1906 году с глубоким презрением опи-

сал А. М. Горький в своем рассказе-фантазии «Весенние мелодии».

27 апреля 1906 года открылась I Государственная дума. Несмотря на то, что большинство в ней принадлежало кадетам, I Государственная дума показалась царскому правительству недостаточно послушной: обсуждение в думе аграрных законопроектов привело к тому, что 8 июля 1906 года Таврический дворец в Петербурге, где заседала дума, был занят войсками и депутаты не допущены в здание. Появился указ о роспуске думы, в котором говорилось, что депутаты «уклонились в не принадлежащую им область».

Предвидения большевиков оправдались.

Народ убедился на опыте, писал Ленин в связи с разгоном думы, что народное представительство есть нуль, если оно не облада-

дает действительной властью. «Споем же вечную память покойнице и воспользуемся хорошенько ее уроком!»

Борьба с царизмом требовала от социал-демократии единства всех партийных сил. Очередной, IV съезд партии, который помог бы разрешению этой задачи, был намечен ча 10 декабря 1905 года. Но начавшиеся в это время вооруженные восстания и всеобщая железнодорожная забастовка отодвинули партийный съезд. В декабре 1905 года удалось созвать только конференцию большевиков в городе Таммерфорсе, на которой было принято решение о восстановлении единства партии.

IV Объединительный съезд состоялся 10—25 апреля 1906 года в Стокгольме. Одним из главных вопросов на съезде был вопрос об отношении к Государственной думе. Поражение вооруженного восстания и полицейский разгром большевиков привели к тому, что меньшевики получили на IV съезде большинство голосов. Это определило меньшевистский характер принятых съездом решений.

В результате после IV съезда борьба между большевиками и меньшевиками разгорелась с новой силой.

Широкие массы трудящихся, которых революция приобщила к политической жизни, не успевали разобраться во всех сложностях и поворотах классовой борьбы, участниками которой они же сами и являлись. О том, каково было общественное настроение того периода, свидетельствует рассказ Н. К. Крупской об открытом выступлении Ленина 9 мая 1906 года. Ленин выступил в народном доме Паниной (в Петербурге), под фамилией Карпова, и говорил об отношении большевиков к Государственной думе.

«Рабочие со всех районов наполняли зал. Поражало отсутствие полиции. Два пристава, повертевшиеся в начале собрания в зале, куда-то исчезли. «Как порошком их посыпало», — шутил кто-то. После кадета Огородникова председатель предоставил слово Карпову. Я стояла в толпе. Ильич ужасно волновался. С минуту стоял молча, страшно бледный. Вся кровь прилила у него к сердцу. И сразу почувствовалось, как волнение оратора передается аудитории. И вдруг зал огласился громом рукоплесканий — то партийцы узнали Ильича. Запомнилось недоумевающее, взволнованное лицо стоявшего рядом со мной рабочего. Он спрашивал: кто, кто это? Ему никто не отвечал. Аудитория замерла. Необыкновенно подъемное настроение охватило всех присутствовавших после речи Ильича, в эту минуту все думали о предстоявшей борьбе до конца.

Красные рубахи разорвали на знамена и с пением революционных песен разошлись по районам».

По предложению Ленина собрание приняло резолюцию, в которой говорилось, что царское правительство усиливает свой произвол и явно глумится над думой, готовясь ответить насилием на требование свободы народом, на требование земли крестьянами. Резолюция указывала, что необходима решительная борьба — вне думы — за полную власть народа и выражала уверенность, что пролетариат попрежнему будет стоять во главе всех революционных элементов.

В начале 1907 года происходили выборы во II Государственную думу.

В изменившейся обстановке, когда стало ясным отступление революции, большевики изменили свое отношение к Государственной думе. В условиях наступившей реакции партия уходила в глубокое подполье. Нужно было использовать все легальные возможности для общения с рабочими и крестьянскими массами. Большевики решили принять участие в выборах во II Государственную думу.

Думская тактика большевиков, разработанная Лениным, была рассчитана на то, чтобы завоевать крестьянство, создать в думе революционный блок представителей рабочего класса и крестьянства, освободить крестьянство от влияния либеральной буржуазии. Большевики стремились использовать думу как трибуну для революционной

агитации, для обличения всех мерзостей самодержавия и буржуазии.

Дыхание революции еще веяло над страной, и II Дума, которая открылась 20 февраля 1907 года, оказалась более левой, чем I. Социал-демократы получили в ней 65 мест вместо 18, трудовики и эсеры — 157 вместо 97, кадеты — 98 вместо 179. Основным вопросом в думе стал вопрос аграрный. Крестьяне требовали передачи земли народу.

В мае 1907 года в Лондоне состоялся V съезд партии. Съезд одобрил политику, проводившуюся большевиками в отношении к буржуазным партиям и принял решение о беспощадной борьбе с черносотенными контрреволюционными партиями. Съезд указал на необходимость непримиримо разоблачать лицемерный «демократизм» партии кадетов. С мелкобуржуазными партиями, трудовиками и эсерами съезд допускал возможность отдельных соглашений — для общей борьбы с царизмом, но требовал разоблачать всякие попытки этих партий выдавать себя за социалистические.

Мобилизовав силы контрреволюции, царское правительство усиливало наступление на рабочий класс, отбирало назад уступки, вырванные у него революцией. В ночь на 3 июня члены думской социал-демократической фракции с согласия кадетов были арестованы по обвинению в «подготовке государственного заговора» и сосланы в Сибирь.

3 июня 1907 года II Государственная дума была разогнана. Правительство опубликовало новый избирательный закон, обеспечивавший большинство голосов помещикам и крупной буржуазии. По этому закону один выборщик приходился на 230 помещиков и один на 125 тысяч рабочих.

Правительство конфисковало сборник статей Ленина и возбудило дело о предании самого Ленина суду. Полиция искала Владимира Ильича по всей Финляндии, где он жил до съезда.

Центральный Комитет РСДРП постановил перенести свою деятельность за границу, оставив в России небольшое представительство и технический аппарат для текущей работы. Ленин также должен был снова уехать за границу.

Началась полоса черной реакции. Первая русская революция потерпела поражение.

Основная причина поражения состояла в том, что не удалось слить в единый поток революционные выступления рабочих, крестьян и солдат. Союз рабочих и крестьян в революции не был прочным. Значительные массы крестьян находились еще под влиянием эсеров. Наиболее крупные выступления крестьян против помещиков произошли тогда, когда царское правительство подавило уже основные очаги революции в крупных промышленных центрах. Среди крестьянства еще сильны были царистские настроения, многие верили в возможность получения земли из рук царя. Это определило собой поведение армии, большинство которой помогло царизму подавить революционные выступления рабочих и крестьян, вместо того чтобы обратить оружие против царского самодержавия. Недостаточно дружно действовали и рабочие, отдельные отряды которых с большим опозданием включались в общую борьбу.

Предательские действия меньшевиков раскалывали силы рабочего класса и ослабляли его как руководителя революции. Поэтому пролетариат не смог тогда еще полностью выполнить свою роль настоящего вождя революции и привести ее к победе.

Подавить революцию царизму помогли иностранные империалисты. Французские, английские, австрийские и бельгийские банкиры предоставили царскому правительству большой заем. Империалистическая Германия готовила военную интервенцию в Россию в случае успеха революции.

Революция 1905—1907 годов потерпела поражение, но причины, вызвавшие ее, продолжали действовать. Это делало неизбежным новый революционный взрыв.

Ленин указывал, что русский пролетариат руководствуется не «смутной надеждой», а научно обоснованной уверенностью в повторении революции.

В тяжелых условиях реакции, в обстановке жестоких преследований царизма, большевики сплачивали вокруг рабочего класса демократические силы страны, ковали боевой союз рабочего класса и крестьянства, крепили интернациональное единство народов России, готовили трудящиеся массы к новой, решительной атаке на самодержавие, к борьбе за свержение господства помещиков и буржуазии.

И. В. СТАЛИН

О ЛЕНИНЕ

Из речи на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г.

СКРОМНОСТЬ

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 года на конференции большевиков в Таммерфорсе (Финляндия). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моём воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было моё разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причём перед появлением «великого человека» члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идёт». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было моё разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведёт беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчёркивать своё высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших «низов» человечества.

СИЛА ЛОГИКИ

Замечательны были две речи Ленина, произнесённые на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, — всё это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует её и потом берёт её в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

БЕЗ ХНЫКАНИЯ

Второй раз встретил я Ленина в 1906 году на Стокгольмском съезде нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побеждённого. Он ни на иоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я говорю о поражении Ленина. Но какое это было поражение? Надо было поглядеть на противников Ленина, победителей на Стокгольмском съезде — Плеханова, Аксельрода, Мартова и других: они очень мало походили на действительных победителей, ибо Ленин в своей беспощадной критике меньшевизма не оставил на них, как говорится, живого места. Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера

в свои силы, вера в победу — вот о чём говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

«Не хныкать по случаю поражения» — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему сплачивать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию.

БЕЗ КИЧЛИВОСТИ

На следующем съезде в 1907 году в Лондоне большевики оказались победителями. Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «Первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит». Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что «отныне с меньшевиками покончено». Ему нетрудно было доказать, что меньшевики всё еще имеют корни в рабочем движении, что с ними надо бороться умеючи, всячески избегая переоценки своих сил и, особенно, недооценки сил противника.

«Не кичиться победой» — это та самая особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взвешивать силы противника и страховать партию от возможных неожиданностей.

К. Е. ВОРОШИЛОВ

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

Впервые эти воспоминания опубликованы в журнале „Военный вестник“ № 2 за 1925 год

Весной 1906 г. я приехал из Луганска в Питер с мандатом на предстоявший очередной партийный съезд. Это был мой первый приезд в столицу.

С вокзала направился прямо на явку (явка оказалась цекистской); нужно было зарегистрироваться и получить необходимые указания и сведения, относящиеся к съезду. На явке принимал делегатов член ЦК Загорский (Крохмаль) — ярый меньшевик. Узнав, что я из Луганска, Загорский сделал кислую мину и, глядя в записную книжку, процедил сквозь зубы, сильно заикаясь: «Б...б...б...ольшевик, к... к... онечно». Отвечаю: «Да...» Загорский предлагает идти мне к «своим».

В этих советах я не нуждался. Я знал, куда мне итти к своим, но мне хотелось узнать (провинциальная наивность!) — в Питере ли Владимир Ильич и нет ли его случайно здесь, на явке. Спрашиваю Загорского, нет ли здесь т. Ленина? С выпученными глазами, весь взъерошенный, уже совсем не выговаривая ни одного слова, набрасывается на меня этот благообразный, адвокатского вида джентльмен, пытаясь выпалить какую-то дерзость или ругательство. Хотя и был я не из робких, но при виде столь свирепого «цекиста», никак не могущего меня выругать за мою «провинность», я немного «сдрейфил» и счел благоразумным ретироваться.

Очутившись на свежем воздухе и придя в себя, я не мог удержаться от смеха. Видно, наш Ленин «заливает им за шкуру сала», как говорят у нас украинцы, подумал я. В подавленном настроении шествую по Невскому. Иду отыскивать «Вперед» — наше большевистское книгоиздательство, куда у меня есть и явки и частные письма друзей.

В Питере я впервые. Блеск магазинов и улиц, шум и тысячи праздношатающейся, разряженной и упитанной публики действуют ошеломляюще. Не без труда отыскиваю «Вперед». Нахожу кого нужно и узнаю, что я приехал рановато, что хотя делегаты уже и начали съезжаться, но еще многих нет. Кроме того, здесь же мне сказали, что я должен побывать в «Технологжке» (Технологический институт) и показаться Надежде Константиновне. Бонч-Бруевич сообщил, что т. Ленин в издательстве «Вперед» сегодня не будет.

Глубокий провинциал, все время прожив-ший в Донбассе и, кроме заводов, шахт и тюрем, ничего не видавший, я немножко плохо почувствовал себя в огромном городе и в особенности после «официального» при-ема члена ЦК Крохмаля. Но, очутившись среди своей публики во «Вперед», я как-то ожил и уже в хорошем расположении духа направился в «Технологжку».

Надежда Константиновна с особенной мягкостью и лаской расспросила об органи-зации, работниках, настроении рабочих и пр. Все записала, отметила в малюсенькой записной книжечке. Подробно инструктиро-вала и сообщила все, что нужно и можно было сообщить о съезде. Не удержался и задаю вопрос — увижу ли, где и когда т. Ленина? Надежда Константиновна, улы-баясь, говорит, что не раз увижу и услышу.

Отныне я уже тесно связался с больше-вистским центром. Теперь все в порядке. Отъезд за границу еще не назначен и куда поедем, нам еще не сообщили. Приходится ждать.

Надежда Константиновна рекомендовала держаться осторожнее: «шпиков в Питере тьма-тьмущая». Сколько дней еще придет-ся жить в Питере — неизвестно.

Из «Технологжки» иду отыскивать знако-мых. Д. И. Лещенко, бывавший в Луганске от ЦК, живет в Питере. Вскоре нахожу квартиру и застаю его дома. Расспрашивает о впечатлениях от Питера. Мне все нравится. Только я хочу скорее видеть т. Ленина. Удивляется, что я еще не видел Владимира Ильича. Он теперь почти каждый день пока-зывается во «Вперед» и основательно «ощу-пывает» приезжающих делегатов съезда, го-ворит Лещенко.

На второй день, совсем рано, отправ-ляюсь в издательство «Вперед». Решил си-деть целый день, если потребуется, чтобы не прозевать прихода Владимира Ильича. Вскоре у Бонч-Бруевича, заправлявшего тогда этим книгоиздательством, узнал, что Владимир Ильич обязательно должен быть: «будет совещание» с частью уже съехав-шихся делегатов съезда.

Вооружаюсь терпением и жду. Через не-которое время один из делегатов, кажется, сибиряк, приглашает следовать за ним. Не расспрашивая, направляюсь вслед за това-рищем. Внутренними ходами и коридорчи-ками мы быстро попадаем в небольшую квартирку на втором или на третьем (не помню точно) этаже и проходим в совсем маленькую комнатушку. Народа сидело че-ловек десять-двенадцать. Мы втиснулись и, не нарушая порядка, кое-как устроились сидеть. Заседание началось, мы опоздали. Говорил один из делегатов. Речь шла о на-строении рабочих масс в связи с выборами в I Государственную думу. Говоривший все время упорно смотрел на одного из товари-щей, который сидел рядом с кем-то и как-то особенно, изредка сощурив глаза, бро-сал взоры то на оратора, то на кого-либо из сидевших в комнате.

Это он, подумал я, это Ленин. И почему-то мне показалось, что я уже где-то и ко-гда-то видел его, что я его знаю. Стал всматриваться в лицо, фигуру, в движения. Хотелось возможно скорее и основательнее запечатлеть в памяти все, относящееся к то-му, о ком так много думал и кого так хоте-лось видеть. Тут же представляю себе, как я, возвратясь к себе, буду описывать наше-го Ленина своей пролетарской братве. Знаю, что будут требовать рассказать «все» и «подробно», и не раз придется рассказы-вать и на собраниях и на заводе в переры-вах.

Оратор кончил. Слово получает следую-щий. Краткие доклады с мест, догады-ваюсь я и начинаю волноваться. После двоих — моя очередь. Я должен буду отчи-тываться перед самим Лениным. Сразу ста-ло как-то страшновато, даже жарко. А он спокойно слушает, изредка улыбаясь, и на бумажке быстро делает заметки.

Наконец моя очередь. Взгляд в мою сто-рону Владимира Ильича. Вопрос об имени и организации, мною представляемой. Помню ласковую улыбку и поощрительное какое-то замечание. Ободренный и успокоенный, я очень коротко сообщил об организации, настроении рабочих, выборах в Государствен-ную думу и пр.

Доклады окончились. Владимир Ильич сжато формулировал общее положение и тут же перешел к беседам с делегатами.

Совещание носило совсем частный, пред-варительный характер: оно нужно было Владимиру Ильичу для ориентировки и дру-гих «ленинских» тактических и стратегиче-ских целей.

В разговорах Владимир Ильич много шу-тил и между шутками задавал то одному, то другому кучу разных, часто неожидан-ных вопросов. Его интересовало буквально все. Он с одинаковым интересом слушал и о том, как прошли выборы в Государ-ственную думу, и о кознях меньшевиков, и о кадетах, о наших боевых дружинах, их

обучении и вооружении, о казаках близлежащих от Луганска станиц и крестьянах, захвативших земли у помещиков, и пр. и пр.

Как сейчас помню, с каким воодушевлением Владимир Ильич подхватывал то или иное сообщение, которое отвечало его мыслям, подтверждало его предположения. Раза два и на мою долю выпало услышать от Ильича одобрительные замечания. Это было для меня истинным удовольствием. Я в собственных глазах как-то вырастал, становился значительнее и увереннее.

Перед самым уходом Владимир Ильич заговорил о съезде и наших (большевистских) перспективах. Владимир Ильич не верил в объединительную миссию предстоящего съезда и старался подсчитать наши силы. Делегаты еще съезжались, и мы полагали, что будем иметь большинство. Но Владимир Ильич уже тогда допускал, что и меки (меньшевики) смогут иметь большинство на съезде, и нам придется выдержать основательные бои с ними.

Слушали мы все Владимира Ильича и чувствовали такую громадную, мощную, титаническую силу в нем, что никакие «большинства» и махинации меньшевиков, о которых (махинациях) все присутствующие кое-что, и не мало, порассказали, — были нам не страшны. Теперь мы уже своими глазами видели и слышали того, кто являлся истинным строителем пролетарской революционной партии и неустанным ее стражем и вождем.

Мы чувствовали, что наш Ленин точно знает пути и средства для защиты революции и революционной социал-демократии, на долю которой выпало руководить великим освободительным движением в России. Мы все верили, что революционные волны еще вздымаются и девятый вал впереди. Почти повсеместный бойкот I Государственной думы, прошедший под руководством большевиков, подтверждал это наше мнение.

С повышенным настроением расходились участники этого маленького совещания.

Я чувствовал себя превосходно. Владимир Ильич произвел на меня огромное впечатление. Все в нем мне показалось необыкновенным. И его манера говорить, и его простота, и главное пронизывающие и сверлящие душу глаза.

Было хорошо и весело на душе. И я, позабыв на минуту о шпиках и прочей гадости, пошел бродить по улицам тогда еще чужого С.-Петербурга.

К. Н. БАСАЛЫГО (К. ДАЛЬНИЙ)

МАНДАТ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Воспоминания старого большевика, участника революционного движения с 1905 года Константина Николаевича Басалыго. Переработаны для этого сборника

Начало 1907 года. Первые лучи весеннего солнца парят землю Екатеринбурга. Социал-демократические организации Урала готовят выборы на предстоящий V партийный съезд. Областной Уральский комитет РСДРП постановил: от одной из организаций провести делегатом на съезд Владимира Ильича Ленина. Как член комитета, я отправляюсь в Усолье (Верхне-Камский район), чтобы выполнить это задание.

Мускулистые, обветренные рабочие-солевары, собираясь нелегально группами по 10—15 человек, внимательно слушали мой рассказ о деятельности вождя большевиков В. И. Ленина и дружно голосовали за избрание его делегатом от Усолья на V съезд РСДРП, с решающим голосом.

Секретарь партийной организации проводил меня на поезд. Запрятав протокол об избрании Ленина поглубже, в секретный карман, я повез драгоценный документ в Екатеринбург, чтобы заверить его в областном комитете. Времени до съезда оставалось мало.

В Екатеринбурге прямо с вокзала тороплюсь на явку. Невольно ощупываю изредка боковой карман пиджака, где лежат мандаты Ленина и мой (я был избран на съезд Алапаевской организацией). Глаза по привычке следят за каждым движением подозрительных личностей и городовых. До явочной квартиры остается уже не более трех кварталов, но приходится замедлить шаг: впереди, приблизительно за квартал, по моему же маршруту движется городовой. Нужно выждать, — слишком ценный

документ у меня в кармане, чтобы рисковать! Но прохожие на тротуаре заслонили от меня городового, когда он уже подходил к нашей явочной квартире.

Дом, куда я направлялся, был угловой. Быть может, городовой свернул за угол? Медленно и осторожно прохожу мимо дома... Ничего подозрительного не видно. Мне нужно итти через двор и подняться во второй этаж. Вхожу во двор, быстро оглядываюсь — двери на лестницу открыты. Знаю, что обычно их держат запертыми. Но вокруг тихо, никого. Решаю итти дальше. Необходимо теперь же заверить мандаты в комитете и сегодня же уехать в Петербург.

Бесшумно, на носках поднимаюсь по лестнице. Быстро распахиваю дверь в квартиру. И разом в глаза мне бросаются в комнате явки двое городовых и пристав, спокойно развалившийся на диване. Засада!

Стремительно захлопываю дверь и слетаю по лестнице вниз. За собой слышу крики: «Стой! Стой! Стрелять будем!»

Во дворе я бросаюсь к высокому плотному дощатому забору, хватаюсь за верхнюю доску и, чуть зацепившись носком за выступ доски, перескакиваю через забор. В пустом пространстве передо мной другой забор, еще выше, прилегающий к крыше какого-то дома. Подпрыгнув, подтягиваюсь на мускулах, но ногам не за что зацепиться, и я срываюсь обратно. Пристав и городовые карабкаются еще через первый забор, они уверены, что я не улизну, и решают взять меня живьем. Но я нахожу небольшую щель в заборе, опять подпрыгиваю и уцепившись в щели носком, перепрыгиваю через забор, попадая на крышу маленького дома, выходящего на перпендикулярную улицу. С крыши спрыгиваю на улицу.

Народу почти не видно. Щупаю карман,— не выпали ли мандаты? Все в целости. Быстро шагаю по улице, через квартал захожу в пустой двор, привожу себя в порядок. На улице тихо. Городовые потеряли мой след. Иду дальше, по другому адресу.

Вечером узнаю от пришедшей хозяйки квартиры, где была засада: во время погони за мной пришедший на явку товарищ благополучно улизнул незамеченным, пристав же, возвратясь с городовыми в комнату, распекал их:

— Что же вы, сукины дети, не поймали его?

— Да что, ваше благородие, мы в шинелях, а он как чорт прыгает!

Чтобы не получить нагоняя в участке, пристав решил ничего не сообщать о происшедшем.

В тот же вечер я выехал на съезд и благополучно доставил Владимиру Ильичу Ленину мандат от Усолья.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ПОБЕГ[1]

Из воспоминаний старого большевика, участника революционного движения с 1898 года Емельяна Ярославского (1878—1943)

Еще по дороге в Сущевский арестный дом я пытался прорезать карманным ножом стенку полицейской кареты («собачьей кареты», как мы ее звали) и выпрыгнуть в темноте, но работу эту я не успел закончить, как нас уже привезли в Сущево. В Сущеве нас встретили сначала довольно негостеприимно. С нар и коек поднялось несколько заспанных товарищей, и кто-то, глядя на чисто одетых новых обитателей, сказал: «Кажется, нам кадетов привели». Но меня тотчас же узнал товарищ Валентин (сормовский рабочий), один из лучших организаторов московской организации в 1905 году. Мы разместились кое-как, а наутро я разрабатывал уже с тов. Валентином план побега. Как-то даже не умещалась в голове мысль, что можно остаться в тюрьме, что можно не бежать, ожидать следствия, суда и т. д. Перед этим были выборы на Объединительный съезд партии. Я был выбран на этот съезд делегатом от Ярославского губернского комитета. Ярославские товарищи запрашивали меня, как быть, не выбрать ли другого делегата. Я ответил им, что не надо, что я все равно на съезд поеду, так велика была уверенность, что я сумею бежать.

Жизнь в Сущевском полицейском арестном доме была довольно вольготная. Каме-

[1] В 1906 году были арестованы делегаты конференции военных социал-демократических организаций. Среди арестованных были Р. Землячка и Е. Ярославский.

ра наша была открыта, охранялись мы довольно слабо. Правда, кроме внутренней охраны, в виде довольно добродушных и неуверенно державшихся городовых, которых мы звали «мушкетерами» за дореформенные какие-то мундиры со старинными огромными смит-вессонами в кобуре, нас охраняла еще наружная стража, состоявшая из тех же мушкетеров с дежурными жандармами впридачу. Кроме нашей камеры политических, была камера уголовных, а напротив помещалась почти неохраняемая камера для вытрезвления подбираемых на улице пьяниц. Днем нас выпускали гурьбой на двор: нас тогда окружала стража, но в то же время эта стража пропускала с воли на свиданье с нами кого угодно, даже не особенно интересуясь, кто к кому приходит. Так же почти бесконтрольно передавались и передачи всякого рода. Воздух уж очень был либеральный, располагала к этому либерализму Государственная дума, созыв которой ожидался в ближайшие дни или недели.

Рядом с нашими камерами помещались канцелярии в отдельном доме, а в нижнем этаже этого дома были расположены одиночки, в одной из которых поместили тов. Землячку. Одиночки охранялись более основательно жандармами, но из этих одиночек был побег на другой же день нашего ареста, во время свиданья.

В нашей камере, кроме нас, мы застали все правление бастовавшего тогда союза московских булочников. Булочники были веселые, неунывающие ребята, тут же в арестном доме составляли и редактировали журнал свой, который печатался на воле. Я запомнил из этого живого журнала четверостишие:

Слышь — ребята куролесят,
Слышь — куда-то все бегут,
У Ванюхи-то не месят,
У Илюхи не пекут...

Кроме булочников, сидели несколько участников московского вооруженного восстания. Некоторые, в том числе Музыкант (Томилин), ждали для себя «вешалки». Да и помимо опасностей, — с какой стати было сидеть в тюрьме, когда кругом так много было горячего, революционного дела, когда была полная уверенность в успехе!

Мы быстро снеслись с волей. Нам много помогала товарищ Зоя Михайловна Машина, фельдшерица лечебницы Руднева (в Серебряном переулке, на Арбате), член нашей военной организации, квартира которой служила всем нам родным приютом. Через П. А. Г—ну мы получили все, что нам нужно было: адреса для ночевок беглецам, деньги, даже паспорта, пилки. Наши боевики с воли обследовали всю прилегающую местность и передали нам разработанный ими план. По этому плану мы должны были в ночь под пасху (пасха в тот год была ранняя) перепилить решетку в окне камеры, вылезти прямо на улицу, где нас ожидали боевики. В случае, если бы поднялась тревога, они сумели бы прикрыть наш побег. Ребята были на подбор, смелые, хорошо вооруженные.

О побеге знало всего несколько человек. Мы вынуждены были сообщить о побеге и старосте уголовной камеры, иначе мы могли бы провалить побег.

Но когда время подошло, мы увидели, что нам придется изменить весь план. На помощь подоспела пасха. Еще накануне нам стали таскать передачи: обильные передачи прислали профессиональные союзы, особенно булочники и колбасники. Богатая передача была от союза присяжных поверенных. Два стола в нашей камере ломились под тяжестью куличей, булок, колбас, окороков. Мы уговорили нашего мушкетера купить водки. За день он перетаскал нам несколько четвертей, которыми мы решили допьяна напоить стражу. Ради праздника «пьяная камера» была вся освобождена: пьяницы отпущены были, чтобы как следует проявить свои способности в праздник пасхи!

Когда мы убедились, что присланные нам пилки никуда не годятся, мы изменили наш план и решили просто-напросто разобрать стену в «пьяной камере» и выйти через стену.

Когда стемнело, и пришла вечерняя смена стражи, мы начали угощать мушкетера полными стаканами. Он скоро до того захмелел, что мы бережно уложили его спать, накрыв потеплее. Сами же принялись за работу. Работали железной ножкой кровати. Сначала кирпич поддавался очень туго. Потом, когда мы размочили пазы уксусной кислотой (днем мы купили несколько бутылок уксусной эссенции — для праздника), дело пошло быстрее и часам к 11 ночи струя свежего воздуха ворвалась в пробитое нами отверстие. Мы расширили его, чтобы свободно пролезало тело, и пошли звать других.

Только теперь, когда все было готово и никто не мог бы нам помешать, мы сооб-

щили каждому в отдельности, что можно бежать. Я сбрил усы и бороду, роздал товарищам, которые согласились бежать, адреса, деньги, кое-кому паспорта, и мы отправились по одному к пролому.

Не все согласились бежать. Тов. Павлович (мы звали его тогда Карманьолой) не захотел рисковать. Я никогда не забуду, как он лежал на нарах, прикрывшись одеялом, когда я подошел к нему и предложил бежать. Карманьола как-то весь съежился, еще глубже прикрылся одеялом, словно укрываясь от соблазнительных мыслей, словно гоня их, и сказал: «Не стоит рисковать, скоро соберется Государственная дума, все равно будет амнистия». За эти конституционные иллюзии Карманьола потом немало поплатился.

Трудно передать ощущение какой-то радостной легкости, когда тело запрокинулось в морозном воздухе в пролом стены. Я легко прыгнул — покатился вниз, хватаясь руками за холодную, мерзлую землю. Между зданием и стеною узенький дворик, — может заметить дежурный жандарм. Но жандарм и не подозревал ничего. Вот мы на стене, вот мы в соседнем саду. По Москве гудят сорок-сороков пасхальным звоном, и хочется петь и кричать вместе с колоколами, кажется, что колокола поют и внутри нас.

Но мы еще не на воле. Надо еще выбраться из этого сада, из прилегающих дворов. Нам помогают присланные боевиками кроки прилегающей местности. Мы идем по саду. Замерзшие за ночь лужицы и веточки так предательски хрустят под ногами, кажется, что все кругом слышат, как тринадцать человек крадутся по саду! В соседних дворах заливаются собаки. Мы подходим к низенькому забору. В переулке много народу. Так легко перескочить! Но это-то нас и пугает. Я беру Музыканта под руку и увлекаю его в другую сторону сада, где высится белая каменная стена. Мы взбираемся на стену: перед нами ярко горит газовый фонарь, а у фонаря стоят три ночных сторожа и изумленно смотрят на двух прилично одетых людей, спускающихся с высокой стены.

Я говорю Музыканту: «Мы притворимся пьяными. Пой «Христос воскресе»!» Мы идем под руку прямо на фонарь, немного покачиваемся и поем нестройно «Христос воскресе из мертвых». Подошли совсем близко к сторожам, те смотрят не то недоверчиво, во всяком случае немного настороже.

— Христос воскресе! — говорю я сторожам.

— Воистину воскресе... — отвечают они.

А я продолжаю ломаться.

— Не желаем в праздник через ворота ходить, желаем через забор...

— Да, — говорит один из них задумчиво, — нализались здорово, рановато разговелись!..

— А что ж, — говорю я, — кто праздничку рад, тот за три дня до праздничка пьян!

А сердце колотится в груди: схватят или не схватят? Слышу, как громко стучит сердце Музыканта. Но уже чувствую, что опасность миновала. Очень уж хорошо колокола гудят, до того ли! Мы проходим до угла, а за углом быстро жмем друг другу руки и стремглав кидаемся в разные стороны. Я сажусь в пролетку первого попавшегося извозчика:

— К Страстному!

У Страстного кишмя кишит народу всякого звания. Я быстро теряюсь в этом водовороте, а через полчаса иду по бульвару на Поварскую, где меня ждали в ту ночь.

Между тем боевики наши, прождав около двух часов, когда мы, наконец, распилим решетку, и не дождавшись этого, решили, что у нас провалилось дело, и сообщили об этом на конспиративные квартиры. Тем неожиданней и радостней была встреча. Мы все очутились скоро среди друзей. Я пробыл два дня у Д. М. Г — на (Брагина), провел несколько незабвенных часов у музыканта-композитора Рахманинова. Говорят, рассказ о нашем побеге дал ему тему для одного из его музыкальных произведений. Видел почти всех остальных бежавших товарищей. А еще через несколько дней я был доставлен хозяином подмосковной писчебумажной фабрики сначала на фабрику, а потом на пригородную станцию, откуда совершенно спокойно поехал через Калугу—Вязьму на Питер, а оттуда на Стокгольмский съезд.

Нас хватились только наутро. Мушкетер наш Волков спал праздничным сном, когда пришла смена и увидела наше исчезновение. Подняли тревогу, но было уже поздно. Каков же был ужас смотрителя арестного дома, когда через день из одиночки бежала Землячка, — бежала, обманув жандармов, переодевшись! Кажется, жандарм сам открыл ей дверь на улицу, приняв ее за одного из членов семьи смотрителя арестного дома...

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

ИЗ ДНЕВНИКА

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877 — 1926) — большевик, один из старейших профессиональных революционеров. Заключенный царским правительством в тюрьму, вел дневник, который сумел передать на волю.

30 апреля 1908 года.

Всего две недели я вне живого мира, а кажется, будто прошли целые столетия. Мысль работала, охватывая минувшее время — время лихорадочного действия, — и доискивалась содержания, сущности жизни. На душе спокойно, и это странное спокойствие совершенно не соответствует ни этим стенам, ни тому, что покинуто мною за этими стенами. Словно на смену жизни пришло прозябание, на смену действия — углубление в самого себя.

Сегодня я получил эту тетрадь, чернила и перо. Хочу вести дневник, говорить с самим собою, углубляться в жизнь с тем, чтобы извлечь из этого все возможное и для самого себя, а может быть, хоть немного и для тех друзей, которые там думают обо мне и душой болеют за меня, — и этим путем сохранить силы до возвращения на волю.

Завтра первое мая. В охранке какой-то офицер, сладко улыбаясь, спросил меня: «Слышали ли вы о том, что перед вашим праздником мы забираем очень много ваших?» Сегодня зашел ко мне полковник Иваненко, жандарм, с целью узнать, убежденный ли я «эсдек», и, в случае чего, предложить мне пойти на службу к ним... «Может быть, вы разочаровались?» Я спросил его, не слышал ли он когда-либо голоса совести и не чувствовал ли он хоть когда-нибудь, что защищает дурное дело.

В том же коридоре, в котором нахожусь я, сидит предатель — рабочий-слесарь Михаил Вольгемут, член боевой организации ППС [1], захваченный под Соколовом после кровавого нападения на почту, во время которого было убито шесть или семь солдат. Когда жандармы перехватили его записку к товарищам с просьбой отбить его, начальник охранки Заварзин уговаривал его в течение 10 часов, обещая в награду за предательство освободить его, — и он сделался предателем. К делу было привлечено 27 человек, в том числе семнадцатилетние юноши и девушки. Я вижу его на прогулке, он ходит угрюмый, пришибленный и, насколько я смог заметить, никогда не разговаривает с товарищем по прогулке и ни с кем не перестукивается.

Где выход из ада теперешней жизни, в которой господствует волчий закон эксплоатации, гнета, насилия? Выход — в идее жизни, базирующейся на гармонии, жизни полной, охватывающей все общество, все человечество; выход — в идее социализма, идее солидарности трудящихся. Эта идея уже близится к осуществлению, народ с открытым сердцем готов ее принять. Время для этого уже настало. Нужно объединить ряды проповедников этой идеи и высоко нести знамя, чтобы народ его увидел и пошел за ним. И это в настоящее время насущнейшая из задач социал-демократии.

Социализм должен перестать быть только понятием, которое может осуществиться в будущем. Он должен стать факелом, зажигающим в сердцах людей непреодолимую веру и энергию.

Небольшая, но идейно сильная горсть людей объединит вокруг себя массы, даст им именно то, чего им недостает, что оживит их, вселит в них новую надежду.

Правительство убийц не наладит порядка, не повернет жизнь в старое русло. Не пропадет даром пролитая кровь ни в чем не повинных людей, голод и страдания народных масс, плач детей и отчаяние матерей — жертвы, какие должен нести народ, чтобы преодолеть врага и чтобы победить.

Уже поздно. Я хочу хотя бы здесь вести правильную жизнь, чтобы не отдать им своих сил. А я чувствую, что у меня столько сил, что мне кажется — я все выдержу и вернусь. Но если даже я не вернусь, этот дневник дойдет до моих друзей, и у них будет хоть частичка моего «я», и у них будет уверенность, что я был спокоен, что я звал их в момент тишины, печали и радостных дум...

---

[1] ППС — Польская социалистическая партия. *Ред.*

21 мая.

Вечером, когда я при свете лампы сидел над книгой, я услышал снаружи тяжелые шаги солдата. Он подошел к моему окну и прильнул лицом к стеклу. Он не побоялся. Из любопытства, или, быть может, просто поинтересовался.

— Ничего, брат, не видно, — сказал я дружелюбно.

Он не ушел.

— Да! — послышалось в ответ. Он вздохнул и секунду спустя спросил: — Скучно вам? Заперли (последовало известное русское ругательство) и держат!

Кто-то показался во дворе. Он ушел.

Эти несколько грубых, но сочувственных слов вызвали во мне целую волну чувств и мыслей. В этом проклятом здании, от тех, чей самый вид раздражает, нервирует и вызывает ненависть, услышать слова, напоминающие великую идею, ее жизненность и нашу связь, узников, с теми, кто в настоящее время нас убивает! Какую колоссальную работу проделала уже революция! Она разбудила умы и сердца, вдохнула в них надежду и указала цель. Этого никакая сила не в состоянии вырвать! И если мы в настоящее время, видя, как ширится зло, с каким цинизмом из-за жалкой наживы люди убивают людей, приходим иной раз в отчаяние, то это ужаснейшее заблуждение... Мы в этих случаях не видим дальше своего носа, не сознаем самого процесса воскресения людей из мертвых. Японская война выявила ужасную дезорганизацию и развал русской армии, а революция только обнажила зло, разъедающее общество. И это зло должно было обнаружиться, для того чтобы погибнуть. И это будет! Для того чтобы ускорить этот момент, необходимо вселить в массы нашу уверенность в неизбежном банкротстве зла, чтобы ими не овладело сомнение, чтобы они пережили этот момент в стройных, готовых к борьбе рядах. Это задача теоретиков. А задача других — обнажить и выявить это зло, обнажить страдания и муки масс и отдельных вырванных врагом из их среды борцов, придать им то значение, какое они имеют в действительности и которое дает им силу все перенести мужественно, без колебаний. Только этим путем можно вдохнуть в массы мужество и моральное сознание необходимости борьбы. Нужны как те, кто воздействует на умы, так и те, кто вливает в душу и сердце уверенность в победе. Нужны ученые и поэты, учителя и агитаторы. Я вспоминаю, какое огромное влияние производила изданная партией «Пролетариат»[1] книжка «С поля борьбы», описывающая страдания людей, их выдержку и мужество в борьбе. Как я желал бы, чтобы и теперь появилась такая книжка. Теперь труднее собрать и сопоставить факты, настолько они значительны и так их много. Но и сил теперь больше. Если бы кто-нибудь взялся за такую работу или хотя бы только за руководство такой работой, то через год, через два такая книга могла бы появиться. В ней были бы отражены не только наши страдания и наше учение, но и та жажда полноты настоящей жизни, ради которой человек не пожалеет никаких страданий, никаких жертв...

---

[1] Революционная партия в Польше в первой половине 80-х годов XIX века.

М. ГОРЬКИЙ

ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ

Фантазия

В саду, за окном моей комнаты, по голым ветвям акации прыгают воробьи и оживленно разговаривают, а на коньке крыши соседнего дома сидит почтенная ворона и, слушая говор серых птичек, важно покачивает головой. Теплый воздух, пропитанный солнечным светом, приносит мне в комнату каждый звук, — я слышу торопливый и негромкий голос ручья, слышу тихий шорох ветвей, понимаю, о чем воркуют голуби на карнизе моего окна, и вместе с воздухом мне в душу льется музыка весны.

— Чик-чирик! — говорит старый воробей, обращаясь к товарищам. — Вот и снова мы дождались весны... не правда ли? Чирик-чирик!

— Фа-акт, фа-акт! — важно вытягивая шею, отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, как в утвердительном смысле. Будучи от приро-

ды глупой, она еще и пуганая, как большинство ворон. Но она занимает в обществе прекрасное положение и каждую зиму устраивает что-нибудь «благотворительное» для бедных галок и старых голубей.

Я знаю воробья, хотя с виду он кажется легкомысленным и даже либералом, а в сущности это — птица себе на уме. Он прыгает около вороны с виду почтительно, но в глубине души хорошо знает ей цену и никогда не прочь рассказать о ней две-три пикантных истории.

А на карнизе окна молодой щеголеватый голубь горячо убеждает скромную голубку:

— Я умр-ру, умр-ру от разочарованья, если ты не разделишь со мною любовь мою.

— А знаете, сударыня, чижики прилетели! — сообщает воробей.

— Фа-акт! — отвечает ворона.

— Прилетели и шумят, порхают, щебечут. Ужасно беспокойные птицы! И синицы явились с ними... как всегда... хе-хе-хе! Вчера, знаете, я спросил, в шутку, одного из них: «Что, голубчик, вылетели?» Ответил дерзостью... В этих птицах совершенно нет уважения к чину, званию и общественному положению собеседника... Я, надворный воробей...

Но тут из-за трубы на крыше неожиданно явился молодой ворон и вполголоса отрапортовал:

— Внимательно по долгу службы прислушиваясь к разговорам тварей, населяющих воздух, воду и недра земли, неукоснительно следя за их поведением, честь имею донести, что означенные чижики щебечут о весне и осмеливаются надеяться на якобы скорое обновление природы.

— Чик-чирик! — воскликнул воробей, беспокойно оглядываясь на доносителя. А ворона благонамеренно покачала головой.

— Весна уже была, она была не однажды, — сказал старый воробей. — А насчет обновления всей природы — это... конечно, приятно... если происходит с разрешения тех сил, коим сие надлежит ведать...

— Фа-акт! — сказала ворона, окинув собеседника благосклонным оком.

— К вышеизложенному должен добавить, — продолжал ворон, — означенные чижики выражают недовольство по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, якобы — мутны, некоторые же из них дерзают даже мечтать о свободе...

— Ах, это они всегда так! — воскликнул старый воробей. — Это от молодости у них, это ничуть не опасно! Я тоже был молод и тоже мечтал о... о ней...

— О — ком?

— О ко... ко-ко-ко-кон...

— Конституции?

— Только мечтал! Только мечтал-с! Разумеется — скромно мечтал... Но потом — это прошло, явилась другая «она», более реальная... хе-хе-хе! и, знаете, пожалуй, более приятная, более необходимая воробью... хе-хе...

— Э-гм! — раздалось внушительное крякхтенье. На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заскрипел:

— Э, н-не за-амечаете ли вы, господа, что в воздухе пахнет чем-то, э...

— Весенний воздух, ваше-ство, — сказал воробей. А ворона томно склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы:

— Факк!

— Н-да... Вчера за винтом то же самое говорил мне один потомственный почетный филин... «Чем-то, говорит, э, пахнет...» А я ответил: «Заметим, понюхаем, — разберем!» Резонно, а?

— Так точно, ваше-ство! Вполне резонно! — почтительно согласился старый воробей. — Всегда, ваше-ство, надо подождать... Солидная птица всегда ждет...

На проталину сада спустился с неба жаворонок и, озабоченно бегая по ней, забормотал:

— И заря улыбкой нежной гасит в небе ночи звезды, ночь бледнеет, ночь трепещет, и — как лед на солнце — тает тьмы ночной покров тяжелый. Как легко и сладко дышит сердце, полное надежды, встречу солнцу, встречу утру, встречу света и свободы!

— Эт-то что за птица? — спросил снегирь, прищуриваясь.

— Жаворонок, ваше-ство! — строго сказал ворон из-за трубы.

— Поэт, ваше-ство! — снисходительно добавил воробей.

Снегирь искоса посмотрел на поэта и проскрипел:

— Мм... какой серый... прохвост! Он что-то там насчет солнца, свободы прошелся, кажется? а?

— Так точно, ваше-ство! — подтвердил ворон. — Занимается возбуждением неосновательных надежд в сердцах молодых птенцов, — ваше-ство!

— Предосудительно и... глупо!

— Совершенно справедливо, ваше-ство, — отозвался старый воробей, — глупо-с! Свобода, ваше-ство, суть нечто неопределенное и, так сказать, неуловимое...

— Однако, если не ошибаюсь, кажется, вы сами к ней... взывали?

— Фа-акт! — вдруг крикнула ворона.

Воробей несколько смутился.

— Действительно, ваше-ство, однажды воззвал... но при смягчающих вину обстоятельствах...

— А... то есть как?

— После обеда, ваше-ство! Под влиянием... то есть под давлением винных паров... И с ограничением воззвал, ваше-ство!

— То есть как?

— Тихо сказал: «Да здравствует свобода» и тотчас же громко добавил: «в пределах законности».

Снегирь посмотрел на ворона.

— Так точно, ваше-ство, — ответил ворон.

— Я, ваше-ство, будучи старым воробьем, не могу себе позволить серьезного отношения к вопросу о свободе, ибо сей вопрос не значится в числе разрабатываемых ведомством, в котором я имею честь служить.

— Факт! — снова каркнула ворона.

Ей ведь все равно, что ни подтверждать.

А по улице текли ручьи и пели тихую песнь о реке, куда они вольются в конце пути в своем близком будущем:

— Широкие, быстрые волны нас примут, обнимут и в море с собой унесут, и снова, быть может, нас в небо поднимут горячего солнца лучи, а с неба мы снова на землю падем прохладной росою в ночи, снежинками или обильным дождем.

Солнце, великолепное, ласковое солнце весны, улыбается в ясном небе улыбкой бога, полного любви, пылающего страстью творчества.

В углу сада, на ветвях старой липы сидит стайка чижиков, и один из них вдохновенно поет товарищам где-то слышанную им песню о Буревестнике.

Н. Д. ТЕЛЕШОВ

НАЧАЛО КОНЦА

Отрывок из повести

С Дальнего Востока тянулись воинские поезда; истомленные неудачами и поражениями, возвращались домой полуголодные мужики, подставлявшие свои лбы под пули и свои груди под штыки и сабли — неведомо почему, неведомо за что. Быть убитыми или в лучшем случае искалеченными в самом расцвете жизни требовалось от них не просто как должное и неизбежное, но как желательное, исходящее от них самих. А мужикам хотелось жить и быть здоровыми и счастливыми, а вовсе не мертвецами или уродами. И вот в сознании того, что все ужасное и нелепое кончено, что войны больше нет, что они разъезжаются по домам живыми и пригодными к жизни, нетерпение их росло с каждым днем, а раздражение усиливалось с каждой новой задержкой. Как вдруг перед самой Москвой, на какой-то ничтожной станции Люберцы, останавливают поезд вооруженные дружинники, входят в вагон к старшему офицеру и твердо заявляют от имени революции:

— Сдавайте оружие, свое и солдатское, иначе дальнейшего пропуска не дадим и паровоз отцепим.

В вагоне, а затем и во всем поезде поднимался гомон. Всем хотелось скорее домой; секунды промедления казались часами; кричали, требовали, грозили, и офицеру волей-неволей приходилось сдаваться. Сабли, ружья, патроны, револьверы, сумки и саперные инструменты быстро сбрасывались в кучу на люберецкую землю, и обезвреженный поезд с веселыми солдатами отпускался в Москву.

Ларион Иванович, приехав к жене, только одну ночь провел спокойно. На другой же день настала тревога. И тревога была страшная: все шептали один другому, предупреждая, настораживаясь и не зная, что делать:

— Казаки приехали из Москвы на конях. За плечами ружья, в руках пики, сбоку шашки... Не жди добра!

Сергей Щукин, мрачный, но твердый, взял за руку Лариона Ивановича и сказал ему:

— Пока прощай, Ларя. Ни слова никому об этом. И сестре моей не говори. Дело серь-

езное. За казаками идут семеновцы — из Питера выписали — это штука неладная. Много крови прольют. В Перове они расстреливают людей, как баранов, порют штыками неповинных. Скоро и к нам ворвутся... Приходится спасать положение и удирать с делами немедленно, пока не поздно.

— Куда же? — в страхе спросил Девяткин.

— Пока в Фаустово, а там видно будет. Но — ни слова об этом! — поднял он указательный палец. — Ни слова! Никому!

Он ласково положил на плечи Лариона Ивановича свои обе огромные руки и шепнул ему на ухо:

— Спокойны будьте без меня: в доме ничего нет. Ничего там никто не найдет, так и знайте и в случае чего не робейте.

Еще тише он добавил, обдавая его щеку горячим дыханием:

— Тебе одному доверяю. Оружие наше все закопал там же... ты знаешь... на пустыре. Если не вернусь и если оно опять понадобится, то отдай им... нашим, конечно. Понимаешь?

— Понимаю.

— Прощай. Братика Федю береги. В доме ничего нет, так ты и помни. Ну, счастливо оставаться. Может, увидимся, а может, и нет.

Ни с кем не прощаясь, Сергей Щукин накинул на себя пальто, надвинул на глаза мохнатую папаху и вышел, сказав, что идет в чайную. Девяткин глядел ему вслед. Он видел эту коренастую фигуру в мохнатой шапке, в коротком ватном пальто, в высоких сапогах, распахнувшую наотмашь левой рукою дверь в сени, и сейчас же эта дверь захлопнулась и навсегда отделила хозяина от его дома. Ни жена Девяткина, ни брат Федя не обратили внимания на все это, потому что он каждый день уходил в чайную на собрания, и только один Ларион Иванович понимал, в чем дело, но принужден был молчать, чтобы оправдать доверие.

Наутро всем стало известно, что помощник начальника станции Смирнов пропустил поезд со всеми главными зачинщиками и они прямо от Москвы стремглав промчались в Фаустово под обстрелом из пулеметов войсковых частей. Машинист Ухтомский сам управлял паром и развивал такую скорость в самых опасных местах, что давление доводил до пределов взрыва котла. Жизнь главарей висела на волоске; этим риском он и спас всех их от неминуемой гибели. Когда помощник начальника станции Смирнов дал им благополучно промчаться мимо Люберец, то сам он и Щукин сели на первый попавшийся паровоз и поспешили им вслед, чтобы сообщить какую-то крайне важную местную новость.

Щукин остался в Фаустове, а Смирнов вскоре вернулся на том же паровозе один. А во второй половине дня в Люберцы нагрянули солдаты Семеновского полка, присланные из Петербурга. Они остановили свой поезд за полторы версты и небольшими партиями, человек по десять, стали осторожно подходить с разных сторон к станции, не доверяя тишине. Навстречу им попались три человека, железнодорожные слесари.

— Стой! — загремела команда. — Руки вверх!

Слесари подняли руки. У одного из них вывалился на рельсы старый, заржавленный револьвер, принятый им только что для починки.

После обыска двоих отпустили, а третьему через минуту всадили в висок пулю, и он первою жертвой молча упал на рельсы, и первая кровь заалела на снегу.

Группы солдат все подходили и подходили. Наконец на станции образовалась войсковая часть с офицерами и командирами.

— Стой! Кто идет? — крикнул офицер, хватая за воротник человека в тужурке и в красной фуражке, переходившего рельсы.

— Помощник начальника станции, иду на дежурство по долгу службы.

— Фамилия?

— Смирнов.

— А!.. Вас-то нам и нужно!

Его отозвали в комнату и потребовали назвать всех поименно, кого он пропустил с поездом в Фаустово.

— Даем срок полчаса. Не назовете — расстрел!

— Поезд я пропустил, это верно, — отвечал Смирнов. — Но кто сидел в вагонах, разве я могу это знать?

— Имена! Имена! — заревели семеновцы. — Полный список всех удравших товарищей! Торопитесь.

— Я не могу их знать. Я не знаю.

Тогда его подвели к каменной водокачке и приставили к лицу револьвер.

— В последний раз: имена!

— Я же не знаю, кто садился в Москве в вагоны. Мое дело — путь, а не лица.

В ответ грянули три выстрела, один в лицо, другой в затылок, третий в висок.

— Мы пришли сюда не миловать, но карать, — подтвердил солдатам полковник. — Поэтому требую от вас верности, мужества и решительности.

Он разделил своих солдат на отряды, одних отправил по левую сторону насыпи полотна обыскивать население, других — по правую сторону, а часть оставил при станции.

— Никому пощады! Арестованных не иметь! — напутствовал он солдат и офицеров. — Ни за какие поступки, ни за какие ошибки вы ответственны не будете, кроме как за пощаду. Крамолу и революцию нужно вырвать с корнем, раз и навсегда! Это наш долг перед царем и отечеством. В добрый путь! Ожидаю от вас успехов.

— Рады стараться, ваше высокоблагородие! — громко и твердо отвечали солдаты привычные слова, не разбираясь в существе даваемого обещания.

И они пошли.

У офицеров были поименные списки и фотографии дружинников и главарей, но почти никого из них они не заставали дома. Большинство успело скрыться, а оставшиеся захватывались, допрашивались и отпускались домой. Но когда они отходили шагов на десять—двадцать, им в спину пускались залпы и они падали. Раненых добивали штыками.

С раннего вечера и до полуночи по селению бродили семеновцы с ружьями, штыками и револьверами, отыскивая дружинников и революционеров, сея вокруг себя ужас и смерть. То здесь, то там раздавались ружейные залпы; то слышались отдельные выстрелы, то какие-то страшные выкрики среди зловещей тишины. Иногда голосили бабы, вопили, рыдали, — и либо залп, либо сухой револьверный выстрел был им ответом. События шли одно за другим с поразительной быстротой. В несколько часов все обыски были закончены. В станционную комнату приведено было человек двадцать, и никто из них не знал, за что они арестованы и что их ожидает. Все думали, что их вызовут к офицерам и те выяснят нелепость их ареста. Но участь многих из них уже была решена.

В дом Щукина также входили солдаты.

— Где здесь оружие? Сдавайте без разговоров!

— Нет здесь никакого оружия, — отвечала Девяткина. — И никогда не было.

— А ты сама кто такая?

— Я жилица, Девяткина.

— А ты кто такой? — спрашивали Лариона Ивановича.

— Я ее муж. Официант из Москвы. Вчера на возу приехал. Проведать семейство.

— А ты кто? — спрашивали Федю.

— Я Щукин.

— Щукин! Давно ищем такого. Айда с нами.

Они разломали печку, ища в ней оружия, подняли половицы, взломали шкаф, вспороли постели и, ничего не найдя, увели молчаливого Федю с собой, ударив его на всякий случай прикладом по шее.

На другой день, когда зимние сумерки спозаранку начали окутывать дороги, хижины и горизонты, но виднелись еще в сером тумане соседние строения и прохожие люди, под солдатским конвоем от станции вдоль платформы повели нескольких человек; пересекли путь, вышли потом на Слободскую улицу и мимо щукинского дома направились к баням, замыкавшим дорогу. Люди глядели на все шествие из своих окон и с проезжей дороги и тревожно молчали.

— Ухтомского ведут, — шептали некоторые, угадывая в сумерках знакомую фигуру машиниста. — Крылова тоже ведут... и этих, пятерых... с тормозного завода.

Видел все это из своего окна и Ларион Иванович. Он молча схватил шапку и пошел.

— Куда ты? Куда? Не суйся, — кричала, как обезумевшая, жена. — Федю неведомо куда девали. Теперь ты уйдешь.

Она бросилась на скамейку и завопила громко и с надрывом, по-старинному, несколько нараспев, как не плакали бабы, может быть, уже лет двести. Но Девяткин был неумолим. Он ничего не ответил и вышел за ворота. До бань было всего три дома, а там начинался лес. У этого леса и остановились солдаты. Начальник приказал повернуть всех приведенных лицом к роще. Но Ухтомский отказался.

— Я не боюсь смерти, — сказал он спокойно.

Тогда ему хотели завязать глаза, но он и от этого отказался.

— Поезд с дружинниками ушел из ваших рук только благодаря мне. Я знал, на что иду, и знал вперед, что вы меня расстреляете, если попадусь вам. Кого было нужно спасти, все спасены, и вам не достать их. Мое дело сделано честно. Теперь делайте ваше дело. Командуйте, господин офицер. Не томите.

Девяткин закрыл лицо руками и бросился бежать обратно к дому. Зубы у него стучали, язык онемел. В это время раздался залп, а через несколько секунд второй, а еще через две-три секунды одинокий револьверный выстрел. Очевидно, кого-то добивали.

На третий день два воза с трупами оста-

новились у кладбища, окруженные полицией, жандармами и солдатами. Широкая и просторная братская могила была уже заготовлена. Убитых брали с воза за ноги, за головы и подносили к яме; здесь принимали их другие, стоявшие в глубине ямы, и укладывали рядами.

Девяткин стоял среди зрителей. Здесь были не только просто любопытствующие, но и близкие, друзья убитых, поневоле молчаливые и внешне покорные. Молчание стояло жуткое и торжественное. Мимо них проносили труп за трупом. Вдруг Ларион Иванович похолодел и задрожал мелкой дрожью, как в лихорадке, так что зубы его не попадали один на другой. Он увидел Федю со штыковой раной в горло и в живот, с запекшейся кровью.

— За что? — хотел крикнуть Ларион Иванович, но голос его оборвался: отчаянная боль защемила горло. Он побледнел и зашатался.

А Федю принесли с воза к яме и там приняли его, как и всех прочих, и уложили в очередь.

— Следующего! Давай дальше! — торопили могильщики. — Не задерживай зря.

. . . . . .

П. ЗАМОЙСКИЙ

ПОДПАСОК

Из повести

Ни днем ни ночью нет никому покоя. От стара до мала все толпятся на улицах. Возле церкви не раз собирались сельские сходы всех четырех обществ. Вчера на сходе выступали трое, приехавшие с Харитоном из города. Один из них — племянник Тимофея Ворона, телеграфист Мишка. Они, как и Харитон, называют мужиков «товарищами». Харитон привез еще оружие, книги, газеты, кучу объявлений. На сходах записывались в боевую дружину. Ходили по улицам с красными полотнами. На полотнах такие смелые слова: «Долой царя! Земля народу!», «Долой помещиков-крепостников!», «Союз рабочих и крестьян». На стенах, на крыльце въезжей избы, на сенях школы, на церковной ограде — воззвания. Их много. Вот крупная листовка о трех конституциях. Ее на сходе читал и пояснял Харитон. В одном столбце листовки сказано, чего хотят полиция и чиновники, в другом — чего хотят богачи и кулаки, в третьем — чего хотят рабочие. Полиция хочет, чтобы царь был таким же самодержавным, каким он и есть; богачи хотят, чтобы их самих избрали к царю в палату, а рабочие никакого царя не хотят. Они требуют, чтобы власть была выборной от трудового народа, от рабочих и крестьян. «Тогда, — сказано в листовке, — свободный, просвещенный народ сам будет вести свои дела, будет бороться за такие порядки, чтобы вся земля и все заводы принадлежали трудящимся».

То и дело приезжают мужики из других сел. Они о чем-то договариваются с нашими. Слышно, уже восстали четыре волости, прогнали семнадцать помещиков. На вчерашнем сходе телеграфист Мишка прочитал перехваченную телеграмму. Телеграмма в Петербург, в министерство: «Жгут наши усадьбы, — кричат помещики, — грабят. Защиты нет, войска мало. Просим увеличить число войсковых частей и казаков. Умоляем о помощи. Иначе — полное опустошение губернии». Под телеграммой семнадцать подписей, и нашей барыни.

Мне хочется быть все время в селе, но Захар за меня пасти не идет. Обо всем узнаю только вечером. Харитон наказал, чтобы и мы, пастухи, посматривали.

...Вечером, подгоняя стадо домой, мы увидели необычную картину: мост через Варюшин овраг разобран, от кладбища к гумнам выкопана глубокая извилистая канава. Впереди канавы бугор, перед ним на всем протяжении разбросана солома. Пригнав стадо, узнали, что канава — это окопы. Под соломой, вверх зубьями, бороны. Еще узнали, что во всех кузницах села куют копья, пики.

После ужина я направился было на улицу, но мать стала в дверях.

— Не пущу! Никуда не пущу! Убьют. Это ты взбулгачил людей колоколом.

Не ожидал я этого от матери. А она, чуть не плача, продолжала:

— Забрали бы уж Харитона с Лазарем. Теперь гляди, что пойдет. Всех постреляют.

— Пуль не хватит, — заметил я.

— Не твое дело лезть. Выстилку дам. Живо у меня залезешь на печь!

— И залезу. А ты иди, выгоняй стадо!

— Чорт и со стадом! — крикнула мать.

Отворилась дверь, вошел Павлушка. Мать сразу утихла. Она знала, что раз пришел Павлушка, я никуда не пойду, а буду говорить с ним.

— Что на улице?

— Плохо, — вздохнул он.

— Расскажи.

— Сам, слышь, губернатор с пушками и войском едет к нам.

У меня сердце упало.

— С пушками?

— Да. Бонбами будут грохать.

— Наши сдачи дадут.

— Не-ет, не устоять. Бежать надо из села. Гагара, Хапуги, Блохины, Дерины, все богачи с семьями кто куда тронулся.

— Раз затеяли, теперь хлебай. Какая-то дружина есть?

— Есть. И ружья, и пули, и пики есть. Только у них там войско обучено, а у нас? Эх, надо бы Харитону, Тимохе и Лазарю бежать! Вот нынче опять будет сход, и опять приезжие станут говорить. Из города рабочие бумагу к нам прислали: «Держитесь, слышь, в газетах о вас напечатано. Не сдавайтесь, поддержим вас».

Мать глядела в окно. Она не слушала, что мы говорили. Лицо у нее скорбное.

Задыхаясь, как и всегда, когда приносила какие-нибудь зловещие вести, вошла Мавра.

— Кумушка, — начала она с порога, — собирай ребят! Собирай и собирай. И нечего ждать. Гляди, что теперь будет! Такое кровопролитье... Сроду от веков и не было. Мужики говорят, пущай-де уже измываются на Харитоне... зачал-то он, а прикончут и нас с тобой.

— Туда нам и дорога! — вдруг заявила мать, любившая всегда и во всем возражать. — От такой жизни все одно петля.

Но Мавру ничем не удивишь. Она все знала. За день обегала, наверное, все село. И неправда, что она убежит, если наскочат с пушками. Задержит ее любопытство. Без нее ни одна свадьба еще не обошлась, ни один раздел в семьях. Не было в селе такого скандала, о котором она не знала бы.

В Сясине лес мужики порубили, именье сожгли, стражников прогнали. Как нагряну-ли солдаты, пятерых убили, десятерых прострелили, двадцать в острог увели. В Дерябине хлеб увезли, как наши, а наскочили стражники, и не только барский, весь ихний выгребли и половину деревни нагайками исхлестали. В Кутлине стражнику глаз повредили, и то за это угнали пять человек. А у нас вон ведь что. Хлеба два амбара выгребли да, главное, начальство перебили. Никакого прощенья ни старым, ни малым не жди. Собирайся, кума! К сестре Дуне поезжай.

Мать ничего не ответила. Мавра перевела на другое.

— Гагарин, Семка-то, кой в солдатах, слыхала, убит?

— Ври! — воскликнула мать.

— Письмо Миките от Кузьки. Микиту-то пороли. Безвинный старик, а отстегали. За что? За здорово живешь всыпали. Почему, слышь, старый, не отговорил. А разь его послушаются? Он им: «У меня сын в солдатах. Бунты усмиряет. Царю верой-правдой служит». А ему — десять плетей. Сын-то, мол, сыном, а отец отцом. Вот ему сынок письмецо-то и прислал. Пишет — убит Семка Гагарин. Мужиков усмирял, да самого усмирили. Старик на чем свет ругает Кузьку. Письмо, слышь, хочет писать, родительского благословения лишить, ежели будет в мужиков стрелять. Вон как передернуло старика. «Встану, слышь, возьму вилы и сам пойду воевать». О-ох, вояка...

...Что-то тяжелое грохнуло и загудело... Я бегу в село, кричу: «Казаки, казаки!» Вот уже церковь, вот веревка от колокола. Я испуганно бью, кричу, бью и кричу. Кто-то ударил в плечо, кто-то изо всей силы над ухом:

— Петька-а, Петька, вставай!.. Вставай скорее!

Я проснулся.

— Отец, отец!.. — кричала мать.

Босиком выметнулся на улицу и остановился, пораженный. Изо всех изб выскочили люди, что-то кричали. А колокол все бил всполох. Вот ударили во второй, в большой. Он гудел страшно, будто стонал.

— Где горят? Где горят? — выбежала мать, а за ней отец. — Куда народ-то бежит?

Я не успел ответить матери: из верхнего конца на взмыленной лошади один за другим пронеслись верховые. Не переставая, они кричали:

— Казаки, казаки! Эй, люди-и, казаки едут!

Они промчались мимо. Одного я узнал. Он гулял на свадьбе у дяди Дениса. Верховые были из деревни Тучино.

— Ма-атушки! — взвизгнула Марья, жена убитого Ивана Беспятого, и упала.

У меня затряслись руки и ноги. Взглянул

на мать. Лицо у нее синее, как тканина. Тонкие губы дрожат.

Бом-бом-бом-бом! — гудел большой колокол.

— Мамка, не бойся, не тронут! — крикнул я и побежал к церкви.

Холодно, чуть занималась заря. Возле церкви народ. Бегали с места на место, что-то кричали. Верхом на казачьих лошадях прискакали Лазарь и Харитон.

— Мужики! — закричал Харитон. — Что вы ералаш устроили! Прекратить звон! Скажите, чтобы перестали. Дружинники... десятники, соберите отряды... По местам! Крикните, чтобы перестали звонить!

Мы, куча ребят, вбежали в колокольню и, опережая друг друга, полезли наверх. На колокольне — Тимофей Ворон и Евсей. Они били в набат. Мы замахали руками, у Евсея вырвали веревку.

— Где казаки? — бросились мы к окнам.

— На бугре. Вон к Тучину спускаются.

В предрассветной заре едва видны дали. Но зоркий глаз Ворона заметил, как с горы медленно сползало что-то грозное. Когда стих звон, Харитон крикнул нам:

— Видно?

— Видно, видно!

— Ну-ка, мужики, по местам. Тимофей, Евсей, слезайте!

Громыхая по лестнице, мужики спустились, а мы, ребятишки, остались на колокольне. В окна дул ветер.

— В окопы, товарищи! — раздался грозный окрик Харитона. — Верховые, на коней! По местам! Умереть, так умрем, живы будем — увидимся. Кто хочет покинуть село — езжайте!

Харитон и Лазарь ускакали во второе общество. С колокольни нам видно, как народ — кто на лошадях, кто пешком, вооруженные длинными пиками и ружьями, побежали в верхний конец села, к кладбищу, где окопы. Вчера там установили пушки. Из них стреляли обрезками железа. Осколки долетали до бугра, где стояли щиты.

Скоро выехали на лошадях из второго и третьего общества. Пешие побежали к окопам, верховые ударили левее, к оврагу. Там будет засада. Она расположена по обе стороны дороги.

Видны нам и окопы, и грозно — в два ряда — стоящие косо, остриями вперед колья. Впереди кольев — солома. Под ней — бороны, собранные со всего села. Бороны разбросаны и по переулкам при въезде в улицу.

В селе проснулись все. Запрягали лошадей, сажали ребятишек. Сонные, ничего не понимая, ребятишки плакали. Одна за другой подводы рысью тронулись в нижний конец. Правили лошадьми или дряхлые старики, или бабы...

Теперь нас, пастухов, всех вместе девять человек. Навстречу все бежали люди. Крича и храбрясь, пробежало несколько рекрутов с берданками.

«Что теперь делается там, в овраге, в окопах?»

У дяди Федора глаза красные, лицо испуганное. Подгоняли мы молча, стегали плетьми жестоко.

Возле кузницы брат Самсона Терентий раздавал пики. Самого кузнеца не было. Он, наверное, там, возле самодельной пушки.

Огромное стадо промчалось по переулку. Погнали его полем, как можно дальше от села.

— Слава богу! — проговорил дядя Федор, когда стадо прогнали мимо лошадиного кладбища.

Тут дали скоту передышку. Овцы и коровы от сильного бега кашляли, чихали, как люди. Я посмотрел на кладбище. Был слух, будто тут закопали пристава, урядника и казачьего офицера. Вон две свежие насыпи.

— Передохнем, дальше угоним, — оглянулся старик на село. — Туда, под овраг.

Село видно наполовину, до церкви.

Подошел овечий пастух Михайло.

— У меня Санька тоже сел в окоп, — не то хвалясь, не то осуждая, сказал он.

— Пропади все пропадом, — испуганно вздохнул дядя Федор. — Разгромят деревню.

— Наши тоже скоро не сдадут... Из Владенина на выручку бы успели.

— Побоятся.

— Что-то пока ничего не слышно, — приложил Михайло ладонь к уху.

— Переговоры будут. Потребуют главарей выдать.

— На смерть?

— Знамо. Сибирью не отделаешься.

— На это наши не пойдут, — сказал Михайло.

Коровы, передохнув, начали есть. Солнце вот-вот выйдет. Дует ветер. Развести костер не из чего — ни деревца, ни сухого помета. Да и не до костра нам. Мы напрягли слух. Тишина пугала нас. Что-то там делается — в селе, за селом? Я намекнул было старику, чтобы он отпустил меня, но старик сложил

плеть вдвое и молча потряс ею. Я досадовал, что погнал стадо. Можно было бы спрятаться, не выгонять. И у меня созрел план. Вот бы мы вместе с Павлушкой, Степкой, Авдоней и другими ребятами засели в лесочке, в кустах, и как только казаки ворвались бы в улицу, мы осыпали бы их камнями из веревочных пращей. Кирпичей заготовили бы целую кучу... А теперь сиди вот тут и зябни. Вспомнил отца, опять разобрал смех. И в то же время стало стыдно самого себя. Значит, отец не такой уж трус. Он не отстает от людей. Пошел туда, в окопы, с вилами. Отец сильный. У него огромные руки. Ничего, что он кстати и некстати шепчет молитвы.

— Чу! — шепнул Михайло, и мы замерли. — Никак стреляют?

...Коровы, овцы и телята разошлись по полю. Мы не обращаем на них внимания. Я прилег ухом к земле. Чудится, будто земля тяжело дышит, что в ней бьется сердце. Нет, это я дышу, и в моей груди бьется сердце. Часто-часто, как в кузнице молотки.

— О-о-о! — воскликнули мы все сразу и посмотрели на родное село. Ничего не видно.

— Холостым, — проговорил Михайло.

— О-о! — воскликнули мы снова.

Раздался второй выстрел. Такие выстрелы мы, ребята, — да, наверное, и Михайло со стариком, — слышим впервые.

— Из пушек, — проговорил дядя Федор.

Опять тихо. Лишь эхо, гудя, уходило в поля и овраги. Я посмотрел на коров. Некоторые подняли морды, как бы нюхая воздух.

Мы испуганно вскочили. Донесся особый, отличный от первых двух, выстрел. Он был яростный, злой, с треском. А вот почти такой же второй, вот третий. Снова тихо.

— Что ж это такое? — спросил Михайло. — Взрывы должны быть, а их нет... А-а, — догадался он, — это наши из самоделок пульнули.

Мы повеселели. Верно, вчера из них стреляли. Звук был не такой резкий, стреляли небольшими зарядами, а теперь, видно, заложили, как следует.

— Зря торопятся, — сказал Михайло. — Подождать бы, когда ближе подъедут.

— Может, наскочили? — проговорил наш старик.

— Слушайте, слушайте! Из ружьев...

Звуки ружейных выстрелов походили на хлопанье плетей. Хлопали и залпом, и в одиночку.

— Пули сюда не долетят? — спросил дядя Федор.

— Говорят, за семь верст достают, — ответил Михайло.

Вспомнил я о матери. Что с ней сейчас? Почему не уехала?

— Глядите, глядите! — указал Ванька по направлению к лошадиному кладбищу. — Э, вон и на гору тронулись.

Словно муравьи, хлынул народ из села. Ехали на подводах, скакали на лошадях, просто бежали. Кое-кто присел на ближних межах.

Опять трескотня. Эхо доносилось не из села, а с правой стороны, от оврага.

Третий гулкий выстрел раздался совсем неожиданно. Взметнулся страшный вихрь земли, затем раздался такой взрыв, что под нами дрогнула межа.

— Как следоват, чугуном, — пресекшимся голосом проговорил старик.

Снаряд разорвался где-то возле кладбища. Не успело стихнуть эхо, как снова рявкнул выстрел. В самой середине нашей улицы поднялся столб земли, бревен, клочьев соломы. Ударил набат.

— Горит, горит! — закричал Ванька.

Дым, черный с проседью, вывалил густым столбом. Хлынул вверх грозно, торжественно. Скоро показался огонь.

— Ужель опять будут стрелять? — спросил дядя Федор.

Как бы в ответ ему снова бухнуло, и над селом, выше колокольни, появилось облачко. До нас донесся визжащий взрыв.

— А-а, — протянул Михайло, — это картечь. Про нее покойник Иван рассказывал. Рвется вверху, а вниз осыпается градом.

— Ах, сволочи, — выругался старик. — Что делают! Э-э, глядите, коровы-то...

Сгрудившись, коровы мычали, трясли головами. Все они смотрели на село, словно разумные.

— Животное, а беду чует, — проговорил Михайло. — Овцы — тоже в куче.

Народ все бежал и бежал из села. Бабы несли грудных, мальчишки тащили узлы. Я вглядывался, нет ли нашей мамки. Может быть, она где-нибудь сидит с ребятами на меже и плачет!

Опять ружейная пальба.

Пожар разросся. Горела не одна изба. Снова вымахнул столб дыма, уже в середине нашей улицы. Избы там стоят кучно.

«Гагаре бы сгореть-то», — пожелал я.

Солнце взошло из-за тучи. Осветились поля и половина села. На церкви заблестели кресты. Всполох все гудел. Кто-то смелый бил в набат.

— Видать, наши крепко держатся, — с гордостью заметил дядя Федор.

— А пушек больше не слыхать, — проговорил Михайло.

— Гляди, верховые. Ужель дружинники отступили?

Два раза подряд ударили знакомые нам выстрелы. Били наши пушки. Едва смолкло эхо, как дважды злобно ответили им с горы. Первый взрыв поднял землю опять в конце улицы, второй — на середине села. И там занялся пожар.

— Гореть всем! — махнул рукой старик, и на глазах его выступили слезы.

Верховые скакали полем. Их было пятеро. Они мчались, запрокинувшись на спины лошадей.

Набата уже не слышно. Вскоре донесся страшный рев, гул, топот и далекие крики. Опять выстрелы, снова крики.

Первый верховой близко. Он скачет к нам. Михайло побежал навстречу.

Проскочив мимо, верховой остановил лошадь, спрыгнул и упал на колени. Лицо у него в крови. Это Петр Ширяев, рекрут. Он упал вниз лицом, начал загребать руками землю. Потом исступленно принялся что-то кричать.

Один за другим подскакали остальные. Они также спрыгнули с лошадей и, словно не видя нас, уставились на горевшее село. Оттуда сильнее и яростнее доносились крики.

— Степан? — схватил Михайло за плечо мужика.

— Все пропало, — махнул тот рукой.

— Что, что там? Держутся мужики-то, аль их разбили?

— Все полетело. Брата ухлопали у него, — указал он на рекрута, — Спирьку. Как хватили по голове, ровно арбуз.

— Орефия Жилу тоже, — вступился другой. — Так-то хворый, а тут чорт его сунул.

— Кузнеца разорвало.

— Самоху?

— Пушкой. Заложили в нее чуть не всклень, она и трахнула, и сама вдребезги. Куски от Самохи не соберешь.

— В село-то вступили?

— Небось, там... Гляди, вон еще скачут.

От села в разных направлениях скакали верховые. Кто на гору, кто сюда, кто в степь — к лесу, к оврагу.

— Вдребезги разбили.

— А наша засада на лошадях?

— Что они сделают! У тех две сотни драгун... две сотни. Да сотня казаков. Сам генерал во главе! И губернатор там. Слышь, пехота еще. Разь можно устоять?

— Владенинских бы на выручку.

— Ехали, да на полпути и их разбили.

— Ах, грех какой... Гляди-ка, горит...

Пожар бушевал в середине села. Дул ветер, туча, что была на горизонте, теперь, как черная стена, застлала полнеба.

Еще подскакали верховые. Среди них и Митька, брат Ворона. У него в руках копье.

— Ну, навоевался? — крикнул Михайло.

— Да, навоевался.

— Много наших ухлопали?

— Кто считал! Теперь драгуны в селе.

— Бороны не помогли?

— В одном переулке сели на них, а потом догадались и все разбросали.

— Учителя ранило! — крикнул молодой парень.

— Тоже воевал?

— С берданкой. Умрет, не выживет. Все что-то кричит. В грудь его...

Наступило молчание. Поднялся Петр. Он ранен в скулу. Сорвал с себя рубаху. Митька и парень неумело начали ему перевязывать лицо.

— Петька, иди к стаду, — сказал мне старик. — На грань коровы тронулись.

Коровы испуганно брели по полю, не наклоняясь к корму. Я шел и оглядывался на пылающее село.

Когда дошел почти до грани, сзади отчетливо послышались выстрелы. Оглянувшись, замер. Полем на степь мчалось около двадцати верховых, а за ними гнались и стреляли человек десять. По тому, как сидели те и другие на лошадях, я догадался, что впереди были наши, а сзади драгуны или казаки. Вот уже совсем наших нагоняют, некоторые бросились врассыпную, остальные выметнулись на степь. Вдруг те, что сейчас приехали сюда, к нам, вскочили на лошадей и, пригнув головы, выставив пики и копья, с гиком ринулись на выручку. Завидев помощь, наши в степи приостановились. С замиранием сердца я наблюдал, что будет дальше. Опять выстрелы, отчаянные крики, кто-то свалился. Схватились, столкнулись лошади. Скоро из-под оврага выскочили наши и ударили сбоку. Свалилось несколько человек. По степи бегали лошади без всадников. За стойлом стая наших гналась теперь за драгунами. Они нырнули в овраг, выметнулись и помчались на село. Им наперерез ударили несколько подоспевших всадников, и все скрылись за пригорком.

...Весь день кружили мы стадо на одном

месте. К вечеру народ постепенно уходил с полей в село. Пора бы и нам гнать, но мы боялись. Драгуны могут забрать коров. Солнце скрылось за тучу, стало темно.

— Будь, что будет, давайте гнать, — сказал старик.

На гумнах и в переулке стояли девки, бабы ребятишки. Они пришли встречать коров, как в первые дни выгона.

Разобрав полстада, погнали их не улицей, а гумнами.

Пустив остальное стадо, мы пошли поврозь, кто куда. По улице разъезжали верховые. Мимо проскакал драгун. Он глянул на меня. Я вздрогнул. Свирепое, чужое, дикое лицо.

«Башибузук», вспомнилось мне письмо, читанное телеграфистом.

Вот и пожарище. Оно еще дымится. Сгорело шесть изб, вплоть до переулка, до избы Ширяева Спиридона. Возле его избы верховые. Доносились плач и причитания.

— Стало быть, верно, дядю Спиридона убили.

Вспомнилось, как он тогда, на сходе напомнил о молебне управляющему, а сам в церковь ходил только на пасху.

«Что с Харитоном, с Вороном, Лазарем, Мишкой-телеграфистом? Всех теперь забрали?»

А вот и изба Харитона. Тоже верховые возле. Я прошел, не оглядываясь.

«Арестован. Караулят».

— Лови! Лови! — вдруг послышалось на улице. Я отпрянул к чьей-то мазанке и прижался к углу. По дороге бежала корова Попадья. За ней гнались трое верховых. У одного в руках веревка. «Что они хотят с ней делать?»

Вдруг я вздрогнул. На плечо легла чья-то рука. Оглянулся — и сердце отошло. Передо мной стоял Павлушка.

— Дружище, — обрадовался, — ты жив?

— Чуть не кокнули.

— Расскажи, что видел.

— О-о, не спрашивай... Гляди-ка! — воскликнул Павлушка, — корову поймали.

Попадью, верно, поймали. Она упиралась, сзади хлестали ее нагайками. Потом рысью прогнали ее к церкви.

— Резать будут, — сказал Павлушка.

— Много драгун и казаков?

— Казаки уехали в другие села. Драгун осталась сотня. Вторая с пушками тоже уехала. Арестованных угнали...

— Много?

— Человек с полсотни. Тут и владенинских захватили, и из второго, и из третьего общества. Наших — человек пятнадцать.

— Кого?

— Первого — старосту, за ним — Ворона, он ранен в ногу. На телегу навалили, связали. Лазаря забрали. Глаз ему вышибли. Эх, и злой этот генерал! Порол сам. Лазарю пятьдесят всыпал.

— Еще кого забрали?

— Деда Никиту вместе с Кириллом. Евсея Клюшкина тоже. Эх, тот и дрался! Не хотел сдаваться. Прикладом оглушили. Погорельцев этих тоже. Дядю Дениса...

— Вот ему и Сибирь, — вздохнул я.

— Сибирь-то что, повесят всех. Жену Ивана Беспятого чуть не убили. Она вилы лошади в бок всадила. Били ее как! О своем крестном ничего не слыхал?

— А что?

— Ревут, как у Ширяевых.

— Убит?

— Некому и на клиросе будет петь... А поп наш раньше сбежал. Как стадо угнали, он с семьей на двух подводах подался. В его доме теперь губернатор и генерал.

— Твой отец где? — спросил я.

— В степь подался.

— А о моем отце ничего не слыхал?

— Нет. Вот учитель наш в грудь ранен.

— Как он попал?

— Из берданки стрелял... А что ты, — Павлушка оглянулся, — что о Харитоне не спросишь?

— Страшно! Ну, уж говори, где они с Мишкой?

Павлушка прищурился и тихонько присвистнул.

— Убиты? — схватил я его за руку.

— Нет, — шепнул он.

— Арестованы?

— Надо сперва найти их.

— Ну?

— То-то. Как ни искали их, как ни допытывались, ровно сквозь землю провалились.

И еще тише Павлушка зашептал:

— У Харитона потайное место есть. Пещера Лейхтвейса.

Павлушка улыбался. Мы невольно обнялись.

— Вот какими надо быть, — сказал я. — Хочешь таким?

— А что же ты думаешь, — ответил он, — подрастем и будем такими...

ПАВШИМ БОРЦАМ

Из подпольной газеты 1906 года

Вечная память погибшим со славой
Воинам общего дела!
Слава тому, кто на подвиг кровавый
Вышел отважно и смело!

Черная полночь скрывает измену,
Трусы врагу предаются.
Братья, когда мы погибнем, на смену
Новые силы найдутся!

С бодрым заветом — «свобода и право» —
Счастье идет к угнетенным.
Воинам смелым — победа и слава!
Вечная память сраженным!

М. КОКОВИХИН

ВОССТАНИЕ СОЛДАТ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Воспоминания старого большевика, участника революционного движения с 1900 года Михаила Николаевича Коковихина. Написаны для этого сборника

Восстание солдат брестской крепостной артиллерии и 2-го Осадного артиллерийского полка было организовано большевистской группой, созданной вскоре после расстрела рабочих 9 января 1905 года в Петербурге. В первое время группа состояла всего из пяти членов, в число которых входил и автор этой статьи. К июлю 1906 года, к моменту восстания, группа выросла до 10 членов партии. Это был, конечно, определенный успех, однако у нас не было ни теоретических знаний, ни достаточного опыта агитационно-пропагандистской работы. Это не могло не сказаться на подготовке и проведении восстания.

Вести политическую работу в царской армии было вообще очень трудно. Правительство стремилось сделать армию надежным оплотом самодержавия против революции и поэтому всячески изолировало солдат от гражданского населения.

Днем и ночью солдаты находились под надзором офицеров. Чтобы навестить земляка или знакомого в другой казарме, хотя бы находившейся в ста шагах, нужно было получить разрешение взводного командира и взять у дежурного по роте жестяной знак, на котором обозначалась воинская часть и номер роты. В другой казарме следовало отдать отпускной значок дежурному по роте, сообщить ему причину своего прихода. Дежурный следил за тем, когда пришедший покинет казарму. В город солдат отпускали по увольнительным запискам за подписью командира роты.

Солдатам категорически воспрещалось читать литературу и заниматься по учебникам, хотя бы русского языка или арифметики, если на книге не было разрешительной надписи командира роты, а последний, как правило, разрешал к чтению только «душеспасительные» книжонки.

Солдатские письма шли через ротную канцелярию, где их вскрывали и прочитывали. Солдатские сундучки и постельные принадлежности время от времени подвергались осмотру под предлогом проверки чистоты.

Дисциплина была палочной — за малейшее отступление от уставных правил солдат ожидали тяжкие наказания, нередко пускались в ход кулаки.

Такая обстановка очень затрудняла партийную работу, не давала возможности установить связи между организациями.

Уже в 1905 году в нашу большевистскую группу начала поступать нелегальная литература. В 1906 году приток листовок, газет и брошюр, предназначенных для солдат, усилился. Литература поступала главным образом из Москвы, Петербурга и Варшавы. Некоторое ее количество присылала Е. Д. Стасова в адрес врача военного госпиталя К. А. Крестникова, который передавал литературу врачу того же госпиталя Иванову, а последний доставлял ее нашей группе. Эта литература оказывала несомненное политическое воздействие на сознание солдат.

Толстые стены Брестской крепости не

смогли задержать весть о всероссийской октябрьской стачке. Солдаты узнали о ней, бывая в городе. Желанная весть влила новую энергию в работу большевистской группы. Сначала о стачке говорили шопотом, с отдельными, надежными солдатами. Но скоро члены группы поняли, что излишняя осторожность мало способствует успеху агитации, и группа решила обратиться к солдатам с воззванием о политической забастовке.

Воззвание было кратким. Оно уместилось на одной странице.

«Товарищи солдаты, — гласило воззвание, — наступило время и нам поднять свой голос против чинимых офицерами жестокостей и надругательства над человеческой личностью. Надо требовать свободной жизни солдат, улучшения питания и обмундирования. Мы добьемся удовлетворения наших нужд, если объявим забастовку, прекратим выход на ученья, караульную службу и работу и тем самым окажем поддержку борющимся рабочим».

Воззвание было расклеено в местах наибольшего скопления солдат — у дверей столовых, у центрального прохода цитадели, около уборных и т. д. Более половины артиллеристов строевых и нестроевых рот откликнулись на призыв большевиков. В течение трех дней забастовщики не подчинялись командирам, отказывались выполнять служебные обязанности. Забастовка произвела огромное впечатление на весь гарнизон крепости, насчитывавший 12—15 тысяч солдат. Артиллеристы показали такую силу и смелость, что начальство, совершенно растерявшись, не решилось применить крутые меры. Оно держалось пассивно-выжидательной тактики.

Жестокий и неумолимый командир брестской крепостной артиллерии генерал Иванов, видимо по указанию сверху, стал заходить в казармы, заговаривать с солдатами, плясунам и гармонистам совал по рублю. Когда вышел приказ о выдаче солдатам чая, сахара и носовых платков (чего они раньше не получали), Иванов снова отправился по казармам расписывать «щедроты» царя.

Однако, заискивая перед солдатами, начальство вело в то же время расследование и вскоре установило, что воззвание было отпечатано на пишущей машинке управления артиллерии. На этой машинке могли печатать только писаря Горохов и Александров — члены нашей группы. Они были арестованы, преданы суду и осуждены на каторжные работы.

Тем не менее, наши революционные связи среди солдат расширялись, и мы договорились созвать совещание представителей частей. Совещание состоялось в апреле или мае 1906 года на полигоне, близ 4-го форта. Присутствовало на совещании до 40 представителей от рот и батальонов. Были заслушаны сообщения о настроениях среди солдат, большинство делегатов доложило, что солдаты чутко отзываются на все революционные события и при усиленной агитации можно подготовить восстание. Было решено: шире развернуть агитацию за вооруженное восстание.

Переход с казарменного положения в летний лагерь облегчил ведение агитации и распространение нелегальной литературы.

Но, как и большинство солдатских восстаний 1905—1906 годов, восстание артиллеристов Брестской крепости вспыхнуло преждевременно, стихийно, что предопределило и его исход. Масса солдат пехотных и кавалерийских частей, находившихся в радиусе 10—12 километров вокруг Бреста, еще не была готова выступить с оружием в руках.

8 июля 1906 года, после проверки, около 10 часов вечера, на шоссе, шагах в ста от палаток, небольшая группа солдат безо всякого повода крикнула «ура». Этот крик, раздавшийся во внеурочное время, остальные солдаты восприняли как сигнал к восстанию, о котором говорили им агитаторы. Возгласы «ура» повторились в разных концах лагеря, пока их не подхватили все артиллеристы — две тысячи человек.

Члены большевистской группы попытались остановить солдат и прекратить выкрики. Но через несколько минут стало ясно, что сделать это невозможно, что масса рвется к действиям. Тогда большевики решили приложить все силы, чтобы ввести восстание в организованные рамки, а также вовлечь в него солдат других воинских частей.

Мне было поручено выполнить эту задачу в 3-й вылазочной батарее, во 2-м Осадном артиллерийском полку и в Калужском пехотном полку. Со мной отправился солдат Климов, сочувствовавший нам, большевикам.

Батарейцы и пехотинцы присоединиться к восстанию отказались. Зато во 2-м Осадном полку мне достаточно было обратиться с кратким призывом, как солдаты закрича-

ли «ура», расхватали из стоек винтовки и двинулись к лагерю крепостной артиллерии.

Остальные члены большевистской группы пытались поднять на восстание крепостные батальоны, Ревельский пехотный полк и другие части, но безрезультатно. Солдаты не решались ослушаться офицеров, которые по приказанию коменданта крепости уже прибыли в свои части.

Когда артиллеристы узнали, что крепостная пехота не хочет присоединяться к восстанию, их обуяла ярость (агитаторы говорили раньше, что солдаты крепостной пехоты ждут только сигнала к восстанию). Раздался крик: «В ружье!» Солдаты крепостной артиллерии ринулись к палаткам, захватили винтовки и патроны, выбежали на шоссе и открыли пальбу по лагерям пехоты, находившимся на расстоянии 1—2 километров.

Большевики пытались удержать артиллеристов от такого братоубийственного шага. Но нам это не удалось. Стрельба продолжалась до тех пор, пока не иссякли патроны караульного запаса. Затем масса восставших двинулась к офицерскому собранию. Солдаты решили расправиться с особенно ненавистными офицерами. Предупрежденные вестовым, офицеры выбежали из собрания, бросились в крепостной ров, переплыли его и скрылись в цитадели крепости. Все те, кто издевался над солдатами, истязал их, теперь стремились скорее выбраться из крепости, чтобы избежать возмездия.

Не обнаружив в собрании никого, солдаты закричали:

— Братцы, мы опоздали, офицеры скрылись! Поджигай собрание!

Заполыхало пламя, и через два-три часа помещение сгорело дотла.

Командир крепостной артиллерии Иванов, ненавидимый солдатами, решил ночью бежать из лагеря. Однако солдаты узнали его, раздались возгласы:

— Держите! Генерал Иванов удирает!

Группа солдат бросилась наперерез коляске. Один бросил в Иванова булыжником, но промахнулся. А те, кто хотел остановить лошадей, были отброшены в сторону, причем одного из солдат сильно ударило дышлом по голове.

На другой день, 9 июля, в настроении солдат уже произошла перемена: боевой дух резко снизился. Правда, начальник штаба крепости, прибывший в 1-й батальон для уговоров, был освистан и выпровожден из лагеря. Но это отнюдь не свидетельствовало о боевом настроении, а было только отголоском вчерашнего бурного дня.

Между тем командование нашего полка придумало уловку: по лагерю распространился слух, что те солдаты, которые покинут лагерь и перейдут в крепость, не будут привлекаться к ответственности. Большевики и революционно настроенные солдаты убеждали колеблющихся не уходить в крепость. Но страх перед наказаниями делал свое дело: солдаты потянулись в крепость, и к вечеру из лагеря ушло более половины.

10 июля в лагерь к восставшим прибыл комендант крепости, генерал Лазарев. Он обратился к солдатам с вопросом: «Чем вы недовольны?» Большевик Иванов ответил: «Вы уже сослали на каторгу Горохова и Александрова. Мы новых жертв не хотим!» За эти слова Иванов впоследствии был осужден на вечную каторгу.

Из задних рядов к ногам коменданта был брошен пакет с солдатскими требованиями, заранее заготовленными большевистской группой. Требования состояли из 16 пунктов. Вот некоторые из них: 1) удалить командира части, 2) освободить Горохова и Александрова, 3) разрешить солдатам свободные отлучки после занятий и перекличи, 4) открыть для солдат свободный доступ в сады и театры, 5) разрешить чтение книг и иметь в солдатской библиотеке всю литературу, выходящую в свет, 6) устраивать собрания для выяснения солдатских нужд, не предавая участников собраний суду, 7) вежливое обращение офицеров с солдатами. Остальные требования касались улучшения пищи, обмундирования, отпусков, отмены работы и т. п.

Лазарев приказал своему адъютанту распечатать брошенный пакет и тут же прочитать требования. Когда требования были оглашены, комендант крепости заявил:

— Братцы, я не имею права решать такие вопросы. Но я телеграммой сообщу о них государю-императору, и что он разрешит, то тут же будет проведено.

Это тоже была уловка. После выяснилось, что еще накануне царь приказал подавить наше восстание вооруженной силой.

Лазарев уехал. Солдаты бездействовали, и настроение их падало. В тот же вечер артиллеристы обнаружили в километре от

лагеря цепи пехоты, за которыми находились кавалерия и легкая артиллерия. Всего против восставших было стянуто не менее 12 тысяч войск.

Члены большевистской группы и другие солдаты незаметно приблизились к залегшей пехоте и убеждали ее не участвовать в подавлении восстания. Одни пехотинцы слушали уговоры молча, а другие угрожали штыками.

Всю ночь в лагере не спали. Кольцо пехоты все суживалось. К 4 часам утра 11 июля она подошла к шоссе. Пехотный полковник крикнул:

— Сдавайтесь! Выходи на переднюю линейку без оружия! Иначе через десять минут открою огонь!

Артиллеристы выстроились на линейке. И только тогда пехота решилась окружить нас вплотную. Полковник бил кулаками артиллеристов, у которых замечал какой-нибудь непорядок в обмундировании, шагал перед строем и безустали ругался, пересыпая площадную брань выкриками: «бунтовщики, преступники!»

После того как над нами поиздевались вдоволь, нас окружили и повели в только что выстроенный, еще не заселенный 10-й форт. Арестованных оказалось 434 солдата.

С восстанием было покончено.

Месяца через полтора большинство арестованных было освобождено. Судили 32 солдат, которых приговорили к каторжным работам и арестантским ротам на разные сроки. Пять солдат были оправданы.

Несмотря на свою политическую незрелость, ни один из арестованных не выдал членов большевистской группы и тех солдат, которые вели агитацию за восстание. Наша большевистская группа осталась нераскрытой.

МОРЕ В ЯРОСТИ СТОНАЛО

Песня была сложена в морской кронштадтской следственной тюрьме и пользовалась большой популярностью среди матросов, участников флотских восстаний. Матросы занесли эту песню к политическим. Сложена была песня в связи с казнью девятнадцати участников кронштадтского восстания 1906 года. Казнь произошла 21 сентября 1906 года

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались...
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз...

Там, в мешках лежат, зашиты,
Трупы юных моряков, —
Были пред зарей убиты
Девятнадцать удальцов.

Море видело — косою
Шли спокойно моряки
С песней звучной, боевою...
Вкруг — солдатские штыки.

Братья братьев привязали
Крепко-накрепко к столбам.
Братья братьев расстреляли.
Ужас веял по волнам.

Небо сразу побледнело.
Люди торопились скрыть
Ими сделанное дело, —
Трупы в море опустить.

Чтобы жертвы их не всплыли
На трепещущих волнах,
Люди с трупами зашили
Камни тяжкие в мешках.

День безоблачный сияет.
В гавань дальних берегов
Море бережно вздымает
Трупы славных моряков.

Вихрь промчался возмущенья.
Все народы гнев объял.
Смерть царю! Злодеям мщенье!
Час суда для них настал.

ЕВГ. ТАРАСОВ

СМОЛКЛИ ЗАЛПЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Смолкли залпы запоздалые,
Смолк орудий гром.
Чуть дымятся лужи алые,
Спят кругом борцы усталые —
Спят нездешним сном.

Вечер веет над скелетами
Павших баррикад.
Над телами неотпетыми
Гимны скорбными приветами
В сумраке звучат.

Спите, братья, с честью павшие, —
Близок судный час.
Спите, робости не знавшие, —
Ночь в руках у нас.

Все, что днем у нас разрушено,
Выстроим во мгле.
Жажда битвы не задушена
В раненом орле.

Ночью снова баррикадами
Город обовьем.
Утром свежими отрядами
Новый бой начнем.

Спите, братья и товарищи!
Близок судный час —
На неслыханном пожарище
Мы помянем вас!

А. ЗАТЕРТЫЙ (НОВИКОВ)

КАЗНЬ 19 КРОНШТАДТСКИХ МАТРОСОВ В 1906 ГОДУ

Воспоминания матроса-очевидца

Было еще темно. Форт, погруженный в предрассветный сумрак, казался издали спящей горной громадой, кое-где только виднелись редкие огоньки. Здания крепости, немые свидетели того, что должно было здесь совершиться, зловеще подымались ввысь, холодные, угрюмо-тоскливые.

Из амбразур казематов угрюмо выглядывали пушки, зияя своими черными, как сатанинский взгляд, жерлами. Дул резкий, порывистый ветер. По небу ползли тяжелые, свинцовые тучи, скрывая собой уже начавшие меркнуть редкие звезды. Море глухо шумело. По временам большие волны со страшной силой набегали на каменные глыбы крепости и, разбившись в мелкие брызги, с жалобным стоном убегали обратно слабыми струйками. Безнадежностью и унынием веяло от всей этой картины.

На месте, предназначенном для исполне-

ПИСЬМА МАТРОСОВ, КАЗНЕННЫХ В КРОНШТАДТЕ 21 СЕНТЯБРЯ 1906 ГОДА ПО ДЕЛУ О ВОССТАНИИ 19 ИЮЛЯ

1906, сентября 17-го дня.

Здравствуйте! Последнее мое прощальное письмо, а я иду на смертную казнь через расстрел. Я пошел не один, — нас пошло 19 человек. Я погибаю за народное дело, мы добивались свободы всего народа, который страдает всю жизнь, как и вы. Вы тоже страдаете, но страданья должны скоро кончиться, должна скоро быть свобода, за которую я погибаю. Но если будет свобода, тогда узнаете, какая нам будет честь. Нас сейчас провожают с честью. Нас губят палачи-офицеры, которые стоят за правительство.

5-го экипажа артилл. квартирмейстер
Алексей Данилович Кукарцев

Товарищи! Остается несколько часов до расстрела. Все спокойны. Мысль о скором переходе в вечность нас не пугает. У окна стоит часовой и плачет. Служащие со слезами на глазах приходят прощаться и просят на память ленточки и кокарды. Все понимают, что это не погром кронштадтских лавок, все понимают прекрасно, что мы восстали за счастье народа, желая ему лучшей доли. Поняло и правительство и задумалось.

Да, сколько ни думайте, а земли и воли дадите! Офицеры и те сочувствуют нам и говорят о нас с уважением. Мы мало сделали, но сделали все, что мы могли, и пусть правительство знает, что скоро расчет. Убивая и расстреливая нас, оно наживает сотни мстителей за каждую погибшую жизнь.

Стонет Россия, стонет народ, и сильнее стона раздается крик мести народной. Преступное правительство смело вешает, режет и расстреливает, думая этими мерами уничтожить ненавистную ему крамолу.

ния приговора «суда скорого, правого и милостивого», были уже вкопаны два столба в 20 саженях друг от друга, а между ними протянута веревка на высоте половины человеческого роста от земли. Сюда еще за полтора часа до казни привели 19 приговоренных к смерти матросов.

С гордо поднятыми головами и смелой, уверенной поступью подошли они к роковому месту. Лишь редкие из них тревожно озирались вокруг, ища, вероятно, близких сердцу людей. Но напрасны были их поиски. Здесь стояли лишь чужие, вооруженные винтовками люди, которые, вытянувшись в струнку и застыв неподвижно, были похожи на бездушные изваяния.

И все кругом: мутное небо, море, подавленное густой серой мглой, угрюмые силуэты крепостных твердынь, черневшие во мраке, темная, неподвижная громада людей, замершая в зловещем ожидании, слабое мерцание фонарей, дрожавшее на стали ружей, — все было так согласно, все сливалось в одно ощущенье ужаса и смертельной тоски.

Но осужденные были спокойны. На их лицах, едва озаряемых светом огня, не замечалось ни тени трусости, колебания и сомнения в правоте своего дела. Они мужественно и твердо ждали того, что было неотвратимо.

Их подвели к канату и поставили в один ряд. Перед ними выстроилась рота матросов стрелковой команды, состоявшей из самых отсталых, забитых благодаря «особому обучению» людей. Она, несомненно, могла лучше других выполнить предназначенную роль убийц. Но, на всякий случай, за стрелками-матросами, чтобы они не отказались расстреливать своих товарищей, было поставлено несколько пехотных взводов, а позади всех — пулеметы, у которых вместо солдат стояли сами офицеры...

Приступили к чтению смертного приговора. Но едва раздались первые слова, как, заглушая их, вдруг поднялся и задрожал густыми стройными звуками печальный, величественный мотив:

Мы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу...

Стрелки, услышав это и выйдя из оцепенения, внезапно всколыхнулись, точно по сердцу каждого из них чем-то больно резнули. Мрачные лица их судорожно передернулись. Некоторые из них уныло смотрели на тех, кого они через некоторое время, исполняя волю всевластных душителей свободы, должны будут уничтожить.

А обреченные, изливая в этой песне всю свою скорбь и муку, продолжали петь:

Мы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу...

Скорбные звуки лились плавно и печально. Но по временам голоса поющих сливались в один грозно-рыдающий напев, который несся над необъятной морской ширью куда-то вдаль, точно его подхватывал ветер. Казалось, что это вырвавшаяся из тяжелых оков мятущаяся человеческая душа, горестно рыдая, возносилась к солнцу.

Приговор так и не был прочтен. Начальство заметило, что настроение стрелков-матросов и остальных солдат становилось все тревожнее. Поэтому поторопились покончить с обреченными...

Нет. Мы не боимся, мы шли за правое дело, с улыбкой пойдем на казнь. Мы смеемся над бессилием наших палачей. Из 2 236 человек едва-едва набрали виновных к смерти 19 человек. Допрос вести пришлось с револьверами в руках. 200 свидетелей было со стороны защиты и только 198 со стороны прокурора, из которых многие говорили суть дела, не называя фамилии. Судьи терялись, не находя концов, и кончили тем, что набрали число, но не нашли нужных виновных. Вся Россия виновата! Вот где виновники! Не виноваты только богачи и министры!

Отец делит голодный крик вместе с последним куском хлеба между детьми. Кто может не болеть душой, глядя, как голодная мать полуиссохшей грудью кормит сына! Корми, корми, болезная! Готовь сына на службу вампиру-царю! Корми на борьбу с вампирами, сосущими кровь народную! Скоро, скоро поведут нас на казнь, последние часы доживаем, но много еще в экипажах мы оставили крамолы, не вернуть убийце потерянной власти! Казнями не успокоишь народ! Мстите за нас, борцы. Бейтесь на смерть. Скоро настанет радостный день.

Убийцы ночью расстреливают нас. Бьют барабаны, трубят горнисты, чтобы не слышны были стоны. Мешками головы покрывают, чтобы не видно было мук наших. Жирные попы с крестами приходят благословлять нас. Прочь, подлые соучастники убийства! Ваши руки в крови! Христос не велел убивать!

Прощайте! Прощайте! Отомстите за нас! Матери, благословляйте детей на борьбу с царем! Братья, мстите за нас! Соединяйтесь дружней на великое дело! Сбросьте оковы правительства! Довольно рабских цепей. Долой царя! Да здравствует свобода всему русскому народу!

1906 г. 18 сентября в 9 часов вечера, на другой день после объявления смертного приговора.

Матрос Николай Комарницкий

(Журн. «Красный флот» № 3 за 1923 год)

Казненных начали складывать в большие мешки, которые должны были заменить собою гробы. Но их оказалось только девять штук. Лишь с трудом удалось втиснуть в них девятнадцать изувеченных трупов.

Когда все было готово, эти мешки, наполненные человеческим мясом, погрузили на пароход и отвезли за Толбухин маяк. Там, привязав к ним предварительно железные грузы, выбросили их за борт.

Волны расступились и скрыли в своих холодных глубинах жертвы необузданного произвола. Но, словно стыдясь, что его делают участником непрощаемого злодеяния, море через несколько дней прибило часть мешков с трупами к берегу, как раз против царской дачи «Александрия».

МЫ — БРАТЬЯ

Стихотворение из подпольной газеты „Казарма“

Мы — братья. Мы — братья. Мы выросли оба
В нужде, беспросветной нужде.
Всю жизнь в непосильном труде
Судьба нам сулила томиться до гроба.
Я сабли выковывал, делал картечи,
Ты землю чужую пахал.
И вот мы сошлись. При негаданной встрече
Меня ты — мой брат! — не узнал.

Я в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Сошлись мы, как враг со врагом.
Ты бросил в лицо мне мои же шрапнели,
Ударил моим же штыком.
Я вышел на бой, но на бой не с тобою,
Тебя же враги провели,
Наполнили сердце нелепой враждою
И властно командуют: пли!

Родная земля обагряется кровью,
За залпами залпы гремят...
Встречаешь меня ты не братской любовью,
А злобой, обманутый брат.
Я в блузе рабочей, ты — в серой шинели
Один на другого идем.
Брат, помни, я делал штыки и шрапнели,
Ты будешь их делать потом.

Мы — братья. Мы — братья. Я верю глубоко —
Настанет иная пора.
Она уже близко... Она недалеко...
Недолго нам ждать до утра.
При свете свободы увидишь ты брата
И брату навстречу пойдешь.
И то, чему слепо ты верил когда-то,
Со мною на суд призовешь.

Я в блузе рабочей, ты — в серой шинели,
Сойдемся мы с нашим врагом
И бросим в лицо ему наши шрапнели,
И нашим ударим штыком.

Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара.

В. И. ЛЕНИН

VII

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1905—1907 годов явилась крупнейшим событием в истории России. Она оказала влияние на все последующее развитие страны и оставила глубокий след в сознании народа.

Все классы русского общества в период революции выступили открыто, их программы и тактика проверялись на деле, поэтому каждый месяц революции, как указывал Ленин, чрезвычайно быстро обучал массы, их вождей и партии основам политической науки.

Стачечная борьба в России за эти годы достигла невиданной в мире широты и остроты. Экономические стачки перерастали в политические, политические стачки — в вооруженное восстание.

Декабрьские события 1905 года показали, что вооруженное восстание пролетариата может победить. Это подтвердилось исторически в феврале 1917 года, когда политическая стачка и вооруженное восстание в Петрограде привели к свержению самодержавия. В октябре 1917 года тщательно подготовленное большевиками вооруженное восстание пролетариата дало возможность свергнуть власть помещиков и капиталистов, установить диктатуру рабочего класса и создать первое в мире Советское государство.

В ходе революции резко возросла роль рабочего класса: он выступил вождем трудящихся масс, вырвал руководство ими у либеральной буржуазии и на опыте доказал, что в эпоху империализма, в борьбе за демократический переворот только пролетариат может быть вождем революции.

Либеральная буржуазия проявила свою

истинную, контрреволюционную сущность и потому потеряла влияние среди трудящихся, в частности среди крестьянства. Из резерва буржуазии крестьянство превратилось в резерв пролетариата, — в этом коренное отличие демократических революций эпохи империализма от революций предыдущих эпох.

Опыт первой русской революции показал, что пролетариат способен стать руководителем общедемократического движения даже там, где в силу недостаточного развития капитализма он по своей численности составляет меньшинство населения страны.

События 1905—1907 годов дали возможность проверить на опыте, как важен союз рабочих и трудящихся крестьян для победы революции. Однако в 1905—1907 годах этот союз был еще слабым, что явилось одной из основных причин поражения революции. Ныне союз рабочего класса и крестьянства, окрепший в двух последующих революциях и в годы социалистического строительства, стал нерушимой основой Советского государства. На союзе рабочего класса и крестьянства зиждется также сила и мощь стран народной демократии Европы и Азии. Союз рабочего класса и крестьянства, в котором ведущая роль принадлежит рабочему классу, стал основой государственного строя этих стран.

В годы первой русской революции зародилась самая демократическая форма власти — Советы рабочих (и крестьянских, и солдатских) депутатов, созданные революционным народом. Советы стали историческим завоеванием русского пролетариата, прообразом советской власти, утвердившейся в нашей стране с победой Великого Октября. Опыт первых Советов дал возможность Ленину разработать учение о Советах как государственной форме диктатуры пролетариата.

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА ЗА ГРАНИЦЕЙ

Мысли и чувства, которыми одушевлен теперь европейский пролетариат, лучше всего выражены в манифесте Союза синдикатов парижских рабочих. В этом манифесте сказано:

«Российские рабочие! Союз синдикатов, глубоко возмущенный петербургскими убийствами, ужасы которых напоминают ужасы кровавой недели 1871 года, посылает вам от имени парижских рабочих свое самое горячее одобрение и пожелание успеха революции, которую вы начали и которую не смогут остановить массовые расстрелы.

Братья! Никакие границы, никакие преграды, которые деспоты всех стран воздвигают между народами, не смогут разъединить нас: у нас с вами одни и те же страданья, одни и те же мысли об освобождении. Раздавленные под игом ненавистного правительства рабы самодержца, союзником которого стала французская буржуазия, уставшие искать правды, вы обращаетесь к великой освободительнице угнетенных, к революции, которая безжалостна по отношению к сильным мира сего, к владыкам, к тиранам. Рабочими всего мира овладевает трепет надежды при известиях о ваших богатырских усилиях. Царь, лицемерно превозносивший мир во время Гаагского конгресса, сбросил маску. Деспоту-миротворцу мало загубленных им тысяч человеческих жизней на полях Маньчжурии. Он надеется утвердить пошатнувшуюся власть на трупах рабочих. Тщетны будут эти кровавые усилия! Пробил час свободы для русского народа. Будьте мужественны, товарищи! Дайте волю гневу и ненависти, которые накопились в ваших сердцах за столетия эксплуатации, страданий и горя! Пусть исчезнет навсегда царизм, потопленный в пролитой им крови!

Рабочие Парижа, города революций, всем сердцем с вами. Они говорят вам: рассчитывайте на нас! Наша помощь вам обеспечена! Долой царя! Долой императора! Да здравствует социальная революция!»

(«Вперед» № 4, Женева, 18 (31) января 1905 года)

10 (23) января 1906 г.

СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА РУССКОГО ПОСЛА В РИМЕ

8 и 9 января в Риме и многих других городах Италии социалистами были устроены шумные собрания для ознаменования годовщины прошлогодних петербургских беспорядков и выражения сочувствия русским революционерам. Властями были приняты строгие меры, главным образом против уличных шествий. В Турине, Милане, Анконе вследствие резких речей ораторов были прекращены самые собрания. В Неаполе при большом сборище молодежи были свалка и аресты. В Риме вчера состоялся близ Колизея многотысячный митинг под руководством депутата Кабрини. Затем при выходе последовало столкновение с полицией при попытке помешать движению трамваев. До 50 чинов полиции и войск ранены и ушиблены палками и камнями. 40 демонстрантов задержаны. Посольство и консульство тщательно охранялись, и нигде перед ними манифестаций не было. Вообще наши дела были скорее предлогом для черни социалистического и анархистического характера, безусловно осуждаемым общественным мнением. Королем было выражено решительное желание не допускать серьезных нарушений порядка. Президент совета министров, он же министр внутренних дел, лично сделал мне самые категорические заверения об искренних намерениях правительства проти-

Рабочее и крестьянское движение в годы первой русской революции поколебало армию — опору царизма. Однако солдатские и матросские массы были еще мало организованы. Они могли возмутиться по незначительному поводу, но у них не хватало ясного политического сознания своих целей, понимания единства интересов с рабочим классом и крестьянством.

Первая русская революция открыла период революций эпохи империализма.

Переплетение интересов царского самодержавия и международного империализма вело к тому, что удары, которые русская революция наносила царизму, становились ударами и по международному империализму. Революция 1905—1907 годов угрожала западноевропейским империалистам не только потерей их капиталов и прибылей в России, — она вообще подрывала их политическое господство.

Сотрясая царизм, русские рабочие и крестьяне одновременно сотрясали всю империалистическую систему.

«Недаром так тревожится, — писал Ленин, — самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской».

Международный империализм выступил в 1905—1907 годах в качестве резерва русской реакции и помогал царизму душить русскую революцию.

Уже первые отклики консервативных газет Западной Европы на события в России были проникнуты тревогой перед революцией. Западноевропейская буржуазия радовалась тому, что 9 января царь «дал поучительный урок бунтовщикам». В странах Западной Европы усилился полицейский надзор за

водействовать, насколько от него зависит, всем крупным проявлениям агитации против России, по отношению к которой в переживаемом ею трудном времени Фортис неоднократно выражал мне благожелательные, дружелюбные чувства вместе с почтительным с своей стороны преклонением перед государем-императором.

(Журн. «Красный архив», т. 2 (9), 1925)

13 марта 1905 г.

ТЕЛЕГРАММА РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА)

Лондон. 13 марта. Комитет английских рабочих отправил 800 фунтов стерлингов русским забастовщикам. Сбор денег в их пользу продолжается.
О. Новикова. Директор-распорядитель В. Сабанин.

(Из архивных материалов)

15 марта 1905 г.

ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ — МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

М. г., граф Владимир Николаевич!

Запиской от 10 сего марта за № 2525 ваше сиятельство уведомили об образовании в г. Брюсселе общества «Друзей русского народа», задавшегося будто бы целью «давать точные сведения о том, что происходило в России», а на самом деле имеющего намерение вести пропаганду против императорского правительства.

Принимая во внимание, что аналогичное и под одинаковым названием общество образовалось уже в Париже, что борьба с подобными антиправительственными обществами представляется в настоящее время делом первостепенной важности, имею честь просить в. с., не признаете ли вы возможным принять участие в этом деле и дать по этому поводу нашему посланнику в Брюсселе надлежащие указания, прося его своевременно сообщить названному обществу точные сведения об истинном положении дел в России...

(Из архивных материалов)

30 мая (12 июня) 1906 г.

ТЕЛЕГРАММА РУССКОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛАННИКА И ПОЛНОМОЧНОГО МИНИСТРА В ТЕГЕРАНЕ — В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

№ 1. Последние события в России произвели глубокое впечатление на персиян; под влиянием известий о происшедших переменах в нашем правительственном строе здесь образовалась сильная партия, требующая коренной реформы в духе конституционном, движением руководит духовенство, направляя неудовольствие главным образом против Атабека, которого выставляют врагом каких-либо преобразований и виновником всех бедствий. Муллы успели возбудить общественное мнение; в Тегеране производятся ночные совещания, распространяются прокламации, в мечетях произносятся проповеди, открыто призывающие к борьбе с правительством. Последнее, дабы успокоить народ, прибегает к паллиативам, вроде понижения цен на продукты, но, видимо, осознает, что этими мерами нельзя сдержать движения, которое ежедневно грозит принять характер серьезных беспорядков. Атабек уже просил об отставке, на что будто не соглашается шах. Во всяком случае, он проявляет крайне опасную нерешительность.

(Из архивных материалов)

русскими эмигрантами. Германские и австрийские власти усилили охрану границ с Россией.

В то же время пролетариат всего мира с восторгом приветствовал революционную борьбу русских рабочих.

Кровавые события 9 января в Петербурге вызвали возмущение международного пролетариата и прогрессивных общественных деятелей Европы. В Австро-Венгрии, Германии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Италии, Болгарии, Румынии, Швеции, Норвегии, Испании, Швейцарии последовали бурные митинги, собрания, демонстрации протеста перед зданиями русских миссий, сбор средств в пользу жертв царизма, запросы социалистических депутатов в парламентах. Это было мощное движение солидарности западноевропейского пролетариата с героическим пролетариатом России. Со времени Парижской Коммуны мир не видел такого бурного проявления интернациональной солидарности трудящихся.

Весной 1905 года в Праге на многочисленных собраниях ораторы говорили о том, что русская революция является делом всего пролетариата и всего цивилизованного мира. «Нам ничего не остается, — заявляли они, — как говорить по-русски», то-есть языком революции.

Во Франции прокатилась волна протестов против ареста великого пролетарского писателя Максима Горького, чье имя знала вся Европа. Газета «Юманите» напечатала протест французских писателей против ареста Горького. Горячим одобрением было встречено заявление известного французского писателя Анатоля Франса о том, что Горький принадлежит всему миру.

В Париже, Брюсселе и других городах появились общества «Друзей русского народа», которые морально поддерживали русскую революцию.

В Рурском бассейне (Германия) в январе 1905 года происходила крупная стачка горняков. Известия о «кровавом воскресении» в Петербурге еще больше укрепили решимость участников рурской стачки добиться победы. Выступая с сообщением о ходе стачки в Руре, Карл Либкнехт, один из вождей германского пролетариата и основателей Коммунистической партии Германии, назвал революционные события в России поворотным пунктом в истории народов Европы и призвал немецких рабочих «встать под знамя русской революции». Выдающийся деятель международного революционного движения Роза Люксембург отправилась из Германии в Польшу, чтобы принять активное участие в событиях, была арестована и заключена в тюрьму. Возвратившись в Германию, Роза Люксембург выступила горячей сторонницей методов борьбы русских рабочих, пропагандистом всеобщей забастовки.

Сильное впечатление на страны всего мира произвело восстание на броненосце «Потемкин». Революционное выступление потемкинцев сильно взволновало буржуазию Англии, Австро-Венгрии, Германии и других стран. Немецкие буржуазные газеты с тревогой писали об «ужасных событиях в России». Английские дипломаты утверждали, что интересам английских подданных на берегах Черного моря угрожает опасность. Турецкий султан приказал проверить дисциплину на судах турецкого флота и принять меры к укреплению Босфора на случай, если мятежный броненосец стал бы прорываться из Черного моря. Появление «Потемкина» в Констанце привело в трепет правящие круги Румынии, которые держали в боевой готовности свои суда.

Империалистическая буржуазия Запада одобрила царский манифест 17 октября, надеясь, что это достаточное средство, чтобы парализовать революцию. Но всероссийская политическая стачка, а затем вооруженное восстание вызвали у западной буржуазии новую тревогу, новый прилив ненависти к рабочему классу. «Европа уже волнуется, — писал Ленин в конце октября 1905 года.—Ее буржуазия смущена и готова отдать миллионы и миллиарды, лишь бы остановить пожар в России. Правители военных европейских держав подумывают о военной помощи царю... Контрреволюция европейская протягивает руку контрреволюции русской».

На биржах Западной Европы в 1905—1906 годах резко упали в цене русские денежные бумаги, значительно уменьшился приток иностранных частных капиталов в русские акционерные общества. В то же время французские банкиры предоставили царскому правительству миллиардный заем для подавления революции.

Русская революция не только вызвала ненависть буржуазии и горячее сочувствие трудящихся зарубежных стран, — она увеличила горючий материал в международном рабочем, революционном и национально-освободительном движении.

Осенью 1905 года развернулось широкое движение безработных в Англии, устроивших

внушительную демонстрацию, в которой участвовало 30 тысяч человек. Во Франции государственные служащие начали борьбу за право создавать свои профсоюзы. Забастовали работники морских арсеналов нескольких портовых городов. В начале 1906 года развернулось движение за 8-часовой рабочий день и на отдельных предприятиях, по примеру русских рабочих его стали вводить явочным порядком.

В Германии и Австро-Венгрии обострилась борьба за введение всеобщего избирательного права. В октябре 1905 года на австрийских железных дорогах неделю продолжалась забастовка рабочих и служащих. В Вене произошел массовый митинг, на котором с речами выступали немцы, чехи, итальянцы, словаки. В зале митинга реяли красные флаги. Первый же оратор заговорил о событиях в России. Его прерывали аплодисментами. Когда он воскликнул: «Мы решили организовать забастовку!» — поднялась такая буря одобрения, что несколько минут нельзя было водворить тишину. После собрания участники его двинулись с красными флагами и революционными песнями по улицам Вены. Раздавались возгласы: «Да здравствует русская революция!» Императорский дворец охранялся войсками, сам император Франц Иосиф поспешно уехал из Вены в Шенбрунн. Полиция напала на демонстрантов, поизошло столкновение, были раненые, улицы покрылись осколками разбитых стекол.

30 октября (17 октября по старому стилю) в Вену поступили телеграммы о том, что революция вырвала у русского царя конституцию. В Вене снова начались демонстрации. Через несколько дней в Праге дело дошло до баррикад. Народы Австрии добились всеобщего избирательного права.

Каждый успех русской революции приветствовали трудящиеся Венгрии. Еще в начале 1905 года они собирались на митинги, шествия, демонстрации сочувствия русским трудящимся. Венгерский народ ненавидел царизм за его участие в подавлении венгерской революции 1848—1849 годов и сочувствовал русским революционерам. Под влиянием событий в России в Венгрии начались стачки столяров, кожевников, строителей, текстильщиков. Стачечное движение росло. В конце мая 1905 года вспыхнула крупнейшая в истории венгерского рабочего движения всеобщая стачка металлистов. В течение шести недель бастующие отстаивали свои требования в борьбе против фабрикантов, полиции и соглашателей из рядов правых социал-демократов.

Вслед за металлистами больше месяца бастовали шахтеры, которые выиграли забастовку.

Летом 1905 года началось массовое движение крестьян-поденщиков и батраков в задунайских степях, где в течение двух месяцев шло стихийное восстание, охватившее 20—25 тысяч человек. Правительство направило против восставших пехоту, кавалерию, жандармов. Борьба потребовала от венгерских трудящихся тяжелых жертв.

Горячо приветствовали героизм русского народа болгарские трудящиеся. Газета «Работнически вестник», орган партии «тесняков» (революционных марксистов), в передовой статье одного из январских номеров 1905 года указывала на всемирно-историческое значение русской революции. Газета открыла публичную подписку в пользу жертв царизма. В следующих номерах «Работнически вестник» подробно информировал своих читателей о важнейших событиях русской революции.

Болгарское правительство отдало приказ пограничным частям — не пропускать мятежных матросов «Потемкина» из Румынии на территорию Болгарии, но протест прогрессивной общественности Болгарии заставил правительство отменить свое распоряжение. В Болгарию прибыла небольшая группа потемкинцев, которым болгарские товарищи помогли перебраться в Женеву.

В декабре 1905 года под влиянием русских событий в Болгарии произошли первая массовая политическая стачка (в Софии она стала всеобщей) и демонстрация протеста, направленная против реакционного закона о ремесленниках. Демонстранты шли с лозунгами: «Долой закон о ремесленниках!», «Да здравствует русская революция!» Еще больший размах стачечная борьба болгарских рабочих приняла в 1906 году, когда бастовали железнодорожники, красильщики, сапожники, горняки. Руководимая партией «тесных» социалистов, забастовка горняков Перника продолжалась 35 дней. Полиция арестовала руководителей забастовки во главе с Георгием Димитровым и выселила семьи забастовщиков из казенных квартир. Но рабочие заставили правительство пойти на уступки: арестованных выпустили на свободу, рабочие получили право создавать профсоюзы, свои комиссии по решению спорных вопросов и т. п. В последующие годы стачечная борьба в Болгарии продолжалась, до-

стигнув особенного размаха накануне первой мировой войны.

В Румынии, особенно в районах, непосредственно граничивших с Россией, в 1907 году под влиянием событий первой русской революции разразилось мощное крестьянское восстание. Крестьяне поднимались на борьбу целыми волостями, громили помещичьи усадьбы, убивали помещиков, их управляющих и делили между собою захваченные земли и покосы. Бедственное положение крестьян и произвол администрации уже с восьмидесятых годов XIX века вызывали в румынской деревне волнения, теперь они получили особенный размах. Самый богатый помещик страны — король Карл и его правительство подавляли крестьянское восстание с исключительной жестокостью, пустив в ход скорострельную артиллерию. По официальным данным, погибло до 11 тысяч крестьян, многие деревни полностью были стерты с лица земли.

Русская революция, как указывал Ленин, «открыла эпоху демократических революций во всей Азии», ее идеи заразили и привели в движение народные массы Китая, Персии, Ирана, Турции.

В Китае в 1906—1908 годах развернулось революционно-демократическое движение под руководством выдающегося борца за демократическую республику Сунь Ят-сена и созданной им Союзной лиги («Тунмынхой»). Революционно-демократическое движение направлялось против маньчжурской династии Цин, против феодализма, за создание демократической республики. Главной движущей силой революции было крестьянство.

Юг Китая, бассейн реки Янцзы, стал колыбелью китайской революции. С 1907 по 1911 год здесь, в южных районах, произошло девять вооруженных восстаний, которыми руководили последователи Сунь Ят-сена. Китайская буржуазно-демократическая революция 1911—1912 годов свергла монархический режим, просуществовавший в Китае более двух тысяч лет.

В Персии антифеодальное и национально-освободительное движение началось в декабре 1905 года, когда на митингах и в демонстрациях в Тегеране приняли участие различные демократические слои населения: рабочие, интеллигенция, мелкие торговцы, представители духовенства. Движение направлялось против налогов и безнаказанных злоупотреблений бюрократии. Базары и мечети закрылись. В Тегеране и в других городах страны противники правительства, применяя старый персидский метод борьбы, «садились в бест», то-есть укрывались в таких местах, которые в силу обычая или международного права считались неприкосновенными (главным образом мечети, гробницы почитаемых предков, а также помещения европейских консульств и посольств).

Летом 1906 года движение разрослось и превратилось в вооруженное столкновение революционеров с шахскими войсками. Персидская реакция с шахом во главе пошла на уступки и объявила конституцию, в силу которой в городах и областях Персии были созданы для управления выборные комитеты — «энджумены»; в их состав вошли наиболее революционные представители народа. В городах Северной Персии—Тебризе, Реште и других, поблизости от русской границы, «энджумены» захватили власть. В некоторых районах Персидского Азербайджана и Гиляна начались крестьянские волнения. В Тебризе и Тегеране в 1906 году появились первые социал-демократические группы.

Влияние русской революции проникало в Персию в значительной мере благодаря общению трудящихся Кавказа и Персидского Азербайджана, откуда на бакинские нефтяные промыслы приходили рабочие.

Ходили слухи, что артиллерией у Саттархана, предводителя персидских революционеров, ведал матрос с «Потемкина», пробравшийся из Румынии в Трапезунд.

Наибольшего подъема революционное движение в Персии достигло в 1907—1908 годах.

В Турции влияние первой русской революции сказалось на оживлении деятельности «младотурок» (буржуазных революционеров). Младотурки добивались восстановления конституции, отмененной султаном в семидесятых годах XIX века. В 1906 году младотурки стали готовить вооруженное восстание, к которому летом 1908 года примкнули значительные силы турецкой армии, расположенной в горах Македонии. Под угрозой похода революционных войск на Стамбул султан должен был восстановить конституцию.

* * *

Революция 1905—1907 годов свидетельствовала, что центр мирового революционного движения переместился в Россию, а героический российский пролетариат стал авангардом революционного пролетариата всего мира.

Главным оплотом международной реакции, душителем рабочего движения на Западе и национально-освободительного движения на Востоке теперь выступал уже не царизм, а империалистическая буржуазия Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, спасавшая царизм от революции.

Революционная борьба рабочего класса России нанесла серьезный удар всем международным соглашателям, подтвердив могучую силу творческого марксизма, великое значение теории и тактики ленинизма для международной революционной борьбы пролетариата.

В классовых битвах первой русской революции были на деле проверены две политические линии — большевиков и меньшевиков. Весь ход революции подтвердил правильность стратегического плана и тактики большевиков, разработанных основателем и вождем Коммунистической партии Владимиром Ильичем Лениным.

Всю свою волю, весь свой гений Ленин направлял на то, чтобы помочь массам, этим настоящим творцам истории, найти верный путь. Опираясь на законы общественного развития, открытые Марксом и Энгельсом, и внимательно изучая современную ему действительность, Ленин определил основные задачи нашей эпохи и указал трудящимся средства борьбы за лучшее будущее, за социализм и коммунизм.

Со времени первой русской революции прошло пятьдесят лет. За эти годы рабочий класс нашей страны в союзе с трудовым крестьянством под руководством созданной Лениным Коммунистической партии совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, создал социалистическое государство и обеспечил победу социализма в СССР. Советский народ воплотил в жизнь идеалы передовых борцов первой русской революции и показал, что тяжелые жертвы и кровь, пролитая в борьбе за свободу, не пропали даром.

В наши дни Коммунистическая партия Советского Союза выступает как испытанный руководитель народа в его борьбе за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму, развивает трудовую и политическую активность народа, направляет его инициативу на дальнейшее укрепление могущества нашей Родины.

На вдохновляющих примерах героической борьбы нашего народа, на идеях марксизма-ленинизма партия воспитывает трудящихся в духе пламенного советского патриотизма, пролетарского интернационализма и беззаветной преданности делу коммунизма.

С чувством законной гордости обозревают советские люди величественные итоги пройденного пути. Наша Родина уверенно идет вперед, выступая перед всем миром как оплот прогресса, демократии и социализма.

А. ГМЫРЕВ

БУРЯ

Буря... Буря... Серебристый
Льется дождь живым ручьем,
Воздух свежий, воздух чистый
Зажигает кровь огнем.

Ярких молний вьются стрелы
Над просторами степей
И, отважны, мощны, смелы,
Страх наводят на людей.

Грома гордые раскаты,
Негодуя, в бой зовут
И в окошки казематов
Весть победную несут.

Тем, кто с знаменем свободы
Звал трудящихся к борьбе,
В ком бесправие народа
Не нашло приют в себе.

Тем, кто в жизни не боялся
Ни нужды, ни злых невзгод,
Кто бестрепетно сражался
За свободу, за народ.

Здравствуй, гром, здорово, буря!
Твою силу-мощь любя,
Как блистание лазури,
Мы приветствуем тебя!

Вл. МАЯКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Из поэмы

Девятое января.
Конец гапонщины.
Падаем,
царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!
Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с троном,
за ним
и буржуево
кресло треснется.
Ильич уже здесь.
Он изо дня на́ день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
«свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели
речи,
банты
и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царев адмирал,
каратель Дубасов.

Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чека́!
Смотрите,
как здесь,
связавши за локти,
рабочих на́смерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего
и всё изгадили.
Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина!
Запутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружие браться. —
Ленин
в этот скулеж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс. —
И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.

АНАТОЛЬ ФРАНС

ПРОТИВ НОВОГО ЦАРСКОГО ЗАЙМА

Анатоль Франс (1844—1924), французский прогрессивный писатель, выступил в марте 1905 года с протестом против займа, который французские банкиры предоставили царскому правительству для ведения войны на Дальнем Востоке и подавления революции в России

Граждане!

Начиная с 22 января 1905 года, этой зловещей даты [1], события в России неуклонно шли к своей роковой развязке. В Маньчжурии произошли бедствия, которых надо было ожидать с самого начала. Главнокомандующий Куропаткин потерпел целый ряд поражений, которые он, в бытность свою военным министром, несомненно сам же и подготовил. После этого царь поручил другому вояке дальнейшую организацию катастрофы. В это время во всей России на протесты интеллигенции, на справедливые и выстраданные требования рабочих, на смелый ропот угнетенных народностей — на все это полиция, единственный орган власти в Российской империи, который еще держится на ногах, всюду исподтишка отвечала насилием.

Поражение — на внешнем фронте. Внутри — революция. Подобно алоэ, царизм распустился махровым цветом, и теперь ему остается только умереть.

Наши друзья сообщают нам в своих письмах: «По всей России идет бойня». Достаточно быть просто человеком, чтобы взволноваться такими преступлениями перед человечеством. У нас же, французов, к несчастью, имеются особые причины для того, чтобы быть потрясенными до самого основания, для того, чтобы быть взволнованными до глубины души. В нашем негодовании слышится голос встревоженной совести. Мы чувствуем себя в известной мере виновными в безумствах и жестокостях царизма. Мы помогли ему совершить их, предоставив в его распоряжение сумму, неслыханную по величине и по заложенным в ней возможностям: девять миллиардов. Факт непостижимый и, однако, достоверный: за десять лет своекорыстное искусство наших патриотов из финансового ведомства сумело вынуть девять с лишним миллиардов из французских сбережений и вручить их правительству, чьи финансы — бесконтрольны, чьи заправилы — бесчестны.

Что же сделала царская Россия с этими богатствами? Экономные буржуа, мелкие рантье, неутомимые держатели русских займов, на что пошли ваши деньги? На оборудование промышленности великого, юного и трудолюбивого народа? На извлечение из все еще девственных недр земли ее неисчерпаемых богатств? На производство новых ценностей, на поощрение труда, на облегчение и улучшение условий существования? Нет! Нет! Вашими деньгами вскормлена алчная и глупая политика: на ваши деньги куплены пушки, захваченные японцами под Мукденом, крейсеры и броненосцы, потопленные со всем экипажем в Корейском проливе. Вашими деньгами оплачено избиение петербургских рабочих, их жен и детей. В настоящий момент вашими деньгами оплачивают учиняемые властями армянские погромы в Баку, расстрелы студентов в Томске, резню, официально организованную царским правительством в Саратове, в Курске, в Казани.

Итак, французские буржуа, счастливые и спокойные кредиторы царя, вот на что идут ваши деньги, вот каковы их плоды! Разумеется, вы желали бы для них иного употребления. Давая деньги, вы еще ничего не знали. Теперь вы знаете, теперь вы предупреждены. Не начинайте же все сызнова.

Как раз сейчас русское правительство ведет переговоры с нашими крупнейшими кредитными банками о новом займе в полмиллиарда. Непроницаемой тайной окутаны эти переговоры. В то время как первые займы были ознаменованы парадами военных судов, пышными тостами в честь императора и президента, царским гимном, «Марсельезой», трофеями в виде оружия и знамен, эта последняя финансовая операция подготовляется втихомолку, в банковских кабинетах, где с озабоченными лицами восседают за зелеными столами финансовые тузы. Добьются ли они успеха под защитой полумрака и тишины? Финансисты, как правило,

---

[1] Речь идет о кровавых событиях 9 января (по стар. стилю) в Петербурге.

обладают коротким умом, их предусмотрительность никогда не поднимается над их личными интересами. Наши же финансисты, не довольствуясь тем, что за десять лет они перевели в Россию большую часть народного достояния, конечно, готовы за большие проценты предоставить заем издыхающему царизму и разместить его наивыгоднейшим для себя способом среди тех, кого одурачила подкупленная пресса. Это они называют единением французского и европейского патриотизма. Но на этот раз они рискуют тем, что наша страна очутится на краю гибели.

Сознают ли они, что значит подписаться на новый царский заем, от которого отказались германские финансисты? Подписаться на него — это значит подписаться под самой жестокой и бессмысленной войной; это значит подписаться под угнетением целого народа, это значит подписаться под преступлением и безумием. Нет, нельзя допустить размещения во Франции этого займа войны и репрессий, займа бедствий и сумасшествия, займа расстрелов и побоищ, кровавого займа. Соглашаться на него преступно. Подумайте об этом!

Россия — необъятная страна, она обладает неисчислимыми богатствами. Она в любой момент сможет уплатить проценты по капиталам, которые она получила. С этой стороны бояться нечего. Но царизм? Его дни сочтены. Царь и его царство, быть может, завтра же будут свергнуты.

Народное правительство, которое придет ему на смену, не откажется от долга, числящегося за Россией. Оно не отречется от обязательств, принятых на себя Россией до того дня, когда было совершено преступление. Но оно не признает займов, произведенных после 22 января 1905 года. Свободомыслящая партия заявила об этом в воззвании, подписанном целым рядом лиц и, в частности, Максимом Горьким. Будущее русское правительство не признает займа побоищ и гражданской войны. Пусть это предостережение послужит вам на пользу. Я сказал то, что надо было сказать и что сказала бы вся наша печать, будь она свободной. Но большинство газет молчат. Однако я не вправе утверждать, что сказал об этом первый, первым подал тревожный сигнал. За примером ходить недалеко: Фан Фино, человек в высшей степени проницательный и осторожный, в своей статье, появившейся недавно в редактируемой им газете «Ревю», сказал об этом достаточно сильно: «Все говорит против нового русского займа. Он не отвечает ни нашим материальным, ни нашим моральным интересам. Дело заключается в том, чтобы, во-первых, избежать банкротства и спасти честь Франции, во-вторых».

Сказано так сильно, что к этому нечего прибавить; мы же обратимся к мелким вкладчикам с такими словами: «Не волнуйтесь. Но будьте начеку. На царском рубле — кровь, он падает».

Пагубный для России, царизм представляет собой опасность для всех цивилизованных народов, и у его союзников нет никаких оснований для того, чтобы меньше его бояться. Откроем же, граждане, наше собрание, единодушно объявив себя врагами царя и друзьями России.

КАРЛ ЛИБКНЕХТ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Карл Либкнехт (1871—1919), выдающийся деятель немецкого рабочего движения, один из основателей Компартии Германии, выступил 12 февраля 1905 года в Лейпциге с речью, в которой приветствовал первую русскую революцию[1]

...Оратор говорит, что события, происходящие в настоящее время в России, являются поворотным пунктом в истории народов Европы. Докладчик подробно излагает историю революционной пропаганды в России, в особенности движение декабристов, которое, как известно, охватило верхушку русского дворянства и окончилось зверским убийством его участников; далее он говорит о царе-освободителе Александре, который надеялся с помощью суда присяжных и так называемого освобождения крестьян искоренить революционное движение, о жестоком угнетении всех национальностей царской России — латышей, поляков, финнов, евреев и других, о небывалой коррупции среди чиновников, о голоде и последовавшем затем периоде пропаганды индивидуального террора, в результате которого царь Але-

[1] Речь дается в сокращенной записи. Перевод с немецкого.

ксандр II был убит бомбой. Медленно, но неуклонно развивалась с тех пор в России промышленность, — эта подлинная движущая сила пролетариата. С развитием промышленности возникает социал-демократическая партия, которая повсюду поднимает знамя марксизма — на западе, на севере и на юге. Насильственное подавление всякого свободного движения народа усугубляется грубостью шовинистической политики.

При полном бесправии русских рабочих забастовка в конце концов была их единственным оружием. Но и эта борьба рабочих беспощадно подавлялась, забастовка считалась оскорблением величества. Поэтому постоянными спутниками забастовок стали казачья сабля и казачья нагайка...

Разве не естественно, что при таких обстоятельствах на насилие отвечают насилием, — там, где отсутствует всякое право, всякая законность...

Нынешняя революция в России не мимолетная вспышка, которую правительство сможет уничтожить несколькими ударами. Она распространится на всю страну, будет то затихать в одном месте, то с новой силой вспыхивать в другом до тех пор, пока вся Россия не будет охвачена пожаром. Кому же мы обязаны этим?

Еще несколько лет тому назад даже те русские революционеры, которые принадлежали к самым пламенным и смелым борцам за свободу, утверждали, что надо еще десятки лет работать, прежде чем русский народ будет подготовлен к революции. Но вышло иначе: выстрелы из пушек Порт-Артура в феврале прошлого года вызвали поворот...

Надо учесть, что далеко не вся армия верна царизму. Ряд признаков свидетельствует об обратном. Оратор напоминает здесь о восставших матросах, а также о пока еще не известном факте, что во время кровавых событий 22(9) января в Петербурге офицеры с револьверами в руках перед строем следили, не стреляют ли солдаты мимо.

22(9) января станет поворотным пунктом в истории России. В крови, пролитой в этот день, захлебнется царизм. Неверно, что отдельные люди искусственно вызвали движение, весь русский народ поднялся, чтобы потребовать свои элементарные человеческие права, и нет никакого сомнения в том, что с разгромом армии Куропаткина рухнет крепость царизма. Свобода, заря которой восходит в России, — это свобода также для Пруссии, для Саксонии, для Германии. Мы имеем все основания встать под знамя русской революции. Русская революция — это наше дело, реакция — дело царя и прусского правительства. Немецкая социал-демократия сознает свое единство с русским пролетариатом, его свобода — наша свобода.

Поэтому — долой кровавый царизм! Да здравствует русская революция!

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ НА V СЪЕЗДЕ РСДРП

Роза Люксембург (1871—1919) — выдающийся деятель польского и немецкого рабочего движения, одна из основателей Компартии Германии

Товарищи! Центральный Комитет германской социал-демократической партии, узнав о моем намерении присутствовать на вашем партийном съезде, решил воспользоваться этим случаем и поручил мне передать вам свой братский привет и пожелания наилучших успехов.

Многомиллионный сознательный германский пролетариат следит с живейшим сочувствием и величайшим вниманием за революционной борьбой своих русских братьев, и германская социал-демократия показала уже на деле, что она готова черпать для себя плодотворные уроки из богатой сокровищницы опыта русской социал-демократии...

Еще в России революционная борьба приносила одни только поражения, а уже германский пролетариат своим верным классовым инстинктом почувствовал, что за этими внешними поражениями кроется небывалый подъем пролетарской силы, верный залог будущей победы. Фактом остается, что германский пролетариат еще до всяких внешних успехов российской революции поспешил отдать дань ее опыту, присоединяя к прежним формам своей борьбы новый тактический лозунг, рассчитанный уже не на парламентский способ действия, а на непосредственное выступление самых широких пролетарских масс.

Дальнейшие события в России — октябрьские и ноябрьские дни — и особенно самый высокий пункт, до которого поднялась революционная волна в России, — декабрьский кризис в Москве — отразились в Германии еще большим подъемом духа и сильным брожением умов в рядах социал-демократии. В декабре и январе после крупных демонстраций в Австрии по поводу всеобщего избирательного права в Германии начались оживленные прения о том, не пора ли непосредственно приступить к применению в том или другом виде решения о всеобщей забастовке в связи с борьбой за всеобщее избирательное право в ландтаги — прусский, саксонский и гамбургский. Вопрос этот был решен отрицательно, мысль — искусственно вызвать крупное массовое движение — отклонена. Впрочем, 17 января 1906 года сделан был первый опыт — полдневная демонстративная всеобщая забастовка в Гамбурге, которая была проведена блестящим образом и которая, в свою очередь, увеличила бодрость и сознание силы в рядах рабочей массы крупнейшего центра германской социал-демократии...

Германский пролетариат теперь с удвоенным вниманием обращает взоры на борьбу своих российских братьев как на своих передовых борцов, как на авангард международного рабочего класса. Из моего скромного опыта в избирательной кампании могу отметить, что на всех избирательных собраниях, — а мне приходилось выступать на собраниях в 2—3 тысячи человек, — из среды самих рабочих раздавались голоса: «Говорите нам о русской революции». И в этом проявляется не только естественное сочувствие, вытекающее из инстинкта классовой солидарности с борющимися собратиями, но и сознание того, что интересы русской революции есть его собственное дело. Главное, что ждет германский пролетариат от русского — это расширение и обогащение пролетарской тактики, применение принципов классовой борьбы в совершенно новой исторической обстановке.

В самом деле. Та социал-демократическая тактика, которую применяет в настоящее время рабочий класс в Германии и которой мы обязаны победами до сих пор, приноровлена главным образом к парламентской борьбе, рассчитана на рамки буржуазного парламентизма. Российская социал-демократия — первая, на долю которой выпала трудная, но почетная задача применить основы марксова учения не в период правильного, спокойного парламентского течения государственной жизни, а в бурный революционный период...

Русский пролетариат в своей нынешней борьбе должен чувствовать себя не изолированной армией, а лишь частью всемирной международной армии пролетариата. Он не должен забывать, что его теперешняя революционная борьба не изолированная стычка, а одно из крупных сражений в общем ходе международной классовой борьбы...

Он должен показать, что русская революция является не столько последним актом в серии буржуазных революций XIX века, сколь предтечей новой серии будущих пролетарских революций, в которых сознательный пролетариат и его авангард — социал-демократия — предназначены исторически к роли вождя. Германский пролетариат ждет от вас не только победы над абсолютизмом, не только новой опоры для освободительного движения в Европе, но также расширения и углубления перспектив пролетарской тактики: он желает учиться у вас, как выступать в периоды открытой революционной борьбы...

А. ЗАПОТОЦКИЙ

ТРИ ДНЯ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ ПРАГУ

Глава из книги „Бурный 1905 год" чехословацкого писателя-коммуниста, президента Чехословацкой республики Антонина Запотоцкого о революционных событиях в Чехословакии, развернувшихся под влиянием русской революции 1905 года

Днем запыхавшийся Тоник прибегает на Далимилову улицу. С самой субботы он как на иголках. Что-то происходит — он это знает наверняка. И события серьезные, в этом нет никакого сомненья. Всю субботу, воскресенье и понедельник в казармах — тревога. «В Праге восстание», — перешептываются солдаты. В город были выведены три роты 91-го пехотного полка. В казарме остались одни новобранцы. Но и они — в боевой готовности. Винтовки составлены в пирамиды во дворе. Однако на улицу новобранцев не

пускают. Они ненадежны. «Они еще слишком проникнуты штатским духом», — так о них выразились обер-лейтенант Карл и унтер Сасман. Только во вторник была отменена тревога. И Тоник сломя голову летит на Жижков.

Слава богу! Мамочка приберегла газеты. Тоник тотчас углубляется в чтение. События трех дней, которые потрясли Прагу, проходят перед его глазами.

«Это началось в субботу вечером с социал-демократического собрания на Стржелецком острове. Говорили о кровавых демонстрациях в Вене. Зал был набит слушателями. Необозримые ряды рабочих теснились на острове. И на мосту, соединяющем остров с берегами, стояли толпы народа. Настроение было бурное. Собравшиеся резко протестовали против жестоких действий полиции. Особенно горячо они проявляли свои симпатии к русским революционерам. Присутствовавший полицейский комиссар сильно нервничал. Он все время делал замечания ораторам, но распустить собрание не посмел. Он чувствовал себя одиноким в такой массе. То и дело требовал у президиума охраны от слушателей. Те грозно протестовали против его замечаний и вмешательства.

Когда участники стали расходиться после собрания, пражская полиция выслала все свои силы на улицы. В казармах наготове стояли войска. Чувствуя свое превосходство, полиция с самого начала повела себя провокационно и угрожающе. Половина Стржелецкого острова за мостом была занята полицией.

Подойдя к мосту и увидев полицейских, участники собрания встретили их криками протеста и возгласами: «Убийцы!»

С пением рабочих и революционных песен толпа двинулась по мосту к Национальному театру. Здесь демонстрантов ожидал новый сюрприз — следующая провокация полиции: проспект Фердинанда во всю его ширину был заперт усиленным полицейским кордоном. Поток демонстрантов остановился перед цепью полицейских. Снова раздались протестующие крики, свист, возгласы: «Позор!», пение революционных песен.

После тщетных попыток прорвать кордон вся толпа демонстрантов двинулась по Ригеровой набережной к Мысликовой улице. Здесь перед зданием редакции «Право лиду» возник стихийный митинг. Из окон редакции говорили ораторы. Выступали Иов, Шмераль и Иоганнис.

Иоганнис в конце своей речи особенно подчеркнул, что «надо продолжать начатую борьбу. Опасно было бы поверить обещаниям правительства. Тем более — правительства Гаутша. Если на улицах установится спокойствие, никакие обещания выполнены не будут».

Митинг перед зданием «Право лиду» закончился призывом к рабочим всем до единого собраться завтра утром в десять часов на Вацлавской площади.

Демонстранты двинулись дальше. По Мысликовой, Лазарской и Водичковой улицам к Вацлавской площади. Во главе колонны несли развевающееся красное знамя. Полицейские, подошедшие от Вацлавской площади, образовали шпалеры и беспрепятственно пропустили колонну.

Когда демонстранты поравнялись с новоместской тюрьмой, послышались крики: «Откройте тюрьмы и постройте школы». Участники демонстрации то и дело провозглашали: «Слава русской революции!», «Позор всем, кто против всеобщего избирательного права!», «Позор врагам и убийцам трудового народа!» и т. п. Под непрекращающиеся возгласы колонна без помех двигалась вперед.

Демонстранты заполнили всю Водичкову улицу. Голова колонны с красным знаменем почти уже вышла на Вацлавскую площадь. В это время полицейские цепи, стоявшие вдоль стен домов по обеим сторонам улицы, соединились. Районный инспектор Адамичка дал приказ обнажить сабли. Полицейские с криками «ура!» бросились на задние ряды демонстрации. Началась дикая свалка. «Мы вам покажем демонстрации! Мы вас проучим!» — орали полицейские.

Демонстранты были ошеломлены. Нападение произошло внезапно, никто не ждал его. Полицейские полностью использовали свое преимущество, которого они добились столь коварным путем. Они рубили саблями, будто умалишенные. Рубили направо и налево. Улица обагрилась кровью. Со стоном падали раненые. Началась неописуемая паника. А колонны, шедшие впереди, и понятия не имели, что делается за их спинами.

Наконец по рядам, от хвоста к голове, пробежал приказ: «Остановитесь! Полиция напала на нас! Наших убивают! Людей рубят саблями!»

Толпа остановилась. Повернула назад. И через минуту зазвучал боевой призыв: «Вперед! Бей их! Долой убийц!» Положение изменилось. Град камней обрушился на полицейских. Их сомкнутые ряды были разо-

рваны. Полиция обратилась в бегство. Однако многие из наиболее усердных были отрезаны от своих и окружены демонстрантами. Их разоружили. Кулаками и палками били их по головам. Шляпы с перьями катились наземь. Они валялись на мостовой или становились трофеями демонстрантов. Начался рукопашный бой. В несколько мгновений схватка перебросилась на Лазарскую, Водичкову и Владиславскую улицы. Здесь в незавидное положение попал главный полицейский комиссар Фагоун. С обнаженной саблей он врезался глубоко в толпу и был окружен. Саблю у него вырвали, и через мгновение она, переломленная, зазвенела о мостовую. На комиссара посыпались удары кулаками и палками. Смертельно бледный, покинутый своими подчиненными, он принялся просить:

— Люди добрые, отпустите меня, я же вас ничем не обидел!

— Вы дали приказ обнажить сабли! — кричали ему из толпы. Последовал новый град ударов.

— Нет, я не отдавал никакого приказа! — открещивался комиссар. — Господа, бога ради, спасите меня! — обратился он к присутствующим известным ему рабочим лидерам.

Секретарь Штейнер и редактор Срба взяли его под защиту, начали успокаивать людей. Они пытались увести комиссара Фагоуна в безопасное место, но поплатились за это, получив порцию тумаков от разгневанной толпы. Сражение между демонстрантами и полицией перебросилось и на Вацлавскую площадь. Здесь конная полиция скакала, будто по прерии. Полицейские с ревом рубили людей. Схватка перекинулась на соседние улицы. В ресторанах, в кафе, в подъездах домов, куда забегали демонстранты и преследуемые ими полицейские, завязывались стычки. Во многих местах полицейские, спасаясь от возмущенного народа, укрывались в домах, откуда потом выходили тайно, часто переодевшись в штатское. Так трусливо прятались они перед справедливым гневом демонстрантов.

Еще ночью полицей-директор Кржикава отправился на совещание к наместнику королевства Чешского, графу Коуденхофу. После этого совещания на углах пражских улиц появилось полицейское уведомление.

Бои между рабочими и полицией перенеслись и в предместья. В течение ночи в разных местах продолжались столкновения. Во многих случаях демонстранты разоружали и избивали полицейских. «Это вам дорого обойдется! За сегодняшнее мы вам отплатим!» — грозились полицейские, наказанные за свои зверства.

И они отплатили.

Наступило воскресенье 5 ноября 1905 года. День объявленной и разрешенной легальной манифестации на Вацлавской площади. Еще ночью полиция расклеила по всей Праге плакаты с предупреждением. Их срывали с той же быстротой, как и расклеивали. К девяти часам утра не видно было уже ни одного плаката.

Все вооруженные силы полиции, конные и пешие, были мобилизованы. Кордоны вооруженных до зубов полицейских были расставлены на всех стратегически важных пунктах.

Особенно тщательно охранялось немецкое казино на Пржикопах. Сильный наряд, специально подобранный для этой цели, стоял на тротуаре перед казино.

Этим нарядом командовал участковый инспектор Клаузе, известный своим крутым нравом. Кроме него, здесь был ряд инспекторов, сплошь из немцев.

Однако полиции показалось мало собственных сил. Чтобы наверняка обеспечить ей превосходство, была объявлена тревога в частях гарнизона. В Карлинских казармах с самого раннего утра стояли наготове три батальона 91-го пехотного полка. Кроме них, еще шестой батальон егерей. На дворе интендантских казарм на Иозефской площади расположились два эскадрона драгун в полном вооружении. В доме бывшего государственного представительства на Вацлавской площади дежурила конная полиция. Двор дома Громана был переполнен жандармами. Перед домом, прямо на площади, стояли сильные наряды полиции. Все солдаты во всех пражских казармах находились в боевой готовности.

Манифестация была назначена на одиннадцать часов утра. Рабочие собирались на сборных пунктах в отдельных кварталах города. Оттуда двигались к главному месту сбора — на Вацлавскую площадь. Колонны начали входить на площадь в половине одиннадцатого. От Мустка и сверху, от Музея, двигались массы демонстрантов. Во главе колонн развевались красные знамена, обвитые черным крепом.

Около одиннадцати часов несколько рабочих взобрались на фонарные столбы перед Музеем. Они зажгли газовые фонари. В то же время на столбах взвились красные флаги. И статуя Чехии была украшена крас-

ной шапкой революции. В ее руку, сжимающую скипетр, был вставлен красный флаг. Другие аллегорические фигуры на портике Музея тоже были декорированы красным.

На Вацлавской площади состоялись одновременно три митинга, на которых выступали различные ораторы.

Около двенадцати часов митинги были закончены. Массы сомкнулись для мощной демонстрации. Колонны направились к Мустку, а оттуда — на Пржикопы.

Демонстрация проходила шумно. Революционные песни и возгласы не умолкали ни на минуту. Перед немецким казино на Пржикопах выкрики взорвались настоящей бурей. Скоро они слились в непрерывный грозный ураган. Казино охранялось сильным кордоном полиции. Раздался адский свист. Крики: «Позор!», «Убийцы!», «Да здравствует избирательное право!», «Слава русской революции!» Крики неслись беспрерывно. Над головами угрожающе поднялись сотни и тысячи сжатых кулаков. Полицейские пропустили несколько десятков первых рядов демонстрантов. Потом без предупреждения с поднятыми саблями бросились на толпу. Колонна была разрезана. Часть демонстрантов кинулась бежать к Панской улице. Часть — к Неказанке. Третьи пробивались обратно к Вацлавской площади. Первые ряды шли на Гибернскую улицу и Иозефскую площадь.

Однако паника длилась недолго. У Прашной Браны шла стройка Пражского дома представительства (дом, где происходят приемы, торжественные обеды, концерты). Демонстранты перелезли через деревянный забор и вернулись, вооруженные камнями, досками, железными трубами и другими подходящими предметами. Каждый хватал то, что можно было найти на стройке. Люди не бежали. Они встретили полицию как грозная сила. Полиция остановилась. Еще раз подтвердилось, что полицейские трусливы. Они не ведут бой лицом к лицу. Они как звери накидываются только на бегущих и безоружных.

Наткнувшись на сопротивление, полицейские не решались пустить в ход сабли. Схватились за револьверы. В воздухе зазвучали залпы. Упали убитые и раненые. Началась паника. Часть демонстрантов бросилась бежать в разных направлениях, по разным улицам. Но толпа, находившаяся перед Общинным домом, осталась на месте. Были остановлены трамваи. Укрываясь за вагонами, демонстранты дрались против стреляющей полиции. Заслышав стрельбу, из Гибернской улицы выскочил сильный отряд конной полиции. За ним галопом мчался эскадрон драгун. Пронзительный звук трубы затрепетал в воздухе. Грозно блеснули обнаженные палаши. Жандармы развернулись в шеренгу и пошли вперед во всю ширь Пржикопов, примкнув штыки к винтовкам. Они шли, будто в штыковую атаку на поле сражения. От Карлинских казарм двигались батальоны 91-го полка и батальон егерей. Одни роты наступали колоннами по четыре, другие, примкнув штыки, шли развернутым строем, занимая всю улицу. Пространство вокруг Прашной Браны и Пржикопов походило на поле битвы. Мостовая была забрызгана кровью. На улицах валялись камни, кирпичи, куски бревен и досок, целые и переломанные палки, полицейские сабли, шляпы и султаны.

Кордоны полиции, жандармы, войска, конная полиция и драгуны закрывали входы в улицы. Они занимали дома на главных магистралях. Проверяли и обыскивали прохожих. Арестовывали. Демонстранты были вытеснены с центральных улиц. Они рассыпались, но не сдались. Толпой овладело неописуемое возмущение полицейскими зверствами. В боковых улицах вспыхивали свалки. Ярость и ненависть рабочих обратились в первую голову против императорско-королевских государственных учреждений. Это были оплоты угнетения и насилия. В непосредственной близости от Пржикопов, занятых полицией и войсками, на Целетной улице разъяренная толпа напала на здание земского суда. Пытались выломать решетки. Сорвали входные двери и побили множество оконных стекол. Попутно разбили большое стекло в витрине у шляпочника Гессе. На Козьей площади нападению подверглось здание государственной выигрышной лотереи и императорско-королевского военного горного управления. И здесь были выбиты стекла.

То же самое случилось и на Жижкове, в здании районного суда. Не прошли и мимо здания полицейского управления. На него обрушился град камней.

Только во втором часу дня наступило временное затишье. В три часа войска были отозваны и вернулись в казармы.

Но это была только короткая передышка после первого грозного столкновения.

Демонстранты расходились по домам. Разносили вести о зверствах полиции. Возбуждение охватило всю Прагу. Все, кто не

принадлежал непосредственно к самому реакционному вражескому лагерю и черно-желтому проавстрийскому стану, были сильно озлоблены. Народ охватила жажда расплаты.

Тотчас после демонстрации студенты собрались в Академическом доме. Они заявили протест.

На дневной спектакль в Национальный театр явилась рабочая депутация. Ее проводили к директору Шморанцу. Рабочие потребовали, чтобы в знак траура и протеста Национальный театр прервал дневной и отменил вечерний спектакль. Директор Шморанц ответил, что он может сделать это только с согласия публики. Затем режиссер Шмага вышел на сцену. Он передал требование рабочей депутации. Вся публика немедленно согласилась. Дневное представление оперы «Евгений Онегин» было прервано, а вечернее — отменено. Среди публики и артистов был тут же произведен сбор средств в пользу арестованных и раненых.

Вечером толпы рабочих снова двинулись из предместий к центру. Везде происходили шумные сходки. Везде взволнованно обсуждали и перебирали субботние и сегодняшние утренние события. Необузданные действия полиции, кровопролитие, то, что есть убитые и раненые, никого не устрашило. Наоборот! Массами овладел справедливый гнев. Преобладало боевое настроение. События в России стали предметом особого внимания. Только теперь люди ясно поняли, почему и как очередь может дойти и до них. Всплыл вопрос: как быть дальше? На этот вопрос из рядов рабочих прогремел стихийный ответ: действовать по-русски!

Скоро полиция получила информацию о настроении, которое царило среди пражан. Поэтому она предприняла дальнейшие, еще более устрашающие мероприятия. Снова была объявлена тревога. Воинские части вышли из казарм в полном боевом снаряжении. Они заняли Вацлавскую площадь. Составили винтовки в пирамиды. Эскадроны драгун рысью пролетали по Вацлавской площади сверху вниз и обратно. Маневры войск привлекали все большее внимание публики. Недалеко от Музея, у городского сквера, сгруппировалась молодежь. Против нее были направлены конная полиция и драгуны. Молодежь встретила их демонстративным свистом и градом камней. Молодежь рассеяли. Но вскоре она снова собралась. Маневр повторился. Жандармы, стоявшие в цепи, получили приказ зарядить винтовки. Толпа на Вацлавской площади встретила это насмешками.

Днем на Белой горе в память битвы 8 ноября 1620 года состоялась традиционная манифестация. Многотысячные толпы участников двинулись в Прагу. Впереди колонны несли черное знамя с изображением алой чаши (изображение чаши стояло на знаменах гуситов). Совершенно спокойно, в медленном темпе траурного марша, процессия дошла до Юнгмановой площади. Стоявший здесь отряд драгун получил приказ атаковать мирное шествие. Обнажив палаши, драгуны врезались в ряды и стали разгонять толпу. Это вызвало новую волну гнева и озлобления и дало сигнал к новой демонстрации. Ряд улиц и площадей снова стали ареной упорных стычек. Вновь вспыхнули схватки рабочих с полицией и драгунами.

Поблизости от Юнгмановой площади к восьми часам вечера возникла первая баррикада. Ее построила толпа демонстрантов, вытесненная с Вацлавской площади. Толпа повалила на Овощной улице забор и часть лесов на стройке дома. Из захваченного материала построили баррикаду. Здесь полиция оказалась бессильной. Тщетно атаковала она баррикаду несколько раз. Всякий раз защитники отражали наступления полицейских камнями и кирпичами. Были вызваны драгуны. Но и их встретил град камней. Демонстранты швыряли под ноги драгунских лошадей шутихи, которые лопались. Лошади вставали на дыбы и сбрасывали всадников. Один офицер, сброшенный своим конем на землю, при падении сломал ногу, и карета скорой помощи увезла его в больницу. Лишь после неоднократных попыток драгунам и полиции удалось взять штурмом баррикаду и рассеять ее защитников.

Полиция и драгуны преследовали и разгоняли демонстрантов во всех частях города. Но те снова и снова собирались и оказывали сопротивление. В половине десятого баррикады выросли и на Карловой площади. Одна из них была построена напротив кафе «У Карла IV». Другие две — на Водичковой улице, возле Новоместской башни. Для баррикад брали садовые скамейки, камни мостовой и всякие другие предметы. На разрушение баррикады была брошена полиция, но и тут она оказалась беспомощной. Атака драгун была отбита с помощью камней и шутих. Драгуны падали с лошадей, испуганные кони без седоков галопом носились по улицам. Палаши и каски со звоном падали на мостовую. Полиция открыла огонь из ре-

вольверов и этим заставила защитников баррикады отступить. Полицейские бросились в окружающие дома, обыскивали их сверху донизу и арестовывали людей направо и налево.

Демонстранты предприняли атаку на здание уголовного суда на Спаленой улице. Присутствие сильного отряда полиции не помешало им выбить стекла в десятках окон суда.

На Индржишской улице полицейские охраняли здание пражской немецкой газеты «Прагер Тагеблатт». Между полицией и демонстрантами началась схватка. Один особенно усердный полицейский рубил саблей как бешеный. Но вот он попал в кучку демонстрантов. Те окружили его и принялись избивать. Надеясь спастись, полицейский впрыгнул в проходивший трамвай. Толпа остановила вагон. Полицейского вытащили на улицу. И только подоспевшему подкреплению удалось вырвать его из рук демонстрантов.

Демонстрации, схватки с полицией, драгунами и жандармами продолжались до поздней ночи. Они происходили не только в центре, но и в предместьях.

Та же картина наблюдалась с утра в понедельник, 6 ноября. Напряжение не спадало. Наоборот, ситуация становилась все более и более угрожающей. Правительство и полиция вооружались. В Прагу были срочно стянуты воинские части. Рабочие на заводах находились в крайнем возбуждении. Работа прекратилась. Всюду шли дебаты и дискуссии. Все ждали только сигнала — бросить работу и выйти на улицу. Многие строительные рабочие остановили работу на стройках в знак протеста против арестов».

Вл. МАЯКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Из поэмы

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово —
п а р т и я.
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит?
Разве жена!
И то,
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин, —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрудились малые, —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица — вздор,
единица — ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия —
это
миллионов плечи,

друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.

Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

I. ПЕРЕД БУРЕЙ. *Исторический очерк.* . . . 11

Корреспонденция в газету «Искра» 12
М. Горький. Мать. *Отрывок из повести* . . 19
М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. Застава. *Глава из книги* 21
А. Серафимович. На заводе. *Из рассказа* 23
Ф. Н. Самойлов. Деревня. *Глава из книги* 26
Ян Райнис. Терпение крестьянина. *Стихи* . 27
П. Бляхин. На рассвете. *Главы из повести* 28
Г. М Кржижановский. Ленин юных лет. *Из воспоминаний* 31
Ц. С. Зеликсон-Бобровская. Незабываемые встречи. *Из воспоминаний* 33
И. В. Бабушкин. Отрывок из «Воспоминаний» 34
Замучен тяжелой неволей. Слова П. Л. Лаврова. *Песня* 36
Анри Барбюс. Сталин. *Отрывок из книги.* 37
Е. Д. Стасова. Памятные годы. *Воспоминания* 37
С. Мстиславский. Комитетские. *Глава из книги* 40
Прочь с дороги. *Песня* 42
А. Степанов. Порт-Артур. *Отрывок из романа* 42
П. Далецкий. Ляоян. *Отрывок из романа* . 44
М. Горький. Песня о Буревестнике . . . 46

II. «КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ». *Исторический очерк* 49

Листовка Василеостровской социал-демократической организации 52
Листовка «К солдатам» 52
Из судебного дела министерства юстиции. *Документ* 53
М. Горький. «Мы, нижеподписавшиеся...» *Документ* 54
А. Коц. 9 января. *Стихи* 55
Из письма служащей. *Документ* 56
Всероссийский император. *Стихи* 56
А. Тайми. Страницы пережитого. *Из книги* . 57
Ф. Я. Черемхин. Воспоминания рабочего . 59
М. Горький. 9-е января. *Отрывок из очерка* . 62
Н. К. Крупская. «Пятый» год. В эмиграции. *Из книги* 67

III. ГРОЗНОЕ ЭХО. *Исторический очерк* . . 71

Листовка Северного комитета РСДРП . . . 73
Да здравствует международное братство! *Листовка, написанная И. В. Сталиным* . . . 74
Из доклада товарища министра внутренних дел Николаю II. *Документ* 79
Письмо крестьянина 80
Ко всему цивилизованному миру. Воззвание матросов-потемкинцев 82
С. Борисов. Молодость большевика. *Отрывок из книги* 83
В. Д. Бонч-Бруевич. В вагоне после событий 9 января 1905 года. Демонстрация в Риге. *Отрывок из книги* 84
Феликс Кон. Революционное движение в Польше. *Глава из книги* 87
Д. Фурманов. Талка. *Отрывок из очерка* . 88
Всеволод Иванов. Пархоменко. *Отрывок из романа* 92
Мих. Соколов. Искры. *Отрывок из романа* 95
Н. А. Римский-Корсаков. 1905—1906. *Отрывок из книги* 98

В. Юрезанский. Зарево над полями. *Глава из повести* 99
В. Шмерлинг. Котовский. *Из повести* . . 101
Евг. Тарасов. Сказочка. *Стихи* 104
Ирина Гуро. «Что есть солдат?» *Отрывок из повести* 104
М. И. Васильев-Южин. Восстание на броненосце «Потемкин». Возвращение в Россию. *Глава из книги* 106
И. Лычев. «Немой бой» с эскадрой. *Глава из книги* 109

IV. ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ! *Исторический очерк* 115

Листовка «В борьбе» 117
Листовка в связи с убийством Н. Баумана . 119
Листовка «К революционному народу г. Петербурга» 120
Сообщение большевистской газеты «Новая жизнь» 123
А. Тайми. Страницы пережитого. *Отрывок из книги* 124
М. Виноградов. Миусовка. *Из воспоминаний* 125
Нагайка. *Песня* 127
А. Горчилин (Гренадер). 1905 год на Казанке. *Отрывок из воспоминаний* 128
С. И. Мицкевич. Похороны Н. Э. Баумана. *Глава из книги* 130
С. Мстиславский. Грач, птица весенняя. *Главы из книги* 131
Н. Семашко. Нижний в 1904—1906 годах. *Глава из книги* 134
Г. И. Петровский. На Екатеринославщине. *Воспоминания* 136
Всеволод Иванов. Пархоменко. *Отрывок из романа* 139
Мих. Соколов. Искры. *Отрывок из романа* 142
В. Львов-Рогачевский. Баррикады в Харькове. *Воспоминания* 144
М. Д. Горчаев. Революционная борьба рабочих Сызрани. *Воспоминания* 149
Лацис-Судрабс. Наша дорога. *Отрывки из повести* 151
Дубинушка. *Песня* 153
Ирина Гуро. Путь сибирский дальний. *Эпилог книги* 154
Д. П. Вдовиченко. События на «Очакове». *Из воспоминаний* 156

V. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ. *Исторический очерк* 161

Резолюция III съезда РСДРП о вооруженном восстании 162
Циркулярная депеша царского министра иностранных дел. *Документ* 163
Листовка «Ко всем московским рабочим» . . 163
Устав боевой дружины 164
Письмо-прокламация рабочих типографии Сытина 166
Воззвание штаба пресненских дружин 168
Листовка «Выходите на работу, товарищи!» . 169
Донесение в департамент полиции. *Документ* . 172
Телеграмма управляющему министерством внутренних дел 173
От Совета рабочих депутатов города Новороссийска. *Документ* 175
С. И. Мицкевич. Канун восстания. Волнения в войсках. *Глава из книги* 176
Д. М. Котляренко. Дружинники. *Из воспоминаний* 180
Г. Деев-Хомяковский. Пекаря на баррикадах. *Из воспоминаний* 185
З. Литвин-Седой. Декабрьское вооруженное восстание 1905 года на Пресне. *Отрывок из воспоминаний* 187
Ф. И. Драбкина. Моя работа в боевой организации при ЦК РСДРП. *Воспоминания* . . 189
Л. Радин. Смело, товарищи, в ногу... *Песня.* 194
В. Ф. Соловьев. Воспоминания о революции 1905 года в Москве 194
А. С. Серафимович. На Пресне. *Отрывок из очерка* 197
М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский. Боевые дни. *Глава из книги* . . . 199
З. Орджоникидзе. Баркас с оружием. *Глава из книги* 204
Вы жертвою пали. *Песня* 206
Вас. Гроссман. Степан Кольчугин. *Глава из книги* 207
Варшавянка. Слова Г. М. Кржижановского. *Песня* 211
Рабочая Марсельеза. *Песня* 212
В. Катаев. Белеет парус одинокий. *Главы из книги* 213

VI. ОТСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ. *Исторический очерк* 221

И. В. Сталин. О Ленине. *Из речи 28 января 1924 г.* 231
К. Е. Ворошилов. Моя первая встреча с Владимиром Ильичем. *Воспоминания* . . . 232
К. Н. Басалыго (К. Дальний). Мандат товарищу Ленину. *Воспоминания* 234
Ем. Ярославский. Побег. *Из воспоминаний* 235
Ф. Э. Дзержинский. Из дневника 238
М. Горький. Весенние мелодии 239
Н. Д. Телешов. Начало конца. *Отрывок из повести* 241
П. Замойский. Подпасок. *Из повести* . . 244
Павшим борцам. *Стихи* 250
М. Коковихин. Восстание солдат Брестской крепости. *Воспоминания* 250
Море в ярости стонало. *Песня* 253

Евг. Тарасов. Смолкли залпы запоздалые. *Стихи* 254
А. Затертый (Новиков). Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 году. *Воспоминания* 254
Письма матросов, казненных в Кронштадте. *Документы* 254
Мы — братья. *Стихи* 256

VII. ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. *Исторический очерк* 259
Отзвуки событий русской революции 1905 года за границей. *Документы* 260
А. Гмырев. Буря. *Стихи* 265
Вл. Маяковский. Владимир Ильич Ленин. *Из поэмы* 266
Анатоль Франс. Против нового царского займа. *Речь* 267
Карл Либкнехт о первой русской революции. *Из речи* 268
Приветственная речь Розы Люксембург на V съезде РСДРП 269
А. Запотоцкий. Три дня, которые потрясли Прагу. *Глава из книги* 270
Вл. Маяковский. Владимир Ильич Ленин. *Из поэмы* 275

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании и оформлении книги, а также пожелания авторам и издательству.

К библиотечным работникам просьба организовать учет спроса на книгу и сбор отзывов читателей.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Редактор *З. Коновалова*
Переплет и титул *С. Сергеева*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

*

А04371. Подп. к печати 24/IX 1955 г. Бумага 84×108¹/₁₆=8,75 бум. л.=
=28,7 печ. л. + 6 вклеек. Уч.-изд. л. 28,8. Заказ 1360. Тираж 100 000.
Цена 9 р. 75 к.
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

МОЛОДЕЖЬ О ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1955

9 р. 75 к.